ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ LV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1900.

2889

Э. ГРИММЪ.

Г84т1

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ

РИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

ТОМЪ I.

РИМСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ ОТЪ АВГУСТА ДО НЕРОНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1900.

„Проф 38"

По опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета печатать разрѣшается.

Деканъ *П. Никитинъ.*

15 декабря 1899 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	v— vii
Введеніе	1— 35
Глава I. Эпоха Августа	35—246
§ 1. Источники	35— 42
§ 2. Современныя теоріи принципата	42— 61
§ 3. Res gestae divi Augusti и фактическое положеніе Августа послѣ 31 г.	61— 79
§ 4. Конституціонное положеніе Августа отъ 44 до 27 г.	80— 91
§ 5. Актъ 27 года. Основаніе принципата	91—129
§ 6. Послѣдующее развитіе принципата при Августѣ. Акты 23 и 19 годовъ	129—150
§ 7. Общій конституціонный характеръ принципата при Августѣ. Отношеніе принцепса къ магистратамъ, къ сенату и къ народному собранію. Вопросъ о „діархіи“.	150—218
§ 8. Монархическія черты въ принципатѣ и политикѣ Августа	219—242
§ 9. Заключеніе	243—246
Глава II. Конституціонное развитіе имперіи. Эпоха Тиберія.	246—320
§ 1. Конституціонныя реформы Тиберія	246—285
§ 2. Процессы объ оскорбленіи величества	285—320
Глава III. Римское общество временъ Августа и Тиберія.	320—384
§ 1. Римское общество временъ Августа	320—360
§ 2. Римское общество временъ Тиберія	360—384
Глава IV. Эпоха терроризма	384—424
Глава V. Римское общество временъ Л. Аннея Сенеки	424—515
§ 1. Сенека	424—485
§ 2. Ѳразея Петъ	485—494
§ 3. Луканъ	494—515

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе представляетъ изъ себя часть болѣе обширнаго труда, посвященнаго исторіи развитія римской императорской власти. Авторъ приступилъ къ нему подъ впечатлѣніемъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ при изученіи важнѣйшихъ источниковъ по исторіи римской имперіи въ IV и V вѣкахъ, особенно свода Ѳеодосія II и исторіи Амміана Марцеллина. Ознакомленіе съ этими источниками привело его къ выводу, что непосредственное конституціонное значеніе такъ-называемой Діоклеціано-Константиновской реформы чрезвычайно преувеличивается господствующей нынѣ теоріей. Оффиціальныя заявленія императоровъ, съ одной, взгляды современнаго имъ общества, съ другой стороны, на дѣлѣ не позволяютъ говорить о принципіальномъ измѣненіи въ положеніи императорской власти, наступившемъ будто бы при Діоклеціанѣ и Константинѣ. Съ одной стороны, рядъ характерныхъ чертъ принципата сохраняется вплоть до V — VI вѣка (и даже позже) — таковы теорія о происхожденіи императорской власти, отсутствіе законно установленной наслѣдственности престола, формальное подчиненіе императора закону, законодательная роль сената и т. д.,— съ другой стороны, рядъ существенныхъ видоизмѣненій первоначальнаго характера принципата восходитъ къ III, II и даже I вѣку нашей эры — таковы пре-

кращеніе срочности императорскихъ полномочій, превращеніе принципата изъ чрезвычайной въ постоянную власть, пріобрѣтеніе права аллекціи сенаторовъ и назначенія магистратовъ, приравненіе императорскихъ constitutiones къ законамъ, развитіе императорской бюрократіи, превращеніе принцепса въ dominus'a, устраненіе участія сената въ управленіи и т. д.

Убѣдившись въ этомъ, авторъ не могъ не подвергнуть разсмотрѣнію какъ господствующую теорію о существенномъ различіи принципата I—III вѣка и абсолютной монархіи послѣдующихъ временъ, такъ и общія теоретическія и методологическія недоразумѣнія, приведшія къ неправильнымъ выводамъ по вопросу о взаимномъ отношеніи принципата и абсолютной монархіи.

При ближайшемъ изученіи этихъ вопросовъ авторъ, далѣе, пришелъ къ выводу, что главная причина всѣхъ односторонностей и ошибокъ господствующаго взгляда заключается въ преобладаніи догматическихъ построеній государственнаго права Рима за долгіе періоды его развитія (или даже за все время его существованія) надъ историческимъ изученіемъ отдѣльныхъ фазисовъ конституціонной исторіи Рима. По мнѣнію автора, невозможно включать въ рамки одной системы не только все конституціонное развитіе Рима, но и конституціонное развитіе римской имперіи за первые три вѣка ея существованія.

Ясно, что этотъ взглядъ непосредственно долженъ былъ привести автора къ столкновенію съ взглядами Моммзена. Во избѣженіе всякихъ недоразумѣній, авторъ поэтому считаетъ нужнымъ отмѣтить и здѣсь,—хотя это, собственно говоря, само собою разумѣется, — что онъ чрезвычайно далекъ отъ мысли, сколько-нибудь умалить огромное значеніе трудовъ маститаго автора «римскаго государственнаго права», тѣмъ болѣе, что только лицу,

совершенно незнакомому съ замѣчательной дѣятельностью Моммзена, и могла бы придти въ голову подобная мысль. Безъ трудовъ Моммзена не только настоящее изслѣдованіе, но даже труды Герцога, Карловы и др. не были бы возможны. Оспаривая рядъ взглядовъ Моммзена, авторъ всегда сознаетъ, что какъ разъ въ данномъ трудѣ онъ именно ему обязанъ больше, чѣмъ какому бы то ни было другому ученому. Но едва ли его можно упрекнуть въ томъ, что онъ постарался оттѣнить свою точку зрѣнія по возможности опредѣленно, подчеркивая въ виду этого тѣ недостатки, которые онъ, какъ ему кажется, нашелъ въ господствующей теоріи.

Ставя на первый планъ крупные принципіальные вопросы, авторъ не счелъ нужнымъ, приводить по каждому частному вопросу всѣ мнѣнія, высказанныя по поводу него учеными. Помимо всего остального онъ исходилъ при этомъ изъ убѣжденія, что введеніе всѣхъ ученыхъ споровъ въ его трудъ невыгодно отразилось бы на послѣднемъ: спеціалисты и безъ его указаній усмотрятъ, кого онъ имѣетъ въ виду въ данномъ случаѣ, тогда какъ загроможденіе книги литературными указаніями увеличило бы ея и безъ того слишкомъ большой объемъ и сдѣлало бы ее совершенно недоступной для неспеціалистовъ. Другое дѣло указанія на источники: здѣсь авторъ надѣется, что не пропустилъ ни одного существеннаго свидѣтельства, поскольку разсмотрѣніе ихъ вообще входило въ планъ его изслѣдованія.

Въ заключеніе остается замѣтить, что въ слѣдующемъ томѣ, — матеріалъ для котораго отчасти уже собранъ, — авторъ надѣется довести свое изложеніе до V вѣка, при чемъ ко второму тому предполагаетъ приложить указатель и для перваго.

Авторъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Основнымъ трудомъ по вопросу о характерѣ и развитіи римской императорской власти безспорно является большое изслѣдованіе Моммзена о принципатѣ [1]). Труды всѣхъ остальныхъ ученыхъ такъ или иначе группируются вокругъ этого капитальнаго произведенія лучшаго знатока римской жизни, все равно раздѣляютъ ли ихъ авторы взгляды Моммзена или нѣтъ. Одни, какъ Шиллеръ, безусловно подчинились его авторитету, другіе, какъ Карлова, Герцогъ и Виллемсъ, признаютъ его основныя положенія и поправляютъ или видоизмѣняютъ болѣе частныя, третьи, какъ Мадвигъ и Миспуле, стараются его опровергнуть, но всѣ въ значительной мѣрѣ находятся подъ его вліяніемъ [2]). Понятно, поэтому, какое значеніе для насъ должно имѣть ознакомленіе съ его основными положеніями и съ методомъ, посредствомъ котораго онъ достигъ такихъ блестящихъ результатовъ.

Самымъ важнымъ положеніемъ Моммзена для исторіи развитія римской императорской власти необходимо признать

[1]) Römisches Staatsrecht, т. II, ч. II der Principat III изд. 1887. См. Res gestae divi Augusti ex monumentis Ancyrano et Appolloniensi. II изд. 1883; Abriss des römischen Staatsrechts 1893.

[2]) Перечисленію ихъ трудовъ и характеристикѣ ихъ основныхъ взглядовъ посвящена часть первой главы настоящаго изслѣдованія.

строгое разграниченіе принципата (или діархіи) и абсолютной монархіи. До Моммзена ученые вполнѣ поддались впечатлѣнію полнаго фактическаго деспотизма цезарей и, конструируя власть императоровъ, слишкомъ подчинялись представленію о законченной абсолютной монархіи IV и слѣдующихъ вѣковъ. Моммзенъ впервые постарался выяснить республиканскія основы новой власти и пришелъ къ результату, что между созданіемъ Августа и строемъ IV вѣка лежитъ цѣлая пропасть. „Создается новый государственный организмъ", говоритъ онъ о IV вѣкѣ. „Все въ немъ, такъ сказать, ново. Быть можетъ, ни разу съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ, существующія учрежденія не были опрокинуты сверху съ такой силой и полнотой и, нужно прибавить, съ такимъ единствомъ (плана) и послѣдовательностью, какъ при этомъ удивительномъ разрушеніи и возсозданіи престола, религіи, чиновничества, судопроизводства и управленія, военной и податной системы, для котораго предшествовавшая 50 лѣтняя анархія правда подготовила по крайней мѣрѣ почву [1]).

Въ четвертомъ вѣкѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ совершенно новымъ государственнымъ строемъ, который былъ результатомъ „реставраціи государства, подготовленной уже Авреліаномъ, законченной въ 21 лѣтнее царствованіе императора Діоклеціана" [2]) — т.-е. съ результатомъ сознательной дѣятельности одного или двухъ лицъ.

Дальше мы увидимъ, насколько это мнѣніе согласно съ источниками. Здѣсь достаточно отмѣтить, что оно можетъ быть признано господствующимъ [3]).

---

[1]) Abriss стр. 351.

[2]) Ib.

[3]) Огромное значеніе, придаваемое Діоклеціано-Константиновской реформѣ, не есть собственно плодъ вліянія Моммзена. Мы встрѣчаемъ этотъ взглядъ уже раньше. См. Tillemont, Histoire des empereurs, изд. 1732 г., IV, стр. 1 и сл. Gibbon, History of the decline and fall, изд. Bury, I, 379: that crafty prince had frame a new system of imperial government, which was after-

Но разъ допустить, что несомнѣнныя видоизмѣненія въ государственномъ строѣ Рима представляютъ продуктъ не долгой эволюціи власти, а сознательнаго и планомѣрнаго стремленія того или иного лица замѣнить полуреспубликанскій принципатъ чистой неограниченной монархіей, то изъ этого непосредственно слѣдуетъ, что эпоха отъ Августа до Діоклеціана можетъ быть разсматриваема какъ нѣчто цѣльное, отличающееся, пожалуй, болѣе рѣзко отъ послѣдующаго абсолютистическаго, чѣмъ отъ предшествующаго республиканскаго періода. Таковъ именно выводъ Моммзена [1]). А изъ этого, въ свою очередь, слѣдуетъ полная невозможность пользоваться данными IV и V вѣка для уразумѣнія предшествующаго времени.

„Какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, говоритъ онъ, ничто такъ не содѣйствовало установленію традиціоннаго, невѣроятно поверхностнаго, пониманія реформы Августа, какъ традиціонное же искаженіе ея институтами V вѣка, свѣдѣнія о которыхъ дошли до насъ въ болѣе богатомъ и цѣльномъ видѣ“ [2]).

---

wards completed by the family of Constantine... Bethmann-Hollweg, d. Civilprocess, III, 9: Kaiser Diocletian können wir als den Erfinder, Constantin d. Grossen als den Vollender des neuen Systems betrachten, welches freilich an früheres anknüpfte... Послѣ Моммзена въ томъ же смыслѣ высказались Karlowa, Röm. R. G. 1, 823—824; Herzog, Gesch. und System 2. 596—602. Padeletti (перев. съ ит. 1879) 380; Willems, le droit public romain; Schiller Röm. Staats- und Rechtsalterth. (у Iwan Müller, Handb. т. IV, стр. 573) и Gesch. d. röm. Kais., 2, 22.

Лишь отчасти согласны съ Моммзеномъ: Duruy, Hist. des Rom. VII, 36, видящій суть дѣла Діоклеціана не въ конституціонной, а въ административной реформѣ, и Cuq, Etudes d'épigraphie juridique, стр. I, который, наоборотъ, отрицаетъ административную, но признаетъ конституціонную реформу.

[1]) R. St. 2, 749: die staatsrechtliche Verschiedenheit zwischen der diocletianisch-constantinischen Monarchie und dem von Augustus und Tiberius gegründeten Principat ist *mindestens* ebenso gross, wie die zwischen diesem und der alten Republik.

[2]) R. St. 2, 749.

Не согласиться съ этимъ, поскольку Моммзенъ говоритъ объ эпохѣ Августа, разумѣется нельзя. Республиканская форма первоначальнаго принципата внѣ спора. А если такъ, то мы можемъ понять ее только, пользуясь болѣе или менѣе внѣшними аналогіями между властью или властями Августа, съ одной, и республиканскими учрежденіями, съ другой стороны. Въ этомъ отношеніи Моммзенъ несомнѣнно правъ, стараясь обосновать принципатъ Августа на общихъ началахъ государственнаго права республики.

Другое дѣло послѣдующія времена. Еще очень большой вопросъ: 1) насколько можно вводить въ общія рамки конституціонное положеніе Августа и, напримѣръ, Септимія Севера; 2) не представляется ли больше аналогій между положеніемъ и взглядами Севера и Діоклеціана, чѣмъ Севера и Августа, и 3) дѣйствительно ли пропасть между эпохой Діоклеціана и всѣмъ III вѣкомъ (остановимся пока на немъ) такъ глубока?

Если присмотрѣться внимательнѣе къ монументальному труду Моммзена о государственномъ правѣ древняго Рима и спросить себя, на чемъ основывается вся его система, то нетрудно будетъ убѣдиться, что исходнымъ пунктомъ автора по всѣмъ главнымъ вопросамъ какъ для реконструкціи царскаго и республиканскаго строя, такъ и для конструкціи принципата служатъ учрежденія, взгляды и теоріи послѣдняго вѣка республики. На основаніи ея онъ создаетъ себѣ представленіе объ основныхъ началахъ римской конституціи какъ за 500—600 лѣтъ до нашей эры, такъ и въ эпоху Северовъ. Пріемъ несомнѣнно крайне опасный, хотя, быть можетъ, и необходимый для древнѣйшихъ временъ, относительно которыхъ до насъ не дошло почти никакихъ непосредственныхъ данныхъ, но едвали приложимый къ эпохѣ имперіи. Эпоха царей такъ же какъ и эпоха древней республики до второй пунической войны, не оставила никакихъ или почти никакихъ литературныхъ данныхъ: то, что мы о нихъ знаемъ, дошло до насъ въ болѣе

или менѣе видоизмѣненной формѣ, и не всегда легко отдѣлить позднѣйшія наслоенія и толкованія фактовъ отъ дѣйствительно совершившагося. Эпоха имперіи, несмотря на всѣ недостатки источниковъ, никоимъ образомъ не можетъ быть сравнена съ древнѣйшими періодами.

Несмотря на всю скудость, отрывочность и неудовлетворительность нашихъ свѣдѣній по исторіи имперіи, мы съ гораздо бо̀льшей ясностью и достовѣрностью можемъ прослѣдить разные фазисы развитія императорской власти, чѣмъ не только развитіе отдѣльныхъ республиканскихъ магистратуръ, напр. трибуната, но даже всего взаимнаго отношенія магистратуры, сената и народнаго собранія другъ къ другу въ эпоху республики. Если поэтому недостатокъ данныхъ дѣлаетъ позволительнымъ и подчасъ необходимымъ довольствоваться общими характеристиками государственнаго права царскаго и республиканскаго періодовъ, то періодъ имперіи представляетъ совсѣмъ иныя условія. Здѣсь мы не принуждены, а слѣдовательно и не должны пользоваться искусственными хронологическими рамками, а обязаны прослѣдить отдѣльные періоды развитія конституціоннаго строя Рима въ частности.

Намъ могутъ возразить, что Моммзенъ имѣлъ въ виду дать не исторію, а систему римскаго государственнаго права [1]), но еще большой вопросъ, насколько правильно задумана самая попытка охватить въ одной системѣ государственное право народа за 1000 слишкомъ лѣтъ его существованія. Не под-

[1]) R. St. passim, См. напр. 1[3], стр. IX: die begrifflich geschlossene und auf consequent durchgeführten Grundgedanken, wie auf festen Pfeilern ruhende Darlegung, die das Wesen wie jedes Rechtssystems, so auch des Systems des römischen Straatsrechts, wenn auch noch nicht ist, doch werden muss... ib., стр. VIII: Bei der Anordnung des Stoffes bin ich davon ausgegangen, dass, wie für die Geschichte die Zeitfolge, so für das Staatsrecht die sachliche Zusammengehörigkeit die Darstellung bedingt und habe darum verzichtet auf das notwendig vergebliche und nur die Orientirung erschwerende Bestreben, in einer Darstellung dieser Art die geschichtliche Entwicklung in ihrem Verlauf zur Anschauung zu bringen.

лежитъ никакому сомнѣнію, что именно труду Моммзена мы обязаны чрезвычайно важными результатами относительно характера и строя внутренней жизни Рима и смѣшно было бы думать, что мы хотимъ оспаривать огромное, плодотворное вліяніе его изслѣдованій. Это, однако, не исключаетъ возможности критическаго отношенія къ той постановкѣ задачи, которую мы встрѣчаемъ у него и которая составляетъ характерную особенность его труда. Давая систему конституціонной роли трехъ факторовъ римской жизни, магистратуры, сената и народнаго собранія *за все время существованія римскаго государства*, Моммзенъ въ сущности даетъ картину настолько общую, что она становится неприложимой почти ни къ одной изъ отдѣльныхъ эпохъ его жизни, и вдобавокъ принужденъ постоянно вводить въ свои систематическія разсужденія историческіе экскурсы. А такъ какъ матеріалъ его относится преимущественно ко II и въ особенности къ I вѣку до нашей эры, то вполнѣ понятно, что ближе всего его теорія римскаго государственнаго права соотвѣтствуетъ именно этому времени. Отношеніе его къ принципату въ частности совершенно такое же: установивъ искусственно время, когда принципатъ превратился въ абсолютную монархію [1]), и, указывая лишь попутно на видоизмѣненія его до Діоклеціана, онъ устанавливаетъ теорію принципата, не соотвѣтствующую въ точности ни одному изъ періодовъ его развитія, хотя и подходящую ближе всего къ эпохѣ Августа [2]).

Безспорно, что юридическое образованіе и строгая логичность ума позволили Моммзену сдѣлать огромный шагъ впе-

[1]) См. объ этомъ ниже. Здѣсь отмѣтимъ только, что основныя черты принципата: теорія народнаго верховенства и теорія подчиненія власти закону остаются въ силѣ и послѣ Діоклеціана.

[2]) Теорія діархіи не приложима къ эпохѣ Августа въ виду сохраненія верховенства и законодательной роли народнаго собранія; теорія самостоятельности сената не приложима къ эпохѣ Домиціана и его преемниковъ. Теорія права народа на возстаніе въ источникахъ не встрѣчается вовсе и т. д.

редъ и твердо научно обосновать римское государственное право послѣднихъ временъ республики. Безспорно, что добытые имъ результаты пролили свѣтъ на много вопросовъ предшествующаго и послѣдующаго періодовъ. Безспорно, наконецъ, и то, что и тамъ, гдѣ съ его мнѣніемъ никоимъ образомъ согласиться нельзя, огромная эрудиція, остроуміе и блестящая пластичность изложенія заставляютъ преклоняться предъ талантомъ и знаніями автора. Но согласиться съ основной мыслью, лежащей въ основаніи всего его труда, мы тѣмъ не менѣе не можемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, весь трудъ Моммзена основанъ на двухъ молчаливыхъ предположеніяхъ: во-первыхъ, что возможно включить общія начала римскаго государственнаго права для всего времени жизни римскаго государства въ рамки одной системы, иначе говоря, что въ существенныхъ чертахъ строй римскаго государства оставался неизмѣннымъ отъ Ромула до Діоклеціана и, во-вторыхъ, что исходной точкой для его реконструкціи можно избрать періодъ, по случайнымъ причинамъ наиболѣе извѣстный современному изслѣдователю.

На нашъ взглядъ съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Оставляя пока въ сторонѣ тотъ фактъ, что по крайней мѣрѣ два послѣднихъ вѣка принципата кореннымъ образомъ разнятся отъ республиканскаго строя, вспомнимъ хотя бы, какъ мало намъ извѣстны пять первыхъ столѣтій Рима. Представимъ себѣ юриста, пытающагося возсоздать систему англійскаго государственнаго права за время отъ Альфреда Великаго до нашихъ дней. Представимъ себѣ, что его главный матеріалъ относится къ эпохѣ Тюдоровъ и Стюартовъ, что о предшествующихъ временахъ у него остались лишь самыя скудныя и—главное—несовременныя данныя, напримѣръ о существованіи витенагемотовъ, о magna concilia нормандской эпохи и т. д., и что послѣ перерыва, охватывающаго часть XVII и XVIII вѣковъ, онъ будетъ снова обладать указаніями на результаты

коренныхъ реформъ эпохи королевы Викторіи. Къ какимъ результатамъ должна его привести попытка охватить весь этотъ 1000 лѣтній періодъ въ одной конструкціи? Едвали можетъ подлежать сомнѣнію, что нѣкоторыя аналогіи въ положеніи витенагемота, „большого совѣта“ и парламента, при недостаткѣ точныхъ современныхъ данныхъ, должны его привести либо къ очень поверхностнымъ, либо къ очень одностороннимъ взглядамъ на взаимное отношеніе королевской власти, парламента и народа, весьма различныя въ разныя эпохи англійской жизни, особенно если онъ въ основу своихъ изысканій положитъ данныя для случайно хорошо ему извѣстнаго времени Тюдоровъ и Стюартовъ.

Установить общую теорію магистратуры, одинаково обязательную какъ для царскаго періода, такъ и для принципата,— какъ это дѣлаетъ Моммзенъ въ первомъ томѣ своего Römisches Staatsrecht, — на нашъ взглядъ столь же невозможно, какъ установить общую систему англійской королевской власти, одинаково обязательную какъ для времени Альфреда Великаго, такъ и для времени королевы Викторіи. Повторяемъ еще разъ, по нашему мнѣнію, капитальный трудъ Моммзена долженъ быть признанъ блестящей попыткой конструировать государственное право послѣднихъ временъ республики, но не всего времени существованія римскаго государства.

Намъ могутъ отвѣтить указаніемъ на консерватизмъ римскаго права, могутъ замѣтить, что римскій народъ необычайно цѣпко держался освященныхъ обычаемъ учрежденій и отношеній, и что въ силу этого возможно утверждать, что и государственное право его подвергалось лишь очень медленнымъ видоизмѣненіямъ; но едвали это возраженіе можетъ быть признано особенно вѣскимъ. Консерватизмъ англійскаго народа сдѣлался притчей во языцѣхъ, что, однако, не мѣшаетъ усмотрѣть настолько серьезныя видоизмѣненія въ формахъ и сущности англійской конституціи, что мысль о созданіи единой

системы англійскаго государственнаго права за послѣднее тысячелѣтіе едвали кому-нибудь покажется осуществимой. А между тѣмъ, разница для изслѣдователя по существу въ томъ, что мы относительно очень хорошо знаемъ развитіе англійскаго государства и со значительной точностью можемъ прослѣдить всѣ этапы его внутренней эволюціи, и знаемъ относительно очень плохо развитіе римскаго государства и по этому самому подвергаемся опасности слишкомъ его упростить, возводя тѣ или иныя частныя явленія въ общее правило.

Вообще же намъ кажется, что дѣло догматика-юриста не можетъ заключаться въ созданіи системы права любого народа за все время его существованія. Тогда какъ историкъ, въ томъ числѣ и историкъ права, не увлекаясь чисто догматическими цѣлями, старается прослѣдить разные фазисы народной эволюціи въ ихъ взаимной смѣнѣ и постепенномъ развитіи, юристъ-догматикъ ставитъ себѣ цѣлью дать систематическую конструкцію того или иного, имъ облюбованнаго, фазиса этого развитія, но подъ страхомъ односторонности не долженъ охватывать въ одной системѣ разные по существу фазисы его [1]).

Но то, что относится къ попыткѣ создать систему всего римскаго государственнаго права, приложимо и въ частности

[1]) Къ аналогичному выводу относительно римскаго государственнаго права Моммзена пришелъ I. Schvarcz, die römische Massenherrschaft (Leipzig, 1899) стр. LXX—LXXI: vom Standpunkte der Staatswissenschaft muss der Entwurf dieses monumentalen Werkes als ein unentwegbares Hinderniss betrachtet werden, durch welches eine gehörige streng wissenschaftliche Behandlung des Stoffes... verunmöglicht wird... Das, was er uns (S. VIII—X) von der Natur eines jeden Rechtssystems, so auch des Systems des römischen „Rechts" einschärfen will, passt zwar vollkommen auf das römische Privatrecht, *aber auch auf dieses nur, insoferne dasselbe als ein recipirtes Recht in modernen Staaten zur Geltung gelangt ist* и т. д.

Книга Шварца въ общемъ не имѣетъ никакого научнаго значенія и полна претензій на остроуміе, которое вдобавокъ автору рѣшительно не дается.

Въ данномъ случаѣ онъ правъ, хотя и не выяснилъ точнѣе основную неправильность взгляда Моммзена.

къ эпохѣ римской имперіи. Мы уже видѣли, какъ рѣзко Моммзенъ осуждаетъ мысль, воспользоваться данными IV и V вѣка для реконструкціи принципата, и до извѣстной степени съ нимъ несомнѣнно нельзя не согласиться. Но, съ другой стороны, намъ кажется не менѣе несомнѣннымъ, что и его мысль реконструировать принципатъ на основаніи учрежденій и взглядовъ республики лишь отчасти заслуживаетъ сочувствіе. Если тѣ, которые исходили изъ взглядовъ IV и V вѣка, невѣрно или по крайней мѣрѣ очень односторонне изображали I вѣкъ римской имперіи и въ частности эпоху и форму ея возникновенія, Моммзенъ, исходя изъ взглядовъ I вѣка до нашей эры и временъ Августа, опять-таки крайне односторонне изображаетъ римскую конституцію III вѣка. Эпоха Ульпіана и Кассія Діона въ пониманіи принципата не только практически, но и теоретически существенно разнится отъ эпохи Августа и Веллея Патеркула: если Августъ и Веллей одинаково опредѣленно говорятъ о полномъ возстановленіи республики въ 27 г., сенаторъ III вѣка Діонъ Кассій именно въ томъ же актѣ усматриваетъ и привѣтствуетъ установленіе единодержавія, а Ульпіанъ провозглашаетъ принципъ: quidquid principi placuit, legis habet vigorem. Противорѣчіе настолько рѣзкое, что включить оба періода въ рамки одной системы возможно лишь при одностороннемъ, искусственномъ толкованіи совершенно ясныхъ свидѣтельствъ. И по теоретическому пониманію принципата эпоха Ульпіана, очевидно, гораздо ближе къ эпохѣ Діоклеціана, чѣмъ къ эпохѣ Августа. Въ виду этого рѣзкое различеніе эпохи до и послѣ Діоклеціана едвали основательно. Да и вообще стремленіе охватить весь принципатъ одною конструкціей привело Моммзена къ несомнѣннымъ натяжкамъ [1]).

[1]) Сюда относится, напр., его теорія о правѣ войска или части войска даровать императорскую власть, будто бы существовавшемъ уже со времени Августа.

Дѣло въ томъ, что первые три вѣка имперіи далеко не представляютъ одного цѣлаго въ конституціонномъ смыслѣ [1]), и что для пониманія ихъ необходимо внимательно изслѣдовать отдѣльные фазисы конституціоннаго развитія, пройденнаго императорской властью за это время. Только при этомъ условіи возможно выяснить правильнѣе значеніе реформъ IV в. и весь характеръ не только развитія императорской власти, но и самой сущности ея какъ историческаго фактора.

Итакъ, въ противоположность къ Моммзену, мы не займемся неосуществимой на нашъ взглядъ конструкціей римской конституціи трехъ вѣковъ принципата въ ея цѣломъ, а постараемся по возможности точно отмѣтить ходъ и фазисы ея развитія вплоть до начала V вѣка, причемъ попытаемся по возможности опредѣленнѣе охарактеризовать юридическій характеръ власти въ отдѣльныя эпохи ея развитія.

Такова наша задача. Спрашивается, какими источниками мы располагаемъ для ея разрѣшенія?

Отвѣтъ на вопросъ объ источникахъ для исторіи развитія римской императорской власти въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ нашего взгляда на „источники“ римскаго государственнаго права въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Въ зависимости отъ того, какое значеніе мы будемъ придавать обычаю (mos maiorum), законодательству и юриспруденціи въ дѣлѣ созданія римской конституціи даннаго времени, естественно долженъ измѣниться и составъ тѣхъ литературныхъ и эпиграфическихъ памятниковъ, которыми мы будемъ пользоваться.

Въ самомъ дѣлѣ, въ какой степени три указанныхъ фактора: обычай, законъ и юриспруденція участвуютъ въ созданіи римской конституціи разныхъ періодовъ римской жизни?

Моммзенъ не остановился на этомъ вопросѣ въ своемъ трудѣ; но если присмотрѣться къ его изложенію, можно было

[1]) Какъ. напр. и XVII, XVIII и XIX вѣкъ въ конституціонной жизни Англіи.

бы подумать, что въ основѣ римскаго государственнаго права всегда лежали точныя теоріи такихъ явленій какъ магистратура, промагистратура, imperium, potestas, взаимнаго отношенія магистратуръ, дѣленія imperii на imperium domi и imperium militiae и т. д., и т. д.

Выше ужъ было замѣчено, что та полная блестящаго остроумія теорія, которую Моммзенъ создалъ для всѣхъ этихъ институтовъ, основывается преимущественно на данныхъ, относящихся къ позднему республиканскому времени и уже въ силу недостатка неприкрашенныхъ свѣдѣній не можетъ быть приложена безъ оговорокъ къ предшествовавшему времени, а въ силу измѣнившихся условій неприложима и къ II, III вѣку нашей эры. Но помимо этого, есть еще и другая причина, не позволяющая намъ воспользоваться схемой Моммзена для нашей цѣли. Это именно огромная роль безсознательнаго фактора, обычая, въ созданіи римской конституціи любого періода.

Значеніе этого фактора удобнѣе всего выяснить путемъ разсмотрѣнія двухъ вопросовъ: 1) существовали ли въ древнемъ Римѣ „основные“ законы, опредѣлявшіе его конституцію, и если нѣтъ, то чѣмъ опредѣлялась организація и отправленіе верховной власти въ Римѣ, и 2) сдѣлалось ли римское государственное право предметомъ такой же тщательной систематической обработки со стороны юриспруденціи, какъ римское гражданское право?

Что касается перваго вопроса, то важность его можетъ быть усмотрѣна изъ сравненія такихъ двухъ современныхъ конституцій, какъ англійская и французская. Тогда какъ современная французская конституція основана почти всецѣло на одномъ точно формулированномъ законодательномъ актѣ и въ силу этого оставляетъ очень мало мѣста вліянію обычая, поскольку послѣдній не привелъ къ созданію новыхъ законовъ, англійская конституція, не нашедшая себѣ выраженія въ какомъ-нибудь одномъ актѣ, основывается не только на

отдѣльныхъ законахъ отчасти весьма отдаленнаго времени, но въ весьма значительной мѣрѣ на обычаяхъ, постепенно установившихся и постепенно же видоизмѣняемыхъ. Юристъ, который пожелалъ бы дать систему французской конституціи, признаетъ конституцію 1875 г. своимъ основнымъ источникомъ впредь до полной или частичной замѣны ея другою: практика государственной жизни будетъ имѣть для него значеніе лишь постольку, поскольку она согласна съ основнымъ закономъ страны. Англійскій юристъ, наоборотъ, не будетъ въ состояніи довольствоваться тѣми раскиданными на пространствѣ многихъ вѣковъ законами, которые какъ Magna Charta, какъ Bill и Declaration of rights и другіе представляютъ важные моменты въ развитіи англійскаго государственнаго строя, но далеко не исчерпываютъ его сущности. Гораздо бо̀льшее значеніе для него будетъ имѣть общее право страны, этотъ фундаментъ англійской конституціи [1]), и конституціонныя соглашенія и традиціи, отчасти опирающіяся на общее право, отчасти только на практику государственной жизни.

Въ настоящее время англійская конституція именно въ силу этого рѣзко отличается отъ конституцій другихъ народовъ Западной Европы. До XVIII вѣка, наоборотъ, конституціи всѣхъ европейскихъ народовъ основывались не на писанныхъ актахъ или основныхъ законахъ, а на обычаѣ. Это относится также всецѣло и къ римской конституціонной жизни.

Древній Римъ такъ же мало знаетъ „основные законы“, какъ и современная Англія. Измѣненіе государственнаго строя, поскольку оно не выражается въ созданіи новыхъ магистратуръ, представляетъ изъ себя едва замѣтный для позднаго изслѣдователя процессъ, совершающійся въ силу накопленія извѣстныхъ единичныхъ фактовъ—прецедентовъ,—кристал-

[1]) См. Дайси. Основы англ. гос. права.

лизирующихся въ концѣ концовъ въ формѣ признаннаго, но рѣдко законно формулированнаго обычая. Самъ по себѣ каждый отдѣльный фактъ, видоизмѣняющій прежній обычай и создающій новый, рѣшающаго значенія не имѣетъ: для того, чтобы онъ пріобрѣлъ значеніе, необходимо, чтобы онъ вытекалъ не изъ случайнаго проявленія личнаго произвола, а изъ общихъ соціальныхъ или политическихъ условій даннаго времени, соотвѣтствовалъ бы соціально-политической тенденціи общественнаго развитія и въ силу этого комбинировался съ другими аналогичными фактами, создавая вмѣстѣ съ ними базисъ для новаго пониманія старыхъ законовъ, учрежденій и отношеній. Лишь при такихъ условіяхъ онъ теряетъ характеръ болѣе или мемѣе спорнаго прецендента и становится безспорнымъ доказательствомъ новой доктрины. Весьма возможно, что новый обычай при этомъ по существу противорѣчитъ точному смыслу первоначальнаго узаконенія, но это не мѣшаетъ ему имѣть силу и безъ формальной отмѣны послѣдняго. Возвеличеніе президента французской республики на счетъ палатъ или палатъ на счетъ президента при взглядахъ современнаго французскаго общества едва ли возможно безъ пересмотра и видоизмѣненія основныхъ законовъ страны; возвеличеніе трибуновъ на счетъ консуловъ или сената на счетъ всей магистратуры, наоборотъ, происходило по всей вѣроятности безъ всякаго формальнаго упраздненія старыхъ или установленія новыхъ законовъ, силою одного обычая [1]).

Единственнымъ пунктомъ, который могъ бы возбудить сомнѣнія въ подобномъ характерѣ развитія римскаго государственаго строя и формулирующаго его права, пожалуй могли бы служить такъ называемыя leges sacratae [2]). Въ толкованіи этого

---

[1]) О формальныхъ затрудненіяхъ, которыми обставлялось упраздненіе разъ даннаго закона, см. ниже.

[2]) Herzog, Die lex sacrata und das sacrosanctum. Fleckeisens Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik, XCIII 1876 г., стр. 139—150; Lange,

термина ученые расходятся: по мнѣнію однихъ подъ leges sacratae слѣдуетъ подразумѣвать законы, „особенность которыхъ заключалась въ томъ, что весь народъ въ присутствіи жрецовъ приносилъ торжественную присягу, соблюдать ихъ, и что sanctio т.-е. угроза наказаніемъ объявляла, что нарушитель — homo sacer, котораго каждый безнаказанно можетъ убить“ [1]). Другіе полагаютъ, что среди leges sacratae слѣдуетъ различать законы, подтверждаемые всенародной присягой, отъ иныхъ, носившихъ то же названіе безъ народной присяги въ силу того только, что нарушитель ихъ объявлялся sacer [2]). Входить здѣсь въ разсмотрѣніе этого спора намъ не представляется нужнымъ; но какъ бы его ни рѣшить, несомнѣнно лишь то, что leges sacratae представляли законы, противъ нарушенія и отмѣны которыхъ принимались особыя предосторожности.

Просматривая законы, которые въ нашихъ источникахъ приводятся подъ названіемъ leges sacratae, соблюдать которые народъ обязывался присягой или которыми ихъ нарушитель объявлялся внѣ закона, нетрудно убѣдиться въ большомъ разнообразіи ихъ содержанія. Сюда относятся законы объ отмѣнѣ царской власти [3]) и диктатуры [4]), объ установленіи

De sacrosanctae potestatis tribuniciae natura eiusque origine Leipz. 1883 особ. 9—14. Röm. Alt. 1, 590 сл. Mommsen, R. St. 3, 360 сл. 3, 148; 2, 16; 2, 286 сл.; 2, 711 сл. Karlowa, R. R. G. 1, 85. 99—100. 116. 425 сл. Herzog. 1, 146 сл. 1, 683 сл. 1, 1110 сл. Madvig, Verf. u. Verw. 1, 271 сл. 1, 455. Voigt, XII Tafeln 1, 489—494. Willems, Droit public 185.

[1]) Herzog, Gesch. u. Syst. 1, 147. Willems 185.

[2]) Lange l. c. Karlowa 99—100.

[3]) Liv. 2, 19: omnium primum avidum novae libertatis populum, *ne postmodum flecti precibus aut donis regiis posset*, iure iurando adegit neminem Romae passuros regnare. См. Liv. 2, 8, 2: sacrando cum bonis capite eius, qui regni occupandi consilia inisset. Plut. Poplic. 2 и 11. App. b. c. 2, 119: (убійцы Цезаря) τοῦ Βρούτου τοῦ πάλαι καὶ τῶν τότε σρισιν ὁμωμοσμένων ἐπὶ τοῖς παλαι βασιλεῦσιν ἀνεμίμνησκον.

[4]) Этотъ законъ Антонія послѣдняя lex sacrata. Cic. Phil. 1, 3 г. 5, 10. App. b. c. 3, 25. Dio 44, 51, 2.

и огражденіи права провокаціи [1]), объ учрежденіи трибуната [2]) lex Icilia de Aventino publicando [3]), о запрещеніи спеціальныхъ законовъ, направленныхъ противъ опредѣленнаго лица [4]), объ обезпеченіи нѣкоторыхъ интересовъ гражданъ, состоящихъ на военной службѣ [5]).

Несмотря на разнообразіе затрагиваемыхъ вопросовъ, всѣ эти законы, очевидно, имѣютъ, однако, нѣчто общее: ясно, что ими обезпечиваются такіе интересы всего народа или значительной части его, изъ-за которыхъ велась болѣе или менѣе значительная борьба и которые вслѣдствіе этого сдѣлались особенно близки и важны его защитникамъ. При такихъ условіяхъ понятно, почему стремленіе упрочить добытые результаты приводило къ самому крайнему усиленію санкціи закона которая при данныхъ условіяхъ была возможна.

Весьма характерно, однако, что, за исключеніемъ консула 44 г. Антонія, начиная съ 342 г. (годъ legis sacratae militaris) никто уже никогда не прибѣгалъ къ этому средству. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что къ этому времени относится т. наз. третья сецессія плебса на Яникулъ, повлекшая за собою важные законы Гортенсія 289—7 года. Такимъ образомъ, лишь опасность возрожденія старой царской власти

---

[1]) Liv. 3, 55, 4: aliam deinde consularem legem de provocatione, unicum praesidium libertatis, decemvirali potestate eversam non restituunt modum, sed etiam in posterum muniunt sanciendo novam legem, ne quis ullum magistratum sine provocatione crearet; qui creasset, eum ius fasque esset occidi, neve ea caedes capitalis noxae haberetur. См. Liv. 3, 55, 14. Liv. 2, 8. Cic. de rep. 2, 31, 54.

[2]) Liv. 2, 33, 1—3; 55, 6—7. Dion. 6, 22—90. Cic. de rep. 2, 57—59 Festus p. 318. По мнѣнію Моммзена 2, 286 Karlowa, Bouché Leclerq и др. то не законъ, а plebiscitum.

[3]) Liv. 3, 31, 1 и 3, 32, 7, Dionys. 10, 31—32.

[4]) Напр. Cic. pro Sestio 30, 65: cum et sacratis legibus et XII tabulis sancitum esset, ut neque privilegium irrogari liceret и т. д. de leg. 3, 4, 1 Mommsen, R. St. 3, 336 пр, 1,

[5]) Liv. 7, 41, 4: lex quoque sacrata militaris lata est, ne cuius militis scripti nomen nisi ipso volente deleretur, additumque legi, ne quis, ubi tribunus militum fuisset, postea ordinum ductor (=centurio) esset.

въ какой-нибудь новой формѣ, опасность возвращенія къ дореспубликанскимъ порядкамъ, вызвала возвращеніе къ старинному средству первыхъ республиканскихъ временъ противъ тиранніи власти и господствующаго сословія. И нельзя не замѣтить, что это запоздалое примѣненіе архаическаго средства не осталось безъ вліянія: ни тріумвиры, ни впослѣдствіи Августъ не рѣшились возстановить титулъ Суллы и Цезаря [1]).

Какое же значеніе имѣли эти законы въ юридической теоріи и практикѣ, была ли возможна ихъ отмѣна и если да, то въ какихъ формахъ она совершалась?

Извѣстно, что огромное большинство римскихъ законовъ содержало постановленія, затруднявшія отмѣну разъ даннаго закона, чѣмъ, однако, цѣль, разумѣется, не достигалась. „Ты знаешь, пишетъ Цицеронъ своему другу Аттику [2]), что Клодій позаботился о томъ (sanxisse), чтобы его законъ лишь съ трудомъ или вовсе не могъ быть лишенъ силы ни сенатомъ, ни народомъ. Но ты видишь, что санкціи тѣхъ законовъ, которые предполагалось отмѣнить, никогда не принимались во вниманіе: ибо если такъ смотрѣть на дѣло, почти ни одинъ законъ не могъ бы быть отмѣненъ; вѣдь нѣтъ такого закона, который самъ бы не ограждалъ себя затруднительностью отмѣненія; но если законъ отмѣняется, отмѣняется и постановленіе, которымъ опредѣляется форма его отмѣненія“ [3]).

---

[1]) Несмотря впрочемъ на законъ Антонія, народъ предложилъ Августу титулъ диктатора, отъ котораго онъ отказался. Прими онъ его, законъ Антонія eo ipso пересталъ бы существовать.

[2]) Cic. ad Att. 3, 23, 2: scis Clodium sanxisse, ut vix aut omnino non posset nec per senatum nec per populum infirmari sua lex. Sed vides nunquam esse observatas sanctiones earum legum quae abrogarentur: nam si id esset, nulla fere abrogari posset: neque enim ulla est, quae non ipse se saepiat difficultate abrogationis; sed cum lex abrogatur, illud ipsum abrogatur, quomodo eam abrogari oporteat. Cf. ad Att. 3, 15, 6; cum sen. gr. egit 4, 8.

[3]) Форму такихъ санкцій можно усмотрѣть изъ Festus p. 314: satura... lex (mul)tis alis legibus conferta: itaque in sanctione legum adscribitur: „neve per saturam abrogato aut derogato“ и полнѣе изъ C. J. L. 1, 1409:

Въ результатѣ почти каждый новый законъ содержалъ постановленіе, которымъ противорѣчущія постановленія, цѣлые законы или отдѣльные пункты ихъ упразднялись [1]).

Если, такимъ образомъ, отмѣна обыкновенныхъ законовъ въ концѣ концовъ особенныхъ затрудненій не представляла, то leges sacratae и тутъ, судя по одной дошедшей до насъ формулѣ, повидимому, представляютъ исключеніе. По крайней мѣрѣ въ I вѣкѣ до Р. Х. во всѣ законы вставлялась спеціальная оговорка, въ силу которой все то, что въ данномъ законѣ противорѣчило праву боговъ, не должно было имѣть силы [2]). Но разъ народъ принесъ торжественную присягу, которой обязывался, соблюдать извѣстные законы, онъ тѣмъ самымъ связалъ себя, отдавъ эти законы подъ спеціальную охрану боговъ [3]). Упраздненіе этихъ законовъ должно быть сочтено за нарушеніе клятвы и слѣдовательно влечетъ за собой божественную кару.

Ясно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ государственное право Римлянъ тѣсно соприкасалось съ вопросами чисто сакральнаго свойства. Ясно и то, что покуда вѣра въ дѣятельное вмѣшательство боговъ въ человѣческія дѣла не была потрясена [4]), священные законы фактически находились въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ обыкновенные законодательные акты. Но бо́льшая устойчивость ихъ, очевидно, была гарантирована исклю-

---

(ne quis hanc rogationem abrogato neve huic rog)ationi obrogato neve de hac rogatione derogato.

[1]) Cic. ad Att. 3, 23, 2. Lex de imp. Vesp.; C. J. 1, 1409. Исключеніе представляетъ, напр., законъ о возвращеніи Цицерона изъ ссылки: Cic. ad Att. 3, 23, 3.

[2]) Формулу даетъ Probus de litt. sing. 3, 14: si quid sacri sancti est, quod non iure sit rogatum, eius hac lege nihil rogatur. Cic. pro Caec. 33, 95 приводитъ ее въ болѣе общемъ видѣ: si quid ius non esset rogarier, eius ea lege nihilum rogatum. См. pro domo 40, 106.

[3]) Cic. pro Balbo 14, 32.

[4]) Буасье, Римская религія отъ Августа до Антониновъ, т. I, стр. 31—39.

чительно степенью религіозности римскаго народа; а это въ концѣ концовъ, разумѣется, очень слабая гарантія. Стоитъ народному собранію, сенату или какому-либо исключительно вліятельному лицу отрѣшиться отъ религіозныхъ вѣрованій и не побояться гнѣва боговъ, и отмѣна этихъ законовъ, разъ она не обставлена заранѣе опредѣленными формальностями, не можетъ встрѣтить никакихъ затрудненій. Отдѣльнымъ лицамъ, считающимъ себя связанными отмѣненнымъ или нарушеннымъ закономъ, не остается въ такомъ случаѣ ничего, кромѣ защиты его оружіемъ, т.-е. возстаніемъ или убійствомъ. Эпоха римскихъ революцій и первыхъ временъ имперіи содержитъ нѣсколько любопытныхъ случаевъ этого рода, которые вполнѣ подтверждаютъ вышеуказанныя соображенія. Не говоря уже о смѣщеніи священнаго и неприкосновеннаго народнаго трибуна М. Октавія старшимъ Гракхомъ [1]), я отмѣчу только фактическое упраздненіе священнаго закона о провокаціи и предложеніе Августу диктатуры.

Первое, т.-е. отмѣна закона о провокаціи, во многихъ отношеніяхъ особенно любопытно и поучительно. Право провокаціи всегда признавалось однимъ изъ основныхъ правъ римскаго гражданина [2]). Рядъ законовъ запрещалъ избраніе магистратовъ, безъ провокаціи; народъ явно желалъ устранить возможность безаппелляціонныхъ вердиктовъ. Тѣмъ не менѣе уже въ самомъ началѣ революціонной эпохи, въ 133 г., сенатъ предъявилъ притязаніе на право давать консуламъ, посредствомъ т. наз. Senatus consultum ultimum чисто диктаторскія полномочія и лишать народъ его драгоцѣннаго — вдвойнѣ драгоцѣннаго въ эпоху смутъ—права [3]). Незаконность этого при-

[1]) Любопытно отношеніе консула Муція Сцеволы къ этому дѣлу.

[2]) См. Livius 3, 55, 4: unicum praesidium libertatis.

[3]) Суть senatus consulti ultimi (Caes. b. c. 1, 5. Liv. 3, 4, 9) заключается въ провозглашеніи государства въ опасности. Древнѣйшій извѣстный намъ случай его примѣненія, по мнѣнію Моммзена (см. R. St. 1, 687—697 въ частности 689 и 693 сл.) относится ко времени появленія Ганнибала предъ

тязанія очевидна уже изъ оппозиціи консула Кв. Муція Сцеволы, извѣстнаго юриста того времени. Благодаря несогласію консула, сенатъ на этотъ разъ не достигъ своей цѣли и съ Сципіономъ Назикой во главѣ прибѣгнулъ къ послѣднему — но уже чисто революціонному—средству противъ трибуна, къ убійству. Но если въ 133 г. сенатъ не могъ добиться своего желанія, уже преемникъ Сцеволы, консулъ 132 г. Попилій, велъ слѣдствіе и процессъ противъ сторонниковъ Тиберія на основаніи чрезвычайныхъ полномочій [1]). Оппозиція сразу поняла всю опасность, угрожавшую народной свободѣ, если сенатъ пріобрѣтетъ право, объявлять отечество въ опасности и давать консуламъ неограниченныя полномочія съ тѣмъ, „чтобъ они заботились, чтобы государство не потерпѣло урона“. Вотъ почему младшій Гракхъ старался подчеркнуть значеніе законовъ о провокаціи [2]). Съ другой стороны, не менѣе понятно, что сенатъ не желалъ лишиться такого существеннаго оружія противъ революціонныхъ съ его точки зрѣнія движеній. Несмотря на явное нарушеніе священныхъ законовъ, сенатъ и противъ Гая воспользовался тѣмъ же средствомъ: консулъ Опимій былъ облеченъ исключительной властью, чтобы устранить опаснѣйшаго врага, который когда-либо до этого времени выступалъ противъ владычества оптиматовъ [3]). Въ свою очередь, лишь только демократическая партія нѣсколько оправилась отъ страшнаго удара, нанесеннаго ей въ 121 г., она поднимаетъ обвиненіе противъ Опимія за нару-

---

вратами Рима. Въ военное время оно примѣнялось, вѣроятно, и значительно раньше и въ извѣстной степени было необходимо. Неконституціонность акта 133 г. заключается въ примѣненіи вытекающихъ изъ такого сенатусконсульта неограниченныхъ полномочій властей (или даже частныхъ лицъ) противъ *внутреннихъ* враговъ правительства, иначе говоря, въ нарушеніи одной изъ существеннѣйшихъ гарантій личной свободы и безопасности.

[1]) Cic. de amic. 11, 36. Val. Max 4, 7, 1.

[2]) Plut. Tib. Gr. 4. Cic. pro Rabir. ad pop. 4, 12 in Catil. 4, 5, 10.

[3]) Plut. C. Grach. 18: οὗτος (Опимій) μέντοι πρῶτος ἐξουσία δικτάτωρος ἐν ὑπατείᾳ χρησάμενος...

шеніе основныхъ правъ гражданъ; успѣха она, однако, не имѣла [1]) и съ этого времени senatus consultum ultimum становится постояннымъ средствомъ всякой находящейся у власти партіи, разъ она желаетъ избавиться отъ опаснаго врага. Въ высокой степени любопытно, что люди такихъ противоположныхъ направленій, какъ Цицеронъ, съ одной, Цезарь и Салюстій, съ другой стороны, какія-нибудь два поколѣнія спустя считаютъ право сената прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ основаннымъ на „обычаѣ предковъ“ [2]). Относительно Цицерона это не столь удивительно: защищая право сената, онъ защищаетъ свои дѣйствія противъ сторонниковъ Катилины [3]). Но если самъ долголѣтній глава демократовъ, Цезарь, признаетъ право сената, это, очевидно, доказываетъ, какъ быстро практика государственной жизни создавала обычай, фактически устранявшій даже такой, формально вовсе не подлежавшій упраздненію, законъ, какъ священный законъ о провокаціи. И въ такомъ принципіально чрезвычайно важномъ вопросѣ достаточно было двухъ поколѣній, чтобы превратить явно неконституціонную претензію сената въ освященное обычаемъ право.

Въ послѣднія времена республики священные законы, такимъ образомъ, имѣютъ не больше устойчивости, чѣмъ самый обыкновенный законодательный актъ и — по крайней мѣрѣ для этого времени—нельзя не согласиться съ Моммзеномъ, что

---

[1]) Liv. ep. 61: L. Opimius accusatus apud populum a Q. Decio tribuno plebis, quod indemnatos cives in carcerem coniecisset (Momms. R. St. 2, 111 пр. 2 поправляетъ in carcere necasset или in carcerem coniectos necasset) absolutus est. Цицеронъ de orat. 2, 30, 132 ставитъ вопросъ такъ: interfecit Opimius Gracchum. Quid facit causam? quod rei publicae causa, cum ex senatus consulto ad arma vocasset. Hoc tolle: causa non erit. At ipsum negat contra leges licuisse Decius. Veniet igitur in iudicium: licueritne ex senatus consulto servandae rei publicae causa.

[2]) Cic. pro Mil. 26, 70—moris maiorum. Sall. de coniur. Catil. 29: more Romano. Caes. b. c. 1, 7.

[3]) Cic. ad Att. 2, 22, 1. pro Mil. 14, 36. Asconius in Mil. p. 39.

присяга народа могла окружить тотъ или иной законъ особымъ почетомъ, но отнюдь не связывала волю позднѣйшихъ поколѣній. „Верховная власть общины“, говоритъ Моммзенъ [1]) „перестала бы быть таковой, еслибы ей въ какомъ бы то ни было направленіи была поставлена законная граница и еслибъ она всюду, хотя бы и чрезъ самое себя, могла быть связана“. Сознаніе невозможности связать волю послѣдующихъ поколѣній сказывается, по его мнѣнію, и въ томъ, что „противъ нарушенія такого рода обязательства, особенно противъ возвращенія царской власти и аналогичныхъ явленій, въ крайнемъ случаѣ призывается самозащита отдѣльныхъ лицъ, т.-е. революція“ [2]). „Такого рода постановленія, такимъ образомъ, лишь pia desideria и юридически имѣютъ такъ же мало значенія, какъ если преторъ запрещаетъ своимъ преемникамъ отмѣнить одно изъ постановленій эдикта, или если завѣщатель самому себѣ запрещаетъ составленіе другого завѣщанія: какъ новый эдиктъ и новое завѣщаніе, такъ и новый законъ по необходимости упраздняетъ старый“ [3]).

Разъ это такъ, мы принуждены признать, что римское государственное право послѣднихъ временъ республики не знаетъ никакихъ основныхъ законовъ. Всѣ законы, данные римскимъ народомъ по вопросамъ государственнаго устройства и управленія, равносильны, и позднѣйшій законъ ео ipso отмѣняетъ прежній. Слова Ливія: „въ XII таблицахъ есть законъ, въ силу котораго послѣднее постановленіе народа (по

---

[1]) R. St. 3, 360.

[2]) R. St. 3, 363.

[3]) R. St. 2, 712. Все это безспорно вѣрно для послѣдняго вѣка республики, но можно ли признать положенія Моммзена обязательными для болѣе ранняго времени—еще большой вопросъ. Съ точки зрѣнія современнаго взгляда на народное верховенство народная присяга, быть можетъ, и не имѣетъ юридическаго значенія для послѣдующаго времени. Можно ли однако на этомъ основаніи отвергать неотмѣняемость священныхъ законовъ въ болѣе раннія времена древняго Рима, намъ кажется очень сомнительнымъ.

данному вопросу) имѣетъ законную силу“ [1]), по крайней мѣрѣ для позднѣйшаго времени, относятся такимъ образомъ ко всѣмъ законамъ безъ различія.

Римская конституція, т.-е. совокупность признаваемыхъ въ данное время и регулирующихъ теченіе государственной жизни нормъ, такимъ образомъ не содержитъ никакихъ юридически неизмѣнныхъ или требующихъ особыхъ формъ для своего измѣненія законовъ. Она основывается на тѣхъ законахъ, которые въ данное время еще не отмѣнены или видоизмѣнены. Спрашивается, во-первыхъ, представляютъ ли эти законы единственное основаніе конституціи и, во-вторыхъ, требуется ли непремѣнно формальная отмѣна, чтобы лишить ихъ силы?

На оба вопроса приходится отвѣтить отрицательно.

Что касается перваго пункта, то вся исторія развитія трибунской власти доказываетъ, какую важную роль въ исторіи римской конституціи играли прецедентъ, фактическая сила и обычай. Призванные первоначально только къ защитѣ плебса отъ консуловъ и снабженные съ этой цѣлью неприкосновенностью и „правомъ помощи“ (ius auxilii) съ его практическимъ послѣдствіемъ, правомъ запрещать дѣйствія консуловъ (ius intercessionis) по отношенію къ отдѣльнымъ частнымъ лицамъ, обратившимся къ ихъ защитѣ, трибуны постепенно до такой степени расширяютъ свои полномочія, что именно ихъ права служатъ основой для всеобъемлющей дѣятельности Гракховъ и создаютъ младшему Гракху фактически совершенно исключительное, чуть не монархическое положеніе, а Августу служатъ оправданіемъ его верховнаго положенія въ государствѣ. Между тѣмъ, намъ ничего или почти ничего неизвѣстно *о законахъ*, расширяющихъ первоначально очень ограниченныя права трибуновъ, и это вовсе не случайность. Власть трибуновъ увеличивалась съ большой постепенностью въ силу фактиче-

[1]) Liv. 7. 17, 12: in duodecim tabulis legem esse, ut quodcumque postremum populus iussisset, id ius ratumque esset.

скаго могущества ихъ, какъ выразителей народнаго протеста и народныхъ требованій: то, что̀ сенатъ и магистратура изъ боязни возстанія или безпорядковъ поневолѣ были принуждены позволить одному, затѣмъ служило прецедентомъ для другихъ и въ концѣ концовъ новыя полномочія становились обычными и не оспаривались даже самимъ сенатомъ [1]). Впослѣдствіи сенатъ даже самъ содѣйствовалъ ихъ возвеличенію, опираясь на нихъ въ борьбѣ съ консулами и проконсулами. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерны происшествія 310 и 204 г.: несмотря на то, что одно изъ самыхъ серьезныхъ ограниченій трибунскихъ полномочій заключалось въ томъ, что ихъ права были дѣйствительны только въ предѣлахъ померія или вѣрнѣе до перваго милліарія [2]), сенатъ, недовольный главнокомандующими, консуломъ Кв. Фабіемъ и проконсуломъ Сципіономъ (Африканскимъ), на ряду съ другими лицами послалъ къ нимъ трибуновъ [3]). Смыслъ этихъ фактовъ становится совершенно яснымъ изъ словъ Ливія, что трибуны съ эдиломъ были посланы къ Сципіону, „чтобы арестовать и вернуть его въ силу полномочій священной власти“ (iure sacrosanctae potestatis). Подобно тому какъ imperia infinita послѣднихъ временъ

---

[1]) См. напр. Dion. 10, 31: πλέον ἔσχον οἱ δήμαρχοι παρασπάσαντές τι τῆς ὑπατικῆς ἐξουσίας. τὸν μὲν γὰρ ἔμπροσθεν χρόνον ἐκκλησίας μόνον ἦσαν οἱ δήμαρχοι κύριοι, βουλὴν δὲ συνάγειν ἢ γνώμην ἀγορεύειν οὐκ ἐξῆν αὐτοῖς, ἀλλ' ἦν τῶν ὑπάτων τοῦτο τὸ γέρας. οἱ δὲ τότε δήμαρχοι πρῶτοι συγκαλεῖν ἐπεβάλοντο τὴν βουλὴν Ἰκιλλίου τὴν πεῖραν εἰσηγησαμένου. Ср. Моммзенъ R. St., 2, 315: Im J. 298 lässt er (Dionysios) den Volkstribun L. Icilius den Senat berufen und bezeichnet dies ausdrücklich als den ersten Vorgang der Art, aber nicht als ein damals dem Tribunat erworbenes Recht, sondern als den ersten Versuch der Tribune, sich in den Besitz des Rechts der Senatsberufung zu setzen.

[2]) См. Момм. R. St., 1, 66 сл.

[3]) Liv. 9, 36, 14: eo (въ лагерь Кв. Фабія Максима Рулліана)... quinque legati cum duobus tribunis plebis venerant denuntiatum Fabio senatus verbis, ne saltum Ciminium transiret. Liv. 29, 20, 11: tribuni plebis cum praetore et decem legatis profecti M. Claudius Marcellus et M. Cincius Alimentus; aedilis plebis datus est, quem, si aut in Sicilia praetori dicto audiens non esset Scipio aut iam in Africam traiecisset, *prendere tribuni iuberent, ac iure sacrosanctae potestatis reducerent.*

республики послужили прецедентомъ для imperium infinitum Августа, эти случаи являются прецедентомъ для устраненія географическихъ границъ его трибунской власти. Посылка трибуновъ за предѣлы Рима, безспорно, могла ввести новый принципъ въ римскую конституціонную жизнь, между тѣмъ она не основывалась на законѣ, а была рѣшена сенатомъ, который этимъ несомнѣнно превысилъ свою компетенцію.

Положеніе и развитіе трибуната въ высшей степени важный пунктъ въ исторіи римской конституціи. Отъ степени вліянія трибуната въ данное время въ значительной мѣрѣ зависитъ значеніе другихъ конституціонныхъ факторовъ римской жизни, сената, настоящей магистратуры [1]) и даже народнаго собранія [2]). Тѣмъ болѣе замѣчательно, если даже процессъ такой первостепенной важности, какъ развитіе трибунской власти, въ гораздо большей степени основанъ на отдѣльныхъ захватахъ, прецедентѣ и обычаѣ, чѣмъ на законахъ. Совершенно то же самое можно сказать и о развитіи власти сената: мы не знаемъ ни одного законодательнаго акта, которымъ опредѣлялись или расширялись права сената. Мы не знаемъ, когда и въ силу какихъ событій сенатъ превратился въ правительствующее учрежденіе, совѣты котораго обязательно исполнялись магистратами. И здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ медленнымъ, въ каждый данный моментъ едва замѣтнымъ процессомъ, не нашедшимъ себѣ выраженія въ точно формулированныхъ законахъ, что̀ однако не помѣшало ему сыграть весьма существенную роль въ римской жизни. Отсюда естественно слѣдуетъ, что, изучая исторію римской конституціи,

---

[1]) Въ высокой степени характеренъ для часто незамѣтнаго развитія римской государственной жизни и тотъ фактъ, что намъ неизвѣстно, когда и какъ было признано, что трибуны принадлежатъ къ magistratus populi Romani, каковыми они первоначально несомнѣнно не были.

[2]) Вспомнимъ трибунскую инициативу въ расширеніи правъ народнаго собранія, напр. законъ Тиберія Гракха о завѣщаніи Аттала III или провозглашеніе принципа народнаго верховенства въ дѣлѣ о низложеніи М. Октавія.

мы обязаны принимать въ разсчетъ не только законы, но и всю область конституціоннаго обычая [1]).

Если указанные факты заставляютъ насъ чрезвычайно расширить кругъ нашихъ наблюденій, то съ другой стороны именно важность обычая позволяетъ намъ оставить безъ вниманія рядъ устарѣвшихъ, т.-е. вышедшихъ въ данное время изъ употребленія, законовъ и обычаевъ, несмотря на то, что они формально никогда не были отмѣнены [2]).

Можно ли, однако, допустить преобладающее значеніе обычая, т.-е. болѣе или менѣе безсознательнаго наслоенія однородныхъ политическихъ явленій, постепенно создающихъ извѣстное правовое положеніе, въ томъ самомъ Римѣ, значительная доля славы котораго въ настоящее время связана съ представленіемъ о великой дѣятельности его юриспруденціи? Широкая разработка законодательства и обычнаго права юриспруденціей, если и не исключаетъ, то, разумѣется, во всякомъ случаѣ въ значительной мѣрѣ ограничиваетъ роль безсознательно накопляющагося обычая. Приводя въ систему современныя ему данныя права и создавая для нихъ общую теоретическую формулировку, юристъ уже въ силу этого самаго ставитъ развитіе права въ новыя условія. Разъ право даннаго времени находитъ себѣ выраженіе въ болѣе или менѣе опредѣленной

---

[1]) См. Дайси l. c. о „конституціонныхъ соглашеніяхъ“.

[2]) Такъ, мы ужъ видѣли, что законы о провокаціи никогда формально не были отмѣнены, но фактически потеряли значеніе и перестали опредѣлять характеръ конституціонной жизни Рима. Стремленіе Моммзена къ созданію единой системы римскаго государственнаго права въ данномъ случаѣ приводитъ его прямо къ противорѣчіямъ. Ср. R. St., 3, 1242: Offenbar war dies rechtswidrig и R. St., 2, 111: wo kein Ausnahmegesetz (ib.) erlassen ist, ist die Handhabung der Iudication gegen das Provocationsgesetz ungesetzlich съ R. St. 3, 1243: Im Grossen und Ganzen genommen wird jene vom Senat angeordnete Quasidiktatur als eine in der Gracchenzeit eingeführte staatsrechtliche Ordnung behandelt. Очевидно то, что раньше было бы незаконно, въ I вѣкѣ признавалось законнымъ—а разъ это такъ (и это такъ не только въ данномъ случаѣ), очевидно, нѣтъ возможности включить два противоположныхъ конституціонныхъ положенія въ одну общую систему.

системѣ,—видоизмѣненіе его въ томъ или иномъ направленіи не можетъ пройти такъ незамѣтно, какъ если оно основано только на нравахъ. Но помимо этого, по преимуществу консервативнаго, вліянія, юриспруденція имѣетъ еще и прогрессивное: пробѣлы, противорѣчія, архаизмы въ существующемъ правовомъ строѣ рѣзче бросаются въ глаза и вызываютъ попытки устранить ихъ болѣе или менѣе радикально, болѣе или менѣе цѣлесообразно. Юриспруденція такимъ образомъ точнѣе устанавливаетъ право даннаго времени, систематизируетъ его, указываетъ его недостатки и средства къ ихъ устраненію: со времени ея нарожденія процессъ развитія права по необходимости пріобрѣтаетъ совсѣмъ иной характеръ.

При такихъ условіяхъ развитіе государственнаго права римлянъ, естественно, должно бы было въ значительной мѣрѣ видоизмѣниться, если бы политическія условія позволили юристамъ подвергнуть его такой же систематической разработкѣ, какъ гражданское право. До послѣдняго вѣка республики однако ни государственное, ни гражданское право не были предметами собственно научнаго и систематическаго изученія, и лишь въ послѣднія времена республики въ изученіи римскаго гражданскаго права начинаетъ проявляться опредѣленная тенденція къ систематизаціи накопившагося матеріала и созданію теоретическаго базиса для его положеній [1]). Для аналогичной разработки государственнаго права условія времени были гораздо менѣе благопріятны, а съ возникновеніемъ императорской власти всякая мысль о точной формулировкѣ римскаго государственнаго устройства надолго должна была исчезнуть. Поскольку государственное право продолжало привлекать интересы отдѣльныхъ лицъ, оно, повидимому, всецѣло сохранило

[1]) Cic. de or. 1, 42, 190; l. 2 § 41 Dig. de or. iur. 1, 2: ius civile primus (Q. Mucius Scaevola p. m.) constituit generatim in libros decem et octo redigendo. Cic. Brut. 41, 152 сл.; 42, 153 сл. См. Karlowa, R. RG. 1, 474—490.

прежній несистематическій характеръ и осталось чуждо всякой теоретической разработкѣ [1]): возникши изъ записей авгуровъ (libri augurales) и комментаріевъ магистратовъ (commentarii magistratuum) государственное право римлянъ никогда не успѣло дойти ни до строгаго разграниченія сакральнаго и публичнаго права, ни до юридической конструкціи послѣдняго въ цѣломъ. На это одинаково указываютъ и дошедшія до насъ заглавія трудовъ по государственному праву республики [2]), и самое опредѣленіе этой отрасли римскаго права у Ульпіана [3]).

Но если мы и не встрѣчаемъ въ эпоху республики общихъ юридическихъ трудовъ по государственному праву Рима и вмѣсто нихъ узнаемъ лишь про спеціальные трактаты объ отдѣльныхъ магистратурахъ, о комиціяхъ, о формѣ совѣщаній консула съ сенатомъ и т. д., если публичное право продолжало распадаться на отдѣлы о религіозныхъ обрядахъ (sacra), о жрецахъ и о магистратахъ, все же самая сущность республиканской жизни должна была отразиться на разработкѣ относившихся сюда вопросовъ. До возникновенія имперіи уже политическій характеръ большинства магистратуръ, какъ представителей государственной власти, по всему вѣроятію, заставлялъ авторовъ удѣлять нѣкоторое вниманіе общимъ конституціоннымъ вопросамъ, а на ряду съ этимъ и бурная полити-

---

[1]) Mommsen R. St. 1, 4 пр. 1: Ich wüsste keine Schrift zu nennen, die man als Behandlung des ius publicum in diesem Sinne (въ смыслѣ Staatsrecht) bezeichnen dürfte.

[2]) Сюда относятся de censoribus l. II Кассія Гемины; libri magistratuum консула 125 г. Г. Семпронія Тудитанскаго, l. de potestatibus M. Юнія Гракхана, труды Л. Цинція de consulum potestate, de officiis iurisconsulti, de comitiis, de re militari, commentarius isagogicus Варрона, ex quo (Pompeius) disceret, quid facere dicereque deberet, cum senatum consuleret, труды Л. Юлія Цезаря и М. Валерія Мессалы Корвина de auspiciis. См. Karlowa 1, 488.

[3]) Dig. 1, 1, 1, 2 (см. Inst. 1, 1, 4): iuris studii duae sunt positiones, publicum et privatum: publicum ius est, quod ad statum rei Romanae spectat.. in sacris, in sacerdotibus, in magistratibus consistit.

ческая жизнь того времени не могла не находить отголоска въ трудахъ историковъ и юристовъ. Здѣсь еще были возможны стремленія и попытки, окрашивать данныя о строѣ и развитіи государственной жизни согласно идеаламъ или цѣлямъ разныхъ партій. Другое дѣло въ эпоху имперіи. Старыя магистратуры потеряли политическое значеніе, а новыя должности либо не имѣли его вовсе, либо были обязаны имъ своей принадлежностью къ arcana imperii: а эти „тайныя основы власти", такъ же, какъ и самъ принципатъ, по мѣткому выраженію Герцога, „не выносили обсужденія" [1]). Власть, желавшая быть и боявшаяся показаться монархической, основанная на фактической силѣ и прикрывавшая свою деспотическую сущность республиканскими формами и цѣлымъ рядомъ юридическихъ неточностей и конституціонныхъ недомолвокъ, не могла допустить строгаго разсмотрѣнія своихъ основъ юристами. Всеравно, постаралась ли бы юриспруденція точнѣе опредѣлить границы новой власти въ республиканскомъ духѣ или признала ли бы она съ полной откровенностью замѣну республики монархіей, и то и другое одинаково не могло понравиться ни Августу, ни Тиберію, вся конституціонная политика которыхъ пропитана нерѣшительностью и лицемѣріемъ. А наставшая уже въ послѣдніе годы Тиберія эпоха болѣзненно тиранническаго терроризма, лишь изрѣдка прерывавшаяся краткими моментами затишья и уступокъ, разумѣется, мало благопріятствовала спокойной научной работѣ надъ вопросами политической жизни Рима. Вотъ почему юриспруденція поневолѣ „воздерживается отъ принципіальнаго обсужденія императорской власти и принимаетъ ее какъ данный фактъ" [2]). Таково отношеніе юристовъ къ принципату и въ первомъ, и въ послѣдующіе вѣка его существованія.

---

[1]) Herzog, Gesch. u. Syst. 2, 604: das augusteische Werk vertrug keine Diskussion.

[2]) Herzog, ib. 2, 605.

Если мы такимъ образомъ и теперь встрѣчаемъ указанія на труды, посвященные правамъ и компетенціи разныхъ старыхъ и новыхъ должностей, то конституціонная роль послѣднихъ остается при этомъ незатронутой. То, что̀ прежде имѣло прямое отношеніе къ государственному праву страны, теперь становится достояніемъ любителей древностей съ одной, административнаго права съ другой стороны: республиканскіе магистраты всѣ играли политическую роль, императорскіе сановники имѣютъ лишь административное значеніе [1]). Въ высокой степени любопытно и характерно при этомъ то, что ни одинъ изъ крупныхъ юристовъ не оставилъ труда о правахъ и обязанностяхъ преторіанскаго префекта, несмотря даже на то, что и Ульпіанъ и Павелъ занимали эту должность: лишь юристъ конца III или даже IV вѣка [2]), Аврелій Аркадій Харисій, посвятилъ этому важнѣйшему изъ всѣхъ сановниковъ, главному помощнику и намѣстнику императора, одну книгу: „быть можетъ“, замѣчаетъ по этому поводу Карлова [3]), „отношеніе этого сановника во время высшаго развитія его власти къ императору казалось юристамъ слишкомъ деликатнымъ, чтобы они сочли удобнымъ формулировать его юридически“. Но если юристы III вѣка не рѣшались затронуть вопросъ объ отношеніяхъ между „вицеимператорами“, какъ Моммзенъ называетъ префектовъ того времени, и императорами, юристы I вѣка были въ затруднительномъ положеніи въ виду фактическаго значенія

---

[1]) Въ Дигестахъ до насъ дошли отрывки или заглавія довольно большого числа подобныхъ трудовъ напр. Марцелла (de off. praes. l. I, de off. cons. l. I), Ульпіана (de off. proc. l. X, de off. cons. l. III, de officio quaestoris l. II, de off. consularium l. I, de off. curatoris rei p. l. I, praef. urbi l. I, praef. vig. l. I, praet. tutel. l. I), Павла (de off. cons. l. II, proc. l. II, praef. urbi l. I, praef. vig. l. I, praet. tut. l. I, assessorum l. I), Венулея (de off. proc. l. IV), Мацера (de off. praes. l. II), Аркадія Харисія (de off. pr. pr.) См. Karlowa, R. RG. 1, 671.

[2]) P. Krüger, Gesch. d. Quellen und Lit. d. röm. Rechts, Leipzig 1888, стр. 228 пр. 25.

[3]) Karlowa, R. RG. 1, 672.

начальника гвардіи для обезпеченія жизни и власти принцепса отъ возможныхъ посягательствъ сената. Поскольку изученіе правъ и обязанностей сановниковъ должно было вызвать на сцену политическіе вопросы, императорская юриспруденція, очевидно, тщательно воздерживалась отъ него. Но разъ конституціонные вопросы не изучались, разъ избѣгали ихъ опредѣленно поставить, не могло быть и рѣчи о широкомъ вліяніи юриспруденціи на государственное право. И въ самомъ дѣлѣ, одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ умственной жизни римской имперіи, безспорно, слѣдуетъ признать полный упадокъ политическаго мышленія, полную неразвитость государственнаго права, на ряду съ классической разработкой гражданскаго. Въ то самое время, когда цѣлый рядъ первоклассныхъ юристовъ, проводя въ жизнь философскіе идеалы, вноситъ широкія обобщенія въ гражданское право и постепенно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, подчиняетъ его новымъ, гуманнымъ идеямъ, государственное право остается все той же rudis indigestaque moles, какой оно было и раньше. Винить въ этомъ одну только императорскую власть, какъ мы еще увидимъ, было бы неправильно: власть не могла бы остановить политическаго развитія здороваго общества, и если политическая безыдейность характеризуетъ римское общество, одинъ этотъ фактъ доказываетъ, какъ глубоки были недостатки соціальнаго строя Рима.

Но какъ бы ни объяснять различіе въ развитіи гражданскаго и государственнаго права Рима, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что въ области конституціоннаго развитія юриспруденція не сыграла почти никакой роли. Единственный вопросъ, который нельзя было обойти даже при исключительномъ интересѣ къ гражданскому праву, это вопросъ о законодательной власти. Необходимо было выяснить, какія римскія власти имѣютъ право издавать постановленія, имѣющія силу закона. Но вмѣстѣ съ тѣмъ именно здѣсь опредѣ-

ленніе и раньше всего высказывается признаніе, фактически и безъ того существующей, неограниченной власти принцепса [1]). Усматривать въ словахъ Ульпіана, какъ это дѣлаетъ Герцогъ [2]), сознательное стремленіе къ послѣдовательному проведенію абсолютизма и проводить въ этомъ смыслѣ параллель между нимъ и легистами конца среднихъ вѣковъ, на нашъ взглядъ не имѣетъ никакого основанія и противорѣчитъ всему отношенію юриспруденціи къ вопросамъ государственнаго права. Роль юристовъ въ этой области самая ограниченная: избѣгая ставить вопросы принципіально, они тамъ, гдѣ это неизбѣжно, просто констатируютъ фактическое положеніе. Ихъ разсужденія могутъ служить источникомъ для уясненія современнаго имъ взгляда на власть, но никакъ не указаніемъ на цѣль, кототорой она добивалась.

Римское государство, и въ частности римская имперія, не имѣютъ такимъ образомъ ни основныхъ конституціонныхъ законовъ, ни сколько нибудь широкой конституціонной теоріи. Измѣненіе ея строя происходитъ поэтому въ силу медленнаго процесса накопленія новыхъ политическихъ фактовъ и взглядовъ, не въ силу внезапныхъ переворотовъ.

Спрашивается, какими данными мы располагаемъ для опредѣленія разныхъ фазисовъ этого развитія, для выясненія основныхъ чертъ римской конституціи даннаго времени?

Въ общемъ источники для исторіи развитія римской императорской власти распадаются на два разряда: на законодательные акты, опредѣляющіе границы императорской власти, поскольку они сохранились непосредственно или въ передачѣ

---

[1]) Pomponius, Dig. 1, 2, 2, § 11 и 12; Gaii Inst. 1, 5. См. Ulpianus, Dig. 1, 4. 1 pr. § 1 см. l. 12 § 1 C. J. 1, 14. l. 1 § 7 C. J. 1, 17. Krüger Gesch. стр. 100. Pernice—на нашъ взглядъ совершенно напрасно—отвергаетъ всѣ эти данныя какъ интерполяціи, неточности или ошибки. Ztschrft. d. Savignystiftung 6, 298. Противъ этого говоритъ уже указъ Александра Севера l. 23 C. J. 6, 23.

[2]) 2, 459 и др.

писателей, съ одной стороны,—сюда относится, напр., т. наз. lex de imperio Vespasiani—на данныя о конституціонныхъ взглядахъ правительства и общества съ другой стороны.

При характерѣ римскаго конституціоннаго развитія рѣшающее значеніе очевидно принадлежитъ второй группѣ. Въ разныя эпохи имперіи одинъ и тотъ же законъ (напр., законъ объ императорскомъ ius edicendi) получалъ различное значеніе въ зависимости отъ общаго взгляда на власть. А слѣдовательно, если мы желаемъ выяснить пониманіе принципата въ разныя времена, мы должны исходить не изъ грамматическаго смысла текста закона, а изъ того, какъ его въ данное время въ дѣйствительности понимали.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы прежде всего должны знать, какъ сами императоры смотрѣли или дѣлали видъ, что смотрѣли на свою власть, т.-е. должны установить оффиціальную теорію власти. Для нѣкоторыхъ эпохъ мы обладаемъ въ этомъ смыслѣ документальными данными: таковы напримѣръ такъ называемыя res gestae divi Augusti (и другія эпиграфическія свидѣтельства), таковы сохранившіеся въ позднѣйшихъ сводахъ императорскіе указы [1]). Для другихъ мы имѣемъ разсказы античныхъ писателей и главнымъ образомъ конечно историковъ, въ которыхъ сообщаются болѣе или менѣе достовѣрныя изрѣченія императоровъ по этому важному вопросу. Для третьихъ, наконецъ, мы располагаемъ лишь свѣдѣніями о дѣйствительной дѣятельности представителей власти и уже изъ ихъ политики принуждены дѣлать выводы о томъ, какъ они понимали свою роль въ государственной жизни. Но при этомъ само собою разумѣется, что свѣденія о фактическомъ поведеніи императоровъ имѣютъ значеніе и для тѣхъ эпохъ, о которыхъ до насъ дошли и болѣе прямыя данныя.

Но взглядъ императора на его власть можетъ идти въ разрѣзъ съ взглядомъ общества, какъ это неоднократно и слу-

[1]) Сюда же относятся и нумизматическія данныя.

чалось. Его дѣятельность можетъ быть признана обществомъ неконституціонной или прямо тираннической и въ такомъ случаѣ, разумѣется, крайне важно выяснить взглядъ самого общества. Ясно, что, собственно говоря, для этого было бы необходимо разсмотрѣть всю литературу изучаемаго времени, латинскую и греческую, языческую и христіанскую. Если мы въ своемъ изслѣдованіи остановились на одной латинской и языческой, то мы руководились при этомъ двумя соображеніями.

Изучая процессъ развитія полуреспубликанскаго принципата въ абсолютную монархію, мы, естественно, прежде всего должны были принимать во вниманіе ту литературу, которая дольше всего сохраняла собственно римскія традиціи и вѣрнѣе понимала конституціонныя формы новой власти. Греки, въ лицѣ, напримѣръ, Страбона, а также и выросшая на эллинизмѣ христіанская литература, съ самаго начала обращали больше вниманія на сущность, чѣмъ на форму новаго строя и чуть ли не съ основанія принципата отожествляли его съ эллинистическими монархіями Востока. Найти у нихъ матеріалъ для исторіи развитія принципата въ виду этого едва-ли возможно. Изученіе греческихъ писателей первыхъ вѣковъ нашей эры важно для пониманія имперіи IV, V и слѣдующихъ вѣковъ, но не для предшествующаго времени [1]).

Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, изученіе первыхъ вѣковъ имперіи во многихъ отношеніяхъ привело насъ къ разнорѣчію съ господствующими взглядами, главнымъ образомъ съ взглядами Моммзена. А Моммзенъ совершенно отрицаетъ возможность сылаться на свидѣтельства Грековъ для конструкціи принципата и съ большимъ подозрѣніемъ относится даже къ Діону Кассію и Ульпіану. Если мы съ послѣднимъ и не можемъ никакъ согласиться, то пользоваться сообщеніями част-

[1]) Сказанное здѣсь, разумѣется, не относится къ такимъ писателямъ, какъ сенаторъ и консуляръ Діонъ Кассій. См. ниже и особенно H. Peter, die geschichtliche Litteratur ueber die Kaiserzeit bis Theodosius I und ihre Quellen т. II стр. 84 сл., 92 сл.

ныхъ лицъ греческаго происхожденія, не приходившихъ въ близкое и постоянное соприкосновеніе съ чисто римскимъ обществомъ и учрежденіями, для подтвержденія нашихъ положеній намъ конечно при данныхъ условіяхъ невозможно, да едва-ли и нужно. Латинскіе и романизованные писатели (какъ, напр., Діонъ) даютъ совершенно достаточный матеріалъ для обоснованія нашихъ взглядовъ.

Раньше чѣмъ перейти къ ихъ изложенію, однако необходимо познакомиться подробнѣе съ господствующей теоріей.

ГЛАВА I.

Эпоха Августа.

§ 1.

Изученіе принципата за послѣднее время сдѣлало большіе успѣхи [1]). Наряду съ классическими трудами Моммзена [2]) труды Карловы [3]) и Герцога [4]) по исторіи римскаго, и въ частности римскаго государственнаго права имѣютъ въ настоящее время наибольшее значеніе. Въ частности для времени создателя принципата, Августа, мы, кромѣ того, обладаемъ превосходнымъ, къ сожалѣнію не оконченнымъ трудомъ Гардгаузена [5]). Труды Мадвига [6]), Шиллера [7]), Виллемса [8]), Ми-

[1]) См. болѣе раннюю литературу у Gardthausen'a, Augustus und seine Zeit 2. 286 пр. 1.

[2]) См. выше стр. 1 пр. 1.

[3]) Karlowa, Römische Rechtsgeschichte, т. I. Staatsrecht und Rechtsquellen. Лейпцигъ, 1885.

[4]) Herzog, Geschichte und System der römischen Staatsverfassung, т. II въ двухъ частяхъ 1887, 1891, Берлинъ.

[5]) Gardthausen, Augustus und seine Zeit, пока 2 тома въ четырехъ частяхъ 1891, 1896, Берлинъ.

[6]) Madvig, die Verfassung und Verwaltung des römischen Staats, 2 тома 1882—84.

[7]) Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit и Staats- und Rechtsaltertümer въ Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft Ивана Мюллера, 1887 т. IV, стр. 483—744.

[8]) Willems, Le droit public romain, VI изд. 1888.

спуле [1]), Буше-Леклерка [2]) не имѣютъ такого основного значенія, какъ вышеуказанные.

Результатомъ изслѣдованій Моммзена, его сторонниковъ и противниковъ, явился рядъ болѣе или менѣе своеобразныхъ теорій принципата, съ которыми намъ въ самыхъ общихъ чертахъ придется познакомиться раньше, чѣмъ приступить къ ихъ детальной критикѣ.

Прежде всего, однако, возникаетъ вопросъ, возможна ли вообще реконструкція государственнаго устройства, даннаго римской имперіи Августомъ, т.-е. обладаемъ ли мы достаточнымъ матеріаломъ для возсозданія этой эпохи?

Къ сожалѣнію, необходимо признать, что наши источники въ довольно плохомъ состояніи.

Что касается прежде всего современныхъ Августу свидѣтельствъ, то первое мѣсто среди нихъ безспорно занимаютъ двѣ надписи, найденныя въ Ангорѣ и въ Аполлоніи и содержащія нѣчто вродѣ автобіографіи Августа [3]). Несмотря на то, что Августъ намѣренно умалчиваетъ о многихъ существенныхъ чертахъ созданнаго имъ порядка и усиленно подчеркиваетъ формально-республиканскій характеръ его [4]), эти, взаимно дополняющія

---

[1]) Mispoulet, Les institutions politiques des Romains, 2 т. 1882—83.

[2]) Bouché-Leclerq, Manuel des institutions romaines, 1886.

[3]) Обо всемъ, что касается этихъ надписей, см. классическій комментарій Моммзена въ Res gestae, а также Hist. Ztschr. 57 N. F. 21 (1887), стр. 385—397, Th. Mommsen, der Rechenschaftsbericht des Augustus, гдѣ, разбирается рядъ статей Nissen'a, Bormann'a, Wilamowitz'a (см. ib. стр. 385 пр. 1) о характерѣ этой надписи (надгробная надпись, выраженіе убѣжденія Августа въ его собственной божественности, отчетъ). Впрочемъ, Моммзенъ самъ признаетъ (ib. 385): allerdings wird durch diese Controverse die Brauchbarkeit des Schriftstücks kaum berührt. Въ виду этого мы не считаемъ нужнымъ остановиться на этомъ ученомъ спорѣ.

[4]) Denique, замѣчаетъ Моммзенъ R. g., стр. VI, arcana imperii in tali scriptione nemo sanus quaeret, sed ea quae populum universum et plebeculam maxime de se vel nosse vel credere vellet imperator animi callidi magis quam sublimis quique magni viri personam apte gesserit ipse non magnus.

другъ друга, надписи имѣютъ первостепенное значеніе для исторіи возникновенія принципата и юридической оцѣнки его, хотя при пользованіи ими и необходимо помнить, что онѣ далеко не содержатъ всей правды.

Ни одинъ изъ другихъ современныхъ Августу источниковъ не имѣетъ такого значенія, какъ его res gestae. Надписи и монеты даютъ сравнительно мало матеріала для изученія конституціоннаго положенія Рима въ эту эпоху [1]). Та часть современныхъ писателей, которая дошла до насъ, также содержитъ очень мало данныхъ для занимающаго насъ вопроса: какъ мы еще увидимъ, поэты и прозаики этого времени вообще неохотно говорятъ о политическихъ реформахъ Августа. Исключеніе, пожалуй, составляютъ греки, напр., Страбонъ, но для ихъ оцѣнки чрезвычайно важно помнить, что греческіе писатели вообще мало обращаютъ вниманія на формальную юридическую сторону дѣла и довольствуются констатированіемъ факта замѣны республики монархіей.

Валерій Максимъ и Веллей Патеркулъ писали уже послѣ смерти Августа, Л. Анней Сенека послѣ смерти Тиберія; какъ ни велико ихъ значеніе для выясненія общественнаго настроенія и его отношенія къ власти, для юридической конструкціи послѣдней они не имѣютъ почти никакого значенія. То же слѣдуетъ сказать о Петроніи, Луканѣ, Персіи, Марціалѣ, Стаціи, Силіи Италійскомъ и Ювеналѣ, а также о Плиніи старшемъ. Въ виду этого, мы будемъ ими пользоваться только въ тѣхъ частяхъ нашего изслѣдованія, гдѣ намъ придется изучать взаимное отношеніе общества и власти. Зато къ этому времени относится другая первостепенной важности надпись, такъ называемая lex de imperio Vespasiani

[1]) Тѣ изъ нихъ, которыя проливаютъ свѣтъ и на эту сторону дѣла, въ своемъ мѣстѣ будутъ отмѣчены. Таковы нѣкоторыя мѣста изъ фастъ пренестинскихъ и др., т. наз. ius iurandum in C. Caesarem Augustum и т. д.

69 года (C. J. L. 6, 167 n. 930; Bruns, fontes iuris romani antiqui, стр. 182), которая даетъ намъ возможность дополнить автобіографію Августа на основаніи безспорно оффиціальнаго источника и въ значительной степени исправить его намѣренныя неточности и недомолвки.

Изъ позднѣйшихъ писателей Тацитъ и Светоній, затѣмъ Аппіанъ и, наконецъ, особенно Діонъ Кассій имѣютъ для насъ наибольшее значеніе. Первое мѣсто по обилію важныхъ для насъ данныхъ среди нихъ принадлежитъ сенатору III вѣка, современнику Северовъ, Діону Кассію. Тогда какъ Тацитъ посвящаетъ Августу лишь введеніе къ своимъ Анналамъ (первыя десять главъ) [1]) и еще нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній въ другихъ мѣстахъ [2]), тогда какъ анектодическій, почти безсвязный разсказъ Светонія не даетъ никакого представленія о ходѣ развитія принципата, а Аппіанъ кончаетъ свое изложеніе битвой при Акціумѣ, одинъ Діонъ Кассій даетъ намъ связный, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ, разсказъ объ исторіи реформъ Августа, создавшихъ принципатъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что большинство современныхъ ученыхъ, по примѣру Моммзена, относятся очень скептически къ этому источнику. Причина тутъ двоякая. Съ одной стороны, при низкомъ уровнѣ историческихъ свѣдѣній и историческаго чутья древняго міра, вполнѣ естественно, что писатель III вѣка не отдаетъ себѣ отчета въ тѣхъ значительныхъ видоизмѣненіяхъ въ характерѣ принципата, которыя постепенно превратили его изъ чрезвычайной республиканской магистратуры въ монархическую власть, и смотритъ на созданіе Августа сквозь призму сложившихся при Северахъ отношеній и взглядовъ. Особенно ярко это сказывается въ извѣстной рѣчи Ме-

[1]) Точнѣе Ann. 1, 1—5, 9—10.
[2]) Напр. Ann. 3, 28.

цената, въ которой, какъ полагаютъ [1]), Діонъ устами знаменитаго помощника Августа излагаетъ свою собственную теорію императорской власти. Ни рѣчь Мецената, ни предшествующая рѣчь псевдореспубликанца Агриппы, разумѣется, не имѣютъ никакого значенія ни для выясненія первоначальнаго характера принципата, ни для характеристики двухъ наиболѣе выдающихся сотрудниковъ Августа. Но то же, что̀ слѣдуетъ сказать объ этихъ рѣчахъ, приходится, какъ извѣстно, сказать и объ огромномъ большинствѣ, если не о всѣхъ рѣчахъ, встрѣчающихся, напримѣръ, у Ливія. Древніе историки вообще совершенно иначе смотрѣли на свою задачу, чѣмъ ученые XIX вѣка, ихъ цѣль не изслѣдованіе, а просто изложеніе, притомъ по возможности красивое изложеніе, событій прошлаго. Гдѣ риторическія соображенія [2]) или желаніе объяснить себѣ и своимъ читателямъ ходъ событій, по ихъ мнѣнію, требуютъ добавленія въ формѣ ли рѣчей, въ формѣ ли субъективныхъ догадокъ о побужденіяхъ и цѣляхъ разныхъ дѣятелей, они считаютъ себя въ правѣ дополнять и видоизмѣнять свои источники. Рѣчи, въ частности, иногда прямо изобрѣтаются авторомъ, иногда только сильно видоизмѣняются, причемъ побужденія автора, какъ ужъ замѣчено, могутъ быть самыя разнообразныя [3]). Подложность указанныхъ рѣчей у Діона, такимъ образомъ, также мало можетъ быть ему поставлена въ особенную вину, какъ и неправильный взглядъ на первоначальный характеръ принципата, тѣмъ болѣе, что помимо рѣчи Мецената ложное представленіе Діона о первоначальномъ характерѣ приципата проявляется лишь въ систематическомъ обзорѣ правъ и полномочій принцепса [4]). Разу-

[1]) Meyer, De Maecenatis oratione a Dione ficta. Берлинъ, 1891.

[2]) Cic. объ исторіи: opus maxime oratorium.

[3]) См., напр., рѣчь Клавдія 48 г. о принятіи провинціаловъ (Галловъ) въ сенатъ у Тацита, Ann. 11, 23—25 и въ Bruns, Fontes iuris. rom. ant., стр. 177—179.

[4]) Dio 53, 16—18.

мѣется, еслибы данныя, сообщаемыя Діономъ, ограничивались этими двумя мѣстами пятьдесятъ второй и третьей книги, цѣна его труда, какъ источника для исторіи возникновенія принципата, была бы весьма невелика. На самомъ же дѣлѣ, если оставить въ сторонѣ эти два экскурса, разсказъ Діона важенъ именно потому, что изъ него, и только изъ него мы узнаемъ ходъ развитія власти Августа: сообщая по годамъ всѣ важнѣйшія событія внѣшней и внутренней жизни Рима, Діонъ отмѣчаетъ какъ дарованіе и расширеніе трибунскихъ привилегій, а затѣмъ и трибунской власти, такъ важность и отчасти смыслъ событій 27 г., пріобрѣтеніе проконсульской власти въ 23 г., дарованіе ius edicendi въ 19 г., возобновленіе полномочій 27 г. и т. д. и т. д. Не будь его разсказа, мы бы почти ничего не знали о томъ, какъ и по какимъ поводамъ Августъ пріобрѣлъ свои многообразныя полномочія. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить — и это вторая причина недовѣрія современныхъ ученыхъ къ Діону — что и здѣсь онъ оказывается не совсѣмъ исправнымъ: такъ его сообщеніе, будто Августъ принялъ префектуру legum et morum, предложенную ему въ 19 г., несомнѣнно опровергается словами самого Августа въ его res gestae. Изъ сопоставленія Діона съ Светоніемъ, однако, явствуетъ, что указанное ложное мнѣніе Діона во всякомъ случаѣ было распространено еще въ началѣ II вѣка нашей эры, и обвинять Діона въ томъ, что онъ его взялъ изъ своего источника, мы едвали имѣемъ основаніе. Это, конечно, не значитъ, чтобы мы могли поставить его слова выше прямого заявленія Августа, но, съ другой стороны, указанная ошибка Діона не даетъ намъ права отвергать его свидѣтельства тамъ, гдѣ противъ него нельзя выставить безусловно авторитетное сообщеніе другого болѣе близкаго къ данному времени источника. Діонъ, несомнѣнно, выписывалъ и обрабатывалъ при составленіи своей исторіи цѣлый рядъ, бо̀льшей частью неизвѣстныхъ намъ, авторовъ, болѣе или менѣе близкихъ къ описываемому времени. Наряду съ лож-

ными, онъ черпалъ изъ нихъ и очень важныя свѣдѣнія. Опредѣлить цѣнность сообщаемыхъ имъ фактовъ, мы можемъ только посредствомъ сопоставленія ихъ съ другими литературными, эпиграфическими и нумизматическими данными, а никакъ не руководясь той или иной, современной намъ, конструкціей принципата. Гдѣ слова Діона не опровергаются прямо буквой или смысломъ другихъ текстовъ, мы не имѣемъ никакого права ихъ отвергать, и наоборотъ, хотя бы только въ виду того, что онъ выписывалъ болѣе раннихъ авторовъ, обязаны съ ними считаться [1]).

Главный недостатокъ Діона заключается, на нашъ взглядъ, въ другомъ, а именно въ отрывочности, краткости и случайности его сообщеній, съ одной, въ неряшливой терминологіи, съ другой стороны. Содержаніе власти, дарованной Августу въ 27 г. и затѣмъ нѣсколько разъ возобновленной, содержаніе трибунской и проконсульской власти нигдѣ точнѣе и подробнѣе не выясняется [2]). Трудно опредѣлить, какіе государственные акты, вкратцѣ упоминаемые Діономъ, совершались однимъ императоромъ, когда въ нихъ принималъ участіе и сенатъ, когда народное собраніе. Слова: Августъ совершилъ или приказалъ то-то, не всегда могутъ быть поняты буквально; зная, что фактически рѣшеніе зависѣло отъ Августа, Діонъ могъ не упомянуть о сенатѣ и въ такихъ случаяхъ, когда принято было обращаться къ сенату за совѣтомъ или даже формально предоставить ему рѣшеніе вопроса. То же самое, по крайней мѣрѣ для эпохи самого Августа, нужно сказать и о народ-

[1]) Мы еще увидимъ, что Моммзенъ иногда—отчасти въ очень важныхъ пунктахъ—считаетъ возможнымъ просто отвергать свидѣтельство Діона въ угоду своей системы принципата.

[2]) Если не считать упомянутой системы властей принципа (53, 16—18), которая описываетъ болѣе позднее положеніе дѣлъ. Для насъ было бы гораздо интереснѣе, еслибы Діонъ сохранилъ намъ данныя, рисующія положеніе I вѣка. Впрочемъ, онъ могъ ихъ и не найти въ своихъ источникахъ: какъ уже отмѣчено, писатели I вѣка н. Р. Хр. систематически молчатъ о политическихъ реформахъ Августа.

ныхъ собраніяхъ, роль которыхъ въ иныхъ случаяхъ, хотя бы формально, могла быть больше, чѣмъ Діонъ заставляетъ предполагать. Очень прискорбно, наконецъ, и то, что часть разсказа Діона дошла до насъ только въ позднѣйшемъ и очень сокращенномъ изложеніи византійскихъ писателей Ксифилина и Зонары [1]).

Тѣмъ не менѣе Діонъ, наряду съ нѣкоторыми надписями, нашъ важнѣйшій источникъ для первоначальной исторіи принципата; оставляя въ сторонѣ его собственныя разсужденія, также очень интересныя, но важныя только для его времени, мы можемъ почерпнуть изъ него рядъ очень цѣнныхъ указаній для занимающаго насъ вопроса.

Таковы наши источники. Къ какимъ же выводамъ пришли на основаніи ихъ современные ученые?

§ 2.

Наиболѣе важная попытка создать теорію римской императорской власти первыхъ вѣковъ нашей эры несомнѣнно принадлежитъ Моммзену. Первый знатокъ римскаго міра, юристъ и историкъ, филологъ, эпиграфистъ и нумизматъ, онъ занимаетъ совершенно исключительное положеніе среди историковъ римской имперіи, изъ которыхъ ни одинъ въ настоящее время не можетъ поспорить съ маститымъ авторомъ Римской Исторіи и Римскаго Государственнаго Права. Признавая огромное значеніе его замѣчательныхъ изслѣдованій, мы, однако, какъ уже замѣчено, никакъ не можемъ согласиться съ его исходной точкой зрѣнія и съ примѣняемымъ имъ методомъ.

То, что̀ выше сказано о его попыткѣ, создать общую си-

[1]) Напр., часть 55 книги (конецъ гл. 11-ой, 12-ая и часть 13-ой), часть 56 книги (гл. 32 и 33 и ч. 34) и далѣе кн. 61, 62, 63 (Неронъ), 64, 65 (Гальба, Отонъ, Вителлій) 66, 67 (Флавіи) и т. д.

стему римскаго государственнаго права съ древнѣйшихъ временъ до Діоклеціана, на нашъ взглядъ, въ значительной мѣрѣ примѣнимо и къ императорскому періоду. Эпоха Августа и Северовъ настолько различны, что для ихъ пониманія необходимо ихъ строго различать и изучать каждую въ отдѣльности, общаго же между ними (принципъ народнаго верховенства, существованіе сената) такъ мало, что правильное изображеніе и той и другой въ рамкахъ одной системы даетъ совершенно неудовлетворительное представленіе о дѣйствительной жизни Рима въ соотвѣтственное время. На нашъ взглядъ конструировать принципатъ, исходя (преимущественно) изъ данныхъ перваго времени его существованія, также невозможно, какъ и пользуясь безразлично данными для разныхъ періодовъ его развитія. Мы еще увидимъ какія существенныя измѣненія внесъ, напр., Тиберій во взаимныя отношенія власти и сената, какъ Домиціанъ пріобрѣлъ ius adlectionis и т. д. Почти полное упраздненіе народныхъ собраній значительно отличаетъ эпоху Августа отъ временъ его преемниковъ. Система, которая игнорируетъ эти измѣненія, никоимъ образомъ не можетъ быть признана удовлетворительной. Между тѣмъ, теорія Моммзена именно представляетъ изъ себя послѣдовательный логическій выводъ изъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній реформъ Августа—но этотъ выводъ, какъ мы увидимъ, не только болѣе послѣдователенъ, чѣмъ дѣло рукъ Августа, но и не согласенъ съ болѣе поздними формами римской жизни.

Теорія Моммзена въ самыхъ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему.

Принципатъ представляетъ форму государственнаго устройства Рима, созданную Августомъ, законченную Тиберіемъ и просуществовавшую до реформъ Діоклеціана [1]). Власть принцепса не только не стоитъ надъ законами, но подчинена имъ

[1]) St. R. 2, 749. См. выше стр. 3 прим. 1.

и ограничена ими [1]). Въ отличіе отъ республиканскихъ магистратуръ принципатъ чрезвычайная власть [2]) и въ силу этого, съ одной стороны, пріобрѣтеніе ея не предполагаетъ никакихъ законныхъ квалификацій со стороны пріобрѣтающаго ее [3]), съ другой стороны, она eo ipso исчезаетъ со смертью ея обладателя: умри консулъ, замѣщеніе вакансіи разумѣется само собой, при смерти принцепса каждый разъ возникаетъ вопросъ о самомъ существованіи принципата. Иначе говоря, теоретически государственная жизнь сохранитъ свое нормальное теченіе и безъ принцепса, тогда какъ она безусловно нуждается, напр., въ консулатѣ [4]). Принцепсъ, такимъ образомъ, ни болѣе ни менѣе какъ чрезвычайное должностное лицо [5]), онъ не монархъ-господинъ и не монархъ-богъ [6]). Въ качествѣ должностного лица онъ отвѣтственъ за свои дѣйствія [7]); это выражается въ воз-

---

[1]) Ss. R. 2, 749... nicht mit einer Machtfülle, die ihn über die Verfassung stellte, sondern mit einer in die verfassungsmässigen Ordnungen eingefügten und fest umschriebenen Competenz.

[2]) St. R. 2, 788. Eine formale Wahlqualification für die Kaisercreirung giebt es nicht. Nicht blos sind die für die ordentlichen Magistrate der Republik geltenden Vorschriften überall nicht anwendbar auf die ausserordentliche Magistratur (объ этомъ см. стр. 713) und also auch nicht für den zu dieser gehörigen Principat, sondern es giebt überhaupt für die Kaiserwahl kein rechtlich disqualificirendes Moment, da eine jede als ein Act des schlechthin souveränen Volkswillens aufgefasst wird.

[3]) См. предыдущ. прим.

[4]) R. St. 2, 1143: überhaupt ist der Principat nach formalem Recht, wie jedes ausserordentliche Amt, verfassungsmässig statthaft, aber nicht verfassungsmässig notwendig; wie nach Sullas Rücktritt und nach Cäsars Ermordung, stirbt auch in der augustischen Verfassung von rechtswegen der Principat mit dem Princeps und tritt aufs neue das alte consularische Regiment ein... Логическій выводъ изъ этого далѣе стр. 1144 пр. 2: Auch die diocletianisch-constantinische Staatsordnung ist in dieser Hinsicht von der älteren nicht principiell verschieden.

[5]) R. St. 2, 749: der Princeps ist nichts als ein Beamter mehr.

[6]) R. St. 2, 754—762.

[7]) R. St. 2, 751: Hinsichtlich der criminalrechtlichen Verantwortlichkeit, auf die es theoretisch wie praktisch vor allem ankommt, ist die Stellung des Princeps rechtlich nicht mehr privilegirt, als die eines jeden anderen Oberbeamten der Republik.

можности его низложенія [1]) и особенно въ возможности такъ называемой damnatio memoriae [2]). Съ другой стороны, однако, принципатъ существенно отличается отъ прежнихъ республиканскихъ магистратуръ: основные принципы, лежавшіе въ основаніи всей республиканской магистратуры,—коллегіальность, срочность, точное опредѣленіе компетенціи,—не примѣняются къ нему [3]). Съ возникновеніемъ принципата поэтому возникаетъ и новое опредѣленіе магистратуры, какъ „представителя и органа народнаго верховенства", и въ этомъ смыслѣ принципсъ все-таки остается магистратомъ [4]).

Власть принцепса складывается изъ ряда самостоятельныхъ полномочій. Одна группа послѣднихъ безусловно необходима для созданія принципата; вмѣстѣ съ тѣмъ лицо, обладающее ею, ео ipso принцепсъ, хотя бы оно и не имѣло другихъ. Это imperium или проконсульская власть [5]) т.-е. исключительное, верховное начальство надъ всѣми войсками имперіи. Она всегда дается безсрочно т.-е. пожизненно [6]).

---

[1]) 2, 1132—1133; 1133: der römische Principat ist nicht bloss praktisch, sondern auch theoretisch eine durch die *rechtlich* permanente Revolution temperirte Autokratie см. ниже.

[2]) 2, 752 и 1133—5; 1133: auch gegen den Todten ist die Fortsetzung und selbst die Einleitung eines Criminalverfahrens nach römischem Recht zulässig.

[3]) См. Abriss 190: Das Wesen der Republik beruht auf der Collegialität und Annuität des Oberamts und beiden macht der Principat ein Ende. R. St. 2, 747: der Competenzbegriff, der das Wesen der republikanischen Magistratur ist, ist in dem Principat so weit ausgedehnt, dass diese Schranken faktisch der Schrankenlosigkeit nahe kommen.

[4]) См. Abriss, стр. 191 и ниже.

[5]) R. St. 2, 840: Vielmehr ist eine einzige bestimmt definirte Competenz für den Princeps schlechthin notwendig, aber auch für sich allein schon genügend, um den Principat zu constituiren: es ist dies das imperium oder die proconsularische Gewalt, d. h. der ausschliessliche Operbefehl über die Soldaten des gesammten Reiches. Es giebt noch viele andere specifisch kaiserliche Rechte, aber wer diesen Oberbefehl hat, ist Kaiser, auch wenn ihm jedes andere kaiserliche Recht mangelt. Ср. 2, 848.

[6]) R. St. 2, 848: von Anfang an örtlich und zeitlich unbegrenzt. Ср. 2, 854.

Означенное проконсульское imperium, дарованное Августу въ 27 г. пожизненно, нужно строго отличать отъ другого также проконсульскаго imperium, въ силу котораго онъ пріобрѣтаетъ управленіе частью римскихъ провинцій и которое по крайней мѣрѣ Августу было дано на извѣстный, потомъ нѣсколько разъ продолженный, срокъ также въ 27 г. [1]).

Вторая существенная составная часть принципата—безсрочная трибунская власть: она является вѣрнымъ и полнымъ выраженіемъ власти государя (Herrschergewalt) [2]). Но и въ ней слѣдуетъ строго различать два круга компетенцій: компетенцію, непосредственно связанную съ трибунатомъ, и болѣе или менѣе разнородныя дополненія, внесенныя въ законъ, которымъ народъ даруетъ ее данному лицу [3]). Этотъ законъ есть ни что иное какъ упоминаемая юристами lex de imperio, часть которой дошла до насъ въ фрагментѣ т. наз. lex de imperio Vespasiani 69—70 г. [4]).

Понтификатъ, наконецъ, давая своему носителю широкія полномочія въ области религіозной жизни, тѣмъ не менѣе съ конституціонной стороны не играетъ существенной роли среди

---

[1]) R. St. 2, 856 и особ. 2, 1087: Verschieden von der allgemeinen aus dem ausschliesslichen kaiserlichen Obercommando abgeleiteten ist diejenige proconsularische Gewalt, kraft welcher der Kaiser einzelne Provinzen in ähnlicher Weise, wie die gewesenen Consuln und Prätoren ihre Statthalterbezirke, in seine Verwaltung nimmt. Jene, das eigentliche Fundament der Kaisergewalt, bezieht sich notwendig auf das ganze Reich und ist notwendig lebenslänglich; diese ist zwar thatsächlich immer mit der Kaisergewalt verbunden, aber einerseits auf einen Theil des Reiches beschränkt, andrerseits zunächst von Augustus mit fester Endfrist übernommen worden.

[2]) R. St. 2, 873: in dieser Gestalt ist die tribunicische Gewalt, als die höchste mit dem Principat notwendig verknüpfte bürgerliche Magistratur, namentlich in formaler Beziehung der rechte und volle Ausdruck der Herrschergewalt geworden und geblieben.

[3]) R. St. 2, 879: Bei der tribunicischen Competenz des Princeps ist hiernach zu unterscheiden die unmittelbar in der tribunicischen Gewalt als solcher enthaltene und diejenige, die aus den hinzugefügten, mehr oder minder heterogenen, Specialclauseln des Uebertragungsgesetzes sich herleitet.

[4]) R. St. 2, 876—879.

полномочій принцепса и стоитъ, такъ сказать, особнякомъ отъ нихъ, что и выражается въ особомъ дарованіи его каждому принцепсу [1]).

Не менѣе своеобразна, чѣмъ теорія проконсульской и трибунской власти [2]), и теорія Моммзена о способѣ пріобрѣтенія принципата.

Согласно съ преобладающимъ значеніемъ проконсульской власти, рѣшающее значеніе для пріобрѣтенія принципата имѣетъ форма пріобрѣтенія imperii proconsularis, а это imperium, „строго говоря, не даруется; имъ завладѣваютъ, какъ республиканскимъ титуломъ императора, по приглашенію сената или по приглашенію войска“ [3]). По этому самому народное собраніе никогда не даруетъ и не утверждаетъ imperium'а, тогда какъ, наоборотъ, трибунская власть всегда даруется народомъ. „Исключительное начальство надъ войсками несомнѣнно разсматривалось какъ основанное на высшей (?) манифестаціи народной воли: въ виду этого оно не нуждается въ утвержденіи актомъ, если можно такъ выразиться, низшаго народнаго верховенства (?) [4]). Провозглашеніе даннаго лица войскомъ или вообще толпою военныхъ [5]) имѣетъ такое же

[1]) R. St. 2, 1107.

[2]) Отмѣтимъ уже здѣсь, что раздвоеніе проконсульской власти показалось Моммзену необходимымъ, чтобы обойти свидѣтельство Діона, которое Моммзенъ отвергаетъ; раздвоеніе трибунской власти вызвано противорѣчіемъ его взгляда на lex de imperio съ содержаніемъ закона о власти Веспасіана.

[3]) R. St. 2, 842.

[4]) R. St. 2, 842 пр. 1: „Aber das ausschliessliche Soldatencommando ist sicher behandelt worden als ruhend auf der höchsten Manisfestation des Volkswillens und daher der Confirmation durch einen Act, wenn man so sagen darf, der niederen Volkshoheit weder fähig noch bedürftig“. Непонятно, почему воля собранія суверенаго народа ниже воли случайно соединившейся толпы солдатъ, по происхожденію, быть можетъ, даже не гражданъ!?

[5]) R. St. 2, 844: Wenn also das faktische Gewicht der Aufforderung natürlich davon abhängt, in wie weit die Auffordernden in der That dies (=представители народной воли) sind oder werden, so macht für die rechtliche Beschaffenheit des Akts ihre Zahl und ihr Rang keinen Unterschied.

юридическое значеніе какъ провозглашеніе его сенатомъ [1]), и если каждый провозглашенный войскомъ императоръ долженъ быть признанъ сенатомъ, то такъ же точно и провозглашенный сенатомъ императоръ „разумѣется“ нуждается въ признаніи войска [2]). Провозглашеніе сенатомъ представляется лишь „болѣе умѣстнымъ, осторожнымъ и полезнымъ для государства“ (2, 842). Въ этомъ смыслѣ римскій принципатъ, дѣйствительно, продолженіе и завершеніе римской демократіи. Эта всемогущая магистратура покоится на началѣ народнаго верховенства, выразителемъ котораго является какъ высшее государственное учрежденіе, такъ и общественное мнѣніе лагеря (2, 844).

Установивъ это положеніе, Моммзенъ дальше говоритъ: „изъ принципа, что народная воля всецѣло создаетъ императора, было сдѣлано и заключеніе, что она же и низлагаетъ его. Прежде всего сенату надлежитъ выразить общественное мнѣніе; нѣсколько разъ случалось, что онъ лишалъ царствующаго государя (den regierenden Herrn) имперіума и, если это происходило не чаще, то причина заключается не въ отсутствіи права, а въ отсутствіи силы. Но и въ такомъ случаѣ народная воля не связана требованіемъ иниціативы сената; напротивъ, она всегда и всюду законна, разъ правомъ сильнѣйшаго будетъ доказано, что она дѣйствительно воля всѣхъ. Римскій принципатъ не только практически, но и теоретически является самодержавіемъ, ограничиваемымъ юридически признаннымъ правомъ возстанія“ [3]).

Ссылка на Tac. hist. 1, 27 о провозглашеніи Отона 23 speculatores чрезвычайно неудачна: самъ Тацитъ явно отмѣчаетъ ненормальность этого факта.

[1]) R. St. 2, 843: rechtlich...

[2]) R. St. 2, 843: Natürlich ist jeder vom Senat ernannte Imperator von der Truppe und jeder von der Truppe ernannte Imperator vom Senat anzuerkennen und regulirt ist der neue Principat immer erst, wenn beides stattgefunden hat.

[3]) R. St. 2, 1132—3: Auch in diesem Fall aber ist der Volkswille nicht gebunden an die Aeusserung durch den Senat; vielmehr ist er immer und

Таковы составныя части и происхожденіе новой чрезвычайной магистратуры: что новый магистратъ не монархъ, видно уже изъ того, что онъ не имѣетъ оффиціальнаго титула, опредѣляющаго и выражающаго его положеніе (2, 765). Званіе princeps, которое не имѣетъ ничего общаго съ princeps senatus (2, 774, пр. 4) „правда совершенно вѣрно выражаетъ положеніе императора, особенно въ виду того, что оно не подчеркиваетъ какой-нибудь одной части его власти въ ущербъ другимъ, а опредѣляетъ его положеніе во всей его совокупности“, но это не титулъ (2, 775—6).

Спрашивается, каково же отношеніе новаго магистрата къ старымъ, къ сенату и народу? Республиканскіе магистраты

überall berechtigt, wenn er als der wahrhafte Wille der Gesammtheit sich ausweist durch das Recht des Stärkeren. *Der römische Principat ist nicht bloss praktisch, sondern auch theoretisch eine durch die rechtlich permanente Revolution temperirte Autokratie.* Это одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ, какъ страстная натура автора опрокидываетъ всѣ препятствія, лишь бы добиться логическаго завершенія системы. Нечего и говорить, что нѣтъ такого источника, который могъ бы оправдать это утвержденіе Моммзена. Это такая же импровизація, какою въ значительной мѣрѣ является и его характеристика „совершеннаго и цѣльнаго человѣка“, Цезаря. Моммзенъ и самъ прибавляетъ: Man wird nicht erwarten diesen schroffen Satz in der zahmen uns erhaltenen Literatur niedergelegt zu finden, aber gelebt hat er in den Gemüthern, und wenn nicht Bücher, so ist Geschichte damit gemacht worden. Теорія Моммзена въ данномъ случаѣ ничто иное какъ общій выводъ изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о большомъ количествѣ военныхъ мятежей и дворцовыхъ переворотовъ римской имперіи. Но что же мѣшаетъ намъ въ такомъ случаѣ признать, что и въ современной Франціи съ ея четырьмя удачными и многочисленными неудачными революціями и возстаніями принципъ народнаго верховенства не только практически, но и теоретически равносиленъ признанію права возстаній? Тутъ мы бы могли сослаться даже на декларація правъ 1791 г. и 1793 г. и многочисленные отзывы революціонныхъ писателей, тогда какъ ни того, ни другого въ римской имперіи нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ немногихъ лѣтъ въ концѣ прошлаго столѣтія, когда постоянная на дѣлѣ революція была освящена и закономъ, никто, конечно, не будетъ говорить о юридически признанномъ правѣ возстаній. Если тотъ или иной народъ признаетъ за собой право возстать противъ притѣснителей, то тутъ, очевидно, можно только имѣть въ виду нравственное право. Моммзенъ, очевидно, смѣшалъ сознаніе нравственнаго или „естественнаго“ права національной самозащиты противъ тиранніи съ существованіемъ такого же права, признаннаго закономъ.

теряютъ свое политическое значеніе, поскольку они не дѣйствуютъ какъ предсѣдатели или представители сената. Народъ теряетъ свою судебную власть еще при Августѣ, право избранія магистратовъ при Тиберіи; въ области законодательства сенатусконсультъ замѣняетъ законъ; наконецъ перестаютъ созывать народъ и для рѣшенія политическихъ вопросовъ:—единственнымъ постоянно дѣйствующимъ политическимъ учрежденіемъ остается сенатъ. „Созданная Августомъ конституція представляетъ изъ себя компромиссъ; она ставитъ другъ возлѣ друга, съ одной стороны, сенатское владычество Суллы, съ другой, всемогущее самодержавіе Цезаря“ (3, 1252). Но при этомъ „положеніе сената легитимно и вѣчно и во время междуцарствій между принципатами сенатское управленіе ipso iure вступаетъ въ свои права; императорская власть остается чрезвычайной, постоянно, но не обязательно, возрождающейся магистратурой“. (3, 1262). „Принципіально всемогущество сената и всемогущество принцепса взаимно исключаютъ другъ друга; тѣмъ не менѣе въ теченіе трехъ вѣковъ отъ битвы при Акціумѣ до Діоклеціана если и не равновѣсіе, которое никогда не было достигнуто, то все-таки практическое сосуществованіе императорскаго и сенатскаго правленія представляло конституціонный порядокъ вещей“ (3, 1252). Народъ, какъ носитель верховенства, не появляется болѣе на сцену: представителемъ его служитъ сенатъ. Сенатъ избираетъ магистратовъ и законодательствуетъ; онъ теперь замѣняетъ комиціи (3, 1255). Съ внѣшней стороны это выражается въ оффиціальномъ терминѣ senatus populusque Romanus, который начинаетъ появляться еще раньше, въ эпоху Цицерона, но устанавливается окончательно только теперь (3, 1257 — 1259). Несмотря на то, что, „вообще избѣгаютъ опредѣлить существующее между сенатомъ и императоромъ отношеніе формально“ (3, 1259) и что это отношеніе вовсе не покоится на точно формулированной закономъ основѣ

(3, 1254), „положеніе принцепса таково, что назвать новый порядокъ монархіей, хотя бы и ограниченной, юридически совершенно невозможно. Наиболѣе точно сущность этого своеобразнаго устройства можно было бы выразить терминомъ „діархія“, подразумѣвая подъ нимъ состоявшееся разъ на всегда раздѣленіе власти между сенатомъ, съ одной, и принцепсомъ, какъ довѣреннымъ лицомъ общины, съ другой стороны“ (2, 748). Въ строѣ государственной жизни это выражается во-первыхъ въ томъ, что во всѣхъ актахъ, проистекающихъ изъ верховной государственной власти, сенатъ, въ качествѣ носителя правъ римскаго народа, стоитъ на первомъ планѣ, и во-вторыхъ въ томъ, что въ разныхъ областяхъ управленія устанавливается то кооперація двухъ высшихъ властей, то раздѣлъ компетенцій между сенатомъ и принцепсомъ, то, наконецъ, конкуренція между ними, причемъ, однако, власть принцепса безусловно сильнѣе (3, 1262).

Въ силу этого законодательство [1]) и избраніе магистратовъ всецѣло принадлежатъ сенату (3, 1265); въ судебномъ отношеніи права сената и принцепса одинаковы и конкурируютъ (3, 1267—8), въ области государственнаго управленія военныя и внѣшнія дѣла находятся всецѣло въ рукахъ принцепса (3, 1268), управленіе провинціями, финансы, чеканка монетъ раздѣлены между нимъ и сенатомъ.

Такова въ существенныхъ чертахъ теорія Моммзена [2]).

[1]) Замѣтимъ, что никогда формально не была установлена полная равносильность закона и сенатусконсульта: рѣшеніе сената формально всегда отличается отъ lex. Сенатусконсультъ вытѣснилъ законъ чисто фактически, какъ, начиная съ Гадріана, edictum императора вытѣснило самый сенатусконсультъ. Приписывать сенату законодательную власть вплоть до Діоклеціана такимъ образомъ невозможно. См. Herzog, 2, 369—70 и 492 пр. 2. Форма же промульгаціи важныхъ указовъ посредствомъ oratio in senatu habita сохранилась и много послѣ Діоклеціана. См., напр., введеніе къ Codex Theodosianus.

[2]) При изложеніи ея мы постарались выдѣлить основныя, постоянныя черты новаго строя отъ тѣхъ историческихъ наслоеній, которыя по необходимости занимаютъ такое широкое мѣсто въ трудѣ Моммзена, что

Основныя черты ея, т.-е. опредѣленіе новаго строя какъ двоевластія сената и принцепса, опредѣленіе принципата какъ чрезвычайной магистратуры, встрѣтили почти всеобщее сочувствіе [1]). Другое дѣло вопросъ о составныхъ частяхъ власти принцепса, о формѣ дарованія принципата, о правахъ принцепса на фискъ и провинціи и т. д. Здѣсь теорія Моммзена встрѣтила упорную и серьезную оппозицію. Наиболѣе опредѣленно разошелся съ Моммзеномъ въ этихъ пунктахъ авторъ большой, еще не оконченной, исторіи римскаго права, Карлова.

Дарованная принцепсу власть и по его мнѣнію такова, что юридически можно опредѣлить созданный установленіемъ принципата строй какъ раздѣленіе власти между народомъ или вѣрнѣе, такъ какъ комиціи совершенно отступаютъ на задній планъ, между сенатомъ и принцепсомъ (1, 491). Этотъ раздѣлъ выражается какъ въ томъ, что съ самаго начала (von vornhereiu) власть и почетныя отличія принцепса возвышаютъ его надъ обыкновенной магистратурой, — на него переносится maiestas римскаго народа (1, 490),—такъ и въ противоположности сенатскихъ и императорскихъ провинцій, эрарія и фиска, республиканскихъ магистратовъ и императорскихъ префектовъ и прокураторовъ и т. д. (1, 492) [2]).

И для Карлова „принципатъ, какъ переживающая отдѣльнаго принцепса форма конституціонной жизни (Verfassungs form), юридически вообще не былъ введенъ... такъ что, пока не былъ избранъ новый принцепсъ, юридически существовалъ одинъ только старый порядокъ“ (1, 490), т.-е. республиканскій строй съ консулами, сенатомъ и комиціями.

иногда затемняютъ его взглядъ на неизмѣнную, по его мнѣнію, сущность принципата отъ Августа до Діоклеціана. См. 2, 749.

[1]) Иначе Madvig, 1, 531. Mispoulet, см. ниже.

[2]) О полномъ раздѣлѣ невозможно говорить: императоръ имѣлъ верховный надзоръ и надъ т. наз. сенатскими провинціями; о фискѣ см. ниже; на ряду съ префектами и прокураторами подъ непосредственной властью императора находились и legati Augusti pro praetore съ магистратскимъ характеромъ.

Совершенно несогласенъ Карлова, наоборотъ, съ теоріей Моммзена о составныхъ частяхъ власти принцепса и о формѣ ея пріобрѣтенія.

Прежде всего онъ не признаетъ возможнымъ отождествить полномочія, дарованныя Августу въ 27 г. надъ войсками и частью провинцій на опредѣленный срокъ, съ проконсульской властью, дарованной ему по свидѣтельству Діона, „на всегда сразу“ въ 23 г. По его мнѣнію для Августа въ 27 г. было создано особое imperium. „Положеніе главнокомандующаго, которое занимали уже Сулла и Цезарь и которое затѣмъ пріобрѣлъ основатель принципата, было выше всѣхъ республиканскихъ магистратуръ; не существовало такого республиканскаго imperium, которое сколько-нибудь соотвѣтствовало бы этому положенію“ (1, 492). Кромѣ Діона, онъ ссылается для подтвержденія своего взгляда еще на различеніе императорской и проконсульской власти у біографовъ императоровъ II и III вѣка [1]), на различеніе титуловъ imperator и proconsul, которое съ Траяна не подлежитъ сомнѣнію [2]), на второстепенную роль титула proconsul [3]), на постоянство титула imperator въ отличіе отъ титула proconsul, который до Септимія Севера примѣняется только внѣ Рима и Италіи, и т. д.

Если свидѣтельство scriptorum historiae Augustae не имѣетъ особенно вѣскаго значенія [4]), а введеніе титула proconsul относится, повидимому, лишь ко времени Траяна и само по себѣ лишь для его времени могло бы служить доказательствомъ для различенія imperium и imperium proconsulare, то этого нельзя

[1]) Напр. v. Veri 4: dato igitur imperio et indulta tribunicia potestate, proconsulatus etiam honore delato. См. v. Jul. 3. v. Alex. 1. v. Probi 12.

[2]) C. J. L. 3, p. 870.

[3]) Онъ всегда стоитъ въ концѣ титулатуры.

[4]) О нихъ см. изслѣдованіе H. Peter'a, die Scriptores historiae Augustae, а также его die Geschichtslitteratur der röm. Kaiserzeit, т. II, стр. 338 сл.

сказать о свидѣтельствѣ Діона, о которомъ намъ еще придется говорить [1]).

Какъ бы то ни было, Карлова на основаніи указанныхъ данныхъ приходитъ къ заключенію, что „императорская власть (т.-е. общее imperium 27 года) давала принцепсу, помимо относившихся ко всему государству полномочій, только управленіе императорскими провинціями, управленіе же остальными послѣ раздѣла осталось за сенаторскими проконсулами и находилось подъ верховнымъ надзоромъ сената; принцепсъ не имѣлъ въ силу своей императорской власти верховнаго надзора надъ ихъ управленіемъ“ (1, 494). „Чтобы распространить благотворное вліяніе новаго правленія и на эти (сенатскія) провинціи, принцепсъ добился дарованія iuris proconsularis, относившагося исключительно къ сенатскимъ провинціямъ и дававшаго ему верховный надзоръ надъ ними“ (1,494).

Среди полномочій принцепса, такимъ образомъ, слѣдуетъ различать основныя, составляющія центръ его власти и дарованныя ему при раздѣлѣ власти между нимъ и сенатомъ съ народомъ, и добавочныя, относящіяся къ предоставленной сенату-народу сферѣ управленія.

Юридическимъ базисомъ его основныхъ полномочій является lex de imperio, которая не можетъ относиться къ дарованію трибунской власти (1,494), оффиціальнымъ, хотя и не принятымъ въ титулатуру, общимъ обозначеніемъ его положенія, званіе princeps (ib). Дарованіе императорской власти фактически часто находится въ рукахъ войска, но по закону принадлежитъ народу и сенату (495—6). Согласно съ этимъ, положеніе новаго принцепса становится законнымъ лишь послѣ lex de imperio.

Imperium даетъ принцепсу: 1) исключительное начальство надъ всѣми войсками государства какъ внѣ, такъ и внутри

[1]) См. ниже.

померіума, 2) право объявлять войну и заключать миръ, союзы и договоры [1]), 3) право награждать ветерановъ землями посредствомъ ассигнацій (viritim) или основаніемъ колоній, 4) право даровать перегринамъ ius Latii или ius Quiritium, муниципіямъ право колоній и т. д. посредствомъ leges datae, 5) права собственности надъ provinciae Caesaris и управленіе ими [2]), 6) право расширять границы померія [3]), 7) вѣроятно, право созывать комиціи, 8) право созывать сенатъ, дѣлать доклады, производить голосованіе и т. д. [4]), 9) право комендировать кандидатовъ при выборахъ магистратовъ [5]), 10) широкое ius edicendi [6]), 11) неограниченную уголовную юрисдикцію, 12) высшую юрисдикцію по гражданскимъ дѣламъ, 13) финансовыя полномочія, 14) освобожденіе отъ извѣстныхъ законовъ [7]).

Таковы, по мнѣнію Карловы, права принцепса, предусмотрѣнныя въ lex de imperio [8]) и входящія въ составъ его основного imperium. Кромѣ этого imperium принцепсъ имѣетъ еще: 1) проконсульскую власть надъ сенатскими провинціями, 2) трибунскую власть, т.-е. неприкосновенность, ius intercessionis, auxilii и coercitionis, 3) верховный понтификатъ и другія сакральныя должности. Послѣ Домиціана къ этому присоединяется еще цензорская власть [9]).

Съ мнѣніемъ Карловы въ общемъ согласились Виллемсъ (см. стр. 413, прим. 7) и Gardthausen.

---

[1]) Lex de imperio Vespasiani, стр. 1—3 (Bruns, fontes).

[2]) Всѣ эти права сводятся къ двумъ: распоряженіе войсками (и вознагражденіе ихъ 1, 496—7) и управленіе частью провинцій. И то и другое даровано Августу въ 27 г., остальныя права добавлены впослѣдствіи.

[3]) l. d. i. стр. 15—17, начиная съ Клавдія.

[4]) l. d. i. 4—9.

[5]) l. d. i. 10—14.

[6]) l. d. i. 18—21.

[7]) l. d. i. 22—28.

[8]) Нашъ единственный источникъ для опредѣленія содержанія legis de imperio неполонъ. Выше отмѣчено, какія изъ перечисленныхъ Карловой правъ упомянуты въ немъ.

[9]) Также Mommsen R. St. 2, 944.

Виллемсъ признаетъ теорію діархіи (стр. 422) и считаетъ, что абсолютная монархія юридически была установлена лишь при Діоклеціанѣ [1]), но не настаиваетъ на сохраненіи принципатомъ характера чрезвычайной магистратуры [2]). Центромъ императорской власти, по его мнѣнію, являются imperium (не проконсульское) и tribunicia potestas. Каждое изъ нихъ даруется спеціальнымъ закономъ, первое закономъ de imperio (часть котораго и есть фрагментъ закона 69—70 г.), вторая особой lex de tribunicia potestate [3]). Учрежденіемъ дарующимъ и отнимающимъ эти власти является сенатъ, начиная съ Тиберія замѣнившій собою народъ [4]). Войско можетъ фактически провозгласить императора, но это узурпація и никоимъ образомъ не можетъ быть признано законнымъ [5]). Компетенцію принцепса, соединенную съ imperium и съ tribunicia potestas Виллемсъ опредѣляетъ такъ же, какъ Карлова (стр. 413—416, resp. 417—418). Проконсульская власть, дарованная Августу, въ 23 г. не играетъ особенно важной роли (стр. 407).

Гардтгаузенъ особенно настаиваетъ на военномъ положеніи принцепса: если Герцогъ его обыкновенно называетъ „верховнымъ намѣстникомъ“ (Generalstatthalter), Гардтгаузенъ, наоборотъ, видитъ въ немъ, главнымъ образомъ, „имперскаго полководца“ (Reichsfeldherr) [6]). Согласно съ Карловой, онъ счи-

---

[1]) Droit public romain, стр. 422: La monarchie absolue n'existe en droit que depuis Dioclétien.

[2]) Droit p. r. passim и особ. 422: Pendant le premier siècle de l'Empire l'empereur est considéré comme le magistrat le plus élevé de l'Etat (princeps), partageant avec le Sénat le gouvernement de l'Etat.

[3]) Онъ ссылается на терминъ comitia tribuniciae potestatis: Henzen Acta fr. arv., p. 65—66, V. Tac. 7.

[4]) Стр. 411: qui depuis Tibère a hérité des attributions du peuple.

[5]) Стр. 410, прим. 5, Flav. Jos., Ant. Jud. 19, 3, 4. Dio 73, 1. v. Hadr. 6. v. Jul. 4.

[6]) И то и другое опредѣленіе безспорно одинаково односторонне и не принимаетъ въ разсчетъ многочисленныхъ правъ императора по отношенію къ общему, внутреннему и внѣшнему, управленію страной. См. выше стр. 49 слова Моммзена о титулѣ принцепсъ.

таетъ невозможнымъ отождествить imperium 27 г. съ проконсульской властью и видитъ основу императорской власти въ отличающемся отъ проконсульской власти, преимущественно военномъ imperium 27 года (2,288: Imperator oder Proconsul?) Такъ какъ, однако, цѣль его труда болѣе спеціальная, онъ не вдается въ подробную реконструкцію императорской власти.

Главный трудъ, поднявшій снова возбужденные Карловой вопросы, принадлежитъ перу Герцога. Въ общемъ его теорія можетъ быть названа компромиссомъ между теоріями Моммзена и Карловы, хотя она отчасти объясняется и своеобразнымъ взглядомъ Герцога на трибунатъ.

Къ чисто внѣшнему компромиссу привела также попытка автора примирить историческій и догматическій взглядъ на принципатъ. Изложивъ въ первой части второго тома своего труда политическую исторію имперіи до Діоклеціана, онъ въ слѣдующей части, по примѣру Моммзена, пытается охватить всѣ 300 слишкомъ лѣтъ, протекшія отъ битвы при Акціумѣ до 284 года, одной системой, но по необходимости и здѣсь постоянно принужденъ дѣлать чисто-историческія отступленія. Разбить этотъ долгій періодъ на болѣе мелкія эпохи и различать стадіи конституціоннаго развитія, онъ не рѣшился или не счелъ возможнымъ.

Вмѣстѣ съ Моммзеномъ онъ полагаетъ, что дарованная Августу въ 27 г. власть есть ничто иное какъ imperium proconsulare (2,615—617), но признаетъ, что права Августа, упомянутыя въ lex de imperio Vespasiani, не имѣютъ отношенія ни къ трибунской, ни къ проконсульской власти [1]) и что римскіе юристы имѣютъ въ виду именно ихъ, когда говорятъ о lex de imperio (2,618). „Такимъ образомъ, говоритъ онъ, придется признать, что для тѣхъ правъ принципата, которыя не содержатся ни въ imperium proconsulare, ни въ potestas tribunicia,

[1]) 2, 618: Ebensowenig wie mit der proconsularischen deckt sich dieser Inhalt mit der trihunicischen Gewalt.

существовалъ особый актъ дарованія, законъ объ обще-политической гражданской вспомогательной власти (ein Gesetz ueber die allgemeine politische bürgerliche Aushilfsgewalt), составлявшій содержаніе документа, къ которому относятся упомянутые фрагменты закона 69—70 г.“ [1]). Первыя изъ этихъ добавочныхъ правъ были дарованы Августу въ 19 г.: главное изъ нихъ чрезвычайно широкое ius edicendi, этотъ источникъ императорскихъ конституцій [2]). При опредѣленіи конституціоннаго положенія его преемниковъ вокругъ ius edicendi затѣмъ кристаллизовались другія права, данныя Августу независимо отъ проконсульской и трибунской власти; сюда же впослѣдствіи были добавлены права, пріобрѣтенныя его преемниками, напр., Клавдіемъ [3]). Учрежденіемъ, имѣвшимъ право даровать всѣ эти полномочія, и онъ признаетъ сенатъ (2,615), къ которому для трибунской власти присоединяется народъ (2,620). Но такъ какъ лицо, имѣющее проконсульскую власть, уже принцепсъ (2,620), то актъ сената, очевидно, важнѣе. Войско не имѣетъ права избирать принцепса [4]): лишь со времени Максимина начинаетъ устанавливаться взглядъ, что провозглашеніе императора войскомъ равносильно дарованію ему власти сенатомъ и народомъ (610, пр. 3).

Изъ отдѣльныхъ властей принцепса проконсульская (о ней 2,627—680) наиболѣе важная. Значеніе трибунской власти, наоборотъ, ограничивалось тѣмъ, что она сообщала принцепсу огромную популярность и необыкновенно почетное, почти священное положеніе, фактически подавляла власть коллегіи трибуновъ и дѣлала формальное упраздненіе послѣдней ненужнымъ, и наконецъ давала принцепсу возможность, проводить непопулярныя мѣры въ случаѣ надобности на основаніи неоспоримаго полномочія (2,687). Въ отличіе отъ Моммзена

[1]) 2, 618—619.
[2]) 2, 150 sequ. 619.
[3]) 2, 619.
[4]) Liv. 26, 2, 2: rem mali exempli esse imperatores legi ab exercitibus.

Герцогъ, такимъ образомъ, приписываетъ трибунской власти принцепса „преимущественно декоративное значеніе“ (ib).

Что касается, наконецъ, третьей составной части власти принцепса (2,687—749), то въ силу нея лицо, за которымъ сенатъ и народъ признали первенствующее положеніе въ государствѣ, получало возможность, оказывать обыкновеннымъ магистратамъ всюду, гдѣ бы это оказалось нужнымъ, *помощь*. (2,688). „Юридическій выводъ изъ этого опредѣленія заключается въ томъ, что принцепсъ по отношенію къ республиканскимъ магистратамъ не имѣлъ права приказывать или воспрещать, а занималъ параллельное съ ними положеніе“ (2,688).

Въ конечномъ выводѣ только теорія діархіи признается всѣми упомянутыми историками и теоретиками принципата.

Противъ этого основного положенія Моммзена высказался, наконецъ, Миспуле въ своихъ „Политическихъ учрежденіяхъ римлянъ“.

По его мнѣнію, правильнѣе всего признать принципатъ монархіей (1,233), притомъ монархіей абсолютной и не основанной на признаніи принципа народнаго верховенства (1,245) [1]). Всѣ основные элементы новаго порядка несовмѣстимы съ республиканской конституціей: для избранія императоромъ не требуется никакихъ внѣшнихъ законныхъ квалификацій; права императора не срочны, а пожизненны, и принадлежатъ ему единолично; природа этихъ правъ несогласна съ республиканскими принципами; въ результатѣ императорская власть не

[1]) 1, 245: le principe de l'élection appliqué à l'Empire ne prouve nullement, comme le pense Mommsen, que le nouveau gouvernement repose sur la base de la souveraineté du peuple, puisque, ainsi qu'on l'a vu, ni le peuple, ni ses représentants légitimes, ne sont, en réalité, appelés à exercer leur droit électoral (которое фактически узурпируется войскомъ или предшественникомъ даннаго лица посредствомъ усыновленія, дарованія титула Caesar или Augustus и т. д.) D'ailleurs le pouvoir monarchique peut ne point être héréditaire. Послѣднее несомнѣнно вѣрно, первое также несомнѣнно неправильно, см. Gaius Inst. 1, 5. Ulp. въ Dig. 1, 4, 1, наконецъ даже l. 1. § 7, C. I. 1, 17.

имѣетъ никакой законной границы и не подчинена никакой серьезной отвѣтственности (1,247).

Власть Августа составилась изъ постепенной кумуляціи разныхъ полномочій, дарованныхъ ему сенатомъ и народомъ (1,236). Наиболѣе существенныя изъ нихъ соединены съ проконсульской и съ трибунской властью (1,238), къ которымъ былъ присоединенъ рядъ другихъ. Послѣ смерти Августа всѣ эти права были соединены въ одномъ законѣ, который и есть lex de imperio юристовъ [1]): на основаніи одного этого закона императоръ получалъ и проконсульскую и трибунскую власть и разныя добавочныя полномочія, не исключая и званія верховнаго понтифа (2,242) [2]).

Понятно, что при такихъ условіяхъ Миспуле не видитъ никакой конституціонной разницы, между эпохой Августа и эпохой Діоклеціана. По его мнѣнію „между этими двумя эпохами существуютъ только формальныя различія; по существу первые цезари были настоящими царями только безъ титула“ (1,233).

Несмотря на коренное разногласіе Моммзена и Миспуле, при этомъ само собою разумѣется, что какъ взглядъ Моммзена покоится на „наиболѣе безспорныхъ свидѣтельствахъ, за предѣлы которыхъ нельзя выходить“ [3]), (Herzog 2, стр. XVI),

---

[1]) 1, 236: on concéda en bloc, au nouvel Empereur, dès son avènement, tous les droits condensés une fois pour toutes dans une formule précise.— См. Tac. hist. 1, 47, 2, 55. 4, 3. Dio. 79, 2. v. Jul. 3. См. стр. 242.

[2]) См. 1,242, прим. 25: le principal argument de Mommsen est tiré de la mention des comitia tribuniciae potestatis, dans les actes des frères arvales, et de l'intervalle qui s'écoule entre le décret du Sénat sur ce point et la tenue des comices (Henzen, Arval. p. 65. R. St. 2, 815 пр. 4); mais rien ne prouve que sous ce titre on n'ait pas entendu désigner la puissance proconsulaire aussi bien que la tribunicienne (Tac. hist. 1, 17). Gaius (1, 5) parle de l'imperium seul et cependant il songe évidemment à la lex regia etc.

[3]) Самъ Моммзенъ сравнительно рѣдко называетъ лицо, съ которымъ онъ полемизируетъ, но вообще его полемика отличается рѣзкостью. См. напр. R. St. 3, 1042, прим. 3: „Willems dreiste Behauptung“ (cf. ib. 3, 1037, пр. 2).

такъ и Миспуле ссылается на „не подлежащіе сомнѣнію источники“ (1.245).

§ 3.

Обзоръ главнѣйшихъ теорій принципата доказалъ намъ, какія коренныя противорѣчія существуютъ между учеными на счетъ истинной сущности созданія Августа. Вопросъ, очевидно, еще далеко не исчерпанъ, и въ виду этого необходимо приступить къ непосредственному изученію источниковъ для посильнаго выясненія его.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому, намъ кажется желательнымъ познакомиться съ тѣмъ, какъ самъ Августъ счелъ удобнымъ и нужнымъ опредѣлить свое положеніе и что говоритъ онъ самъ о своихъ полномочіяхъ послѣ устраненія другихъ тріумвировъ.

„Двадцати одного года отъ роду, я, въ качествѣ частнаго человѣка и на частныя средства, собралъ войско“, такъ начинается этотъ знаменитый документъ, „при помощи котораго возвратилъ государству, подпавшему владычеству партіи, свободу. За это сенатъ во время консульства Г. Пансы и А. Гирція почетными декретами принялъ меня въ свой составъ, давъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ право голосовать среди бывшихъ консуловъ и imperium. Онъ поручилъ мнѣ, въ званіи пропретора, заботиться вмѣстѣ съ консулами, чтобы государство не потерпѣло урона. А народъ въ тотъ же годъ избралъ меня консуломъ, такъ какъ оба консула пали на войнѣ, и тріумвиромъ rei publicae constituendae [1]).

„Тріумвиромъ г. р. с. я былъ въ теченіе десяти лѣтъ подъ рядъ“ [2]).

„Тѣхъ, кто убилъ моего отца, я подвергъ изгнанію, отом-

[1]) Mon. Anc. 1, 1—9.
[2]) Mon. Anc gr. 4, 1—2. См. объ этомъ ниже.

стивъ за ихъ дѣяніе законнымъ приговоромъ, и затѣмъ побѣдилъ ихъ два раза въ битвѣ, когда они начали войну противъ государства (bellum inferentis rei publicae)".

„Я принялъ на себя какъ на сушѣ, такъ и на морѣ гражданскія и внѣшнія войны и, побѣдивъ, пощадилъ всѣхъ пережившихъ ихъ гражданъ" [1]).

„Море я освободилъ отъ разбойниковъ. Послѣ войны съ рабами, бѣжавшими отъ своихъ господъ и поднявшими оружіе противъ государства, я передалъ ихъ господамъ приблизительно 30.000 плѣнныхъ для казни. Вся Италія добровольно присягнула мнѣ и потребовала, чтобы я былъ полководцемъ въ той войнѣ, во время которой я побѣдилъ при Акціумѣ. Также присягнули провинціи Галліи, Испаніи, Африка, Сицилія и Сардинія" [2]).

„Во время моего шестого и седьмого консульства, когда я прекратилъ гражданскія войны и съ всеобщаго согласія сталъ обладать неограниченной властью во всѣхъ дѣлахъ, я передалъ государство изъ моей власти во власть сената и народа римскаго. За эту мою заслугу я въ силу сенатусконсульта былъ названъ Августомъ, двери моего дома отъ имени государства были украшены лаврами, гражданская корона прикрѣплена надъ моими дверями и золотой щитъ положенъ въ куріи Іюлія, надпись на которомъ свидѣтельствуетъ, что сенатъ и народъ римскій присудили мнѣ его за доблесть, милосердіе, справедливость и благочестіе. Послѣ этого времени я превосходилъ всѣхъ почетомъ, власти же не имѣлъ нисколько больше тѣхъ, которые были моими коллегами по магистратурѣ [3]).

„Имя мое въ силу сенатусконсульта было внесено въ пѣснь Саліевъ и закономъ опредѣлено, чтобы моя особа была не-

---

[1]) Mon. Anc. c. 1 lat. 1, 10—14.
[2]) Mon. Ancyr. c. lat. 5, 1—6.
[3]) Mon Anc. lat. 6, 13—23 и gr. 17, 17—18, 8.

прикосновенна и чтобы я пожизненно имѣлъ трибунскую власть. Сдѣлаться верховнымъ понтифомъ я отказался, когда народъ мнѣ предлагалъ эту должность, которую имѣлъ мой отецъ, чтобы не отнять ее у живого коллеги. Я принялъ эту должность нѣсколько лѣтъ спустя, когда умеръ тотъ, кто захватилъ ее, воспользовавшись смутой [1]).

„Диктатуры, которую мнѣ народъ и сенатъ давали и въ моемъ отсутствіи и въ моемъ присутствіи во время консульства М. Марцелла и Л. Аррунція, я не принялъ... Консульства, годичнаго и постояннаго, которое мнѣ затѣмъ было дано, я не принялъ. Во время консульства М. Винуція и Кв. Лукреція, затѣмъ П. и Гн. Лентула, въ третій разъ Павла Фабія Максима и Кв. Туберона, когда сенатъ и народъ согласно желали, чтобы я одинъ былъ избранъ для заботы о законахъ и нравахъ съ величайшей властью, я не принялъ никакой должности, предложенной мнѣ вопреки обычаю предковъ. То, что сенатъ тогда рѣшилъ установить по моему предложенію, я провелъ въ силу принадлежавшей мнѣ трибунской власти. И для этой самой должности я по моей просьбѣ пять разъ принялъ отъ сената коллегу... Принцепсомъ сената я былъ до того дня, когда я это написалъ, въ теченіе сорока лѣтъ“ [2]).

„Когда я въ тринадцатый разъ былъ консуломъ, сенатъ и сословіе всадниковъ и весь римскій народъ назвали меня отцомъ отечества....“ [3]).

Если прибавить къ этому, что кромѣ трибунской власти Августъ изъ всѣхъ своихъ полномочій упоминаетъ только о consulare imperium, въ силу котораго онъ велъ цензы [4]), то это будетъ все, что можно извлечь изъ названнаго источника

---

[1]) Mon. Anc lat. 2, 21—28.
[2]) Mon. Anc lat. 1, 31—32; 35—45; graece 3, 2—5, 3, 9—4, 5.
[3]) Mon. Anc lat. 6, 24—25; gr. 18, 9—11.
[4]) Mon. Anc lat. 2, 1 сл.

для опредѣленія конституціоннаго положенія Августа. Нельзя не признать, что это сравнительно очень немного.

Ясно, что еслибъ мы располагали только собственными показаніями Августа, мы бы составили себѣ совершенно ложное представленіе о его положеніи въ государствѣ: на основаніи ихъ мы бы могли ему приписать только чрезвычайно почетное положеніе среди другихъ гражданъ, основанное почти исключительно на необыкновенныхъ заслугахъ его, какъ во время гражданскихъ войнъ, такъ и послѣ нихъ. Его res gestae также полны сообщеній о крупныхъ дарахъ какъ государству, такъ и плебсу, какъ свѣдѣніями о тѣхъ полномочіяхъ, которыхъ онъ *не* принялъ. Ни о существованіи провинцій Цезаря, ни о начальствѣ надъ войсками, ни о правѣ рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ, ни о правѣ созывать сенатъ [1]) и т. д., ни о совершенно исключительномъ правѣ распоряженій, ни объ освобожденіи отъ извѣстныхъ законовъ и рѣчи нѣтъ: обо всемъ этомъ Августъ, очевидно, такъ же намѣренно молчитъ, какъ и о заговорахъ противъ его личности; ни одинъ изъ нихъ не упомянутъ у него. Крайняя тенденціозность его свидѣтельства, такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію. Изъ его res gestae мы можемъ узнать, какъ, согласно съ его желаніемъ, народъ долженъ былъ себѣ представлять его власть, а не какова она была въ дѣйствительности.

Что Тацитъ и Светоній даютъ мало точныхъ свѣдѣній о реформахъ Августа, также уже было замѣчено. Въ виду этого мы теперь непосредственно перейдемъ къ нашему единственному серьезному источнику для исторіи возникновенія принципата, къ Діону Кассію. При изложеніи сообщаемыхъ имъ данныхъ намъ можно будетъ воспользоваться и отрывочными

---

[1]) Это право само по себѣ заключается въ трибунской власти, но Августу были дарованы совершенно исключительныя добавочныя права при сношеніяхъ съ сенатомъ. О нихъ см. ниже.

замѣчаніями Страбона, Тацита, Светонія и другихъ болѣе раннихъ свидѣтелей, а также и эпиграфическими данными.

Раньше, однако, чѣмъ приступить къ обозрѣнію тѣхъ фактовъ, которые такимъ образомъ возможно возстановить, необходимо вспомнить характеръ времени и общественнаго настроенія послѣ битвы при Акціумѣ.

Со времени смерти перваго Цезаря прошло 13 лѣтъ, когда въ Римъ пришло извѣстіе о смерти Антонія и Клеопатры и когда стало несомнѣннымъ, что всѣ силы римскаго государства находятся въ рукахъ одного человѣка, Цезаря Октавіана [1]). Эти тринадцать лѣтъ не остались безъ вліянія на римское общество. Если Тацитъ позднѣе, говоря о полной обезпеченности принципата при смерти Августа, замѣчаетъ „сколько осталось такихъ, кто еще видѣлъ республику?“ [2]), то въ извѣстномъ смыслѣ то же можно сказать и о времени возникновенія принципата. Дѣйствительно, вѣкъ римскихъ соціальныхъ и политическихъ революцій, почти безпрерывно потрясавшихъ государственный строй, вѣкъ тираническихъ вожделѣній Марія, Суллы, Помпея, Красса, Цезаря, М. Антонія e tutti quanti, вѣкъ анархическихъ безпорядковъ и кровавыхъ столкновеній на улицахъ столицы мало способствовалъ развитію гражданскихъ чувствъ и проявленію гражданскихъ доблестей [3]). Недаромъ въ это время начинаютъ искать политическій идеалъ въ прошломъ: если Сулла пытается вернуть внутренній строй государства чуть ли не къ періоду до первой

---

[1]) Dion 51, 1, 1: τότε πρῶτον ὁ Καῖσαρ τὸ κράτος πᾶν μόνος ἔσχεν, ὥστε καὶ τὴν ἀπαρίθμησιν τῶν τῆς μοναρχίας αὐτοῦ ἐτῶν ἀπ' ἐκείνης τῆς ἡμέρας ἀκριβοῦσθαι. R. St. 2, 746 пр. 4.

[2]) Tac. Ann. 1, 3: Quotusquisque reliquus, qui rem publicam vidisset?

[3]) Mommsen, R. G. 3, 306 сл., 513.

secessio plebis in montem sacrum [1]), Цицеронъ находитъ свой идеалъ въ эпохѣ Сципіоновъ. Проскрипціи тріумвировъ и естественная смерть устранили самыхъ опасныхъ враговъ единовластія. Въ 45 г. умеръ Катонъ. Въ 43 г. палъ Цицеронъ: какъ низко не цѣнить ихъ какъ государственныхъ дѣятелей, все же не подлежитъ сомнѣнію, что съ ихъ именами широкіе круги римскаго (особенно муниципальнаго и провинціальнаго) общества соединяли представленіе о безкорыстной дѣятельности въ пользу государства [2]). Въ 42 и слѣдующихъ годахъ пали Кассій, Брутъ и другіе убійцы Цезаря: опять-таки безспорно большею частью люди энергичные.

Еще раньше сошли со сцены молодые поэты половины вѣка, остроумныя, рѣзкія нападенія которыхъ на Цезаря пользовались широкой извѣстностью: Г. Валерій Катуллъ умеръ около 50 г., Г. Лициній Кальвъ еще до 46 г. [3]). Одинъ М. Фурій Бибакулъ, осыпавъ насмѣшками Цезаря-отца, преслѣдовалъ своими стихами и Цезаря-сына, но времена окончательно измѣнились, и къ его нападеніямъ относились равнодушно [4]).

Общество устало. Войны и проскрипціи не только погубили наиболѣе энергичныхъ его представителей, они надолго напугали оставшихся въ живыхъ, которые только съ ужасомъ вспоминали о нихъ. Особенно проскрипціи не забывались, и безусловный сторонникъ Августа и Тиберія, Веллей Патеркулъ не менѣе рѣзко осуждаетъ ихъ, чѣмъ мы бы могли это сдѣлать. Три усажнѣйшихъ событія этой эпохи для него, это

[1]) Его реформы привели къ почти полному уничтоженію трибуната.

[2]) Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерны событія при возвращеніи Цицерона изъ ссылки и его дѣятельность по организаціи борьбы съ М. Антоніемъ. Ср. отзывъ Ливія у Сенеки. Suasoriae, 6, 21.

[3]) O. Ribbeck., Gesch. d. röm. Dichtung, I, 314: des jungen Catullus offene, gesunde Natur war für Verschwörungen nicht geschaffen, ihm glänzte die Herrlichkeit der alten Republik in treuer Seele. См. ib. 324/325. Ср. Mommsen, Röm. Gesch. 3, 332; 3, 472.

[4]) O. Ribbeck, I, 346.

казни Марія [1]), проскрипціи Суллы [2]) и проскрипціи тріумвировъ. „Все было на краю гибели въ государствѣ“, замѣчаетъ онъ по поводу жестокостей Марія (2, 22, 5) „но тѣмъ не менѣе до этого времени не нашлось человѣка, который бы рѣшился дарить собственность римскаго гражданина или счелъ бы возможнымъ ея добиваться (убійствомъ). Впослѣдствіи прибавилось и это (какъ бы для того), чтобы алчность побуждала къ звѣрству, чтобы размѣръ наказанія устанавливался бы согласно размѣрамъ состоянія, чтобы тотъ былъ бы виновенъ, кто былъ богатъ, чтобы каждый самъ служилъ вознагражденіемъ за собственную опасность, и чтобы ничто не было позорно, что было выгодно“. Само собою разумѣется, что признать участіе Августа въ подобныхъ звѣрствахъ [3]), для Веллея невозможно; скрывая, насколько это возможно, его участвіе, онъ тѣмъ самымъ обезпечиваетъ себѣ право, осудить и вторыя проскрипціи. „Бѣшеный гнѣвъ Антонія и Лепи-

---

[1]) Vell. 2, 22, 1—2: Mox C. Marius pestifero civibus suis reditu intravit moenia. Nihil illa victoria fuisset crudelius, nisi mox Sullana esset secuta; neque licentia gladiorum in mediocris saevitum, sed excelsissimi quoque atque eminentissimi civitatis viri variis suppliciorum generibus adfecti...

[2]) Vell. 2, 28, 3: Primus ille, et utinam ultimus, exemplum proscriptionis invenit, ut. plurimum haberet, qui plurimos interemisset, neque occisi hostis quam civis uberius foret praemium, fieretque quisque merces mortis suae.

[3]) Wenn wir von der französischen Revolution absehen, so bietet die englische eine Parallele in dem Act of Attainder des irischen Parlaments gegen Engländer und Protestanten. Gardthausen I, 135. Проскрипціи тріумвировъ по словамъ Аппіана коснулись 300 сенаторовъ и 2000 всадниковъ (Аппіанъ, b. c. 4, 5). Свободные убійцы получали по 25.000 динаріевъ (ок. 9.000 р.), рабы 10.000 динаріевъ (ок. 3.500 р.) и свободу. App. 4, 11. Другія цифры мы находимъ у Ливія perioch. 120 (plurimi equites, 130 сенаторовъ), Плутарха, Cicero 46 (больше 200), Орозія 6, 8, 10 (132 сенатора), Діона Кассія 47, 3 сл., Флора 2, 16 (140 сенаторовъ). Различіе цифръ, б. м., объясняется свидѣтельствомъ Аппіана b. c. 4, 7, что было обнародовано нѣсколько списковъ: такъ въ первомъ было 17 сенаторовъ, во второмъ 130, въ третьемъ 150. Кромѣ того не всѣ опальные на самомъ дѣлѣ были убиты: нѣкоторымъ удалось бѣжать. О жестокомъ легкомыслін тріумвировъ при составленіи списка проскрибированныхъ см. напр., Val. Max. 9, 5, 4; Sen. ep. 83, 25.

да", говоритъ онъ 2, 66, 1—2, „не смотря на сопротивленіе Цезаря, безсильнаго противъ двухъ привелъ къ возобновленію ужаса, примѣръ котораго подалъ Сулла, къ проскрипціямъ. Нѣтъ ничего болѣе недостойнаго того времени, (т.-е. времени Августа) чѣмъ то, что Цезарь былъ принужденъ проскрибировать кого бы то ни было [1]) или что Цицеронъ былъ проскрибированъ кѣмъ бы то ни было". „Судьбу всего этого времени", продолжаетъ онъ, 2, 67, 1, „даже оплакать никто бы достаточно не могъ, до такой степени невозможно выразить его ужасъ словами". А между тѣмъ Веллей самъ даже не былъ очевидцемъ проскрипцій. Онъ могъ, правда услышать разсказы объ этомъ времени въ своей семьѣ: дѣдъ его Г. Веллей, близкій другъ отца императора Тиберія, одного изъ проскрибированныхъ, самъ убилъ себя, когда старость ему помѣшала бѣжать вмѣстѣ съ опальнымъ [2]). Каковы же должны

---

[1]) Cf. Vell. 2, 86, 2: Victoria vero (при Акціумѣ) fuit clementissima, nec quisquam interemptus est paucissimis exceptis, qui ne deprecari quidem pro se sustinerent. Ex qua lenitate ducis colligi potuit, quem aut initio triumviratus sui aut in campis Philippiis, si ei licuisset, victoriae suae facturus fuerit modum. Cp. Suet. Aug. 27: restitit quidem aliquamdiu collegis, ne qua fieret proscriptio; sed inceptam utroque acerbius exercuit.... magnopere contendit, ne cui parceretur.

[2]) Cf. Vell. 2, 76, 1: quippe C. Velleius, honoratissimo inter illos trecentos et sexaginta iudices loco a Cn. Pompeio lectus, eiusdem Marcique Bruti ac Ti. Neronis praefectus fabrum, vir nulli secundus, in Campania digressu Neronis a Neapoli, cuius ob singularem cum eo amicitiam partium adiutor fuerat, gravis iam aetate et corpore, cum comes esse non posset, gladio se ipse transfixit. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что осужденіе проскрипцій ходячая тема всего этого времени. Самъ Августъ, разумѣется, молчитъ о нихъ; да и вообще его изображеніе гражданскихъ войнъ полно намѣренныхъ недомолвокъ и передержекъ. Онъ утверждаетъ, что въ 44—3 г. онъ освободилъ государство отъ господства партіи (R. g. 1, 1); наказанія убійцъ диктатора Цезаря онъ добился iudiciis legitimis (ib. 1, 10); Кассія и Брута онъ „два раза побѣдилъ въ правильной битвѣ, когда они объявили войну государству (bellum inferentis rei publicae, ib. 1, 11—12); вообще онъ не вызывалъ, а лишь принималъ (suscepi) гражданскія и внѣшнія войны и „побѣдивъ, пощадилъ всѣхъ гражданъ, оставшихся въ живыхъ" (ib, 1, 13—14). См. выше стр. 61—62.

были быть впечатлѣнія тѣхъ, кто самъ пострадалъ или боялся пострадать отъ государственнаго неустройства? Когда 1800 лѣтъ спустя аббата Сіэса спросили, что онъ дѣлалъ во время террора, онъ, какъ извѣстно, лаконически отвѣтилъ: j'ai vécu, и несомнѣнно очень хорошо охарактеризовалъ настроеніе массы людей въ это ужасное время. Одинаковыя условія должны вызывать и одинаковые результаты. Римское общество, пережившее междоусобныя войны и проскрипціи, радовалось, что ему удалось избѣжать смерти или раззоренія, и ничего больше не желало, какъ сохраненія мира и порядка, ничего больше не боялось, какъ возобновленія безпорядковъ. Тотъ, кто обезпечитъ ему личную безопасность, оградитъ его отъ самого себя и отъ честолюбцевъ, будетъ его героемъ и можетъ разсчитывать не только на повиновеніе, но на почти религіозное поклоненіе.

А народъ? Но что значитъ, что представляетъ изъ себя римскій народъ I вѣка до нашей эры? Боевыя силы римскаго крестьянства и средняго землевладѣнія давно исчезли; ганнибалова война, упадокъ земледѣлія вслѣдствіе провинціальной конкурренціи, развитіе латифундій, наконецъ, страшная война съ союзниками почти уничтожили мелкое и среднее свободное землевладѣніе. Неудовлетворительная городская организація политической жизни довершила упадокъ политической свободы народа даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ (какъ въ сѣверной Италіи) [1]) еще продолжало держаться здоровое населеніе мелкихъ помѣщиковъ и крестьянъ. Отсутствіе всякаго подобія представительныхъ учрежденій было возможно безъ особеннаго ущерба для народнаго развитія и правъ, когда все

[1]) Suet. de gramm. et de rhetor. 30 (6) объ ораторѣ Альбуціи, который предъ проконсуломъ Л. Пизономъ (конс. 739=15 г.) въ Миланѣ позволилъ себѣ восхвалять М. Брута: cum deplorato Italiae statu, quasi iterum in formam provinciae redigeretur, M. insuper Brutum, cuius statua in conspectu erat, invocaret legum ac libertatis auctorem et vindicem... R. St. 2, 238. Ephem. epigr. 1872, p. 138.

римское государство занимало лишь нижнее теченіе Тибра; по мѣрѣ увеличенія количества римскихъ гражданъ и величины заселяемой ими территоріи всѣ или почти всѣ граждане, жившіе внѣ Рима, были лишены возможности участвовать въ государственныхъ дѣлахъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе всѣ ихъ интересы сосредоточиваются въ ближайшемъ городѣ: выборы въ Ариминумѣ или Венузіи гораздо болѣе интересуютъ массу окрестныхъ жителей, чѣмъ выборы въ Римѣ. Собственно политическіе интересы у массы населенія вообще всегда очень слабы. Если государственный строй вдобавокъ таковъ, что масса сознательно или безсознательно устраняется отъ общей политической жизни и крупныхъ государственныхъ вопросовъ, она тѣмъ самымъ окончательно отвыкаетъ отъ нихъ и мало интересуется тѣмъ, кто ею управляетъ, монархъ-ли или аристократія, или народное собраніе въ столицѣ. Устраняя возможность участія народа въ обще-государственныхъ дѣлахъ, власти невольно содѣйствуютъ исключительному преобладанію узкихъ матеріальныхъ интересовъ, отсутствію всякихъ широкихъ гражданскихъ побужденій и развитію мелкаго мѣстнаго патріотизма съ ограниченнымъ кругозоромъ и мелкимъ честолюбіемъ. Въ обыкновенныя времена все это мало замѣтно и вызываетъ мало вниманія; въ критическіе же моменты государственной жизни политическая неразвитость и безучастіе массы гибельны для того строя, противъ котораго поднимается буря, все равно республиканскій ли онъ или нѣтъ [1]). Римскій народъ, поскольку онъ еще былъ свободнымъ хозяиномъ своихъ рѣшеній, такимъ образомъ, отвыкъ отъ государственной жизни: какъ и общество, онъ требовалъ только миръ и спокойствіе. Гражданскія войны еще усилили это настроеніе. Отвыкши отъ войны въ Италіи со времени удаленія

[1]) Безъ такого безучастія народа паденіе римской имперіи въ V вѣкѣ вслѣдствіе нападенія сравнительно ничтожныхъ варварскихъ племенъ было бы немыслимо.

Ганнибала въ Карѳагенъ, народъ послѣ промежутка въ 120 лѣтъ снова увидѣлъ битвы, осады, грабежи и кровопролитіе.

Вдобавокъ у него отняли земли, необходимыя для вознагражденія войскъ тріумвировъ. Послѣ пораженія республиканцевъ при Филиппахъ, молодому Цезарю предстояло удовлетворить требованія 28 легіоновъ, т.-е. болѣе чѣмъ 170,000 ветерановъ, которымъ были обѣщаны земли въ самой Италіи. Единственно справедливый путь, т.-е. покупка необходимыхъ земель, оказался невозможнымъ: не было денегъ на такую колоссальную операцію [1]). Тогда тріумвиры составили списокъ 18 богатѣйшихъ городовъ (напр. Капуа, Венузія и др.), которые должны были быть переданы ветеранамъ. Города протестовали и требовали, чтобы жестокая мѣра, по крайней мѣрѣ, въ той или иной формѣ была распространена на всю Италію: тріумвиры разумѣется ничего не имѣли противъ этого, и началась неслыханная, насильственная экспропріація цѣлыхъ городовъ [2]). Исключеніе дѣлалось только для земель сенаторовъ, ветерановъ и женщинъ [3]). Наряду съ политической революціей такимъ образомъ произошла и не менѣе глубокая

[1]) О суммахъ, которыя понадобились бы въ такомъ случаѣ, можно составить себѣ представленіе по даннымъ о колоніяхъ, основанныхъ послѣ 31 года. См. Mon. Anc. 3, 22: Pecuniam pro agris quos in consulatu meo quarto (30 г.) et postea consulibus M. Crasso et Cn. Lentulo Augure (14 г.) adsignavi militibus, solvi municipiis. Ea summa sestertium circiter sexsiens milliens fuit, quam pro Italicis praedis numeravi, et circiter bis milliens et sescentiens, quod pro agris provincialibus solvi. Id primus et solus omnium, qui deduxerunt colonias militum in Italia aut in provincis, ad memoriam aetatis meae feci. Часть войскъ, впрочемъ, и тогда была поселена въ городахъ, сочувствовавшихъ Антонію, причемъ жители были изгнаны изъ нихъ безъ вознагражденія. Dio 51, 3, 4. Hygin. de lim. p. 177 (Lachmann) Ср. Mommsen, Res gestae, p. 63.

[2]) App. 4, 3. 25. 5, 22. Изъ этихъ городовъ намъ извѣстны слѣдующіе: Ancona, Ariminum, Beneventum, Capua, Cremona, Firmum, Lucca, Nuceria, Pisaurum, Sora, Tergeste, Venusia. Ср. Mommsen, Italienische Bürgercolonien von Sulla bis Vespasian, Hermes т. XVIII. 1883 г. стр. 170—172.

[3]) Dio 48, 8, 4—5.

экономическая [1]). Народъ сопротивлялся, мѣстами происходили цѣлыя битвы [2]), но что можно было сдѣлать противъ полутораста-тысячнаго войска? Ветераны сознавали свою силу; не только народъ, и правительство было безсильно противъ нихъ: понятно, что они пользовались своимъ положеніемъ и не стѣснялись въ присвоеніи чужого имущества [3]). Италія очутилась въ положеніи завоеванной страны. Никакія попытки Цезаря сдержать ветерановъ не имѣли успѣха [4]). Стихи Виргилія и Проперція рисуютъ намъ отчаяніе изгнанныхъ и разоренныхъ землевладѣльцевъ [5]): если нѣкоторымъ изъ нихъ (напр. Виргилію) впослѣдствіи удалось вознаградить себя тѣмъ или другимъ способомъ при посредствѣ какого-нибудь вліятельнаго лица, масса переселялась въ Римъ, гдѣ можно было скорѣе всего разсчитывать на успѣхъ или по крайней мѣрѣ на даровой хлѣбъ [6]).

Не менѣе „общества“ и народъ такимъ образомъ почувствовалъ на себѣ всѣ ужасы гражданскихъ войнъ [7]). Стрем-

---

[1]) Gardthausen, Aug. und s. Zeit 1, 190: Was die Triumvirn von Italien forderten, war ein fast vollständiger Besitzwechsel.

[2]) Dio 48, 9, 4.

[3]) Gardthausen ib. 1, 192: An die Stelle der Bauern traten Soldaten, von denen doch nur wenige ihr Gut behaupten und vererben konnten. Die Folge also war, dass der kleine italische Bauernstand, der bisher die gesunde Grundlage römischer Kraft und Herrschaft gewesen war, in dieser Krisis vernichtet wurde und der Grund gelegt wurde zur Latifundienwirtschaft der Kaiserzeit. Это чрезвычайно преувеличено. Латифундіарное хозяйство давно существовало и рано или поздно должно было поглотить остатки римскаго крестьянства. Вдобавокъ о 28 колоніяхъ, упоминаемыхъ самимъ Августомъ, онъ утверждаетъ, что онѣ находились въ цвѣтущемъ состояніи. Mon. Anc. 5, 36 сл.: Italia XXVIII colonias, quae vivo me celeberrimae et frequentissimae fuerunt, meis auspiciis deductas habet. Ср. Suet. Aug. 46.

[4]) Dio 48, 9.

[5]) Virg. Ecl. 1, 71 sequ., 1, 3—4, 1, 64. Prop. Eleg. 4, 1, 129—130. См. ниже.

[6]) App. b. c. 5, 12.

[7]) Gardth. 1, 1, 192: Noch war nicht viel mehr als ein Jahr verflossen, seit durch die Proscriptionen die vornehmen Familien ihre grossen Güter und kostbaren Villen verloren hatten, als durch die Landanweisungen der

леніе къ спокойной жизни во что бы то ни стало сдѣлалось всеобщимъ. Наряду съ аристократіей и земледѣльческой массой существовалъ правда еще и другой довольно важный, притомъ безпокойный по самому существу своему факторъ—римская чернь, количество которой увеличилось съ изгнаніемъ массы крестьянъ. Но, во-первыхъ, и ей войны были невыгодны: онѣ лишали ее значительной части тѣхъ суммъ, которыя уходили на военныя цѣли и которыя при нормальныхъ условіяхъ тратились на разнаго рода игры и увеселенія. А затѣмъ и значеніе столичнаго пролетаріата очень понизилось съ тѣхъ поръ, какъ государственные вопросы рѣшались не на форумѣ голосами бо̀льшей частью подкупленныхъ гражданъ, а на полѣ битвы. Положеніе слишкомъ измѣнилось: власть Цезаря-отца, тріумвировъ, а впослѣдствіи и самого Августа, была гораздо независимѣе отъ настроенія столицы, чѣмъ вліяніе какого бы то ни было изъ ихъ предшественниковъ. Крикъ: panem et circenses задолго до Ювенала выражалъ всю сумму вожделѣній римскаго пролетарія. Весь вопросъ былъ въ томъ, съумѣютъ ли новые властители удовлетворить эти требованія; ни Лепидъ, ни Антоній не остались въ Римѣ: самыя трудныя задачи эпохи выпали на долю молодого Цезаря. Не безъ большихъ затрудненій ему удалось ихъ разрѣшить, но зато популярность его съ каждымъ годомъ возрастала [1]).

Когда Цезарь послѣ побѣды надъ Антоніемъ и реорганизаціи Востока вернулся въ Римъ, наряду съ напуганнымъ обществомъ и утомленнымъ до-нельзя народомъ, въ столицѣ появился человѣкъ съ совершенно неопредѣленными полномочіями (potitus rerum omnium) во главѣ огромнаго и един-

---

Veteranen auch die mittleren Landgüter bis herab zu Bauernhöfen ihren Herrn wechselten.

[1]) См. статью Моммзена въ Histor. Zeitschr. N. F. II, стр. 12. Gardth. Aug. 1, 2, 508: Wenige Herrscher mögen sich in Rom jemals einer solchen Popularität erfreut haben.

ственнаго въ государствѣ войска, окруженный ореоломъ происхожденія отъ божественнаго Цезаря [1]) и многочисленными собственными побѣдами, человѣкъ, возвратившій міру спокойствіе, защитившій достоинство Рима отъ позорнаго поведенія Антонія, страшный воспоминаніями о проскрипціахъ и перузинской бойнѣ [2]), загадочное средоточіе всего римскаго міра. Этотъ человѣкъ могъ требовать, что̀ ему было угодно, и все бы было ему дано.

Къ чему же стремился Августъ и чего онъ достигъ?

До настоящаго времени характеръ Августа остается неяснымъ. Если Монтескье и Вольтеръ видятъ въ немъ лишеннаго всякаго нравственнаго чутья хитраго и трусливаго тиранна [3]), Гиббонъ характеризуетъ его какъ человѣка съ „холодной головой, безчувственнымъ сердцемъ и трусливымъ нравомъ“ [4]), другіе писатели, наоборотъ, особенно настаиваютъ на симпатичныхъ или крупныхъ сторонахъ его личности.

Преобладающей чертой перваго императора безспорно былъ холодный и осторожный умъ. Разсудочная натура, онъ не поддавался ни чувству жалости къ врагу, ни обаянію ши-

---

[1]) Suet. Caes. 85: apud eam (статуя Цезаря на форумѣ) *longo tempore* sacrificare, vota suscipere, controversias quasdam interposito per Caesarem iureiurando distrahere perseveravit (plebs); ib. 88: in deorum numerum relatus est, *non ore modo decernentium, sed et persuasione volgi.* Siquidem ludis, quos primos consecrato ei heres Augustus edebat, stella crinita per septem continuos dies fulsit... creditumque est, animam esse Caesaris in caelum recepti.

[2]) Suet. Aug. 15: Perusia capta in plurimos animadvertit, orare veniam vel excusare se conantibus una voce occurrens, moriendum esse. Scribunt quidam, trecentos ex dediticiis electos utriusque ordinis ad aram Divo Julio extructam Idibus Martiis hostiarum more mactatos. На страшную судьбу Перузіи намекаетъ и Проперцій, уроженецъ этой мѣстности см. ниже.

[3]) См. Gardthausen 2, 2, 279—280. Вотъ напримѣръ отзывъ Вольтера (изъ Dictionn. philos.): homme sans pudeur, sans foi, sans honneur, sans probité, fourbe, ingrat, avare, sanguinaire, tranquille dans le crime et qui dans une république bien policée aurait péri par le dernier supplice au premier de ses crimes... un monstre adroit et heureux.

[4]) Gibbon, Decl. and fall ch. 3, изд. Bury т. I, стр. 70.

рокихъ плановъ [1]). Цѣлью его съ самаго вступленія на общественное поприще несомнѣнно была власть. Условія пріучили его скрывать свои истинныя чувства и побужденія: разсказываютъ, что даже разговоры съ своей супругой Ливіей онъ велъ, справляясь въ конспектѣ, не говоритъ ли онъ лишнее [2]). Несмотря на неправдоподобность этого анекдота, ставящаго Августа въ довольно комичное положеніе, можно только сказать, что онъ хорошо придуманъ. Отсутствіе всякихъ увлеченій и связанное съ этимъ чувство мѣры отличали преемника геніальнаго диктатора даже въ годы юности. Свидѣтельство Светонія, что онъ первоначально былъ противъ проскрипцій, но, разъ принужденный приступить къ нимъ, провелъ ихъ болѣе жестоко, чѣмъ безалаберный Антоній или ограниченный Лепидъ, вполнѣ правдоподобно и необыкновенно характерно въ этомъ смыслѣ. Онъ слишкомъ хорошо понималъ, какое тяжелое впечатлѣніе проскрипціи должны были произвести на общество и охотно обошелся бы безъ нихъ, но разъ онѣ оказались необходимыми, онъ рѣшилъ не останавливаться на полпути, а устранить все, что со временемъ могло ему оказать сопротивленіе. Цѣль его заключалась не въ необузданномъ пользованіи всѣми благами жизни; болѣзненный по природѣ, онъ никогда не отличался кипучей жизнерадостностью своего отца или Антонія. Разсудочный умъ и слабое тѣло заставили его стремиться къ власти ради нея самой, а не ради широкихъ реформъ или минутнаго удовольствія; но именно холодность его разсчетовъ и спокойствіе его темперамента дали

---

[1]) Chateaubriand, Etudes historiques ou discours sur la chute de l'empire romain, 1, 31. (P. 1831): Auguste n'était pas de cette première race d'hommes, qui font les révolutions; il était de cette race secondaire, qui en profite, et qui pose avec adresse le couronnement, dont une main plus forte a creusé les fondements; il avait à la fois l'habileté et la médiocrité necessaires au maniement des affaires, qui se détruisent également par l'entière sottise ou par la complète supériorité. См. Gardth. 2, 2, 285.

[2]) Suet. Aug 84.

ему возможность одержать побѣду тамъ, гдѣ люди, несравненно болѣе способные, погибли.

Другая отличительная черта Августа, тѣсно связанная съ основнымъ характеромъ всей его натуры, это—консерватизмъ [1]). Геніальная натура диктатора Цезаря презирала всѣ установившіяся формы, какъ въ области политической и соціальной, такъ и въ области религіозной. Онъ оскорблялъ всѣ традиціи, онъ былъ революціонеромъ отъ головы до ногъ. Революціонная дѣятельность Августа ограничивается политической сферой: въ административномъ, какъ и въ соціальномъ отношеніи, въ вопросахъ вѣры и добрыхъ нравовъ онъ всюду консерваторъ, поскольку, разумѣется, это совмѣстимо съ его политическими интересами и положеніемъ. Натура скорѣе ловкая, чѣмъ возвышенная,—отзывается о немъ Моммзенъ [2]),—онъ успѣшно разыгрывалъ роль великаго человѣка, не будучи имъ на самомъ дѣлѣ.

Если такого рода личность не рѣшилась вполнѣ удовлетворить свое властолюбіе и сдѣлаться не только на дѣлѣ, но и по праву монархомъ, то мы естественно должны предположить, что она имѣла вѣскія основанія на это. Проникнуть въ ходъ мыслей Августа, разумѣется, невозможно, но въ общемъ мы можемъ себѣ представить его доводы.

Тринадцать лѣтъ трудовъ и борьбы сдѣлали его властелиномъ Рима. Но въ такихъ случаяхъ труднѣе сохранить власть или—что тоже—жизнь, чѣмъ пріобрѣсти ее. Настоящія затрудненія начались для Августа лишь, когда нужно было рѣшить, каково впредь должно быть его положеніе въ госу-

---

[1]) Очень характерны и для Августа и, въ сущности, для всего принципата слова, приписываемыя Діономъ первому принцепсу при отреченіи отъ чрезвычайной власти въ 27 году: πρῶτον μὲν τοὺς κειμένους νόμους ἰσχυρῶς φυλάττετε, καὶ μηδὲν αὐτῶν μεταβάλητε. τὰ γὰρ ἐν ταὐτῷ μένοντα, κἂν χείρω ᾖ, συμφορώτερα τῶν ἀεὶ καινοτουμένων, κἂν βελτίω εἶναι δοκῇ, ἐστίν. Dio. 53, 10, 1.

[2]) См. выше стр. 36 пр. 4. Подробную и въ общемъ удачную характеристику Августа даетъ Gardthausen 1, 2, 485—516.

дарствѣ? Цезарь отецъ откровенно протянулъ руку къ коронѣ: безсрочный диктаторъ, онъ имѣлъ опредѣленный титулъ для выраженія своихъ полномочій. Статуя его наряду съ семью древними римскими царями достаточно ясно указывала на его цѣль. Но Цезарь палъ отъ руки убійцъ. Тринадцатилѣтніе безпорядки и войны послужили, правда, хорошимъ урокомъ для сторонниковъ стараго порядка; проскрипціи доказали, что новый властитель не постѣснится для собственнаго спасенія прибѣгнуть къ такимъ жестокостямъ, о которыхъ Цезарь-отецъ никогда и слышать не хотѣлъ; поэты воспѣвали гибель „ужаснаго чудища“, Клеопатры [1]), народъ ликовалъ по поводу торжественнаго четырехъ-дневнаго тріумфа, настроеніе такимъ образомъ было самое лучшее; но кто могъ поручиться за будущее? Потерявъ всѣ свои политическія права, аристократія все же оставалась огромной соціальной силой, сенатъ продолжалъ существовать и объ уничтоженіи его нечего было и мечтать, подавленное состояніе духа среди него должно было исчезнуть по мѣрѣ того, какъ воспоминаніе о звѣрствахъ 43 г. становилось слабѣе, а народъ, сегодня кричавшій: Осанна! завтра могъ закричать: распни его! Для этого нужна была только голодовка, какъ доказалъ рядъ народныхъ волненій еще въ эпоху Августа. Войска въ настоящую минуту также были спокойны, но не разъ ужъ Августу пришлось имѣть дѣло съ серьезными мятежами. Вдобавокъ, ненависть къ царскому имени все еще была сильна. Объявить себя при такихъ условіяхъ открыто монархомъ, было опасно, и Августъ не рѣшался на это. Твердо рѣшивъ сохранить свое положеніе, онъ однако въ то же время рѣшился на компромиссъ, на примиреніе монархіи съ республикой, несмотря на то, что вся имперія лежала у его ногъ, и трудно было предположить, что кто-либо осмѣлится выступить противъ побѣдоноснаго главы всѣхъ римскихъ войскъ.

[1]) Fatale monstrum. Hor. Od. 1, 37, 21.

Тѣмъ не менѣе недовольство новымъ строемъ ощущалось и съ теченіемъ времени пожалуй возростало, выражаясь отчасти въ формѣ воздержанія отъ политической жизни,—особенно характерно, что не хватало кандидатовъ на такую важную въ республикѣ власть, какъ трибунатъ, и что нужно было принуждать сенаторовъ къ посѣщенію куріи [1])—отчасти въ заговорахъ [2]).

Ни одинъ изъ послѣднихъ, какъ извѣстно, не имѣлъ успѣха; тѣмъ не менѣе они въ высшей степени характерны для измѣнившагося порядка государственной жизни. Если политическіе и соціальные вопросы прежде, въ эпоху спокойнаго развитія республики, разрѣшались борьбой партій въ народномъ собраніи или въ сенатѣ, если въ эпоху революціи и нарожденія монархіи цѣлыя войска сражались за будущность республики, теперь народное собраніе и сенатъ перестали играть сколько-нибудь значительную роль, войска всѣ находились въ рукахъ новаго монарха и не только легальная, но и открытая, вооруженная борьба съ властителемъ, опиравшимся на усталую и потерявшую вкусъ къ политическимъ вопросамъ массу, фактически сдѣлалась невозможной. Недовольнымъ только и оставалось удалиться отъ политической жизни—недаромъ это время особенной напряженности литературныхъ занятій и упражненій — или вступить на скользкій путь политическихъ заговоровъ, направленныхъ противъ жизни монарха. Разсчитывать на успѣхъ при этомъ было возможно только въ томъ случаѣ, еслибъ личное поведеніе или внутренняя политика властителя успѣли глубоко раздражить общественное мнѣніе, рѣзко оскорбить его идеалы или затронуть его интересы, еслибы, однимъ словомъ, глухое недовольство массы общества создало базисъ для дѣйствій болѣе честолюбивыхъ или болѣе нетерпѣливыхъ членовъ его. Въ такомъ случаѣ и войско не спасло бы пове-

[1]) См. ниже.
[2]) Suet. Aug. 46.

лителя: масса преторіанцевъ стояла на сторонѣ Калигулы и Домиціана, тѣмъ не менѣе они пали отъ руки заговорщиковъ.

Сами по себѣ заговоры, съ которыми Августъ долженъ былъ считаться уже въ первое время своего единовластія [1]), такимъ образомъ не имѣли значенія, но чтобы не дать имъ разрости въ серьезную опасность, необходимо было, если не сохранить права сената и народа, то щадить укоренившіеся взгляды, привычки и привилегіи, однимъ словомъ форму прежняго строя, съ которой общество подчасъ неохотнѣе разстается, чѣмъ съ самымъ существомъ его.

Мы впослѣдствіи еще вернемся къ этому вопросу, здѣсь же замѣтимъ только, что какъ гибель Цезаря (помимо новизны его положенія) объясняется нарушеніемъ всѣхъ старыхъ формъ, такъ, наоборотъ, успѣхъ Августа—щепетильнымъ отношеніемъ къ декоративной части республиканскихъ учрежденій послѣдняго вѣка стараго Рима.

Во всякомъ случаѣ необходимо подчеркнуть, что только собственная осторожность, а не какая либо внѣшняя сила побуждала Августа къ уступкамъ. Характеръ и сущность новаго строя такимъ образомъ представляютъ изъ себя не результатъ компромисса, заключеннаго двумя равными силами, убѣдившимися въ необходимости взаимныхъ уступокъ, а являются результатомъ политики Августа съ одной, глубокой усталости общества съ другой стороны [2]).

---

[1]) Заговоръ Лепида—сына.

[2]) Mommsen, R. St. 2, 1144: Nur darauf soll hier hingewiesen werden, dass es keine rechtliche Schwierigkeit gemacht haben würde, den Principat nach den Regeln der ordentlichen Magistratur zu gestalten und ihm somit eine Nachfolge zu verschaffen. Was im Wege stand, war nicht ein formelles Hinderniss, sondern *der den Schöpfern des Principats mangelnde Glaube an sich selbst, wie an die Institution, die sie schufen.*

§ 4.

Формально Августъ—или какъ онъ тогда еще назывался Г. Юлій Цезарь—рѣшилъ такимъ образомъ возстановить республику, т.-е. возвратить сенату и народу верховныя права, которыя онъ „съ всеобщаго согласія“ счелъ нужнымъ захватить во время борьбы съ Антоніемъ.

Какъ же произошло это возстановленіе стараго строя и какое мѣсто Цезарь оставилъ себѣ въ государственной жизни Рима?

Положеніе его уже задолго до битвы при Акціумѣ въ конституціонномъ смыслѣ было крайне неясно или вѣрнѣе носило на себѣ всѣ признаки узурпаціи. Учредительная тріумвирская власть, данная ему вмѣстѣ съ Антоніемъ и Лепидомъ закономъ трибуна Тиція 27 ноября 43 г. на пять лѣтъ, истекла 31 декабря 38 г. [1]) и, вопреки его собственному показанію [2]), не была своевременно возобновлена [3]). Это не помѣшало однако ни ему, ни М. Антонію сохранить власть и послѣ срока ея истеченія, и едва-ли можно согласиться съ Моммзеномъ, что обладая учредительной властью тріумвиры по конституціи

---

[1]) App. bell. civ. 4, 7: δήμαρχος Πούπλιος Τίτιος ἐνομοθέτει καινὴν ἀρχὴν ἐπὶ καταστάσει τῶν παρόντων ἐς πενταετὲς εἶναι τριῶν ἀνδρῶν... ἴσον ἰσχύουσαν ὑπάτοις... αὐτίκα ἐκυροῦτο ὁ νόμος. Dio 46, 55: κοινῇ τοὺς τρεῖς πρός τε διοίκησιν καὶ πρὸς κατάστασιν τῶν πραγμάτων ἐπιμελητάς τέ τινας καὶ διορθωτὰς καὶ τοῦτο οὐκ ἐς ἀεὶ δῆθεν ἀλλ ἐς ἔτη πέντε αἱρεθῆναι. См. fasti Colot. къ 711 г. отъ основанія Рима = 43 до нашей эры (C. J. L т. I стр. 466): ex a. d. V Kal. Dec. ad pr. K. Jan. sextas.

[2]) Mon. Anc. lat. 1, 8: (populus) me triumvirum reipublicae constituend (ae creavit) и ib. graece 4, 1: τριῶν ἀνδρῶν ἐγενόμην δημοσίων πραγμάτων κατορθωτὴς συνεχέσιν ἔτεσιν δέκα.

[3]) Иначе Herzog, Gesch. und System 2, 95: In der That ist es nicht unwahrscheinlich, dass der Vertrag von Misenum im Jahre 39 es war, bei welchem die Weiterführung beschlossen wurde... auf sechs, nicht auf fünf Jahre (съ 1 января 37 до 31 декабря 32 г.). Diese Verabredungen müssen aber... auch die Form der Gesetzgebung durchgemacht haben.

имѣли право самостоятельно продлить свою власть [1]). Разъ законъ, устанавливавшій учредительную власть, спеціально оговаривалъ ея срочность, въ этомъ самомъ постановленіи суверенпаго народа уже заключалось и соотвѣтственное ограниченіе неограниченной въ существѣ дѣла учредительной власти [2]); не даромъ же при дарованіи Суллѣ учредительной власти было рѣшено, что онъ будетъ пользоваться ею безсрочно, пока самъ не сочтетъ возможнымъ отъ нея отказаться [3]). По отношенію къ тріумвирамъ это не было сдѣлано, власть имъ была дарована на пять лѣтъ и слѣдовательно они должны были, либо своевременно позаботиться о ея продленіи, либо сложить ее съ себя по истеченіи срока. Между тѣмъ тріумвиры по неизвѣстнымъ намъ причинамъ не имѣли возможности или не сочли нужнымъ обратиться во время къ народному собранію, которое, внѣ всякаго сомнѣнія, оказало бы имъ также мало сопротивленія при продленіи, какъ и при первомъ дарованіи тріумвирской власти [4]), и, сохранивъ власть тріумвировъ безъ законнаго права на нее, только послѣ Тарентскаго съѣзда 37 г. обратились къ народному собранію для узаконенія этой явной узурпаціи. Народъ, разумѣется, утвердилъ ихъ рѣшеніе и тріумвирамъ была продолжена власть, по словамъ нашихъ источниковъ, на пять лѣтъ, при чемъ однако не совсѣмъ ясно, съ какого дня счита-

[1]) Mommsen R. St. 2, 714: Während die ordentlichen Aemter als Aemter dauernd, aber für den einzelnen Träger der Zeit nach begrenzt sind, ist bei den constituirenden umgekehrt das Amt selbst ephemer, dagegen für den Träger desselben die Zeitgrenze weder notwendig *noch, wo sie in dem Einrichtungsgesetz sich findet, rechtlich bindend.*

[2]) Ссылка Моммзена на событія 451—450 г. до Р. Хр. при плохомъ состояніи нашихъ источниковъ объ эпохѣ децемвировъ на нашъ взглядъ не имѣетъ значенія.

[3]) App. b. c. 1, 98: ἄρχειν οὐκ ἐς χρόνον ῥητόν, ἀλλὰ μέχρι τὴν πόλιν καὶ τὴν Ἰταλίαν καὶ τὴν ἀρχὴν ὅλην στάσεσι καὶ πολέμοις σεσαλευμένην στηρίσειεν. Ср. ib. 1, 99: ἐς ὅσον θέλοι.

[4]) App. b. c. 5, 95: ἐπεὶ ὁ χρόνος αὐτοῖς ἔληγε τῆς ἀρχῆς, ἣ τοῖς τρισὶν ἐψήφιστο ἀνδράσιν, ἑτέραν ἑαυτοῖς ὥριζον πενταετίαν, οὐδὲν ἔτι τοῦ δήμου δεηθέντες. Dio 48, 54, 6: ἑαυτοῖς τὴν ἡγεμονίαν ἐς ἄλλα ἔτη πέντε, ἐπεὶ τὰ πρότερα ἐξελήλυθεν, ἐπέτρεψαν.

лось новое пятилѣтіе [1]): повидимому оно должно было продолжаться до 31 декабря 32 г., послѣ чего тріумвиры предполагали формально возстановить нормальный порядокъ государственной жизни и обезпечить свое положеніе, замѣнивъ чрезвычайную тріумвирскую власть консульской. 1 января 31 года М. Антоній и Г. Юлій Цезарь въ третій разъ должны были принять консульство.

Возникшія между ними недоразумѣнія сдѣлали осуществленіе этой комбинаціи невозможнымъ: еще въ 32 г. столкновеніе стало неизбѣжнымъ. По желанію Цезаря Антоній былъ лишенъ не только консульства, которое ему было дано на 31 годъ, но и всѣхъ своихъ полномочій, а Клеопатрѣ была объявлена война [2]).

---

[1]) App. bell. III. къ 33 году: Цезарь ἄρχων ἔτι τὴν τῶν τριῶν ἀρχήν, δύο γὰρ ἔλειπεν ἔτη τῇ δευτέρᾳ πενταετίᾳ τῇσδε τῆς ἀρχῆς, ἣν ἐπὶ τῇ προτέρᾳ σφίσιν αὐτοῖς ἐψηφίσαντο καὶ ὁ δῆμος ἐπικεκυρώκει. Судя по этому мѣсту какъ законъ 27 ноября 43 г. считалъ начало перваго пятилѣтія съ 1 января слѣдующаго года, такъ и законъ 37 г. (о времени его заключенія: App. b. c. 5, 93: ἀρχομένου ἦρος 37 года; Діонъ 49, 1, 1 относитъ его даже къ началу 36 г.— къ консульству Л. Геллія и М. Кокцея Нервы-дѣда) начиналъ новый счетъ съ 1 января 36 г. Въ такомъ случаѣ понятно, какъ Цезарь и Антоній еще въ 32 г. могли быть тріумвирами (см. хотя бы Dio 49, 41, 6): власть ихъ истекала въ такомъ случаѣ только 31 декабря 32 г. Съ этимъ вполнѣ согласуется и свидѣтельство Аппіана b. c. 5, 73 къ 31 г.: εἶτ' αὖθις Ἀντώνιόν τε καὶ Καίσαρα τρίτον δὴ τότε μέλλοντας ὑπατεύσειν καὶ ἐλπιζομένους τότε καὶ ἀποδώσειν τῷ δήμῳ τὴν πολιτείαν.

Съ другой стороны въ капитолійскихъ фастахъ возобновленіе тріумвирата считается съ 1 янв. 37 г. (Corp. incr. lat. I стр. 440); но въ такомъ случаѣ ихъ власть истекала 31 декабря 33 г. и (если не согласиться съ указанной теоріей Моммзена, что срокъ необязателенъ для учредительной магистратуры) остается непонятнымъ, что Цезарь и Антоній въ 32 г. еще тріумвиры. Свидѣтельство фастовъ вполнѣ подтверждается завѣдомо невѣрными словами самого Августа (стр. 80 пр. 2): но именно это подозрительное совпаденіе позволяетъ предположить, что Цезарь, желая скрыть узурпацію 37 г., впослѣдствіи оказалъ вліяніе на редакцію фастовъ.

Объясненіе Herzog'a 2, 1, 93—96 не можетъ быть принято, такъ какъ онъ произвольно замѣняетъ второй пятилѣтній срокъ—опредѣленно указанный какъ Аппіаномъ, такъ и Діономъ—шестилѣтнимъ ib. стр. 95.

[2]) Dio 50, 4, 3—4: τήν τε ὑπατείαν αὐτόν, ἐς ἣν προεκεχειροτόνητο καὶ τὴν ἄλλην ἐξουσίαν πᾶσαν ἀφείλοντο... τῇ δὲ Κλεοπάτρᾳ τὸν πόλεμον ἐπήγγειλαν.

Лишивъ Антонія тріумвирской власти, Цезарь самъ повидимому не счелъ возможнымъ сохранить ее. Помимо того, что самое званіе тріумвира, потерявшее смыслъ уже со дня вынужденнаго отреченія Лепида отъ власти, теперь стало совершенно ни съ чѣмъ несообразнымъ, Цезарь очевидно желалъ придать предстоящей борьбѣ популярный характеръ и избѣжать обвиненія, что цѣль его заключается только въ устраненіи конкурента въ единоличномъ пользованіи полномочіями тріумвира. Вдобавокъ его тріумвирскія полномочія скоро прекращались и такъ или иначе ему предстояло найти какую-нибудь форму для сохраненія за собой руководящаго положенія. Отказался ли онъ отъ тріумвирата раньше срока, мы не знаемъ — во всякомъ случаѣ это вполнѣ возможно и даже вѣроятно — но въ то же время онъ воспользовался грозящей войной, а быть можетъ и настроеніемъ общества, чтобы лично или чрезъ своихъ сторонниковъ объявить государство въ опасности, провозгласить себя его вождемъ и пригласить все населеніе Италіи и вѣрныхъ ему провинцій, стать подъ его знамена [1]). Населеніе немедленно примкнуло къ нему и принесло ему военную присягу: въ своей автобіографіи онъ въ силу этого говоритъ, что вся Италія „добровольно присягнула ему и потребовала“, чтобы онъ всталъ во главѣ ея въ борьбѣ противъ Антонія [2]).

---

[1]) Serv. къ Энеидѣ 8, 1: apud maiores nostros tria erant militiae genera, nam aut legitima erat militia aut conjuratio aut evocatio. Если онъ обратился къ населенію въ качествѣ тріумвира (въ 32 г.) или консула 31 г., это было т. наз. coniuratio; если же онъ предварительно сложилъ съ себя тріумвирскую власть и не былъ еще консуломъ, то это была evocatio. Mommsen R. St. 1, 696 высказывается за первое, Kromayer стр. 17 (ср. Suet. Aug. 17) также. См. однако въ слѣдующемъ примѣчаніи слова sponte sua.

[2]) Mon. Anc. 5, 3—8: Juravit in mea verba tota Italia *sponte sua* et me be[lli], quo vici ad Actium, ducem de poposcit. Juraverunt in eadem ver[ba provi]nciae Galliae Hispaniae Africa Sicilia Sardinia. Qui sub [signis meis tum] militaverint, fuerunt senatores plures quam DCC... Въ числѣ присягавшихъ былъ такимъ образомъ и сенатъ: вотъ почему онъ не шелъ впереди

По существу новыя полномочія Августа нисколько не уступали тѣмъ, которыми онъ владѣлъ въ качествѣ тріумвира. Ставъ во главѣ всего населенія въ силу признанія государства въ опасности, онъ могъ требовать отъ всѣхъ присягнувшихъ ему безусловное повиновеніе солдата начальнику и неограниченно распоряжаться какъ войсками, такъ и финансами имперіи. И несмотря на это, его нельзя было обвинить въ узурпаціи [1]).

Съ другой стороны исключительность его положенія сдѣлалась еще болѣе очевидной съ тѣхъ поръ, какъ онъ не имѣлъ никакого законнаго титула для опредѣленія своего конституціоннаго положенія [2]), а послѣ гибели Антонія его полномочія потеряли свою основную raison d'être. Тѣмъ не менѣе онъ въ общемъ свыше двухъ лѣтъ пользовался ими и даже матеріально расширилъ ихъ до послѣднихъ предѣловъ. Въ самомъ дѣлѣ въ такомъ Nothstandscommando непосредственно не заключалось никакихъ учредительныхъ полномочій, которыми Августъ однако повидимому пользовался и послѣ отреченія отъ тріумвирата [3]).

Смерть Антонія и взятіе Александріи (1 августа 30 г.) не заставили Цезаря поторопиться возвращеніемъ въ Римъ:

колесницы Августа во время его тріумфа, а слѣдовалъ за нею. Принесши присягу, сенаторы поступили подъ команду Августа и принимали участіе въ тріумфѣ не въ качествѣ Quirites, а въ качествѣ commilitones.

[1]) Mommsen R. St. 2. 745 пр. 1 полагаетъ, что Августъ вплоть до 27 г. сохранилъ тріумвирскую власть и только post factum опредѣлилъ ее als ein Nothstandscommando höchster Steigerung. Это не согласно ни съ словами самого Августа, ни съ словами Тацита Ann. 1, 2: interfecto Antonio posito triumviri nomine consulem se ferens и т. д. Вдобавокъ, нѣтъ никакого основанія отвергать свидѣтельство Августа, въ пользу котораго говорятъ многія соображенія. См. Kromayer, rechtliche Begründung des Principats гл. II, стр. 10—21.

[2]) Консульская власть—начиная съ 31 по 23 годъ Августъ ежегодно былъ консуломъ—разумѣется не могла служить основой его неограниченныхъ полномочій.

[3]) Mommsen, R. St. 2, 745, пр. 1 и 2, 719.

еще почти цѣлый годъ онъ провелъ въ Египтѣ [1]) и другихъ провинціяхъ Востока: нужно было возстановить миръ и порядокъ въ этихъ странахъ, сильно пострадавшихъ отъ беззаботно-хищническаго управленія Антонія. Римъ тѣмъ временемъ находился подъ надзоромъ Г. Цильнія Мецената, который и раньше—уже во время войны съ Секстомъ Помпеемъ и въ теченіе иллирійскихъ походовъ—успѣшно замѣнялъ властителя [2]); страхъ предъ побѣдителемъ и начальство надъ войсками Италіи [3]) давали ему возможность, подавлять всякую оппозицію: заговоръ молодого Лепида былъ немедленно раскрытъ и опасность устранена.

Окончивъ свое дѣло на Востокѣ—сенатъ 1 января 29 г. поторопился утвердить клятвой всѣ его постановленія [4])—Цезарь наконецъ лѣтомъ 29 г. вернулся въ Римъ во всеоружіи своей власти. Рядъ почетныхъ декретовъ сената еще до этого привѣтствовалъ его успѣхи [5]): важнѣе было пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ трибуновъ. Къ неприкосновенности и праву пользоваться—притомъ пожизненно—трибунскими subsellia (дарованнымъ ему въ 36 году) теперь было прибавлено и ius auxilii трибуновъ, которое вдобавокъ не должно было ограничиваться предѣлами померія, а должно было имѣть силу до перваго милліарія [6]). Въ связи съ этимъ

---

[1]) Объ организаціи египетскаго управленія и отношеніи Египта къ имперіи см. ниже.

[2]) Vell. 2, 88: urbis custodiis praepositus Maecenas. Tac. Ann. 6, 11: ceterum Augustus bellis civilibus Cilnium Maecenatem, equestris ordinis, *cunctis apud Romam atque Italiam praeposuit*. Dio 49, 16, 2: τά τε ἄλλα τὰ ἐν τῇ πόλει τῇ τε λοιπῇ Ἰταλίᾳ Γαΐος τὶς Μαικήνας ἀνὴρ ἱππεὺς καὶ τότε (36 г.) καὶ ἔπειτα ἐπὶ πολὺ διῴκησεν.

[3]) Sen. ep. 114, 6: cum absentis Caesaris partibus fungeretur, signum a discincto petebatur. Ср. Tac. l. c. О положеніи Мецената см. ниже.

[4]) Dio 51, 20, 1: ὑπατεύοντος δ'αὐτοῦ τὸ πέμπτον μετὰ Σέξτου Ἀπουλήϊου τά τε πραχθέντα ὑπ' αὐτοῦ πάντα ἐν αὐτῇ τῇ τοῦ Ἰανουαρίου νουμηνίᾳ ὅρκοις ἐβεβαιώσαντο...

[5]) Dio 51, 19 и 51, 20, 1—3: ἐς τε τοὺς ὕμνους αὐτὸν ἐξ ἴσου τοῖς θεοῖς ἐσγράφεσθαι: и т. д. Ср. 51, 20, 7. 51, 21, 1.

[6]) Dio 49, 15, 6: καὶ τό μήτε ἔργῳ μήτε λόγῳ ὑβρίζεσθαι (ἐψηφίσαντο) εἰ δὲ μή, τοῖς αὐτοῖς τὸν τοιοῦτό τι δράσαντα ἐνέχεσθαι οἵσπερ ἐπὶ τῷ δημάρχῳ ἐτέτακτο.

находилось и нѣсколько исключительныхъ судебныхъ правъ [1]). Но и изъ чисто почетныхъ правъ особенно одно было чрезвычайно характерно: на ряду съ оффиціальными обѣтами въ пользу сената и народа, всѣ жрецы и жрицы теперь должны были приносить такіе же обѣты и за него [2]): этимъ какъ бы формально подтверждалось, что онъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ народомъ и съ сенатомъ.

Вернувшись въ Римъ и отпраздновавъ блестящій тріумфъ, Цезарь наконецъ долженъ былъ приступить къ своей трудной задачѣ: ликвидаціи своего чрезвычайнаго положенія и созданію прочнаго государственнаго строя, примирявшаго его собственные интересы съ интересами наиболѣе вліятельной и опасной части римскаго общества, т.-е. сената.

Вѣкъ революцій и анархіи отъ трибуната Тиберія Гракха до битвы при Акціумѣ оттолкнулъ общество отъ демократическихъ идей и учрежденій. Волненія, связанныя съ именами Гракховъ, Марія, Сатурнина и Главкіи, Сульпиція Руфа, Цинны, Катилины и т. д., напугали состоятельную часть общества, не удовлетворивъ въ концѣ концовъ и массы. Сенатъ, глубоко упавшій въ общественномъ мнѣніи въ эпоху югуртинской войны и борьбы съ Кимврами и Тевтонами, ко времени полнаго своего фактическаго безсилія снова пріобрѣлъ нравственный авторитетъ: въ немъ видѣли оплотъ добрыхъ старыхъ нравовъ противъ анархизма массы [3]). Консерватизмъ

Καὶ γὰρ ἐπὶ τῶν αὐτῶν βάθρων συγκαθέζεσθαί σφισιν ἔλαβε. Dio 51, 19, 6—7: καὶ τὸν Καίσαρα τήν τε ἐξουσίαν τὴν τῶν δημάρχων διὰ βίου ἔχειν, καὶ τοῖς ἐπιβουλεύουσιν αὐτὸν καὶ ἐντὸς τοῦ πωμηρίου καὶ ἔξω μέχρις ὀγδόου ἡμισταδίου ἀμύνειν, ὅ μηδενὶ τῶν δημαρχούντων ἐξῆν. См. объ этомъ ниже.

[1]) Dio ib.: ἔκκλητον τε δικάζειν καὶ ψῆφον τινὰ αὐτοῦ ἐν πᾶσι τοῖς δικαστηρίοις ὥσπερ Ἀθηνᾶς φέρεσθαι. См. Mommsen, Römisches Strafrecht (въ Handbuch Binding'a Лейпцигъ 1899) стр. 260 и ниже.

[2]) Dio l. c.: τούς τε ἱερέας καὶ τὰς ἱερείας ἐν ταῖς ὑπέρ τε τοῦ δήμου καὶ τῆς βουλῆς εὐχαῖς καὶ ὑπὲρ ἐκείνου ὁμοίως εὔχεσθαι.

[3]) См. нетолько разсужденія Цицерона, но и весь тонъ исторіи Ливія; объ отношеніи поэтовъ, особенно Горація, къ народу см. ниже.

Августа встрѣтилъ такимъ образомъ полное сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, когда онъ рѣшилъ положить въ основаніе новаго строя соглашеніе именно съ сенатомъ, а не съ народомъ, этой „толпой легкомысленныхъ квиритовъ“, по выраженію поэта.

Спрашивается, въ силу какихъ полномочій Цезарь могъ приняться за реорганизацію государства? Отъ учредительной власти тріумвира онъ отказался вѣроятно въ 32 г.; полномочія, вытекавшія изъ „добровольной присяги“ народа, потеряли смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ врата Януса были закрыты, и кромѣ самого Цезаря ничто не препятствовало возстановленію владычества сената и народа. Власть консула, которую ему ежегодно давали, не только не стояла надъ сенатомъ и народомъ, но являлась лишь исполнительницей ихъ велѣній. Тѣмъ не менѣе Августъ самъ признавалъ, что только въ 27 году отрекся отъ чрезвычайной власти.

Какъ же онъ пріобрѣлъ эту власть и какъ она была формулирована? Отвѣтить на этотъ вопросъ чрезвычайно трудно.

Августъ, какъ мы видѣли, впослѣдствіи говорилъ, что „послѣ того какъ онъ окончилъ гражданскія войны и съ согласія всѣхъ захватилъ власть, онъ въ своемъ шестомъ и седьмомъ консульствѣ (28 и 27 г.) возвратилъ государство изъ своей власти въ распоряженіе сената и народа римскаго“ [1]), и Herzog совершенно справедливо замѣчаетъ, что эти слова нельзя иначе понять какъ только въ томъ смыслѣ, что уже *послѣ* гибели Антонія, народъ въ той или иной формѣ пригласилъ его, сохранить свое чрезвычайное положеніе [2]). Въ

---

[1]) Mon. anc. gr. 17, 17 сл.: μετὰ τὸ τοὺς ἐνφυλίους σβέσαι μὲ πολέμους [κ]ατὰ τὰς εὐχὰς τῶν ἐμῶν πολε[ι]τῶν ἐκράτῆς γενόμενος πάντων τῶν πραγμάτων и т. д. Ср. реставрированный Моммзеномъ согласно съ этимъ латинскій текстъ Mon. Anc. 6, 13: in consulatu sexto et septimo b[ella ubi civil]ia exstinxeram, per consensum universorum [potitus rerum omn]ium, rempublicam ex mea potestate in senat[us populique Romani a]rbitrium transtuli.

[2]) Herzog, 2, 1, 132 пр. 2: und dass der Ausdruck nicht die thatsäch-

какой формѣ произошло это приглашеніе, невозможно рѣшить. Августъ могъ довольствоваться молчаливымъ приглашеніемъ, лежавшимъ въ неслыханныхъ почестяхъ, данныхъ ему въ 31 и 30 году, или безпорядочнымъ, то-есть не облеченнымъ въ законныя формы, желаніемъ сената и народа [1]) или, наконецъ добиться чрезъ своихъ друзей формальнаго приглашенія, остаться во главѣ государства [2]).

Слова Августа не становятся яснѣе отъ сопоставленія ихъ съ свидѣтельствомъ другихъ источниковъ. Тацитъ утверждаетъ, что, отказавшись отъ тріумвирата, онъ довольствовался консулатомъ и трибунской властью [3]), Светоній,—что онъ обладалъ званіемъ префекта законовъ и нравовъ и въ силу ея произвелъ цензуру 29 и 28 г. [4]), Діонъ, наконецъ, относитъ къ 29 г. пріобрѣтеніе имъ титула и полновластія императора и повидимому связываетъ съ этимъ цензъ 29—28 года [5]). Всѣ

liche Alleinherrschaft durch den Sieg, sondern eine politische Gewaltübernahme bezeichnet, liegt in dem per consensum.

[1]) Herzog напоминаетъ по этому поводу форму преподнесенія Августу званія отца отечества. См. Suet. Aug. 58: patris patriae cognomen universi repentino maximoque consensu detulerunt ei: prima plebs, legatione Antium missa; dein, quia non recipiebat, ineunti Romae spectacula frequens et laureata; mox in curia senatus, *neque decreto neque adclamatione*, sed per Valerium Messalam. Is mandantibus cunctis...

[2]) Къ этому склоняется Herzog, 2, 132—133. Онъ предполагаетъ, что, imperium consulare для него было настолько расширено, что въ составъ его вошла и учредительная и цензорская власть. Этому противорѣчитъ свидѣтельство Светонія, что въ 29 году Цезарь послѣ девяти мѣсяцевъ отказался отъ консулата. Suet. Aug. 26.

[3]) Tac. Ann. 1, 2: posito triumviri nomine consulem se ferens et ad tuendam plebem tribunicio iure contentum. Отъ какихъ же полномочій отказался Августъ въ такомъ случаѣ въ 27 году?

[4]) Suet. Aug. 27: recepit et morum legumque regimen aeque perpetuum, quo iure quamquam sine censurae honore censum tamen populi ter egit, primum ac tertium cum collega, medium solus. Діонъ относитъ (невѣрное) извѣстіе о принятіи указаннаго regimen къ 19 году. См. объ этомъ ниже.

[5]) Dio 52, 41, 3: ἐν τῷ ἔτει ἐκείνῳ, ἐν ᾧ τὸ πέμπτον ὑπάτευσε (29 г.) — τὴν τοῦ αὐτοκράτορος ἐπίκλησιν ἐπέθετο. λέγω δὲ οὐ τὴν ἐπὶ ταῖς νίκαις κατὰ τὸ ἀρχαῖον διδομένην τισίν... ἀλλὰ τὴν ἑτέραν τὴν τὸ κράτος διασημαίνουσαν, ὥσπερ τῷ τε πατρὶ αὐτοῦ τῷ Καίσαρι καὶ τοῖς παισὶ τοῖς τε ἐγγόνοις ἐφήφιστο. Καὶ μετὰ ταῦτα τιμητεύσας... Kromayer, стр. 22 сл. Мы къ этому еще вернемся.

эти свѣдѣнія однако противорѣчатъ другимъ фактамъ или словамъ самого Августа и только доказываютъ, какъ неясно уже сто лѣтъ послѣ Августа представляли себѣ его конституціонное положеніе.

Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что и послѣ своего тріумфа Августъ продолжалъ владѣть неограниченными полномочіями тѣмъ болѣе неконституціоннаго характера, чѣмъ неопредѣленнѣе было ихъ основаніе. Никогда его положеніе не было настолько монархическимъ, какъ отъ 29 до 27 года.

Первымъ дѣломъ его была реорганизація сената. Еще диктаторъ Цезарь довелъ число сенаторовъ до 900; въ смутныя времена послѣ его смерти часть ихъ, правда, погибла, но число сенаторовъ не только не понизилось, а наоборотъ, къ 29 году дошло даже до 1000 человѣкъ: столько новыхъ было назначено за это время съ цѣлью наградить сторонниковъ или просто за деньги [1]). Между тѣмъ, разъ онъ предполагалъ возстановить старый строй, хотя бы съ формальной стороны, очистка сената отъ нравственно сомнительныхъ элементовъ была не менѣе необходима, чѣмъ устраненіе личныхъ враговъ. Въ виду этого Цезарь еще въ 29 г. приступаетъ къ lectio senatus, и добившись добровольнаго отреченія 50 лицъ отъ сенаторскаго званія, самъ исключилъ изъ него еще 140 человѣкъ, назначивъ вмѣсто нихъ нѣсколько другихъ заслуженныхъ лицъ [2]). Возведеніе нѣкоторыхъ родовъ въ званіе патриціевъ [3]) и запрещеніе всѣмъ сенаторамъ вы-

---

[1]) Suet. Aug. 35: senatorum affluentem numerum deformi et incondita turba (erant enim super mille, et quidam indignissimi et post necem Caesaris per gratiam et praemium adlecti, quos orcinos vulgus vocabat) ad modum pristinum et splendorem redegit duabus lectionibus. Dio 52, 42, 1: πολλοὶ μὲν γὰρ ἱππεῖς πολλοὶ δὲ καὶ πεζοὶ παρά τὴν ἀξίαν ἐκ τῶν ἐμφυλίων πολέμων ἐβούλευον, ὥστε καὶ ἐς χιλίους τὸ πλήρωμα τῆς γερουσίας αὐξηθῆναι.

[2]) Dio 52, 42, 2—3. Suet. l. c.

[3]) Mon. Anc. 2, 1: patriciorum numerum auxi consul quintum iussu populi et senatus. Tac. Ann. 11, 25: exhaustis (familiis), quas dictator Caesar lege Cassia et princeps Augustus lege Saenia sublegere. Dio 52, 42, 5: τό τε

ѣзжать безъ его разрѣшенія или порученія за предѣлы Италіи [1]), указываютъ на то, что одновременно съ очисткой сената Цезарь сдѣлалъ и другія распоряженія, касавшіяся правъ сенаторовъ, а можетъ быть и сената. Къ сожалѣнію привычка Свѣтонія не считаться съ хронологическими рамками не позволяетъ рѣшить, относятся ли сообщаемыя имъ постановленія о сенатѣ и сенаторскомъ сословіи всѣ или по крайней мѣрѣ отчасти именно къ 29 и 28 году, или нѣтъ [2]).

Во всякомъ случаѣ самъ Цезарь смотрѣлъ на принятыя имъ мѣры какъ на необходимое, но опасное дѣло: Свѣтоній разсказываетъ, что онъ предсѣдательствовалъ въ сенатѣ съ оружіемъ подъ тогой, окруженный десятью сильными друзьями изъ сенаторовъ. Убіеніе диктатора въ храмѣ во время засѣданія сената очевидно произвело на него впечатлѣніе. Кремуцій Кордъ впослѣдствіи утверждалъ, что даже посѣщавшіе его на дому сенаторы должны были подчиняться тѣлесному обыску [3]).

Тѣмъ не менѣе реорганизація сената доказывала, что Цезарь не считалъ возможнымъ устранить его и что цѣль его не заключалась въ установленіи чистаго абсолютизма. Годъ шестого консульства принесъ новыя подтвержденія этого до-

τῶν εὐπατριδῶν γένος συνεπλήθυσε, τῆς βουλῆς οἱ δῆθεν ἐπιρεψάσης τοῦτο ποιῆσαι. Л. Сеній былъ консуломъ 30 г.

[1]) Dio 52, 42, 6: καὶ προσαπεῖπε πᾶσι τοῖς βουλεύουσι μὴ ἐκδημεῖν ἔξω τῆς Ἰταλίας, ἂν μὴ αὐτός τινι κελεύσῃ ἢ καὶ ἐπιτρέψῃ. Въ эпоху Діона сенаторы не должны были выѣзжать за предѣлы Италіи, Сициліи и Нарбоннской Галліи. См. ib.

[2]) Suet. Aug. 35: ne plus quam bis in mense legitimus senatus ageretur Kal. et Idibus—neve Septembri Octobrive mense ullos adesse alios necesse esset, quam sorte ductos, per quorum numerum decreta confici posset;—sibique instituit consilia sortiri semenstria, cum quibus de negotiis ad frequentem senatum referendis ante tractaret. ib. 36: ne acta senatus publicarentur (ср. Suet. Caes. 20: inito honore—первое консульство—primus omnium instituit, ut tam senatus quam populi diurna acta confierent et publicarentur) ib. 38: liberis senatorum и т. д. Часть этихъ распоряженій несомнѣнно относится къ болѣе позднему времени.

[3]) Suet. Aug. 35. См. въ связи съ этимъ Dio 52, 42, 8.

вольно неожиданнаго факта. „Въ теченіе его, говоритъ Діонъ, онъ вопреки ожиданіямъ совершалъ и кое что другое и между прочимъ по старинному обычаю по порядку передавалъ своему коллегѣ Агриппѣ ликторскіе пучки, а отбывъ срокъ своей власти по отечественному обычаю произнесъ клятву отреченія“ [1]). При обнародованіи списка сенаторовъ онъ помѣстилъ себя во главѣ въ качествѣ принцепса сената, „какъ это было принято во время несомнѣннаго господства народа“ [2]). Наконецъ, „совершивъ много незаконнаго и несправедливаго во время смутъ и войнъ, какъ иначе такъ и во время совмѣстнаго съ Антоніемъ и Лепидомъ властвованія, онъ однимъ актомъ все это упразднилъ, объявивъ срокомъ дѣйствительности (упраздненныхъ мѣръ) свое шестое консульство“ [3]).

Но все это было лишь прелюдіей къ важнѣйшему шагу, къ отреченію отъ чрезвычайной власти и формальному возстановленію законнаго порядка, то есть управленія сената и народа. Этотъ актъ состоялся 13 января 27 г. до Р. Хр., 727 года отъ основанія города: этотъ день и есть, по замѣчанію Моммзена, день рожденія принципата.

§ 5.

„Я хорошо знаю“, заставляетъ Діонъ [4]) говорить Августа въ сенатѣ, „что нѣкоторымъ изъ васъ, о отцы, покажется,

[1]) Dio 53, 1, 1: τά τε ἄλλα κατὰ τὸ νομιζόμενον ἀπὸ τοῦ πάνυ ἀρχαίου ἐποίησε, καὶ τοὺς φακέλους τῶν ῥάβδων τῷ Ἀγρίππᾳ συνάρχοντι οἱ κατὰ τὸ ἐπίβαλλον παρέδωκεν, αὐτός τε ταῖς ἑτέραις ἐχρήσατο καὶ διάρξας τὸν ὅρκον κατὰ τὰ πάτρια ἐπήγαγε.

[2]) Ib. 3: τὰς ἀπογραφὰς ἐξετέλεσε, καὶ ἐν αὐταῖς πρόκριτος τῆς γερουσίας ἐπεκλήθη, ὥσπερ ἐν τῇ ἀκριβεῖ δημοκρατίᾳ ἐνενόμιστο.

[3]) Dio 53, 2, 6: ἐπειδή τε πολλὰ πάνυ κατά τε τὰς στάσεις κἀν τοῖς πολέμοις, ἄλλως τε καὶ ἐν τῇ τοῦ Ἀντωνίου τοῦ τε Λεπίδου συναρχίᾳ, καὶ ἀνόμως καὶ ἀδίκως ἐτετάχει, πάντα αὐτὰ δι' ἑνὸς προγράμματος κατέλυσεν, ὅρον τὴν ἕκτην αὐτοῦ ὑπατείαν προθείς. Tac. Ann. 3, 28: sexto demum consulatu Caesar Augustus, potentiae securus, quae triumviratu iusserat, abolevit...

[4]) Что Діонъ самъ неясно понималъ конституціонное значеніе акта 13 января, не подлежитъ сомнѣнію. См. 53, 2, 4 и 53, 11, 4—5. Отрывки рѣчи Августа, приведенныя въ текстѣ, см. 53, 3, 1. 4, 3—4 (=9, 6). 8, 4—5.

что я говорю невѣроятныя вещи. Ибо тому, чего никто изъ слушающихъ не пожелалъ бы сдѣлать самъ, никто не пожелаетъ повѣрить въ устахъ другого... Я отказываюсь отъ всякой власти и отдаю вамъ все сразу, войска, законы, провинціи, не только тѣ, которыя вы мнѣ поручили, но и все, что я самъ впослѣдствіи къ нимъ прибавилъ, чтобы вы изъ самыхъ дѣлъ моихъ убѣдились, что я вовсе не стремился съ самаго начала къ власти, а въ самомъ дѣлѣ только желалъ отомстить за моего трагически погибшаго отца и освободить государство отъ великихъ и разнообразныхъ золъ... И пусть никто не подозрѣваетъ, что я хочу васъ предать и отдать въ руки дурныхъ людей или какой-нибудь охлократіи, отъ которой не только не происходитъ ничего хорошаго для людей, но наоборотъ всегда все самое ужасное. Вамъ, лучшимъ и благоразумнѣйшимъ людямъ, вамъ я передаю государство. Того бы я никогда не сдѣлалъ (т.-е. не отдалъ бы государство въ руки массы), хотя бы мнѣ десять тысячъ разъ пришлось умереть или даже сдѣлаться монархомъ“ [1]).

„Я передалъ государство изъ моей власти въ распоряженіе сената и народа римскаго“, говоритъ самъ Августъ и къ этому прибавляетъ: „за эту мою заслугу я въ силу сенатусконсульта былъ названъ Августомъ. Послѣ этого времени я превосходилъ всѣхъ почетностью положенія, власти же имѣлъ нисколько не больше тѣхъ, которые были моими коллегами по магистратурѣ“ [2]).

Что актъ 13 января 27 г. имѣлъ (хотя бы формально)

[1]) Dio 53, 8, 5: οὐδ' εἰ μυριάκις ἀποθανεῖν ἦ καὶ μοναρχῆσαί με ἔδει. Ср. Dio 53, 16, 4: ὅτε τὰ περὶ τῆς ἐξωμοσίας τῆς μοναρχίας καὶ τὰ περὶ τῆς τῶν ἐθνῶν διανομῆς διελέχθη.

[2]) Mon. Anc. 6, 13 сл.: rem publicam ex mea potestate in senat[us populique Romani a]rbitrium transtuli. Quo pro merito meo senatu]s consulto Aug. appe]llatus sum... Post id tem[pus praestiti omnibus dignitate, potest]atis au[tem n]ihilo amplius habui, quam qui fuerunt m]ihi quoque in ma[gis]tra[t]u conlegae. Ср. греч. текстъ: ἀξιώμ[α]τι πάντων διήνεγκα, ἐξουσίας δὲ οὐδὲν τι πλεῖον ἔσχον τῶν συναρξάντων μοι.

большое значеніе и что съ нимъ соединялось представленіе о возстановленіи республики—несомнѣнно и видно и изъ другихъ современныхъ Августу источниковъ [1]), но также несомнѣнно и то, что Августъ умолчалъ о самомъ существенномъ, о новыхъ чрезвычайныхъ полномочіяхъ, данныхъ ему вслѣдъ за его отреченіемъ отъ прежняго положенія.

Можно повѣрить Діону, что впечатлѣніе, произведенное неожиданной для большинства манифестаціей, было подавляющее: недовѣріе къ искренности Августа, страхъ предъ неизвѣстнымъ будущимъ, еслибъ онъ серьезно отрекся отъ власти, возможность возобновленія анархическихъ порядковъ послѣдняго времени,—все это, вмѣстѣ съ криками сторонниковъ Августа, привело къ тому, что сенатъ пригласилъ Августа такъ или иначе, но сохранить руководящее положеніе [2]).

„Такимъ образомъ, продолжаетъ Діонъ [3]), онъ далъ сенату и народу утвердить его главенство, но желая показаться

---

[1]) Corp. inscr. lat VI, 1527: pacato orbe terrarum, restituta re publica; пренестинскіе фасты = C. i. l. I p. 384 къ 13 января: corona quern[a uti super ianuam domus imp. Caesaris] Augusti poner[etur senatus decrevit, quod rem publicam] p. R. restituit. Овидій, Fast. 1, 589 къ 13 января: redditaque est omnis (Моммзенъ, вмѣсто oneris) populo provincia nostro (опъ же вмѣсто vestri) et tuus Augusto nomine dictus avus. Vell. 2, 89, 2 Tac. Ann. 3, 28 (ср. стр. 91 прим. 3): deditque iura, quis pace et principe uteremur. Светоній не обратилъ вниманія на конституціонное значеніе шестого и седьмого консульства Августа (28. 27 г.). Ср. Aug. 28: de reddenda re publica bis cogitavit: primum post oppressum statim Augustum (въ 30 г. ?)... ac rursus taedio diuturnae valetudinis (въ 23 году ? Dio 53, 30), cum etiam magistratibus ac senatu domum accitis rationarium imperii tradidit. Sed in retinenda perseveravit. Согласно съ этимъ ib. 8 въ концѣ: per quattuor et quadraginta annos (отъ 30 г. до Р. Хр. до 14 г. послѣ Р. Хр.) solus rem publicam tenuit.

[2]) Dio 53, 11, 4: διεβόων πολλὰ... μοναρχεῖσθαί τε δεόμενοι καὶ πάντα τὰ ἐς τοῦτο φέροντα ἐπιλέγοντες, μέχρι κατηνάγκασαν δῆθεν αὐτὸν αὐταρχῆσαι. Ср. ib. 11, 2: τό τε γὰρ δημοκρατικὸν ἤδη τινὲς ὡς καὶ στασιῶδες ἐμίσουν, καὶ τῇ μεταστάσει τῆς πολιτείας ἠρέσκοντο, τῷ τε Καίσαρι ἔχαιρον.

[3]) Dio 53, 12, 1: τὴν μὲν φροντίδα τήνδε προστασίαν τῶν κοινῶν πᾶσαν ὡς καὶ ἐπιμελείας τινὸς δεομένων ὑπεδέξατο, οὔτε δὲ πάντων αὐτὸς τῶν ἐθνῶν ἄρξειν, οὐθ'ὅσων ἂν ἀρξῃ διὰ παντός τοῦτο ποιήσειν ἔφη и т. д.

гражданиномъ (βουληθεὶς δὲ δὴ καὶ ὡς δημοτικός τις εἶναι δόξαι), онъ правда принялъ заботу и руководство всѣми дѣлами, нуждающимися въ надзорѣ, но заявилъ, что онъ не будетъ ни самъ управлять всѣми провинціями, ни управлять тѣми, которыя возьметъ себѣ, безсрочно, а передалъ болѣе слабыя, такъ какъ онѣ въ то же время мирны и невоинственны, сенату; сильныя же въ качествѣ трудно-управляемыхъ и опасныхъ и имѣющихъ по сосѣдству враговъ или самихъ по себѣ способныхъ возстать, взялъ себѣ [1]). Провинціи такимъ образомъ были раздѣлены, а Цезарь, желая отдалить ихъ еще болѣе отъ мысли, что онъ замышляетъ создать монархію, принялъ управленіе данными ему провинціями лишь на десять лѣтъ“ [2]).

По мнѣнію Діона (и его источниковъ) Августъ такимъ образомъ, взамѣнъ прежнихъ неопредѣленныхъ полномочій въ 27 году, получилъ 1) неизвѣстно какъ формулированную власть, дававшую ему право надзора надъ всѣми дѣлами и 2) непосредственное управленіе извѣстными провинціями на десять лѣтъ. Судя по приведенному мѣсту, можно было бы подумать, что прямой связи между этими двумя группами полномочій не было, что руководство дѣлами (προστασία τῶν κοινῶν) было ему даровано безсрочно, а управленіе опредѣленными провинціями—на десять лѣтъ. Такому пониманію однако рѣшительно противорѣчатъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ Діонъ упоминаетъ о продленіи десятилѣтняго срока: каждый разъ

---

[1]) Сенату достались: Африка, Нумидія, Азія, Эллада съ Эпиромъ, Далмація, Македонія, Сицилія, Критъ, Ливія (Кирена), Виѳинія, Сардинія и Бетійская Испанія. Изъ нихъ только Африка нуждалась въ войскѣ: здѣсь стоялъ одинъ легіонъ.

Цезарю достались: остальная Испанія (Tarraconensis и Lusitania) съ воинственными горцами, Галлія съ ея недавно покоренными народами и германскими сосѣдями, Сирія, Финикія, Киликія и Кипръ съ парѳянскими сосѣдями, и Египетъ, населеніе котораго (и въ частности населеніе Александріи) всегда признавалось чрезвычайно неспокойнымъ. Dio ib.

[2]) Dio 53, 13, 1.

здѣсь говорится о продленіи именно тѣхъ полномочій, которыя, по его выраженію, дали Августу игемонію [1]). Очевидно, законодательнымъ актомъ 27 г., по мнѣнію Діона, Августу были дарованы какъ общія для всего государства полномочія, такъ и спеціальныя права надъ извѣстными провинціями, при чемъ и для тѣхъ, и для другихъ былъ назначенъ десятилѣтній срокъ.

Нужно замѣтить, что въ толкованіи словъ Діона ученые рѣзко разошлись. Моммзенъ принялъ только ту часть его разсказа, гдѣ говорится о раздѣленіи провинцій, и полагаетъ, что въ этомъ и заключалось все значеніе акта 27 г.: Діонъ по его мнѣнію не понялъ въ чемъ дѣло и, обманутый фактическимъ всемогуществомъ Августа, приписалъ ему руководство дѣлами, которое только фактически, но не юридически заключается въ дарованномъ ему proconsulare imperium [2]). Это proconsulare imperium онъ притомъ (въ послѣднемъ, третьемъ изданіи своего труда), какъ уже замѣчено, дѣлитъ на безсрочное общее, дававшее Августу исключительное начальство надъ всѣми войсками имперіи, и на срочное спеціальное, поручавшее ему

---

[1]) Dio 54, 12, 4 (къ 18 г.): πρῶτον μὲν αὐτὸς πέντε τῆς προστασίας ἔτη, ἐπειδήπερ ὁ δεκέτης χρόνος ἐξήκων ἦν, προσέθετο, ἔπειτα δε... Dio 54, 12, 5: τοσαῦτα γὰρ σφίσιν (ему и Агриппѣ) ἔτη τότε ἐπαρκέσειν ἔφη ὕστερον γὰρ οὐ πολλῷ καὶ τὰ ἄλλα πέντε τῆς αὐτοκράτορος ἡγεμονίας προσέλαβεν. 55, 6, 1 (къ 8 г.): μετὰ δὲ δὴ ταῦτα τήν τε ἡγεμονίαν καίπερ ἀφιείς, ὡς ἔλεγεν, ἐπειδὴ τὰ δέκα ἔτη τὰ δεύτερα ἐξεληλύθει, ἄκων δῆθεν αὖτις ὑπέστη. 55, 12, 3 (къ 3 г. по Р. Хр.): πληρωθείσης δὲ οἱ καὶ τῆς τρίτης δεκαετίας τὴν ἡγεμονίαν καὶ τὸ τέταρτον ὑπεδέξατο. 56, 28, 1 (къ 13 году): τήν τε προστασίαν τῶν κοινῶν τὴν δεκέτη τὴν πέμπτην... ἔλαβε. По поводу выраженія ἡγεμονία см. Dio 53, 12, 1: τήν μὲν οὖν ἡγεμονίαν и т. д.

[2]) R. St. 2, 794 пр. 1: (Dio), der an die Uebernahme der speciell kaiserlichen Provinzen die προστασία τῶν κοινῶν (56, 28; vgl. 54, 12) und die αὐτοκράτωρ ἡγεμονία (54, 12; vgl. 55, 6. 12) anknüpft, factisch mit Recht, nicht aber im staatsrechtlichen Sinn. Cp. ib. 1088 пр. 1: obwohl er (Dio) ausdrücklich die Befristung auf das Regiment gewisser Provinzen beschränkt (?), hat er dennoch zum Teil verschuldet, dass die Neueren zwar den Gegensatz des allgemeinen und des besonderen proconsularischen Imperium natürlich wohl erkannt, aber nicht erkannt haben, dass jenes von Haus aus dauernd, dieses anfänglich befristet ist.

управленіе извѣстными провинціями [1]). Мысль Августа согласно съ взглядомъ Моммзена, заключалась въ полномъ отдѣленіи военной власти, которая всецѣло поручалась ему, отъ гражданской власти, которая также всецѣло должна была находиться въ рукахъ сената. Въ каждой провинціи, наряду съ уполномоченнымъ императора, стоявшимъ во главѣ войска, долженъ былъ стоять, избранный сенатомъ, глава гражданской власти. Условія времени, опасность, угрожавшая отъ населенія нѣкоторыхъ провинцій или его сосѣдей, сдѣлали невозможнымъ исполненіе этой идеи, и наряду съ званіемъ главнокомандующаго Августъ принялъ на себя управленіе тѣми провинціями, въ которыхъ были сосредоточены главныя военныя силы государства. Только въ Иллирикѣ и Африкѣ основная идея новаго порядка и въ самомъ дѣлѣ была проведена [2]).

Толкованіе Моммзена на нашъ взглядъ не выдерживаетъ критики, даже если допустить, что Діонъ только по недоразумѣнію приписалъ Августу право на руководство всѣми дѣлами. Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего ни Діонъ, ни какой бы то ни было другой источникъ не содержитъ указаній на двойственность проконсульской власти; далѣе, Діонъ строго отличаетъ власть, дарованную Августу въ 27 г., отъ прокон-

---

[1]) R. St. 2, 1087—8: Die von Augustus im J. 727 (=27 годъ) als die definitive hingestellte Ordnung der Militärverhältnisse forderte einerseits die Uebertragung des Truppencommandos im ganzen Reiche auf den Staatsfeldherrn, andrerseits die Uebernahme der sämmtlichen Statthalterschaften durch das Senatsregiment.... die Verbindung senatorischer Statthalterschaft mit kaiserlichem Truppencommando, sollte bei der schliesslichen Regulierung auf alle mit Militär belegten Provinzen ausgedehnt werden. Transitorisch indess behielt Augustus damals die unmittelbare Verwaltung einiger militärischen Eingreifens zunächst bedürftiger Provinzen noch für weitere zehn Jahre. Ср. ib. 1087: Verschieden von der allgemeinen, aus dem ausschliesslichen kaiserlichen Obercommando abgeleiteten, ist diejenige proconsularische Gewalt, kraft welcher der Kaiser einzelne Provinzen in seine Verwaltung nimmt.

[2]) R. St. 2, 1088: dasjenige Verhältniss, wie es unter den julischen Kaisern eine Zeitlang in Illyricum und länger in Africa bestand, die Verbindung senatorischer Statthalterschaft etc. см. предыд. прим.

сульской власти, дарованной ему въ 23 году [1]): власть 27 г. слѣдовательно не могла быть проконсульской. Вдобавокъ, какъ справедливо замѣчаетъ Gardthausen, Августъ съ 27 по 23 годъ былъ консуломъ, а быть одновременно консуломъ и замѣстителемъ консула (pro consule) нелѣпо [2]). Что касается наконецъ предполагаемаго плана раздѣленія военной и гражданской власти, то, во-первыхъ, и на него нѣтъ никакихъ указаній въ источникахъ, а, во-вторыхъ, примѣръ Иллирика и Африки ничего не доказываетъ. Помимо того, что Иллирикъ еще въ 11 г. до Р. Хр. перешелъ въ составъ провинцій Цезаря, проконсулъ Африки не былъ лишенъ военной власти [3]), и именно поэтому Гай отдѣлилъ отъ провинціи пограничную полосу и поручилъ управленіе ею начальнику расположеннаго въ ней легіона [4]).

Но это еще не все. Приписывая Августу двойную проконсульскую власть—начальство надъ войсками и управленіе Галліей, Испаніей, Сиріей и Египтомъ—Моммзенъ въ то же время совершенно отвергаетъ свидѣтельство Діона, что ему тогда же были дарованы обширныя гражданскія полномочія. Голословное утвержденіе, что Діонъ ошибся, на нашъ взглядъ не

[1]) Моммзенъ R. St. 2, 845, пр. 2 совершенно произвольно отвергаетъ это свидѣтельство: übrigens muss wenigstens das Wesentliche dieser Festsetzungen nicht erst 731, sondern bereits 727 festgestellt worden sein. Утвержденіе это совершенно голословно и имъ однимъ нельзя устранить свидѣтельство Діона. Замѣтимъ, что Моммзенъ самъ признаетъ, что сообщаемое Діономъ свѣдѣніе не можетъ быть плодомъ его догадокъ. См. ib.: die hinzugefügten Modalitäten zeigen, dass Dio hier keineswegs von den Verhältnissen seiner Zeit auf die der augustischen zurückschliesst.

[2]) Вспомнимъ характерный для римскаго государственнаго права формализмъ. Gardthausen, Aug. und seine Zeit, 2, 289.

[3]) Tac. Ann. 3, 32: neque multo post (въ 21 г.) missis ad senatum litteris Tiberius motam rursum Africam incursu Tacfarinatis docuit, *iudicioque patrum deligendum pro consule gnarum militiae, corpore validum et bello suffecturum.*

[4]) Tac. Ann. 4, 48: legio in Africa auxiliaque tutandis imperii finibus sub divo Augusto Tiberioque principibus pro consuli parebant, mox Gaius Caesar... legato tradidit. Herzog, 2, 319—320.

можетъ имѣть значенія для опроверженія его словъ, особенно въ виду того, что другіе факты ихъ подтверждаютъ. Мы имѣемъ въ виду въ высшей степени характерныя событія 22—21 и 19 года.

Въ 22 г., во время отсутствія Августа,—онъ отправился въ Сицилію, а затѣмъ на Востокъ,—въ Римѣ во время консульскихъ выборовъ произошли продолжительные безпорядки вслѣдствіе соревнованія Квинта Лепида и Л. Силана. Приказъ, чтобы выборы происходили въ отсутствіи конкуррентовъ, не привелъ къ успокоенію, и тогда Августъ рѣшилъ прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ: въ 21 г. онъ послалъ своего сотрудника и нареченнаго жениха своей дочери Юліи, М. Агриппу, въ Римъ для возстановленія спокойствія въ столицѣ [1]).

Въ 19 г. безпорядки возобновились изъ-за тѣхъ же консульскихъ выборовъ. Какъ въ 22 г., дѣло касалось занятія вакантнаго въ виду отказа Августа отъ предложеннаго ему консулата мѣста [2]). На этотъ разъ дѣло дошло до кровопролитія, такъ что сенатъ счелъ нужнымъ поручить избранному консулу Г. Сентію заботу о государствѣ, т.-е. дать ему диктаторскія полномочія. Но время для примѣненія senatus-consultum ultimum прошло, и Сентій не принялъ порученія. Тогда сенатъ обратился къ Августу и Августъ разрѣшилъ вопросъ, *назначивъ консуломъ* одного изъ присланныхъ сенатомъ пословъ, Кв. Лукреція [3]).

[1]) Dio 54, 6, 4: ἀγανακτήσας οὖν ἐπὶ τούτῳ ὁ Αὔγουστος καὶ μήτε μόνῃ τῇ Ῥώμῃ σχολάζειν δυνάμενος μήτ' αὖ ἄναρχον αὐτὴν καταλιπεῖν τολμῶν ἐζήτει τινὰ αὐτῇ ἐπιστῆσαι, καὶ... (τὸν Ἀγρίππαν)... ἐς τὴν Ῥώμην... ἐπὶ τῇ τῆς πόλεως διαχειρίσει ἔπεμψε.

[2]) Въ 22 г. были избраны Августъ и М. Лоллій, теперь Августъ и Г. Сентій.

[3]) Dio 54, 10, 1—2: στάσις τε αὖθις ἐν τῇ Ῥώμῃ συνηνέχθη καὶ σφαγαὶ συνέβησαν, ὥστε τοὺς βουλευτὰς φρουρὰν τῷ Σεντίῳ ψηφίσασθαι. ἐπειδὴ δὲ μὴ ἠθέλησεν αὐτῇ χρήσασθαι, πρέσβεις πρὸς τὸν Αὔγουστον, μετὰ δύο ῥαβδούχοις ἕκαστον, ἔπεμψαν... ἔκ τε τῶν πρεσβευτῶν αὐτῶν Κύιντον Λουκρήτιον, καίπερ ἐν τοῖς ἐπικηρυχθεῖσιν ἀναγραφέντα, ὕπατον ἀπέδειξε. Ср. Herzog, 2, 150.

Ни назначеніе Агриппы чѣмъ-то вродѣ полицейскаго префекта столицы, ни, тѣмъ болѣе, назначеніе консула не могутъ быть объяснены, если принять взглядъ Моммзена. Никакая проконсульская, никакая трибунская власть не могутъ дать право, назначить консула. Моммзенъ и самъ не могъ не замѣтить этого и постарался устранить это возраженіе. Что касается назначенія Агриппы, то Моммзенъ предполагаетъ, что Агриппа еще въ 27 или въ 23 году получилъ проконсульскую власть, въ качествѣ minor collega Августа [1]). Противъ этого, во-первыхъ, говоритъ, что ни одинъ источникъ не упоминаетъ о подобномъ распоряженіи; излагая довольно подробно событія 27 и 23 г., Діонъ не могъ бы умолчать о такомъ важномъ обстоятельствѣ, а кромѣ того, въ этомъ уже заключалось бы признаніе Агриппы ближайшимъ къ власти лицомъ, что при жизни Марцелла никоимъ образомъ не могло входить въ расчеты Августа [2]). Далѣе Діонъ отмѣчаетъ дарованіе Агриппѣ „другихъ аналогичныхъ Августу правъ и трибунской власти“ въ 18 году (на пять лѣтъ) [3]), упоминаетъ и о продленіи ему трибунской власти на новое пятилѣтіе и о дарованіи ему maius imperium внѣ Италіи въ 13 г. [4]): возможно ли предположить, чтобы онъ забылъ отмѣтить такой фактъ, какъ дарованіе тому же Агриппѣ въ 27 или 23 г. проконсульской власти [5])?

---

[1]) Res gestae 163 сл. R. St. 2, 1151, пр. 5 и 1157, пр. 3. Ср. 2, 1060, пр. 2: nicht als praefectus urbi. Der Grund ist offenbar, dass Agrippa wenigstens seit 731 (=23 г.) im Mitbesitz der proconsularischen Gewalt war und es dabei bewenden konnte.

[2]) О династической политикѣ Августа см. ниже.

[3]) Dio 54, 12, 4: καὶ τῷ Ἀγρίππᾳ ἄλλα τε ἐξ ἴσου πῃ ἑαυτοῦ καὶ τὴν ἐξουσίαν τὴν δημαρχικὴν... ἔδωκε.

[4]) Dio 54, 28, 1: τὸν Ἀγρίππαν... τῇ τε δημαρχικῇ ἐξουσίᾳ ἐς ἄλλα πέντε ἔτη ἐμεγάλυνε καὶ ἐς τὴν Παννονίαν... ἐξέπεμψε, μεῖζον αὐτῷ τῶν ἑκάστοτε ὑπὲρ τῆς Ἰταλίας ἀρχόντων ἰσχῦσαι ἐπιτρέψας.

[5]) Моммзенъ 2, 1060 пр. 2 ссылается для своего взгляда на слова Іосифа Флавія Ant. 15, 10, 2, который называетъ Агриппу τοῦ πέραν Ἰονίου διάδοχος Καίσαρι и Ant. 16, 3, 3 замѣчаетъ, что Агриппа десять лѣтъ (съ 23 по 13 г.) пробылъ на Востокѣ. Но онъ самъ мало увѣренъ въ ихъ доказательности.

Наконецъ даже если допустить,—на нашъ взглядъ это совершенно невозможно,—что Моммзенъ въ данномъ случаѣ правъ, то и тогда затрудненіе не устраняется. Проконсульская власть, дававшая самому Августу только главное начальство надъ войсками и управленіе вышеупомянутыми провинціями безъ общихъ гражданскихъ полномочій, очевидно не могла быть шире и для Агриппы [1]): между тѣмъ, не только его спеціальная миссія—успокоеніе Рима — вообще дѣлала необходимыми и гражданскія полномочія, исключавшія возможность сопротивленія или неповиновенія магистратовъ, но и въ частности мы знаемъ, что Агриппа распорядился объ устраненіи египетскихъ культовъ изъ столицы [2]).

Не менѣе неудачно и объясненіе событій 19 года. Моммзенъ сопоставляетъ ихъ съ назначеніемъ всѣхъ магистратовъ въ 7 году послѣ Р. Хр. и говоритъ, что „если при приготовленіи выборовъ происходили безпорядки, Августъ и послѣ 27 г., съ устраненіемъ комицій, неоднократно самъ назначалъ магистратовъ, и такимъ образомъ прямо возвращался къ порядкамъ эпохи тріумвировъ, повидимому на основаніи принадлежавшей ему дискреціонной власти“ [3]). Дискреціонная власть—неограниченное право распоряженій, упоминаемое въ lex de imperio Vespasiani, — неосновательно связываемая Моммзе-

---

Главный аргументъ его слѣдующій 2, 1151, пр. 5: Es stimmt dies auch recht wohl sowohl zu der allgemeinen Stellung des Agrippa, *für die ein formulirtes Imperium nothwendig gefunden werden muss*, wie auch zu der damaligen Behandlung der proconsularischen und tribunicischen Secundärgewalt. Теоретическія соображенія и логическія требованія, особенно въ такое переходное и неустановившееся время, едвали могутъ имѣть значеніе: именно въ такое время мы можемъ исходить только изъ несомнѣнныхъ фактовъ. Что касается словъ Іосифа Флавія, то Агриппа могъ получить такое же порученіе для Востока, какъ въ 21 г. для города Рима.

[1]) Вѣдь и въ 13 г. онъ получилъ maius imp. ἔξω τῆς Ἰταλίας.

[2]) Dio 54, 6, 6: καὶ ὃς τὰ μὲν ἄλλα οἰδοῦντα ἔτι εὑρὼν κατεστήσατο, τά τε ἱερὰ τὰ Αἰγύπτια ἐπεσιόντα αὖθις ἐς τὸ ἄστυ ἀνέστειλεν, ἀπειπὼν μηδ' ἐν τῷ προαστείῳ αὐτὰ ἐντὸς ὀγδόου ἡμισταδίου ποιεῖν.

[3]) R. St. 2, 916—7.

номъ съ трибунской властью [1]), на самомъ дѣлѣ была дарована Августу только послѣ безпорядковъ 19 года и возвращенія Августа въ Римъ, въ томъ же 19 году[2]). А если это такъ, то на нее очевидно нельзя сослаться для конституціоннаго объясненія такого поразительнаго явленія, какъ назначеніе Кв. Лукреція консуломъ.

Herzog, который, по примѣру Моммзена, отвергаетъ слова Діона о προστασία τῶν κοινῶν [3]), признаетъ возникающее отсюда для теоріи Моммзена затрудненіе. „Изъ всѣхъ полномочій Августа“, говоритъ онъ, „о которыхъ мы знаемъ начиная съ 27 года, нѣтъ ни одного, изъ котораго можно было бы вывести для принцепса, не обладавшаго тогда (въ 22 г.) консульской властью, право либо вмѣшаться самому, либо назначить другое лицо съ чрезвычайной властью въ городѣ Римѣ“ [4]). Въ виду этого онъ признаетъ необходимымъ предположить, что Августу еще раньше было даровано соотвѣтственное право, или что онъ дѣйствовалъ въ силу спеціальнаго приглашенія сената. Наиболѣе вѣроятнымъ ему кажется послѣднее [5]).

---

[1]) R. St. 2, 909: durch eine dem Gesetz über die tribunicische Gewalt einverleibte Clausel anerkannt. 910: obwohl diese Befugniss wahrscheinlich anknüpft an das weitreichende und unbestimmte Recht des republikanischen Volkstribunats zu verbieten und gebieten...

[2]) См. Herzog, 2, 150—151 и ниже. Dio, 54, 10, 6.

[3]) Herzog, 2, 136—139. Это вытекаетъ уже изъ его словъ (стр. 138): Rom und Italien sollten unter der Verwaltung der Konsuln und der übrigen Magistrate bleiben, wobei er allerdings sich selbst eine Stelle im Konsulat vorbehielt и изъ опредѣленія власти Августа, какъ проконсульской. Отмѣтимъ, что съ 23 г. Августъ не былъ болѣе консуломъ.

[4]) Id. 2, 149.

[5]) Ib.: es muss also entweder eine Bewilligung hineingedacht werden, aus der diese Befugniss abzuleiten wäre, oder eine durch das an Augustus ergangene Ersuchen motivirte besondere Massnahme. Ср. ib. 159, пр. 1: wohl aber ist es möglich, dass dem Augustus in der Definition seiner eigenen Gewalt im Jahre 27 oder 23 zugleich das Recht erteilt wurde, einen Stellvertreter mit einer analogen Gewalt nach Bedürfniss in einer durch ihn zu bestimmenden räumlichen und zeitlichen Begrenzung auszusenden.

Нельзя отрицать, что это предположеніе возможно, хотя Діонъ только по поводу событій 19 г. говоритъ о формальномъ посольствѣ сената, тогда какъ въ 22 г. къ Августу обратился не сенатъ, а „разсудительные люди“ [1]), но если даже допустить, что Августъ и въ 22 и въ 19 году дѣйствовалъ по приглашенію сената, и тогда вопросъ этимъ не исчерпывается. Что Августу ни въ 22, ни въ 19 году небыли дарованы диктаторскія полномочія (хотя бы въ формѣ senatus consultum ultimum) не подлежитъ сомнѣнію, а въ такомъ случаѣ приглашеніе сената могло бы быть сочтено развѣ только за нравственное оправданіе незаконнаго вмѣшательства Августа въ избирательныя права народнаго собранія, но юридически это вмѣшательство все-таки оставалось бы чистѣйшей узурпаціей. На нашъ взглядъ, поэтому, и объясненіе Herzog'a не выдерживаетъ критики и оставляетъ вопросъ открытымъ. Если не предположить, что Августъ счелъ себя вынужденымъ, рѣзко превысить свои полномочія,—это и по существу неправдоподобно, да и въ источникахъ указанія на это нѣтъ,—остается такимъ образомъ лишь одинъ выходъ: не отвергать напрасно словъ Діона о προστασία τῶν κοινῶν и признать, что еще въ 27 году Августу было дано право надзора надъ всѣми дѣлами.

Но если мы такимъ образомъ не видимъ никакого основанія, которое бы заставило насъ отвергнуть свидѣтельство Діона о событіяхъ 27, и, наоборотъ, находимъ ему подтвержденіе въ послѣдующихъ событіяхъ, то отсюда возникаетъ новый вопросъ. Если Моммзенъ неправъ, ограничивая власть, дарованную Августу въ 27 г., начальствомъ надъ войсками и управленіемъ нѣкоторыми провинціями, то спрашивается, въ чемъ же заключалась эта власть и какъ она была формулирована?

---

[1]) Dio 54, 6, 2: καὶ οὕτωγε πάντα συνετάραξαν ὥστε καὶ τὸν Αὔγουστον ὑπὸ τῶν ἐμφρόνων ἀνακληθῆναι. ib. 10, 2: πρέσβεις πρὸς τὸν Αὔγουστον μετὰ δύο ῥαβδούχων ἕκαστον, ἔπεμψαν (οἱ βουλευταί).

Діонъ совершенно правильно утверждаетъ, что Августъ, кромѣ управленія неоднократно упомянутыми провинціями, имѣлъ „руководство всѣми дѣлами“, но какое же imperium было ему даровано, если это было не проконсульское?

Это imperium могло быть консульское: иначе говоря, консульская власть, которой Августъ обладалъ отъ 27 до 23 года и которая въ 23 г. была замѣнена пожизненной проконсульской властью, для него могла быть расширена настолько, что въ ней могли заключаться всѣ тѣ полномочія, которыя Діонъ ему приписываетъ. Тогда слова Тацита, что, отказавшись отъ тріумвирата, „онъ дѣлалъ видъ, что онъ только консулъ, а для охраны народа довольствуется трибунской властью“, довольно точно опредѣляли бы его положеніе [1]). Но и противъ этого можно привести разные доводы. Молчаніе Августа относительно consulare imperium, правда, не имѣетъ никакого значенія; не имѣетъ значенія и тотъ фактъ, что онъ спеціально отмѣчаетъ, что производилъ цензы въ силу консульской власти—изъ этого еще нельзя сдѣлать заключеніе, что эта власть ему спеціально даровалась только для цензуры [2]). Тотъ фактъ, что consulare imperium ни у писателей, ни въ надписяхъ, ни на монетахъ не упоминается, какъ непремѣнная составная часть принципата, тогда какъ неоднократно упоминается проконсульская и трибунская власть, можетъ быть объясненъ, разъ консульская власть 27 г. цѣликомъ была замѣнена проконсульской властью 23 года. Но существеннѣйшее возраженіе заключается въ томъ, что проконсульская власть 23 г. была пожизненной, тогда какъ полномочія, данныя Августу въ 27 году, отъ времени до времени возобновлялись. Очевидно, послѣднія не вошли

[1]) Tac. Ann. 1, 2: posito triumviri nomine et ad tuendam plebem tribunicio iure contentum. Ср. Madvig, Verfassung und Verwaltung, 1, 537—38.

См. также Suet. Aug. 26: quinque medios consulatus a sexto (28 г.) ad decimum (24 г.) annuos gessit. Въ 23 г. онъ отрекся отъ консульства до срока (послѣ 3 мѣсяцевъ?).

[2]) Mommsen, Res gestae, стр. 27. Ср. Herzog 2, 151, пр. 1.

въ составъ проконсульской власти, если бы она и должна была замѣнить ежегодные консулаты 27 до 23 года.

Но если imperium Августа не было ни проконсульское, ни консульское, то какъ же оно было формулировано? По мнѣнію Моммзена всякое imperium римскаго магистрата обязательно должно быть либо консульскимъ (проконсульскимъ), либо преторскимъ (пропреторскимъ). Imperium, какъ такового, римская конституція не знаетъ. А такъ какъ, начиная съ Августа, каждый провинціальный намѣстникъ, который не признаетъ надъ собою другого, имѣетъ титулъ проконсула, то для обладателя всеобщаго права намѣстничества (Inhaber des allgemeinen Statthalterrechts) эта формулировка сама собой необходима [1]).

На первый взглядъ это разсужденіе Моммзена очень убѣдительно и подкупаетъ своей строгой логичностью и простотой. Но мы ужъ видѣли, что оно не согласно съ фактами и не можетъ быть принято. Исходя изъ римскихъ республиканскихъ взглядовъ, Моммзенъ забываетъ, что они разбиваются цѣлымъ рядомъ фактовъ: если новая власть не соблюдала ни коллегіальности, ни годичности старыхъ магистратуръ, то возможно, что были сдѣланы и другія, менѣе существенныя отступленія отъ обычая. По самому существу своему, правильно замѣчаетъ Карлова [2]), начальство надъ всѣми войсками и управленіе доброй четвертью государства создавали Августу такое положеніе, которое совершенно не соотвѣтствовало республиканскимъ представленіямъ ни о консульской, ни о проконсульской власти. Вполнѣ возможно поэтому, что въ законодательномъ актѣ 27 года установлялся просто рядъ правъ Августа безъ подведенія его полномочій подъ

[1]) R. St. 2, 845. Ср. прим. 4: so einfach und selbstverständlich dies ist, pflegt man doch durchaus die imperatorische und die proconsularische Gewalt als zwei verschiedenartige Bestandtheile des Kaiseramts aufzufassen, wobei denn freilich dessen richtiges Verständniss unmöglich wird.

[2]) R. RG., 492—3.

рубрику консульской власти—которой онъ въ 27 и слѣдующихъ годахъ и безъ того владѣлъ—или проконсульской власти, которую онъ получилъ лишь въ 23 году. Ссылаться для доказательства противнаго на молчаніе Августа въ его автобіографіи, невозможно: вѣдь онъ не упоминаетъ и о proconsulare imperium. Что же касается надписей Арвальскихъ братьевъ, то въ нихъ говорится просто объ imperium, а не объ imperium proconsulare [1]).

Значеніе акта 27 года представляется намъ, такимъ образомъ, въ слѣдующемъ видѣ. Окончивъ гражданскія войны и сдѣлавъ первые шаги къ реорганизаціи государства при помощи не опредѣленной закономъ и неограниченной власти, которую онъ узурпировалъ „съ всеобщаго согласія", Цезарь считаетъ необходимымъ, создать себѣ законное положеніе, и цѣлымъ рядомъ актовъ еще въ 28 году доказываетъ свое желаніе, возстановить нормальное теченіе государственной жизни. Въ январѣ 727—27 года онъ окончательно отрекается отъ исключительныхъ, неконституціонныхъ полномочій и предоставляетъ государство законнымъ властямъ, то есть сенату и народному собранію. Отреченіе происходитъ въ сенатѣ и сенатъ въ виду этого прежде всего призванъ рѣшить, что будетъ дальше. По понятнымъ причинамъ только что обновленный сенатъ не рѣшается, просто вернуться къ старому, чисто республиканскому строю: однихъ пугаетъ месть недавняго властителя, необыкновенно популярнаго среди народа, провинцій и массы войскъ, другихъ возможность новыхъ

[1]) Henzen, Atti, p. 63: о Гаѣ: quod hoc die a senatu impera(tor appellatus est), о Неронѣ и Домиціанѣ: ob imperium, о Вителліи ob diem imperi, quod XIII k. Mai statutum est. Ср. Plin. ep. 53 и 120.

Въ другихъ мѣстахъ день воцаренія называется dies principatus (Suet. Vesp., 6, см. v. Hadr. 4 и 6 и Mommsen, R. St. 2, 843 пр. 3), primus principatus dies (Tac. hist. 2, 79), позднѣе natalis imperii. R. St. 2, 813, пр. 1. Аргументація Моммзена R. St. 2, 797, пр. 5 относительно Suet. Vesp. 6 мало убѣдительна: едвали войско обращало особенное вниманіе на законный порядокъ.

смутъ и междоусобій въ самомъ Римѣ, третьихъ мятежный духъ солдатчины; еще другіе искренно привязаны къ Августу или чувствуютъ, что вся ихъ будущность тѣсно связана съ его собственной судьбой—всѣ въ концѣ концевъ „предпочитаютъ сохраненіе вѣрнаго настоящаго невѣрному будущему“, и даже оппозиція способна лишь фрондировать, но не бороться всѣми силами съ нарождающейся монархіей. Всѣ эти побужденія дѣйствуютъ вмѣстѣ и приводятъ къ тому, что сенатъ признаетъ невозможнымъ, возстановить республику въ прежнемъ видѣ: не зная настоящей цѣли отреченія Цезаря, его сначала приглашаютъ сохранить свое положеніе, но онъ отказывается и въ концѣ концовъ, быть можетъ, выступаетъ съ своей программой, въ силу которой онъ соглашается въ виду критическаго положенія государства, оставить за собой верховное руководство и надзоръ за дѣлами съ правомъ, *въ случаѣ надобности* вмѣшиваться въ дѣйствія всѣхъ остальныхъ властей, и кромѣ того выражаетъ готовность, принять на себя непосредственно наиболѣе трудную задачу: управленіе наименѣе обезпеченными пограничными провинціями, а вдобавокъ, быть можетъ, и начальство надъ всѣмъ войскомъ, дисциплина котораго, потрясенная революціей, можетъ быть возстановлена только лицомъ, обладающимъ необыкновеннымъ личнымъ вліяніемъ на солдатъ [1]).

---

[1]) Непосредственнаго указанія на исключительное начальство надъ войсками въ разсказѣ Діона о событіяхъ 27 г. нѣтъ. Въ систематическомъ обзорѣ властей принципса, который слѣдуетъ за названнымъ разсказомъ, Діонъ правда говоритъ: 53, 17, 5—6: καταλόγους τε ποιεῖσθαι καὶ χρήματα ἀθροίζειν πολέμους τε ἀναιρεῖσθαι καὶ εἰρήνην σπένδεσθαι, τοῦ τε ξενικοῦ καὶ τοῦ πολιτικοῦ ἀεὶ καὶ πανταχοῦ ὁμοίως ἄρχειν λαμβάνουσιν. Выше, однако, уже было замѣчено, что указанный систематическій обзоръ, какъ источникъ, не имѣетъ такого значенія, какъ хронологическій разсказъ Діона о событіяхъ отдѣльныхъ годовъ: уже самое начало его (53, 17, 1 сл.) указываетъ на то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ плодомъ личныхъ соображеній Діона.

Нужно, однако, замѣтить, что еще современникъ Августа, Страбонъ, (17, 3, 25, стр. 840) приписываетъ ему право войны и мира: ἡ πατρὶς ἐπέ-

Было ли утверждено это соглашеніе народомъ, трудно рѣшить.

Діонъ, правда, опредѣленно говоритъ, что полномочія 27 года были дарованы Августу какъ сенатомъ, такъ и народомъ [1]); съ другой стороны, однако, Тацитъ утверждаетъ, что Августъ самъ „далъ законы“, создавшіе принципатъ [2]), и Моммзенъ въ виду этого полагаетъ, что порядки, установленные Августомъ, не были утверждены народнымъ собраніемъ [3]). Доказать обратное съ безусловной достовѣрностью невозможно; нельзя однако не замѣтить, что теорія Моммзена находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ общимъ характеромъ политики Августа, съ возстановленіемъ избирательныхъ и законодательныхъ правъ народнаго собранія, съ несомнѣннымъ участіемъ народнаго собранія въ дарованіи трибунской власти самому

τρεψεν αὐτῷ τὴν προστασίαν τῆς ἡγεμονίας καὶ πολέμου καὶ εἰρήνης κατέστη κύριος διὰ βίου.

Въ правѣ войны и мира eo ipso заключается начальство надъ всѣми войсками.

Представляетъ ли, однако, управленіе пограничными провинціями, гдѣ стояли почти всѣ войска, источникъ исключительнаго начальства надъ войсками, заключалось ли послѣднее въ проконсульской власти 23 г., было ли оно даровано особо, этого въ настоящее время нельзя рѣшить. Во всякомъ случаѣ, уже προστασία τῶν κοινῶν, несомнѣнно особенно важная въ военной области, уже съ 27 года давала Августу руководство всѣми войсками, и здѣсь его вмѣшательство раньше всего должно было устранить всякую самодѣятельность проконсуловъ сенатскихъ провинцій. Возможно, что фактическая исключительность начальства надъ войсками была формально подтверждена актомъ 23 года. Ср. ниже.

Моммзенъ, R. St. 2, 260 (см. 2, 848) приводитъ, какъ доказательство исключительнаго начальства Августа, слова Діона 53, 13, 3 о сенатскихъ проконсулахъ: μήτε ξίφος παραζωννυμένους μήτε στρατιωτικῇ ἐσθῆτι χρωμένους и о легатахъ Августа: τὴν στρατιωτικὴν στολὴν φοροῦντας καὶ ξίφος, οἷς γε καὶ στρατιώτας δικαιῶσαι ἔξεστιν, ἔχοντας. Но это плохо согласуется съ извѣстіями Тацита (ср. выше стр. 97 прим. 3 и 4) о проконсулѣ Африки. Не говоритъ ли Діонъ здѣсь съ точки зрѣнія болѣе поздняго времени? Во всякомъ случаѣ у него здѣсь рядъ анахронизмовъ.

[1]) Dio 53, 12, 1: παρὰ τῆς γερουσίας τοῦ τε δήμου.

[2]) Tac. Ann. 3, 28: iura dedit и т. д.

[3]) Mommsen, R. St. 2, 745 пр. 2.

Августу въ 23 году до Р. Хр. [1]), въ дарованіи проконсульской власти Тиберію въ 13 г. п. Р. Хр. [2]) и т. д. Все это тѣмъ болѣе существенно, что совершенно не видно, по какимъ причинамъ Августъ въ данномъ случаѣ могъ бы уклониться отъ своей обычной политики: не могъ же онъ сомнѣваться въ народномъ согласіи? Вдобавокъ, сущность новаго строя заключалась въ отказѣ Августа отъ учредительныхъ полномочій: можно ли предположить, чтобы онъ, какъ разъ наканунѣ своего отреченія отъ нихъ, воспользовался именно ими для того, чтобы обезпечить свое положеніе на будущее время? Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ думать, что свидѣтельство Діона и въ данномъ случаѣ заслуживаетъ довѣріе: что же касается словъ Тацита, то намъ еще неоднократно придется убѣдиться, что нельзя искать юридической точности у знаменитаго историка [3]).

Существеннѣе этого спорнаго пункта несомнѣнная формальная срочность новой власти: какъ и впослѣдствіи, Августъ желалъ подчеркнуть, что принимаетъ власть не въ собственномъ интересѣ, а въ интересѣ государства, которое нуждается въ чрезвычайныхъ мѣрахъ для спасенія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Въ теченіи десяти лѣтъ онъ надѣется настолько обезпечить внутренній порядокъ и внѣшнюю безопасность, что будетъ въ состояніи, сложить съ себя и послѣднія чрезвычайныя полномочія. Тогда консулы, сенатъ и народное собраніе снова возьмутъ въ свои руки управленіе государствомъ.

Конституціонная срочность и фактическая безсрочность власти Августа имѣютъ большое значеніе, не только для выясненія его общаго конституціоннаго положенія, но и для

---

[1]) Mon. Anc. gr. 5, 17—19: καὶ ἵνα ἱερὸς ᾧ διὰ[βίο]υ [τ]ε τὴν δημαρχικὴν ἔχω ἐξουσίαν νό[μῳ ἐκ]υρώθη.

[2]) См. ниже.

[3]) См. ниже стр. 111 прим. 1.

разрѣшенія частнаго вопроса о конституціонномъ характерѣ его правъ надъ предоставленными ему провинціями и надъ тѣми денежными средствами, въ которыхъ онъ нуждается для управленія ими, для содержанія войска и т. д.

Что касается прежде всего провинцій, то Моммзенъ, какъ извѣстно, дѣлаетъ различіе между Египтомъ съ одной, Галліей, Сиріей и Испаніей съ другой стороны. „Сирію и Галлію императоръ получилъ отъ римской общины: онъ владѣлъ и управлялъ этими странами, какъ ея магистратъ; Египетъ никогда не принадлежалъ общинѣ и права императора надъ этой страной не были ему дарованы ею“ [1]). Казалось бы, изъ этого можно было бы сдѣлать только одинъ выводъ, а именно, что Египетъ съ остальной имперіей, по крайней мѣрѣ при Августѣ, былъ соединенъ лишь узами личной уніи [2]): разъ власть Августа надъ Египтомъ не было ему дарована сенатомъ и народомъ, онъ, очевидно, занимаетъ здѣсь положеніе самодержавнаго властителя, который случайно также римскій магистратъ. Власть принцепа и власть надъ Египтомъ соединены въ его личности, но это соединеніе юридически не обязательно. Египетъ принадлежитъ въ такомъ случаѣ Августу, а не римскому народу. Между тѣмъ противъ этой теоріи можно привести очень много доводовъ и прежде всего слова самого Августа: „я присоединилъ Египетъ къ владѣніямъ римскаго народа“ [3]). По сравненію съ этимъ свидѣтельствомъ слова Филона и Тацита, на которыя ссылается Моммзенъ, на

---

[1]) R. St. 2, 1004, пр. 1. Ср. 2, 859, 953. Röm. Gesch. 5, 554. Kuhn, Städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs, 1, 80 сл. Marquardt, Hdb. 4, 438 сл. Ср. R. St. 2, 764 и ib. пр. 1.

[2]) Такъ смотритъ на это и Herzog, Gesch. und Syst. 2, 650, пр. 1. Но см. Röm. Gesch. 5, 554: Man darf dies nicht etwa in der Art auffassen, als wäre Aegypten mit dem uebrigen Reich nur durch eine Personalunion verknüpft и т. д. Но каково-же было тогда отношеніе Египта къ имперіи?

[3]) Mon. Anc. 5, 24: Aegyptum imperio populi Romani adieci. Ср. Corp. inscr. lat. 6, 701, 702: Aegypto in potestatem populi Romani redacta. Suet. Aug. 18: Aegyptum in provinciae formam redactam.

нашъ взглядъ, не имѣютъ значенія, тѣмъ болѣе, что ни тотъ, ни другой не заботятся о юридической точности выраженій. Если Филонъ называетъ Египетъ „величайшимъ имѣніемъ“ императора [1]), то съ одной стороны самъ Моммзенъ неоднократно отмѣчаетъ непониманіе греческими писателями конституціоннаго характера принципата [2]), съ другой стороны слова Филона заставляли бы предполагать, что весь Египетъ составлялъ личную собственность принцепса. Между тѣмъ въ Египтѣ несомнѣнно существовала частная поземельная собственность [3]), а теорія верховнаго права собственности народа или императора надъ провинціальной почвой по мнѣнію самого Моммзена не была распространена на Египетъ [4]). Слова Филона, такимъ образомъ, не могутъ играть роли при опредѣленіи юридическаго положенія Августа въ Египтѣ. Тоже самое нужно сказать и о словахъ Тацита [5]): онъ объясняетъ особенности египетскаго управленія географическимъ положеніемъ страны, ея хлѣбнымъ богатствомъ, непокорностью населенія, не привыкшаго къ римскимъ законамъ и магистратамъ, и говоритъ, что въ виду всего этого Августу показалось необходимымъ, оставить Египетъ за собой (dem Privatbesitz des Kaisers vorbehalten. Mommsen R. St. 2, 1004 пр. 1). Само по себѣ выраженіе domi retinere позволяло бы предположить тоже, что говоритъ Филонъ, т. е. переходъ всей страны въ личную собственность Августа, но во первыхъ этому категорически противорѣчитъ самъ Августъ, а затѣмъ Herzog совершенно правильно замѣчаетъ, что юридической точности мы

[1]) Philo adv. Flacc. 2, 19: τὸ μέγιστον αὐτοῦ τῶν κτημάτων.

[2]) Ср. напр. R. St. 2, 752 пр. 2.

[3]) Lumbroso, Rech. sur l'économie politique de l'Egypte, стр. 94.

[4]) R. St. 2, 1004, пр. 2 и R. St. 2, 859.

[5]) Hist. 1, 11: Aegyptum copiasque, quibus coerceretur, iam inde a divo Augusto equites Romani obtinent loco regum: ita visum expedire, provinciam aditu difficilem, annonae fecundam, superstitione ac lascivia discordem et mobilem, insciam legum, ignaram magistratuum domui (resp. domi) retinere.

не должны искать и у Тацита [1]). Говоря, что Августъ счелъ нужнымъ, оставить Египетъ за собой, онъ желаетъ отмѣтить, что управленіе Египтомъ въ самыхъ существенныхъ пунктахъ отличалось отъ управленія остальными провинціями: тогда какъ во всѣ остальныя крупныя провинціи посылаются сенаторы высшихъ разрядовъ, Египетъ управляется всадниками; тогда какъ во всѣхъ другихъ провинціяхъ власть намѣстника фактически должна считаться съ муниципальнымъ самоуправленіемъ, Египетъ его не имѣетъ, и т. д. Если прибавить къ этому, что Августъ особымъ распоряженіемъ запретилъ сенаторамъ посѣщать Египетъ безъ его личнаго разрѣшенія [2]), то вполнѣ понятно, что Тацитъ пожелалъ подчеркнуть исключительное положеніе этой области, ставившее ее въ особенно тѣсную зависимость отъ властелина. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы положеніе Августа въ Египтѣ не было основано на законѣ, даровавшемъ ему управленіе этимъ краемъ, хотя бы и на особо выгодныхъ для него условіяхъ: въ числѣ другихъ распоряженій побѣдителя о реорганизаціи римскаго Востока сенатъ утвердилъ и тѣ, которыми Египетъ выдѣлялся изъ массы другихъ римскихъ владѣній [3]), а въ 27 г., по свидѣ-

---

[1]) Herzog, 2, 650, пр. 1: Tacitus gebraucht nicht selten Ausdrücke, die den Schein einer rechtlichen, technischen Bedeutung haben und doch nur uneigentlich angewandt sind, nur das thatsächliche Verhältniss bezeichnen oder eine Analogie beibringen. Онъ указываетъ, напримѣръ, на comitia imperii transigere. Hist. 1, 14.

Цѣль Тацита, вообще, вовсе не заключается въ юридически точной формулировкѣ, даже требующихъ этого, событій и фактовъ: извѣстно, напримѣръ что нѣтъ никакой возможности, разобраться въ юридической подкладкѣ огромнаго большинства процессовъ объ оскорбленіи величества, о которыхъ Тацитъ разсказываетъ. См. ниже гл. II.

[2]) Какое значеніе придавалось этому, уже упомянутому выше, распоряженію, видно изъ неудовольствія Тиберія по поводу посѣщенія Египта Германикомъ. Tac. Ann. 2, 59: Tiberius (Germanicum) acerrime increpuit, quod contra instituta Augusti non sponte principis Alexandriam introisset. Nam Augustus и т. д.

[3]) Распоряженія Августа о восточныхъ дѣлахъ были утверждены сенатомъ еще до его возвращенія въ Римъ. См. выше стр. 85.

тельству Діона, Египетъ находился среди отданныхъ въ его непосредственное управленіе провинцій [1]).

Но на какихъ же началахъ ему были переданы эти провинціи?

Моммзенъ утверждаетъ, что, поручая провинціи Августу, народъ формально отказался отъ всѣхъ правъ на нихъ въ пользу Августа, т.-е. передалъ ему свои права собственности на всю территорію указанныхъ провинцій [2]). Форма перенесенія правъ собственности общины на императора, по его мнѣнію, фидуціарная: временная передача собственности, особенно поземельной собственности, практиковалась не только съ цѣлью заклада, но и для лучшей охраны вещи [3]). Въ послѣднемъ смыслѣ актомъ 27 г. Августу и были переданы права собственности на управляемыя имъ провинціи, какъ видно изъ свидѣтельства Гая [4]). Цѣль же этого соглашенія „очевидно заключалась въ безусловномъ исключеніи контроля и отчетности, о которыхъ, разумѣется, не могло быть рѣчи, разъ поземельные налоги изъ этихъ провинцій доставались принцепсу въ качествѣ собственника земли“ [5]).

---

[1]) См. выше стр. 94 пр. 1.

[2]) R. St. 2, 1088: Die Provinzen, welche der Kaiser in Verwaltung nahm, wurden geradezu an ihn abgetreten, das heisst das Bodeneigenthum von der Gemeinde auf den Kaiser übertragen. Man wird bei dieser Procedur im Sinn behalten müssen, dass diese Abtretung zunächst ins Leben getreten ist als temporäre und in dieser Weise den römischen Gewohnheiten entspricht: fiduciarische Uebertragung des Eigenthums unter Verpflichtung zur Rückgabe nach Ablauf der für die Statthalterschaft gesetzten Frist ist wohl vereinbar mit dem magistratischen Wesen des Principats.

[3]) R. St. 2, 1089, пр. 1. Gai. inst. 2, 60: fiducia contrahitur aut cum creditore pignoris iure aut cum amico, quod tutius nostrae res apud eum essent.

[4]) Gai inst. 2, 21: provincialia praedia alia stipendiaria, alia tributaria vocamus: stipendiaria sunt ea, quae in his provinciis sunt, quae propriae populi Romani esse intelleguntur, tributaria sunt ea, quae in his provinciis sunt, quae propriae Caesaris esse creduntur. Ср. 2, 7.

[5]) R. St. 2, 1089: Der Zweck... war offenbar die absolute Ausschliessung der Controle und Verrechnung, von denen freilich keine Rede sein konnte,

Искуственность этой системы сразу бросается въ глаза [1]). Въ существѣ дѣла она представляетъ изъ себя попытку объяснить замѣчаніе Гая, что въ его время различались двѣ группы провинцій, такія, которыя „признаются“ собственностью римскаго народа, и такія, которыя „считаются“ собственностью Цезаря. Прежде всего нужно замѣтить, что Гай жилъ около половины второго вѣка нашей эры, слѣдовательно лѣтъ 150—200 послѣ созданія принципата, а такъ какъ трудъ его вовсе не касается государственнаго права и характеръ его скорѣе систематическій, чѣмъ историческій, то ясно, что его замѣчаніе можетъ имѣть крупное значеніе только для его времени. Это разъ. Но и помимо этого самое изложеніе Гая, несомнѣнно, указываетъ на то, что онъ усматриваетъ въ излагаемой имъ теоріи именно только юридическую теорію; онъ не утверждаетъ, что однѣ провинціи *принадлежатъ* народу, другія Цезарю, онъ говоритъ лишь, что однѣ *„признаются“* принадлежащими народу, другія *„считаются“* принадлежащими Цезарю. Нечего и говорить, что о фидуціарномъ характерѣ права собственности Цезаря на извѣстныя провинціи у него вовсе не говорится.

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что предполагаемая цѣль всего этого соглашенія, полное упраздненіе отчетности по императорскимъ провинціямъ, рѣшительно не согласуется съ характеромъ дѣятельности Августа. Наряду съ коллегіальностью и краткосрочностью магистратуръ, отвѣтственность ихъ носителей является одной изъ фундаментальныхъ основъ римскаго рес-

---

wenn die Bodenabgaben aus diesen Provinzen dem Princeps als dem Grundherrn zufielen.

[1]) На системѣ Brinz'a (Ueber die rechtliche Natur des römischen Fiscus въ Berichte der Münchner Akademie, philolog. Klasse, 1886, стр. 471 сл.) мы не останавливаемся. Будучи не менѣе искусственной, чѣмъ система Моммзена, она еще болѣе противорѣчитъ всему характеру дѣятельности Августа. Предположеніе, что фискъ принадлежитъ принцепсу, какъ таковому, не согласуется уже съ временнымъ и чрезвычайнымъ характеромъ новой власти, не подлежащимъ, по крайней мѣрѣ для эпохи Августа, никакому сомнѣнію.

публиканскаго строя. Освободиться отъ нея, значило бы, рѣзко подчеркнуть независимость Августа отъ всѣхъ законныхъ ограниченій магистратуры и совершенно напрасно вызвать нареканія. Вѣдь уже въ 27 г. было ясно, что, такъ или иначе, но десятилѣтній срокъ существованія новой власти по необходимости будетъ продленъ [1]). Ясно было и то, что, даже еслибъ Августъ вздумалъ отречься отъ своего положенія, никто не осмѣлился бы потребовать у него отчетъ. Къ чему же было при такихъ условіяхъ подчеркивать то, что и безъ того было обезпечено? Вдобавокъ самъ Августъ неоднократно публиковалъ нѣчто вродѣ отчетовъ о состояніи государства [2]), сознавая очевидно, что полная безотчетность повредила бы ему въ глазахъ общества. А чтобы устранить по возможности всякіе поводы для оппозиціи, вѣдь Августъ только и легализировалъ все свое положеніе. Въ результатѣ мы приходимъ къ выводу, что провинціи были переданы Августу со всѣми правами проконсула, но не въ (хотя бы фиктивную) собственность. Теорія, приводимая у Гая, представляетъ изъ себя продуктъ болѣе поздняго времени и объясняется развитіемъ фиска и правъ на него принцепса.

Это приводитъ насъ къ вопросу о финансовыхъ правахъ Августа, находящемся въ тѣсной связи съ только что разобраннымъ вопросомъ о провинціяхъ.

Когда Августъ въ 27 году принялъ непосредственное управленіе Галліей, Испаніей, Египтомъ и Сиріей, въ которыхъ находилось почти все римское войско, онъ вмѣстѣ съ

---

[1]) Что Августъ по истеченіи срока своей власти былъ бы обязанъ отдать отчетъ, несомнѣнно. R. St. 2, 1000, пр. 2: Gewiss hätte Augustus, wenn er den Principat oder vielmehr sein proconsularisches Amt niedergelegt haben würde, wegen der ihm überwiesenen Staatsgelder gerade ebenso zur Verantwortung gezogen werden können, wie dies gegen L. Scipio geschah.

[2]) Suet. Caligula 16: rationes imperii ab Augusto proponi solitas, sed a Tiberio intermissas publicavit.

тѣмъ получилъ и всѣ доходы изъ названныхъ провинцій для покрытія расходовъ, какъ по управленію ими, такъ и по содержанію войскъ [1]).

Въ непосредственномъ управленіи этими провинціями Августъ формально просто замѣнилъ республиканскихъ проконсуловъ, и, если не предположить спеціальной оговорки, очевидно, и въ финансовыхъ вопросахъ занялъ одинаковое съ ними положеніе. А проконсулы не только были обязаны употреблять провинціальные доходы на общественныя нужды и пересылать излишекъ въ государственную казну въ Римъ, но и отчитываться предъ сенатомъ въ произведенныхъ расходахъ. Спрашивается, былъ ли примѣненъ этотъ порядокъ и къ Августу, и если нѣтъ, то въ чемъ заключались особенности его положенія?

Приписывая Августу права фидуціарной собственности на провинціи, Моммзенъ, естественно, приходитъ къ дальнѣйшему выводу, что и финансовое положеніе Августа рѣзко отличалось отъ положенія обыкновенныхъ проконсуловъ. По его мнѣнію, еще актомъ 27 года Августъ былъ освобожденъ отъ проконсульской отвѣтственности: доходы съ провинцій также поступили въ его собственность, какъ въ республиканское время суммы для производства игръ или манубіи поступали въ собственность эдиловъ или военачальниковъ; какъ послѣдніе, онъ при этомъ бралъ на себя обязательство, употреблять ихъ въ интересахъ государства. Какъ эдилъ и военачальникъ не обязаны вернуть излишекъ государству или представить оправдательные документы о своихъ расходахъ, такъ точно и Августъ. Но если бы возникло подозрѣніе, что государственныя средства употреблены не на государственныя же цѣли, Августъ такъ же,

---

[1]) Hirschfeld, Untersuchungen auf dem Gebiete der römischen Verwaltungsgeschichte, т. I (и пока единственный), стр. 5, пр. 3: eine Ausnahme macht bekanntlich Africa, wo wahrscheinlich auch der Unterhalt der Truppen dem Senat zugefallen sein wird. См. выше стр. 97.

какъ подозрѣваемый эдилъ, могъ бы подвергнуться судебному преслѣдованію за хищеніе—Unterschleif. Во всякомъ случаѣ, императорская касса—fiscus Cesaris или просто fiscus—является частной собственностью (Privateigentum) принцепса, находится въ его распоряженіи, завѣщается и наслѣдуется такъ же, какъ и тѣ средства, которыми онъ располагаетъ помимо государства. Онъ лишь обязанъ, пользоваться фискомъ въ интересахъ государства [1]). Въ силу этого, Августъ можетъ распоряжаться всѣми уступленными ему государственными доходами, какъ онъ сочтетъ наиболѣе выгоднымъ для государства, а излишекъ собирать въ центральной кассѣ, которая и была создана еще при немъ [2]).

Теорія Моммзена о финансовыхъ правахъ Августа вызвала не менѣе противорѣчія, чѣмъ его взглядъ на императорскія провинціи [3]).

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о фискѣ одинъ изъ самыхъ сложныхъ и неясныхъ въ исторіи ранняго принципата.

Автобіографія самого Августа даетъ мало матеріала для разрѣшенія вопроса. Перечисляя огромныя суммы, пожертвованныя имъ въ пользу государства и народа [4]), — однихъ из-

---

[1]) R. St. 2, 998—1000; см. особенно примѣчанія съ полемикой противъ Hirschfeld'a.

[2]) R. St. 2, 1001, пр. 1: Hirschfelds Ausführung, dass eine kaiserliche Centralcasse erst durch Claudius geschaffen sei, hält, so bestechend sie auftritt, eine ernstliche Prüfung nicht aus.

[3]) Hirschfeld, Untersuchungen, стр. 1—12; Herzog, 2, 212, 218 и 661—674 (особ. 671, пр. 1); Karlowa, R. RG. 1, 504: ein Magistratsgut; Ruggiero, Dizionario epigraphico, sub verbo fiscus.

[4]) Mon. Anc. 3, 11 duodecim frumentationes frumento *privatim coemto* въ 23 г. ib. 1, 34 (= App. 3, 8) curatio annonae въ 22 г. ταῖς ἐμαῖς δαπαναῖς. ib. 3, 22: pecuniam pro agris, quos... adsignavi militibus, solvi municipiis въ 30 и 14 г.: 860 милл. сест. 3, 28—33: praemia militiae ветеранамъ въ 7, 6, 4, 3 и 2 г., въ общемъ 400 м., libenter impendi; въ разные годы (начиная съ 28) quater *pecunia mea* iuvi aerarium, ita ut sestertium milliens et quingentiens (150 м.) ad eos, qui praeerant aerario, detulerim; 4, 1 сл.: многочисленныя постройки, въ томъ числѣ новые храмы, реставрація зданій, пришедшихъ въ упадокъ, окончаніе работъ, начатыхъ при Цезарѣ — дикта-

вѣстныхъ намъ суммъ на это потребовалось 1580 милліоновъ сестерціевъ (около 80 м. р.)—Августъ со свойственной ему намѣренной неопредѣленностью рѣдко указываетъ источникъ, откуда взяты эти деньги. Тамъ, гдѣ онъ это дѣлаетъ, — по поводу фрументацій 23 г., заботы о народномъ продовольствіи въ 22 г., ссудъ государственному казначейству, поддержки сотенъ тысячъ людей при недостаткѣ vectigalium, наконецъ, по поводу ссуды государству при основаніи aerarii militaris— онъ говоритъ, что это совершалось „на его собственныя средства", „изъ его личнаго имущества", а по поводу нѣкоторыхъ построекъ и поднесеній храмамъ отмѣчаетъ, что они были произведены „изъ военной добычи" (ex bellorum manibiis). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ просто замѣчаетъ, что произвелъ расходы, размѣръ которыхъ при этомъ обыкновенно не указывается.

Современные ученые полагаютъ, что далеко не всѣ перечисленные Августомъ расходы были произведены имъ на частныя средства, и думаютъ, что для покрытія ихъ онъ одинаково пользовался, какъ своимъ частнымъ имуществомъ и военной добычей, такъ и доходами предоставленныхъ ему провинцій [1]).

торѣ и т. д.; Августъ отмѣчаетъ, что нѣкоторые расходы произведены *ex manibiis*. 4, 23 сл. dona храмамъ *ex manibiis*. 3, 40 сл. = App. 9, 21 сл.: cum deficerent vectigalia, tum centum millibus hominum tum pluribus inlato frumento vel ad nummarios t(ributus *ex agro*), *et pat(rimonio)* m(e)o (opem tuli) (начиная съ 36 года нѣсколько разъ). Далѣе congiaria народу въ 24 г. *ex patrimonio*, въ 19 и 5 г. 4, 31: игры 65 разъ за себя, сыновей и другихъ. 3, 35: in aerarium militare... 170 м. *ex patrimonio* meo detuli. Ср. Herzog 2, 215 пр. 2.

[1]) Hirschfeld, 9, пр. 2: die grossartigen Congiaria und sonstigen Geschenke August's an das Volk sind ohne Zweifel ebenso wie seine Bauten, zum grössten Theil aus den Ueberschüssen der Einnahmen aus den kaiserlichen Provinzen und Aegypten bestritten worden, wie ja eine solche Verwendung der Ueberschüsse schon in der Republik Regel war. Herzog, 2, 215, пр. 2: dass hier bei den Frumentationen verschiedener Art, den Entschädigungen für Veteranengüter, den in Gold gezahlten praemia militiae, bei dem iuvare aerarium und, zum Theil jedenfalls, bei den Congiarien der „eigene Aufwand" nicht die Inanspruchnahme des Privatvermögens bedeutet, wird ausser Zweifel sein (?).

Само по себѣ это очень вѣроятно, но дѣлать изъ этого заключеніе, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ спеціально указываетъ, что производилъ расходы, „изъ своихъ собственныхъ средствъ“, онъ не различалъ своего частнаго имущества и находившихся въ его распоряженіи государственныхъ средствъ, и что для него, такимъ образомъ, и послѣднія являлись его собственностью, мы, на нашъ взглядъ, не имѣемъ рѣшительно никакого права [1]). Что его patrimonium управлялось отдѣльно отъ фиска, извѣстно [2]), а какими суммами онъ располагалъ и помимо государства, видно изъ его завѣщанія, гдѣ въ тоже время указано, какія огромныя суммы онъ истратилъ на государственныя надобности изъ личныхъ средствъ [3]). При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего невѣроятнаго ни въ томъ, что онъ могъ производить громадные расходы изъ своихъ собственныхъ средствъ, ни въ томъ, что онъ могъ точно различать, откуда какія суммы взяты. Мы, такимъ образомъ, не видимъ въ данномъ случаѣ рѣшительно никакого основанія, отвергать свидѣтельство Августа, тѣмъ болѣе, что и попытка интерпретировать различіе выраженій pecunia mea и patrimonium meum въ томъ смыслѣ, что лишь въ послѣднемъ случаѣ Августъ говоритъ спеціально о своемъ частномъ имуществѣ, тогда какъ подъ pecunia mea подразумѣваетъ и доходы провинцій, не только ни на чемъ не основана, но поскольку въ такой тер-

---

[1]) Такъ поступаетъ Herzog, 2, 215. R. St. 2, 1002, пр. 2.

[2]) R. St. 2, 1002 пр. 1: Unterschieden wordeu ist das patrimonium principis von seiner sonstigen res familiaris (имѣется въ виду фискъ) in der Verwaltung von jeher.

[3]) Suet. Aug. 101: Legavit populo Romano... tribubus... praetorianis militibus... cohortibus urbanis... legionariis: quam summam repraesentari iussit, nam et confiscatam semper repositamque habuerat. Reliqua legata varie dedit..; quibus solvendis annuum diem finiit, excusata rei familiaris mediocritate, nec plus perventurum ad heredes suos quam milies et quingentïes (150 м. сест.) professus, *quamvis viginti proximis annis quaterdecies milies* (4000 м. сест.) *ex testamentis amicorum percepisset, quod paene omne cum duobus paternis patrimoniis ceterisque hereditatibus in rem p. absumsisset.*

минологіи выражалось бы признаніе государственныхъ средствъ его собственностью, противорѣчитъ всему характеру его дѣятельности. Упоминаетъ же онъ о военной добычѣ, которая во всякомъ случаѣ скорѣе подошла бы подъ терминъ pecunia mea: если онъ даже ее выдѣляетъ изъ послѣдней, то о провинціальныхъ доходахъ и подавно можно предположить то же.

Недобросовѣстность Августа заключается не въ томъ, что онъ называетъ государственныя средства своими собственными, а въ томъ, что онъ намѣренно дѣлаетъ видъ, будто всѣ произведенные имъ расходы были произведены изъ его личныхъ средствъ. Но онъ добивается этого не прямой ложью, а тѣмъ, что называетъ источники своихъ доходовъ только тогда, когда ихъ законность не можетъ быть оспариваема [1]), предоставляя читателю предположить, что другими онъ и не пользовался при своихъ дарахъ и ссудахъ. Тонъ его—какъ впрочемъ во всей его автобіографіи—тонъ благодѣтеля, своими средствами поддерживающаго и спасающаго государство.

Существенно, однако, въ данномъ случаѣ особенно то, что нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Августъ формально называлъ, присвоенные ему по управленію провинціями (и другимъ предметамъ), доходы „своими собственными средствами“. Онъ также мало упоминаетъ о провинціальныхъ или о центральной кассахъ, находившихся въ его распоряженіи,

[1]) Это касается и военной добычи. См. Mommsen. R. St. 1, 241: Dem kriegenden oder klagenden Beamten wird über denselben (den Kriegs- resp. Prozessgewinn) häufig ein über das gewöhnliche Maas hinausgehendes Verfügungsrecht eingeräumt, um ihn mit seinem persönlichen Interesse an dem Sieg der Gemeinde auf dem Schlachtfeld oder auf dem Markt zu beteiligen (?). Zwar die im Friedensvertrag festgesetzten Contributionen werden in gewöhnlicher Weise an die Staatskasse abgeführt; aber die Beute und das aus der Beute gelöste Geld, die manubiae, behält der Feldherr, wenn er will, in eigener Verwaltung und zu eigener freier Verwendung, so dass die Verwaltung durch den Quaestor und die Ablieferung an das Aerarium in diesem Fall facultativ sind und es dem Feldherrn freisteht diese Gelder sogar zu Liberalitätszwecken zu verwenden. Nur muss die Verwendung immer im öffentlichen Interesse stattfinden. Ср. ib. примѣч.

какъ о проконсульской власти. Терминъ fiscus не встрѣчается ни у него, ни у писателей временъ Тиберія—Веллея, Валерія Максима и Сенеки ритора—да и тамъ, гдѣ онъ впервые упоминается у Сенеки философа, смыслъ этого выраженія не можетъ быть признанъ вполнѣ яснымъ [1]).

Первые писатели, ясно противополагающіе фискъ эрарію, такимъ образомъ, Тацитъ [2]) и Светоній [3]). И тотъ и другой

[1]) Sen. de ben. 7, 6, 3: Caesar omnia habet, fiscus eius privata tantum ac sua, et universa in imperio eius sunt, in patrimonio propria; quid eius sit, quid non sit sine diminutione imperii quaeritur; nam id quoque, quod tamquam alienum abiudicatur, aliter illius est. Ср. Herzog 2, 670, пр. 4: die juristische Stellung des Kaisers zum Fiscus gegenüber der zum aerarium oder patrimonium wird damit nicht definiert. Параллелизмъ fiscus eius privata tantum ac sua и in patrimonio propria можетъ быть понятъ, какъ въ томъ смыслѣ, что для Сенеки фискъ (въ принятомъ смыслѣ) и patrimonium сливаются, такъ и въ томъ, что подъ fiscus Сенека разумѣетъ patrimonium, а фискъ въ обычномъ смыслѣ считаетъ находящимся in imperio принцепса. Послѣднее, впрочемъ, мало вѣроятно, а первое невѣрно даже съ точки зрѣнія Моммзена.

Моммзенъ [R. St. 2, 998, пр. 1: sicher in dem späteren Sinn hat das Wort der jüngere Seneca] и Hirschfeld [l. c. 4: der Begriff des Fiscus als der kaiserlichen Hauptkasse, wie es schon bei Seneca deutlich hervortritt], какъ видно изъ связи, ссылаются на Сенеку только, чтобъ доказать, что въ его время слово fiscus означало главную императорскую кассу.

О первоначальномъ смыслѣ слова см. R. St. 2, 998 пр. 1; Hirschfeld, 2, пр. 3 и 3, пр. 2.

[2]) Ann. 2, 47: quantum aerario aut fisco pendebant in quinquennium remisit (Тиберій), 2, 48: bona Aemiliae Musae, locupletis intestatae, petita in fiscum... 6, 2: et bona Seiani ablata aerario ut in fiscum cogerentur, tamquam referret. 6, 17: signatum argentum fisco vel aerario attinebatur.

Тацитъ, Ann. 4, 6, впрочемъ, весьма опредѣленно отличаетъ res Caesaris (его доходы изъ государственныхъ средствъ) съ одной, domus (его частную собственность) съ другой стороны: *res suas Caesar spectatissimo cuique*, quibusque ignotis ex fama *mandabat*, semelque adsumpti tenebantur prorsus sine modo, cum plerique isdem negotiis insenescerent... rari per Italiam Caesaris agri, modesta servitia, *intra paucos libertos domus*; ac si quando cum privatis disceptaret, forum et ius.

[3]) Suet. Aug. 40: Liviae pro quodam tributario Gallo roganti civitatem negavit, immunitatem optulit affirmans, facilius se passurum fisco detrahi aliquid, quam civitatis Romanae vulgari honorem. 101: quantum pecuniae in aerario et fiscis et vestigaliorum residuis. Ср. другія біографіи. Моммзенъ, R. St. 2, 998, пр. 1 полагаетъ, что послѣднее мѣсто, можетъ быть, непосредственно заимствовано изъ писаній Августа.

наряду съ этимъ употребляютъ, впрочемъ, и выраженіе res Augusti (resp. Caesaris), а Тацитъ даже res familiaris или pecuniae familiares [1]). Hirschfeld изъ этого заключаетъ, что первоначально то, что впослѣдствіи называлось фискомъ, называлось res или res familiaris, а Моммзенъ видитъ въ этихъ терминахъ доказательства въ пользу своей теоріи. На нашъ взглядъ, и то и другое неправильно. Ни слова Тацита, ни слова Светонія не могутъ имѣть доказательной силы въ вопросахъ внутренняго устройства Рима въ эпоху Августа, если они не подтверждаются болѣе ранними авторитетными данными. Что Тацитъ вообще не добивается юридической точности въ своихъ выраженіяхъ, уже было замѣчено, да это и вполнѣ естественно. Понимая малую дѣйствительность всѣхъ конституціонныхъ ограниченій императорской власти и презирая нѣсколько ту игру въ конституціонныя формы, которая отличала всѣ отношенія принцепса къ сенату, онъ не придаетъ значенія формальной сторонѣ новаго строя. Въ частности, въ финансовыхъ вопросахъ онъ какъ бы нехотя отличаетъ фискъ отъ эрарія, „точно это имѣло значеніе“. Опираться поэтому на такія выраженія, какъ res или res familiaris, едва-ли возможно.

Что же касается Светонія, то въ біографіи Августа онъ вовсе не говоритъ о конституціонной основѣ его власти, да и вообще не обладаетъ ни историческимъ, ни юридическимъ чутьемъ. Наконецъ и терминъ, который онъ употребляетъ, rerum Augusti procurator, ничего не доказываетъ въ пользу теоріи

---

[1]) Tac. Ann. 4, 6: res suas Caesar spectatissimo cuique... mandabat; 4, 15: pecuniae familiares; 12, 60 и 13, 1: res familiaris. Suet. Vit. 2: P. Vitellius rerum Augusti procurator. Сюда же, по мнѣнію Hirschfeld'a, относится SC. Claudianum de iure honorum G. dando (Bruns, fontes, стр. 77): equestris ordinis ornamentum L. Vestinum familiarissime diligo et hodieque *in rebus meis* detineo. Но здѣсь едва-ли имѣется въ виду собственно финансовая сторона императорскаго управленія, а вообще участіе въ заботахъ Клавдія о государствѣ. Tac. Hist. 4, 53.

Моммзена, первымъ несомнѣннымъ доказательствомъ въ пользу которой, такимъ образомъ, служатъ слова Ульпіана, въ которыхъ фиксъ признается какъ бы собственнымъ и частнымъ имуществомъ принцепса [1]).

Но свидѣтельство Ульпіана въ данномъ случаѣ можетъ имѣть значеніе только для его времени, рѣзко отличающагося отъ первоначальнаго принципата. Было бы странно, еслибы юристъ III вѣка, не преслѣдовавшій въ своихъ трудахъ исторической цѣли, не исходилъ бы въ своихъ разсужденіяхъ изъ современнаго ему положенія.

Прямыхъ и доказательныхъ свидѣтельствъ въ пользу теоріи Моммзена, такимъ образомъ, не имѣется. А только они могли бы заставить насъ, принять его взглядъ, такъ рѣзко онъ расходится съ характеромъ государственнаго строя, созданнаго Августомъ [2]).

И въ данномъ случаѣ, какъ относительно правъ Августа на его провинціи, Моммзенъ не въ достаточной мѣрѣ отличаетъ результаты историческаго развитія принципата отъ первоначальнаго его характера. Стремленіе создать единую систему принципата, соединяя отдѣльныя черты далекихъ другъ отъ друга эпохъ, приводитъ къ безконечнымъ натяжкамъ и въ значительной мѣрѣ лишаетъ изложеніе Моммзена убѣдитель-

---

[1]) Ulp. Dig. 8, 2, 4: res fiscales *quasi* propriae et privatae principis sunt. Полнаго отождествленія не могло быть и въ его время, хотя бы потому, что Септимій Северъ особенно подчеркнулъ самостоятельность частной собственности принцепса, создавъ для нея особое главное управленіе. v. Sev. 12, 4: tunc primum privatarum rerum procuratio constituta est. Hirschfeld, Verwaltungsgeschichte. 1, 41 сл.

[2]) Hirschfeld, 7: Weder lässt sich diese Annahme vereinigen mit der von Mommsen selbst so scharf charakterisirten Stellung des Princeps als ersten Bürgers und Beamten des römischen Volkes, der nicht über, sondern unter dem Gesetze steht, noch mit der bekannten Thatsache, dass Augustus die Regierung nur auf einen bestimmten Zeitraum übernahm. Herzog, 2, 671 пр. 1: dass unter Augustus... nicht nur keine Veranlassung zu einem solchen Akt vorlag, sondern dies auch zu seinem Vorgeben, die Republik wieder herzustellen, in den auffallendsten Widerspruch getreten wäre.

ности. Любопытно, что тогда какъ общая конституціонная картина принципата [1]) составлена Моммзеномъ почти всецѣло по даннымъ первыхъ временъ принципата (съ широкимъ примѣненіемъ республиканскихъ началъ), болѣе частные вопросы— о провинціяхъ, о фискѣ — разрѣшены на основаніи данныхъ II и III вѣка. Въ результатѣ, общая характеристика принципата не соотвѣтствуетъ строю II и особенно III вѣка, а рѣшеніе вопроса о провинціяхъ и фискѣ не соотвѣтствуетъ первоначальнымъ порядкамъ. Непослѣдовательность въ выборѣ источниковъ (въ концѣ концевъ результатъ стремленія, создать всеохватывающую систему принципата за цѣлыхъ три вѣка) не могла не привести къ рѣзкимъ противорѣчіямъ въ самой системѣ.

Въ результатѣ, мы не имѣемъ никакихъ основаній и поводовъ предполагать, что доходы съ переданныхъ Августу провинцій законодательнымъ актомъ 27 года были переданы ему на правахъ частной собственности съ принципіальнымъ устраненіемъ отвѣтственности за ихъ употребленіе. Наоборотъ, намъ извѣстно, что отъ времени до времени Августъ публиковалъ отчеты [2]), хотя, вѣроятно, и довольствовался при этомъ очень суммарными данными и не забывалъ придавать имъ такой же выгодный для себя характеръ, какимъ отличаются Анкирская и Аполлонійская надписи.

Само собою разумѣется, что усматривать въ этихъ добровольныхъ отчетахъ настоящую отвѣтственность нельзя. Да по закону Августъ уже потому не могъ быть принужденъ давать отчеты, что никогда не слагалъ съ себя своихъ полномочій, а слѣдовательно и не былъ никогда частнымъ человѣкомъ. Пока онъ оставался магистратомъ, онъ не былъ подчиненъ отвѣтственности, а народъ каждый разъ, когда истекалъ срокъ его полномочій 27 года, торопился ихъ утвердить на новый срокъ.

---

[1]) Чрезвычайный характеръ принципата; взглядъ на принцепса какъ магистрата; принципъ діархіи и т. д.

[2]) См. выше стр. 114.

Отвергая теорію Моммзена о правахъ собственности принцепса на провинціи и ихъ доходы и о принципіальномъ устраненіи отвѣтственности въ его пользу, мы, однако, вовсе не желаемъ сказать, чтобы въ финансовомъ управленіи провинцій не произошло никакихъ измѣненій. Уже устраненіе квестуры въ provinciae Caesaris—разъ рядъ провинцій предоставлялся исключительно заботѣ Августа съ упраздненіемъ сенатскаго надзора, нельзя было поставить рядомъ съ нимъ магистрата, находившагося всецѣло подъ руководствомъ сената—и замѣна квесторовъ прокураторами представляетъ въ высшей степени важное отклоненіе отъ обычныхъ порядковъ. Десятилѣтній срокъ управленія провинціями ео ipso не допускалъ ежегодной передачи излишковъ въ эрарій. Передача должна была бы состояться по прекращеніи его управленія провинціями, иначе говоря, фактически была устранена. Покуда онъ занималъ данное ему положеніе, онъ самъ распоряжался провинціальными средствами и могъ создать свою собственную центральную кассу; сдѣлавшись фактически главою войска, онъ въ силу этого въ значительной мѣрѣ становится независимымъ отъ сената и въ финансовыхъ вопросахъ и т. д.

Фактически Августъ, такимъ образомъ, и безъ особыхъ законныхъ постановленій былъ свободенъ отъ отвѣтственности и спокойно могъ создавать базисъ для позднѣйшаго развитія фиска. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что Августъ не только пользовался излишками доходовъ одной провинціи для покрытія расходовъ другихъ, но и не думалъ, сдавать общіе излишки всѣхъ провинцій въ государственную казну. Помимо того, что онъ могъ быть совершенно спокоенъ, что никто никогда не пожелаетъ поднять вопросъ о законности такого образа дѣйствій, онъ всегда могъ сослаться на громадные чрезвычайные расходы по реорганизаціи провинцій и безконечнымъ военнымъ предпріятіямъ для защиты и округленія римскихъ границъ. На почвѣ фактической свободы распоряженій доходами его

провинцій и въ силу фактической безотвѣтственности Августа, съ теченіемъ времени, какъ мы еще увидимъ, и возникла теорія о правѣ собственности принцепса на провинціи и фискъ [1]).

Но все это, повторяемъ, лишь результатъ фактическаго положенія вещей, фактическаго всевластія Августа и безсилія сената и народа. Актъ 27 года не предусматривалъ этихъ результатовъ и никакихъ особыхъ полномочій по провинціальному управленію Августу не предоставлялъ [2]).

Даже наоборотъ, Августъ добровольно отказался отъ неограниченной свободы распоряженій по управленію провинціями, обязавшись назначать въ большинствѣ изъ нихъ намѣстниковъ только изъ сенаторовъ, притомъ сенаторовъ высшихъ разрядовъ. Различеніе сенаторскихъ проконсуловъ и пропреторскихъ легатовъ Августа, несомнѣнно, восходитъ къ самому первому времени принципата, и если не было установлено вмѣстѣ съ дарованіемъ Августу его чрезвычайныхъ полномочій, то во всякомъ случаѣ очень скоро состоялось [3]). А это, въ свою очередь, несомнѣнно, находилось въ самой тѣсной связи съ предоставленіемъ всѣхъ провинцій (кромѣ Египта) сенаторамъ. О важности этого ограниченія императорской власти нечего и говорить: въ немъ Моммзенъ видитъ главную реальную основу діархіи сената и принцепса [4]), и хотя, на нашъ взглядъ, самая теорія діархіи чрезвычайно искуственна и во всякомъ случаѣ не можетъ быть принята ни для эпохи

[1]) См. ниже. Ср. Herzog, 661—674.

[2]) Philonis leg. ad. Gaium 5: ἀνυπεύθυνον ἀρχὴν εἶναι τὴν αὐτοκράτορα μηδενὸς ἐπὶ τοῖς ὁπωσοῦν πεπραγμένοις λόγον ἀπαιτεῖν τολμῶντος ἢ δυναμένου. Въ этомъ признаніи фактической безотвѣтственности принцепса заключается признаніе его законной отвѣтственности.

[3]) Dio 53, 13, 2—5: κἀκ τούτου πρῶτον μὲν αὐτὸς τοὺς βουλευτὰς ἑκατέρων τῶν ἐθνῶν, πλὴν Αἰγυπτίων, ἄρχειν κατέδειξεν, ἐκείνοις γὰρ δὴ καὶ μόνοις τὸν ὠνομασμένον ἱππέα, δι' ἅπερ εἶπον, προσέταξεν. ἔπειτα δὲ τοὺς μὲν καὶ ἐπετησίους καὶ κληρωτοὺς εἶναι... καὶ ἀνθυπάτους καλεῖσθαι... τοὺς δὲ ἑτέρους ὑπό τε ἑαυτοῦ αἱρεῖσθαι καὶ πρεσβευτὰς αὐτοῦ ἀντιστρατήγους τε ὀνομάζεσθαι, κἂν ἐκ τῶν ὑπατευκότων ὦσι, διέταξε.

[4]) R. St. 2, 933—934; 3, 1254.

Августа, ни для II и III вѣка, обязанность принцепса, брать своихъ легатовъ изъ сословія сенаторовъ, притомъ наиболѣе выдающихся и вліятельныхъ сенаторовъ, въ значительной мѣрѣ сдерживала абсолютистическую тенденцію новой власти.

Таковы на нашъ взглядъ полномочія, данныя Августу актомъ 27 года. Ясно, что ими создавалось совершенно новое положеніе вещей, имѣвшее чрезвычайно мало общаго съ старымъ республиканскимъ строемъ. Не только фактически, но и по закону, Августъ продолжалъ стоять во главѣ государства, и спрашивается, чѣмъ собственно отличалось новое положеніе отъ непосредственно предшествовавшей эпохи его фактическаго единовластія, и въ какомъ смыслѣ актъ 13 января 27 г. могъ быть признанъ возстановленіемъ республики?

Прежде всего необходимо замѣтить, что 13 января 27 г. Августъ окончательно и формально отрекся отъ учредительныхъ полномочій, сначала данныхъ ему закономъ о тріумвиратѣ, затѣмъ узурпированныхъ имъ „съ всеобщаго согласія“. Начиная съ этого момента Августъ не стоитъ надъ законами, а подчиненъ имъ. Въ систематическомъ обзорѣ правъ принцепса Діонъ, правда, утверждаетъ противоположное. Кромѣ всего остального, говоритъ онъ, императоры „пріобрѣли еще одно преимущество, которое ни одному изъ прежнихъ Римлянъ никогда не было дано; на основаніи его одного, они имѣли бы право дѣлать не только то (что онъ до этого перечислилъ), но и все другое. Ибо они освобождаются отъ законовъ, какъ гласитъ самый латинскій текстъ, то-есть они свободны ἀπὸ πάσης ἀναγκαίας νομίσεως καὶ οὐδενὶ τῶν γεγραμμένων ἐνέχονται“ [1]). Ссылка на латинскій текстъ невольно

[1]) Dio 53, 18, 1: λέλυνται γὰρ τῶν νόμων, ὡς αὐτὰ τὰ Λατῖνα ῥήματα λέγει... Ср. 53, 28, 2 (къ 24 г.): πάσης αὐτὸν τῆς νόμων ἀνάγκης ἀπήλλαξαν, ἵν' ὥσπερ εἴρηται μοι, καὶ αὐτοτελὴς ὄντως καὶ αὐτοκράτωρ καὶ ἑαυτοῦ καὶ τῶν νόμων πάντα τε ὅσα βούλοιτο ποιοίη καὶ πάνθ' ὅσα ἀβουλοίη μὴ πράττοι. Событіе, по поводу котораго Діонъ сообщаетъ это невѣрное извѣстіе, указываетъ на происхожденіе его недоразумѣнія. Ср. 28, 2: καὶ τῷ δήμῳ καθ' ἑκατὸν δραχμὰς δώσειν ὑπέσχετο, τό τε

приводитъ на память слова Ульпіана: „принцепсъ освобожденъ отъ соблюденія законовъ“ [1]). Тѣмъ не менѣе слова Діона для времени Августа безспорно неправильны. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ параграфовъ такъ-называемой lex de imperio Vespasiani (изъ сохранившихся седьмой) постановляетъ „чтобы императоръ Цезарь Веспасіанъ былъ свободенъ отъ тѣхъ законовъ и плебисцитовъ, въ которыхъ было сказано, что ими не связываются божественный Августъ или Тиберій Юлій Цезарь Августъ и Тиберій Клавдій Цезарь Августъ“ [2]). Само собою разумѣется, что разъ Августъ былъ освобожденъ только отъ тѣхъ законовъ, въ текстъ которыхъ на этотъ счетъ была внесена особая оговорка, о всеобщемъ освобожденіи его отъ законовъ не можетъ быть и рѣчи. Для освобожденія его отъ того или иного закона, такимъ образомъ, всегда требуется особое постановленіе сената или народа. И дѣйствительно, намъ извѣстно, что Августъ спеціально добивался въ сенатѣ освобожденія своихъ пасынковъ и сыновей отъ соблюденія законнаго возраста при занятіи республиканскихъ магистратуръ [3]). Далѣе Августъ точно также испросилъ у сената диспенсацію отъ предписаній своего брачнаго законодательства въ пользу Ливіи [4]). Въ этомъ ограниченномъ смыслѣ, по мнѣнію Моммзена, говоритъ объ освобожденіи принцепсовъ отъ законовъ и Уль-

---

γράμμα τὸ περὶ αὐτῶν ἀπηγόρευσε μὴ πρότερον ἐκτεθεῖν πρὶν ἂν καὶ ἐκείνη (scil. ἡ βούλη) συνδόξῃ, πάσης αὐτὸν и т. д. Очевидно Августъ испросилъ, какъ это полагалось по закону, разрѣшеніе сената на указанный даръ народу и сенатъ далъ ему это разрѣшеніе разъ на всегда. Ср. Kromayer, rechtliche Begründung, 19. Mommsen, Res gestae 60—61.

[1]) Ulp. l. 13 ad legem Juliam et Papiam Dig. 1, 3, 31: princeps legibus solutus est: Augusta autem licet legibus soluta non est, principes tamen eadem illi privilegia tribuunt quae ipsi habent.

[2]) Bruns, Fontes iur. rom. ant., p. 182.

[3]) См. ниже.

[4]) Dio 56, 32, 1 (ex Xiphilino): κατελέλειπτο δὲ ἐν αὐταῖς τὰ μὲν δύο μέρη τοῦ κλήρου τῷ Τιβερίῳ, τὸ δὲ λοιπὸν τῇ Λιουίᾳ, ὥς τινες λέγουσιν. ἵνα γάρ τι καὶ ἐκείνη τῆς οὐσίας αὐτοῦ ἀπόνηται, παρὰ τῆς βουλῆς ἠτήσατο τοσοῦτον αὐτῇ καὶ παρὰ τὸν νόμον καταλιπεῖν δυνηθῆναι.

піанъ, а Діонъ этого не понялъ и далъ правилу, игравшему роль преимущественно въ области гражданскаго права, слишкомъ широкое значеніе [1]). Какъ бы то ни было — на нашъ взглядъ, едва-ли можно допустить, чтобы изложенный Діономъ взглядъ былъ абсолютно невѣренъ для его собственной эпохи [2]), — безспорно, что для эпохи Августа о полномъ освобожденіи принцепса отъ законовъ и рѣчи быть не можетъ.

Подчиненіе Августа законамъ, такимъ образомъ, первое существенное послѣдствіе акта 27 года.

Но Августъ не только отказался отъ учредительныхъ полномочій, онъ сложилъ съ себя и непосредственное управленіе всѣмъ государствомъ. Въ качествѣ тріумвира и въ силу узурпированной власти послѣднихъ лѣтъ до 27 года, Августъ имѣлъ право назначать всѣхъ магистратовъ, какъ для города Рима, такъ и для провинцій, давать имъ всякія порученія и приказанія и вообще рѣшать всѣ дѣла безъ сената, народнаго собранія и магистратуры [3]). Покуда существуетъ учредительная власть опредѣленнаго лица, дѣятельность сената и народнаго собранія пріостанавливается каждый разъ, когда это покажется необходимымъ обладателю верховныхъ правъ.

Въ связи съ отреченіемъ отъ учредительной власти стоитъ, такимъ образомъ, прежде всего возстановленіе дѣятельности народа, сената и магистратуры. Иначе говоря, народное собраніе снова пріобрѣтаетъ свои законодательныя и избиратель-

---

[1]) Mommsen, R. St. 2, 751 пр. 3: Sowohl die Inscription (ad legem Juliam et Papiam) wie die Zusammenstellung des Kaisers und der keineswegs zu dem Mitbesitz der Herschergewalt gelangten Kaiserin zeigen, dass Ulpian an die Prohibitivgesetze des Privatrechts, insonderheit die julisch-papischen denkt, von denen die früheren Kaiser durch den Senat sich hatten entbinden lassen. Ср. 2, 752, пр. 2 о взглядѣ Діона: Offenbar ist dies eine missverständliche Uebertragung des lediglich für den Kreis des ius privatum aufgestellten Satzes auf das Gebiet des ius publicum.

[2]) Ср. l. 3 C. J. 6, 23 (конституція Александра Севера): licet lex imperii sollemnibus iuris imperatorem solverit. См. объ этомъ ниже.

[3]) См. Mommsen, R. St. 2, 721 сл.

ныя функціи, сенатъ снова становится высшимъ совѣщательнымъ учрежденіемъ государства, совѣты котораго по многимъ вопросамъ обязательно испрашиваются и, по обычаю, часто имѣютъ рѣшающее значеніе, магистратура снова должна взять на себя исполнительную власть въ государствѣ. Съ 27 года Августъ уже не стоитъ надъ всѣми этими властями, а наряду съ ними; непосредственно онъ управляетъ только провинціями и находящимися въ нихъ войсками, тогда какъ по другимъ отраслямъ государственной жизни при нормальныхъ условіяхъ функціонируютъ остальныя власти. „Руководство дѣлами“ заключается не въ томъ, что онъ сосредоточиваетъ всѣ компетенціи въ своихъ рукахъ, а въ томъ, что, наблюдая за ходомъ всѣхъ дѣлъ, онъ даетъ имъ направленіе *въ случаѣ надобности*, т.-е. тогда, когда остальныя власти не могутъ справиться съ какимъ нибудь вопросомъ или дѣйствуютъ иначе, чѣмъ это желательно въ интересахъ государства [1]). Различіе чрезвычайной и постоянной, непосредственной компетенціи рѣзко отличаетъ новый строй отъ эпохи учредительныхъ полномочій Августа, когда онъ былъ одинаково компетентенъ по всѣмъ безъ исключенія вопросамъ [2]).

§ 6.

Актъ 27 года не завершилъ развитія власти Августа, несмотря на то, что въ προστασία τῶν κοινῶν, строго говоря, implicite уже заключались всѣ тѣ полномочія, которыя ему формально были дарованы позднѣе.

Что заставляло Августа принять наряду со своими полномочіями 27 года еще проконсульскую и трибунскую власть и ius edicendi 19 г., довольно трудно сказать, такъ какъ ни онъ самъ, ни другіе источники объ этомъ ничего не говорятъ.

---

[1]) Dio 53, 12, 1—2: οὔτε δὲ πάντων αὐτὸς τῶν ἐθνῶν ἄρξειν... ἔφη.

[2]) См. объ этомъ также ниже стр. 139.

Весьма возможно, что προστασία τῶν κοινῶν, дававшая ему право вмѣшиваться въ случаѣ надобности въ любую область государственной жизни, по своему крайне нереспубликанскому характеру представлялась ему мало подходящей для достиженія его цѣли, незамѣтнаго подчиненія всѣхъ дѣлъ его постоянному надзору. Въ самомъ дѣлѣ, обращеніе къ ней, съ республиканской и конституціонной точки зрѣнія, въ каждомъ данномъ случаѣ являлось исключительной и въ этомъ смыслѣ вовсе не желательной мѣрой, лишній разъ подчеркивавшей нереспубликанское положеніе самого Августа: ясно, что при его стремленіи прикрываться республиканскими формами онъ лишь съ большой осмотрительностью и только въ случаяхъ крайней необходимости могъ обращаться къ тѣмъ дискреціоннымъ полномочіямъ, которыя ему были дарованы въ 27 году. Вотъ почему онъ, по всему вѣроятію, и счелъ желательнымъ, замѣнить слишкомъ широкія, общія и монархическія полномочія болѣе опредѣленными, охватывавшими ту или иную область государственной жизни и, такъ сказать, болѣе республиканскими правами.

Какъ бы то ни было, уже въ 23 году первоначальная форма принципата измѣняется. Начиная съ 30 и до этого года Августъ постоянно былъ консуломъ: очевидно, онъ желалъ воспользоваться связаннымъ съ консулатомъ правомъ давать году свое имя. Съ теченіемъ времени онъ, однако, убѣдился, что этотъ порядокъ имѣетъ свои неудобства. Съ одной стороны, онъ вызывалъ неудовольствіе аристократіи, стремленіе которой къ консульскимъ инсигніямъ изъ года въ годъ встрѣчалось теперь съ непреоборимымъ препятствіемъ. Практически важнѣе было сокращеніе числа бывшихъ консуловъ и, возникавшія отсюда, затрудненія при замѣщеніи всѣхъ предоставленныхъ консулярамъ намѣстничествъ. Въ результатѣ Августъ въ 23 году послѣ трехъ мѣсяцевъ отказался отъ консулата и заявилъ, что съ будущаго года не будетъ болѣе, ни постоянно канди-

дировать, ни оставаться консуломъ въ теченіе цѣлаго года [1]). „И за это сенатъ постановилъ, быть ему трибуномъ пожизненно, и далъ ему право, докладывать о какомъ-нибудь дѣлѣ въ каждомъ засѣданіи сената, когда онъ захочетъ, даже если онъ и не будетъ консуломъ, и даровалъ ему безсрочно и разъ навсегда проконсульскую власть, такъ чтобы онъ не былъ принужденъ, слагать ее съ себя при входѣ въ померіумъ и затѣмъ снова ее принимать, и имѣлъ бы высшую сравнительно со всѣми намѣстниками власть надъ провинціями. Съ этого времени и онъ и слѣдовавшіе за нимъ императоры... пользовались и другими полномочіями и трибунской властью. Самого же званія трибуновъ не принималъ ни Августъ, ни другой какой-либо императоръ“ [2]).

Неточность въ изложеніи Діона бросается въ глаза и здѣсь: смыслъ каждаго изъ данныхъ, по его свидѣтельству, Августу правъ нуждается въ поясненіи.

Выше уже было замѣчено, что еще раньше 23 года Діонъ два раза — подъ 36 и 30 годами—отмѣчаетъ дарованіе Августу пожизненной трибунской власти [3]). Что троекратное пожизненное дарованіе одной и той же власти одному и тому же лицу нелѣпо и немыслимо, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и уже поэтому необходимо, различать разныя полномочія, дарованныя ему въ 36, 30 и 23 годахъ, отличавшіяся другъ отъ друга, но въ тоже время такъ или иначе стоявшія

[1]) Dio 53, 32, 3: ἀπεῖπε τὴν ὑπατείαν ἐς Ἀλβανὸν ἐλθών. ἐπεὶ γὰρ αὐτὸς, ἐξ οὗπερ τὰ πράγματα κατέστη, καὶ τοι ἄλλων οἱ πλείους δι' ἔτους ἦρξαν, ἐπισχεῖν τε τοῦτο αὖθις, ὅπως ὅτι πλεῖστοι ὑπατεύσωσιν, ἠθέλησε καὶ ἔξω τοῦ ἄστεως αὐτὸ ἐποίησεν, ἵνα μὴ κωλυθῇ.

[2]) Dio ib. 5: καὶ διὰ ταῦθ' ἡ γερουσία δήμαρχόν τε αὐτὸν διὰ βίου εἶναι ἐψηφίσατο, καὶ χρηματίζειν αὐτῷ περὶ ἑνός τινος ὅτου ἂν ἐθελήσῃ καθ' ἑκάστην βουλὴν, κἂν μὴ ὑπατεύῃ, ἔδωκε, τήν τε ἀρχὴν τὴν ἀνθύπατον ἐσαεὶ καθάπαξ ἔχειν, ὥστε μήτε ἐν τῇ ἐσόδῳ τῇ ἔσω τοῦ πωμηρίου κατατίθεσθαι αὐτὴν, μήτ' αὖθις ἀνανεοῦσθαι καὶ ἐν τῷ ὑπηκόῳ τὸ πλεῖον τῶν ἑκασταχόθι ἀρχόντων ἰσχύειν ἐπέτρεψεν.

[3]) См. выше, стр. 85. Dio 49, 15, 6. 51, 19, 6. Аппіанъ, b. c. 5, 132 и Орозій hist. adv., pag. 6. 18 считаютъ трибунскую власть Августа съ 36 г. Ср. Tac. Ann. 1, 2.

въ тѣсной связи съ правами и преимуществами республиканскихъ трибуновъ. Если съ этой точки зрѣнія внимательнѣе присмотрѣться къ изложенію Діона, то становится возможнымъ объяснить, что онъ имѣлъ въ виду въ каждомъ данномъ случаѣ. Такъ мы уже видѣли, что въ 36 г. тріумвиру Цезарю была дарована неприкосновенность трибуновъ и право возсѣдать на ихъ subsellia, а въ 30 г. и ихъ ius auxilii, которое притомъ было расширено лично для него: ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онъ не получилъ всей трибунской власти съ ея ius intercessionis, coercitionis, ius senatum habendi, referendi и т. д. [1]). Трибунская власть въ полномъ объемѣ была ему дарована только въ 23 году [2]): „только съ этого времени", замѣчаетъ Діонъ, „Августъ обладалъ трибунской властью" [3]). То же самое утверждаетъ и самъ Августъ, свидѣтельство котораго въ данномъ случаѣ имѣетъ рѣшающее значеніе [4]). Принявъ, такимъ образомъ, трибунскую власть въ 23 г.

[1]) До 23 г. онъ и не нуждался въ этихъ правахъ, обладая, сначала, учредительной, потомъ отъ 27 до 23 года, по крайней мѣрѣ, консульской властью.

[2]) На это, какъ замѣтилъ Kromayer, rechtl. Begr. des Principats, 38—42, указываетъ и терминологія Діона. 49, 15, 6 онъ совершенно ясно отмѣчаетъ только два указанныхъ права. 51, 19, 6 говорится объ ἐξουσία τῶν δημάρχων, причемъ сейчасъ же поясняется, какое изъ правъ трибуновъ ему было дано (тутъ же указывается на его расширеніе, ср. Kromayer 41 пр. 1); и лишь 53, 32, 5 отмѣчается, что онъ сталъ δήμαρχος διὰ βίου. Согласно съ этимъ Діонъ всегда называетъ полную трибунскую власть Августа δημαρχικὴ ἐξουσία, а не ἐξουσία τῶν δημάρχων. См. 53, 17, 9. 32, 6.—54, 12, 4. 28, 1.—55, 9, 4. 13, 2.—56, 28, 1.—58, 9, 2. 4. 10, 3.—79, 2, 2. (а также 53, 17, 10: τὴν δύναμιν τὴν τῶν δημάρχων πᾶσαν) Ср. Kromayer l. c. (у него приведены и указанныя мѣста, стр. 40, пр. 3) стр. 41: Dieser Unterschied in der Bedeutung der beiden Ausdrucksweisen, sowie überhaupt die Gewohnheit, den Namen der Vollmacht, von welcher nur ein Teil übertragen werden soll, voranzustellen, lässt sich auch sonst bei Dio nachweisen. Ср. тутъ же, стр. 40, пр. 3 о проконсульской власти и 41 пр. 1 о консульской власти 19 года.

[3]) Dio, 53, 32, 6: ἀφ'οὗ δὴ καὶ ἐκεῖνος... τῇ ἐξουσίᾳ τῇ δημαρχικῇ (ἐχρήσατο).

[4]) Mon. Anc. 1, 28—30: Consul fueram terdeciens, cum scribebam haec (въ 14 г. послѣ Р. Хр.), et agebam septimum et trigesimum annum tribuniciae potestatis. Противъ этого нельзя привести и слова Тацита, Ann. 1, 2: posito triumviri nomine consulem se ferens et ad tuendam plebem tribunicio

пожизненно, Августъ однако не отказался и отъ республиканскаго принципа годичности магистратуръ: несмотря на то, что трибунская власть дарована ему разъ навсегда, на надписяхъ и монетахъ всегда отмѣчается, который годъ онъ ею обладаетъ. Этимъ она рѣзко отличается отъ другихъ полномочій Августа, въ томъ числѣ и отъ проконсульскихъ, дарованныхъ ему также пожизненно, однако вовсе не нашедшихъ мѣста въ его титулатурѣ. Очевидно, Августъ желалъ подчеркнуть гражданскій характеръ своей власти и воспользовался для этого въ высшей степени популярной властью трибуновъ [1]): рѣшивъ, отказаться отъ консулата, и не имѣя возможности, какъ патрицій, быть трибуномъ, онъ присвоилъ себѣ по крайней мѣрѣ власть трибуновъ и позаботился, соединить съ нею годичность, надѣясь, быть можетъ, постепенно установить такимъ образомъ и счетъ по годамъ трибунской власти, вмѣсто счета по консулатамъ [2]).

Конституціонное значеніе трибунской власти безспорно было огромно. Въ силу ея Августъ не только имѣлъ право законодательной иниціативы какъ въ сенатѣ, такъ и въ народномъ собраніи, не только могъ созывать и тотъ и другое

---

iure contentum: Августъ имѣлъ ius auxilii еще съ 30 года. Несмотря на это Моммзенъ, R. St. 2, 795, 2, 872—3 утверждаетъ, что Августъ пріобрѣлъ трибунскую власть уже въ 36 году, и полагаетъ, что въ 23 г. она была только видоизмѣнена примѣненіемъ принципа годичности. Согласно съ этимъ онъ возстанавливаетъ и капитолійскія фасты къ 731—23 году: [Augustus postquam consu]latu se abdicavit, tr[i(unicia) pot(estas) annua facta est]. Ср. R. St. 2, 795, пр. 1. Ясно, что съ одинаковой вѣроятностью можно возстановить это мѣсто и такъ: tribunicia potestas lege ei data est, или вообще въ этомъ родѣ. Mon. Anc. 2, 21: et sacrosan[ctus ut essem... et ut q]uoa[d] viverem tribunicia potestas mihi[esset, lege sanctum est]. Ср. греческій текстъ.

[1]) Tac. Ann. 3, 56: id summi fastigii vocabulum Augustus repperit, ne regis aut dictatoris nomen adsumeret ac tamen appellatione aliqua vetera imperia praemineret.

[2]) Tac. Ann. 3, 57: M. Silanus petivit ut publicis privatisve monimentis ad memoriam temporum non consulum nomina praescriberentur, sed eorum qui tribuniciam potestatem gererent.

и предсѣдательствовать въ нихъ, не только обладалъ чрезвычайно широкимъ ius auxilii, но имѣлъ также право интерцессіи какъ по отношенію къ магистратамъ (право интерцессіи другихъ трибуновъ, вѣроятно, было устранено по отношенію къ нему), такъ и по отношенію къ сенату и народному собранію. Самъ неприкосновенный, онъ въ то же время могъ налагать взысканія на всѣхъ остальныхъ гражданъ, не исключая и консуловъ. Вдобавокъ, эти полномочія, въ отличіе отъ полномочій обыкновенныхъ трибуновъ, имѣли силу не только въ предѣлахъ померія, но во всей имперіи; въ силу ихъ Тиберій, получившій трибунскую власть въ 6 г. до Рождества Христова на пять лѣтъ, даже въ Родосѣ могъ привлечь оскорбившаго его ритора къ суду и подвергнуть его тюремному заключенію [1]).

Слова Тацита, что Августъ принялъ званіе трибуна съ тѣмъ, чтобы отмѣтить свое превосходство надъ остальными магистратами, не прибѣгая къ непопулярнымъ титуламъ царя или диктатора [2]), такимъ образомъ, въ извѣстномъ смыслѣ правильно характеризуютъ положеніе даже и въ томъ случаѣ, если отвергнуть теорію Моммзена, будто всѣ права принцепса, пе-

---

[1]) Suet. Tib. 11: Unum hoc modo neque praeterea quicquam notatum est, in quo exseruisse ius tribuniciae potestatis visus sit: cum circa scholas et auditoria professorum assiduus esset, moto inter antisophistas graviore iurgio, non defuit qui eum intervenientem et quasi studiosiorem partis alterius convitio incesseret. Sensim itaque regressus domum, repente cum apparitoribus prodiit citatumque pro tribunali voce praeconis convitiatorem rapi iussit in carcerem. Моммзенъ, R. St. 1, 69—70 думаетъ объяснить это распространеніемъ „трибунской власти“ въ 30 г. μέχρι ὀγδόου ἡμισταδίου (Dio 51, 19, 6): въ этомъ, по его мнѣнію, eo ipso заключалось распространеніе ея на всю имперію. Но помимо того, что такое толкованіе словъ Діона чисто гипотетическое, противъ взгляда Моммзена говоритъ уже то, что Діонъ только объ ius auxilii сообщаетъ, что оно было распространено за предѣлы pomerii, а Тиберій, очевидно, примѣнилъ къ оскорбителю ius coercitionis.

Можетъ быть, можно было бы предположить, что окончательное распространеніе трибунской власти на всю имперію состоялось именно въ 23 г., когда и проконсульская власть была распространена на все государство.

[2]) Ср. стр. 133 прим. 1.

речисленныя въ lex de imperio Vespasiani, входили въ составъ закона о дарованіи трибунской власти [1]).

Помимо того, что ни одинъ изъ пунктовъ закона о власти Веспасіана не имѣетъ ничего общаго съ трибунской властью — отмѣтимъ, напримѣръ, право заключать договоры [2]) — и что Моммзенъ въ силу этого принужденъ различать непосредственную трибунскую власть и разнородныя добавленія, почему-то соединенныя именно съ этой властью, самая аргументація его едва-ли можетъ быть признана удачной. Дѣло въ томъ, что юристы II и III вѣка говорятъ о lex de imperio, на которой основывались полномочія принцепса, а по теоріи Моммзена изъ властей его только трибунская дается закономъ, тогда какъ проконсульская даруется войскомъ или сенатомъ [3]). А разъ это такъ, законъ о власти принцепса можетъ быть пріуроченъ только къ трибунской власти.

Но можно ли въ самомъ дѣлѣ утверждать, что только трибунская власть даровалась закономъ? Только о ней, правда, Августъ прямо говоритъ, что она ему была дана закономъ [4]). Но дѣлать на этомъ основаніи обратное заключеніе для проконсульской власти, невозможно уже потому, что о послѣдней онъ, очевидно намѣренно, вовсе не упоминаетъ. Между тѣмъ Діонъ о власти, дарованной Августу въ 27 г.—это и есть проконсульская власть Моммзена — прямо говоритъ, что она

---

[1]) R. St. 2, 876—879; 841 сл.

[2]) По R. St. 2, 842, пр. 1 въ составъ закона о трибунской власти входило даже фидуціарное право собственности на provinciae Caesaris!

[3]) Къ этому выводу Моммзена (R. St. 2, 841) приводитъ соображеніе, что титулъ imperator въ республиканское время давался войскомъ или сенатомъ, а не народнымъ собраніемъ. Но была ли такъ тѣсна связь между этимъ титуломъ и проконсульской властью и если да, то не измѣнился ли характеръ дарованія титула, получившаго въ такомъ случаѣ огромное практическое значеніе, котораго онъ въ республиканское время не имѣлъ,— т. е. не утверждалъ ли теперь народъ императора,—еще большой вопросъ.

[4]) Mon. Anc. 2, 21: et sacrosan[ctus ut essem... et ut q]uoa[d] viverem tribunicia potestas mihi[esset, lege sanctum est].

ему была дана сенатомъ *и народомъ* [1]), а если, судя по актамъ Арвальскихъ братьевъ, оффиціально праздновался только тотъ день, когда данный принцепсъ *a senatu* imperator appellatus est [2]), если въ нихъ упоминается о comitia tribuniciae potesatis, а не о comitia imperii, то въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ. Въ интересахъ внутренняго порядка и императорскаго престижа, очевидно, невозможно было допустить, чтобы вновь избранный (точнѣе десигнированный сенатомъ) принцепсъ въ теченіе нѣсколькихъ дней или даже недѣль долженъ былъ ожидать свое утвержденіе народомъ, раньше чѣмъ сдѣлаться полноправнымъ хозяиномъ положенія. Наиболѣе существенныя полномочія, — полномочія, дарованныя Августу въ 27 году и составлявшія сущность специфическаго imperium принцепса,—по примѣру 27 года, и впослѣдствіи предоставлялись принцепсу сенатомъ, послѣ чего народъ ихъ утверждалъ: но какъ для сената, такъ и для самого принцепса они имѣли силу со дня соотвѣтственнаго сенатскаго постановленія [3]). Въ самомъ дѣлѣ, еслибы каждый новый принцепсъ признавался бы таковымъ только послѣ утвержденія его народомъ, между двумя принципатами всегда наступало бы междуцарствіе, а при новомъ строѣ это должно было повлечь за собой прямо невыносимыя послѣдствія: вполнѣ естественно поэтому, что признаніе даннаго лица сенатомъ пріобрѣло рѣшающее значеніе, а утвержденіе его народомъ сдѣлалось пустой формальностью [4]). Новый государь считалъ себя обладателемъ властью со дня провозглашенія его сенатомъ, и вполнѣ понятно, что именно этотъ день праздновался жреческими коллегіями, въ томъ числѣ и Арвальскими

[1]) См. выше стр. 107—108.

[2]) R. St. 2, 841, пр. 3 и 4.

[3]) Kromayer, Rechtliche Begründung 47 и прим. 1.

[4]) Этимъ объясняется и форма закона о власти Веспасіана. Моммзенъ, R. St. 2, 878: die Fassung des eigentlichen Textes ist nicht die übliche befehlende der Gesetze, sondern die gutachtende der Senatsconsulte.

братьями. Но это отнюдь не исключаетъ возможности и вѣроятности подтвержденія сенатскаго рѣшенія народомъ. А что проконсульская власть, вопреки мнѣнію Моммзена [1]), можетъ быть дарована народомъ, видно изъ того, что въ 13 году послѣ Рождества Христова Тиберій получилъ проконсульскую власть именно на основаніи закона, т. е. постановленія народнаго собранія [2]).

Въ результатѣ, на нашъ взглядъ, нѣтъ никакихъ основаній соединять полномочія, данныя Веспасіану въ 69 — 70 году, съ трибунской властью, съ которой они рѣшительно ничего общаго не имѣютъ, разъ вполнѣ возможно, и по существу этихъ полномочій болѣе вѣроятно, что они послѣ смерти Августа соединялись либо съ imperium 27 года, либо съ проконсульской властью 23 года [3]).

Какъ бы то ни было, этотъ вопросъ, очевидно, имѣетъ большее значеніе для времени преемниковъ Августа, чѣмъ для его эпохи. И безъ предполагаемыхъ Моммзеномъ добавленій трибунская власть, распространенная на всю имперію, въ значительной мѣрѣ могла замѣнить, а отчасти и превышала гражданскія полномочія, связанныя съ консулатомъ и утерянныя Августомъ съ отреченіемъ отъ послѣдняго. Въ какой связи

[1]) R. St. 2, 841:... die Comitien das Imperium nie weder übertragen noch bestätigen.

[2]) Suet. Tib. 21: lege per consules lata, ut provincias cum Augusto communiter administraret simulque censum ageret. Ср. Dio, 56, 28, 1—3. Моммзенъ, R. St. 2, 1159, пр. 3, видитъ въ этомъ исключительный случай: dass hier ein Volksschluss gefordert ward, rechtfertigt sich schon dadurch, dass diese Festsetzung Augustus eigenes Imperium beschränkt, was bei der gewöhnlichen Mitregentenstellung nicht der Fall ist. Въ чемъ могло заключаться „ограниченіе“ власти Августа, мнѣ непонятно. (Ср. R. St. 2, 1147—8, особенно 1148, пр. 1). Во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что въ 13 году проконсульская власть была дарована Тиберію народомъ. А если то же самое не отмѣчается относительно Друза младшаго, Нерона и другихъ, то это, по всему вѣроятію, объясняется не исключительностью событія 13 года, а отрывочностью нашихъ данныхъ.

[3]) Согласно съ этимъ и юристы говорятъ о lex de imperio, а не о lex de tribunicia potestate.

съ отреченіемъ отъ консулата стоитъ другое право, дарованное Августу въ 23 г. и также упоминаемое Діономъ, право, и не будучи консуломъ дѣлать въ каждомъ засѣданіи сената по одному докладу, и какъ вообще слѣдуетъ понимать это право, крайне неясно. Несомнѣнно, что Августъ, обладая трибунской властью, ео ipso могъ созывать сенатъ и дѣлать въ немъ доклады совершенно независимо отъ того, былъ ли онъ консуломъ или нѣтъ. Очевидно, даровать ему еще спеціально право, и безъ того заключавшееся въ трибунской власти, не имѣло смысла, и нужно думать, что ему было предоставлено какое-либо преимущество, непосредственно не содержавшееся въ трибунской власти. Если принять въ расчетъ, что позднѣйшимъ императорамъ даруется ius tertiae, quartae, quintae relationis, и что, судя по одной, также болѣе поздней надписи, это право заключалось въ томъ, что принцепсъ можетъ поставить на первую очередь отъ одного до пяти вопросовъ, которые должны быть разрѣшены прежде всѣхъ остальныхъ, даже тѣхъ, которые желалъ бы предложить созвавшій сенатъ магистратъ, то наиболѣе вѣроятнымъ можно считать, что Августу было разрѣшено въ любомъ засѣданіи, хотя бы и не созванномъ имъ, поставить на первую очередь какой-нибудь одинъ вопросъ [1]).

Фактически и юридически важнѣе было дарованіе пожизненной проконсульской власти.

Въ связи съ вопросомъ о значеніи акта 27 года мы ужъ видѣли, какія разногласія возникли между учеными по поводу этой власти, и убѣдились, что теорія Моммзена, будто эта власть тождественна съ полномочіями, данными Августу въ 27 году, и будто она и составляетъ истинную основу его

[1]) Ср. Mommsen, R. St. 2, 898 пр. 3 и 4. Vita Pertin. 5; v. Alex. 1; v. Probi 12. Ephem. epigr. 3, 156: sententia dicta ab Appio Gallo cos. design., relatione IIII concedente imp. Caes[are] T[ito A]elio Hadriano Anto[nino Augusto Pio]. Моммзенъ полагаетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ ему было дано и право, препровождать свои предложенія письменно на заключеніе сената.

положенія въ государствѣ, не можетъ быть признана правильной. Полномочія 27 года даются срочно, проконсульская власть безсрочно и одно это обстоятельство способно опровергнуть теорію Моммзена. Но если проконсульская власть независима отъ полномочій 27 года, то спрашивается, въ чемъ же она заключается?

Мы видѣли, что въ 27 году постоянный кругъ дѣятельности Августа былъ ограниченъ данными ему провинціями, тогда какъ общегосударственныя полномочія, заключавшіяся въ προστασία τῶν κοινῶν, давали ему право вмѣшательства и во всѣ другія сферы государственной жизни, *если старые республиканскіе органы управленія фактически окажутся неспособными, устранить возникшія затрудненія, и интересы государства потребуютъ личное вмѣшательство облеченнаго всеобщимъ довѣріемъ перваго гражданина.* Очевидно, при такихъ условіяхъ степень самостоятельности всѣхъ остальныхъ магистратовъ вполнѣ зависѣла отъ благоусмотрѣнія Августа; но мы ужъ отмѣтили по какимъ причинамъ широкое пользованіе дискреціонными полномочіями, заключавшимися въ προστασία τῶν κοινῶν, было неудобно. Между тѣмъ, если пребываніе Августа въ столицѣ давало ему возможность, однимъ своимъ присутствіемъ оказывать вліяніе на ходъ дѣла въ городѣ Римѣ, въ сенатѣ и въ народномъ собраніи, не прибѣгая къ экстреннымъ мѣрамъ, то надзоръ надъ сенатскими провинціями былъ значительно затрудненъ, разъ у Августа не было внѣшняго основанія для постояннаго контроля дѣятельности намѣстниковъ. Проконсульская власть 23 года и должна была расширить область постояннаго вліянія Августа: она давала ему maius imperium по отношенію ко всѣмъ намѣстникамъ [1]).

---

[1]) Dio 53, 32, 5: καὶ ἐν τῷ ὑπηκόῳ τὸ πλεῖον τῶν ἑκασταχόθι ἀρχόντων ἰσχύειν ἐπέτρεψεν. Какъ здѣсь, такъ и относительно проконсульской власти Агриппы (данной ему въ 12 году до Р. Хр.) Діонъ отмѣчаетъ, что maius imperium, заключавшееся въ проконсульской власти, относится именно только къ

Само собою разумѣется, что это не могло относиться къ provinciae Caesaris, которыя и безъ того управлялись личными уполномоченными Августа и по отношенію къ которымъ онъ имѣлъ исключительныя права (отмѣтимъ хотя бы право назначать намѣстниковъ), а касалось преимущественно намѣстниковъ сенатскихъ провинцій, хотя мы этимъ вовсе не желаемъ сказать, чтобы законъ 23 года спеціально говорилъ только о ихъ провинціяхъ [1]). Во всякомъ случаѣ, ихъ зависимость отъ Августа теперь стала несомнѣннымъ фактомъ, и въ связи съ этимъ особенно любопытны два обстоятельства.

Во-первыхъ, Августъ уже въ слѣдующемъ 22 году предпринялъ продолжительное путешествіе по восточнымъ провинціямъ государства, въ теченіи котораго не только посѣтилъ цѣлый рядъ сенатскихъ провинцій, но занялся также ихъ реорганизаціей [2]). Обладая imperium maius, онъ устанавливалъ, такимъ образомъ, напримѣръ, размѣръ налоговъ, давалъ городамъ права римскихъ колоній, отнималъ у другихъ ихъ свободу и т. д., однимъ словомъ, во время своего пребыванія въ данной провинціи бралъ на себя все управленіе данной области или, по крайней мѣрѣ, всѣ важнѣйшія дѣла.

Не менѣе характерно другое явленіе, повидимому, указывающее на стремленіе Августа, захватить спеціально всѣ военныя дѣла и внѣшнія сношенія въ свои руки. Еще до отъѣзда Августа на востокъ въ 22 году Маркъ Примъ, на-

---

провинціямъ, а не къ Италіи. См. Dio 54, 28, 1: τὸν Ἀγρίππαν... ἐς τὴν Παννονίαν ἐξέπεμψε, μεῖζον αὐτῷ τῶν ἑκασταχόθι ἔξω τῆς Ἰταλίας ἀρχόντων ἰσχῦσαι ἐπιτρέψας.

[1]) Такъ думаетъ Кардова. R. R. G. 1, 494.

[2]) Ср. Dio 54, 6, 1: ὁ Αὔγουστος ἐς Σικελίαν ἦλθεν, ὅπως καὶ ἐκείνην καὶ τ'ἄλλα τὰ μέχρι τῆς Συρίας καταστήσηται. О Сициліи ib. 7, 1; объ Эллядѣ 7, 2—3; объ Азіи и Виѳиніи 7, 4—6. См. особенно 54, 7, 5: πάντα τά τε ἐκεῖ καὶ τὰ ἐν τῇ Βιθυνίᾳ διέταξεν, οὐχ' ὅτι τοῦ δήμου καὶ ταῦτα τὰ ἔθνη καὶ τὰ πρότερα ἐδόκει εἶναι ἐν ὀλιγωρίᾳ αὐτὰ ποιησάμενος, ἀλλὰ καὶ πάνυ πάντων σφῶν ὡς καὶ ἑαυτοῦ ὄντων ἐπιμεληθείς. τά τε γὰρ ἄλλα, ὅσαπερ καὶ προσῆκον ἦν, ἐπηνώρθωσε, καὶ χρήματα τοῖς μὲν ἐπέδωκε τοῖς δὲ καὶ ὑπὲρ τὸν φόρον ἐσενεγκεῖν προσέταξεν.

мѣстникъ Македоніи, былъ обвиненъ въ томъ, что самовольно началъ войну съ Одризами. Время, когда намѣстники присваивали себѣ право начинать войны, прошло, и Примъ былъ привлеченъ къ суду сената; чтобы спасти себя, онъ распространилъ слухъ, будто дѣйствовалъ по приказанію не то Августа, не то его племянника Марцелла. Но Августъ добровольно явился въ засѣданіе сената и на вопросъ претора, дѣйствовалъ ли Примъ по его приказанію, отвѣтилъ отрицательно [1]). Ясно, что и вопросъ претора и отвѣтъ Августа указываютъ на то, что онъ приписывалъ себѣ или уже имѣлъ право начинать войны и не желалъ, чтобы кто-либо, кромѣ него, рѣшился, претендовать на него. Во всякомъ случаѣ, проконсульская власть давала ему полную возможность, не позволять ни одному намѣстнику, предпринимать военныя дѣйствія безъ его вѣдома и разрѣшенія. Весьма возможно, что именно на этой почвѣ развилось исключительное право принцепса на начальство войсками.

Трибунская и проконсульская власти, обѣ пожизненныя и распространенныя на всю имперію, въ совокупности несомнѣнно давали Августу значительно больше полномочій, чѣмъ консулатъ. Изъ всѣхъ правъ консулата въ ихъ составъ не вошли только ius edicendi съ одной, нѣкоторыя почетныя привилегіи — эпонимія, право на двѣнадцать ликторовъ, право на особыя сидѣнія въ сенатѣ — съ другой стороны. Изъ нихъ практическое значеніе имѣло только ius edicendi, т.-е. право издавать общеобязательныя распоряженія; остальныя же, въ сущности, играли только чисто декоративную роль,

---

[1]) Dio 54, 3, 2: Μάρκου τέ τινος Πρίμου αἰτίαν ἔχοντος, ὅτι τῆς Μακεδονίας ἄρχων Ὀδρύσαις ἐπολέμησε, καὶ λέγοντος τότε μὲν τῇ τοῦ Αὐγούστου τότε δὲ τῇ τοῦ Μαρκέλλου γνώμῃ τοῦτο πεποιηκέναι, ἔς τε τὸ δικαστήριον αὐτεπάγγελτος ἦλθε, καὶ ἐπερωθεὶς ὑπὸ τοῦ στρατηγοῦ, εἰ προστάξειεν οἱ πολεμῆσαι, ἔξαρνος ἐγένετο. τοῦ τε συναγορεύοντος τῷ Πρίμῳ Λικινίου Μουρήνου ἄλλα τε ἐς αὐτὸν οὐκ ἐπιτήδεια ἀπορρίψαντος, καὶ πυθομένου „τί δὴ ἐνταῦθα ποιεῖς, καὶ τίς σε ἐκάλεσε“; τοσοῦτο μόνον ἀπεκρίνατο, ὅτι τὸ δημόσιον.

но имѣли значеніе въ томъ смыслѣ, что безъ нихъ Августъ съ внѣшней стороны не стоялъ на одномъ уровнѣ съ высшими республиканскими магистратами. Вполнѣ естественно поэтому, что въ дарованіи указанныхъ правъ и преимуществъ и заключался послѣдній важный моментъ въ конституціонномъ развитіи принципата. Параллельно съ этимъ, однако, необходимо отмѣтить и другое существенное явленіе: постепенное расширеніе области постояннаго надзора и вмѣшательства Августа, особенно въ управленіе Италіей и Римомъ, которыхъ проконсульская власть его непосредственно не касается. Забота о продовольствіи столицы, о путяхъ сообщенія, о пожарномъ дѣлѣ, о столичной полиціи — все это постепенно переходитъ въ руки Августа; но переходитъ безшумно, безъ присвоенія громкихъ нереспубликанскихъ титуловъ и лишь въ такихъ случаяхъ, когда само общество сознаетъ необходимость его вмѣшательства и приглашаетъ его, принять новыя полномочія.

Уже годъ спустя послѣ его отреченія отъ консулата — въ 22 г.—жестокая эпидемія и голодъ вызвали большое броженіе въ народной массѣ. Объясняя свои бѣдствія тѣмъ, что Августъ пересталъ быть консуломъ, народъ заставилъ сенатъ, провозгласить его диктаторомъ и поручить ему, какъ нѣкогда Помпею, заботу о хлѣбномъ продовольствіи столицы [1]). Но Августъ не принялъ диктатуры: „имѣя власть и почести, превышавшія диктатуру, говоритъ Діонъ, онъ разумно оградилъ себя отъ зависти и ненависти, возбуждаемой этимъ титуломъ“ [2]). Зато онъ принялъ заботу о продовольствіи Рима,

[1]) Dio 54, 1, 2—3: νομίσαντες οἱ Ῥωμαῖοι οὐκ ἄλλως σφίσι ταῦτα συμβεβηκέναι, ἀλλ' ὅτι μὴ καὶ τότε ὑπατεύοντα τὸν Αὔγουστον ἔσχον, δικτάτωρα αὐτὸν ἠθέλησαν προχειρίσασθαι καὶ τήν τε βουλὴν κατακλείσαντες ἐς τὸ συνέδριον ἐπηνάγκασαν τοῦτο ψηφίσασθαι, ἀπειλοῦντές σφας καταπρήσειν, καὶ μετὰ ταῦτα τὰς ῥάβδους τὰς τέσσαρας καὶ εἴκοσι λαβόντες προσῆλθον αὐτῷ, δικτάτωρά τε ἅμα δεόμενοι λεχθῆναι καὶ ἐπιμελητὴν τοῦ σίτου, καθάπερ πότε τὸν Πομπήιον, γενέσθαι.

[2]) ib. 5.

несмотря на то, что сенатъ въ 44 г. постановилъ, не избирать впредь не только диктатора, но и префекта анноны [1]), и несмотря на то, что въ избраніи съ этой цѣлью особаго лица заключалось осужденіе дѣятельности республиканскихъ магистратовъ, въ частности эдиловъ. Вдобавокъ онъ не отрекся отъ своихъ новыхъ полномочій и тогда, когда непосредственная нужда была устранена, а передалъ заботу о продовольствіи Рима двумъ praefecti frumenti dandi, которые назначались имъ изъ бывшихъ преторовъ [2]). Въ то же время онъ отказался, однако, и отъ цензорской власти [3]).

Къ тому же 22 году относится также извѣстіе Діона, что Августу было предоставлено право созывать сенатъ, сколько разъ онъ пожелаетъ [4]). Право созывать сенатъ, какъ уже замѣчено, заключается уже въ трибунской власти, но, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время республики, созваніе сената трибуномъ, повидимому, считалось чрезвычайной мѣрой, и при нормальныхъ условіяхъ этимъ правомъ пользовались только консулы и городской преторъ [5]). Если Августъ, такимъ образомъ, позаботился о формальномъ подтвержденіи своего права, то это вполнѣ согласно со всей его политикой, заставлявшей его избѣгать всякія чрезвычайныя мѣры и основывать свои

---

[1]) Mon. Anc. 1, 31 сл. См. Dio 46, 39, 3: ἀπηγόρευσαν μήτε σίτου ἐπιμελητὴν μήτε τροφῶν ἐπιστάτην ἕνα αἱρεῖσθαι.

[2]) Dio ib.: καὶ ὃς τοῦτο μὲν ἀναγκαίως ἐδέξατο, καὶ ἐκέλευσε δύο ἄνδρας τῶν πρὸ πέντε που ἀεὶ ἐτῶν ἐστρατηγηκότων πρὸς τὴν τοῦ σίτου διανομὴν κατ' ἔτος αἱρεῖσθαι. См. Моммзенъ, R. St. 2, 1038 пр. 1. Съ 18 года эту должность занимали четыре бывшихъ претора (притомъ три года послѣ претуры. Dio 54, 17, 1.). Въ 6 и 7 г. послѣ Р. Хр. бывшихъ преторовъ замѣнили два бывшихъ консула. Dio 55, 26, 2; 31, 4. Между 8 и 14 годомъ нашей эры забота о продовольствіи столицы переходитъ къ одному praefectus annonae изъ всадниковъ.

[3]) Dio 54, 1, 5: τὸ δ'αὐτὸ τοῦτο καὶ τιμητὴν αὐτὸν διὰ βίου χειροτονῆσαι βουλομένων ἐποίησεν. οὔτε γὰρ τὴν ἀρχὴν ὑπέστη καὶ εὐθὺς ἑτέρους τιμητὰς.. ἀπέδειξεν.. καὶ τότε ὁ Αὔγουστος καίπερ ἐκείνων αἱρεθέντων, πολλὰ τῶν ἐς αὐτοὺς ἀνηκόντων ἔπραξε. См. Herzog, 2, 148 пр. 4.

[4]) Dio 54, 3. 3: ὥστε καὶ τὸ τὴν βουλὴν ἀθροίζειν ὁσάκις ἂν ἐθελήσῃ λαβεῖν.

[5]) См. Моммзенъ, R. St. 2, 316—317.

дѣйствія на неоспоримыхъ полномочіяхъ. Моммзенъ, впрочемъ, утверждаетъ, что этимъ не ограничивалось значеніе указаннаго акта, и полагаетъ, что, въ связи съ отмѣченнымъ у Діона правомъ, вообще были опредѣлены права Августа относительно созванія сената, предсѣдательства въ немъ (senatum habere), докладовъ устныхъ и письменныхъ (relationem facere), устраненія неугодныхъ ему докладовъ (relationem remittere) и т. д. [1]).

Дальнѣйшее расширеніе сферы его постоянной дѣятельности принесъ 21 годъ, когда ему, неизвѣстно по какому поводу, была поручена забота о дорогахъ (cura viarum), которую онъ, на подобіе заботы о продовольствіи Рима, передалъ двумъ бывшимъ преторамъ [2]). Впослѣдствіи къ этому присоединилась забота о римскихъ акведуктахъ (cura aquarum, въ 11 году) и о сохраненіи городскихъ построекъ въ исправности (въ послѣдніе годы его управленія) [3]). Вмѣстѣ съ заботой о продовольствіи Римскаго населенія эти новыя полномочія, безспорно, имѣютъ очень большое принципіальное значеніе, подчиняя постоянному контролю Августа рядъ болѣе или менѣе важныхъ отраслей италіанскаго управленія и отнимая, такимъ образомъ, у сената и республиканской магистратуры одно право за другимъ.

Еще важнѣе, однако, рядъ новыхъ полномочій, дарован-

[1]) R. St. 2, 896—900. Онъ ссылается при этомъ на одинъ изъ пунктовъ закона о власти Веспасіана: uti ei senatum habere, relationem facere, remittere, senatus consulta per relationem discessionemque facere liceat ita, uti licuit divo Aug[usto], Ti. Julio Caesari Aug[usto], Ti. Claudio Caesari Augusto Germanico; utique cum ex voluntate auctoritateve iussu(ve) mandatuve eius praesenteve eo senatus habebitur, omnium rerum ius perinde habeatur, ac si lege senatus edictus esset habereturque. См. здѣсь же комментарій къ этому мѣсту. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, строго говоря, можно приписать Августу только тѣ права Веспасіана, относительно которыхъ въ самомъ законѣ спеціально сказано, что они принадлежали и Августу.

[2]) Dio 54, 8, 4: τότε δὲ αὐτός τε προστάτης τῶν περὶ τὴν Ῥώμην ὁδῶν αἱρεθεὶς καὶ τὸ χρυσοῦν μίλιον κεκλημένον ἔστησε, καὶ ὁδοποιοὺς αὐταῖς ἐκ τῶν ἐστρατηγηκότων, ῥαβδούχοις δύο χρωμένους, προσέταξε. Suet. Aug. 37.

[3]) См. Mommsen, R. St. 2, 1045, 1077.

ныхъ Августу въ 19 году и въ сущности завершившихъ развитіе его власти. Какъ только Августъ въ 22 году покинулъ Римъ для реорганизаціи восточныхъ провинцій, въ столицѣ начались продолжительные безпорядки, возобновившіеся затѣмъ въ 19 году [1]). Оба раза Августъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ дискреціонной власти, заключавшейся въ его правѣ надзора и руководства всѣми дѣлами, первый разъ, поручивъ столицу Агриппѣ, второй разъ, назначивъ собственной властью Кв. Лукреція консуломъ [2]). Оказалось, что стоитъ ему только удалиться изъ Рима, стоитъ только, такимъ образомъ, устранить его непосредственное личное вліяніе на аристократію и народъ, какъ нельзя ручаться за порядокъ въ столицѣ и приходится прибѣгать къ совершенно исключительнымъ мѣрамъ. Между тѣмъ оставаться постоянно въ Римѣ было невозможно, такъ какъ вся имперія нуждалась въ его вниманіи. Съ другой стороны, и прибѣгать къ чрезвычайнымъ полномочіямъ 27 года, представлялось неудобнымъ. Въ результатѣ оказывалось желательнымъ, придать чрезвычайному (и временному) праву 27 году постоянный и формально болѣе республиканскій характеръ, чѣмъ тотъ, какимъ отличалось полумонархическое право верховнаго надзора.

Народное настроеніе и на этотъ разъ шло навстрѣчу его желаніямъ. Уже во время кровавыхъ волненій 19 года народъ, какъ раньше во время голода и мора 22 года, предлагалъ ему разныя полномочія, желая, очевидно, избавиться отъ возможности новой анархіи; когда онъ назначилъ Кв. Лукреція консуломъ и затѣмъ поторопился вернуться въ Римъ, страхъ предъ его неудовольствіемъ привелъ къ новымъ декретамъ: разобрать, что̀ ему было предложено до, что послѣ возвращенія въ Римъ, уже Діонъ не былъ въ состояніи [3]).

[1]) См. выше, стр. 98.

[2]) См. тамъ же.

[3]) Dio 54, 10, 5: ἐπειδή τε μηδὲν ὡμολόγει ὅσα τε ἀπόντος αὐτοῦ στασιάζοντες καὶ ὅσα παρόντος φοβούμενοι ἔπρασσον...

По словамъ Діона, ему была предложена забота о нравахъ и цензорская власть на пять лѣтъ, далѣе внѣшнія отличія консульской власти, т.-е. право на 12 ликторовъ и право занять мѣсто среди консуловъ на курульскомъ креслѣ, пожизненно, наконецъ, неограниченное право распоряженій. Вдобавокъ рѣшили назвать законы, которые онъ еще имѣетъ дать „божественно возвышенными“ (Αὐγούστους), причемъ обязали себя присягнуть на нихъ [1]). Августъ же, по мнѣнію Діона, принялъ всѣ данныя ему полномочія, отказавшись только отъ присяги на его законы.

Изъ сравненія разсказа Діона съ автобіографіей Августа выясняется, что въ его изложеніи вѣрное смѣшано съ невѣрнымъ, и въ виду этого необходимо, въ точности выяснить значеніе актовъ 19 года.

Что касается, прежде всего, заботы о нравахъ (cura morum) и цензорской власти, то несмотря на почти полное совпаденіе словъ Діона съ свидѣтельствомъ Светонія [2]), автобіографія Августа прямо опровергаетъ это извѣстіе [3]).

---

[1]) Dio 54, 10, 5—6: ἐπιμελητής τε τῶν τρόπων ἐς πέντε ἔτη παρακληθεὶς δὴ ἐχειροτονήθη, καὶ τὴν ἐξουσίαν τὴν μὲν τῶν τιμητῶν ἐς τὸν αὐτὸν χρόνον, τὴν δὲ τῶν ὑπάτων διὰ βίου ἔλαβεν, ὥστε καὶ ταῖς δώδεκα ῥάβδοις ἀεὶ καὶ πανταχοῦ χρῆσθαι, καὶ ἐν μέσῳ τῶν ἀεὶ ὑπατευόντων ἐπὶ τοῦ ἀρχικοῦ δίφρου καθίζεσθαι. ψηφισάμενοι δε ταῦτα διορθοῦν τε πάντα αὐτὸν καὶ νομοθετεῖν ὅσα βούλοιτο ἠξίουν καὶ τούς τε νόμους τοὺς γραφησομένους ὑπ' αὐτοῦ Αὐγούστους ἐκεῖθεν ἤδη προσηγόρευον, καὶ ἐμμενεῖν σφισιν ὁμόσαι ἤθελον.

[2]) Suet. Aug. 27: recepit et morum legumque regimen aeque perpetuum, quo iure quamquam sine censurae honore, censum tamen populi ter egit, primum et tertium cum collega, medium solus. Въ отличіе отъ Діона, Светоній приписываетъ Августу cura не только morum, но и legum, и утверждаетъ, что Августъ долженъ былъ ею обладать пожизненно. Слова sine censurae honore не противорѣчатъ свидѣтельству Діона объ ἐξουσία τῶν τιμητῶν: обладая цензорской властью, Августъ также мало былъ бы цензоромъ (censurae honor), какъ, обладая трибунской властью, трибуномъ.

[3]) Mon. Anc. gr. 3, 11—19:.. τῆς [τε σ]υνκλήτου καὶ τοῦ δήμου τοῦ Ῥωμαίων ὁμολογ[ο]ύντων, ἵν[α ἐπιμε]λητὴς τῶν τε νόμων καὶ τῶν τρόπων ἐ[πὶ τῇ με]γίστῃ [ἐξ]ουσ[ίᾳ μ]ό[νο]ς χειροτονηθῷ, ἀρχὴν οὐδεμ[ία]ν πα[ρὰ τὰ πά]τρ[ια] ἔ[θ]η διδομένην ἀνεδεξάμην. Ср. Mommsen, Res gestae стр. 28—30. Любопытны здѣсь указанія

Слова Діона о консульской власти на первый взглядъ также рѣзко противорѣчатъ формальному заявленію Августа, что онъ не принялъ предложеннаго ему пожизненнаго консулата [1]). Если, однако, ближе присмотрѣться къ словамъ Діона и сравнить ихъ съ его словами о трибунской власти, то становится яснымъ, что Діонъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду только два почетныхъ отличія консулата, данныхъ ему въ 19 году: право на 12 ликторовъ и на мѣсто среди консуловъ [2]), которыми Августъ безспорно обладалъ [3]). Не имѣя никакого матеріальнаго значенія, эти права должны были только подчеркнуть внѣшнее равенство его съ высшими республиканскими магистратами.

Огромное теоретическое и практическое значеніе, наоборотъ, имѣетъ упоминаемое Діономъ неограниченное право распоряженій. Свидѣтельство Діона въ данномъ случаѣ какъ нельзя лучше подтверждается однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ закона о власти Веспасіана. Здѣсь постановляется, „чтобы онъ (Веспасіанъ) имѣлъ право и власть производить и дѣлать все, что̀ онъ сочтетъ нужнымъ въ интересахъ государства или ради величія божественныхъ и человѣческихъ, государственныхъ и частныхъ отношеній, подобно тому какъ имѣли это право божественный Августъ, Тиберій Юлій Цезарь Августъ и Тиберій Клавдій Цезарь Августъ Германскій“ [4]). Если Діонъ, говоря объ этомъ правѣ Августа, преувеличенно опре-

на современныхъ Августу поэтовъ; см. Овидій trist. 2, 233: urbs te et legum lassat tutela tuarum et morum, similes quos cupis esse tuis.

[1]) Mon. App. 3, 9—10: ὑπατείαν τέ μοι τότε διδομένην καὶ ἐνιαύσιον καὶ διὰ βίου οὐκ ἐδεξάμην.

[2]) На это, какъ уже замѣчено по поводу трибунской власти, впервые обратилъ вниманіе Kromayer, Rechtliche Begründung des Principats, стр. 40, пр. 3 и стр. 41, пр. 1.

[3]) Mommsen, R. St. 2, 806—807; 1, 387, 403, пр. 2.

[4]) Lex de imperio Vespasiani (стр. 18—20): uti quaecumque ex usu reipublicae maiestate divinarum humanarum publicarum privatarumque rerum esse censebit ei agere facere ius potestasque sit ita uti divo Aug(usto) Tiberioque Julio Caesari Aug. и т. д.

дѣляетъ его какъ право „издавать какіе угодно указы и законы“, то это вполнѣ понятно съ точки зрѣнія III вѣка, когда фактически указы (constitutiones) замѣнили законы [1]). Въ дѣйствительности же мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ безмѣрно расширеннымъ магистратитскимъ правомъ распоряженій (ius edicendi). Изъ Діона не видно, чтобы дарованіе этого права стояло бы въ какой-либо связи съ консульской властью; если, однако, принять въ разсчетъ, что на ряду съ вышеотмѣченными почетными правами консуловъ, именно ихъ ius edicendi не заключалось ни въ трибунской, ни въ проконсульской власти, и что какъ разъ въ 19 году ему были дарованы внѣшнія отличія консулата, то представляется вполнѣ возможнымъ, что и ius edicendi 19 года, такъ или иначе, стояло въ связи съ предложеніемъ Августу пожизненной консульской власти и его отреченіемъ отъ нея: отрекшись отъ консульской власти въ цѣломъ, онъ, въ такомъ случаѣ, согласился принять ея почетныя отличія и связанное съ нею, но расширенное спеціально для него, право распоряженій [2]).

Какъ бы то ни было, неограниченное право распоряженій, данное Августу въ 19 году, давало ему новое, формально республиканское, основаніе для вмѣшательства во всѣ рѣшительно дѣла. Сдѣлавъ его фактически полнымъ хозяиномъ положенія, оно въ то же время на дѣлѣ освобождало его и отъ соблюденія законовъ [3]). Дѣйствительность распоряженій

---

[1]) Dio l. c.: διορθοῦν τε πάντα αὐτὸν καὶ νομοθετεῖν, ὅσα βούλοιτο ἠξίουν. Что Діонъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду именно выше приведенный пунктъ закона 69—70 года, такъ очевидно, что можно удивляться, какъ Herzog 2, 151 пр. 1 приводя текстъ закона можетъ говорить, будто: in den Quellen ueber Augusts Regierung ist nirgends davon die Rede; es ist also Sache der Hypothese einen Zeitpunkt dafür zu bestimmen. Разныя соображенія приводятъ его затѣмъ къ предположенію, что годомъ дарованія iuris edicendi слѣдуетъ считать именно 19 годъ.

[2]) Ср. Hoeck, 1, 391 сл.

[3]) Съ этой точки зрѣнія Madvig, Verfassung und Verwaltung des römischen Reichs (1, 540—1) соглашается съ утвержденіемъ Діона, что прин-

республиканскихъ магистратовъ ограничена срокомъ ихъ магистратуры и сферой компетенціи даннаго магистрата. Для Августа отчасти по закону, отчасти только фактически никакихъ ограниченій не существуетъ. Компетенція его по закону абсолютно неограничена: въ силу дарованнаго ему права онъ можетъ дѣлать рѣшительно все, что̀ ему угодно, и каждое его дѣйствіе, если только онъ находилъ его нужнымъ „въ интересахъ государства или ради величія божественныхъ, человѣческихъ, государственныхъ или частныхъ отношеній“, было такимъ образомъ законно. Въ теоріи, правда, его распоряженія должны были имѣть силу, только пока онъ обладалъ означеннымъ магистратскимъ правомъ, но такъ какъ право распоряженій ему было даровано безсрочно, то фактически только послѣ его смерти и могъ возникнуть вопросъ о законности его распоряженій. При его жизни, такимъ образомъ, предѣлы, въ которыхъ онъ собирался примѣнять свою дискреціонную власть, всецѣло зависѣли отъ его личнаго усмотрѣнія.

Декретами 19 года, собственно говоря, завершается конституціонное развитіе принципата.

Въ 12 году Августъ, правда, еще пріобрѣлъ званіе верховнаго понтифа, освободившееся послѣ смерти тріумвира М. Эмилія Лепида [1]), и въ силу этого всталъ во главѣ всего сакральнаго дѣла въ Римѣ [2]). Во 2 году до Рождества Христова сенатъ, всадники и народъ поднесли ему званіе отца отечества [3]), во 2 году послѣ Рождества Христова онъ былъ принужденъ отказаться отъ званія „господина“ (dominus), предложеннаго ему народомъ [4])—но ни одно изъ этихъ зва-

цепсы освобождаются отъ законовъ. Едва ли, однако, сомнительно, что, говоря объ освобожденіи принцепса отъ законовъ, Діонъ имѣлъ въ виду не ius edicendi, а особое постановленіе, которое, какъ мы видѣли, въ эпоху Августа, безспорно, не существовало.

[1]) Dio, 54, 27, 2. Mon. Anc, gr. 5, 19—6, 6.

[2]) Моммзенъ, R. St. 2, 1102, сл.

[3]) Dio, 55, 10, 10. Mon. Anc. lat. 6, 24—27.

[4]) Dio, 55, 12, 2. См. ниже стр. 154—5.

ній не имѣло такого основного значенія, какъ тѣ полномочія, которыя ему были дарованы въ 27, 23 и 19 годахъ [1]).

Процессъ расширенія постояннаго круга дѣятельности Августа тѣмъ временемъ также продолжается: такъ, въ 6 г. послѣ Рождества Христова по поводу крупнаго пожара учреждается городская стража (vigiles) въ Римѣ [2]); такъ, послѣ 8 года забота о продовольствіи столицы изъ рукъ сенаторовъ переходитъ въ руки всадниковъ [3]); еще раньше — въ 6 году нашей эры — создается центральная военная касса (aerarium militare), подчиненная всецѣло самому Августу [4]), и т. д.

§ 7.

Не смотря на разныя частныя добавленія, основной характеръ власти Августа, такимъ образомъ, окончательно установился къ 19 году.

Въ чемъ же заключалась сущность этой власти и каково было въ общемъ конституціонное положеніе принцепса?

Прежде всего власть Августа не представляетъ изъ себя результата какого-нибудь одного акта: она составилась изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ полномочій, для которыхъ нѣтъ ни общаго оффиціальнаго обозначенія, ни общаго законнаго фундамента. Въ 27 г. онъ получилъ προστασία τῶν κοινῶν, непосредственное управленіе частью провинцій, быть можетъ, начальство надъ войскомъ и распоряженіе частью государственныхъ доходовъ — все это на опредѣленный, впослѣдствіи

[1]) Сообщеніе Діона о присоединеніи цензорскихъ полномочій къ проконсульскимъ 55, 13, 5 (καὶ ὅπως γε μὴ δόξειεν ὡς τιμητὴς αὐτὸ ποιεῖν.. ἀνθύπατον ἐξουσίαν πρός τε τὸ τέλος τῶν ἀπογραφῶν καὶ πρὸς τὴν τοῦ καθαρσίου ποίησιν προσέθετο) невѣрно.

[2]) Dio 55, 26, 4—5: ἐπειδή τε ἐν τῷ χρόνῳ τούτῳ πολλὰ τῆς πόλεως πυρὶ διεφθάρη, ἄνδρας τε ἐξελευθέρους ἐπταχῇ πρὸς τὰς ἐπικουρίας αὐτῆς κατελέξατο, καὶ ἄρχοντα ἱππέα αὐτοῖς προσέταξεν, ὡς καὶ δι' ὀλίγου σφᾶς διαλύσων. οὐ μέντοι καὶ ἐποίησε τοῦτο и т. д.

[3]) См. выше стр. 143 пр. 2.

[4]) Mon. Anc. lat. 3, 35 сл. Mommsen, R. St. 2, 1010 и ниже.

нѣсколько разъ продолженный срокъ,—въ 23 г. пожизненную проконсульскую и точно такъ же пожизненную трибунскую власть, въ 19 г. внѣшнія отличія консульской власти и неограниченное право распоряженій, наконецъ, въ 12 г. званіе верховнаго понтифа. Если событія 27 г. играютъ особенно важную роль въ конституціонномъ смыслѣ, то не потому, что на нихъ основываются всѣ права и преимущества Августа, а потому, что ими было рѣшено формальное возстановленіе республики и общій характеръ его положенія. Званіе imperator, которому Діонъ придаетъ такое большое значеніе и важность котораго признаетъ и Моммзенъ [1]), также мало

[1]) Вопросъ о времени пріобрѣтенія и значеніи титула imperator чрезвычайно запутанъ. По словамъ Діона, 52, 41, 3—4, Цезарь въ 29 году τὴν τοῦ αὐτοκράτορος ἐπίκλησιν ἐπέθετο. λέγω δὲ οὐ τὴν ἐπὶ ταῖς νίκαις κατὰ τὸ ἀρχαῖον διδομένην τισίν, ἐκείνην γὰρ πολλάκις μὲν καὶ πρότερον πολλάκις δὲ καὶ ὕστερον ἀπ' αὐτῶν τῶν ἔργων ἔλαβεν... ἀλλὰ τὴν ἑτέραν τὴν τὸ κράτος διασημαίνουσαν, ὥσπερ τῷ τε πατρὶ αὐτοῦ τῷ Καίσαρι καὶ τοῖς παισὶ τοῖς τε ἐγγόνοις ἐψήφιστο. Ср. Dio 43, 44, 2—3 о Цезарѣ отцѣ: τό τε τοῦ αὐτοκράτορος ὄνομα... τοῦτο δὴ καὶ νῦν τοῖς τὸ κράτος ἀεὶ ἔχουσιν διδόμενον ἐκείνῳ τότε πρῶτῳ τε καὶ πρῶτον, ὥσπερ τι κύριον, προσέθεσαν.. ὥστε καὶ τοὺς παῖδας τούς τε ἐγγόνους αὐτοῦ οὕτω καλεῖσθαι ψηφίσασθαι. Suet. Iul. 76: praenomen imperatoris ...decerni sibi passus est.

Моммзенъ, R. St. 2, 767, пр. 1, указываетъ на то, что въ огромномъ большинствѣ надписей, касающихся Цезаря отца, imperator не занимаетъ мѣста praenomen, но стоитъ всегда передъ всѣми остальными его титулами на первомъ мѣстѣ (ср. C. J. L. IX п. 2563: C. Julio Caesari imp. dictat. iterum, pontifici maxumo, etc.): imperator при немъ титулъ, не cognomen. Августъ рѣшилъ принять этотъ титулъ, но aus politischen Erwägungen придалъ ему характеръ praenominis, отбросивъ свое настоящее praenomen, Gaius, а также и nomen gentilicium. Въ виду этого онъ съ 40 года называется imp. Caesar divi Juli f. (2, 768 пр. 1). Слова Діона о дарованіи ему этого титула въ 29 году представляютъ плодъ недоразумѣнія (ib.).

Kromayer, Begründung, стр. 22—32, наоборотъ, очень остроумно доказываетъ, что пріобрѣвъ званіе imperator въ 43г. (и отмѣтивъ перестановкой его его наслѣдственный характеръ), Августъ до 29 г. имѣлъ законное право на него, такъ какъ до этого времени не праздновалъ тріумфа. Отпраздновавъ тріумфъ въ 29 г., онъ по обычаю терялъ званіе imperator и вотъ почему онъ счелъ нужнымъ, несмотря на свои притязанія на наслѣдственный характеръ этого титула, добиться его утвержденія сенатомъ; въ этомъ смыслѣ Діонъ правъ.

Что же касается значенія этого титула, то всѣ ученые одинаково признаютъ, что самъ по себѣ титулъ императора не давалъ никакихъ полно-

обнимаетъ всѣ полномочія Августа, какъ титулъ проконсулъ или трибунъ: не только каждый изъ нихъ имѣетъ самостоятельное значеніе, но всѣ вмѣстѣ еще не содержатъ προστασία τῶν κοινῶν, консульскія отличія и ius edicendi 19 г. Власть Августа, такимъ образомъ, не имѣетъ единства, и это выражается въ отсутствіи единаго оффиціальнаго титула: она состоитъ изъ ряда полномочій, въ критическую минуту данныхъ одному выдающемуся гражданину и находящихся между собою, если можно такъ выразиться, въ личной, не въ реальной уніи.

Если Моммзенъ утверждаетъ, что проконсульская власть занимаетъ первенствующее мѣсто среди полномочій принцепса, и что лицо, обладающее ею, ео ipso принцепсъ, то это, на нашъ взглядъ, недоразумѣніе. Не говоря уже о томъ, что его теорія проконсульской власти вообще подвержена большимъ сомнѣніямъ и держится только на отрицаніи свидѣтельства Діона, нельзя не замѣтить, что самъ Августъ, очевидно, придавалъ первенствующее значеніе не ей, а трибунской власти, единственной, которая съ 23 г. постоянно встрѣчается въ его титулѣ. Что начальство надъ войсками фактически влекло за собой и всѣ остальныя права, это конечно, безспорно; но если Августъ, по словамъ самого Моммзена, желая упрочить престолонаслѣдіе за даннымъ лицомъ, сначала даруетъ ему проконсульскую и потомъ лишь трибунскую власть, то это, очевидно, не значитъ, что проконсульская власть и формально признается первенствующей. Ясно, что формально отношеніе ихъ какъ разъ обратное: лишь послѣ того какъ данное лицо оказалось достойнымъ власти, къ проконсульскому imperium присоединяется высшая трибунская власть, но и обѣ вмѣстѣ еще не исчерпываютъ положенія принцепса [1]). Послѣ

мочій (Тиберій, Гай и Клавдій не пользовались имъ), и что только постоянное (а вскорѣ и исключительное) соединеніе его съ принципатомъ придало ему съ теченіемъ времени болѣе чѣмъ декоративное значеніе.

[1]) Говоря о проконсульской власти Агриппы и Тиберія, мы имѣемъ въ виду взглядъ Моммзена, ср. 2, 1151, пр. 3—5 и 1152, пр. 1—2. Источники

смерти Августа, Тиберій имѣлъ и проконсульскую и трибунскую власти, но это не значило, чтобы онъ былъ принцепсомъ [1]): для того, чтобы занять положеніе Августа онъ нуждался еще въ особомъ сенатскомъ постановленіи, которое и послѣдовало послѣ извѣстной сцены, описанной Тацитомъ.

Позднѣе, правда, всѣ полномочія, совокупность которыхъ давала Августу монархическое положеніе, фактически были соединены или, вѣрнѣе, даровались сразу [2]). Единственнымъ слѣдомъ первоначальной самостоятельности отдѣльныхъ полномочій осталось перечисленіе всѣхъ ихъ въ отдѣльности въ титулѣ: формально, и послѣ Августа власть принцепса не была соединена съ какимъ-нибудь однимъ титуломъ, а продолжала состоять изъ независимыхъ другъ отъ друга полномочій. Трудно, разумѣется, предположить, чтобы въ дѣйствительности въ каждомъ отдѣльномъ распоряженіи принцепсовъ обозначалось, въ силу какихъ именно полномочій оно совершается—и во всякомъ случаѣ наши источники такъ неудовлетворительны въ этомъ отношеніи, что представляется невозможнымъ, достовѣрно и точно выяснить объемъ и значеніе отдѣльныхъ составныхъ частей власти Августа [3]). Больше чѣмъ въ чемъ-

говорятъ просто объ imperium (Tac. ann. 1, 3) или описываютъ ихъ власть, не называя ея; ср. Jos. Ant. 15, 10, 2. Dio 54, 28. См. также выше стр. 99 сл. объ Агриппѣ.

[1]) Suet. Tib. 21: lege per consules lata, ut provincias cum Augusto communiter administraret... (Dio, 55, 28). Tac. Ann. 1, 7: Nam Tiberius cuncta per consules incipiebat, tamquam vetere re publica et ambiguus imperandi: ne edictum quidem, quo patres in curiam vocabat, nisi tribuniciae potestatis praescriptione posuit sub Augusto acceptae.

[2]) Dio 59, 3 (о Гаѣ): ὥστε πάντα ὅσα ὁ Αὔγουστος ἐν τοσούτῳ τῆς ἀρχῆς χρόνῳ μόλις καὶ καθ' ἓν ἕκαστον ψηφισθέντα οἱ ἐδέξατο.. ἐν μιᾷ ἡμέρᾳ λαβεῖν. См. 60, 1. 63, 29: τῷ Γάλβᾳ τὰ τῇ αὐτοκράτορι ἀρχῇ προσήκοντα ἐψηφίσαντο. 79, 2 (объ Элагабалѣ). Tac. hist. 1, 47: decernitur Othoni tribunicia potestas et nomen Augusti et omnes principum honores. (ср. Діонъ 64, 8). 2, 55 (о Вителліи): iu senatu cuncta longis aliorum principatibus composita statim decernuntur; 4, 3 senatus cuncta principibus solita Vespasiano decernit. v. Marci 6. v. Veri 4. v. Pertinacis 5. v. Iuliani 3. v. Macrini 7. v. Alexandri 1, 2 и 8. v. Maximi et Balbini 8. v. Probi 12.

[3]) Herzog, 2, 626: Die Unterscheidung der verschiedenen Funktionen des

либо другомъ именно въ этомъ проявляется искусственность всей конституціонной теоріи принципата.

Итакъ, съ теоретической стороны власть Августа не можетъ быть сведена къ одной формулѣ.

Наиболѣе подходящимъ выраженіемъ ея еще современники признали званіе princeps.

Отсутствіе опредѣленнаго, яснаго титула, выражающаго монархическую сущность новаго режима, несомнѣнно входило въ программу основателя принципата. Обладая всѣми правами истиннаго монарха, Августъ, именно поэтому, „боясь зависти и ненависти, вызываемой званіемъ диктатора“ (Діонъ), а тѣмъ болѣе царя, особенно осторожно щадилъ установившіяся традиціи. Юридической неопредѣленности его положенія какъ нельзя лучше соотвѣтствовало отсутствіе общаго и точнаго обозначенія его [1]). По мѣрѣ того, однако, какъ съ теченіемъ времени все болѣе выяснялось, что срочность его власти лишь фиктивна, и въ обществѣ и въ народѣ должно было проявляться стремленіе, формулировать ее точнѣе и понятнѣе, чѣмъ это дѣлали многочисленные законы о разныхъ правахъ Августа. Естественно, что народъ при этомъ долженъ былъ обратить главное вниманіе на фактическое положеніе и пришелъ къ убѣжденію, что наиболѣе подходящее названіе для Августа—

Princeps nach den einzelnen Gewalten, die in ihm vereinigt sind, ist zwar *im allgemeinen* nach den historischen Gesetzen und nach der Natur der Gewalten möglich, hinsichtlich aller Einzelheiten aber schwer mit Sicherheit durchführbar, weil bei den einzelnen Handlungen selten angegeben wird, von welcher Art von Gewalt sie ausgingen u. z. B. mit dem Senat der Princeps von ganz verschiedenen Stellungen aus verhandeln konnte.

[1]) Оффиціально Августъ обыкновенно называетъ себя: Imp. Caes. Aug. divi f. pont. max. trib. pot. p. p. c. imp. = Imperator (не титулъ, а prae- или cognomen, Mommsen R. St. 2, 767) Caesar (не титулъ, а cognomen) Augustus divi filius (т. е. сынъ divi Julii) pontifex maximus tribunicia potestate (съ добавленіемъ года, считая отъ 23 г.) pater patriae consul (съ обозначеніемъ который разъ онъ консулъ) imperator (съ обозначеніемъ числа аккламацій). Титулъ proconsul не встрѣчается раньше конца I в. (R. St. 2, 777); начиная съ Траяна императоры носятъ его внѣ Италіи, начиная съ Севера и въ Италіи.

dominus, господинъ [1]). Съ другой стороны, не менѣе понятно, что Августъ не могъ принять такого званія, которое прямо противорѣчило бы всей его политикѣ примиренія по отношенію къ сенату. Наиболѣе подходящимъ по своей неопредѣленности и почетности ему показался титулъ princeps, бывшій въ употребленіи еще во время республики, и мы видимъ, что онъ въ своихъ res gestae нѣсколько разъ примѣняетъ его по отношенію къ себѣ, притомъ не въ смыслѣ princeps senatus, а въ смыслѣ главы государства [2]).

Значеніе и возникновеніе этого титула тѣмъ не менѣе представляется спорнымъ.

Въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ ученыхъ, Карлова (7, 494) утверждаетъ, что „слово princeps не было правда, принято въ титулатуру, но всеже представляло оффиціальное обозначеніе

---

[1]) Suet. Aug. 52—3: Domini appellationem ut maledictum et obprobrium semper exhorruit.. dominumque se posthac appellari ne a liberis quidem aut nepotibus suis vel serio vel ioco passus est, atque eiusmodi blanditias etiam inter ipsos prohibuit. Xiphil. = Dio 55, 12, 2 ad a. 2 a. Chr.: δεσπότης δὲ τότε ὁ Αὔγουστος ὑπὸ τοῦ δήμου ὀνομασθεὶς οὐχ' ὅπως ἀπεῖπε μηδένα τούτῳ πρὸς ἑαυτὸν τῷ προσρήματι χρήσασθαι, ἀλλὰ καὶ πάνυ διὰ φυλακῆς αὐτὸ ἐποιήσατο. Судя по Sen. Epist. 3, 1 обращеніе domine, впрочемъ, едвали имѣло особенно льстивый характеръ: повидимому оно соотвѣтствовало нашему, „милостивый государь“ или по отношенію къ Августу „государь“; это не умаляетъ, конечно, его нереспубликанскаго характера.

[2]) Это доказывается греческимъ переводомъ извѣстной надписи. Ср. Mon. Anc. 1, 44: princeps senatus fui usque ad eum diem, quo scripseram haec, per annos 40 и переводъ 4, 2: πρῶτον ἀξιώματος τόπον ἔσχον τῆς συνκλήτου и т. д., тогда какъ lat. 2, 45 me principe въ греческомъ текстѣ 7, 9 передано словами ἐπὶ δὲ ἐμοῦ ἡγεμόνος. Такъ же lat. 2, 44 (= gr. 16, 7) и lat. 6, 6 (gr. 17, 9). Въ связи съ этимъ характерно, что principes viri, встрѣтившіе Августа при его возвращеніи изъ Сиріи въ 19 г. вмѣстѣ съ консуломъ Кв. Лукреціемъ, преторами и трибунами въ Кампаніи (lat. 2, 34) по гречески названы 5, 15: οἱ τὰς μεγίστας ἀρχὰς ἄρξαντες.

Все это было бы не особенно важно, еслибы мы имѣли дѣло съ переводомъ частнаго человѣка, но Моммзенъ (R. g. стр. XI и 197) признаетъ, что греческій переводъ принадлежитъ Римлянину и либо представляетъ оффиціальный переводъ, сдѣланный въ Римѣ и разосланный по провинціямъ, либо сдѣланъ и разосланъ по городамъ Галатіи по распоряженію ея легата.

новой власти". „Это обозначеніе еще согласно съ республиканскими воззрѣніями, ибо не выражаетъ понятія господина по отношенію къ подданнымъ. Съ другой стороны, оно вѣроятно, должно выразить не положеніе наиболѣе почетнаго гражданина, частнаго человѣка, а высшее должностное начальственное положеніе въ государствѣ (die erste amtliche obrigkeitliche Stellung im Gemeinwesen)".

Несмотря на то, что въ пользу этого взгляда можно привести свидѣтельство Тацита [1]), едва-ли можно признать, чтобы титулъ princeps былъ оффиціальнымъ, т.-е. что онъ былъ данъ Августу съ цѣлью опредѣлить его положеніе въ государствѣ. Самъ Августъ не имѣлъ права, даровать себѣ титулъ; по крайней мѣрѣ такая форма пріобрѣтенія не была бы равносильна законному дарованію, напр., титула Августъ [2]). А что не было спеціальнаго закона о дарованіи титула princeps, прямо слѣдуетъ изъ молчанія Августа объ этомъ [3]) и изъ отсутствія его въ обычной титулатурѣ. Тѣмъ не менѣе званіе princeps стало наиболѣе обычнымъ обозначеніемъ новыхъ властителей. Да и въ самомъ дѣлѣ, оно такъ же соотвѣтствовало ихъ конституціонному, какъ званіе dominus соотвѣтствовало бы ихъ факти-

---

[1]) Ann 1, 1: cuncta discordiis civilibus fessa nomine principis sub imperium accepit. Ann. 3, 28: deditque iura, quibus pace et principe uteremur. Ann. 1, 9: non regno neque dictatura sed principis nomine constitutam rem publicam. Ann. 11, 25 противополагаются dictator Caesar et princeps Augustus. Согласно съ этимъ, онъ обыкновенно называетъ новую власть principatus (Ann. 1, 1: Tiberii principatus, 1, 6: novus principatus, 1, 6: vis principatus, но напр. Hist. 1, 1: principatus divi Nervae et imperium Traiani), представителя ея одинаково и princeps и imperator. См. слова Августа у Свет. Aug. 31 въ концѣ. Карлова ссылается на Vell. 2, 24, 2, см. ниже.

[2]) Въ доказательство можно привести присвоеніе титула imperator.

[3]) Наоборотъ Августъ отмѣчаетъ дарованіе титула Августъ (см. выше стр. 92 пр. 2) и pater patriae. Mon. Anc. lat. 6, 24 сл.: tertium decimum consulatum cum gerebam (съ М. Плавтіемъ Силаномъ въ 752 = 2 г. до Р.), senatus et equester ordo populusque Romanus universus appellavit me patrem patriae. И это званіе, какъ извѣстно, встрѣчается еще въ эпоху республики. О значеніи его см. Діонъ, 53, 18. Sen. de clem. 1, 14, 2. Dig. 48, 22, 18 и Моммзенъ, R. St. 2, 780 (особ. прим. 3).

ческому положенію [1]): извѣстно, что Діонъ приписываетъ Тиберію слова, что онъ, „господинъ своихъ рабовъ, императоръ солдатъ, принцепсъ остальныхъ“ [2]). Herzog видитъ въ этомъ указаніе на желаніе Тиберія, сдѣлать новый титулъ оффиціальнымъ, и, дѣйствительно, это обозначеніе необычайно часто по мнѣнію Моммзена, встрѣчается на надписяхъ временъ Тиберія [3]); тѣмъ не менѣе, обычное словоупотребленіе современныхъ писателей опровергаетъ взглядъ Herzog'a. Слишкомъ часто они употребляютъ терминъ princeps просто для обозначенія вліятельнаго положенія разныхъ выдающихся дѣятелей республиканскаго періода, безъ всякаго техническаго смысла. Такъ, Веллей называетъ принцепсами Кв. Цецилія Метелла Нумидійскаго (1, 11, 6), Гая Гракха (2, 6, 2), который, несомнѣнно, не былъ и принцепсомъ сената, Гая Марія (2, 19, 4), М. Антонія оратора (2, 22, 3), М. Лициніа Красса, союзника Помпея и Цезаря (2, 30, 6), Кв Лутація Катула (2, 43, 3), Помпея (2, 48, 2; 2, 49, 2; 2, 52, 3; 2, 53, 2), Цезаря (2, 56, 3; 2, 57, 1; 2, 68, 5) и М. Антонія тріумвира (2, 66, 4; ср. 2, 72, 2) [4]). То же словоупотребленіе въ широкихъ размѣрахъ встрѣчается и у Валерія Максима [5]).

[1]) Овидій fast. 2, 142 сопоставляетъ Ромула и Августа: tu (Ромулъ) domini nomen, principis ille tenet. Фасты начаты Овидіемъ еще въ Римѣ, но окончено уже въ изгнаніи. Teuffel, Gesch. d. röm. Lit., 1, 570, прим. 6 См. Trist. 2, 549 сл.

[2]) Dio 57, 8, 2· καὶ πολλάκις γε ἔλεγεν ὅτι δεσπότης μὲν τῶν δούλων, αὐτοκράτωρ δὲ τῶν στρατιωτῶν, τῶν δὲ δὴ λοιπῶν πρόκριτός εἰμι. Выше уже было замѣчено, что въ оффиціальныхъ современныхъ текстахъ princeps строго отличается отъ princeps senatus. Принцепсъ, ἡγεμών, въ тоже время, правда, и princeps senatus, πρόκριτος τῆς γερουσίας.

[3]) R. St. 2, 776 пр. 1, но „immer unter Beifügung eines ehrenden Prädicats, also nicht titular“.

[4]) Лишь въ одномъ мѣстѣ (2, 124, 2 см. Karlowa R. RG. 1, 494) Веллей, повидимому, имѣетъ въ виду принцепса-императора: una veluti luctatio civitatis fuit, pugnantis cum Caesare senatus populique Romani ut stationi paternae succederet, illius, ut potius aequalem civem, quam eminentem liceret agere principem. Рѣчь идетъ о времени послѣ смерти Августа.

[5]) Валерій Максимъ употребляетъ термины princeps и principatus въ самомъ широкомъ смыслѣ. Principatus Italiae 2, 8, externorum exemplorum

Если поэтому и признать, что съ теченіемъ времени званіе princeps становится оффиціальнымъ, или вѣрнѣе, общепризнаннымъ титуломъ, то, во всякомъ случаѣ, не менѣе несомнѣнно, что слово princeps лишь очень медленно пріобрѣтаетъ техническій смыслъ принцепса—императора [1]).

Въ виду этого мы не можемъ также согласиться съ мнѣніемъ Моммзена, что званіе princeps даже по его первоначальному смыслу не слѣдуетъ смѣшивать съ званіемъ princeps senatus (R. St. 2, 774, пр. 4 и 776, пр. 2). Герцогъ привелъ вполнѣ вѣскіе доводы, доказывающіе, что позднѣйшее званіе принцепсъ постепенно отдѣлилось отъ princeps senatus: особенно важно въ этомъ смыслѣ, что Августъ самъ не упоминаетъ о дарованіи ему особаго титула princeps въ смыслѣ princeps omnium или civium. (R. St. 2, 774, пр. 4) [2]).

3, 8, ext. 1, gloriae 5, 6, 2, Graeciae 6, 5 ext. 2, morum 8, 15, 3. Princeps Latii (Qu. Poppedius) 3, 1, 2, eius urbis (Megarae) 4, 1 ext. 3, Atheniensium 4, 3, ext. 1, (Pericles) saeculi sui 4, 4, 3, Graeciae 5, 3 ext. 3, Privernatum 6, 2, 1, fori resp. curiae 8, 5, 3, eius coloniae 9, 3, 8, Asiae principes (въ войскѣ Ксеркса) 9, 5 ext. 2, populi 9, 7, 1.

Изъ Римлянъ онъ называетъ princeps или точнѣе princeps civitatis (4, 4, 9; 6, 5, 5; 8, 2, 2; 8, 15, 8; 9, 2, 3) Сципіона мл. и Метелла Македонскаго (4, 1, 12), Г. Фабриція и Кв. Эмилія Папа (4, 4, 3) Эмилія Павла (4, 4, 9), Цезаря-отца (5, 1, 10; 5, 7, 2), Метелла Пія (5, 2, 7; 8, 15, 8; 9, 15), М. Скавра (6, 5, 5; 8, 5, 3), Помпея (7, 7, 2) Л. Красса (8, 5, 3), Сервилія Исаврскаго (8, 5, 6). Изъ 8, 2, 2 (adhibitis in consilium principibus civitatis) и 8, 7, 7 (Roscius... etiam principum familiaritates amplexus est) видно, какое значеніе для автора имѣетъ этотъ терминъ.

5, 5, 3 и 9, 11 ext. 4 онъ, впрочемъ, называетъ Тиберія princeps parensque noster. Цезаря отца онъ въ отличіе отъ другихъ называетъ divinus princeps l. c. См. также Columella въ нач., Seneca de benef. 2, 27.

[1]) Еще Тацитъ пользуется имъ при описаніи государственнаго и соціальнаго быта Германцевъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ Анналахъ и Исторіяхъ онъ, сколько мнѣ извѣстно, примѣняетъ титулъ princeps только къ императору. Сановники у него proceres или primores (т.-е. civitatis), но не principes: см Ann. 3, 76, 4, 17; 14, 53; Hist. 1, 71; 2, 92; 3, 86; см. 4, 53: equestris ordinis virum, sed auctoritate famaque inter proceres. У Светонія, наоборотъ, встрѣчаются и principes viri ср. Suet. Claud. 35 въ концѣ.

[2]) Princeps—ἡγεμών, по всему вѣроятію, представляетъ сокращеніе не титула pr. civium или omnium, а званія princeps civitatis (см. Валерій Мак-

Постепенность въ развитіи и спеціализаціи этого титула, наоборотъ, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ постепенному ходу развитія императорской власти, ея почетныхъ отличій и преимуществъ, вообще. За очень немногими исключеніями (Калигула, Домиціанъ, Коммодъ, Элагабалъ) императоры только тогда дѣлаютъ новый шагъ въ этомъ направленіи, когда въ самомъ обществѣ новый взглядъ на власть или новый терминъ для ея обозначенія являются уже господствующими.

Итакъ, не будучи оффиціальнымъ, титулъ princeps, т.-е. princeps civitatis, ἡγεμών, глава государства, признавался наиболѣе подходящимъ выраженіемъ полномочій, съ теченіемъ времени данныхъ Августу. Подобно тому какъ власть Августа постепенно образовалась изъ соединенія разныхъ болѣе или менѣе независимыхъ другъ отъ друга полномочій, такъ постепенно высказалась и была удовлетворена потребность въ опредѣленіи конституціоннаго положенія ихъ обладателя однимъ общимъ обозначеніемъ. Ни его положеніе въ цѣломъ, ни его наиболѣе общій титулъ не основываются на одномъ опредѣленномъ законѣ и, что̀ не менѣе замѣчательно, они не соединены другъ съ другомъ по необходимости. Сообщеніе Гая и Ульпіана о lex de imperio не имѣетъ значенія для времени Августа.

Естественно, что подвести власть Августа подъ одну законную формулу при такихъ условіяхъ, едва ли возможно. Она создается не однимъ актомъ, а кумуляціей цѣлаго ряда полномочій. Власть Наполеона, какъ перваго консула, юридически могла быть точно опредѣлена,—она опиралась на одинъ опредѣленный законъ,—власть Августа не поддается одинаково точному опредѣленію. Его полномочія настолько растяжимы, связанная съ ними компетенція такъ плохо ограничена, его положеніе по отношенію

симъ). Ср. также статью Pelham'a, princeps or princeps senatus? Journal of Philology v. VIII. N. 16. p. 323.

къ сенату такъ мало выяснено, что, смотря по характеру дальнѣйшаго государственнаго развитія, новая власть можетъ сдѣлаться чисто деспотической, но можетъ также подпасть вліянію сената, какъ нѣкогда подпала его вліянію вся республиканская магистратура, не исключая ни консулата, ни трибуната.

Въ виду отсутствія основного закона, опредѣляющаго характеръ и сферу дѣятельности новой власти, единственное средство для уясненія ея характера заключается именно въ сравненіи ея съ республиканской магистратурой, въ посильномъ выясненіи ея отношенія къ этой послѣдней и къ сенату, въ изученіи собственнаго взгляда Августа и взгляда общества на его созданіе.

Характерными чертами обыкновенной республиканской магистратуры, въ отличіе отъ царской власти и чрезвычайныхъ магистратуръ [1]), слѣдуетъ признать коллегіальность [2]), годичность и отвѣтственность всѣхъ республиканскихъ должностей и опредѣленность ихъ компетенцій [3]). Ни одинъ изъ этихъ основныхъ принциповъ республиканскаго порядка не имѣетъ значенія для власти Августа и его преемниковъ.

Такъ, Августъ, правда, подчеркиваетъ въ своей автобіографіи, что онъ имѣлъ коллегъ по трибунской власти, единственной, о которой онъ упоминаетъ [4]). Но во-первыхъ, эти коллеги имъ самимъ выбраны и лишь по его предложенію получили свою власть: очевидно, что это вовсе не тоже, что республиканская коллегіальность консуловъ или трибуновъ. Ни одинъ консулъ никогда не имѣлъ права, выбрать себѣ коллегу; народъ назначаетъ обоихъ. Далѣе, трибунская, а также и другія власти

[1]) Сюда относится древняя диктатура, децемвиратъ, диктатуры Суллы и Цезаря и тріумвиратъ.

[2]) Abriss, 191.

[3]) R. St. 2, 747.

[4]) Mon. Anc. gr. 3, 21—23: [κ]αὶ ταύτης αὐτῆς τῆς ἀρχῆς συνάρχοντα [αὐτ]ὸς ἀπὸ τῆς συνκλήτου π[εν]τάκις αἰτήσας [ἔλ]αβον.

Августа не обязательно коллегіальны: въ теченіе многихъ лѣтъ онъ пользовался ими одинъ; наконецъ, республиканскіе консулы или трибуны обладаютъ совершенно равной властью, коллеги Августа, по согласному мнѣнію всѣхъ ученыхъ, лишь неравноправные помощники. Ясно, что подобнаго рода коллегіальность лишь фиктивна [1]). Помимо этого, она, повидимому, и въ этомъ ограниченномъ смыслѣ вовсе не примѣнялась къ тѣмъ полномочіямъ, которыя дали Августу προστασία τῶν κοινῶν.

Нечего и говорить, что власть Августа не была годична. Съ другой стороны, однако, наиболѣе антиреспубликанскія полномочія его и не пожизненны. Трибунскую власть, проконсульскую, ius edicendi 19 г. и верховный понтификатъ онъ получаетъ пожизненно, лишь полномочія 27 г., включавшія προστασία τῶν κοινῶν и управленіе частью провинцій, были ему даны на десятилѣтній срокъ [2]). По истеченіи этого срока онъ еще пять разъ испрашивалъ или, повидимому противъ воли, принималъ эти права; необходимость чрезвычайныхъ полномочій всегда мотивировалась критическимъ положеніемъ государства. Уже поэтому формально нельзя признать власть Августа монархической [3]). Скорѣе всего это чрезвычайная магистратура.

При нормальныхъ условіяхъ римскій магистратъ былъ отвѣтственъ за свои дѣянія только по истеченіи срока, на

---

[1]) Первый примѣръ полной равноправности коллегъ по императорской власти относится къ 238 г., когда впервые Пупіенъ и Бальбинъ оба были pontifices maximi. Въ этомъ смыслѣ даже соправитель М. Аврелія, Л. Веръ, не стоитъ на одномъ уровнѣ съ старшимъ Августомъ. См. Amm. Marcell. 27, 6, 16.

[2]) Одинъ этотъ фактъ представляетъ чрезвычайно вѣское доказательство противъ теоріи Моммзена: очевидно, именно полномочія 27 г. больше всѣхъ другихъ были способны вызвать ропотъ.

[3]) Цезарю-отцу, наоборотъ, диктатура, включавшая всѣ полномочія Августа, была дана пожизненно. Его власть, такимъ образомъ, была чисто монархическая: монархъ только носилъ титулъ диктатора, вмѣсто царскаго титула, и имѣлъ свою власть отъ народа.

который его избрали. Но еслибы сенатъ и народъ даже и не продлили Августу его полномочій 27 года по истеченіи ихъ срока, они не могли бы привлечь пожизненнаго обладателя проконсульской и трибунской власти къ отвѣтственности. Августъ, несомнѣнно, никогда не былъ формально освобожденъ отъ отвѣтственности: пожизненное обладаніе властью само собою уничтожило ее. Если источники сообщаютъ, что Августъ докладывалъ сенату о результатахъ своей внѣшней, военной и финансовой политики, то это не отчеты, а лишь необязательныя сообщенія, которыя Августъ самъ желалъ сдѣлать высшему правительственному учрежденію государства; онъ желаетъ, чтобы общество о нихъ знало и высказывалось, а не дѣлаетъ ихъ по необходимости и ex officio. О характерѣ этихъ сообщеній мы можемъ себѣ составить понятіе по его автобіографіи: на первомъ планѣ стоятъ безкорыстіе, труды и жертвы принцепса. Пожизненность принципата Августа исключаетъ отвѣтственность, и едва-ли можно усматривать признаніе ея въ объявленіи нѣкоторыхъ принцепсовъ, напримѣръ Нерона врагами государства или въ посмертной damnatio memoriae и rescissio actorum [1]). Первое представляетъ чисто революціонный актъ, которымъ сенатъ присоединяется къ врагамъ законнаго властителя, актъ вполнѣ соотвѣтствующій той secessio plebis, ко-

[1]) Rescissio actorum, упраздненіе всѣхъ актовъ даннаго принцепса, можетъ быть результатомъ осужденія памяти, но можетъ быть рѣшена и самостоятельно. Упразднены были акты Тиберія: Dio, 59, 9, 60, 4, Гая: Suet. Claud. 11 и отчасти Каракаллы Dio 78, 9. 17, 18, а вѣроятно также Гальбы и Отона (такъ какъ они не упоминаются въ lex de imperio Vespasiani). См. также C. J. L. 10, 8038 отъ 12 Окт. м. б. 72 г. и C. J. L. 2, 1423 отъ 29 іюля 77 г.). Осужденію памяти, съ которымъ связаны лишеніе погребенія, устраненіе статуй осужденнаго, уничтоженіе его имени на надписяхъ и т. д. (см. Suet. Dom. 23, Dio 60, 4), подверглись Неронъ (Suet. Nero 49. Tac. hist. 1, 17: neque erat adhuc damnati principis exemplum), Домиціанъ (Suet. Dom. 23, но см. Dio 68, 1. Plin. 1, 5. 4, 22. Plin. ad Trai. 58), Коммодъ (Dio 73, 2. 1. Herod. 1, 16 сл. vita 18—20, но см. vita 17, 4 и особ. 17, 11), Юліанъ (Dio, 73, 17, 4. Herod. 2, 12, vita 8, 7), Максиминъ (vita 15), Элагабалъ (vita 17, 2—4).

торая привела къ низложенію децемвировъ, и, вдобавокъ, актъ довольно рѣдкій и всегда безъ исключенія рѣшенный лишь тогда, когда противъ даннаго лица уже выступилъ какой-нибудь опасный врагъ [1]). Что же касается damnatio memoriae и rescissio actorum, то по крайней мѣрѣ къ послѣдней прибѣгли раньше, и объ встрѣчаются чаще, но видѣть въ нихъ доказательство отвѣтственности принцепса, намъ кажется крайне рискованнымъ. Не говоря уже о томъ, что отвѣтственность магистрата предполагаетъ, что онъ еще живъ, нужно замѣтить, что ни въ одномъ источникѣ не высказывается подобный взглядъ: во второмъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ юридическую теорію legis de imperio, но нигдѣ нѣтъ указанія на соотвѣтственное ученіе, опредѣляющее значеніе „осужденія памяти“ принцепса въ духѣ Моммзена. Самъ Моммзенъ признаетъ, что „нельзя доказать“, возможность „настоящаго“ посмертнаго суда, но полагаетъ, что это прямо слѣдуетъ изъ того, что „несомнѣнно“ perduellis, напр., перебѣжчикъ, становится безчестнымъ, всеравно будетъ ли уголовное преслѣдованіе начато до или послѣ его смерти [2]). Доводы его, однако, мало убѣдительны, а ссылка на l. 6 C. I. 9, 8 даже доказываетъ, что судъ надъ умершимъ perduellis (въ частности надъ заговорщикомъ противъ

[1]) Herzog 2, 698: nur im Gefolge revolutionärer Bewegungen, welche erlaubten den Sturz eines tyrannischen Kaisers in legitime Formen zu bringen.

[2]) R. St. 2, 1143, пр. 3: Die Sitte dass der perduellis, wie zum Beispiel der Ueberläufer, ehrlos wird, ist uralt (Dig. 3, 2, 11, 3. 11, 7, 25) (?) und *sicher* hat es dabei nie einen Unterschied gemacht, ob gegen denselben ein Strafverfahren noch bei seinen Lebzeiten eingeleitet oder er zuvor mit dem Tode abgegangen war. *Es lässt sich nicht belegen, aber es liegt in der Consequenz*, dass auch im letzteren Fall von jeher ein eigentlicher Process hat stattfinden können, der auf die damnatio memoriae hinauslief. Gewiss ist in diesem Fall häufig die Notorietät an die Stelle des Iudicats getreten; aber es konnte doch vorkommen, dass die Thatfrage zweifelhaft, vielleicht von den Nachkommen des angeblichen Ueberläufers bestritten war, und es lässt sich nicht absehen, warum in solchen Fällen ein criminalprozessualisches Verfahren nicht hätte stattfinden können. Es kann ja gegen den perduellis nach dessen Tode auf Vermögensconfikation geklagt werden. (Cod. Just. 9, 8, 6).

принцепса) въ III вѣкѣ признавался нововведеніемъ временъ М. Аврелія [1]). Объявленіе живого принцепса врагомъ,—оно встрѣчается только относительно Нерона, Юліана и Максимина,—такъ же, какъ damnatio memoriae и rescissio actorum, не доказываютъ отвѣтственности принцепса, а лишь претензіи сената на право, съ одной стороны, низлагать принцепса, съ другой стороны утверждать или упразднять его распоряженія, сдѣланныя въ силу ius edicendi магистрата: имѣя законную силу при жизни принцепса, они нуждаются въ утвержденіи послѣ его смерти со стороны его преемника или сената. Какъ, однако, ни смотрѣть на эти акты, безспорно, что при жизни принцепса нѣтъ законныхъ, нереволюціонныхъ средствъ, привлечь его къ отвѣтственности, напримѣръ, за превышеніе власти. Это, однако, какъ сказано, разумѣется, не значитъ, чтобы принцепсъ формально былъ освобожденъ отъ всякой отвѣтственности. Какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, и тутъ вопросъ былъ рѣшенъ чисто фактически, что, разумѣется, не мѣшало этому рѣшенію, оказать немалое вліяніе на государственное развитіе.

Что касается, наконецъ, вопроса о компетенціи принцепса, то Августъ, какъ лицо избранное сенатомъ и народомъ для спасенія государства отъ опасности новыхъ смутъ и безпо-

[1]) l. 6, C. J. 9, 8 (Paulus de iudiciis publicis): Meminisse oportebit, si quid contra maiestatem imperatoris commissum dicatur, etiam post mortem rei id crimen instaurari solere, *posteaquam divus Marcus*, Depitiani utpote senatoris (по мнѣнію Моммзена, Druentianus, зять Авидія Кассія, vita Marci, 26), qui Cassiani furoris socius fuerat, bona post mortem fisco vindicari *iussit* et nostro tempore multis heredibus ablata sunt. (Marcianus libro primo de publicis iudiciis titulo ad legem Juliam maiestatis) 2. *Post divi Marci constitutionem hoc iure uti coepimus, ut etiam post mortem nocentium hoc crimen inchoari possit, ut convicto mortuo memoria eius damnetur* et bona eius successoribus eripiantur: nam ex quo sceleratissimum quis consilium cepit, exinde quodammodo sua mente punitus est. 3 *Sic et divus Severus et Antoninus constituerunt*, ex quo quis tale crimen contraxit, neque alienare neque manumittere eum posse: nec ei solvere iure debitorem Magnus Antoninus rescripsit... Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ нововведеніемъ II вѣка, цѣль котораго заключается въ усиленіи наказанія за crimen laesae maiestatis.

рядковъ, по самому существу своего положенія обладалъ вполнѣ неограниченной компетенціей, „дѣлать и производить все, что онъ сочтетъ необходимымъ въ интересахъ и ради величія божественныхъ, человѣческихъ государственныхъ, гражданскихъ отношеній“ уже въ силу προστασία τῶν κοινῶν [1]). Актъ 19 г., какъ раньше дарованіе проконсульской и трибунской власти, лишь точнѣе формулируетъ и тѣмъ самымъ подчеркиваетъ его права. Компетенція Августа—если оставить пока въ сторонѣ сферу законодательства—ограничивается не закономъ, а „конституціонными соглашеніями“, если будетъ позволено примѣнить современный англійскій терминъ. Самое существенное изъ этихъ неписанныхъ, молчаливыхъ соглашеній заключается въ томъ, что Августъ пользуется своими общегосударственными полномочіями 27 года только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и что онъ вообще (за исключеніемъ развѣ внѣшнихъ дѣлъ) не принимаетъ важныхъ общихъ мѣръ безъ совѣщанія съ сенатомъ. Управленіе его собственными провинціями а, можетъ быть, и войскомъ и, пожалуй, рѣшеніе вопросовъ внѣшней политики—такова область его спеціальной, непосредственной и постоянной дѣятельности. Вмѣшательство въ сенатское управленіе провинціями и Италіей — наиболѣе характерны тутъ случаи назначенія консуловъ, — наоборотъ, предполагаетъ какія-нибудь чрезвычайныя обстоятельства или особенно важные вопросы, требующіе участія того лица, которому сенатъ и народъ до-

[1]) По существу и Моммзенъ приписываетъ Августу право верховнаго надзора надъ государственной жизнью уже съ 27 г., но соединяетъ его съ временной консульской и постоянной трибунской властью. См. R. St. 2, 1032: Bei der Stiftung des Principats im Jahre 727 nahm Augustus die Verwaltung der Stadt Rom und Italiens zunächst nur in die Hand in der hergebrachten Form der consularischen oder der tribunicischen Gewalt und beschränkte er sich auf *die mit beiden Aemtern verfassungsmässig verknüpfte allgemeine Oberaufsicht.* Beide aber griffen in der späteren Republik eigentlich nur da in die Verwaltungsgeschäfte ein, wo es ausserordentlicher Massregeln bedurfte, und mehr hat auch Augustus anfänglich nicht für sich in Anspruch genommen.

вѣрили себя въ критическую минуту. Чѣмъ эти полномочія были шире, тѣмъ они были неопредѣленнѣе, тѣмъ неудобнѣй было ссылаться на нихъ, если условія не требовали этого настоятельно, для человѣка, такъ упорно старавшагося, сохранить внѣшній видъ республиканскаго режима, и тѣмъ болѣе, слѣдовательно, было желательно пріобрѣсти наряду съ ними менѣе широкія, менѣе антиреспубликанскія и болѣе удобопримѣнимыя полномочія. Таковъ, по крайней мѣрѣ отчасти, по нашему мнѣнію, смыслъ дарованія проконсульской и трибунской власти въ 23 г. и ius edicendi въ 19 г.: всѣ они несмотря на свою пожизненность, не имѣли такого монархическаго характера, какъ προστασία τῶν κοινῶν, и въ то же время открывали возможность болѣе постояннаго вмѣшательства въ дѣла сенатскихъ провинцій и Италіи.

Если разсмотрѣть права принцепса въ частности, въ отдѣльныхъ областяхъ государственной жизни, то результатъ и тутъ опять-таки будетъ заключаться въ томъ, что законныхъ ограниченій для власти Августа не существовало.

Исполнительная власть принцепса превышаетъ всѣ остальныя власти въ государствѣ. Помимо того, что часть провинцій, а, быть можетъ, и войско и внѣшнія дѣла въ его исключительномъ распоряженіи, онъ имѣетъ еще верховный надзоръ надъ всѣмъ управленіемъ вообще, съ неограниченнымъ правомъ останавливать дѣятельность какъ всѣхъ остальныхъ магистратовъ, такъ и сената и народа (въ силу ius intercessionis), и съ правомъ подвергать ослушниковъ наказанію (въ силу ius coercitionis). Ни одинъ магистратъ, ни даже сенатъ и народъ не имѣютъ этого права по отношенію къ нему, пока его полномочія еще не истекли или онъ еще не низложенъ.

Судебная власть его не менѣе неограниченна. Вопросъ, когда и какимъ путемъ она ему была дарована и расширена вплоть до упраздненія провокаціи, представляется, правда, спорнымъ, но что она въ случаѣ надобности была свободна отъ всякаго

соперничества не подлежитъ сомнѣнію [1]). Моммзенъ видитъ въ ней возрожденіе судебной власти древнихъ царей [2]); Карлова, согласно съ Діономъ, выводитъ ее изъ военнаго imperium надъ всей страной: тогда какъ республиканскіе магистраты имѣютъ неограниченную судебную власть только внѣ предѣловъ померіума, принцепсъ, военная власть котораго простирается и на столицу, обладаетъ ею и здѣсь [3]); Герцогъ, наоборотъ, выводитъ ее изъ вспомогательныхъ полномочій принцепса и изъ широкаго толкованія и примѣненія проконсульской власти его [4]); Мадвигъ считаетъ, что судебныя полномочія принцепса, начиная съ Августа, отчасти непосредственно покоятся на своеобразномъ расширеніи трибунской власти [5]), отчасти принадлежатъ ему, какъ предсѣдателю сената, лишь косвенно [6]) и т. д.

Изъ большого количества болѣе или менѣе остроумныхъ

---

[1]) Suet. Aug. 33: Ipse ius dixit assidue et in noctem nonnunquam, si parum corpore valeret, lectica pro tribunali collocata vel etiam domi cubans. Suet. Tib. 33; Claud. 14; Dom. 8. Dio 51, 19, 7 (въ связи съ дарованіемъ нѣкоторыхъ трибунскихъ полномочій): ..ἐκκλητόν τε δικάζειν καὶ ψῆφόν τινα αὐτοῦ ἐν πᾶσι τοῖς δικαστηρίοις ὥσπερ Ἀθηνᾶς φέρεσθαι; 53, 17, 3 (въ систематическомъ обзорѣ правъ принцепса): ..ὥστε καὶ ἐντὸς τοῦ πωμηρίου καὶ τοὺς ἱππέας καὶ τοὺς βουλευτὰς θανατοῦν δύνασθαι.

[2]) R. St. 2, 959: Es ist das alte königliche jurisdiktionelle Imperium, welches damit wieder gleichmässig im Kriminal,—wie im Civilverfahren aufersteht und gemäss dem Princip der Dyarchie durch die beiden Träger der souveränen Gewalt der römischen Gemeinde, Consuln und Senat einer- und den Princeps andererseits vollständig und gleichmässig ausgeübt wird. См. Merkel, Abhandlungen aus dem Gebiet des römischen Rechts, 2, 43 сл. Подробнѣе Моммзенъ останавливается на этомъ вопросѣ въ своемъ послѣднемъ трудѣ по римскому уголовному праву. Ср. Röm. Strafrecht стр. 260 пр. 2: Auf die Frage in welcher Weise die richterliche Amtsgewalt des Princeps begründet ist, giebt Antwort allein Dio 51, 19 (ср. предыд. прим.)... Dieses Kaiserrecht also wird angeknüpft an die tribunicische Gewalt und als solche auch titular zum Ausdruck gebracht... См. впрочемъ ib. 264:... ist der Kaiserprozess in der That die Handhabung des Kriegsrechts...

[3]) Karlowa, 1, 498—499.

[4]) Herzog, 2, 721—724.

[5]) Verf. und Verw. 2, 263.

[6]) Ib. 1, 567—570.

гипотезъ о происхожденіи судебной власти императоровъ прежде всего явствуетъ, что мы ничего точнаго на этотъ счетъ не знаемъ и не можемъ узнать, но фактъ самъ по себѣ не подлежитъ сомнѣнію: народъ совершенно устраненъ отъ суда, уголовныя дѣла перешли къ принцепсу, сенату и quaestiones perpetuae [1]). Каждое гражданское дѣло въ силу аппелляціи можетъ быть передано на разсмотрѣніе принцепса и сената. По уголовнымъ дѣламъ, съ политической точки зрѣнія, разумѣется, болѣе важнымъ, судебная власть принцепса выше судебной власти сената, какъ власть сената выше quaestiones perpetuae [2]).

Остается область законодательства. Что принцепсъ не можетъ давать законовъ въ собственномъ смыслѣ, мы уже видѣли. Зато онъ владѣетъ, во-первыхъ, неограниченнымъ правомъ распоряженій, которыя при его жизни равносильны законамъ, и, во-вторыхъ, широкой долей участія при законодательствѣ въ собственномъ смыслѣ. Право давать законы при Августѣ попрежнему остается за народнымъ собраніемъ, но въ качествѣ обладателя трибунской власти онъ имѣетъ какъ право иниціативы наряду съ консулами, преторами и трибунами, такъ и ius intercessionis. Безъ его открытаго или молчаливаго согласія ни одинъ законъ не можетъ быть, ни подвергнутъ голосованію, ни тѣмъ болѣе принятъ. То же самое относится и къ сенатусконсультамъ, которые, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе начинаютъ замѣнять законы [3]): ничего не мѣшаетъ ему примѣнить и здѣсь свое veto, и намъ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда принцепсы его дѣйствительно примѣняли [4]). По

---

[1]) Гражданскія дѣла никогда не рѣшались народнымъ собраніемъ.

[2]) Willems, Droit public, 455; R. St. 2, 963.

[3]) Послѣ Августа настоящіе законы были даны еще при Тиберіи, Клавдіи и, послѣдній намъ извѣстный,—при Нервѣ.

[4]) Tac. Ann. 1, 13. 3, 70. 14, 48. Dio, 53, 17, 9. 60, 4, 5. Suet. Tib. 33: Ac primo eatenus interveniebat, ne quid perperam fieret. Itaque et constitutiones senatus quasdam rescidit....

отношенію къ законодательству положеніе принцепса, такимъ образомъ, въ силу права распоряженій и права veto, не менѣе властное, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ сферахъ.

Итакъ, ни одна изъ характерныхъ чертъ республиканской магистратуры не сохраняетъ своего значенія относительно принципата [1]): одна лишь фиктивная срочность его наиболѣе нереспубликанскихъ полномочій сближала Августа съ прежними магистратами, и только въ силу нея невозможно согласиться съ Діономъ, который называетъ новый строй монархіей. Принципатъ Августа не монархія, *особенно не монархія въ античномъ смыслѣ*, а чрезвычайная магистратура.

Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и вышеприведенныя слова Августа въ его автобіографіи. Разсказавъ о томъ, какъ онъ въ 28 и 27 гг. передалъ государство изъ своей власти въ распоряженіе сената и народа, и о тѣхъ почестяхъ, которыми его осыпали за эту „заслугу“, онъ, какъ мы видѣли, продолжаетъ: „послѣ этого времени я превосходилъ всѣхъ почетностью своего положенія, власти же не имѣлъ нисколько больше тѣхъ, кто были моими коллегами по магистратурѣ“. Моммзенъ находитъ, что это утвержденіе перваго императора не противорѣчитъ истинѣ [2]), но, въ другомъ мѣстѣ, и самъ признаетъ необходимость внести нѣкоторыя ограниченія [3]). Аргументація его сводится къ тому, что „Августъ могъ утверждать, что онъ прежде имѣлъ чрезвычайныя (учредительныя) полномочія тріумвира, а позже пользовался лишь обыкновенными конституціонными правами (postea ordinario iure se

[1]) Сюда можно прибавить, что другое важное условіе республиканской жизни I вѣка до нашей эры, возможность интерцессіи противъ любого магистрата, отпадаетъ по отношенію къ принцепсу, который, вѣроятно, былъ и формально освобожденъ отъ интерцессіи обыкновенныхъ трибуновъ.

[2]) Res gestae, 147: nec refragatur rerum memoria vera.

[3]) Ib., 148: et vere id Augustus contendit; sed tamen ne nimium dixisse videamur, accuratius paulo res definienda est et moderatione quadam adhibita temperanda.

usum esse), т.-е. не имѣлъ позднѣе власти, которая по своимъ полномочіямъ и по самой природѣ своей (sua et vi et natura) была чрезвычайной (?); онъ не отрицаетъ (?), что принадлежавшія ему, формально конституціонныя, полномочія были такъ увеличены разными добавленіями, что онъ имѣлъ законную власть, превышавшую власть другихъ магистратуръ и отличавшуюся отъ тріумвирской только отсутствіемъ названія [1]); онъ, наоборотъ, самъ объ этомъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (gr. 3,19 sequ.) замѣчая, что проводилъ то, что̀ нужно было сдѣлать внѣ обычнаго порядка (si qua extra ordinem sibi perficienda essent), въ силу трибунской власти“ [2]). Согласиться съ взглядомъ Моммзена въ этой формѣ, намъ кажется совершенно невозможнымъ. Не говоря уже о томъ, что упоминая о своей трибунской власти, Августъ ни словомъ не обмолвился о расширеніи связанной съ нею компетенціи и, наоборотъ, старается ослабить самое упоминаніе о ней заявленіемъ, что „и для этой самой власти я пять разъ испросилъ себѣ у сената товарища“ [3]), никакія конституціонныя фикціи не давали ему права, утверждать, что „онъ превосходилъ всѣхъ остальныхъ только почетностью своего положенія (dignitate), правъ же не имѣлъ нисколько больше тѣхъ, кто были и его товарищами по магистратурѣ“. Все, что намъ извѣстно о конституціонномъ положеніи Августа, прямо противорѣчитъ этой оффиціальной теоріи. Человѣкъ, имѣвшій въ

[1]) См. ib. по поводу ius edicendi: imperium hoc licet nec re nec tempore nec loco finitum et extraordinarium vel maxime, nihilo minus applicatum quodammodo ad imperia ordinaria, Augusto mandata, iure ab iis pependit. Какъ выше уже сказано, оно, по теоріи Моммзена, было applicatum къ трибунской власти.

[2]) R. g. стр. 148.

[3]) Въ высшей степени характерно для всего духа его res gestae, что Августъ не называетъ своихъ коллегъ по трибунской власти. То были его другъ, помощникъ и зять, М. Випсаній Агриппа (получилъ трибунскую власть въ 18 и 13 г. до н. э.), и его, усыновленный впослѣдствіи, пасынокъ Тиберій (получилъ трибунскую власть въ 6 г. до и въ 4 и 14 г. послѣ Р. Хр.).

своемъ распоряженіи всѣ войска, часть провинцій и надзоръ надъ другими, трибунскую власть и такое право распоряженій какъ Августъ (мы оставляемъ въ сторонѣ προστασία τῶν κοινῶν, такъ какъ Моммзенъ ея не признаетъ), не стоитъ на одномъ уровнѣ съ республиканскими магистратами. Слова Августа имѣютъ хоть нѣкоторый смыслъ, только если имѣть въ виду, что и его власть, во-первыхъ, формально основывается на избраніи сенатомъ и народомъ [1]), во-вторыхъ, не содержитъ учредительныхъ полномочій [2]) и въ-третьихъ, по крайней мѣрѣ отчасти и формально, срочна. Только въ виду этихъ трехъ пунктовъ—и главнымъ образомъ третьяго [3])—съ современной точки зрѣнія и можно говорить о республиканскомъ характерѣ его власти и признавать его „лишнимъ должностнымъ лицомъ“.

Но каково было отношеніе этого „лишняго должностного лица“ къ другимъ должностнымъ лицамъ, къ сенату и къ народному собранію?

Мы ужъ видѣли, что въ критическую минуту Августъ и послѣ 27 г. могъ назначить консуловъ [4]) или поставить рядомъ съ ними своего уполномоченнаго въ столицѣ, обязаннаго, возстановить порядокъ [5]), что̀ неизбѣжно должно было привести къ вмѣшательству въ самую интимную сферу сенатско-консульскаго режима. Въ силу трибунской власти онъ могъ запретить и консуламъ и всѣмъ другимъ магистратамъ всякаго рода дѣятельность, чего они не могли сдѣлать по отно-

---

[1]) Этимъ она отличается отъ его власти за время отъ 32 до 27 г., когда онъ былъ per consensum universorum potitus rerum omnium. Тріумвиромъ, наоборотъ, онъ былъ въ силу lex Titia 43 г.

[2]) Этимъ она отличается отъ тріумвирата rei publicae constituendae.

[3]) Наполеонъ I и Наполеонъ III также формально пріобрѣли свою власть въ силу плебисцитовъ, т.-е. въ силу избранія суверенным народомъ, что имъ не мѣшало быть монархами. Отсутствіе учредительной власти въ свою очередь одно изъ характерныхъ отличій ограниченной монархіи. Остается одна срочность власти, см. выше.

[4]) См. выше стр. 98.

[5]) См. выше стр. 98.

шенію къ нему. Его проконсульская власть давала ему imperium maius надъ всѣми сенатскими намѣстниками. Очевидно, въ случаѣ надобности принцепсъ самымъ чувствительнымъ образомъ можетъ проявить свою власть. На практикѣ, сколько намъ извѣстно, лишь изрѣдка приходилось, прибѣгать къ ней, и то не вслѣдствіе неповиновенія, а вслѣдствіе безпомощности или неудовлетворительности республиканской магистратуры: страхъ предъ властью Августа и его преемниковъ такъ силенъ, что мы почти вовсе не встрѣчаемъ открытой оппозиціи, меньше всего среди магистратуры; недовольствіе высказывается въ формѣ пассивной оппозиціи, въ заговорахъ и мятежахъ. Противъ пассивной оппозиціи—напр., отсутствія кандидатовъ на трибунатъ [1])—иногда принимались мѣры; противъ заговоровъ и мятежей нѣтъ иного средства кромѣ примѣненія силы. Помимо теоретически возможныхъ случаевъ неповиновенія, высшая власть принцепса, разумѣется, могла бы найти себѣ примѣненіе и въ обычное время: замѣчательно, однако, что мы не узнаемъ о прямыхъ приказаніяхъ, данныхъ принцепсомъ консуламъ или другимъ магистратамъ. Что онъ имѣлъ право приглашать ихъ къ тому или иному дѣйствію, едва-ли сомнительно, но что эти приглашенія, по крайней мѣрѣ при Августѣ, Тиберіи и всѣхъ лучшихъ императорахъ I и II вѣка, не принимали форму приказаній, повидимому, также вѣрно. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь предъ собою такое же общее правило—или конституціонное соглашеніе—какъ то, на которое раньше было указано въ области взаимныхъ отношеній принцепсовъ и сената въ теченіе I и II вѣка. Нарушеніе его было бы признано актомъ неконституціоннымъ, хотя въ немъ бы и не заключалось ничего прямо незаконнаго.

При такихъ условіяхъ чрезвычайно сложный и запутанный вопросъ о вліяніи Августа на избраніе магистратовъ въ значительной мѣрѣ теряетъ практическое значеніе. Признать его совершенно безразличнымъ, однако нельзя, какъ потому, что зна-

[1]) См. ниже стр. 177.

чительная часть уполномоченныхъ принцепса назначалась изъ числа бывшихъ преторовъ и консуловъ, такъ и потому, что поступленіе въ сенатъ при нормальныхъ условіяхъ было соединено съ пріобрѣтеніемъ квестуры.

Въ самомъ дѣлѣ, должностныя лица временъ имперіи распадаются на нѣсколько категорій, смотря по тому, отъ кого они имѣютъ свою власть, и къ какому сословію они принадлежатъ.

Часть ихъ непосредственно назначается императоромъ. Согласно съ политикой примиренія по отношенію къ сенату и съ аристократической соціальной политикой Августа, онъ при этомъ предоставилъ всѣ сколько-нибудь важныя должности сенаторамъ и всадникамъ, причемъ наиболѣе почетныя, въ свою очередь, достались первымъ. Уже съ 27 года изъ сенаторовъ назначались намѣстники провинцій принцепса (legati Augusti pro praetore),—причемъ часть этихъ провинцій предоставлялась бывшимъ консуламъ, часть бывшимъ преторамъ; сенаторами также должны были быть начальники легіоновъ, legati Augusti legionum [1]). Послѣ подчиненія шоссейнаго дѣла, акведуктовъ и заботы объ общественныхъ постройкахъ Августу, къ этимъ сенаторскимъ должностямъ прибавились еще новыя [2]). Временно въ ихъ составъ входили и должности по заботѣ о продовольствіи столицы [3]).

Всадникамъ были предоставлены Египетъ (praefectus Aegypti), Норикъ, Реція и мелкія альпійскія провинціи, фискальныя прокуратуры, какъ въ провинціяхъ Августа, такъ и въ провинціяхъ сената [4]), и офицерскія должности [5]). Съ те-

[1]) При Августѣ званіе vir praetorius еще не было обязательно для послѣднихъ. Borghesi, Oeuvres, 5, 474. Marquardt, 1, 551.

[2]) См. выше стр. 144.

[3]) Отъ 22 года до Р. Хр. до 8/14 года послѣ Р. Хр. См. выше стр. 143 пр. 2.

[4]) Въ видѣ исключенія встрѣчается и назначеніе либертовъ прокураторами.

[5]) Praefectus cohortis вспомогательныхъ войскъ, tribunus cohortis легіона, praefectus alae и tribunus legionis. Трибунами легіона могли быть

ченіемъ времени сюда присоединились praefecti praetorio (во 2 г. до Р. Х. [1]), praefectus vigilum (въ 6 г. послѣ Р. Х.) praefectus annonae (между 8 и 14 годомъ послѣ Р. Х. [2]), а также префекты Мизенскаго и Равеннскаго флота [3]). Важность такихъ должностей, какъ преторіанская префектура или префектура Египта, бросается въ глаза и систематическое устраненіе сенаторовъ отъ нихъ, очевидно, представляетъ чрезвычайно серьезную предосторожность противъ всякихъ властолюбивыхъ поползновеній сената.

Таковы должностныя лица, непосредственно назначаемыя Августомъ; назначеніе не было распространено только на настоящую республиканскую магистратуру и на нѣсколько новыхъ должностей, созданныхъ при Августѣ.

Что касается послѣднихъ, то три praefecti aerarii militaris (съ 6 г. послѣ Р. Х.) избираются изъ числа бывшихъ преторовъ по жребію: очевидно, Августъ не хотѣлъ подчеркнуть полную зависимость военной казны отъ него назначеніемъ ея начальниковъ, но, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, не пожелалъ также предоставить сенату ихъ избраніе [4]).

и сыновья сенаторовъ, еще не бывшіе квесторами, т.-е. еще не поступившіе въ сенатъ. Это, такъ называемые, tribuni laticlavii.

[1]) Dio 55, 10, 10: ἐπάρχους τῶν δορυφόρων τότε πρῶτον Κόιντον τε Ὀστώριον Σκαπούλαν καὶ Πούπλιον Σάλουιον Ἄπρον ἀπέδειξε.

[2]) См. выше стр. 143 пр. 2.

[3]) Suet. Aug. 49: classem Miseni et alteram Ravennae ad tutelam superi et inferi maris conlocavit. (Ср. Dio 55, 24, 5). Tac. Ann. 4, 5: Italiam utroque mari duae classes, Misenum apud et Ravennam, proximumque Galliae litus rostratae naves praesidebant, quae Actiaca victoria captas Augustus in oppidum Foroiuliense miserat valido cum remige. Въ качествѣ начальниковъ флота встрѣчаются и либерты, особенно при Клавдіи и Неронѣ. См. Hirschfeld, Untersuchungen, 1, 123, прим. 4.

[4]) Dio 55. 25, 2: ἐσήνεγκεν ὁ Αὔγουστος χρήματα καὶ ὑπὲρ ἑαυτοῦ καὶ ὑπὲρ τοῦ Τιβερίου ἐς τὸ ταμιεῖον, ὃ καὶ στρατιωτικὸν ἐπωνόμασε, καὶ τρισὶ τῶν ἐστρατηγηκότων τοῖς λαχοῦσιν ἐπὶ τρία ἔτη διοικεῖν προσέταξε.. καὶ τοῦτο καὶ ἐπὶ πλείῳ ἔτη κατὰ διαδοχὴν ἐγένετο. νῦν γὰρ αἱροῦνται πρὸς τοῦ ἀεὶ αὐτοκράτορος. Когда императоръ пріобрѣлъ право назначать ихъ, въ точности неизвѣстно.

Въ 56 г. управленіе aerarii Saturni было поручено двумъ назначаемымъ принцепсомъ praefecti (изъ бывшихъ преторовъ).

Остается, выяснить его отношеніе къ республиканской магистратурѣ.

Въ эпоху республики избраніе магистратовъ всецѣло принадлежало народу. Всѣ полноправные граждане по закону имѣли одинаковое пассивное и активное избирательное право. Единственное нормальное ограниченіе заключалось въ установленіи опредѣленнаго возраста для занятія отдѣльныхъ магистратуръ, въ законномъ порядкѣ прохожденія магистратуры, наконецъ, въ запрещеніи кумуляціи и немедленнаго вторичнаго избранія на ту же должность. Но эти ограниченія были одинаково обязательны для всѣхъ. Каждый могъ избирать и быть избранъ вигинтивиромъ, квесторомъ, эдиломъ и т. д. [1]). Фактически, должности находились въ рукахъ нобилитета, и лишь очень немногимъ счастливцамъ удавалось, проникнуть въ сенатъ, но законнаго ограниченія пассивныхъ избирательныхъ правъ не было.

Однимъ изъ существеннѣйшихъ нововведеній Августа въ виду этого нельзя не признать введеніе ценза для лицъ, добивающихся магистратуры. Діонъ упоминаетъ объ этомъ распоряженіи по поводу второй цензуры Августа въ 18 году [2]) и замѣчаетъ, что въ концѣ концовъ цензъ былъ опредѣленъ въ милліонъ сестерціевъ [3]).

---

[1]) Исключеніе составляетъ трибунатъ, по закону не доступный патриціямъ.

[2]) Августъ исполнялъ ценсорскія функціи consulari cum imperio въ 29—28 и въ 18 году до Р. Хр. и въ 4 г. послѣ Р. Хр. О первой ценсурѣ см. выше, о второй Dio, 54, 13—17, о третьей Діонъ, 55, 13, 3 сл.

[3]) Dio 54, 17, 3: τάς τε ἀρχὰς ἅπασι τοῖς δέκα μυριάδων οὐσίαν ἔχουσι καὶ ἄρχειν ἐκ τῶν νόμων δυναμένοις ἐπαγγέλειν ἐπέτρεψε. τοσοῦτον γὰρ τὸ βουλευτικὸν τίμημα τὴν πρώτην εἶναι ἔταξεν, ἔπειτα καὶ ἐς πέντε καὶ εἴκοσι μυριάδας αὐτὸ προσήγαγε. Ср. ib. 26, 3: ἐπειδὴ γὰρ τὸ μὲν πρῶτον δέκα μυριάδων τὸ τίμημα αὐτοῖς ὥριστο διὰ τὸ συχνοὺς τῶν πατρῴων ὑπὸ τῶν πολέμων ἐστερῆσθαι, προϊόντος δὲ τοῦ χρόνου καὶ τῶν ἀνθρώπων περιουσίας κτωμένων, ἐς πέντε καὶ εἴκοσι προήχθη. Первоначально, такимъ образомъ, по Діону сенаторскій цензъ былъ опредѣленъ въ 400.000 сестерціевъ и (послѣ 18, но до 12 года, Dio 54, 30, 1) былъ повышенъ. Противъ этого говоритъ, что въ такомъ случаѣ сенаторскій цензъ

Несмотря на очевидное огромное значеніе этой мѣры, устранявшей всю массу населенія разъ на всегда отъ надежды на магистратуру и на мѣсто среди сенаторовъ, Августъ, по мнѣнію Моммзена, не довозьствовался однимъ цензомъ для ограниченія пассивнаго избирательнаго права: по закону или распоряженію Августа, выставлять свою кандидатуру, впредь могли только лица, принадлежавшія по происхожденію къ сенаторскому сословію или получившія отъ императора внѣшнее отличіе сенаторскаго званія, latus clavus.

Противъ этого взгляда Моммзена говоритъ, однако, прежде всего тотъ фактъ, что о законномъ исключеніи всѣхъ лицъ несенаторскаго происхожденія отъ магистратуры не говорится нигдѣ: какъ Светоній и Діонъ, такъ и Овидій и оба Плинія [1]) упоминаютъ только о цензѣ, и трудно допустить, чтобы они могли не обратить никакого вниманія на мѣру такой первостепенной важности, какъ превращеніе магистратуры въ наслѣдственное достояніе сенаторовъ.

Далѣе нужно замѣтить, что такая мѣра имѣла бы только тогда смыслъ, еслибъ она, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствовала бы желанію самихъ сенаторовъ: ихъ сочувствіе въ такомъ случаѣ хоть сколько-нибудь могло бы искупить неблагопріятное впечатлѣніе на остальное общество. Между тѣмъ, къ числу самыхъ характерныхъ явленій времени Августа какъ разъ принадлежитъ стремленіе удалиться отъ политической жизни,

---

былъ бы такой же, какъ всадническій, установленный закономъ трибуна Л. Росція Отона въ 67 году до Р. Хр. (см. Mommsen R. St. 3, 499 пр. 2 и 3, 520 пр. 1). Вѣроятно мы здѣсь имѣемъ дѣло съ недоразумѣніемъ Діона.

Слова Светонія Aug. 41: senatorum censum ampliavit ac pro octingentorum millium summa duo decies sestertium (= 1.200.000) taxavit... невѣрны по крайней мѣрѣ относительно послѣдней цифры. Ср. Mommsen, R. St. 1, 498, пр. 1.

[1]) Ovid. Amor. 3, 8, 55: curia pauperibus clausast: dat census honores; inde gravis iudex, inde severus eques. Plin. h. n. 14, 1, 5: postquam senator censu legi coeptus, iudex fieri censu... Plin. ad Trai 4.—Ср. Mommsen, R. St. 2, 498, пр. 1.

доходившее до того, что становилось невозможнымъ, замѣщать вакантныя должности нормальнымъ путемъ. „Не находилось", говоритъ Діонъ, „никого, кто бы охотно сталъ сенаторомъ". Дѣти сенаторовъ такъ мало цѣнили сенаторское званіе, что не только не добивались его, но даже, пріобрѣвъ его, снова отказывались, пользуясь предлогомъ, что они не имѣютъ законнаго ценза [1]). Да, вообще говоря, такое настроеніе вполнѣ понятно: магистратура такъ же точно потеряла свое политическое значеніе, какъ и сенатъ, борьба съ принцепсомъ была физически невозможна, вся государственная жизнь находилась подъ его властной опекой, и общество, утомленное войнами и ужасами предшествующаго времени, принялось за болѣе или менѣе буйное прожиганіе жизни. Что при такомъ отношеніи къ жизни болѣе выгодно, не имѣть никакихъ постоянныхъ обязанностей, понялъ уже Меценатъ: одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Августа, онъ, чтобы не связывать себя, никогда не пожелалъ занять, достойное его фактическаго вліянія, оффиціальное положеніе.

При такихъ условіяхъ было желательно не дальнѣйшее

---

[1]) Dio 54, 26, 3 сл.: οὐκετ' οὐδεὶς ἐθελοντὶ βουλεύσων εὑρίσκετο, ἀλλὰ καὶ παῖδές εἰσιν καὶ ἔγγονοι βουλευτῶν, οἱ μὲν ὡς ἀληθῶς πενόμενοι, οἱ δὲ καὶ ἐκ συμφορῶν προγονικῶν τεταπεινωμένοι, οὐχ ὅσον οὐκ ἀντεποιοῦντο τοῦ βουλευτικοῦ ἀξιώματος, ἀλλὰ καὶ προσκατειλεγμένοι ἤδη ἐξώμνυντο.

Параллельно съ этимъ мы встрѣчаемъ указанія на стремленіе, избавиться отъ военной службы. См. Dio 56, 23, 2—4 (по поводу гибели германскихъ легіоновъ въ Тевтобургскомъ лѣсу): ἐπειδὴ μηδεὶς τῶν τὴν στρατεύσιμον ἡλικίαν ἐχόντων καταλεχθῆναι ἠθέλησεν, ἐκλήρωσεν αὐτούς, καὶ τῶν μὲν μηδέπω πέντε καὶ τριάκοντα ἔτη γεγονότων τὸν πέμπτον, τῶν δὲ πρεσβυτέρων τὸν δέκατον ἀεὶ λάχοντα τήν τε οὐσίαν ἀφείλετο καὶ ἠτίμωσε καὶ τέλος, ὡς καὶ πάνυ πολλοὶ οὐδ' οὕτω τι αὐτοῦ προετίμων, ἀπέκτεινέ τινας. Если въ данномъ случаѣ мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло съ паникой, хотя и очень характерной, то масса отзывовъ современныхъ поэтовъ ясно доказываетъ, какъ враждебно римская „золотая молодежь" относилась ко всякому серіозному дѣлу, и особенно къ военному. Декламаціи противъ войны одна изъ излюбленныхъ темъ этого времени. Особенно часто онѣ встрѣчаются у Овидія, Тибулла и Проперція. См. также Vell. 2, 30, 2: quanta cum quiete hominum rem perpetui praecipuique timoris, supplementum, sine trepidatione dilectus providet.

ограниченіе круга кандидатовъ, а обезпеченіе возможности заполнить вакантныя должности. Согласно съ этимъ, мы нѣсколько разъ читаемъ, что Августъ „заставлялъ“ лицъ, имѣющихъ сенаторскій цензъ, занимать разнаго рода должности— особенно мало охотниковъ было на трибунатъ — а въ крайнихъ случаяхъ обращался и къ всадникамъ. Такъ, въ 13 году, еще до его возвращенія изъ Галліи, сенатъ постановилъ, чтобы вигинтивиры были избраны изъ лицъ съ цензомъ всадниковъ, а трибуны назначены по жребію изъ числа бывшихъ квесторовъ, еще не достигнувшихъ сорокалѣтняго возраста. Вернувшись въ Римъ, Августъ послѣ этого просмотрѣлъ списокъ лицъ съ сенаторскимъ цензомъ и „заставилъ“ всѣхъ имѣвшихъ не менѣе 35 лѣтъ, „быть сенаторами“, т.-е., нужно думать, обязалъ ихъ, добиваться республиканскихъ магистратуръ [1]). Въ 12 году опять такъ мало лицъ пожелало выставить свою кандидатуру на трибунатъ— „вслѣдствіе того, что ихъ могущество было уничтожено“ (трибунской властью Августа),—что снова пришлось, прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Съ этой цѣлью былъ данъ законъ, которымъ предписывалось каждому изъ активныхъ магистратовъ, предложить по одному лицу изъ всадниковъ, имѣвшихъ состояніе не менѣе чѣмъ въ милліонъ сестерцій, съ тѣмъ чтобы народъ затѣмъ выбралъ изъ нихъ трибуновъ. Избраннымъ предоставлялось по окончаніи срока ихъ трибуната, либо поступить въ число сенаторовъ, либо, если они того пожелаютъ, снова вернуться въ сословіе всадниковъ [2]). Въ

[1]) Dio 54, 26, 5: ..δόγμα ἐγένετο τοὺς εἴκοσι καλουμένους ἄνδρας ἐκ τῶν ἱππέων ἀποδείκνυσθαι. ib. 7: (ἐψηφίσθη καὶ) ἵν' ἐπειδὴ μηδεὶς ἔτι ῥαδίως τὴν δημαρχίαν ἥτει, κλήρῳ τινὲς ἐκ τῶν τεταμιευκότων καὶ μήπω τεσσαράκοντα ἔτη γεγονότων καθιστῶνται. τότε δὲ αὐτὸς πάντας αὐτοὺς ἐξήτασε, καὶ τὰ μὲν τῶν ὑπερ πέντε καὶ τριάκοντα ἔτη γεγονότων οὐκ ἐπολυπραγμόνησε, τοὺς δὲ ἐντός τε τῆς ἡλικίας ταύτης ὄντας καὶ τὸ τίμημα ἔχοντας βουλεῦσαι κατηνάγκασε, χωρὶς ἢ εἴ τις ἀνάπηρος ἦν, О послѣднемъ см. Herzog, Gesch. und Syst. 2, 819 пр. 2.

[2]) Dio 54, 30, 2: τήν τε δημαρχίαν ὀλίγων σφόδρα διὰ τὸ τὴν ἰσχὺν σφων καταλελύσθαι αἰτούντων, ἐνομοθέτησεν ἐκ τῶν ἱππέων τῶν μὴ ἔλαττον πέντε καὶ εἴκοσι

5 году послѣ Р. Хр. не оказалось кандидатовъ на эдилитетъ, такъ что эдилы были назначены по жребію изъ бывшихъ квесторовъ и бывшихъ трибуновъ, „какъ это и въ другіе годы неоднократно случалось“ [1]). Наконецъ, въ 12 году послѣ Р. Хр., Августъ снова былъ принужденъ, заставить лицъ съ всадническимъ цензомъ, ставить свою кандидатуру на трибунатъ [2]).

Если прибавить къ этому, что Августъ нѣсколько разъ оказался вынужденнымъ, принимать мѣры противъ систематическаго стремленія сенаторовъ, избавиться отъ своей сбязанности, посѣщать сенатскія засѣданія [3]), то едва-ли останется сомнѣніе, что предполагаемую Моммзеномъ монополію сенаторскаго сословія на магистратуру, по крайней мѣрѣ при Августѣ, нужно скорѣе разсматривать, какъ обязанность, по необходимости возложенную имъ на нобилитетъ [4]).

На нашъ взглядъ, дѣло представлиется слѣдующимъ образомъ. Когда Августъ всталъ во главѣ государства, фактически

μυριάδας κεκτημένων προβάλλεσθαι τοὺς ἐν ταῖς ἀρχαῖς ἕνα ἕκαστον, κἀκ τούτων τὸ πλῆθος τοὺς ἐνδέοντας αἱρεῖσθαι σφισιν, εἰ μὲν καὶ βουλεύειν μετὰ τοῦτ' ἐθέλοιεν, εἰ δὲ μή, ἐς τὴν ἱππάδα αὖθις ἐπανιέναι ἐξεῖναι. Suet. Aug. 40: comitiis tribuniciis si deessent candidati senatores, ex equitibus romanis creavit, ita ut potestate transacta in utro vellent ordine manerent.

[1]) Dio 55, 24, 9: ἐπειδή τε μηδεὶς ἀγορανομῆσαι ἑκὼν ἤθελεν, ἠναγκάσθησαν ἔκ τε τῶν τεταμιευκότων καὶ ἐκ τῶν δεδημαρχηκότων κλήρῳ τινὲς αὐτὸ ποιῆσαι, καὶ τοῦτο καὶ ἄλλοτε πολλάκις ἐγένετο.

[2]) Dio 56, 27, 1: τοῖς ἱππεῦσι δημαρχίαν αἰτῆσαι ἐπέτρεψε...

[3]) Dio 54, 18, 3 (къ 17 году до Р. Хр.): ἐπειδή τε ἀσπουδεὶ οἱ βουλευταὶ ἐς τὸ συνέδριον συνεφοίτων, ἐπηύξησε τὰς ζημίας τοῖς οὐκ ἐξ εὐλόγου τινὸς αἰτίας ὑστερίζουσι. 54, 35, 1: ὁρῶν δὲ ὅτι οὐκ ἀεὶ συχνοὶ συνελέγοντο, ἐκέλευσε τὰ δόγματα αὐτῆς (= τῆς βουλῆς) καὶ ἐν ἐλάττοσιν ἢ τετρακοσίοις (изъ 600) γίγνεσθαι. οὐ γὰρ ἐξῆν τινα ἐκ τοῦ πρὶν ἄλλως κυροῦσθαι. 55, 26, 2 касается исключительнаго случая. Ср. Festus 170 (Bruns Fontes p. 347): „numera senatum“ ait quivis senator consuli, cum impedimento vult esse, quo minus faciat Sc., postulatque, ut aut res, quae referuntur, dividantur, aut singuli consulantur, aut si tot non sint senatores, quo numero liceat perscribi Sc. См. Sc. de Bacchanalibus, 186 г. до Р. Хр. (Bruns Fontes 151 = C. J. L. 1, 43 n. 196): dum ne minus senatoribus C. adesent (quom e)a res cosoleretur.

[4]) Ср. Dio 59, 20, 4: τῶν σπουδαρχιόντων μάλιστα μὲν μὴ πλειόνων ἢ ὅσους αἱρεῖσθαι ἐπαγγελόντων, εἰ δέ ποτε ὑπὲρ τὸν ἀριθμὸν γένοιντο διομολογουμένων πρὸς ἀλλήλους, τὸ μὲν σχῆμα τῆς δημοκρατίας ἐσώζετο, ἔργον δ' οὐδὲν αὐτῆς ἐγίγνετο.

всѣ должности находились въ рукахъ нобилитета, т.-е. сенаторской корпораціи, и, при его стремленіи, примирить сенатъ съ совершившимся паденіемъ его всемогущества, вполнѣ понятно, что Августъ сохранилъ обычный порядокъ, но не въ силу закона, о которомъ ничего не извѣстно, а въ силу постояннаго фактическаго соблюденія установившагося обычая. Охранять этотъ обычай особымъ закономъ, не представлялось никакого основанія, такъ мало находилось желающихъ пріобрѣтать магистратуры. Наоборотъ, вскорѣ выяснилась необходимость, обезпечить занятіе вакантныхъ должностей и, можетъ быть, съ этой цѣлью и былъ введенъ сенаторскій цензъ: въ такомъ случаѣ введеніе его означало бы, что всѣ лица, принадлежавшія къ нобилитету и обладавшія состояніемъ въ милліонъ сестерціевъ, *были обязаны* выставлять свою кандидатуру на магистратуры [1]). И при такихъ условіяхъ, однако, цѣль еще не достигалась вполнѣ и приходилось распространять эту *обязанность* и на всадниковъ: при различномъ традиціонномъ направленіи дѣятельности обоихъ классовъ [2]) и политической желательности сохраненія обоихъ въ интересахъ самого принципата [3]), законное распространеніе этой обязанности на весь классъ всадниковъ представлялось, однако, неудобнымъ, и поэтому обращеніе къ всадникамъ всегда оставалось исключительной мѣрой.

Ясно, что принципатъ такимъ образомъ возстановилъ первоначальный характеръ магистратуры, принять которую

[1]) См. Dio 54, 57, 3: τάς τε ἀρχὰς ἅπασι τοῖς δέκα μυριάδων οὐσίαν ἔχουσι καὶ ἄρχειν ἐκ τῶν νόμων δυναμένοις ἐπαγγέλειν ἐπέτρεψε. Herzog 2, 818 видитъ въ цензѣ педагогическую мѣру: obwohl dessen (des Senatorencensus) Bedeutung, da ja vorher schon doch nur die besitzende Klasse die Bewerbung um die Magistratur hatte durchführen können, nicht in der Fernhaltung der Nichtbesitzenden, sondern gegenüber der vielfachen Vermögenszerrüttung der republikanischen Aristokratie in einer pädagogischen Disciplin für dieselbe lag.

[2]) Вспомнимъ lex Claudia 218 года.

[3]) Этимъ обезпечивалась, какъ ихъ конкурренція, такъ возможность выбирать спеціально-императорскихъ помощниковъ изъ всадниковъ.

составляло не только честь, но и обязанность гражданина [1]). Распространить эту обязанность на всѣхъ гражданъ было, однако, невозможно, какъ въ виду того, что магистратура нетолько не оплачивалась, но и влекла за собой большіе расходы, такъ и потому, что это одинаково противорѣчило, какъ аристократическимъ наклонностямъ Августа, такъ и взглядамъ его современниковъ [2]); распространить ее одинаково на нобилитетъ и всадниковъ, значило бы вызвать фактическое сліяніе этихъ двухъ классовъ, неудобное для власти. Въ результатѣ, обязанность, вступать въ ряды магистратовъ и сенаторовъ, была возложена спеціально на ту часть нобилитета, которая располагала состояніемъ не менѣе чѣмъ въ одинъ милліонъ сестерціевъ.

Въ то же время Августъ, повидимому, точнѣе установилъ порядокъ прохожденія магистратуръ. Молодые люди начинали съ трибуната легіона — этимъ теперь ограничивалась обязательная военная служба, еще въ эпоху Полибія продолжавшаяся десять лѣтъ [3]),—затѣмъ занимали одну изъ должностей, объединенныхъ подъ названіемъ вигинтивирата [4]) и ужъ послѣ

[1]) Mommsen, R. St. 1, 475: auch hier wird die Monarchie charakteristisch bezeichnet durch die ebenso principielle, wie praktische Rückkehr zu der ursprünglichen Behandlung der Gemeindeämter als gemeiner Lasten. Принципіально и практически этотъ взглядъ Моммзена (1, 474—477) рѣзко расходится съ его собственной характеристикой мѣръ Августа въ смыслѣ установленія важнаго преимущества сенаторовъ. См. R. St. 2, 466: die allgemeine bürgerliche Wählbarkeit wurde abgeschafft und das faktische Privilegium der Nobilität rechtlich fixiert. Ср. 2, 920. Ср. Festus 157: mu(nus—dicitur administratio) rei publicae (magistratus alicuius aut cu)rae imperi(ve quae multitudinis univer)sae consensu (atque legitimis in unum convenientis) populi comit(iis alicui mandatur per suffragia) ut capere eam (eum oporteat et statim) certove ex (tempore certum usque) ad tempus admi(nistrare): Bruns, Fontes, p. 345 s. v. munus.

[2]) См. напр. Hor. Sat. 1, 6, 34 сл.

[3]) Polybius 6, 83, 4: πολιτικὴν δὲ λαβεῖν ἀρχὴν οὐκ ἔξεστιν οὐδένι πρότερον, ἐὰν μὴ δέκα στρατείας ἐνιαυσίους ἢ τετεληκώς. См. Mommsen R. St. 1, 512—3, 545—548.

[4]) Tresviri capitales, tresviri aere argento auro flando feriundo, quattuor viri viis in urbe purgandis, decemviri litibus iudicandis. Самый терминъ

этого переходили, 25 лѣтъ, къ квестурѣ, которая давала право на мѣсто въ сенатѣ [1]). Пробывши годъ квесторомъ, тѣ изъ нихъ, которые были патриціями, прямо приступали къ претурѣ, для которой требовался тридцатилѣтній возрастъ, и наконецъ къ консулату, тогда какъ плебеи между квестурой и претурой еще должны были пріобрѣсти либо эдилитетъ, либо трибунатъ [2]).

Избраніе всѣхъ магистратовъ еще въ 27 году было предоставлено народу [3]). Недостатокъ кандидатовъ и естественное желаніе Августа, обезпечить себѣ вліяніе на личный составъ магистратуры, а тамъ и сената, и въ этомъ отношеніи, однако, отчасти на практикѣ, отчасти, быть можетъ, и по закону привели къ существеннымъ видоизмѣненіямъ стараго строя.

Оставляя пока въ сторонѣ мѣры къ устраненію такого ненормальнаго явленія, какъ недостатокъ кандидатовъ на отдѣльныя магистратуры, постараемся выяснить размѣры постояннаго вліянія Августа на избраніе магистратовъ.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ до формальнаго возстановленія республики въ 27 году избирательныя права римскаго народа отчасти совсѣмъ не дѣйствовали, отчасти были очень сокращены. Уже диктатору Цезарю въ 44 году

---

vigintiviri встрѣчается только со времени Августа, R. St. 1, 544, пр. 3. Duumviri viis extra urbem purgandis и quattuor praefecti Capuam Cumas были упразднены при немъ же, не позже 12 г. до Р. Хр. R. St. 2, 593, пр. 1.

Обязательность вигинтивирата установлена также Августомъ, какъ доказываютъ надписи. Ср. R. St. 1, 544, пр. 4. Ср. Tac. Ann. 3, 29: per idem tempus (въ 20 г.) Neronem e liberis Germanici, iam ingressum iuventam, commendarit patribus, utque *munere* capessendi vigintiviratus solveretur et quinquennio maturius quam per leges quaesturam peteret, postulavit.

[1]) Ср. Dio 52, 20, 1 (изъ рѣчи Мецената): καταλέγεσθαι δὲ χρὴ.. ἐς τὸ συνέδριον πεντεκαιεικοσιέτεις.

[2]) Mommsen, R. St. 1, 554—555. Herzog, 2, 819—823.

[3]) Suet. Aug. 40: Comitiorum quoque pristinum ius reduxit ac multiplici poena coercito ambitu Fabianis et Scaptiensibus tribulibus suis die comitiorum, ne quid a quoquam candidato desiderarent, singula milia nummum a se dividebat. Dio 53, 21, 6—7: ὅ τε δῆμος ἐς τὰς ἀρχαιρεσίας καὶ τὸ πλῆθος αὖ συνελέγετο.

закономъ трибуна Л. Антонія было дано право, комендировать половину избираемыхъ народомъ магистратовъ, т.-е. сообщать народу списокъ лицъ, которыхъ онъ предлагалъ для соотвѣтственныхъ магистратуръ и которые затѣмъ обязательно должны были быть избраны. Изъ всѣхъ должностей только консулатъ не подвергся тогда этому правилу [1]).

Тріумвиры не довольствовались и такимъ широкимъ вліяніемъ на выборы и получили уже прямо право, назначать всѣхъ магистратовъ безъ исключенія [2]), право, которымъ Августъ и продолжалъ пользоваться вплоть до 27 года, когда народное собраніе впервые снова было созвано съ избирательной цѣлью [3]).

При такихъ условіяхъ уже самое возобновленіе избирательной дѣятельности народнаго собранія должно было разсматриваться, какъ важная уступка республиканскому порядку, и не могло быть затрудненія, укрѣпить за Августомъ, хотя бы и менѣе широкія, но все же принципіально важныя преимущества при рекомендаціи кандидатовъ [4]).

„Народъ и плебсъ снова стали созываться для избранія магистратовъ“, говоритъ Діонъ, „но на дѣлѣ не совершалось

---

[1]) Dio 43, 51, 3 (къ 44 году): ἠρεῖτο γὰρ τῷ μὲν λόγῳ τοὺς ἡμίσεις ὁ Καῖσαρ, ἐν νόμῳ τινὶ τοῦτο ποιησάμενος, ἔργῳ δὲ πάντας. Suet. d. Iul. 40: Comitia cum populo partitus est, ut exceptis consulatus competitoribus, de cetero numero candidatorum pro parte dimidia quos populus vellet pronuntiarentur, pro parte altera quos ipse edidisset. О формѣ этой комендаціи можно судить по Suet. d. Iul. 41: et edebat per libellos circum tribum missos scriptura brevi: „Caesar dictator illi tribui. Commendo vobis illum et illum, ut vestro suffragio suam dignitatem teneant“. Ср. Cic. Phil. 7, 6, 16.

[2]) Dio 46, 55, 3: ὥστε τά τε ἄλλα πάντα, κἂν μηδὲν ὑπὲρ αὐτῶν μήτε τῷ δήμῳ μήτε τῇ βουλῇ κοινώσωσι, διοικεῖν καὶ τὰς ἀρχὰς τάς τε ἄλλας τιμὰς οἷς ἂν ἐθελήσωσι διδόναι...

[3]) См. выше стр. 128—129. Dio, 53, 21, 3.

[4]) Замѣтимъ, что Статилій Тавръ въ 24 году за постройку амфитеатра получилъ право, ежегодно назначать одного претора. Dio 51, 23, 1: ὁ Ταῦρος ὁ Στατίλιος θέατρόν τι ἐν τῷ Ἄρεϊῳ πεδίῳ κυνηγετικὸν λίθινον καὶ ἐξεποίησε τοῖς ἑαυτοῦ τέλεσι καὶ καθιέρωσεν ὁπλομαχίᾳ, καὶ διὰ τοῦτο στρατηγὸν ἕνα παρὰ τοῦ δήμου κατ' ἔτος αἱρεῖσθαι ἐλάμβανε.

ничего, что ему бы не понравилось. Однихъ кандидатовъ онъ самъ выбиралъ и сообщалъ ихъ имена народу, избраніе-же другихъ предоставлялъ (всецѣло) народу и плебсу, и заботился лишь о томъ, чтобы не избирались неподходящіе и чтобы не было давленія на выборы или подкуповъ“ [1]). До 8 года онъ рекомендовалъ своихъ кандидатовъ лично: „каждый разъ, когда онъ присутствовалъ на выборахъ магистратовъ, онъ съ своими тремя кандидатами обходилъ народное собраніе и просилъ его торжественно (more sollemni), избрать ихъ. Онъ и самъ голосовалъ въ своей трибѣ, какъ одинъ изъ народа“ [2]). Начиная съ 8 года, онъ физически не былъ въ состояніи, исполнять всю эту процедуру — ему уже было 68 лѣтъ — и онъ сталъ публиковать списокъ лицъ, которыхъ онъ комендировалъ [3]).

Согласно съ этимъ, Веллей замѣчаетъ, что онъ и его братъ, получившіе въ 14 году претуру, были послѣдними „кандидатами Цезаря“, которыхъ комендировалъ Августъ (въ своемъ завѣщаніи), первыми, которыхъ комендировалъ Тиберій [4]).

Несмотря на то, что всѣ указанныя свидѣтельства источниковъ въ той или иной формѣ говорятъ о комендаціи, остается неяснымъ, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ законнымъ правомъ комендаціи, обязывающимъ народъ

---

[1]) Dio 53, 21, 6—7: ὅ τε δῆμος ἐς τὰς ἀρχαιρεσίας καὶ τὸ πλῆθος αὖ συνελέγετο οὐ μέντοι καὶ ἐπράττετό τι ὃ μὴ καὶ ἐκεῖνον ἤρεσκε. τοὺς γοῦν ἄρξοντας τοὺς μὲν αὐτὸς ἐκλεγόμενος προεβάλλετο, τοὺς δὲ καὶ ἐπὶ τῷ δήμῳ τῷ τε ὁμίλῳ κατὰ τὸ ἀρχαῖον ποιούμενος ἐπεμελεῖτο ὅπως μηδ' ἀνεπιτήδειον μηδ' ἐκ παρακελεύσεως ἥ καὶ δεκασμοῦ ἀποδεικνύωνται. Mommsen R. St. 2, 918 пр. 1, видитъ въ этихъ словахъ Діона указаніе какъ на номинацію, такъ и на комендацію.

[2]) Suet. Aug. 56.

[3]) Dio 55, 34, 2: τούτῳ δὲ (τῷ ἔτει) καὶ τοῖς ἔπειτα γράμματά τινα ἐκτιθεὶς συνίστη τῷ τε πλήθει καὶ τῷ δήμῳ ὅσους ἐσπούδαζε.

[4]) Vell. 2, 124, 4: mihi fratrique meo candidatis Caesaris... ut neque post nos quemquam divus Augustus, neque ante nos Caesar commendaret Tiberius. На надписяхъ терминъ candidatus Caesaris встрѣчается лишь начиная съ Тиберія.

избрать указанныхъ ему лицъ [1]), или же съ чисто фактическимъ, обычнымъ уже въ республиканское время, вліяніемъ выдающагося гражданина на выборы [2]).

Вообще говоря, вліяніе принцепса на выборы можетъ выражаться, во-первыхъ, въ формѣ номинаціи, во-вторыхъ, въ формѣ, обязательной или нѣтъ, комендаціи.

По старому республиканскому порядку каждое лицо, желавшее выставить свою кандитатуру на любую избирательную должность, было обязано, заявить объ этомъ руководящему соотвѣтственнымъ избирательнымъ собраніемъ магистрату (profiteri, professio) [3]). Принявъ это заявленіе, магистратъ не только долженъ былъ разсмотрѣть вопросъ, имѣетъ ли данное лицо въ виду своего происхожденія, возраста и прошлаго и въ виду lex Villia annalis вообще право кандидировать, но имѣлъ также право не принимать кандидатуру (nomen accipere) лица, въ общемъ отвѣчающаго требованіямъ закона, если находилъ его кандидатуру по чему либо неудобной [4]). Если вопросъ рѣшался въ пользу даннаго лица, магистратъ номинировалъ его (nominare, nomina edere), т.-е. объявлялъ его законнымъ кандидатомъ. Въ качествѣ консула 31 до 23 года Августъ имѣлъ это право, а когда онъ съ 23 года пе-

---

[1]) Mommsen, R. St. 2, 921: als dauernde Befugniss ist es (das Commendationsrecht) im Jahre 727 dem Augustus eingeräumt worden und hat sich seitdem in der Verfassung des Principats behauptet.

[2]) Herzog, Gesch. und Syst. 2, 699—700: was von Augustus selbst... und von Tiberius berichtet wird, zeigt, dass eine neue Bestimmung, welche dem Princeps eine gesetzliche Handhabe zu offener Beeinflussung oder direkter Ernennung gegeben hätte, unter diesen Kaisern nicht gegeben wurde.

[3]) Mommsen, R. St. 1, 471. 501—504.

[4]) Ср. Mommsen, R. St. 1, 472. 481. Vell. 2, 92: (C. Sentius Saturninus) consul (19 г. до Р. Хр.)... quaesturam petentes, quos indignos iudicavit, profiteri vetuit et cum id facturos se perseverarent, consularem, si in campum descendissent, vindictam minatus est et Egnatium... sperantem... ut praeturam aedilitati, ita consulatum praeturae se iuncturum, profiteri vetuit et cum id non obtinuisset, iuravit, etiam si factus esset consul suffragiis populi, tamen se eum non renuntiaturum.

ресталъ, постоянно занимать одинъ изъ двухъ консулатовъ, это право, безспорно, осталось за нимъ [1]). Дальше мы еще увидимъ, какое значеніе пріобрѣло это право въ связи съ недостаткомъ кандидатовъ; здѣсь отмѣтимъ только, что номинированный самимъ принцепсомъ кандидатъ, фактически, несомнѣнно, имѣлъ тѣмъ большее преимущество предъ остальными кандидатами, что Августъ (а за нимъ и Тиберій), повидимому, номинировалъ приблизительно столько же кандидатовъ, сколько требовалось для замѣщенія отдѣльныхъ магистратуръ [2]).

Наряду съ правомъ номинаціи, которое Августъ раздѣлялъ съ другими магистратами, принцепсъ, разумѣется, имѣлъ право, принадлежавшее каждому гражданину еще въ эпоху республики, а именно право рекомендовать желательное ему лицо избирателямъ. Такого рода рекомендація, по закону нисколько не связывавшая свободу избирателей, и называлась suffragatio или commendatio. Что Августъ пользовался этимъ правомъ, намъ извѣстно. Спрашивается лишь, отличалось ли его suffragium отъ suffragia другихъ лицъ *и по закону*, т.-е. имѣло ли оно и формально рѣшающее значеніе для избирателей?

Прежде всего нужно замѣтить, что въ законѣ о власти Веспасіана, предоставляющемъ послѣднему неограниченное право комендаціи, нѣтъ той ссылки на тождественное право Августа, Тиберія и Клавдія, которая встрѣчается въ немъ относительно большинства другихъ полномочій, дарованныхъ Веспасіану [3]). Сдѣлать изъ этого заключеніе, будто право

[1]) Tac. Ann. 1, 15: Candidatos praeturae duodecim nominavit (Tiberius), numerum ab Augusto traditum... По мнѣнію Herzog'a 2,701 это eine Art von vorgängiger Profession.

[2]) См. предыд. прим. и Mommsen, R. St. 2, 919 (пр. 1).

[3]) Lex de imp. Vesp.: uti quos magistratum potestatem imperium curationemve cuius rei petentes senatui populoque Romano commendaverit quibusque suffragationem suam dederit promiserit, eorum comitis quibusque extra ordinem ratio habetur.

комендаціи вообще было предоставлено только Веспасіану, было бы однако неправильно. Дѣло въ томъ, что уже для эпохи Тиберія не подлежитъ сомнѣнію, что принцепсъ обладалъ правомъ комендаціи sine repulsa et ambitu, т.-е. что его рекомендація имѣла обязательную силу [1]). Разница заключалась только въ томъ, что Веспасіанъ получилъ *неограниченное* право комендаціи, тогда какъ Тиберій могъ комендировать лишь опредѣленное, ограниченное число кандидатовъ, для претуры, напримѣръ, четырехъ. Ясно, что если законъ о власти Веспасіана не содержитъ ссылки на неограниченное право комендаціи его предшественниковъ, то изъ этого слѣдуетъ только, что первоначально ограниченное право комендаціи впослѣдствіи (не раньше Нерона) было расширено до послѣднихъ предѣловъ и въ этомъ видѣ перешло къ Веспасіану.

Но если право комендаціи Тиберія не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ, то относительно Августа этого сказать нельзя.

Помимо того, что до насъ не дошло никакого свидѣтельства о законѣ, въ силу котораго Августу было бы дано право комендаціи въ позднѣйшемъ смыслѣ, тогда какъ формальное упорядоченіе этого вопроса упоминается и по отношенію къ диктатору Цезарю и по отношенію къ Тиберію [2]), все, что мы знаемъ о выборахъ при Августѣ, плохо согласуется съ предположеніемъ законнаго вліянія его на выборы.

Что консульскіе выборы не были подчинены его праву комендаціи также вѣроятно въ виду безпорядковъ 22—21 и 19

[1]) Tac. Ann. 1, 15: moderante Tiberio, ne plures quam quattuor candidatos (praeturae) commendaret sine repulsa et ambitu designandos.

[2]) О диктаторѣ Цезарѣ см. выше стр. 183 пр. 1; о Тиберіи Tac. Ann. 1, 15 въ связи съ перенесеніемъ выборовъ изъ народнаго собранія въ сенатъ. Stobbe, die candidati Caesaris (Philologus, 27, 88—112 и 28, 648—700) предполагаетъ, что избирательные порядки временъ Августа опираются на lex Antonia de partitione comitiorum 44 г., о которой источники, однако, не говорятъ. Моммзенъ, R. St. 2, 921, какъ мы видѣли, предполагаетъ, что право комендаціи было даровано Августу въ 27 году. Ср. выше стр. 185 пр. 1.

года [1]), какъ непонятна возможность отказа консула 19 года, Г. Сентія Сатурнина, допустить кого-либо изъ кандидатовъ на квестуру къ избранію [2]), если допустить, что Августъ пользовался правомъ, комендировать кандидатовъ на магистратуру: не могъ же консулъ, не допустить къ избранію кандидатовъ, пользовавшихся законной поддержкой принцепса. Если предположить, что Августъ имѣлъ это право, остаются также непонятными вышеперечисленныя мѣры для устраненія недостатка кандидатовъ: такъ въ 13 году трибуны были назначены по жребію изъ бывшихъ квесторовъ; въ 12 году каждый активный магистратъ предложилъ по одному кандидату на трибунатъ, въ 4 году послѣ Р. Хр. снова прибѣгли къ жребію для назначенія эдиловъ [3]). Ясно, что допущеніе жребія исключало возможность комендаціи. Если прибавить къ этому, что Светоній, отмѣтивши широкое вліяніе диктатора Цезаря на выборы, какъ нереспубликанское явленіе, относительно избирательныхъ порядковъ временъ Августа категорически утверждаетъ, что „было возстановлено древнее право (pristinum ius) выборовъ“ [4]), то въ результатѣ становится очень сомнительнымъ, чтобы Августъ въ самомъ дѣлѣ обладалъ правомъ комендаціи въ техническомъ смыслѣ.

Въ такомъ случаѣ все то, что намъ извѣстно о вліяніи Августа на выборы, означало бы лишь, что Августъ въ широкихъ размѣрахъ примѣнялъ общее всѣмъ гражданамъ право, рекомендовать народу избраніе угодныхъ ему лицъ, и что эта, теоретически не имѣвшая законной силы, рекомендація фактически оказывала рѣшающее вліяніе на исходъ выборовъ [5]).

Законная регулировка права комендаціи и установленіе извѣстныхъ границъ для его дѣйствительности, въ такомъ случаѣ,

[1]) См. выше стр. 98.
[2]) См. выше стр. 185 пр. 4.
[3]) См. выше стр. 178—179.
[4]) Suet. div. Jul. 40. Aug. 40.
[5]) Также Herzog, l. c.

произошла бы при Тиберіи, въ связи съ перенесеніемъ выборовъ изъ народнаго собранія въ сенатъ [1]). Августъ же, повидимому, довольствовался неограниченнымъ правомъ вмѣшательства при исключительныхъ обстоятельствахъ—сюда относится назначеніе консула въ 19 году до Р. Хр. и назначеніе всѣхъ магистратовъ въ 7 году послѣ Р. Хр.—и, общимъ всѣмъ гражданамъ, правомъ суффрагаціи, по закону не связывавшей избирателей. И здѣсь, такимъ образомъ, развитіе принципата приводитъ къ замѣнѣ чрезвычайныхъ правъ постоянными и формально менѣе произвольными, чѣмъ неограниченное никакимъ закономъ или соглашеніемъ право, предлагать народу частнымъ образомъ сколько угодно кандидатовъ, избраніе которыхъ этимъ самымъ фактически обезпечивается.

Этимъ однако не ограничивается вліяніе Августа на составъ магистратуры. Рекомендуя народу избраніе тѣхъ или иныхъ кандидатовъ, онъ въ то же время долженъ былъ принимать мѣры къ устраненію недостатка кандидатовъ, и на этой почвѣ получилъ или присвоилъ себѣ новое въ высшей степени важное право, допускать или привлекать къ магистратурѣ лицъ, строго говоря не подлежавшихъ избранію, но способныхъ служить ему помощниками, какъ въ теченіе своей службы по отдѣльнымъ магистратурамъ, такъ и въ качествѣ членовъ сената.

Дѣло въ томъ, что наряду съ болѣе или менѣе исключительными случаями недостатка кандидатовъ на высшія магистратуры, вродѣ эдилитета и трибуната, указываемыми Діономъ, изъ чрезвычайно убѣдительной аргументаціи Моммзена видно, что для вигинтивирата и квестуры недостатокъ долженъ былъ быть хроническимъ [2]).

---

[1]) См. ниже гл. II.

[2]) R. St. 1, 557—558: Deutlich erkennt man hier die zwiefache Tendenz einmal die vier niederen Stufen so gleichmässig zu halten, dass, wer einmal in die Laufbahn eingetreten war, regelmässig auch zur Prätur gelangte,

Недостатокъ кандидатовъ особенно долженъ былъ сказываться на низшихъ ступеняхъ магистратуры. Заполнить ежегодно сорокъ мѣстъ вигинтивировъ и квесторовъ изъ рядовъ сенаторскаго сословія, несомнѣнно, не было возможно. Число сенаторовъ въ 18 году было сокращено съ тысячи до шести сотъ [1]). Если принять въ разсчетъ возрастающее отвращеніе къ брачной жизни, противъ котораго Августъ, какъ извѣстно, былъ принужденъ принять чрезвычайно строгія мѣры, и далѣе вспомнить, что въ составъ сената входили и многіе сравнительно очень молодые люди (законный возрастъ для квестуры, дававшей право на мѣсто въ сенатѣ, вѣдь былъ опредѣленъ въ 25 лѣтъ), то само собою становится яснымъ, что дѣти сенаторовъ одни не могли пополнить ряды магистратуры. Обратиться къ другимъ классамъ общества и прежде всего, конечно, къ всадникамъ, въ виду этого представлялось совершенно необходимымъ, и спрашивалось лишь, какъ организовать это дѣло съ наименьшимъ ущербомъ для традиціоннаго взгляда на достоинство сената и съ наибольшей выгодой для принцепса.

Распространить обязанность вступать въ ряды магистратуры, принципіально на всѣхъ всадниковъ, уже по вышеуказанной политической причинѣ было невыгодно для Августа [2]). Вдобавокъ въ полномъ приравненіи всадниковъ къ нобилитету послѣдній несомнѣнно усмотрѣлъ бы оскорбленіе. Въ виду этого фактически необходимое привлеченіе всадниковъ къ магистратурѣ формально должно было оставаться мѣрой исключительной: вынужденное привлеченіе ихъ должно было носить характеръ личной милости.

Но предоставить право на подобную милость сенату, зна-

zweitens der wählenden Körperschaft, anfangs der Bürgerschaft, späterhin dem Senat, nur so viele Candidaten zu präsentieren, als Stellen zu besetzen waren, also das Wahlrecht illusorisch zu machen.

[1]) Dio 54, 13, 4: ὥστε ἐς ἑξακοσίους τοὺς πάντας ἀποδειχθῆναι.

[2]) См. выше стр. 180—181.

чило бы дать ему слишкомъ большое вліяніе, какъ на сословіе всадниковъ вообще, такъ и на личный составъ магистратуры въ частности. Ясно, что такой результатъ не могъ входить въ расчеты Августа, и въ результатѣ онъ, повидимому, самъ присвоилъ себѣ право, допускать избранныхъ всадниковъ къ вигинтивирату и квестурѣ. О происхожденіи этого права намъ, впрочемъ, ничего не извѣстно. Возможно, что оно было дано Августу спеціальнымъ актомъ въ виду хроническаго недостатка кандидатовъ, но возможно также и, пожалуй, болѣе вѣроятно, что оно постепенно возникло изъ его права номинаціи: при обычномъ недостаткѣ кандидатовъ на двѣ низшія магистратуры онъ въ такомъ случаѣ присвоилъ бы себѣ право, выбирать подходящихъ, по его мнѣнію, людей изъ всадниковъ и вносить ихъ въ списки кандидатовъ [1]), что̀ облегчалось еще и тѣмъ, что исключительнаго законнаго права сенаторовъ на магистратуру не существовало.

Характерно, однако, что избранные имъ всадники формально получали предварительно право на внѣшнее отличіе сенаторскаго званія, т.-е. право на широкую пурпуровую кайму на туникѣ (latus clavus), и что военная служба всадниковъ всегда была дольше, чѣмъ служба сыновей сенаторовъ [2]).

---

[1]) R. St. 2, 919—21: Das Recht, die Qualification zu prüfen, schliesst an sich das Recht nicht ein, nicht qualificirte Personen auf die Liste zu bringen. Aber in Beziehung auf den Vigintivirat und wahrscheinlich auch auf die Quaestur hat er dies allerdings gethan. Ср. 920, пр. 1: um dem Kaiser auf diesem Wege die reguläre Pairscreirung in die Hand zu geben. R. St. 3, 466 сл.

Herzog, 2, 863: Ist Mangel an Kandidaten vorhanden oder zu befürchten, so kann der Princeps vermöge seiner Aushilfsgewalt damit eintreten, dass er junge Männer, welche die entsprechende Vermögens- und gesellschaftliche Stellung haben, durch Erteilung des Abzeichens, welches die Senatorensöhne auszeichnet, des breiten Purpurstreifens an der Tunica, für befähigt zur Candidatur erklärt.

[2]) Suet. Aug. 38: liberis senatorum... militiam... auspicantibus non tribunatum modo legionum, sed et praefecturam alarum dedit, ac ne quis expers castrorum esset, binos plerumque laticlavios praeposuit singulis alis. Начиная

Во всякомъ случаѣ, ясно, какое громадное вліяніе на составъ магистратуры и сената принадлежало Августу въ силу этого права, независимо отъ вліянія его рекомендаціи на выборы магистратовъ. Фактически, въ силу двухъ указанныхъ правъ Августа составъ магистратуры и сената въ общемъ зависѣлъ всецѣло отъ него: каждый, кто былъ допущенъ имъ къ вигинтивирату или квестурѣ, при численномъ отношеніи магистратуръ другъ къ другу (20 вигинтивировъ—20 квесторовъ—10 трибуновъ—4 эдила—отъ 12 до 16 преторовъ—отъ 4 до 8 консуловъ) не могъ не сдѣлаться, по крайней мѣрѣ, преторомъ. Принцепсъ, такимъ образомъ, имѣлъ всегда въ своемъ распоряженіи вѣрныхъ помощниковъ, какъ для большинства своихъ намѣстничествъ, такъ и въ сенатѣ. Недоставало только права, принимать желательныхъ принцепсу лицъ и въ высшіе разряды сенаторовъ, т.-е. даровать имъ право бывшаго претора или консула (adlectio inter praetorios, inter consulares), чтобы отдать сенатъ всецѣло въ руки принцепса. Само собою разумѣется, что если Августъ не имѣлъ этого права и предоставилъ его сенату, то потому, что онъ не желалъ его имѣть. Съ того момента, какъ принцепсъ (начиная съ Домиціана) пріобрѣлъ и это право, сенатъ окончательно пересталъ быть самостоятельнымъ учрежденіемъ [1]).

Во всякомъ случаѣ, ясно, что отношеніе Августа къ республиканской магистратурѣ не равное: „я исполняю не роль эдила, или претора, или консула“, писалъ Тиберій сенату. „Отъ принцепса требуется нѣчто болѣе крупное и возвышенное“ [2]). Принцепсъ не только можетъ воспрепятствовать

съ Тиберія сыновья сенаторовъ служили только въ званіи трибуновъ легіона. R. St. 1, 548. Herzog, 2, 820, пр. 1; C. J. L. XII, № 4354.

[1]) Ср. впрочемъ Groag, zur Laufbahn des Rutilius Gallicus, въ Archäologisch epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich 20, стр. 46—49.

[2]) Tac. Ann. 3, 53: non aedilis aut praetoris aut consulis partis sustineo. maius aliquid et excelsius a principe postulatur; et cum recte factorum sibi quisque gratiam trahant, unius invidia ab omnibus peccatur.

любому акту магистрата, не только можетъ его подвергнуть взысканію, не только оказываетъ болѣе или менѣе законное вліяніе на его избраніе, въ случаѣ надобности онъ даже имѣетъ право назначенія магистратовъ.

Сложнѣе, чѣмъ вопросъ объ отношеніи принцепса къ магистратурѣ, вопросъ объ его отношеніи къ сенату.

За немногими исключеніями [1]) всѣ ученые въ настоящее время, по примѣру Моммзена, опредѣляютъ это отношеніе какъ діархію, т.-е. совмѣстное управленіе двухъ равныхъ въ теоріи властей, принцепса и сената.

На нашъ взглядъ это опредѣленіе невѣрно ни для времени Августа, ни также для позднѣйшаго времени.

Если обратиться прежде всего къ эпохѣ возникновенія принципата, то нужно замѣтить, что нѣтъ ни одного источника, который говорилъ бы о раздѣленіи власти между Августомъ и сенатомъ. Теоретически, Августъ „возвратилъ государство изъ своей власти въ распоряженіе сената и народа римскаго“, т.-е. возстановилъ республику, взявъ временно на себя руководство дѣлами вообще и непосредственное управленіе рядомъ провинцій въ частности. Актъ 27 года не представляетъ изъ себя раздѣленія государства между Августомъ и сенатомъ, а (формально временное) созданіе новой чрезвычайной магистратуры съ весьма обширной, почти неограниченной компетенціей.

Отношеніе новаго магистрата къ сенату принципіально то же, что и отношеніе къ нему республиканской магистратуры.

„Магистратская дѣятельность“, говоритъ Моммзенъ [2]), „слагается изъ трехъ группъ актовъ: обыкновенныхъ актовъ, предусмотрѣнныхъ строемъ государства, чрезвычайныхъ ак-

[1]) Madvig, Mispoulet.

[2]) R. St. 3, 1029—1030. Мы позволимъ себѣ привести это важное мѣсто in extenso.

товъ, также предусмотрѣнныхъ имъ, и актовъ, не предусмотрѣнныхъ. Къ первой категоріи принадлежитъ прежде всего судоговореніе, далѣе устройство выборовъ обыкновенныхъ магистратовъ и проведеніе ценза, а также, если предварительныя условія налицо, призваніе гражданъ къ военной службѣ, командованіе войскомъ, взыманіе податей и налоговъ. Всѣ эти дѣйствія магистратъ производитъ либо единолично, либо, поскольку онъ сочтетъ это желательнымъ, послѣ опроса созваннаго имъ по его желанію совѣта (consilium); изспрашивать мнѣніе сената или народнаго собранія по указаннымъ вопросамъ, онъ не только не обязанъ, но не имѣетъ даже права; обращеніе къ сенату по вопросу о долговомъ процессѣ, начатомъ у магистрата, или по поводу военной инсубординаціи, было бы актомъ неконституціоннымъ, который никогда не встрѣчается.—Къ второй категоріи принадлежитъ предложеніе каждаго закона въ томъ широкомъ смыслѣ, въ которомъ римляне употребляютъ это выраженіе; далѣе, такъ какъ римскій государственный строй не знаетъ постояннаго гражданскаго войска, приказъ объ образованіи войска; далѣе, такъ какъ римскій строй не знаетъ постояннаго налога на гражданъ, установленіе трибута (tributus); точно такъ же каждый чрезвычайный религіозный актъ и вообще всѣ акты, исполненіе которыхъ конституція государства, съ одной стороны, разрѣшаетъ магистрату, но, съ другой стороны, не предписываетъ ему какъ обыкновенное и постоянное дѣйствіе. Въ общемъ чрезвычайныя магистратскія дѣйствія важнѣе, но не всѣ; вопросы о наборѣ и взыманіи податей часто должны были имѣть гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ, напримѣръ, установленіе чрезвычайнаго праздника; не важность или ничтожность, а чрезвычайный или постоянный характеръ данныхъ актовъ лежитъ въ основаніи ихъ различенія. Магистратъ не имѣетъ права, рѣшать чрезвычайные вопросы единолично или съ участіемъ совѣтниковъ, или перенести ихъ въ комиціи, а

обязанъ выслушать о нихъ мнѣніе сената.—Тѣ акты, наконецъ, которые заключаютъ въ себѣ отклоненіе отъ существующихъ порядковъ въ виду отдѣльнаго случая, или-же измѣненіе самихъ порядковъ, могутъ быть переданы магистратомъ на разсмотрѣніе народнаго собранія. Рѣшеніе здѣсь всегда остается за законнымъ носителемъ суверенной государственной власти".

Несмотря на то, что разсужденіе Моммзена предполагаетъ болѣе или менѣе формальное, законное разграниченіе отдѣльныхъ категорій магистратской дѣятельности [1]), несмотря далѣе на то, что въ разные эпохи въ зависимости отъ бо́льшей или меньшей фактической силы магистратуры, сената и народнаго собранія, разграниченіе круговъ магистратской компетенціи должно было быть разное [2]), нельзя не признать, что, въ основѣ своей, теорія Моммзена, несомнѣнно, вполнѣ отвѣчаетъ фактическому положенію вещей и безспорно лежала въ основаніи отношеній не только республиканской магистратуры, но и принцепса къ сенату [3]).

Разница, фактически весьма важная, заключается лишь въ томъ, что для отношенія консуловъ, преторовъ, трибуновъ къ сенату уже успѣли сложиться опредѣленныя обычныя нормы, устанавливавшія, какія дѣла должны разсматриваться какъ чрезвычайныя и, слѣдовательно, какъ подлежащія обсужденію въ сенатѣ, тогда какъ совершенно новая власть Августа не имѣла заранѣе установившихся границъ, такъ что ограниченіе

---

[1]) См. особ. 3, 1029—30: Zu der zweiten Kategorie (gehören) überhaupt alle Acte, deren Vornahme die Gemeindeordnung einerseits dem Magistrat gestattet, andrerseits ihm nicht als ordentliche und ständige Verrichtung vorschreibt. При медленномъ почти незамѣтномъ подчиненіи магистратуры сенату, границы ея непосредственной компетенціи сокращались постепенно и всецѣло опредѣлялись обычаемъ даннаго времени.

[2]) Ср. хотя бы R. St. 3, 1032, пр. 1; 1035 и далѣе passim.

[3]) Самъ Моммзенъ, очевидно, преимущественно имѣлъ въ виду отношеніе обыкновеннаго высшаго магистрата, т.-е. консула, къ сенату.

ея постоянной сферы дѣйствія, при фактическомъ всесиліи Августа, могло быть установлено только добровольными уступками ея носителя, которыя уже въ силу продолжительной единообразной практики его сорокалѣтняго управленія не могли не пріобрѣсти постепенно обязательный характеръ. Тиберій, въ общемъ, вполнѣ подчинился установленному при Августѣ режиму и если допустилъ отклоненія отъ него, то въ выгодномъ для сената направленіи. Понятно, что при такихъ условіяхъ modus vivendi, созданный Августомъ, пріобрѣлъ сравнительно значительную устойчивость: и дѣйствительно, несмотря на терроризмъ эпохи Гая, Клавдія и Нерона позднѣйшіе принцепсы во многомъ вернулись къ нему, да и такіе деспоты какъ Гай и Неронъ формально не коснулись его основъ.

Основнымъ правиломъ Августа было совѣщаніе съ сенатомъ по дѣламъ общегосударственной важности, не входившимъ въ составъ его непосредственной компетенціи по управленію переданныхъ ему провинцій. Таковыми для Августа были акты, касавшіеся его верховнаго надзора надъ всѣмъ государственнымъ строемъ, надъ такъ-называемыми провинціями сената и надъ Италіей, общія финансовыя и законодательныя мѣры и т. д. Основываясь на той широкой дискреціонной власти, которая содержалась въ προστασία τῶν κοινῶν и была точнѣе формулирована въ 19 году, Августъ имѣлъ право, въ случаѣ крайней необходимости, принимать чрезвычайныя мѣры и безъ участія сената — такъ онъ поручилъ Агриппѣ въ 22 году Римъ, назначилъ консула въ 19 году до Р. Хр. и всѣхъ магистратовъ въ 7 году послѣ Р. Хр., — но болѣе нормальнымъ и правильнымъ считалось предварительное совѣщаніе съ сенатомъ, къ которому онъ прибѣгнулъ, напримѣръ, при учрежденіи aerarii militaris.

Опредѣлить точнѣе, въ какихъ случаяхъ и областяхъ государственной жизни Августъ допускалъ совѣщаніе съ сенатомъ, въ какихъ случаяхъ принципіально не желалъ его до-

пустить, къ сожалѣнію, невозможно [1]). Моммзенъ, правда, утверждаетъ [2]), что „военныя дѣла принципіально никогда не отдавались на обсужденіе сената эпохи принципата [3]), переговоры съ другими государствами только въ видѣ исключенія и съ декоративной цѣлью [4]). Дѣла императорскихъ провинцій такъ же, какъ все императорское, формально частное, финансовое управленіе рѣшаются исключительно императоромъ. По дѣламъ Италіи и не переданныхъ императору провинцій императоръ и теперь еще совѣщается съ сенатомъ [5]), и, напримѣръ, конскрипція въ Италіи производится всегда на основаніи сенатусконсульта, и онъ же (т.-е. сенатъ) рѣшаетъ чрезвычайныя мѣры, необходимыя при назначеніи намѣстниковъ въ этихъ провинціяхъ. Въ своемъ распоряженіи онъ сохраняетъ и очень сокращенную уступками принцепсу государственную казну“. Но хотя предположенное Моммзеномъ разграниченіе чрезвычайной и постоянной компетенціи принцепса въ общемъ очень правдоподобно, нельзя не замѣтить, что даже наши скудныя извѣстія о принципатѣ содержатъ не мало противорѣчащихъ теоріи Моммзена данныхъ. Несмотря на то, что особенно у Діона очень трудно различать, когда Августъ дѣйствовалъ единолично, когда, наоборотъ, при участіи

---

[1]) Tac. Ann. 1, 6: Sallustius Crispus particeps secretorum... monuit Liviam... ne Tiberius vim principatus resolveret cuncta ad senatum vocando.

[2]) Abriss des römischen Staatsrechts, стр. 341. R. St. т. 2 ч. 2 и т. 3 ч. 2. passim.

[3]) R. St. 2, 849: und der Senat wird in Fragen dieser Art nicht leicht auch nur um seine Meinung gefragt. См. однако Suet. Tib. 30: Тиберій совѣщается съ сенатомъ etiam de legendo vel exauctorando milite ac legionum et auxiliorum discriptione. Объ Африкѣ см. выше стр. 96—97. Сюда же можно отнести и учрежденіе aerarii militaris см. стр. 196.

[4]) R. St. 2, 954: Ueber Krieg und Frieden entscheidet der Princeps allein. Ср. однако Tac. Ann. 13, 49: quin de bello aut pace... suaderet dissuaderetve. Но lex de imp. Vesp. стр. 1:... foedusve cum quibus volet facere liceat ita uti licuit divo Augusto etc.

[5]) Что это не всегда такъ, видно хотя бы изъ распоряженій Августа на Востокѣ отъ 22 до 19 года.

сената, извѣстно, что Августъ дѣлалъ распоряженіа о сенатскихъ провинціяхъ безъ совѣщанія съ сенатомъ [1]), что Тиберій докладывалъ сенату рѣшительно обо всѣхъ дѣлахъ [2]), что Неронъ не только обѣщалъ, не рѣшать всѣ дѣла единолично, но заявилъ, что желаетъ ограничиться заботой о порученныхъ ему войскахъ, Италію же и сенатскія провинціи предоставить заботамъ консуловъ и сената [3]). Очевидно, разрѣшеніе вопроса, по какимъ дѣламъ совѣщаніе съ сенатомъ необходимо или желательно, по какимъ нѣтъ, во всѣ времена въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ условій момента и отъ благоусмотрѣнія даннаго принцепса или его приближенныхъ. По общему правилу совѣщаніе съ сенатомъ, повидимому, считалось необходимымъ по болѣе важнымъ дѣламъ общегосударственнаго характера, особенно, если они касались внутренней жизни имперіи.

Во всякомъ случаѣ, сенатъ, такимъ образомъ, не дѣлитъ власти съ Августомъ, а вмѣстѣ съ народомъ, въ виду угрожающей государству опасности, рѣшаетъ создать новую чрезвычайную магистратуру, носитель которой временно долженъ взять на себя, съ одной стороны, заботу о безопасности государства, съ другой — непосредственное управленіе наиболѣе безпокойными провинціями и войскомъ, что̀ съ теченіемъ времени влечетъ также за собой управленіе внѣшними сношеніями и выдѣленіе части государственныхъ доходовъ въ его пользу. Носителемъ чрезвычайной власти избирается Августъ, какъ гражданинъ, имѣющій особенно большія заслуги предъ

---

[1]) См. выше стр. 140.

[2]) Suet. Tib. 30: neque tam parvum quicquam neque tam magnum publici privatique negotii fuit, de quo non ad patres conscriptos referretur: de vectigalibus ac monopoliis, de extruendis reficiendisve operibus, etiam de legendo vel exauctorando milite ac legionum et auxiliorum descriptione, denique quibus imperium prorogari aut extraordinaria bella mandari, quid et qua forma regum litteris rescribi placeret. Ср. ib. 31. 32.

[3]) Tac. Ann. 13, 4. См. ниже.

государствомъ, обладающій исключительными дарованіями, опытомъ, личнымъ вліяніемъ и почти божественнымъ почетомъ. Новый магистратъ, естественно, пріобрѣтаетъ всѣ права старыхъ, такъ же точно какъ сенатъ во всѣхъ существенныхъ вопросахъ сохраняетъ свою прежнюю компетенцію. Въ силу этого, Августъ единолично рѣшаетъ обыкновенныя дѣла, соединенныя съ его полномочіями намѣстника Галліи, Испаніи, Сиріи и Египта, и, наоборотъ, совѣщается съ сенатомъ по общегосударственнымъ внутреннимъ дѣламъ, поскольку ему кажется нужнымъ, вмѣшаться въ нихъ. Является ли мнѣніе сената обязательнымъ для него и въ какой мѣрѣ вообще необходимо самое совѣщаніе съ сенатомъ, рѣшить уже потому трудно, что мы вовсе не знаемъ о такихъ случаяхъ, когда сенатъ посмѣлъ бы, рѣзко разойтись съ желаніемъ принцепса. Право интерцессіи, во всякомъ случаѣ, давало послѣднему возможность, не допустить сенатъ до созданія настоящаго сенатусконсульта, а при назначеніи всѣхъ магистратовъ въ 7 г. послѣ Р. Хр., судя по словамъ Діона, онъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно. Діонъ, по крайней мѣрѣ, вовсе не упоминаетъ о предварительномъ совѣщаніи съ сенатомъ по такому экстренно важному дѣлу. Но и если принцепсъ не вмѣшивается въ дѣла „сенатскихъ“ провинцій и Италіи, то и тогда они формально рѣшаются не самимъ сенатомъ. Какъ и прежде, они подлежатъ вѣдѣнію обыкновенныхъ республиканскихъ магистратовъ, т.-е. главнымъ образомъ консуловъ, которые такъ же продолжаютъ, совѣщаться съ сенатомъ, какъ и прежде. Разница между ними и принцепсомъ только въ томъ, что область обыкновенной дѣятельности принцепса гораздо шире, что принцепсъ имѣетъ право интерцессіи, и что онъ фактически свободнѣе отъ конституціоннаго и нравственнаго вліянія сенатскаго совѣта, чѣмъ стѣсненные и властью принцепса и собственною отвѣтственностью, ежегодно мѣняющіеся, республиканскіе магистраты.

И послѣ созданія новой чрезвычайной магистратуры се-

натъ, такимъ образомъ, сохранилъ свое значеніе высшаго совѣщательнаго органа [1]): то, фактически господствующее, положеніе, которое онъ пріобрѣлъ наряду съ раздробленной, годичной и отвѣтственной магистратурой и которое никогда не было основано на законѣ, а только на обычаѣ, онъ теперь, правда, безвозвратно потерялъ, но также лишь фактически, а не въ силу какого-нибудь закона. Глава государства и въ то же время глава сената, принцепсъ былъ независимъ отъ благорасположенія сенатскаго большинства: его власть опиралась на гораздо болѣе прочный фундаментъ, чѣмъ сочувствіе сената, которое не помѣшало гибели убійцъ Цезаря и не создало положеніе ихъ побѣдителя [2]). Съ внѣшней стороны, однако, все осталось по старому; мнѣніе сената попрежнему изспрашивалось всѣми магистратами; внѣшній почетъ даже еще увеличился: измѣнившіяся условія дали себя знать только въ поведеніи самого сената, который ни разу не рѣшился, выступить противъ принцепса въ сколько-нибудь серьезномъ вопросѣ.

При Августѣ конституціонное значеніе сената почти исчерпывалось установленной обычаемъ обязанностью принцепса (и другихъ магистратовъ), совѣщаться съ нимъ по всѣмъ экстреннымъ вопросамъ, не вытекавшимъ непосредственно изъ ихъ компетенціи. Сенатъ еще не замѣнилъ народнаго собранія ни въ области законодательства [3]), ни въ области избра-

---

[1]) См. Cic. de or. 3, 1 сл. (слова консула 91 г. Л. Марція Филиппа): videndum sibi esse aliud consilium; illo consilio se rem publicam gerere non posse.

[2]) Suet. Nero, 37... negavit, quemquam principem scisse quid sibi liceret, multasque nec dubias significationes saepe iecit, ne reliquis quidem se parsurum senatoribus, eumque ordinem sublaturum quandoque e re publica ac provincias et exercitus equiti romano ac libertis permissurum. Suet. Cal. 29: memento omnia mihi et in omnes licere.

[3]) Ко времени Августа (помимо законовъ о его власти и власти Тиберія), вѣроятно, относятся lex Saenia, leges Juliae iudiciariae publicorum et privatorum iudiciorum, lex Julia theatralis (Momms. R. St. 3, 520, пр. 4), lex Julia

нія магистратовъ. Такъ, акты о созданіи чрезвычайной власти принцепса, о дарованіи ему пожизненной трибунской и проконсульской власти и права распоряженій, по республиканскому примѣру, представляютъ настоящіе законы и часть ихъ, вѣроятно, (формально) предложена не Августомъ, а какимъ-либо посвященнымъ въ его взгляды лицомъ, затѣмъ обсуждена въ сенатѣ и, наконецъ, принята народнымъ собраніемъ. Такъ, повидимому, было въ 36, 30, 23 и 19 годахъ; о законѣ 27 г. труднѣе сказать, кѣмъ онъ былъ предложенъ, хотя и здѣсь вѣроятно, что послѣ отреченія Августа, когда сенатъ пригласилъ его сохранить власть, а онъ указалъ форму, въ которой онъ согласился бы, принять ее, не самъ онъ, а, вѣроятнѣе всего, какой-нибудь республиканскій магистратъ вошелъ съ соотвѣтственнымъ предложеніемъ въ народное собраніе, которое затѣмъ утвердило намѣченное соглашеніе.

На ряду съ этими законами [1]) ко времени Августа относится рядъ другихъ, чрезвычайно существенныхъ, по соціальнымъ вопросамъ, по организаціи судопроизводства, по уголовному праву и т. д. Всѣ они были приняты народнымъ собраніемъ, и примѣръ legis Juliae de maritandis ordinibus доказалъ, что, несмотря на свое монархическое положеніе, Августъ не могъ быть заранѣе увѣренъ въ принятіи предложеннаго имъ законопроекта. Очевидно, гдѣ намѣренія принцепса затрагивали повседневные, жизненные интересы народа, народное собраніе даже скорѣе было способно на оппозицію, чѣмъ сенатъ: уже одно то, что въ народномъ собраніи голо-

---

de adulteriis, lex Julia de vi publica et de vi privata, lex Julia de ambitu 18 г., lex Quinctia 9 г., lex Aelia Sentia, lex Julia de maritandis ordinibus 4 г. р. Chr., lex Julia de vicesima 6 р., lex Furia Caninia 8 г., Lex Papia Poppaea 9 г., и лишь три извѣстныхъ намъ сенатусконсульта, Sc. de ludis saecularibus 17 г. до, Sc. Silanianum 10 и Sc. Aemilianum 11 г. послѣ Р. Хр.

[1]) Акты 36, 30, 27, 23 и 19 гг., также какъ актъ 43 г. о тріумвиратѣ, представляютъ одновременно и законъ о созданіи новой власти и избраніе ея носителемъ названнаго въ законѣ лица. Они, такимъ образомъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ французской конституціи VIII г.

сованіе было тайное, тогда какъ оно въ сенатѣ было открытое, служитъ достаточнымъ объясненіемъ этого явленія. Несмотря на это, законодательная власть народа не была упразднена ни при Августѣ, ни при ближайшихъ его преемникахъ: какъ Тиберій [1]), такъ и Клавдій [2]) нѣсколько разъ обращались къ ней. Послѣднимъ закономъ, упоминаемымъ въ нашихъ источникахъ, является lex agraria императора Нервы [3]): сорокалѣтній перерывъ между временемъ Клавдія и Нервы и характеръ принципата послѣдняго позволяютъ предположить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ демонстративнымъ возвратомъ къ давно забытому порядку, не имѣвшимъ притомъ вліянія на дальнѣйшее развитіе. За исключеніемъ актовъ провозглашенія или вѣрнѣе формальнаго признанія императоровъ, которые долгое время попрежнему сохраняли форму законодательнаго акта [4]), со времени Клавдія законодательная дѣятельность народнаго собранія фактически прекратилась и законъ былъ замѣненъ сначала сенатусконсультомъ, затѣмъ—рас-

---

[1]) Къ его времени (см. Karlowa, R. R. G. 1, 620—623) относятся lex Junia Norbana 19 г., lex Visellia 24 г., lex Junia Velleja 27 г., законъ, упомянутый у Тацита Ann. 4, 16 о flaminica Dialis и, быть можетъ, lex Junia Petronia 19 (или 61 г. ?). Моммзенъ прежде (d. Stadtrechte von Salpensa und Malaca, стр. 391 и Ueber das visellische Gesetz въ Bekkers und Muthers Jahrbuch des gem. deutschen Rechts, 2, стр. 337 сл.) утверждалъ, что со времени Тиберія не встрѣчается болѣе настоящихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые были даны при любителѣ древностей, Клавдіи. Въ настоящее время онъ отказался отъ этого взгляда, R. St. 2, 883. Если онъ указываетъ на то, что законы временъ Тиберія не исходятъ отъ него, а отъ другихъ магистратовъ, то это не имѣетъ никакого значенія для принципіальнаго вопроса.

[2]) Клавдію принадлежитъ lex Claudia Gai. 1, 157, 171. C. J. 5, 30, 3. См. Tac. 11, 13: et lege lata saevitiam creditorum coercuit, ne in mortem parentum pecunias filiis familiarum fenori darent; 11, 14: Claudius tres litteras adiecit: quae usui imperitante eo post oblitteratae aspiciuntur etiam nunc in aere publicandis (publicatis ?) plebiscitis per fora ac templa fixo.

[3]) l. 3, § 1, D. de termino moto 47, 21: Lege agraria, quam Gaius Caesar tulit... Alia quoque lege agraria, quam divus Nerva tulit...

[4]) См. lex de imperio Vespasiani, стр. 34: si quis huiusce legis ergo.

поряженіемъ принцепса. Чисто фактическій характеръ этого процесса ярче всего проявляется въ невозможности включить его въ хронологическія рамки: въ общемъ можно сказать, что, начиная съ Тиберія, на первомъ планѣ стоитъ сенатусконсультъ, начиная съ Гадріана—constitutio principis [1]).

При Августѣ, однако, это развитіе едва-ли даже началось: всѣ важныя нововведенія его времени, согласно республиканскому обычаю, требуютъ согласіе самого народа: сенатъ участвуетъ въ нихъ лишь въ качествѣ учрежденія совѣщательнаго.

По отношенію къ избранію магистратовъ сенатъ Августа также еще не играетъ никакой роли: такъ какъ здѣсь нѣтъ мѣста совѣщанію, роль его даже еще болѣе ограничена, чѣмъ въ законодательной области. Лишь когда безпорядки заставляютъ Августа вмѣшаться, онъ, быть можетъ (и даже вѣроятно), не принимаетъ чрезвычайныхъ мѣръ безъ совѣщанія съ сенатомъ.

О раздѣленіи власти между принцепсомъ и сенатомъ при Августѣ, такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи. Такъ же, какъ въ эпоху республики, избранные народомъ магистраты съ принцепсомъ во главѣ управляютъ государствомъ при совѣщательномъ содѣйствіи сената. Участіе всѣхъ трехъ инстанцій, народнаго собранія, магистратуры и сената, въ разныхъ сферахъ государственной жизни является рѣшающимъ признакомъ формальнаго возстановленія республики.

Несмотря, однако, на сохраненіе законодательства и права избранія за народомъ, несмотря на то, что сенатъ не замѣнилъ еще народа и формально сохранилъ лишь свое прежнее положеніе, въ нѣкоторыхъ, сравнительно менѣе важныхъ от-

---

[1]) Относительно перваго см. R. St. 2, 883, относительно послѣдняго см. Herzog, Gesch. u. Syst. 2, 370: die kaiserlichen Erlasse, bleibender oder einmaliger Bedeutung, vor allem die constitutiones, jetzt die wichtigste Rechtsquelle.

ношеніяхъ его компетенція дѣйствительно была расширена, а окружавшій его внѣшній почетъ—увеличенъ.

Важнѣе всего здѣсь расширеніе судебныхъ полномочій сената, какъ въ области уголовнаго, такъ и въ области гражданскаго судопроизводства. Опредѣлить точно, когда и какъ (т.-е. въ силу какого акта) сенатъ получилъ верховную судебную власть, такъ же невозможно, какъ выяснить, когда ее получилъ принцепсъ [1]). Здѣсь необходимо отмѣтить лишь слѣдующіе пункты.

Во-первыхъ, формально, высшая судебная власть принадлежитъ не сенату и принцепсу, а консуламъ и принцепсу [2]). Но тогда какъ принцепсъ можетъ воспользоваться ею помимо сената, составляя свое consilium, какъ ему въ каждомъ данномъ случаѣ заблагоразсудится, и не связанъ мнѣніемъ послѣдняго, consilium'омъ консуловъ является, повидимому, обязательно сенатъ, мнѣніе котораго связываетъ консула. Понятно поэтому, что источники называютъ такого рода уголовный процессъ не consulis, а senatus cognitio [3]): консулъ состоитъ лишь предсѣдателемъ чрезвычайнаго высшаго суда, которымъ сенатъ въ такомъ случаѣ является. Это касается одинаково и уголовной и гражданской юрисдикціи [4]).

Во-вторыхъ, судебная власть сената проявляется не одинаково въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ, онъ или, вѣрнѣе, консулы представляютъ высшую аппелляціонную инстанцію для Италіи и провинцій, не

---

[1]) Моммзенъ, R. St. 2, 118 и 124, предполагаетъ, что судебная власть сената установлена Августомъ въ то время, когда онъ послѣ битвы при Акціумѣ реорганизовалъ государство и окончательно опредѣлилъ положеніе сената. Dio, 53, 21.

[2]) См. напр. Tac. Ann. 2, 28: adit consules, cognitionem senatus poscit; 3, 10: Trio Pisonem apud consules postulavit; 13, 44: postulatus apud consules a patre interfectae.

[3]) Tac. Ann. 1, 75; 2, 28; 16, 11, hist. 4, 40. 4, 45. Plin. ep. 3, 11, 4. 9, 22. Quintil. 3, 10, 1; 7, 2, 20.

[4]) R. St. 2, 106. Tac. ann. 14, 28. Suet. Nero, 17.

подчиненныхъ непосредственно императору: принимать аппелляціи изъ провинцій императора, они не имѣютъ права [1]). Въ виду того, что гражданскія дѣла, вообще говоря, имѣли меньшее политическое значеніе, сенатъ обыкновенно освобождалъ себя отъ ихъ разсмотрѣнія, давая консуламъ право рѣшать ихъ безъ его участія [2]). Для уголовныхъ дѣлъ сенатъ, наоборотъ, не аппелляціонная инстанція, а конкуррируетъ съ обыкновенными уголовными судами, т.-е. съ quaestiones perpetuae [3]). Продолжая дѣйствовать попрежнему, послѣднія уступаютъ сенату каждый разъ, когда консулы и сенатъ, по желанію принцепса [4]), по собственному почину или по желанію сторонъ [5]), сочтутъ нужнымъ, взять разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла на себя. Соціальное положеніе истца или обвиненнаго принципіально при этомъ такъ же безразлично, какъ характеръ дѣла, хотя чаще всего рѣшенію сената подлежатъ преступленія или жалобы высокопоставленныхъ лицъ (сенаторовъ, всадниковъ) и особенно политическіе процессы [6]).

Въ отличіе отъ республиканскихъ порядковъ, сенатъ, въ-третьихъ, имѣетъ право подвергать обвиненнаго смертной казни безъ права провокаціи къ народу. Въ какихъ широкихъ размѣрахъ сенатъ пользовался — вѣрнѣе, былъ принужденъ, пользоваться — этимъ правомъ, хорошо извѣстно хотя бы изъ исторіи принципата Тиберія: анналы Тацита полны данныхъ на этотъ счетъ. Какое конституціонное значеніе,

---

[1]) R. St. 2, 107.

[2]) R. St. 2, 106—107.

[3]) Несмотря, напр., на то, что почти всѣ процессы по оскорбленію величества рѣшались въ сенатѣ, даже quaestio maiestatis продолжаетъ существовать. Tac. Ann. 1, 72. Suet. Tib. 8, 58.

[4]) Suet. Aug. 66: Salvidienum Rufum res novas molientem damnandum senatui tradidit.

[5]) См. дѣло Пизона. Tac. Ann. 2, 79. 3, 10 и рѣшеніе Тиберія 3, 12. Сенатъ, однако, не обязанъ подчиниться желанію сторонъ. Tac. Ann. 4, 21. 13, 10.

[6]) Доказат. см. R. St. 2, 119—120.

далѣе, имѣетъ упраздненіе древняго права провокаціи, само по себѣ ясно. Недаромъ еще современникъ Августа, Ливій, видѣлъ въ немъ палладіумъ свободы. Практически, принципатъ, такимъ образомъ, дѣйствительно возстановилъ старую неограниченную судебную власть царей [1]), примѣненіе которой встрѣчается и въ эпоху республики, но всегда нуждалось въ спеціальномъ рѣшеніи народнаго собранія [2]) или позднѣе—сената [3]). И то, и другое всегда предполагало исключительныя условія и какъ народное собраніе, такъ и сенатъ прибѣгали лишь въ крайнемъ случаѣ къ исключительнымъ мѣрамъ. Какими соображеніями Августъ мотивировалъ окончательное упраздненіе права провокаціи, намъ неизвѣстно. Формально оно равносильно объявленію, что государсгво находится въ постоянной опасности, и весьма возможно, что Августъ сослался на едва оконченныя междоусобныя войны, возвращая консуламъ и сенату право, рѣшать вопросъ о жизни и смерти гражданъ [4]). Чтобы право провокаціи было формально упразднено законнымъ порядкомъ, едва-ли вѣроятно; гораздо правдоподобнѣе, что и оно пало чисто фактически въ силу дѣйствительнаго существованія неограниченной судебной власти сената и принцепса.

Остается вопросъ объ отношеніи судебной власти принцепса къ судебной власти сената.

Выше мы ужъ отмѣтили, что принцепсъ имѣетъ такую же точно аппелляціонную въ гражданскихъ и конкуррирующую съ другими судами—въ уголовныхъ дѣлахъ власть, какъ сенатъ.

[1]) R. St. 2, 123: Es ist der restaurirte Capitalprocess der Königs- und der frühesten Consularzeit. 2, 959: Es ist das alte königliche jurisdictionelle Imperium, welches damit wieder gleichmässig im Criminal- wie im Civilverfahren auftersteht.

[2]) Liv. 42, 21, 22. Cic de fin. 2, 16, 54.

[3]) См. выше стр. 19 сл. Cic. de domo 13, 35. Въ болѣе раннія времена то же достигалось назначеніемъ диктатора.

[4]) R. St. 2, 124: das Gemeinwesen ist so zu sagen auf die Dauer in Gefahr erklärt worden.

Моммзенъ усматриваетъ въ этомъ доказательство въ пользу принципа діархіи [1]). Противъ этого говоритъ, однако, нѣсколько обстоятельствъ.

Во-первыхъ, мы уже видѣли, что сенатъ не имѣетъ права, принимать аппелляціи изъ провинцій принцепса, тогда какъ принцепсъ можетъ принимать ихъ и изъ провинцій, ему непосредственно не подчиненныхъ [2]).

Во-вторыхъ, принцепсъ (до Гадріана) можетъ принимать аппелляціи и противъ рѣшеній сената [3]).

Въ-третьихъ, при столкновеніи сенатскаго суда съ судомъ принцепса, сенатъ такъ же уступаетъ принцепсу, какъ quaestiones perpetuae сенату [4]).

Въ-четвертыхъ, наконецъ, право интерцессіи всегда даетъ принцепсу возможность кассировать приговоръ сената [5]).

Если прибавить къ этому, что принцепсъ можетъ пригласить консуловъ, ускорить ходъ какого-нибудь дѣла [6]) или, наоборотъ, оставить его вовсе [7]), то становится яснымъ, что о равноправномъ положеніи сенатской и императорской юрисдикціи нельзя говорить. Разъ императоры имѣли право, какъ предавать данное лицо суду сената, такъ и кассировать приговоры по-

---

[1]) R. St. 2, 960 (начало выше стр. 206 прим. 1): und gemäss dem Princip der Dyarchie durch die beiden Träger der souveränen Gewalt der römischen Gemeinde, Consuln und Senat einer—und den Princeps andrerseits vollständig und gleichmässig ausgeübt wird.

[2]) Исключеніемъ изъ этого правила является только начало принципата Калигулы (Suet. Gai. 16) и Нерона (Tac. ann. 13, 4), а также въ концѣ III вѣка принципаты Тацита (v. Floriani, 5, 6, R. St. 2, 106 пр. 1) и Проба (v. 13). R. St. 2, 107.

[3]) Ulp. Dig. 49, 2, 1, 2: sciendum est a senatu non posse appellari principem, *idque oratione divi Hadriani effectum.* Dio, 59, 18 разказываетъ о принятіи аппелляцій Гаемъ.

[4]) R. St. 2, 963: wobei wie der Quaestio das consularisch-senatorische, so beiden das Kaisergericht vorgeht. См. процессъ Пизона, гдѣ Тиберій добровольно рѣшаетъ вопросъ въ пользу сената.

[5]) Tac. ann. 3, 70 и особ. 14, 48.

[6]) Suet. Tib. 6, i. f.

[7]) Tac. Ann. 1, 73.

слѣдняго, власть принцепса и въ судебномъ, отношеніи, очевидно, была выше власти сената.

Если Моммзенъ, не смотря на это, говоритъ о діархіи, то онъ, повидимому, имѣетъ въ виду, что превосходство власти принцепса въ судебномъ отношеніи объясняется не собственно судебными, а общегосударственными полномочіями его [1]). Дѣйствительно, по крайней мѣрѣ, его исключительное право, судить по аппелляціямъ изъ его провинцій, вытекаетъ изъ исключительнаго характера его намѣстничьяго положенія, право интерцессіи—изъ трибунской власти, право приглашать консуловъ, начать или прекратить тотъ или иной процессъ—изъ его „права верховнаго надзора“ [2]), (имъ же, по нашему мнѣнію, объясняется и право, принимать аппелляціи на рѣшеніе сената, и превосходство конкуррирующей юрисдикціи принцепса надъ сенатской). Но, во-первыхъ, разъ Моммзенъ допускаетъ „право верховнаго надзора“ принцепса надъ консулами и сенатомъ, принципъ діархіи вообще теряетъ всякое значеніе: вѣдь сенатъ не имѣетъ соотвѣтственнаго права относительно принцепса. А во-вторыхъ, даже если судебное положеніе принцепса основывается не на однихъ спеціально-судебныхъ, а, какъ разъ въ самыхъ существенныхъ пунктахъ, на общегосударственныхъ полномочіяхъ его, то это едва-ли имѣетъ особенное конституціонное значеніе. Вѣдь конституція принципата основывается не на одномъ опредѣленномъ актѣ, разграничивающемъ компетенціи принцепса и сената, а на совокупности цѣлаго ряда отдѣльныхъ законовъ, обычаевъ и т. д. Судить о правахъ принцепса въ отдѣльныхъ областяхъ государственной жизни мы должны, такимъ образомъ, какъ разъ по совокупности его правъ. Вдобавокъ, разъ принцепсъ имѣлъ

[1]) По поводу права принцепса кассировать рѣшенія сената Моммзенъ замѣчаетъ (R. St. 2, 123, пр. 5): Aber formell war dies nichts weiter als eine Anwendung der allgemeinen Oberaufsicht, die in der kaiserlichen Stellung mit enthalten war. Ср. выше стр. 165 пр. 1.

[2]) См. предыд. прим.

общее право интерцессіи и верховнаго надзора, трудно было бы понять, къ чему могло бы понадобиться подтвержденіе его въ частности для всѣхъ отдѣльныхъ сторонъ его дѣятельности.

Согласиться съ взглядомъ Моммзена, будто въ судебныхъ дѣлахъ можно говорить о діархіи принцепса и сената, намъ, такимъ образомъ, кажется такъ же невозможнымъ, какъ говорить о ихъ равноправіи въ области администраціи или законотельства. Да и самъ Моммзенъ признаетъ, что принципъ діархіи тутъ не былъ проведенъ вполнѣ послѣдовательно [1]). Дѣйствительно, принцепсъ только въ силу однихъ своихъ законныхъ правъ, вовсе не прибѣгая къ давленію на сенатъ, всегда имѣлъ возможность, какъ пріостановить судебную дѣятельность сената, такъ и кассировать его приговоры. Судебная власть сената, такимъ образомъ, сводится къ тому, что онъ является consilium'омъ чрезвычайнаго консульскаго суда по всѣмъ дѣламъ, которыя принцепсъ считаетъ удобнымъ или даже желательнымъ ему предоставить. Къ чему повела судебная роль сената вмѣстѣ съ системой деляторства, извѣстно изъ исторіи перваго вѣка имперіи [2]).

Въ результатѣ, положеніе сената при Августѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Въ области управленія сенатъ не только ничего не пріобрѣлъ, но даже потерялъ надзоръ за частью провинцій, ихъ доходами и расположеннымъ въ нихъ войскомъ, для управленія которыми была компетентна новая чрезвычайная магистратура. Но и область, въ которой сенатъ чрезъ посредство консуловъ и проконсуловъ [3]) сохранилъ руководство и

---

[1]) R. St. 2, 107.

[2]) Dio 59, 16, 2: κἀκ τούτου καθ' ἕκαστον τῶν ἀπολωλότων ἐπεξιὼν ἀπέφαινεν (Гай), ὡς γε ἐδόκει, τοὺς βουλευτὰς αἰτίους τοῦ ὀλέθρου τοῖς πλείστοις αὐτῶν γεγονότας, τοὺς μὲν ὅτι κατεγόρησαν, τοὺς δὲ ὅτι κατεμαρτύρησαν, πάντας δὲ ὅτι κατεψηφίσαντο.

[3]) Притомъ консулы и проконсулы въ отличіе отъ позднѣйшаго времени (начиная съ Тиберія) избираются не сенатомъ, а народомъ и, слѣдо-

надзоръ, не осталась исключительно за нимъ, такъ какъ принцепсъ и здѣсь имѣетъ право высшаго надзора, которымъ онъ, впрочемъ, обыкновенно пользуется съ согласія и при совѣщательномъ участіи сената.

Въ области законодательства сенатъ сохранилъ для всѣхъ магистратуръ свое положеніе совѣщательнаго учрежденія, мнѣніе котораго, по обычаю, должно быть спрошено. Своимъ неограниченнымъ правомъ распоряженій принцепсъ, однако, можетъ пользоваться безъ всякаго участія сената. Мнѣніе сената еще не имѣетъ силы закона, и для всѣхъ существенныхъ мѣръ требуется согласіе народнаго собранія.

Въ области судебной власти, сенатъ является обязательнымъ consilium'омъ консуловъ, получающихъ чрезвычайно широкія компетенціи, какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ. Наряду съ его судомъ стоитъ высшій императорскій, которому сенатскій обязанъ уступить.

Для всѣхъ вообще сторонъ сенатской жизни имѣютъ рѣшающее значеніе, съ одной стороны, право интерцессіи, въ силу котораго принцепсъ имѣетъ возможность упразднить всякое дѣйствіе сената, съ другой стороны—его безграничная дискреціонная власть, въ силу которой онъ можетъ постановить и дѣлать все, что̀ ему кажется нужнымъ „въ интересахъ государства или ради величія божественныхъ, человѣческихъ, государственныхъ и гражданскихъ отношеній“.

Въ самыхъ общихъ чертахъ государственное устройство Рима въ эпоху Августа можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ образомъ. Верховная власть въ государствѣ принадлежитъ народному собранію. Народъ одинъ законодательствуетъ;

вательно, формально являются не его органами, а также, какъ и принцепсъ, органами народа.

онъ одинъ избираетъ всѣхъ магистратовъ, въ томъ числѣ и своего верховнаго уполномоченнаго, принцепса; косвенно, наконецъ, онъ опредѣляетъ и составъ сената, такъ какъ по обычному порядку занятіе мѣста въ сенатѣ связано нетолько съ цензомъ, но и съ избраніемъ въ квесторы, зависящимъ отъ народной воли [1]).

Рѣшеніе текущихъ дѣлъ зависитъ отъ магистратуры. Поскольку данное дѣло входитъ непосредственно въ обычную или установленную закономъ компетенцію магистрата, онъ дѣйствуетъ при этомъ самостоятельно [2]), поскольку оно является чрезвычайнымъ, онъ обязанъ совѣщаться съ сенатомъ. Въ зависимости отъ болѣе или менѣе широкаго круга непосредственной компетенціи магистрата, зависимость его отъ сената естественно болѣе или менѣе значительна. Наименѣе серьезна она для принцепса.

Сенатъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ управленію: онъ можетъ высказывать свое мнѣніе только по тѣмъ особо важнымъ вопросамъ, которые магистратъ считаетъ нужнымъ, довести до его свѣдѣнія. Иниціатива сенаторовъ стѣснена тремя весьма существенными условіями: во-первыхъ, сенатъ не можетъ собираться иначе какъ по приглашенію магистрата, который затѣмъ и предсѣдательствуетъ въ созванномъ имъ

---

[1]) Abriss, 310: In der That wählt jetzt die Bürgerschaft weniger zum Quaestor als zum Senator und weiter durch Verleihung der höheren Aemter zu der mit einem jeden derselben verbundenen Rangklasse. Es ruht also der Senat in diesem Stadium wesentlich auf dem Princip der souveränen Comitialgewalt und trotz der an die Wahl geknüpften Lebenslänglichkeit darf der Senat als eine aus der Bürgerschaft hervorgegangene Volksvertretung bezeichnet werden.

[2]) Такъ, напр., консулъ созываетъ сенатъ и народное собраніе, предсѣдательствуетъ въ нихъ, интерцедируетъ противъ преторскаго декрета, предпринимаетъ акты, вытекающіе изъ добровольной юрисдикціи (усыновленіе, эмансипація, манумиссія), слѣдитъ за исполненіемъ fidei commissa наслѣдникомъ (со времени Августа), назначаетъ опекуновъ (со времени Клавдія) и т. д. ex officicio безъ совѣщанія съ сенатомъ.

засѣданіи; во-вторыхъ, самостоятельное предложеніе какого-либо сенатора, сдѣланное въ данномъ засѣданіи, можетъ подвергнуться голосованію только въ томъ случаѣ, если магистратъ поставитъ его на очередь, и, въ-третьихъ, право интерцессіи принцепса (и трибуновъ) даетъ имъ возможность лишить любое рѣшеніе сената, а слѣдовательно, и рѣшеніе по поднятому изъ среды сената вопросу законной силы. Сенатъ и теперь, такимъ образомъ, является учрежденіемъ по преимуществу совѣщательнымъ и лишь форма сенатусконсульта, въ силу которой рѣшеніе высказывается какъ рѣшеніе сената, а не даннаго магистрата при содѣйствіи сената, (напр. consulis et senatus sententia) указываетъ на фактическое положеніе дѣлъ, при которомъ, по обычаю, магистратъ подчиняется сенату. Въ какой мѣрѣ это фактически распространяется и на высшаго магистрата, на принцепса, рѣшить невозможно: правомъ интерцессіи принцепса вопросъ принципіально рѣшается не въ пользу сената. Совѣщаніе съ сенатомъ, во всякомъ случаѣ, признается обязательнымъ и для него.

При Августѣ, такимъ образомъ, всѣ три инстанціи: суверенное народное собраніе, его непосредственная представительница, магистратура, постоянное высшее совѣщательное учрежденіе, сенатъ, представляютъ одинаково необходимые и важные факторы государственной жизни. Народъ не отрекся отъ своихъ правъ ни въ пользу магистратуры, ни въ пользу сената: предъ нами республика, а не монархія или діархія.

Діархія (въ условномъ смыслѣ) установится лишь, когда сенатъ всецѣло пріобрѣтетъ права народнаго собранія, т.е. когда его мнѣніе нетолько будетъ имѣть законную силу, но и вообще замѣнитъ законы, и когда къ нему перейдетъ право, избирать магистратовъ, а за народомъ останется лишь одно формальное право на участіе при репунціаціи избранныхъ. Тогда магистраты и формально перестанутъ быть уполномоченными народа и сдѣлаются уполномоченными сената, который тѣмъ

самымъ фактически начнетъ, пополняться кооптаціей [1]). Опредѣлить точнѣе моментъ, когда народъ потерялъ свои верховныя права и когда они перешли къ сенату, какъ мы увидимъ, невозможно. Въ существенныхъ чертахъ это произошло уже при Тиберіи. Но и тогда діархія не будетъ означать сосуществованія двухъ вполнѣ равноправныхъ факторовъ, принцепса и сената. Съ одной стороны, сенатъ какъ постоянное учрежденіе, переживающее отдѣльнаго принцепса, замѣняющее суверенный народъ и участвующее при дарованіи связанныхъ съ принципатомъ полномочій (чтобъ не сказать, дарующее ихъ), очевидно, въ конституціонномъ смыслѣ стоитъ выше принцепса. Съ другой стороны, разъ принцепсъ избранъ, онъ въ качествѣ верховнаго уполномоченнаго сената и народа, въ силу своей дискреціонной и трибунской власти во всѣхъ вопросахъ управленія (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) обладаетъ высшей властью сравнительно съ сенатомъ: изъ представителя суверенитета, дарующаго власть, сенатъ, разъ принцепсъ избранъ, снова, вплоть до его смерти или низложенія, превращается въ высшее, конституціонно-необходимое, совѣщательное учрежденіе, не имѣющее возможности придать своему рѣшенію по какому бы то ни было вопросу обязательное значеніе безъ открытаго или молчаливаго согласія принцепса. Смотря по тому, съ какой изъ этихъ точекъ зрѣнія мы будемъ смотрѣть на сосуществованіе сената и принцепса, мы признаемъ преобладаніе того или другого. Особенность римскаго строя этого времени удобнѣе всего выяснить сравненіемъ его хотя бы съ современнымъ французскимъ: здѣсь палаты избираютъ президента республики, но и послѣ избранія вся власть въ ихъ рукахъ; сенатъ также избираетъ принцепса, но послѣ избранія вся власть въ рукахъ послѣдняго. Въ первомъ случаѣ мы прак-

[1]) Моммзенъ самъ это признаетъ. R. St. 2, 938: auch nach dieser Seite hin, ebenso wie nach der monarchischen, hat Tiberius das Princip der Dyarchie zuerst voll und scharf zum Ausdruck gebracht.

тически имѣемъ дѣло съ господствомъ парламента, во-второмъ, съ господствомъ принцепса; тогда какъ въ современной Франціи, въ случаѣ конфликта, долженъ уступить президентъ, въ Римѣ уступаетъ сенатъ. О діархіи въ смыслѣ Моммзена такимъ образомъ и послѣ Тиберія, на нашъ взглядъ, нельзя говорить безъ неминуемой опасности, затемнить суть дѣла [1]).

Если вообще сохранить терминъ: діархія—на нашъ взглядъ это едва-ли можно рекомендовать—то его можно употреблять только въ томъ смыслѣ, что сенатъ существуетъ независимо отъ воли принцепса, какъ одинъ изъ органическихъ факторовъ государственной жизни, участвующій какъ при дарованіи принципата, такъ—поскольку принцепсу это кажется нужнымъ—и въ государственномъ управленіи.

Но и въ этой формѣ сенатъ не сохранилъ своего положенія. Самостоятельность, суверенный характеръ его положенія, стоитъ въ самой тѣсной связи съ его законодательной властью и съ правомъ избранія магистратовъ, влекущимъ за собой систему кооптаціи для пополненія сената. Когда сенатъ лишится этихъ правъ въ пользу принцепса, онъ тѣмъ самымъ переуступитъ ему послѣднія права суверенаго народа и снова, и на этотъ разъ уже окончательно, сохранитъ только значеніе совѣщательнаго органа. Опредѣлить точно моментъ, когда этотъ процессъ завершился, опять невозможно. Законное признаніе неограниченнаго права комендаціи, о которомъ намъ извѣстно начиная съ Веспасіана, и право принцепса пополнять сенатъ непосредственно въ силу „причисленія“ (adlectio) къ сенаторамъ, которымъ пользовался уже Домиціанъ въ качествѣ censor perpetuus и которое осталось и за его преемниками, поставили составъ сената въ полную зависимость отъ воли принцепса [2]).

[1]) О другихъ ограниченіяхъ принципа діархіи (продолженіе законодательной дѣятельности народа; законное вліяніе принцепса на выборы) см. ниже.

[2]) Первостепенное конституціонное значеніе этого факта (условно) признаетъ и Моммзенъ, R. St. 2, 937: Für das Wesen der Augustischen Ver-

Фактическая замѣна сенатусконсультовъ конституціями принцепса, которая проявляется уже въ эпоху Гадріана и завершается въ началѣ III вѣка [1]), далѣе, фактически лишаетъ сенатъ и законодательной власти. Смотря потому, какому изъ этихъ фактовъ мы отдадимъ предпочтеніе, мы признаемъ, что эпоха формальной самостоятельности сената кончается уже ко времени Веспасіана или къ срединѣ II вѣка. На нашъ взглядъ правильнѣе всего принять за исходный пунктъ время установленія права аллекціи. Съ этого времени сенатъ въ обыкновенное время не что иное какъ государственный совѣтъ монарха-принцепса. Изъ прежнихъ суверенныхъ правъ за нимъ остается, и то лишь формально, только право избранія или, вѣрнѣе, утвержденія принцепса: но начиная съ Септимія Севера и оно начинаетъ колебаться и еще въ III вѣкѣ окончательно переходитъ къ войску [2]). Когда Діоклеціанъ принялся за реорганизацію государства, сенатъ уже не сохранилъ почти ни одного изъ своихъ прежнихъ правъ. Конституціонный смыслъ дѣятельности Діоклеціана заключается не въ планомѣрномъ

---

fassung ist kaum eine zweite Frage von so tief einschneidender Bedeutung, wie die des Rechts der Besetzung der senatorischen Stellen. Das Princip dieser Verfassung ist die Dyarchie, die Theilung des Regiments zwischen dem Kaiser einer- und dem Senat andererseits; dieses Princip aber wird illusorisch, so wie die Zusammensetzung des Senats dem Princeps in die Hand gegeben ist. Дальше онъ говоритъ, что это случилось при Домиціанѣ и осталось въ силѣ послѣ него, и прибавляетъ R. St. 2, 944: wenn man dies als Aufhebung der augustischen Verfassung bezeichnen will, so wird sich dagegen nicht viel erinnern lassen. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ діархію характерной для всего періода до Діона.

[1]) Что сенатусконсультъ еще въ IV вѣкѣ въ теоріи не былъ лишенъ законной силы, видно изъ указа Валентиніана, Ѳеодосія и Аркадія 384 г. l. 1, C. J. 1, 16: quamvis consultum senatus perpetuam per se obtinet firmitatem, tamen etiam nostris legibus idem prosequimur adiicientes, ut, si quisquam speciali supplicatione eliciendum aliquod rescriptum temptaverit, ut transire ei formam liceat statutorum, tertia patrimonii parta multatus et damnatus ambitus crimine maneat infamis. Ср. l. 10, C. Th. 6, 2 (393 г.) l. 21, C. Th. 6, 2 (428 г.), l. 8. C. Th. 10, 19 (376 г.).

[2]) Единственное исключеніе, начиная съ 238 года, представляетъ избраніе Тацита, но и тутъ сенатъ дѣйствовалъ по приглашенію войска.

уничтоженіи, давно лишь фиктивныхъ, правъ сената, а въ томъ, что онъ, въ отличіе отъ Тацита и Проба, не пошелъ противъ духа времени и не пожелалъ по ихъ примѣру, опереться на такой прогнившій фундаментъ, какъ сенатъ.

Коренное различіе нашего взгляда и взгляда Моммзена и его послѣдователей заключается, какъ уже сказано, въ томъ, что мы считаемъ необходимымъ, различать нѣсколько не отдѣленныхъ рѣзко другъ отъ друга періодовъ конституціоннаго развитія имперіи, тогда какъ Моммзенъ, наоборотъ, строго различаетъ періодъ принципата и діоклеціано-константиновской монархіи и стремится, установить общіе всему принципату конституціонныя черты. Предоставляя историкамъ, выяснить ходъ развитія императорской власти, онъ подчеркиваетъ совокупность тѣхъ чертъ, которыя отличаютъ первыя времена имперіи отъ IV и V вѣка, соединяетъ ихъ въ систему, въ основаніи которой лежитъ теорія діархіи, и затѣмъ утверждаетъ, что эта система и есть данная Августомъ конституція. Въ противоположность къ нему Mispoulet подчеркиваетъ черты, отличающія болѣе позднее время, соединяетъ ихъ также въ систему и, въ свою очередь, утверждаетъ, что такова конституція Августа. Признавая значительную роль обычая и молчаливаго соглашенія въ развитіи римской государственной жизни — безъ признанія которой, кстати сказать, не могутъ обойтись ни Моммзенъ, ни Миспулэ — и полагая, что объ основныхъ законахъ въ древнемъ Римѣ не можетъ быть рѣчи, иначе говоря, что нѣтъ возможности строго различать отдѣльные періоды конституціоннаго развитія по одному законодательству, мы, въ свою очередь, не считаемъ возможнымъ установить одну конституціонную систему для всѣхъ первыхъ трехъ вѣковъ, все равно будемъ ли мы при этомъ исходить изъ республиканскихъ или абсолютистическихъ аналогій. Республиканскія аналогіи имѣютъ серьезное конституціонное значеніе только для перваго вѣка, абсолютистическія, особенно начиная со второго вѣка; но ни тѣ, ни другія въ отдѣльности

не исчерпываютъ всѣхъ сторонъ императорской власти. Единственный правильный путь поэтому, по нашему мнѣнію, заключается въ различеніи нѣсколькихъ стадій конституціоннаго развитія принципата: вѣдь не только діоклеціано-константиновская монархія, а уже положеніе Севера настолько рѣзко отличается отъ положенія Августа, что самъ Моммзенъ неоднократно признаетъ коренную разницу между ними [1]).

Уже на основаніи предыдущаго мы можемъ установить два критерія для различенія отдѣльныхъ эпохъ. Превращеніе принципата изъ чрезвычайной магистратуры въ одно изъ органическихъ учрежденій римскаго государственнаго строя, съ одной, пріобрѣтеніе и потеря верховныхъ правъ сенатомъ, съ другой стороны, несомнѣнно представляютъ важные моменты въ развитіи римскаго государства: въ законахъ они, правда, мало отражаются, тѣмъ болѣе важно убѣдиться, не встрѣчаются ли слѣды ихъ въ современной литературѣ.

Принципатъ самого Августа, во всякомъ случаѣ, рѣзко отличается не только отъ позднѣйшихъ, но и отъ принципата его непосредственнаго преемника, Тиберія. Какъ личное положеніе, такъ форма фактическаго и конституціоннаго пріобрѣтенія отдѣльныхъ властей, связанныхъ съ принципатомъ, такъ, наконецъ и, отношеніе къ сенату и народу совершенно иное при Августѣ и при Тиберіи. „Божественно возвышенный“ сынъ божественнаго Юлія навсегда сохранилъ славу прекращенія страшныхъ междоусобныхъ войнъ и соединенную съ этимъ популярность. Многочисленныя побѣды Тиберія надъ сѣверными варварами, по мнѣнію общества, не могли сравниться съ заслугами Августа, потушившаго внутренній пожаръ, грозившій погубить Римъ. Августъ пріобрѣлъ власть или вѣрнѣе

[1]) R. St. 2, 762: erst mit Severus, dessen Regiment überhaupt einen wesentlichen Abschnitt in der Entwicklung des Principats zur Monarchie bildet, dringt dominus in die Ehrendenkmäler der Gemeinden und der sonstigen Corporationen ein. Den Abschluss machte auch hier Aurelianus.

цѣлый рядъ полномочій благодаря своимъ личнымъ заслугамъ, отказавшись отъ права побѣдителя, Тиберій, какъ-ни-какъ, въ значительной мѣрѣ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ родству съ Августомъ и получилъ всѣ его полномочія сразу, какъ бы по наслѣдству. Августъ принялъ, по крайней мѣрѣ, часть своихъ полномочій на срокъ, Тиберій всѣ пожизненно. Августъ возстановилъ прежнее положеніе народнаго собранія и сената, Тиберій отнялъ у народа одно изъ его важнѣйшихъ правъ и передалъ его сенату. Августъ старался окружить сенатъ величайшимъ почетомъ, Тиберій въ концѣ концевъ унизилъ его до послѣдней степени. Изученіе процесса постепеннаго видоизмѣненія первоначальнаго характера римской императорской власти должно поэтому начинаться съ перваго преемника Августа.

Разсмотрѣніе происхожденія и должностного характера принципата въ связи съ опредѣленіемъ его отношенія къ народному собранію и сенату привело насъ къ заключенію, что, строго говоря, власть Августа не монархическая, а какъ по формальнымъ мотивамъ своего возникновенія, такъ и по своей формальной-же срочности ближе всего подходитъ къ чрезвычайнымъ магистратурамъ республики. Въ этомъ отношеніи мы, такимъ образомъ, совершенно согласны съ Моммзеномъ: „принципатъ появился на свѣтъ не въ качествѣ конца конституціоннаго порядка республики и въ противоположность къ ней, а, напротивъ, какъ ея возстановленіе и въ противоположность къ слѣдовавшимъ въ теченіе 22 лѣтъ другъ за другомъ властямъ, если не упразднявшимъ, то суспендировавшимъ конституцію, къ цезаріанской диктатурѣ и къ тріумвирату rei publicae constituendae“ [1]).

---

[1]) R. St. 2, 747.

§ 8.

Опредѣленіе конституціоннаго положенія принцепса въ значительной мѣрѣ осложняется тѣмъ, что принцепсъ съ самаго начала нетолько уполномоченный народа и сената, но въ то же время фактически обладаетъ и собственной, независимой отъ сената и народа, властью: мы ужъ видѣли, что, вступая въ соглашеніе съ республиканскими учрежденіями, Цезарь Октавіанъ опирался на всѣ военныя силы Рима, а ихъ повиновеніе и послѣ 27 года, естественно, обезпечивалось нестолько конституціоными основами его власти, сколько обаяніемъ его побѣдъ и его личности, окруженной, вдобавокъ, ореоломъ божественнаго происхожденія. Принцепсъ, такимъ образомъ, каково бы ни было его конституціонное положеніе, на дѣлѣ и монархъ—уполномоченный, какъ избранникъ сената и народа, и монархъ—господинъ, какъ обладатель непобѣдимой фактической силы и побѣдитель всѣхъ своихъ враговъ [1]), и монархъ-богъ, такъ какъ не только происходитъ отъ признаннаго государствомъ бога, но, по крайней мѣрѣ въ провинціяхъ, и самъ, наряду съ геніемъ Рима, пользуется божественнымъ поклоненіемъ [2]). Само собою разумѣется, что два послѣднихъ элемента не могли остаться безъ вліянія на развитіе прин-

[1]) Извѣстно, что Азиній Полліонъ, не желая участвовать въ борьбѣ Августа съ Антоніемъ, испросилъ у Августа право, остаться въ Италіи, какъ „добыча побѣдителя“. Vell. 2, 86: non praetereatur Asini Pollionis factum et dictum memorabile: namque cum se post Brundusinam pacem continuisset in Italia neque aut vidisset unquam reginam aut post enervatum amore eius Antoni animum partibus eius se miscuisset, rogante Caesare, ut secum ad bellum proficisceretur Actiacum: mea, inquit, in Antonium maiora merita sunt, illius in me beneficia notiora, itaque discrimini vestro me subtraham et ero praeda victoris. Полліонъ вообще стремился къ остроумію. Cic. ad fam. 10, 33, 5. Macrob. Saturn. 2, 4, 21. Plin. ep. 6, 29, 5. Valer. Max. 8, 13, 4. Gardthausen, 1, 111 и 2, 42 пр. 6.

[2]) Suet. Aug. 52: Templa quamvis sciret etiam proconsulibus decerni solere, in nulla tamen provincia nisi communi suo Romaeque nomine recepit (nam in urbe quidem pertinacissime abstinuit hoc honore). Иначе диктаторъ Цезарь. Ср. Suet. Jul. 76: sed et ampliora etiam humano fastigio decerni sibi

ципата, тѣмъ болѣе, что особенно имъ и, главнымъ образомъ, своему военному положенію Августъ былъ обязанъ и законнымъ. Если формально, а отчасти и на практикѣ, принципатъ не сразу принялъ форму безусловнаго владычества монарха-господина и бога, Римъ этимъ обязанъ умѣренности Августа и сильному еще въ римскомъ обществѣ духу отвращенія къ чистому деспотизму.

Тѣмъ не менѣе сущность принципата гораздо болѣе деспотическая, чѣмъ можно было бы заключить по его внѣшней формѣ. Дальнѣйшее развитіе принципата, несмотря на нѣсколько попытокъ возстановить его въ болѣе или менѣе первоначальномъ конституціонномъ видѣ, какъ разъ заключается въ возрастающемъ усиленіи его божественныхъ и деспотическихъ (въ собственномъ смыслѣ слова: δεσπότης-господинъ) элементовъ. Безумства Калигулы имѣютъ симптоматическое значеніе для конечнаго результата всего процесса [1]).

Но начало его восходитъ еще къ временамъ Августа. Несмотря на все соблюденіе республиканскихъ формъ, уже онъ въ нѣсколькихъ отношеніяхъ перешелъ за предѣлы, обязательные для формальнаго сохраненія положенія верховнаго уполномоченнаго народа, и проявилъ чисто монархическія тенденціи. Сюда относятся распространеніе понятія maiestas на принцепса и особенно его непомѣрное расширеніе, далѣе, появленіе его изображенія на монетахъ, стремленіе

passus est... Templa, aras, simulacra inter deos, pulvinar, flaminem, lupercos. Видѣть въ признаніи его послѣ смерти богомъ одну лишь форму лести было бы неправильно см. Suet. Caes. 88: in deorum numerum relatus est, non ore modo decernentium sed et persuasione volgi; въ чемъ это выражалось, видно, напр. изъ Suet. Caes. 85. Останавливаться на значеніи культа императоровъ, мы не будемъ въ виду многочисленныхъ капитальныхъ изслѣдованій объ этомъ вопросѣ.

[1]) Suet. Cal. 22:.. cum audiret forte reges, qui officii causa in urbem advenerant, concertantis apud se super caenam de nobilitate generis, exclamavit: εἷς κοίρανος ἔστω, εἷς βασιλεύς! nec multum afuit quin statim diadema sumeret speciemque principatus in regni formam converteret. Verum admonitus et principum et regum se excessisse fastigium, divinam ex eo maiestatem

къ установленію наслѣдственности принципата и установленіе цѣлаго ряда привилегій царскаго дома.

Понятіе maiestas играло не малую роль уже въ эпоху республики. При союзныхъ договорахъ, заключенныхъ Римомъ съ побѣжденными или слабыми государствами, обязанности новаго союзника опредѣлялись не вполнѣ яснымъ терминомъ: maiestatem populi Romani comiter conservanto [1]). Во внутренней жизни государства понятіе умаленія или оскорбленія величества (maiestas minuta или laesa) суверена, т.-е. римскаго народа, повидимому, впервые было установлено закономъ трибуна Аппулея [2]). До этого времени преступленія противъ государства подводились подъ терминъ perduellio. Сюда относились: предательство на войнѣ, заговоръ для возстановленія царской власти, гражданскіе безпорядки. Содержаніе закона Аппулея намъ неизвѣстно, но уже изъ нѣсколькихъ отрывковъ Цицерона видно, что новое понятіе къ его времени (а можетъ быть и съ самаго начала) распространялось и на магистратуру: „умалить величество, говоритъ онъ (de inv. 2, 17 § 53) значитъ отнять что-либо отъ достоинства или почета (amplitudo) или власти народа, или тѣхъ, которымъ народъ далъ власть“ [3]). Если, такимъ образомъ, Тацитъ говоритъ, что обвиненія въ умаленіи величества въ эпоху республики касались только предательства, возбужденія безпорядковъ и плохого веденія дѣлъ [4]), то можно

asserere sibi coepit... Templum etiam numini suo proprium et sacerdotes et excogitatissimas hostias instituit...

[1]) l. 7 § 1 D. de capt. 49, 15. Cic. pro Balbo 16, 35. Liv. 38, 11. Обо всемъ этомъ см. теперь Mommsen, Röm. Strafrecht 537—594 и особ. 580 сл.

[2]) Cic. de or. 2, 107: ab illo (Norbano) maiestatem minutam negabam, ex quo verbo lege Appulleia tota illa caussa pendebat. Cic. ad Herenn. 1, 21: arcessitur Caepio maiestatis за нарушеніе порядка при голосованіи legis Appulleiae frumentariae 100 г. Mommsen, R. G. 2, 178. Herzog, 1, 485.

[3]) Cic. de or. 2, 201, de inv. 2, 52—55, part. orat. 105. (r. 2, 39, § 164) maiestatem minuere est de dignitate aut amplitudine aut potestate populi aut eorum quibus populus potestatem dedit, aliquid derogare. См. Liv. 2, 7: populi quam consulis maiestatem vimque maiorem esse. Gell. 13, 3 § 3. См. Madvig, 2, 274—75.

[4]) Tac. Ann. 1, 72: in iudicium veniebat, si quis proditione exercitum

допустить, что на практикѣ содержаніе большинства этихъ процессовъ было именно таково, но свидѣтельство Цицерона несомнѣнно доказываетъ, что самое понятіе было шире или по крайней мѣрѣ допускало болѣе широкое толкованіе [1]). Какъ бы то ни было, обширныя реформы Суллы коснулись и этого пункта: ко времени его диктатуры относится lex Cornelia de maiestate [2]), въ связи съ которой, быть можетъ, была создана особая quaestio perpetua для относящихся сюда преступленій [3]). Уже диктаторъ Цезарь, однако, былъ принужденъ снова заняться этимъ дѣломъ, и къ 46 г. относится его lex Julia maiestatis [4]), вѣроятно, та же, которая упоминается въ дигестахъ [5]).

Спрашивается, какъ отнесся къ существовавшимъ въ его время порядкамъ Августъ и въ какой степени онъ счелъ нужнымъ примѣнить понятіе величества къ себѣ?

Вопросъ въ значительной мѣрѣ сводится къ тому, насколко примѣнимы постановленія 4 титула 48 книги Дигестъ ко времени Августа. Познакомимся же прежде всего съ ними.

Указанный титулъ содержитъ 11 отрывковъ изъ Ульпіана (§ 1 = Ulp. l. VII de officio proconsulis, § 2 = Ulp. l. VIII disputationum, § 11 = Ulp. ib.) Марціана (§ 3 = Marc. l. XIV institutionum, § 5 = Marc. l. V regularum), Сцеволы

---

aut plebem seditionibus, denique male gesta re publica maiestatem populi Romani minuisset.

[1]) Madvig, 2, 275 приводитъ свѣденія о процессахъ maiestatis въ эпоху республики: процессъ легата Г. Попиллія за заключеніе позорной капитуляціи съ Галлами въ 107 г. (Cic. rhet. ad Her. 1, 15), бывшаго трибуна Нормана за seditio около 95 г. (Cic. pro Cluent. 35. 36). Сюда же Цицеронъ относитъ нетолько самовольное объявленіе войны намѣстникомъ (Cic. in Pis. 21), но даже устраненіе памятниковъ римской славы (in Verr. 4, 41). По мнѣнію Моммзена R. G. 2, 178 сюда же слѣдуетъ причислить quaestio auri Tolosani. О дѣлѣ Цепіона см. выше.

[2]) Cic. ad fam. 3, 11; in Pis. 21. Ascon. arg. Cornel. p. 92—93.

[3]) Иначе Herzog, 1, 521.

[4]) Cic. Phil. 1, 9.

[5]) Dig. 48, 4 ad legem Juliam maiestatis; cf. C. J. 9, 8.

(§ 4 = l. IV regularum), Венулея Сатурнина (§ 6 = Ven. l. II de iudiciis publicis), Модестина (§ 7 = Mod. l. XII pandectarum), Папиніана (§ 8 = Pap. l. XIII responsorum) и Гермогеніана (§ 9 = Herm. l. V iuris epitomarum, § 10 = id. l. VI iuris epitomarum [1]). Наконецъ l. 6. C. J. 9, 8 содержитъ по отрывку изъ Павла (de publicis iudiciis, книга не указана) и изъ Марціана (l. 6. C. J. 9, 8, § 2 — 4 = Marc. l. I de publicis iudiciis titulo ad legem Juliam maiestatis). Изъ нихъ Венулей Сатурнинъ, вѣроятно, былъ современникомъ Антонина Пія, Кв. Цервидій Сцевола современникомъ Марка Аврелія [2]); Папиніанъ, его ученикъ и товарищъ Септимія Севера, былъ префектомъ praetorio послѣдняго [3]), Ульпіанъ и Павелъ, какъ извѣстно, занимали туже должность при Александрѣ Северѣ [4]); къ тому же времени относится Марціанъ [5]), тогда какъ Геренній Модестинъ нѣсколько моложе его [6]), а Гермогеніанъ еще моложе Модестина [7]). Ни одно изъ этихъ свидѣтельствъ, такимъ образомъ, не относится непосредственно къ первому вѣку, а такъ какъ изъ нѣкоторыхъ видно, что съ теченіемъ времени первоначальная lex Julia несомнѣнно подвергалась интерпретаціи со стороны императоровъ [8]), то и ссылка на нее, очевидно,

---

[1]) О немъ Krüger, 180—181.

[2]) v. Marci 11, 10; о немъ см. Krüger, Gesch. der Quellen und Literatur des römischen Rechts, стр. 194—197.

[3]) ib., 197—201.

[4]) ib. 214—224, resp. 204—214.

[5]) ib. 225—226.

[6]) ib. 226—227.

[7]) ib. 228 (см. пр. 25).

[8]) Такъ изъ l. 6, C. J. 9, 8 видно, что Маркъ Аврелій послѣ возстанія Авидія Кассія ввелъ посмертное преслѣдованіе обвиненнаго въ оскорбленіи величества и это рѣшеніе было дополнено Северомъ и Каракаллой (см. также l. 11, D. 48, 4); изъ l. 5 D. 48, 4 наоборотъ видно, что Северъ и Каракалла признали невиновнымъ въ crimen laesae maiestatis того, кто поправляетъ старыя статуи императоровъ, кто случайно броситъ въ нихъ камень, кто продалъ еще не освященныя статуи (ob imagines Caesaris nondum consecratas), а изъ l. 4 ib. § 1, что сенатъ освободилъ отъ отвѣтственности того, qui statuas imperatoris reprobatas conflaverit,

не доказываетъ, чтобы всѣ постановленія, содержащіяся въ нашемъ источникѣ, непремѣнно относились къ первому вѣку, и въ частности къ эпохѣ Августа.

Ясно, что при такихъ условіяхъ мы признаемъ только тѣ постановленія, какъ содержавшіяся въ lex Julia временъ Августа, которыя найдутъ себѣ подтвержденіе въ свидѣтельствѣ историковъ о его времени, или по самому существу своему не возбуждаютъ серьезнаго сомнѣнія въ своей древности и свободно могутъ быть отнесены какъ къ закону Цезаря, такъ и къ lex Cornelia Суллы. Сюда относится огромное большинство сохранившихся пунктовъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Ульпіанъ:

„Ближе всего подходитъ къ святотатству преступленіе, которое называется преступленіемъ противъ величества“. „Преступленіемъ же противъ величества является то, которое совершается противъ римскаго народа или безопасности его. Обвиненію въ немъ подвергается тотъ, благодаря дѣятельности или злому умыслу котораго будетъ устроенъ заговоръ, въ силу котораго заложники будутъ убиты *безъ приказанія принцепса*: въ силу котораго вооруженные люди съ оружіемъ или камнями очутятся въ столицѣ или соединятся противъ государства, или займутъ мѣста или храмы, или въ силу котораго будутъ происходить собранія или сходки, или люди будутъ призваны къ безпорядкамъ: (тому же обвиненію подвергается) тотъ, благодаря дѣятельности и дурному совѣту котораго будетъ устроенъ заговоръ, благодаря которому будетъ убитъ *какой-нибудь магистратъ римскаго народа или кто имѣетъ власть или полномочія* (*imperium potestatemve*): или тотъ, кто подыметъ оружіе противъ государства: или тотъ, кто пошлетъ врагамъ римскаго народа вѣстника или пошлетъ письмо или дастъ или сдѣлаетъ съ дурнымъ умысломъ знакъ, вслѣдствіе котораго враги римскаго народа найдутъ поддержку совѣтомъ противъ государства: или тотъ, кто будетъ безпокоить (solli-

citaret) или возмущать солдатъ, такъ что произойдетъ безпорядокъ (seditio) и бунтъ (tumultus) противъ государства“ [1])

„или тотъ, кто не уйдетъ изъ провинціи, когда явится его преемникъ: или тотъ, кто оставитъ войско или частнымъ человѣкомъ бѣжитъ къ врагамъ: кто завѣдомо внесетъ или прочтетъ нѣчто ложное въ tabulae publicae, ибо и это приводится въ первой главѣ закона объ оскорбленіи величества“ [2]).

Изъ всѣхъ приведенныхъ пунктовъ очевидно сомнительнымъ представляется только мѣсто, гдѣ упоминается принцепсъ: [3]) все остальное вполнѣ согласно съ свидѣтельствами Цицерона и Тацита. Тоже въ общемъ можно сказать и о другихъ общихъ отрывкахъ [4]) нашего титула, которые чрезвычайно близко сходятся съ приведенными. Наряду съ указаннымъ мѣстомъ Ульпіана являются сомнительными лишь постановленіе, что „на основаніи того же закона подлежитъ наказанію, кто безъ приказанія принцепса велъ войну или устроилъ наборъ и собралъ войска“ [5]), а также и то, что, „на основаніи закона Юлія объ оскорбленіи величества наказываются тѣ, кто расплавилъ уже освященныя статуи или изображенія императора или совершилъ что-нибудь другое подобное“ [6]). Но и изъ нихъ по крайней мѣрѣ первый, вѣроятно, лишь констатируетъ фактъ, установленный еще при жизни Авгу-

---

[1]) l. 1 D. 48, 4.

[2]) l. 2, D. 48, 4.

[3]) l. 1. § 1. D. 48, 4: quo tenetur is, cuius opera dolo malo consilium initum erit, quo obsides iniussu principis intercíderent. Да и то сомнительны здѣсь только слова iniussu principis, которыя, очевидно, замѣнили здѣсь прежнее iniussu populi.

[4]) l. 3.—l. 4.—l. 10 D. 48, 4.

[5]) l. 3, D. 48, 4: eadem lege tenetur et qui iniussu principis bellum gesserit dilectumve habuerit exercitum comparaverit.

[6]) l. 6, D. 48, 4: qui statuas aut imagines imperatoris iam consecratas conflaverint aliudve quid simile admiserint, lege Julia maiestatis tenentur. См. l. 5. Приведенный отрывокъ принадлежитъ Венулею Сатурнину и, слѣдовательно, древнѣе другихъ.

ста. Помимо общаго свидѣтельства Страбона [1]), это доказывается процессомъ проконсула Македоніи, М. Антонія Прима, когда этотъ принципъ, быть можетъ, и былъ окончательно установленъ [2]).

Было ли подведено подъ оскорбленіе величества уже при Августѣ и неуважительное обращеніе съ освященными статуями императора, болѣе сомнительно и во всякомъ случаѣ это не можетъ быть доказано.

Зато совершенно несомнѣнно, что слова Модестина о допущеніи рабовъ къ свидѣтельству по дѣламъ объ оскорбленіи величества даже противъ ихъ господъ [3]) не могутъ быть примѣнены ко времени Августа. Какъ Августъ, такъ и Тиберій формально не допускали свидѣтельства рабовъ противъ ихъ господъ, а обходили законъ, заставляя господъ продавать ихъ государству, послѣ чего они переставали быть ихъ рабами и могли давать свои показанія уже какъ государственные рабы [4]). Что же касается лицъ, объявленныхъ безчест-

[1]) См. выше стр. 106 пр. 1. Dio 53, 15, 6: ἐκεῖνα δὲ ἐπὶ πᾶσι (т. е. по отношенію ко всѣмъ намѣстникамъ) ὁμοίως ἐνομοθέτη, μήτε καταλόγους σφᾶς ποιεῖσθαι, μήτ' ἀργύριον ἔξω τοῦ τεταγμένου ἐσπράσσειν, εἰ μὴ ἡ βουλὴ ψηφίσαιτο ἢ ὁ αὐτοκράτωρ κελεύσειεν. См. Mommsen, Eph. epigr. 2 стр. 250, 4.

[2]) См выше. Dio, 54, 3, 2—4.

[3]) l. 7 Dig. 48, 4: famosi qui ius accusandi non habent, sine ulla dubitatione admittuntur ad hanc accusationem. Sed et milites, qui causas alias defendere non possunt: nam qui pro pace excubant, magis magisque ad hanc accusationem admittendi sunt. *Servi quoque deferentes audiuntur et quidem dominos suos*: et liberti patronos. См. l. 8, eod. tit: In quaestionibus laesae maiestatis etiam mulieres audiuntur, coniurationem denique Sergii Catilinae Julia (невѣрно, должно быть Fulvia) mulier detexit et Marcum Tullium consulem indicium eius instruxit.

[4]) Тацитъ (Ann. 2, 30: negante reo res adgnoscentes servos per tormenta interrogari placuit. et quia vetere senatus consulto quaestio in caput domini prohibebatur, callidus et novi iuris repertor Tiberius mancipari singulos actori publico iubet, scilicet ut in Libonem ex servis salvo senatus consulto quaereretur) приписываетъ эту недостойную увертку Тиберію. Изъ Діона однако видно, что уже Августъ прибѣгалъ къ этому средству. Dio 55, 5, 4 къ 2 г. н. э.: ὅτι δ'οὐκ ἐξὸν ὂν δοῦλον κατὰ δεσπότου βασανισθῆναι, ἐκέλευσεν, ὁσάκις ἂν χρεία τοιούτου τινὸς γένηται, τῷ δημοσίῳ αὐτὸν ἢ καὶ ἑαυτῷ πιπράσκεσθαι, ὅπως ὡς ἀλλότριος τοῦ κρινομένου ὢν ἐξετάζηται, οἱ μὲν ἡττιῶντο, ὅτι ὁ νόμος τῇ τῶν

ными, а также солдатъ и кліентовъ, о которыхъ Модестинъ также упоминаетъ, то невозможно сказать, могли ли они быть свидѣтелями уже при Августѣ.

Все это, однако, не разрѣшаетъ вопроса объ отношеніи Августа къ crimen laesae maiestatis и въ виду этого необходимо, обратиться для пополненія юридическихъ данныхъ къ историческимъ. Къ сожалѣнію, онѣ чрезвычайно скудны и отрывочны.

Мы обратимъ вниманіе главнымъ образомъ на двѣ группы фактовъ: а именно на распространеніе понятія оскорбленіе величества съ дѣяній на слова и распространеніе его не только на непосредственное, но и на косвенное оскорбленіе принцепса. И то и другое, очевидно, имѣетъ большое принципіальное значеніе.

Въ прежнее время, говоритъ Тацитъ, „обвиненіе касалось дѣяній, слова оставались безнаказанными. Августъ первый устроилъ процессъ о памфлетахъ, сославшись на этотъ законъ (т.-е. законъ объ оскорбленіи величества), возмущенный той распущенностью, съ которой Кассій Северъ клеветалъ въ дерзкихъ писаніяхъ на знатныхъ мужчинъ и женщинъ“ [1]). Кассій, одинъ изъ самыхъ выдающихся ораторовъ этого времени [2]), былъ сосланъ [3]), его произведенія уничтоже-

δεσπότων μεταλλαγῇ καταλύεσθαι ἔμελλεν, οἱ δ' ἀναγκαῖον αὐτὸ ἔφασκον εἶναι, ὅτι πολλοὶ διὰ τοῦτο καὶ ἐπ' αὐτῷ ἐκείνῳ καὶ ἐπὶ ταῖς ἀρχαῖς συνίσταντο.

[1]) Ann. 1, 72: legem maiestatis reduxerat (Tiberius) cui nomen apud veteres idem, sed alia in iudicium veniebant... facta arguebantur, dicta impune erant. Primus Augustus cognitionem de famosis libellis specie legis eius tractavit, commotus Cassii Severi libidine, qua viros feminasque inlustres procacibus scriptis diffamaverat, mox Tiberius... Нѣсколько иначе Suet. Aug. 55: etiam sparsos de se in curia famosos libellos nec expavit et magna cura redarguit ac ne requisitis quidem auctoribus, id modo censuit, cognoscendum posthac de iis, qui libellos aut carmina ad infamiam cuiuspiam sub alieno nomine edant. См. также Suet. Tib. 28.

[2]) См. о немъ Seneca, Controvers. 3 praef. 2—7; Tac. Dial. de oratoribus 19, 26. Quintil. 10, 1, 116—117.

[3]) Tac. Ann. 4, 21: relatum de Cassio Severo exule... Годъ ссылки можно вывести изъ Hieron. a. a. 32 p. Chr: Cassius Severus, orator egregius XXV

ны [1]). Такому же преслѣдованію подверглось и историческое сочиненіе другого крупнаго оратора этого времени, Т. Лабіена [2]), которое было сожжено по приказанію сената: [3]) тонъ его, правда, былъ настолько рѣзокъ, что самъ Лабіенъ, „свобода рѣчи котораго была такова, что выходила за предѣлы свободы и что его, нападавшаго постоянно на цѣлыя сословія и отдѣльныхъ людей, называли, бѣшенымъ“ [4]), не рѣшался читать свое произведеніе цѣликомъ [5]). Сенека отмѣчаетъ, что это былъ первый случай примѣненія „новаго наказанія“ и разсказываетъ, что „Лабіенъ не перенесъ этого оскорбленія и не пожелалъ пережить свой талантъ, но велѣлъ отнести и запереть себя въ мавзолей своихъ предковъ“ [6]). Несмотря на всѣ старанія властей, часть экземпляровъ осталась въ вѣрныхъ рукахъ, и когда въ первое время Калигулы настали болѣе либеральные порядки, сочиненія Кассія и Лабіена на ряду съ исторіей Кремуція Корда, подвергшейся осужденію при Тиберіи, снова были допущены къ чтенію и переписыванію [7]). „Сенатъ постановилъ, чтобы книги (Кремуція Корда) были сожжены эдилами“, говоритъ Тацитъ: „но онѣ продолжали существовать, скрытыя и переизданныя. Тѣмъ болѣе достойны

---

exilii sui anno in summa inopia moritur vix panno verenda contectus. Слѣдовательно, онъ былъ сосланъ въ 8 г. н. э.

[1]) Suet. Gai, 16: Titi Labieni, Cremuti Cordi, Cassi Severi scripta, senatus consultis abolita, requiri et esse in manibus lectitarique permisit.

[2]) О немъ Seneca, Controv. 10 praef. 4—8.

[3]) Sen. l. c. 5: in hoc primum excogitata est nova poena: effectum est enim per inimicos, ut omnes eius libri comburerentur.

[4]) Непереводимая игра словъ: Sen. l. c. 5: libertas (orationis) tanta ut libertatis nomen excederet et, quia passim ordines hominesque laniabat, Rabienus vocaretur.

[5]) Sen. l. c. 8: memini aliquando, cum recitaret historiam, magnam partem illum libri convolvisse et dixisse: haec quae transeo, post mortem meam legentur.

[6]) Sen. l. c. 7: non tulit hanc Labienus contumeliam nec superstes esse ingenio suo voluit, sed in monimenta se maiorum suorum ferri iussit atque ita includi...

[7]) См. выше прим. 1.

насмѣшки старанія тѣхъ, кто думаетъ, что теперешней властью можно уничтожить и память будущаго вѣка. Вѣдь авторитетъ наказанныхъ писателей, напротивъ, увеличивается, и чужіе цари (примѣнявшіе это средство) или тѣ (римскія власти), которыя отличились тѣмъ же звѣрствомъ, не добились ничего, кромѣ позора для себя и славы для нихъ“ [1]). Очевидно, Тацитъ правъ, усматривая въ преслѣдованіи литературныхъ произведеній нетолько въ высокой степени безполезное, но и совершенно неконституціонное, антиреспубликанское явленіе и одно изъ лучшихъ доказательствъ деспотической сущности принципата: только „чужимъ царямъ“, по его мнѣнію, подобаетъ такое отношеніе къ свободному слову.

Но Августъ не ограничился и этимъ расширеніемъ понятія оскорбленія величества, онъ пошелъ еще дальше, когда позорное поведеніе его единственной дочери Юліи, съ рукой которой было связано престолонаслѣдіе, заставило его удалить ее изъ Рима, „объявивъ крайне распространенный среди мужчинъ и женщинъ проступокъ (прелюбодѣяніе) оскорбленіемъ религіи и нарушеніемъ величества“. „Августъ“, говоритъ Тацитъ, „поступилъ несогласно съ мягкосердіемъ предковъ и противъ своихъ собственныхъ законовъ“ [2]). Прелюбодѣяніе съ женами императорскаго дома было объявлено оскорбленіемъ величества [3]). Дальше трудно было пойти, и если даже Тиберій впослѣдствіи не счелъ удобнымъ, примѣнить

---

[1]) Tac. Ann. 4, 35: Libros per aediles cremandos censuere patres: sed manserunt, occultati et editi. Quo magis socordiam eorum inridere libet, qui praesenti potentia credunt extingui posse etiam sequentis aevi memoriam. Nam contra punitis ingeniis gliscit auctoritas, neque aliud externi reges et qui eadem saevitia usi sunt, nisi dedecus sibi atque illis gloriam peperere.

[2]) Tac. Ann. 3, 24: culpam inter viros ac feminas vulgatam gravi nomine laesarum religionum ac violatae maiestatis appellando clementiam maiorum suasque ipse leges egrediebatur. Юлія умерла въ 14 г. п. Р. Хр. Tac. Ann. 1, 53.

[3]) R. St. 2, 754.

это правило къ дѣлу Аппулеи Вариллы [1]), то это конечно не умаляетъ значенія самаго факта.

Со времени Тиберія, наконецъ, встрѣчается и примѣненіе обвиненія въ оскорбленіи величества, когда данное лицо не сдержало клятвы, данной именемъ принцепса. Дѣло въ томъ, что если въ республиканское время въ оффиціальной формулѣ присяги призывались въ свидѣтели только Юпитеръ и пенаты Рима, то въ эпоху принципата къ нимъ присоединяется геній принцепса, а также принцепсы, признанные послѣ ихъ смерти богами [2]). По крайней мѣрѣ при Домиціанѣ они при этомъ предшествуютъ пенатамъ и можно предположить, что таковъ былъ порядокъ и раньше [3]). Послѣ того какъ во время могущества Сеяна было принято, призывать въ свидѣтели геній, какъ Тиберія, такъ и Сеяна [4]), уже Тиберій, по словамъ, Діона запретилъ обращаться при присягѣ къ кому-либо другому, кромѣ императора [5]). Преступленіе, которое прежде наказывалось какъ простое клятвопреступничество, такимъ образомъ превратилось въ оскорбленіе величества, и понятно, что это, какъ видно изъ Тацита, приводило къ массѣ злоупотребленій и доносовъ: къ сожалѣнію, свидѣтельство Тацита въ данномъ случаѣ относится только ко времени начиная съ Тиберія, и вслѣдствіе этого неизвѣстно, восходитъ ли и это въ высокой степени характерное расширеніе понятія преступленія противъ величе-

---

[1]) См. ниже гл. II.

[2]) Моммзенъ, R. St. 2, 809, пр. 4, отмѣчаетъ, что первыя указанія на присягу per genium Caesaris встрѣчается въ стихотвореніяхъ Горація, написанныхъ въ 741 = 13 году (Hor. Carm. 4, 5, 34; ep. 2, 1, 16) и предполагаетъ, что это стоитъ въ связи съ введеніемъ культа его генія въ культъ компиталіевъ (C. J. L. 6, 454). Тотъ же порядокъ встрѣчается, впрочемъ, уже при диктаторѣ Цезарѣ. Dio, 44, 6: τήν τε Τύχην αὐτοῦ ὀμνύναι, ib. c. 50. Suet Caes. 6.

[3]) Aes Salpensanum 25. 26 и Malacitanum 59: iurare per Jovem et divom Augustum et divom Claudium et divom Vespasianum Augustum et divom Titum Augustum et genium imp. Caesaris Domitiani Augusti deosque penates.

[4]) Dio, 58, 2, 8.

[5]) Dio, 58, 12, 6.

ства ко времени Августа [1]). Во всякомъ случаѣ и приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы признать съ Карловой, что уже при Августѣ положеніе принцепса именно благодаря перенесенію понятія величества римскаго народа на него пріобрѣло характеръ, отличающій его отъ положенія всѣхъ другихъ магистратовъ [2]).

Другое чрезвычайно характерное нововведеніе, пожалуй, еще болѣе оттѣняющее фактически монархическое положеніе принцепса, это внесеніе его имени въ формулы обѣтовъ (vota) для благоденствія государства [3]) и молитвъ о немъ [4]). Первые приносятся въ началѣ каждаго года (съ половины I вѣка, 3-го января) консулами и жрецами [5]), вторыя при каждомъ общественномъ актѣ соотвѣтственнымъ магистратомъ и жрецами, при чемъ до Гадріана сенатъ въ послѣднихъ не упоминается [5]). Ни одинъ частный человѣкъ, ни одинъ магистратъ не имѣетъ права на эту высшую честь: [6]) она предоставляется исключительно одному принцепсу, положеніе котораго, такимъ образомъ, какъ бы приравнивается къ положенію сената и народа.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, что домашнія празднества принцепса признаются государственными торжествами: уже послѣ битвы при Акціумѣ было постановлено, праздновать день рожденія побѣдителя, такъ что позднѣйшее празднованіе не только того же дня, но и дня воцаренія и т. д. само собою понятно. Празднованіе дня рожденія частнаго лица, наоборотъ, не допускалось [7]).

[1]) См. впрочемъ, Instit. 2, 23, de fideicommissariis hereditatibus 1: primus divus Augustus semel iterumque gratia personarum motus, vel quia *per ipsius salutem* rogatus quis diceretur, aut ob insignem quorundam perfidiam iussit consulibus auctoritatem suam interponere.

[2]) Karlowa, 1, 491.

[3]) Dio, 51, 19, 3 (къ 724=30 г.). См. выше стр. 86 пр. 2. Marquardt, Hdb. 6, 266.

[4]) Acta fr. Arv. p. 89 сл. Общій характеръ ихъ видѣнъ изъ Henzen p. XXXIII.

[5]) Henzen, p. 8, 91, 154 и др.

[6]) См. Dio, о Сеянѣ, 58, 2, 8: ηὔχοντο ὑπὲρ ἀμφοῖν ὁμοίως καὶ ἔθυον.

[7]) Dio, 58, 2, 7 о Сеянѣ.

Гораздо характернѣе, что изображеніе принцепса обязательно должно находиться не только въ часовняхъ легіоновъ, которыя признавались храмами и въ которыхъ находились орлы, т.-е. знамена, но и на государственныхъ монетахъ. Въ эпоху республики на монетахъ помѣщается только голова богини Roma, но начиная съ Цезаря изображенія отдѣльныхъ гражданъ на монетахъ становятся обыкновенными: не только Цезарь, которому сенатъ въ 44 г. формально даровалъ это право [1]), и тріумвиры, но даже защитникъ республики М. Юній Брутъ чеканилъ монеты съ своимъ изображеніемъ [2]). Въ виду этого, пожалуй, еще можно сослаться на прецеденты относительно порядка 26—24 г., когда какъ Августъ, такъ и сенатскіе проконсулы Азіи и Африки одинаково чеканили монеты, каждый съ своимъ изображеніемъ. Но съ 24 г. изображенія проконсуловъ болѣе не встрѣчаются и принцепсъ одинъ сохраняетъ это важное право: его изображеніе одинаково появляется, какъ на его (золотыхъ и серебряныхъ), такъ и на сенатскихъ (мѣдныхъ), а также и на провинціальныхъ и муниципальныхъ монетахъ. Чрезвычайно характерно, что наряду съ принцепсами только вассальные цари имѣютъ (въ предѣлахъ своей территоріи, не какъ принцепсъ во всемъ государствѣ) то же право: очевидно, въ немъ усматривали привилегію царской власти по преимуществу [3]). „Это, говоритъ Моммзенъ, самое открытое объявленіе владычества an Königsstatt, которое принципатъ себѣ позволилъ, и его такъ и понимали — чье это изображеніе? совершенно правильно спрашиваетъ евангеліе“ [4]).

Но не только самъ принцепсъ, а точно также и его домъ имѣютъ цѣлый рядъ важныхъ преимуществъ, возвышающихъ его надъ обыкновенными гражданами и, въ совокупности, выдѣ-

[1]) Dio 44, 4, 4: αὐτὸν... ἐς τὰ νομίσματα ἐνεχαραξαν.

[2]) Dio 47, 25, 3: Βροῦτος.. ἐς τὰ νομίσματα ἃ ἐκόπτετο εἰκόνα τε αὐτοῦ καὶ πιλίον ξιφίδιά τε δύο ἐνετύπου. Ekhel 6, 24. Cohen, méd. des emp. 1, 18.

[3]) Mommsen, Röm. Münzwesen, 701.

[4]) R. St. 2, 816—817.

ляющихъ семью принцепса изъ числа другихъ, какъ качественно высшую. Нужно, правда, замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, трое изъ родныхъ Августа—его зять Агриппа и его пасынки Тиберій и Друзъ — и въ дѣйствительности имѣли весьма значительныя заслуги: Агриппа при созданіи принципата, Тиберій и Друзъ при обезпеченіи и расширеніи государственныхъ границъ на Дунаѣ и Рейнѣ. Это хоть до извѣстной степени оправдывало ихъ совершенно неконституціонное высокое положеніе въ государствѣ. Съ другой стороны, однако, не они одни пользовались привилегіями [1]), да притомъ, по крайней мѣрѣ, Тиберій и Друзъ получили часть ихъ раньше, чѣмъ могли ихъ заслужить.

Къ числу наиболѣе раннихъ привилегій, дарованныхъ дому Августу, принадлежитъ аналогичная трибунской неприкосновенность, впервые данная супругѣ его Ливіи и сестрѣ его Октавіи, женѣ М. Антонія, въ 35 г. [2]). По крайней мѣрѣ, уже при Гаѣ и военная присяга была распространена на всѣхъ членовъ царскаго дома [3]): позволительно сомнѣваться, была ли распространена присяга уже раньше на нихъ, но уже одно то, какъ быстро пришли къ этому результату, весьма характерно для политическаго смысла принципата.

Почетное мѣсто на общественныхъ празднествахъ [4]) и

---

[1]) R. St. 2, 820, пр. 1: Es scheint von dem Ermessen eines jeden Princeps abgehangen zu haben, ob und welchen seiner Verwandten er nur die Stellung angesehener Privaten oder die Theilnahme an der den Nachkommen des Stifters der Dynastie ein für allemal zukommenden Sonderstelle einräumen wollte.

[2]) Dio 49, 38, 1: τῇ δ' Ὀκταυίᾳ τῇ τε Λιουίᾳ.. τὸ τὰ σφέτερα ἄνευ κυρίου τινὸς διοικεῖν τό τε ἀδεὲς καὶ τὸ ἀνύβριστον ἐκ τοῦ ὁμοίου τοῖς δημάρχοις ἔδωκεν (ὁ Καῖσαρ).

[3]) Suet. Gai. 15. Eph. epigr. 5, 154 сл. Выводъ отсюда см. Tac. ann. 14, 7: praetorianos toti Caesarum domui obstrictos esse; Philo leg. ad Gaium 5: κελευσθεὶς (Тиберій, с. мл. Друза) αὐτοχειρίᾳ κτείνειν ἑαυτὸν ἑφεστώτων ἑκατοντάρχου καὶ χιλιάρχου, οἷς εἴρητο μὴ συνεφάψασθαι τοῦ ἀγοὺς, ὡς οὐκ ἐξον αὐτοκράτορος ἀπογόνους πρὸς ἑτέρων ἀναιρεῖσθαι. См. ниже гл. IV.

[4]) Suet., Claud. 4, приводитъ мѣсто изъ письма Августа къ Ливіи о позднѣйшемъ императорѣ Клавдіи: spectare eum circenses ex pulvinari non pla-

право окружать себя тѣлохранителями [1]), повидимому, установлены еще при Августѣ. По его завѣщанію, Ливія получила званіе Августы [2]) — по мнѣнію Моммзена, оно должно было обезпечить ей участіе въ управленіи [3])—и ея имя было внесено въ текстъ ежегодныхъ оффиціальныхъ [4]) обѣтовъ, день ея рожденія праздновался [5]) такъ же, какъ день рожденія усыновленнаго внука Августа, Гая [6]).

Болѣе существеннымъ, чѣмъ эти скорѣе почетныя, чѣмъ практически важныя отличія, слѣдуетъ признать титулъ princeps iuventutis, дарованный усыновленнымъ внукамъ Августа отъ брака Юліи съ Агриппой, Гаю и Луцію Цезарю, и освобожденіе какъ ихъ, такъ и Марцелла, Тиберія, Друза и т. д. отъ обычнаго порядка прохожденія магистратуръ.

Что касается перваго пункта, то самъ Августъ отмѣчаетъ въ своей автобіографіи, что „всѣ римскіе всадники назвали обоихъ (т.-е. Гая и Луція) принцепсами молодежи, подаривъ имъ серебряныя parmae и копья“ [7]). Комментаріемъ къ этому акту являются слова римскаго всадника, Овидія, о Гаѣ, о которомъ онъ говоритъ, что нынѣ онъ принцепсъ молодежи,

---

cet nobis: expositus enim in fronte prima spectaculorum conspiciatur. Клавдій, какъ извѣстно, признавался семьей чѣмъ то вродѣ урода и до Гая не былъ допущенъ къ магистратурѣ и сенату: исключеніе его отъ права на почетное мѣсто косвенно содержитъ признаніе этого права для нормальныхъ членовъ семьи.

[1]) Germani встрѣчаются уже при Тиберіи у сыновей Германика, Друза (C. J. L. 6, 4337) и Нерона (C. 6, 4342, 4343, 4344), и у Клавдія (C. 6, 43, 38—40, 4345). См. Tac. Ann. 13, 18. Впрочемъ C. 6, 6229: German=(us) armiger Tauri f(ilii).

[2]) Tac. Ann., 1, 8. Dio, 56, 46, 1. Ekhel, 6, 147.

[3]) R. St. 2, 821: so ist es nicht unwahrscheinlich, dass die Verleihung des Beinamens Augusta... ihr einen gewissen Antheil an der Herrschaft einräumen sollte.

[4]) Acta fr. Arv. a. 27 (Henzen, p. XXXIII, 98).

[5]) Acta fr. Arv., p. CLXIX, CLXXIII.

[6]) Dio, 54, 8, 5.

[7]) Aug. mon. Anc. 3, 5: equites Romani universi principem iuventutis utrumque eorum parmis et hastis argenteis donatum appellaverunt.

современемъ будетъ принцепсомъ и старыхъ [1]), т.-е. принцепсомъ государства, и слова пизанской надписи, гдѣ умершій Гай называется „уже десигнированнымъ, справедливѣйшимъ и чрезвычайно похожимъ своими добродѣтелями на отца, принцепсомъ“ [2]). Изъ отношенія Августа къ вопросу о престолонаслѣдіи мы увидимъ, что несмотря на формально чисто почетный характеръ и этого отличія практически Августъ несомнѣнно желалъ доказать имъ, кого онъ желаетъ видѣть своимъ преемникомъ.

Въ другомъ направленіи та же династическая тенденція сказалась еще раньше. Уже въ 24 г. двадцатилѣтнему Марцеллу и восемнадцатилѣтнему Тиберію было дано право на ускоренный cursus honorum: Марцеллу былъ данъ эдилитетъ, съ правомъ голосовать въ сенатѣ среди бывшихъ преторовъ и выставить свою кандидатуру на консулатъ на 10 лѣтъ раньше законнаго срока, Тиберію—квестура съ правомъ кандидировать на другія магистратуры на 5 лѣтъ раньше срока. „Онъ раньше законнаго получилъ магистратуру и почти безъ перерыва пробѣжалъ всѣ стадіи ея“, говоритъ Светоній о Тиберіи, а именно „квестуру, претуру и консулатъ“ [4]). Еще быстрѣе было возвышеніе Гая и Луція: „Гая и Луція онъ (Августъ) ввелъ въ домъ Цезарей (т.-е. усыновилъ ихъ), и еще раньше, чѣмъ они сняли дѣтскую одежду, подъ видомъ отказа страстно желалъ, чтобы они были названы принцепсами молодежи и были десигнированы консулами“ [5]).

---

[1]) Ov. ars amat. 1, 194: nunc iuvenum princeps, deinde future senum.

[2]) Orelli, 643: iam designatum iustissimum ac simillimum parentis sui virtutibus principem.

[3]) Dio 53, 28, 3: τῷ τε Μαρκέλλῳ βουλεύειν τε ἐν τοῖς ἐστρατηγηκόσι καὶ τὴν ὑπατείαν δέκα θᾶττον ἔτεσιν ἢπερ ἐνενόμιστο αἰτῆσαι, καὶ τῷ Τιβερίῳ πέντε πρὸ ἑκάστης ἀρχῆς ἔτεσι τὸ αὐτὸ τοῦτο ποιῆσαι ἐδόθη. καὶ παραχρῆμα γε οὗτος μὲν ταμίας, ἐκεῖνος δὲ ἀγορανόμος ἀπεδείχθησαν.

[4]) Suet. Tib. q, i. f.: magistratus et maturius inchoavit et paene iunctim percucurrit, quaesturam, praeturam, consulatum. Самъ Августъ двадцати лѣтъ сталъ консуломъ Suet. Aug. 7. Преторомъ Т. былъ въ 18 г. Dio, 54, 19, 6, имѣя уже τὰς στρατηγικὰς τιμάς, консуломъ въ 13 г.

[5]) Tac. Ann. 1, 3: Gaium ac Lucium in familiam Caesarum induxerat

Непосредственная связь этихъ явленій съ вопросомъ о продленіи принципата послѣ смерти Августа, само собою ясна. Принципіально, магистратурный характеръ власти Августа исключалъ возможность, урегулировать престолонаслѣдіе закономъ: въ теоріи, чрезвычайныя полномочія были дарованы лично Августу, которому государство довѣрилось въ минуту опасности, и если бы послѣ его смерти оказалось невозможнымъ, обезпечить государственную безопасность безъ сохраненія чрезвычайной власти, она опять должна была быть дарована по предложенію обыкновенной магистратуры сенатомъ и народомъ лицу, которому государство довѣряетъ. Назначить себѣ преемника, Августъ теоретически едва-ли имѣлъ право, хотя съ другой стороны, разумѣется, ничего ему не мѣшало рекомендовать то или иное лицо сенату и народу, хотя и въ этомъ, несомнѣнно, могло быть усмотрѣно посягательство на свободу избранія: лично Августъ скорѣе даже затруднилъ себѣ возможность, дать такой совѣтъ, лицемѣрно-строгимъ соблюденіемъ республиканскихъ формъ.

Тѣмъ характернѣе его дѣйствительное отношеніе къ этому вопросу, о важности котораго нечего распространяться. Какъ въ другихъ пунктахъ, такъ и здѣсь замѣтно постепенное усиленіе монархическаго и династическаго характера его поведенія.

Въ первый разъ вопросъ о преемникѣ возникъ для Августа въ 23 г. во время тяжкой болѣзни, постигшей его въ Римѣ. „Онъ устроилъ все какъ умирающій“, разсказываетъ Діонъ, „и собралъ магистратовъ и другихъ изъ первыхъ людей среди сенаторовъ и всадниковъ, но не объявилъ никого своимъ преемникомъ, хотя всѣ полагали, что Марцеллъ имѣетъ больше всего правъ, а сообщивъ имъ кое-что о государственныхъ дѣлахъ, передалъ Пизону (своему товарищу по консулату)

necdum posita puerili praetexta principes inventutis appellari, destinari consules specie recusantis flagrantissime cupiverat.

книгу, въ которой были перечислены силы и доходы государства, а Агриппѣ далъ свой перстень“ [1]). Болѣзнь неожиданно приняла благополучный исходъ, Августъ выздоровѣлъ и „внесъ свое завѣщаніе въ сенатъ и пожелалъ его прочитать, чтобы показать людямъ, что не оставилъ преемника своей власти, но не прочелъ, ибо никто этого не пожелалъ. Вообще же всѣ удивились тому, что, любя Марцелла и какъ зятя, и какъ племянника [2]) и давая ему разныя почести... онъ, все-таки, не только не довѣрилъ ему единовластія, но даже предпочелъ ему Агриппу“ [3]). Очевидно, несмотря на внѣшнее соблюденіе формъ, Августу не удалось, обмануть общество: передача перстня была признана актомъ, символизирующимъ передачу государства. Вдобавокъ, предпочтеніе, оказанное Агриппѣ, оскорбило Марцелла, и, во избѣжаніе столкновеній, Агриппа подъ почетнымъ предлогомъ спеціальной миссіи былъ удаленъ изъ Рима: теперь Агриппа въ свою очередь былъ недоволенъ и не отправился самъ въ Сирію, куда былъ посланъ, а остался какъ бы въ добровольномъ изгнаніи на Лесбосѣ, управляя Востокомъ чрезъ посредство своихъ легатовъ [4]). Ранняя смерть Марцелла въ 23 г. вывела Августа изъ затруднительнаго положенія: Агриппа былъ возвращенъ въ Римъ съ спеціальными полномочіями, женился на вдовѣ Марцелла, Юліи [5]), и получилъ въ 18 г. трибунскую власть на пять лѣтъ „и другія права, въ родѣ тѣхъ, которыя принадлежали ему самому“ т.-е. Августу [6]). Такимъ образомъ была найдена форма, которой пока разрѣшался вопросъ о преемникѣ. Годъ

[1]) Dio 53, 30, 1—2: καίτοι τὸν Μάρκελλον πάντων προκριθήσεσθαι ἐς τοῦτο προσδοκώντων.

[2]) Марцеллъ былъ сынъ сестры Августа, Октавіи, и женатъ на дочери Августа, Юліи.

[3]) Dio, 53, 31, 1—3.

[4]) Dio, 53, 32, 1. Vell. 2, 93. Suet. Aug. 66.

[5]) Во время и отчасти м. б. по случаю безпорядковъ въ Римѣ въ 22—21 г. Dio, 54, 4—5.

[6]) Dio 54, 12, 4. См. выше стр. 99 пр. 3.

спустя Августъ усыновилъ сыновей Юліи и Агриппы, Гая и Луція, „не обождавъ, пока они возмужаютъ, но объявивъ ихъ (такимъ образомъ) тотчасъ же преемниками своей власти, чтобы менѣе подвергаться опасности заговоровъ“ [1]). Несмотря на то, что сыновья Агриппы, въ силу усыновленія, сдѣлались болѣе близкими родственниками Августа, чѣмъ Агриппа, ихъ малолѣтство исключало всякую возможность недоразумѣній и въ 13 г. Агриппа снова получилъ трибунскую власть на 5 лѣтъ и былъ посланъ въ Паннонію, при чемъ Августъ ему далъ власть, „превышавшую власть всѣхъ, управлявшихъ чѣмъ бы то ни было внѣ Италіи“ [2]). Но уже въ слѣдующемъ году Агриппа заболѣлъ и умеръ — и снова возникъ вопросъ, кто будетъ теперь ближайшимъ помощникомъ, а тамъ и преемникомъ Августа.

Гай и Луцій Цезари были такъ молоды, что о нихъ и рѣчи быть не могло для настоящаго сотрудничества, и вполнѣ естественно, что на первый планъ теперь выступилъ пасынокъ Августа Тиберій, только-что бывшій консуломъ. Его Августъ и назначилъ для веденія паннонской войны, но повидимому, безъ иныхъ полномочій, кромѣ соединенныхъ со званіемъ легата Августа [3]), и женилъ его на вдовѣ Марцелла и Агриппы, слишкомъ извѣстной въ римскомъ обществѣ Юліи, для чего онъ долженъ былъ предварительно развестись съ любимой женой Випсаніей, дочерью Агриппы [4]). Наряду съ нимъ теперь всѣ важнѣйшія дѣла поручались и брату его, Друзу, бывшему уже преторомъ. Престолонаслѣдіе, очевидно, должно было быть со-

[1]) Dio 54, 18, 1: ..υἱὸν αὖθις ὁ Ἀγρίππας ἀνείλετο τὸν Λούκιον ὀνομασθέντα, καὶ αὐτὸν εὐθὺς ὁ Αὔγουστος μετὰ τοῦ ἀδελφοῦ τοῦ Γαΐου ἐποιήσατο, μὴ ἀναμείνας σφᾶς ἀνδρωθῆναι, ἀλλ' αὐτόθεν διαδόχους τῆς ἀρχῆς ἀποδείξας, ἵν' ἧττον ἐπιβουλεύηται.

[2]) Dio 54, 28, 1: ..τὸν Ἀγρίππαν.. τῇ τε δημαρχικῇ ἐξουσίᾳ αὖθις ἐς ἄλλα πέντε ἔτη ἐμεγάλυνε καὶ ἐς τὴν Παννονίαν πολεμησείουσαν ἐξέπεμψε, μεῖζον αὐτῷ τῶν ἑκαστοχόθι ἔξω τῆς Ἰταλίας ἀρχόντων ἰσχῦσαι ἐπιτρέψας.

[3]) Dio, 54, 31, 2: Mon. Anc. 5, 45: per Ti Neronem, qui tum erat privignus et legatus meus.

[4]) Dio, ib. и 54, 35, 4 (къ 11 г.).

хранено за Гаемъ и Луціемъ: роль Тиберія сводилась къ содѣйствію Августу, а въ случаѣ его смерти, къ опекѣ надъ будущими наслѣдниками его. „Династическое направленіе“, совершенно вѣрно говоритъ Герцогъ, „теперь во всѣхъ отношеніяхъ выяснилось. И внутри царскаго дома цѣль Августа стала ясной: линія, происходившая отъ него, должна была имѣть преимущественное право на наслѣдство... Такое рѣшеніе подчеркнуло династическій характеръ его политики, быть можетъ, рѣзче всего другого, особенно, въ виду большого различія въ возрастѣ сторонъ и личныхъ ихъ заслугахъ [1])“. Послѣ смерти Друза, послѣдовавшей въ годъ его консулата (9 г.), Тиберію было дано второе консульство на 8 г., но лишь два года спустя, когда молодые принцы, повидимому, уже успѣли проявить мало привлекательныя черты, Августъ счелъ нужнымъ, даровать Тиберію трибунскую власть на 5 лѣтъ, желая по словамъ Діона „пріучить ихъ къ большей скромности“ [2]). Въ то же время онъ былъ посланъ на Востокъ для упорядоченія Армянскихъ дѣлъ [3]): усмотрѣлъ ли Тиберій въ этомъ почетную ссылку въ родѣ той, которой Августъ постарался удалить Агриппу, счелъ ли онъ себя обманутымъ въ своихъ надеждахъ возрастающимъ значеніемъ молодыхъ Цезарей, былъ ли онъ недоволенъ позорнымъ поведеніемъ Юліи, во всякомъ случаѣ, онъ тогда же удалился подъ предлогомъ занятій ораторскимъ искусствомъ на Родосъ [4]). Августъ усмотрѣлъ въ

---

[1]) Herzog, 2, 160—1.

[2]) Dio 55, 9, 4: βουληθεὶς δὲ δὴ τρόπον τινα μᾶλλον αὐτοὺς σωφρονίσαι, τῷ Τιβερίῳ τήν τε ἐξουσίαν τὴν δημαρχικὴν ἐς πέντε ἔτη ἔνειμε καὶ τὴν Ἀρμενίαν ἀλλοτριουμένην προσέταξε.

[3]) Dio, ib.

[4]) Dio 55, 9, 5—8: Діонъ считаетъ причиной его удаленія его отношенія къ молодымъ Цезарямъ (ib. 5: συνέβη δ' αὐτῷ καὶ ἐκείνοις καὶ τῷ Τιβερίῳ προσκροῦσαι μάτην, τοῖς μὲν ὅτι παρεωρᾶσθαι ἔδοξαν, τῷ δὲ ὅτι τὴν ὀργὴν αὐτῶν ἐφοβήθη), но указываетъ и на поведеніе Юліи (ib, 7: ἡ μὲν οὖν ἀληθεστάτη αἰτία τῆς ἐκδημίας αὐτοῦ τοιάδε ἦν, λόγον δὲ τινὰ ἔχει καὶ διὰ τὴν γυναῖκα τὴν Ἰουλίαν, ὅτι μήκετ' αὐτὴν φέρειν ἐδύνατο, τοῦτο ποιῆσαι). См. Suet. Tib. 10. Vell.

этомъ, однако, протестъ противъ своей политики, и о степени его неудовольствія можно судить по тому факту, что, когда Тиберій впослѣдствіи сталъ бояться за свою жизнь и пожелалъ вернуться въ Римъ, даже вліяніе Ливіи оказалось безсильнымъ, и добровольное удаленіе превратилось въ настоящее изгнаніе [1]): трибунская власть его по истеченіи пятилѣтняго срока не была возобновлена, такъ что Тиберій остался въ Родосѣ въ качествѣ опальнаго легата.

Гай и Луцій теперь, не смотря на свою молодость, все болѣе выдвигались на первый планъ. Даже позорный процессъ ихъ матери и дочери Августа, старшей Юліи, не повредилъ имъ: Юлія, слухамъ о жизни которой Августъ раньше не хотѣлъ вѣрить [2]), во 2 году до Р. Хр. была сослана на островъ Пандатерію около Кампаніи, ея любовники отчасти казнены, отчасти также сосланы [3]). Еще до этого времени ея сыновья, послѣ того, какъ они замѣнили дѣтскую одежду тогой, были объявлены принцепсами молодежи, получили отъ сената право участвовать въ его совѣщаніяхъ [4]) и были десигнированы консулами. Но Луцій умеръ уже во 2 году послѣ Р. Хр., тогда какъ Гай въ это время уже былъ консуломъ и посланъ на Востокъ для разрѣшенія споровъ съ Парѳянами [5]); раненый въ 3 году при осадѣ одного городка, онъ проболѣлъ еще нѣсколько времени въ Сиріи и

2, 99. Тацитъ Ann. 1, 53 объясняетъ удаленіе Тиберія поведеніемъ Юліи: fuerat in matrimonio Tiberii florentibus Gaio et Lucio Caesaribus spreveratque ut imparem; nec alia tam intima Tiberio causa cur Rhodum abscederet..... litteraeque quas Julia patri Augusto cum insectatione Tiberii sripsit, a Graccho compositae credebantur.

[1]) Suet. Tib. 10.

[2]) Dio 55, 10, 13: οἱ γὰρ τοι τὰς ἡγεμονίας ἔχοντες πάντα μᾶλλον ἢ τὰ σφέτερα γιγνώσκουσιν, καὶ οὔτ' αὐτοί τι τοὺς συνόντας ὧν ποιοῦσι λανθάνουσιν οὔτε τὰ ἐκείνων ἀκριβοῦσιν.

[3]) Dio, 55, 10, 12—16.

[4]) Mon. Anc, 3, 3: ex eo die, quo deducti sunt in forum, ut interessent consiliis publicis, decrevit senatus. Объ ост. см. выше.

[5]) Dio, 55, 10 a, 4. Zonaras, 10, 36.

Ликіи и умеръ на Востокѣ [1]). Неожиданная смерть молодыхъ соперниковъ Тиберія вызвала сплетни объ отравленіи ихъ Ливіей, сплетни, которымъ впослѣдствіи вѣрили или по крайней мѣрѣ дали мѣсто въ своихъ сочиненіяхъ и Тацитъ и Діонъ [2]). Какъ бы то ни было, только теперь Тиберій могъ возвратиться изъ ссылки въ Римъ, послѣ чего вмѣстѣ съ младшимъ братомъ умершихъ, Агриппой Постумомъ, былъ усыновленъ Августомъ и получилъ трибунскую власть на 10 лѣтъ [3]); для упроченія престолонаслѣдія онъ, въ свою очередь, долженъ былъ усыновить сына своего брата Друза, Германика, несмотря на то, что и самъ имѣлъ сына, Друза младшаго. Светоній, настроенный въ общемъ крайне враждебно противъ Тиберія, по этому поводу, однако, сообщаетъ что, „Августъ клялся передъ народной сходкой, что усыновляетъ его ради государственнаго интереса, и въ письмахъ нѣсколько разъ хвалилъ его какъ самаго опытнаго въ военномъ дѣлѣ и какъ единственную защиту римскаго народа“ [4]). Клятва Августа, очевидно, могла имѣть смыслъ только, если и Августъ усматривалъ въ усыновленіи Тиберія объявленіе его наслѣдникомъ престола: само собою разумѣется, что болѣе яснаго выраженія монархизма трудно себѣ и представить. Съ этого времени положеніе Тиберія было обезпечено: въ 13 году его трибунская власть снова была продолжена на десять лѣтъ [5]) и консулами предложенъ законъ, въ силу котораго онъ вмѣстѣ съ Августомъ долженъ былъ управлять провинціями и провести цензъ [6]). Вскорѣ послѣ этого Августъ

---

[1]) Dio, 55, 10 a, 6—9.

[2]) Tac. Ann. 1, 3. Dio, 55, 10 a, 10.

[3]) Dio, 55, 13, 2. Suet. Aug. 65. Tib. 15. Vell. 2, 103.

[4]) Suet. Tib. 21: et rei publicae causa adoptare se eum iuravit et epistolis aliquot ut peritissimum rei militaris atque unicum populi romani praesidium prosequitur. См. здѣсь же отрывки изъ писемъ Августа къ нему.

[5]) Dio 56, 28, 1: καὶ τῷ Τιβερίῳ τὴν ἐξουσίαν τὴν δημαρχικὴν αὖθις ἔδωκε.

[6]) Suet. Tib. 21: lege per consules lata, ut provincias cum Augusto

умеръ, и событія показали, что сенатъ и народъ вѣрно поняли его мысль: при первомъ извѣстіи о его смерти консулы, преторіанскіе префекты, префектъ анноны, затѣмъ сенатъ и народъ присягнули Тиберію [1]). Никто изъ нихъ не усумнился въ правѣ Тиберія на принципатъ. Конституціонныя хитросплетенія Августа оказались безсильными предъ логикой вещей, и лишь осторожная умѣренность или лицемѣріе Тиберія сохранили то, что было создано осторожностью и лицемѣріемъ Августа.

Распространеніе понятія величества на принцепса вмѣстѣ съ все расширяющимся толкованіемъ его, цѣлый рядъ почетныхъ отличій, привилегіи царскаго дома, наконецъ, особенно фактическое установленіе престолонаслѣдія и рѣзко династическій характеръ его —вотъ, какъ уже было замѣчено, тѣ монархическія черты, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть согласованы съ конституціонной теоріей принципата. Какъ принцепсъ, такъ и весь его домъ все болѣе возвышаются надъ простыми гражданами. Это признаетъ и Моммзенъ. Согласно съ конституціоннымъ характеромъ принципата, говоритъ онъ, принцепсъ получаетъ свои полномочія отъ общины, а не обладаетъ ими независимо отъ послѣдней. Онъ не занимаетъ монархическаго положенія, а является магистратомъ. Но въ то же время чрезвычайно рано, чуть ли не съ самаго же основанія принципата на ряду съ такимъ чисто-республиканскимъ взглядомъ на его положеніе, начинаетъ проявляться и другой, монархическій, въ силу котораго между принцепсомъ и гражданами проводится рѣзкая грань [2]).

---

communiter administraret simulque censum ageret, condito lustro in Illyricum profectus est.

[1]) Tac. Ann. 1, 7.

[2]) R. St. 2, 754: Моммзенъ здѣсь спеціально имѣетъ въ виду божественное поклоненіе принцепсу (ib. 755—760) и взглядъ на него какъ на dominus'a (ib. 760—763). Но и отмѣченныя выше явленія оправдываютъ приведенныя слова.

§ 9.

Подведемъ итоги.

Принципатъ Августа не есть результатъ соглашенія двухъ равныхъ силъ, а результатъ уступокъ фактическаго властелина, Августа, цѣль которыхъ заключается въ примиреніи общественнаго мнѣнія съ новымъ положеніемъ дѣлъ и въ освященіи послѣдняго законнымъ сувереномъ, народомъ.

Съ этой цѣлью Августъ слагаетъ съ себя учредительныя полномочія и отказывается отъ непосредственнаго руководства всѣми дѣлами, при которомъ не было бы мѣста ни для сената, ни для народнаго собранія. Непосредственно онъ беретъ на себя управленіе наименѣе умиротворенными провинціями и защиту наиболѣе опасныхъ границъ; возможно, что для достиженія этой цѣли ему предоставляется также исключительное начальство надъ войскомъ... Наряду съ нимъ остальными дѣлами должны управлять консулы съ постояннымъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, сенатомъ: въ ихъ распоряженіи находятся Италія и остальныя провинціи, а также общая государственная казна. Но и надъ ихъ управленіемъ Августъ имѣетъ высшій надзоръ. Помимо этого онъ всегда можетъ заняться и общегосударственными вопросами, но дѣлаетъ это не иначе какъ при участіи сената. Таковы основныя черты соглашенія 27 года. Всѣ эти полномочія даются ему на опредѣленный срокъ, но затѣмъ, всегда продолжаются на новый срокъ.

Положеніе, созданное для Августа въ 27 г. съ конституціонной стороны имѣетъ лишь чисто внѣшнія аналогіи съ нѣкоторыми чрезвычайными властями послѣдняго времени республики. По существу оно содержитъ мало опредѣленное и чрезвычайно растяжимое руководство всѣми дѣлами, точныхъ границъ для котораго не установлено ни въ видѣ яснаго опредѣленія компетенціи, ни въ коллегіальности высшей чрезвычайной власти, ни въ возможности интерцессіи противъ обла-

дателя трибунской власти. Единственное ограниченіе заключается въ фиктивной срочности его полномочій и въ связанной съ нею возможности отвѣтственности.

Неясность и неопредѣленность полномочій 27 г. заключаетъ, однако, одно немаловажное неудобство спеціально для педантической осторожности Августа, а именно, неудобство ссылаться для вмѣшательства въ общегосударственныя дѣла и дѣла, предоставленныя консуламъ и сенату, на слишкомъ монархическую προστασία τῶν κοινῶν. Каждый актъ вмѣшательства получаетъ при этомъ характеръ чрезвычайной мѣры.

Акты 23 и 19 г. въ связи съ установленіемъ новой системы столичнаго управленія (praef. annonae, praef. vigilum и т. д.) устраняютъ и это неудобство. Пожизненная проконсульская власть даетъ новое основаніе для вмѣшательства въ оставшіеся за республиканскими органами провинціи, пожизненная трибунская власть замѣняетъ постоянную консульскую 31—23 года, неограниченное право распоряженій даетъ Августу широкую дискреціонную власть, реорганизація столичнаго управленія создаетъ возможность постояннаго надзора надъ самимъ Римомъ. Общая тенденція развитія принципата при Августѣ заключается въ постепенной замѣнѣ чрезвычайнаго надзора и руководства постояннымъ. Дальнѣйшее развитіе должно привести къ замѣнѣ надзора или косвеннаго управленія частью государства непосредственнымъ управленіемъ всѣмъ государствомъ.

Возвышая сенатъ въ общественномъ мнѣніи и увеличивая его права (особенно въ судебномъ отношеніи), Августъ, однако, не думаетъ дѣлить съ нимъ власть. Сенатъ непосредственно не управляетъ; онъ даетъ совѣты, какъ принцепсу, такъ и консуламъ. Онъ не законодательствуетъ: въ послѣдней инстанціи дѣла рѣшаются народнымъ собраніемъ. Оно избираетъ какъ принцепса, такъ и всѣхъ другихъ магистратовъ, оно и законодательствуетъ. Замѣна народа сенатомъ начинается лишь при Тиберіи.

Срочность дарованныхъ народомъ полномочій и собствен-

ныя заявленія Августа характеризуютъ его власть какъ чрезвычайную магистратуру. Какъ онъ самъ, такъ и его современники особенно подчеркиваютъ теоретическое возстановленіе республики, а не фактическое установленіе монархіи. Никто изъ нихъ не говоритъ о діархіи, никто изъ Римлянъ не говоритъ о монархіи. Рядъ привилегій принцепса и его дома вмѣстѣ съ династической политикой Августа, однако, доказываютъ, что неизбѣжное тяготѣніе къ чистой монархіи начинается еще въ его время. Формально, однако, съ 27 года снова существуетъ республика, правитъ „сенатъ и народъ римскій“: принцепсъ является лишь ихъ верховнымъ уполномоченнымъ, избраніе котораго объясняется опасностями дня и его заслугами, власть котораго срочна и по самому существу своему чрезвычайна. Дальнѣйшее развитіе приведетъ къ устраненію срочности и чрезвычайности принципата и превратитъ римскую республику въ избирательную монархію: до III вѣка законнымъ избирателемъ явится сенатъ, начиная съ III вѣка—войско. Какъ установленіе непосредственнаго императорскаго управленія, такъ и замѣна республики монархіей уже могутъ быть предусмотрѣны при Августѣ; съ конституціонной стороны, однако, не они характеризуютъ его правленіе, а, напротивъ, возстановленіе республики и сохраненіе части республиканскаго управленія.

Таковъ, по нашему мнѣнію, смыслъ принципата Августа. Онъ могъ создать военную монархію, онъ предпочелъ создать гражданскую монархію съ республиканскими формами.

Едва ли отъ насъ могутъ требовать оцѣнки его дѣла. Необходимость монархіи для Рима была доказана послѣдующимъ ходомъ его развитія. Необходимость республиканскихъ формъ труднѣе доказать; едвали подлежитъ сомнѣнію, что онѣ примирили значительную часть общества съ новой властью, весьма возможно, что онѣ содѣйствовали сохраненію гражданскихъ чувствъ, безъ которыхъ эпоха Антониновъ едвали мыслима,

но безспорно также, что проявившаяся въ нихъ подозрительная осторожность создала почву для того „бѣлаго“ террора, который описанъ рукою Тацита. Ложное положеніе какъ принцепса, такъ и сената въ значительной мѣрѣ виновато въ звѣрствахъ перваго вѣка, въ казняхъ Веспасіана, Тита и Гадріана, въ страшномъ развитіи закона объ оскорбленіи величества, этого римскаго закона о подозрительныхъ, въ ужасающей деморализаціи римской знати. Въ XVI вѣкѣ говорили: „кто ѣстъ отъ папы, долженъ умереть“, въ I вѣкѣ общеніе съ императоромъ было не менѣе гибельно. Все, что постоянно находилось около двора, т.-е. по преимуществу знать, погибало либо въ нравственномъ смыслѣ, либо въ чисто физическомъ. Съ этой точки зрѣнія, величайшій представитель аристократіи, Тацитъ, былъ бы правъ, еслибы примѣнилъ свои слова о первыхъ годахъ Тиберія ко всему либерализму принципата: „Красивыя на словахъ, на дѣлѣ пустыя или обманчивыя, его дѣйствія должны были разразиться тѣмъ болѣе тяжкимъ рабствомъ, чѣмъ бо̀льшимъ видомъ свободы они прикрывались“ [1]).

ГЛАВА II.

Конституціонное развитіе имперіи [2]). Эпоха Тиберія [3]).

§ 1.

Конституціонный строй римскаго государства, созданный Августомъ и основанный на нѣсколькихъ законахъ, молчали-

[1]) Tac. Ann. 1, 81: Speciosa verbis, re inania aut subdola, quantoque maiore libertatis imagine tegebantur, tanto eruptura ad infensius servitium.

[2]) Главные труды по исторіи римской имперіи (кромѣ выше упомянутыхъ произведеній Tillemont и Gibbon'a): Hoeck, Römische Geschichte vom Verfall der Republik bis zur Vollendung der Monarchie unter Constantin, т. I въ 3 ч. 1841—1850 (доведено до паденія Нерона); Merivale, History of the Romains under the Empire (нѣм. перев. 1867 и сл. г.); Duruy, Histoire des Romains, т. III и сл.; Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit, т. I. 1883.—Untersuchungen Büdinger'a, Studien Sievers'a и т. д. Ср. вышеназванные труды по государственному праву Рима.

[3]) Кромѣ общихъ трудовъ, Niebuhr, Vorträge, изд. Schmitz—Zeiss, 2,

выхъ соглашеніяхъ и долголѣтней практикѣ управленія—недаромъ Августъ „сорокъ четыре года одинъ держалъ государство въ своихъ рукахъ“ [1]),—какъ ужъ было замѣчено раньше, подвергся серьезнымъ измѣненіямъ, какъ только первый принцепсъ закрылъ глаза. Дѣло рукъ Августа не отличалось ни строгимъ единствомъ основной мысли, ни строго-логическимъ осуществленіемъ его. Оппортюнистъ по преимуществу, Августъ неоднократно самъ видоизмѣнялъ свое дѣло и только общая, болѣе или менѣе ловко скрываемая, тенденція къ упроченію власти красной нитью проходитъ чрезъ всю его дѣятельность. Но именно она-то уже потому меньше всего годилась для теоретическаго обоснованія новаго государственнаго строя, что Августъ въ теоріи всегда отрицалъ ее и по возможности подчеркивалъ свое безкорыстіе. Не имѣя мужества назвать свою власть настоящимъ именемъ, но не имѣя, съ другой стороны, и охоты, отказаться отъ нея, онъ уже поэтому не могъ бы сочувствовать мысли, точно формулировать свое положеніе, а также и положеніе сената и народа, еслибы это даже требовалось римскими конституціонными преданіями. Отсутствіе всякихъ, точно опредѣленныхъ закономъ, основъ республиканскаго строя, возможность ссылаться на кажущіеся прецеденты и аналогіи, сила относительно быстро устанавливающагося обычая—не забудемъ, что со времени убійства Цезаря до смерти Августа прошло 58 лѣтъ, подросло два новыхъ поколѣнія, почти или даже вовсе не видѣвшихъ республики,—все это вмѣстѣ чрезвычайно облегчило успѣхъ медленной работы Августа, осторожно подкапывавшагося подъ послѣдніе

---

247 сл., Duruy, de Tiberio imperatore, 1856. Sievers, Tacitus et Tiberius Hamburg, 1850, 1851 и Studien zur Geschichte der römischen Kaiserzeit; Stahr, Tiberius, B. 1863, Freytag, Tiberius und Tacitus, Marburg, 1868. Binder, Tacitus und die Geschichte des römischen Reichs unter Tiberius Wien, 1880. Ср. Драгомановъ, Тацитъ и римская имперія. К. 1869.

[1]) Suet. Aug. 8: novissime per quattuor et quadraginta solus rem publicam tenuit.

остатки прежняго строя. Нигдѣ не разрывая формально и рѣзко съ прошлымъ, стараясь, наоборотъ, окружить себя ореоломъ возстановителя республики и добрыхъ старыхъ нравовъ, Августъ фактически произвелъ полный переворотъ, лицемѣрная форма котораго содѣйствовала политической доморализаціи общества, но въ то же время заставила его поразительно быстро привыкнуть къ новому порядку. Монархія никогда не была провозглашена, отношенія принцепса къ сенату никогда не были выяснены, никто не могъ точно сказать, гдѣ юридическіе предѣлы новой власти,—одно было несомнѣнно—она существовала—и всѣмъ приходилось считаться съ этимъ фактомъ, прискорбнымъ для немногихъ [1]), безразличнымъ или даже утѣшительнымъ для огромнаго большинства, которое Августъ „прельстилъ прелестью спокойствія“ [2]).

Отсутствіе формальной системы новаго строя чрезвычайно содѣйствуетъ его измѣнчивости: не возбуждая принципіальныхъ вопросовъ и не встрѣчая препятствія въ необходимости разрѣшить ихъ понятнымъ для всѣхъ образомъ, тотъ, кто фактически имѣетъ власть, постепенно одной формой пользованія ею перекраиваетъ прежнее отношеніе законныхъ факторовъ народной жизни на новый, наиболѣе удобный и выгодный для него образецъ [3]). Такъ нѣкогда сенатъ постепенно подчинилъ себѣ магистратуру, такъ теперь Августъ постепенно вдвигалъ свою власть въ государственную жизнь и „понемножку совершалъ захваты, присваивая себѣ компетенцію сената, магистратовъ, законовъ“ [4]). Совершенно одинаково и дальнѣйшее развитіе принципата: за исключеніемъ

---

[1]) Tac. Ann., 1, 4: pauci bona libertatis in cassum disserere.

[2]) Tac. Ann., 1, 2: cunctos dulcedine otii pellexit.

[3]) Революціонность дѣйствій Гракховъ и Цезаря въ значительной мѣрѣ связана съ ихъ стремленіемъ ставить вопросы принципіально и принципіально же ихъ разрѣшать.

[4]) Tac. Ann., 1, 2: insurgere paulatim, munia senatus magistratuum legum in se trahere.

немногихъ случаевъ рѣзкихъ вспышекъ деспотизма, монархическіе элементы принципата медленно какъ бы въѣдаются въ жизнь и разъѣдаютъ послѣднія республиканскія формы, чтобы наконецъ захватить все въ свои руки.

При смерти Августа власть принцепса болѣе или менѣе значительно ограничивалась своей формальной срочностью, отсутствіемъ законнаго престолонаслѣдія, совѣщательнымъ, судебнымъ и правительственнымъ значеніемъ сената, законодательнымъ и избирательнымъ значеніемъ комицій, сохраненіемъ республиканской магистратуры и обязанностью принцепса, назначать своихъ помощниковъ изъ сенаторовъ и всадниковъ. Бо̀льшая часть этихъ болѣе формальныхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ ограниченій никогда формально не была уничтожена, а чисто фактически перестала дѣйствовать [1]).

Фактически, важнѣйшимъ факторомъ на ряду съ принцепсомъ былъ сенатъ, и нѣтъ сомнѣнія, что главное отличіе въ политикѣ диктатора Цезаря и Августа заключается въ ихъ отношеніи къ аристократіи. Долголѣтній вождь популяровъ, возвысившійся благодаря ихъ поддержкѣ и борьбѣ съ оптиматами, Цезарь и въ качествѣ диктатора продолжалъ опираться на народъ и всячески старался унизить сенатъ: отъ него едва ли можно было бы ожидать и окончательнаго упроченія соціальныхъ привилегій аристократіи. Августъ, начавшій свою карьеру въ союзѣ съ Цицерономъ, который занималъ тогда первенствующее мѣсто въ сенатѣ, когда пріобрѣлъ власть,

---

[1]) Срочность власти исчезла съ Тиберіемъ, ея формально чрезвычайный характеръ послѣ гибели Нерона; престолонаслѣдіе установилось при Антонинахъ; сенатъ, возвеличенный при Тиберіи, начиная съ Домиціана по составу своему становится вполнѣ зависимымъ отъ принцепса, начиная съ Гадріана перестаетъ законодательствовать, а въ третьемъ вѣкѣ въ об'щемъ теряетъ какъ совѣщательное, такъ и правительствующее значеніе; республиканская магистратура сплошь подлежитъ назначенію принцепса начиная съ Флавіевъ; народное собраніе теряетъ свои избирательныя права при Тиберіи, законодательныя послѣ Клавдія; измѣненіе системы управленія относится къ III вѣку.

несмотря на проскрипціи, наоборотъ, старался примириться съ сенатомъ и еще болѣе съ сенатскимъ сословіемъ, обращался съ сенаторами, какъ съ равными, и упрочилъ ихъ соціальныя и часть ихъ политическихъ преимуществъ. Диктатура Цезаря носитъ демократическій отпечатокъ, принципатъ Августа отличается аристократизмомъ. Потомокъ древняго патриціанскаго рода Цезарь презиралъ сенатъ, плебей родомъ Августъ дѣлалъ видъ, что уважаетъ его.

Преемникомъ Августа опять былъ представитель одного изъ знаменитѣйшихъ патриціанскихъ родовъ, Тиберій Клавдій Неронъ. Вскорѣ послѣ низложенія Тарквиніевъ родоначальникъ Клавдіевъ, Аттусъ Клаузусъ съ 4000 кліентовъ переселился въ Римъ и былъ принятъ въ составъ патриціевъ. Съ тѣхъ поръ его родъ отъ 495 до 38 г. до Р. Х. добился 28 консулатовъ, пяти диктатуръ, семи цензуръ, шести тріумфовъ, двухъ овацій [1]), и всегда стоялъ въ первыхъ рядахъ олигархіи. „Вдобавокъ, говоритъ Светоній, общеизвѣстно, что всѣ Клавдіи всегда были оптиматами и ревностнѣйшими защитниками достоинства и власти патриціевъ, и такъ насильственны и наглы по отношенію къ плебсу, что даже, подлежа смертной казни, не могли себя заставить, перемѣнить одежду предъ народнымъ собраніемъ (на траурную) или просить пощады; нѣкоторые во время спора и брани даже толкали народныхъ трибуновъ“ [2]). Неудивительно, что потомокъ этого рода, отецъ императора Тиберія, также Тиберій Клавдій Неронъ, былъ среди проскрибированныхъ тріумвирами аристократовъ: бѣгство въ Сицилію къ С. Помпею спасло его отъ смерти, а послѣ Мизенскаго соглашенія онъ могъ вернуться въ Римъ. Бракъ

---

[1]) Suet. Tib. 1.

[2]) Suet. Tib., 2: praeterea notatissimum est, Claudios omnis... optimates adsertoresque unicos dignitatis ac potentiae patriciorum semper fuisse, atque adversus plebem adeo violentos et contumaces, ut ne capitis quidem quisquam reus apud populum mutare vestem aut deprecari sustinuerit; nonnulli in altercatione et iurgio tribunos plebi pulsaverint.

его жены Ливіи съ Августомъ, и смерть всѣхъ другихъ претендентовъ [1]) неожиданно сдѣлали его сына императоромъ.

Надменный [2]) и совершенно непопулярный Тиберій, вовсе не былъ расположенъ въ пользу народа: демократическія идеи Гракховъ и Цезаря исчезли вмѣстѣ съ демократической партіей, аристократизмъ Августа, наоборотъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ характеру Тиберія. Истый сынъ римской олигархіи, онъ и въ качествѣ принцепса остался вѣренъ ея преданіямъ, какъ въ внѣшнемъ почтеніи, оказываемомъ сенату и консуламъ, такъ и въ той жестокой расправѣ съ дѣйствительными и мнимыми врагами, которой римляне всегда отличались. Проповѣдь гуманности, правда, давно уже раздавалась въ Римѣ, но она не успѣла проникнуть ни въ народную массу, ни даже въ аристократію. Гладіаторскія и другія игры въ Римѣ [3]) вмѣстѣ съ эксплоатаціей подданныхъ въ провинціяхъ на общемъ фонѣ рабства мало содѣйствовали смягченію нравовъ: презрѣніе къ человѣческому достоинству, столѣтіями культивировавшееся, особенно въ средѣ олигархіи [4]), принесло свои кровавые плоды, и первая вкусила ихъ олигархія. Страшныя, массовыя казни послѣднихъ временъ Тиберія послужили возмездіемъ за дѣянія республиканскихъ Суллъ и Верресовъ, за жестокую расправу сената съ Гракхами и ихъ приверженцами, за всю свирѣпую разнузданность правящаго сословія Рима.

Тацитъ, правда, ставитъ всѣ жестокости временъ Тиберія на счетъ послѣдняго и утверждаетъ, что жестокость была такимъ же отличительнымъ качествомъ его, какъ лицемѣріе,

---

[1]) Tac. Ann. 1, 10: gravis in rempublicam mater, gravis domui Caesarum noverca.

[2]) Tac. Ann., 1, 4: Vetere atque insita Claudiae familiae superbia.

[3]) Извѣстно, какъ туго эти игры прививались на греческомъ Востокѣ.

[4]) См. характерное замѣчаніе Тацита. Ann., 2, 85: actum et de sacris Aegyptiis Iudaicisque pellendis factumque patrum consultum, ut quattuor millia libertini generis ea superstitione infecta, quis idonea aetas, in insulam Sardiniam veherentur, coercendis illic latrociniis et, si ob gravitatem coeli interissent, *vile damnum*; ceteri и т. д.

скрытность и подозрительность [1]): только необходимость будто бы заставляла Тиберія, скрывать ее, но какъ только онъ упрочилъ власть за собою, какъ только умерли Германикъ и Ливія, сказалась его настоящая натура. Поскольку жестокость и неразборчивость въ средствахъ были отличительными чертами всѣхъ или почти всѣхъ Римлянъ того времени, а въ томъ числѣ и Тиберія, Тацитъ, конечно, правъ, но дѣлать изъ Тиберія исключительное явленіе едва ли правильно. Проскрипціи и перузинская бойня доказали, что и Августъ не отличался въ этомъ отношеніи отъ своего преемника; рядъ другихъ свидѣтельствъ позволяетъ сказать тоже о ихъ современникахъ [2]). Личность Тиберія именно потому такъ ужасна, что онъ вовсе не былъ хуже, а пожалуй, даже и лучше огромнаго большинства своихъ согражданъ [3]). Во всѣхъ своихъ достоинствахъ и недостаткахъ Тиберій типичный средній римскій аристократъ. Человѣкъ далеко не геніальный, но прекрасный и заботливый полководецъ, осторожный и подозрительный, умный и властолюбивый политикъ, какъ Августъ, онъ еще менѣе послѣдняго оригиналенъ, еще болѣе консерваторъ. Исполненный чувства своего достоинства, онъ не нуждается во внѣшнихъ почестяхъ [4]) и эффектахъ [5]), которые

---

[1]) Tac. Ann., 1, 4: maturum annis, spectatum bello, sed vetere et insita Claudiae familiae superbia, multaque indicia saevitiae, quamquam premantur, erumpere. Hunc et prima ab infantia eductum in domo regnatrice; congestos iuveni consulatus, triumphos; ne iis quidem annis, quibus Rhodi specie secessus exul egerit, aliud quam iram et dissimulationem et secretas lubidines meditatum.

[2]) Ср. извѣстные разсказы о Волезѣ Мессалѣ, Sen. de ira 2, 5, и о Ведіи Полліонѣ, Dio 54, 23, 1—6 и др.

[3]) См. его отношенія къ первой женѣ Suet. Tib. 7.

[4]) Suet. Tib., 27: adulationes adeo aversatus est... dominus appellatus a quodam, denuntiavit ne se amplius contumeliae causa nominaret. Ib. 26.

[5]) Tac. Ann., 4, 64 (по поводу пожара въ Римѣ): famaque apud populum, quia sine ambitione aut proximorum precibus ignotos etiam et ultra accitos munificentia iuvaret. Впрочемъ, ib. 2, 84: cuncta, etiam fortuita, ad gloriam vertebat.

играютъ значительную роль въ біографіи Августа. Скрытный по природѣ, онъ становится неискреннимъ подъ давленіемъ тѣхъ придворныхъ теченій и противотеченій, среди коихъ онъ росъ и которыя неоднократно ставили его въ весьма тяжелыя и даже опасныя условія [1]). Ложное политическое положеніе деспота-гражданина развиваетъ въ немъ страшное лицемѣріе, но и тутъ онъ является только ученикомъ Августа, правда, ученикомъ далеко оставившимъ за собою даже своего учителя. Было бы смѣшно дѣлать изъ Тиберія возвышенную натуру, но довольствоваться огульнымъ осужденіемъ его, было бы несправедливо. Наслѣдственныя черты римлянина и олигарха, семейное положеніе, наконецъ политическія и нравственныя условія времени, вполнѣ объясняютъ тѣ страшныя преступленія, которыя темнымъ пятномъ лежатъ на его памяти и заставляютъ забывать о его крупныхъ заслугахъ.

При жизни Августа, онъ послѣ Агриппы былъ главнымъ помощникомъ своего вотчима, а затѣмъ и отца [2]). Вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Друзомъ, онъ распространилъ предѣлы римскаго государства до Дуная и Эльбы, ему была поручена война съ Марободомъ, онъ подавилъ страшное паннонское возстаніе, онъ былъ посланъ на Рейнъ, когда послѣ пораженія Вара въ Римѣ ждали германское нашествіе и Августъ лихорадочно готовился къ войнѣ. Единственныя, несомнѣнно искреннія нотки въ панегирикѣ Веллея на него звучатъ въ восхваленіи его военныхъ заслугъ [3]).

Если отъ него ожидали, что, ставъ принцепсомъ, онъ снова примется за войны и завоеванія, которыхъ избѣгалъ старѣющій Августъ, то эти ожиданія по разнымъ причинамъ были обмануты. Тиберій самъ уже былъ немолодъ: ему было 56 лѣтъ,

---

[1]) Tac. Ann., 4, 71: nullam aeque Tiberius, ut rebatur, ex virtutibus suis quam dissimulationem diligebat.

[2]) См. выше стр. 238 сл.

[3]) См. напр. Vell. 2, 111.

когда онъ пріобрѣлъ принципатъ [1]). Военной славы онъ пріобрѣлъ достаточно, а трудность управлять и безъ того огромнымъ государствомъ и финансовыя затрудненія побудили его, послѣдовать одному изъ послѣднихъ совѣтовъ Августа, не расширять предѣловъ государства [2]). Весьма возможно, что въ этомъ рѣшеніи немалую роль играло и желаніе остаться въ Римѣ, чтобы постоянно держать въ своихъ рукахъ сенатъ и сдерживать возможныхъ претендентовъ своимъ присутствіемъ. Въ этомъ причина его конфликта съ Германикомъ, это въ то же время одинъ изъ поводовъ къ недовольству въ обществѣ, откликъ котораго можно встрѣтить еще у Тацита [3]). Вмѣсто войнъ, которыхъ онъ старался избѣжать посредствомъ мирныхъ переговоровъ, дипломатическихъ успѣховъ и даже уступчивости [4]), онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на внутреннемъ управленіи: хищническіе инстинкты намѣстниковъ сдерживались строгимъ надзоромъ [5]); бережливость позволяла ему оказывать чрезвычайную помощь какъ городу Рима [6]), такъ и другимъ мѣстностямъ въ случаѣ пожаровъ, землетрясеній [7]) или эконо-

---

[1]) Родился въ 42 г. до Р. Хр.

[2]) Dio 56, 33, 5. (Xiphil. p. 94 r. Zonaras p. 429, 20): γνώμην τε αὐτοῖς ἔδωκε τοῖς τε παροῦσιν ἀρκεστῆναι καὶ μηδαμῶς ἐπὶ πλεῖον τὴν ἀρχὴν ἐπαυξῆναι ἐθελῆσαι. δυσφύλακτόν τε γὰρ αὐτὴν ἐσεσθαι καὶ κινδυνεύσειν ἐκ τούτου καὶ τὰ ὄντα ἀπολέσαι ἔφη. Tac. Ann. 1, 11: addideratque (Augustus) consilium coercendi intra terminos imperii, incertum metu an invidia. Послѣднія слова въ высокой степени характерны для подозрительнаго отношенія Тацита къ внутреннимъ побужденіямъ всѣхъ принцепсовъ, о которыхъ онъ писалъ.

[3]) Tac. Ann., 4, 31—4, 32: nobis in arto et inglorius labor; immota quippe aut modice lacessita pax, maestae urbis res et princeps *proferendi imperii incuriosus* erat.

[4]) Tac. Ann., 6, 32: destinata retinens, consilii et astu res externas moliri, arma procul habere.

[5]) Tac. Ann., 4, 6: et ne provinciae novis oneribus turbarentur utque vetera sine avaritia aut crudelitate magistratuum tolerarent, providebat: corporum verbera, ademptiones honorum aberant.

[6]) См. напр. Tac. Ann., 4, 64. Ср. Ann., 4, 6: plebes acri quidem annona fatigabatur, sed nulla in eo culpa ex principe: quin infecunditati terrarum aut asperis maris obviam iit, quantum impendio diligentiaque poterat.

[7]) См., напр. Ann, 2, 47.

мическихъ кризисовъ [1]), и въ то же время собрать въ казнѣ 2700.000.000 сестерціевъ [2]); внимательный надзоръ надъ судопроизводствомъ былъ однимъ изъ его постоянныхъ занятій, пока онъ не переселился на Капри [3]). Однимъ словомъ, онъ относился серьезно къ своему дѣлу, и только въ послѣдніе годы жизни, повидимому, терялъ постоянную связь съ дѣлами. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ крупной, пожалуй, даже трагической личностью, не съ пошлымъ и безталаннымъ развратникомъ въ родѣ Гая или Нерона, не съ трагикомическимъ сластолюбцемъ и добродушно-безвольнымъ рабомъ своихъ женъ и либертовъ, въ родѣ Клавдія.

Замѣчательно, что ни одинъ изъ литературныхъ враговъ Тиберія не остановился на тѣхъ конституціонныхъ реформахъ, которыя относятся къ его времени: всѣ они, очевидно, до такой степени подавлены сущностью новаго режима, что кромѣ бѣглыхъ замѣчаній не удѣляютъ никакого вниманія тѣмъ постепеннымъ видоизмѣненіямъ конституціонныхъ формъ, фактическое ничтожество которыхъ имъ слишкомъ извѣстно и слишкомъ оскорбляетъ ихъ традиціонные взгляды [4]).

Между тѣмъ, уже въ самой формѣ дарованія принципата второму его носителю заключается весьма серіозное отступленіе отъ установленныхъ Августомъ порядковъ.

Когда Августъ умеръ, Тиберій обладалъ трибунской [5]) и проконсульской властью [6]). Моммзенъ полагаетъ, что „хотя его полномочія сохранили свое значеніе и послѣ смерти Авгу-

[1]) См., напр., Tac. Ann., 6, 16—17; Suet. Tib. 48.

[2]) Suet. Cal. 37: immensas opes, totumque illud Ti. Caesaris vicies ac septies milies sestertium non toto vertente anno absumpsit.

[3]) Suet. Tib. 33, Tac. Ann., 1, 75. Ann., 4, 6: legesque, si maiestatis quaestio eximeretur, bono in usu.

[4]) Tac. Ann., 6, 2 (о различеніи эрарія и фиска): tamquam referret.

[5]) Dio 56, 28, 1 (къ 13 г.) καὶ τῷ Τιβερίῳ τὴν ἐξουσίαν τὴν δημαρχικὴν αὖθις ἔδωκε. Срокъ не указанъ.

[6]) Едва-ли иначе можно понять слова Свегонія Tib. 21: lege per consules lata, ut provincias cum Augusto communiter administraret simulque censum ageret... Срокъ также не указанъ.

ста, они не дѣлали его eo ipso принцепсомъ. Соправителю, даже если онъ получилъ самыя широкія правы, все-же не достаетъ тѣхъ, которыя собственно конституируютъ принципатъ. Теоретически было бы даже возможно, оставить дарованныя ему права за нимъ и въ тоже время назначить принцепсомъ вмѣсто умершаго другое лицо. Въ виду этого, чтобы сдѣлаться законнымъ обладателемъ принципата, и онъ нуждается въ дарованіи его особымъ актомъ, хотя формулировка послѣдняго въ данномъ случаѣ, вѣроятно, была иная (чѣмъ обыкновенно)“ [1]). Теорія Моммзена о необходимости подтвержденія трибунской и проконсульской власти, очевидно, непосредственно вытекаетъ изъ его основного взгляда на принципатъ, какъ на результатъ обладанія именно этими властями, съ одной, и изъ разсказовъ Тацита и др. о сценахъ въ сенатѣ, гдѣ Тиберій, владѣя трибунской и проконсульской властью, отказывался отъ принципата, съ другой стороны. Съ нашей точки зрѣнія, при различеніи общаго imperium'а 27 г., заключающаго право верховнаго надзора, начальство надъ войсками и управленіе частью провинцій, отъ проконсульской и трибунской власти, дѣло представляется иначе и, какъ намъ кажется, значительно проще. Тиберій имѣлъ трибунскую власть и въ силу ея созвалъ сенатъ послѣ смерти Августа [2]), онъ имѣлъ maius imperium во всѣхъ провинціяхъ и въ силу его разослалъ по провинціямъ приглашеніе, присягнуть ему, и давалъ приказанія преторіанцамъ [3]), но онъ не имѣлъ настоящей

[1]) R. St. 2, 1166.

[2]) Tac. Ann., 1, 7: ne edictum quidem, quo patres in curiam vocabat nisi tribuniciae potestatis praescriptione posuit sub Augusto acceptae.

[3]) Tac. Ann. 1, 7: defuncto Augusto signum praetoriis cohortibus ut imperator (побѣдоносный проконсулъ тоже былъ imperator! см. Dio, 57, 2, 1: μὴ λέγων αὐτοκράτωρ εἶναι) dederat; excubiae, arma, cetera aulae; miles in forum, miles in curiam comitabatur. Literas ad exercitus *tamquam adepto principatu* misit, nusquam cunctandus nisi cum in senatu loqueretur. Къ войскамъ Тиберій могъ обратиться и въ силу своего maius imperium, но это еще не значитъ, какъ полагаетъ впрочемъ и Тацитъ, чтобы онъ былъ принцепсомъ.

основы принципата, imperium'а 27 г. Въ знаменитомъ сенатскомъ засѣданіи, такимъ образомъ, идетъ рѣчь не о первыхъ двухъ властяхъ, а о послѣдней. Тацитъ и другіе историки жестоко высмѣиваютъ упорные отказы Тиберія отъ нея [1]): но есть основаніе думать, что уже при Августѣ въ сенатѣ происходили совершенно аналогичныя сцены, какъ въ 27 г., такъ и впослѣдствіи, когда срокъ, на который Августъ получилъ свою власть, кончался, и самъ собой возникалъ вопросъ о продленіи его. Въ 27 г. долго упрашивали Августа принять власть, пока не „заставили“ его согласиться [2]), въ 8 г. онъ „неохотно“ снова принялъ власть [3]), въ 3 г. согласился „принужденный“ [4]), въ 13 г. „неохотно“ [5]). Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ принятой формой, съ такой же точно формой, какъ та, въ силу которой въ средніе вѣка требовалось, чтобы избранный епископомъ или папой долго отказывался и слезно умолялъ избавить его отъ чрезмѣрной чести, наконецъ даже старался бѣжать [6]). Помимо этого весьма вѣроятно, что Тиберій настаивалъ на своемъ отказѣ, желая подчеркнуть, что онъ не обязанъ своей властью только одному родству съ Августомъ [7]) и не насильственному захвату, а добровольному поднесенію ея сенатомъ и народомъ. Въ концѣ концевъ, онъ ее, разумѣется, принялъ [8]), и принялъ, сколько намъ извѣстно, безсрочно,

---

[1]) Вѣсть объ его отказѣ дошла даже до Овидія. Ex Ponto 4, 13:

qui frena rogatus
Saepe recusati ceperit imperii.

[2]) 53, 11, 4: διεβόων πολλὰ.. μέχρι οὗ κατηνάγκασαν δῆθεν αὐτὸν αὐταρχῆσαι.

[3]) Dio 55, 6, 1: τὴν.. ἡγεμονίαν.. ἄκων δῆθεν αὖτις ὑπέστη.

[4]) Xiphil = Dio, 55, 12, 3 :ἐκβιασθεὶς δῆθεν.

[5]) Dio, 56, 28, 1... ἄκων...

[6]) См. H. v. Eicken, Gesch. u. Syst. d. mittelalt. Weltansch. напр. стр. 319—320.

[7]) Tac. Ann. 1, 7. Dio, 57, 3, 3.

[8]) Діонъ 57, 2, 4—7 разсказываетъ о любопытномъ предложеніи раздѣлить высшую власть: ἔπειτα δὲ κοινωνούς τέ τινας καὶ συνάρχοντας, οὔτι γε καὶ πάντων καθάπαξ ὥσπερ ἐν ὀλιγαρχίᾳ, ἀλλ' ἐς τρία μέρη νέμων αὐτὴν, ἦτει, καὶ τὸ μὲν αὐτὸς ἔχειν ἠξίου, τῶν δὲ ἑτέρων ἄλλοις παρεχώρει. ἦν δὲ ταῦτα ἓν μὲν ἥτε

тогда какъ Августъ никогда не принималъ ее на болѣе продолжительный, чѣмъ десятилѣтній срокъ. Ясно, какое существенное нововведеніе въ этомъ заключается. Срочность и чрезвычайный характеръ принципата, какъ ужъ замѣчено, были послѣдними воспоминаніями о республиканскомъ строѣ. Пока власть принцепса не была пожизненна, она хоть въ теоріи еще допускала идею отвѣтственности; съ устраненіемъ срочности его власти принцепсъ eo ipso становится не отвѣтственнымъ: насильственный переворотъ, революціонное движеніе, разумѣется, и теперь остается возможнымъ, но какой монархъ можетъ сказать, что онъ безусловно обезпеченъ отъ такого рода отвѣтственности? и можно ли видѣть въ этомъ доказательство, что отвѣтственность принцепса больше чѣмъ фикція, притомъ, вѣроятнѣе всего, даже не римская конституціонная, а ученая фикція XIX вѣка?

Но принимая свою власть пожизненно или, вѣрнѣе, безъ опредѣленнаго срока, Тиберій сдѣлалъ видъ, что все же признаетъ ее чрезвычайной. Онъ заявилъ, что принимаетъ ее „вплоть до того времени, когда вамъ (сенату) покажется справедливымъ дать моей старости покой“ [1]). Самое дарованіе ему принципата и теперь еще мотивируется чрезвычайными условіями времени: сенатъ признаетъ, что кромѣ него никто не способенъ взять на себя трудную задачу, заботиться о безопасности государства [2]). Это послѣдній остатокъ республиканскихъ воспоминаній; пока принципатъ еще не признанъ необходимымъ элементомъ государственной жизни, въ

Ρώμη καὶ ἡ ἄλλη Ἰταλία, ἕτερον δὲ τὰ στρατόπεδα, καὶ ἕτερον οἱ λοιποὶ ὑπήκοοι Въ общихъ чертахъ объ этомъ упоминаетъ и Тацитъ. Ann. 1, 11—12.

[1]) Suet. Tib. 24: dum veniam ad id tempus, quo vobis aequum possit videri dare vos aliquam senectuti meae requiem. См. впрочемъ Dio 57, 8, 3: εὔχετο τε ὁσάκις τοῦτό τι παραπέσοι τοσοῦτον καὶ ζῆσαι καὶ ἄρξαι χρόνον ὅσον ἂν τῷ δημοσίῳ συμφέρῃ. См. Ann. 4, 9 (послѣ смерти Друза въ 23 г.) de reddenda re publica utque consules seu quis alius regimen susciperent.

[2]) Tac. Ann. 1, 11—12.

теоріи возвращеніе къ республикѣ еще возможно безъ новаго переворота: сенатъ и народъ просто могутъ признать, что порядокъ возстановленъ, государство въ безопасности, а слѣдовательно нѣтъ болѣе надобности прибѣгать къ исключительнымъ средствамъ, и можно снова предоставить управленіе страной республиканской магистратурѣ, сенату и комиціямъ; консулы опять будутъ высшими представителями народа. Толки о либеральныхъ намѣреніяхъ старшаго Друза, Германика [1]), а затѣмъ и его дѣтей [2]), вмѣстѣ съ событіями, послѣдовавшими за смертью Гая и Нерона [3]), доказываютъ, что надежды на преходящій характеръ принципата еще не исчезли въ римскомъ обществѣ, и потребовалось цѣлое столѣтіе для того, чтобы Римъ привыкъ къ мысли о необходимости и конституціонности прежней чрезвычайной власти.

Откинувъ фикцію срочности своихъ чрезвычайныхъ полномочій, Тиберій однако въ то же время въ другихъ отношеніяхъ ослабилъ блескъ своего положенія, отказавшись одинаково какъ отъ имени imperator, такъ и отъ почетныхъ прозвищъ pater patriae и Augustus. Только при сношеніяхъ съ вассалами и съ другими царями онъ пользовался званіемъ Августа [4]).

---

[1]) Tac. Ann. 1, 33: Drusi magna apud populum Romanum memoria, credebaturque, si rerum potitus foret, libertatem redditurus; unde in Germanicum favor et spes eadem. О Друзѣ см. Suet. Claud. 1. Tac. Ann. 2, 82 о Германикѣ: populum Romanum aequo iure complecti reddita libertate agitaverint. Tac. Ann. 3, 4 по поводу его смерти: concidisse rem publicam, nihil spei reliquum clamitabant, promptius apertiusque quam ut meminisse imperitantium crederes.

[2]) Tac. Ann. 3, 29. 6, 23.

[3]) См. ниже.

[4]) Suet. Ti. 26: praenomen quoque imperatoris cognomenque patris patriae.. recusavit; ac ne Augusti quidem nomen, quamquam hereditarium, ullis nisi ad reges ac dynastas epistolis addidit. Dio 57, 8, 1—2. οὔτε γὰρ δεσπότην ἑαυτὸν τοῖς ἐλευθέροις οὔτε αὐτοκράτορα πλὴν τοῖς στρατιώταις καλεῖν ἐφίει, τό τε τοῦ πατρὸς τῆς πατρίδος πρόσρημα παντελῶς διεώσατο, καὶ τὸ τοῦ Αὐγούστου οὐκ ἐπέθετο μὲν, οὐδὲ γὰρ ψηφισθῆναί ποτε εἴασε, λεγόμενον δ' ἀκούων καὶ γραφόμενον ἀναγιγνώσκων ἔφερε. καὶ ὁσάκις γε βασιλεῦσί τισιν ἐπέστελλε, καὶ ἐκεῖνο προσενέγραφε. Tac. Ann. 1, 72.

Серьезнѣе этой уступки были двѣ другія, а именно расширеніе круга дѣлъ, по которымъ Тиберій совѣщался съ сенатомъ, и перенесеніе выборовъ изъ народныхъ собраній въ сенатъ. „Онъ ввелъ также“, говоритъ Светоній „нѣкоторый призракъ свободы [1]), сохранивъ и за сенатомъ, и за магистратами древнее величіе и власть. Не было ни такого мелкаго, ни такого крупнаго дѣла, о которомъ онъ бы не доложилъ сенату: о налогахъ и монополіяхъ, о возведеніи и возстановленіи построекъ, даже о наборѣ или отпущеніи солдатъ и о распредѣленіи легіоновъ и вспомогательныхъ войскъ, наконецъ кому (изъ намѣстниковъ) слѣдуетъ продлить власть или поручить чрезвычайную войну, а также и о томъ, что̀ и въ какой формѣ они сочтутъ нужнымъ отвѣтить на посланія царей...“ [2]) „Но и остальное

[1]) Suet. Ti. 30: Quin etiam speciem libertatis quandam *induxit*. Этимъ сказано, что при Августѣ было иначе. Ср. Tac. Ann. 4, 6: iam primum publica negotia et privatorum maxima apud patres tractabantur, dabaturque primoribus disserere, et in adulationem lapsos cohibebat ipse; mandabatque honores, nobilitatem maiorum, claritudinem militiae, inlustres domi artes spectando, ut satis constaret non alios potiores fuisse. sua consulibus, sua praetoribus species; minorum quoque magistratuum exercita potestas.

[2]) Suet. Tib. 30. Dio 57, 7, 2 сл.: αὐτὸς μὲν καθ' ἑαυτὸν ἤ τι ἢ οὐδὲν ἔπραττε, πάντα δὲ δὴ καὶ σμικρότατα ἐς τε τὴν γερουσίαν ἐσέφερε καὶ ἐκείνῃ ἐκοίνου и т. д. См. Tac. 4, 6 (выше прим. 1) см. Tac. Ann. 1, 25: acturum apud patres de postulatis eorum (мятежныхъ легіоновъ Панноніи); misisse interim filium, ut sine cunctatione concederet, quae statim tribui possent, cetera senatui servanda и отвѣтъ мятежниковъ 1, 26: novum id plane, quod imperator sola militis commoda ad senatum reiiciat. eundem ergo senatum consulendum, quotiens supplicia aut proelia indicantur. Впрочемъ Ann. 2, 63 внѣшнія дѣла сообщаются сенату послѣ ихъ рѣшенія; Ann. 3, 46 сообщается точно также о галльскомъ возстаніи 21 г.: Tum demum Ti. ortum patratumque bellum senatui scripsit. Ann. 3, 32 объясняется тѣмъ, что Африка не была провинціей Цезаря.

Tac. Ann. 3, 60: Sed Ti. vim principatus sibi firmans, imaginem antiquitatis senatui praebebat, postulata provinciarum (о признаніи права убѣжища за разными храмами и городами) ad disquisitionem patrum mittendo... magnaque eius diei species fuit, quo senatus maiorum beneficia, sociorum pacta, regum etiam, qui ante vim Romanam valuerant, decreta ipsorumque numinum religiones, introspexit, libero, ut quondam, quid firmaret mutaretve.

Tac. Ann. 4, 15: ita quamquam novo homini (Lucilio Longo, другу Тиберія) censorium funus, effigiem apud forum Augusti publica pecunia patres

совершалось не иначе какъ чрезъ магистратовъ и обыкновеннымъ порядкомъ, такъ что авторитетъ консуловъ былъ такъ великъ, что послы изъ Африки обратились къ нимъ съ жалобой, что Цезарь, къ которому они посланы, ихъ задерживаетъ. И это неудивительно, разъ стало извѣстнымъ, что онъ самъ встаетъ передъ ними и уступаетъ имъ путь. Онъ упрекнулъ консуларовъ, стоявшихъ во главѣ войскъ за то, что они не доносили сенату о своихъ дѣлахъ, и что они докладывали ему о дарованіи военныхъ отличій, точно сами не имѣли права даровать все“ [1]).

Не придавать всему этому никакого значенія, было бы также странно, какъ преувеличивать истинную цѣну всѣхъ этихъ любезностей и уступокъ. Изъ перечисленія тѣхъ вопросовъ, по которымъ Тиберій сталъ обращаться къ мнѣнію сената, видно, что онъ повидимому хотѣлъ вернуть сенату право слѣдить и за тѣми областями управленія, которыя при Августѣ были предоставлены исключительно принцепсу и обезпечивали ему независимое положеніе. Граница компетенцій сената и принцепса, какъ мы видѣли, устанавливалась главнымъ образомъ въ силу практики управленія: понятно поэтому, какъ значительно взаимное отношеніе ихъ могло видоизмѣниться, если сенатъ сталъ бы компетентнымъ по всѣмъ вопросамъ государственной жизни безъ исключенія, и ясно, въ какой степени его вліяніе на ея теченіе возросло бы отъ этого, тѣмъ болѣе, что параллельно съ возвышеніемъ сената Тиберій содѣйствуетъ и возвышенію намѣстниковъ. Какія побужденія заставили Тиберія сдѣлать такую серьезную попытку ограни-

---

decrevere, apud quos etiam tum (послѣ 23 года) cuncta tractabantur, adeo ut procurator Asiae Lucilius Capito accusante provincia causam dixerit, magna cum adseveratione principis, non se ius nisi in servitia et pecunias familiares dedisse: quod si vim praetoris usurpasset manibusque militum usus foret, spreta in eo mandata sua: audirent socios. ita reus cognito negotio damnatur.

[1]) Suet. Tib. 32. Dio, 57, 11.

чить свою власть, мы не знаемъ—усматривать въ этомъ только лицемѣріе и желаніе испытать настроеніе сената, намъ кажется нелѣпымъ—во всякомъ случаѣ всѣ эти уступки не были долговѣчны [1]), и несмотря на большой внѣшній почетъ, который Тиберій всегда продолжалъ оказывать сенату, онъ „сталъ постепенно входить въ роль принцепса и явился хотя и неравнымъ, но чаще всего полезнымъ и очень склоннымъ заботиться объ общей пользѣ (дѣятелемъ). И прежде всего онъ настолько вмѣшивался, чтобы не дѣлалось ничего неправильнаго. Въ виду этого онъ упразднилъ нѣсколько постановленій сената и часто предлагалъ себя творившимъ судъ магистратамъ въ совѣтники и присутствовалъ рядомъ съ ними или противъ нихъ на первомъ мѣстѣ на судѣ... и если въ общественныхъ нравахъ что-нибудь хромало вслѣдствіе безпечности или дурной привычки, онъ принималъ на себя исправленіе“ [2]).

Но если расширеніе совѣщательной компетенціи сената продержалось недолго, и если Тиберій съ теченіемъ времени пошелъ даже дальше Августа въ освобожденіи своего управленія отъ общественнаго контроля [3]), другая важная мѣра

[1]) Повидимому, онѣ никогда не были приняты серьезно. См. дѣло объ избраніи намѣстника возставшей Африки. Tac. Ann. 3, 32: de Africa decretum, ut Caesar legeret, cui mandanda foret. 3, 35: proximo senatus die Ti. per litteras, castigatis oblique patribus, quod cuncta curarum ad principem reicerent, M' Lepidum et Junium Blaesum nominavit, ex quis proconsule Africae legeretur.

[2]) Suet. Ti. 33: paulatim principem exeruit, praestititque etsi varium diu, commodiorem tamen saepius et ad utilitates publicas proniorem и т. д. Тацитъ и Діонъ считаютъ, что переворотъ въ его политикѣ произошелъ не то послѣ смерти Германика, не то послѣ смерти Ливіи. Dio 57, 13, 6: ταῦθ' οὕτω πάντα μέχρι γε καὶ ὁ Γερμανικὸς ἔζη ἐποίει μετὰ γὰρ τοῦτο συχνὰ αὐτῶν μετέβαλεν и т. д. Dio 57, 19, 1: Τιβέριος δὲ ἐπεὶ τὸ ἐφεδρεῦον οὐκέτ' εἶχεν, ἐς πᾶν τοὐναντίον τῶν πρόσθεν εἰργασμένων αὐτῷ, πολλῶν ὄντων καὶ καλῶν, περιέστη τά τε γὰρ ἄλλα ἀγρίως ἦρξε, καὶ ταῖς τῆς ἀσεβείας δίκαις.. δεινῶς ἐπεξῄει. См. Tac. Ann. 1, 73 о первомъ примѣненіи закона объ оскорбленіи величества. Первое крупное дѣло (Либона Друза) относится къ 16 году: Tac. Ann. 2, 27—32.

[3]) Онъ пересталъ, напр., публиковать отчеты о своемъ финансовомъ управленіи. Suet. Cal. 16: rationes imperii, ab Augusto proponi solitas set a Tiberio intermissas, publicavit.

перваго года его принципата — перенесеніе выборовъ изъ комицій въ сенатъ — осталась въ силѣ.

Уже по поводу дарованія принципата самому Тиберію ни одинъ изъ нашихъ источниковъ не упоминаетъ объ участіи народа въ этомъ актѣ. Тацитъ, Светоній и Діонъ одинаково говорятъ только о совѣщаніи его съ сенатомъ [1]), и, не будь текста закона о власти Веспасіана, мы бы могли предположить, что народъ и формально не игралъ никакой роли даже при такомъ важномъ событіи. Текстъ же закона 68 г. заставляетъ признать, что, по крайней мѣрѣ формально, народъ не былъ лишенъ этого важнѣйшаго изъ своихъ правъ.

Во всякомъ случаѣ уже въ первый годъ управленія Тиберія „выборы впервые были перенесены съ Марсова поля въ сенатъ: ибо до этого дня, хотя важнѣйшее и совершалось по благоусмотрѣнію принцепса, все же нѣкоторыя дѣла рѣшались при участіи трибъ. И народъ не жаловался на потерю своего права иначе какъ пустымъ ропотомъ, а сенатъ, освобожденный отъ подарковъ и недостойныхъ просьбъ, охотно принялъ его“ [2]). Какъ этотъ переворотъ былъ мотивированъ и былъ ли онъ проведенъ въ силу закона или сенатусконсульта или наконецъ простымъ распоряженіемъ принцепса,— намъ неизвѣстно. Выше было указано, что при установленіи новаго избирательнаго порядка повидимому были опредѣлены и права принцепса относительно выборовъ, и естественно возникаетъ вопросъ, какія права при этомъ были предоставлены Тиберію.

Непосредственныхъ указаній на то, чтобы право коменданціи было урегулировано въ 14 году, правда, нѣтъ [3]), хотя

[1]) Предложеніе, даровать Тиберію власть принцепса, было внесено въ сенатъ консулами. Tac. Ann. 1, 13: Scaurus... dixerat, spem esse ex eo non inritas fore senatus preces, quod relationi consulum iure tribuniciae potestatis non intercessisset.

[2]) Tac. Ann. 1, 15.

[3]) Tac. Ann. 1, 14. 15; 2, 36.

и несомнѣнно, что вопросъ объ упорядоченіи избирательныхъ порядковъ усиленно обсуждался въ это время: такъ въ 16 г. „у Азинія Галла произошло столкновеніе съ Цезаремъ. Ибо онъ предложилъ [1]), чтобы магистраты избирались на пять лѣтъ впередъ и чтобы легаты легіоновъ, которые занимали эту должность до претуры, уже тогда (т.-е. еще будучи легатами) предназначались къ претурѣ, а принцепсъ для каждаго года номинировалъ бы по 12 кандидатовъ“. Разсказавъ объ этомъ, Тацитъ прибавляетъ, что „не подлежало сомнѣнію, что это предложеніе проникаетъ глубже (чѣмъ можно было бы подумать на первый взглядъ) и что тайныя основы власти въ опасности“ [2]). Въ виду этого Тиберій подъ благовиднымъ предлогомъ выступилъ противъ этого предложенія, и оно было отвергнуто. Въ чемъ собственно состояла опасность, заключавшаяся въ предложеніи Галла для принципата, сказать довольно трудно. Самое изложеніе Тацита, какъ во всѣхъ вопросахъ конституціоннаго характера, тутъ крайне неудовлетворительно: Тацитъ какъ будто предполагаетъ, что Тиберій долженъ имѣть только право номинаціи, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ,—по поводу первыхъ преторскихъ выборовъ при Тиберіи—самъ отмѣчаетъ наряду съ правомъ номинаціи двѣнадцати преторовъ право комендировать четырехъ. Но если даже и предположить, что онъ считалъ номинацію фактически равносильной комендаціи и желалъ это подчеркнуть, юридическая сторона предложенія Галла отъ этого не становится яснѣе, и чрезвычайно трудно составить себѣ представленіе о его принципіальномъ и практическомъ значеніи. Во всякомъ случаѣ планъ Галла остался невыполненнымъ, но ясно указываетъ на то, что вопросъ объ организаціи выборовъ въ сенатѣ со-

[1]) См. Tac. Ann. 2, 33: erat quippe adhuc frequens senatoribus, si quid e re publica crederent, loco sententiae promere. Ко времени Тацита это, очевидно, было бы уже невозможно.

[2]) Tac. Ann. 2, 36:.. haud dubium erat, eam sententiam altius penetrare et arcana imperii temptari.

ставлялъ предметъ обсужденія. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго въ виду конституціоннаго значенія взаимнаго отношенія принцепса и сената по этому вопросу, связанному и съ вопросомъ о пополненіи сената и съ вопросомъ о личномъ составѣ высшихъ разрядовъ должностной іерархіи.

Свѣдѣнія нашихъ источниковъ о степени законнаго вліянія Тиберія на избраніе магистратовъ тѣмъ не менѣе крайне разнорѣчивы.

Первые выборы, имѣвшіе произойти при Тиберіи, были преторскіе, и Тацитъ по этому случаю говоритъ слѣдующее: „Онъ номинировалъ двѣнадцать кандидатовъ на претуру, сохранивъ число, установленное Августомъ; а когда сенатъ его пригласилъ, увеличить его, онъ обязалъ себя клятвой, не выходить за эти предѣлы. Тогда впервые выборы были перенесены съ Марсова поля въ сенатъ..., причемъ Тиберій ограничился правомъ (moderante Tiberio) комендировать не болѣе четырехъ кандидатовъ для обязательной десигнаціи (sine repulsa et ambitu designandos)“ [1]). „О консульскихъ выборахъ“, говоритъ онъ, заканчивая свое изложеніе событій 15 года [2]), „какъ о тѣхъ, которые тогда впервые происходили при этомъ принцепсѣ, такъ и о слѣдующихъ, я не рѣшаюсь утверждать ничего положительнаго: настолько разнообразныя данныя я нахожу не только у авторовъ, но и въ его собственныхъ рѣчахъ. Подчасъ онъ не называлъ именъ кандидатовъ, но описывалъ происхожденіе каждаго и жизнь и ходъ службы, чтобы можно было угадать, кто они; иногда онъ устранялъ и это обозначеніе и, пригласивъ кандидатовъ, не нарушать порядка выборовъ происками, обѣщалъ самъ заботиться объ этомъ. Чаще всего онъ заявлялъ, что только тѣ заявили ему о своемъ желаніи кандидировать, имена которыхъ

[1]) Ann. 1, 14 (конецъ), 15 (начало).

[2]) Ann. 1, 81. Консульскіе выборы на 15 годъ произошли еще при Августѣ.

онъ сообщилъ консуламъ; и другіе могутъ заявить о своемъ желаніи, если надѣются на благосклонность или свои заслуги".

Ясно, какъ мало положительныхъ данныхъ можно извлечь изъ этихъ двухъ мѣстъ. Съ одной стороны, мы видимъ, что если формально только комендація безусловно связывала сенатъ, то практически и номинація, какъ въ глазахъ сената, такъ и въ глазахъ Тиберія давала номинированнымъ принцепсомъ кандидатамъ рѣшительное преимущество предъ тѣми, которые были номированы предсѣдательствующимъ республиканскимъ магистратомъ. Въ виду этого Тиберій отказывается номинировать столько же кандидатовъ, сколько есть претуръ, чтобы не сдѣлать выборовъ чистой комедіей [1]), но въ то же время оставляетъ за собой право комендировать четырехъ изъ нихъ, чѣмъ и пріобрѣтаетъ законное, а не только фактическое вліяніе на составъ претуры; но этимъ разрѣшается только вопросъ о преторскихъ избраніяхъ. О низшихъ магистратурахъ Тацитъ вовсе не говоритъ—нужно думать, въ виду ихъ практической ничтожности—тогда какъ его слова о консульскихъ выборахъ, повидимому, указываютъ на то, что здѣсь Тиберій не имѣлъ никакого законнаго вліянія [2]). Съ другой стороны, однако, то стремленіе Тиберія, о которомъ говоритъ Тацитъ, стремленіе, не высказывать прямо своихъ желаній, а предоставить сенату угадать ихъ, очень характерно

---

[1]) Mommsen, R. St. 2, 918—9: um die consularische Wahlprüfung nicht völlig gegenstandslos werden zu lassen, haben Augustus und Tiberius sich darauf beschränkt höchstens zwölf Candidaten als qualificirt zu bezeichnen, also ungefähr so viele als damals Stellen zu besetzen waren (по R. St. 2, 202—3: отъ 12 до 16), die übrigen aber angewiesen sich bei dem wahlleitenden Consul zu melden. См. прим. къ этому. Ср. Dio, 58, 20, 5 (къ 32 г.): πεντεκαίδεκα στρατηγοὶ ἐγένοντο καὶ τοῦτο καὶ ἐπὶ πολλὰ ἔτη συνέβη, ὥστε ἔστι μὲν ὅτε ἑκκαίδεκα ἔστι δ' ὅτε καὶ παρ' ἕνα ἢ καὶ δύο χειροτονεῖσθαι.

[2]) Mommsen, R. St. 2, 924, пр. 2: diese ganze Auseinandersetzung hat keinen Sinn, wenn schon Tiberius die Consulwahlen formell durch Commendation entschied.

для всего его принципата и вполнѣ мирилось бы какъ съ фактическимъ, такъ и съ законнымъ вліяніемъ на избраніе консуловъ.

Вопросъ еще запутывается свидѣтельствомъ Діона. „Изъ консуловъ“ 32 года, говоритъ послѣдній [1]), „Домицій сохранилъ свою власть въ теченіе всего года, такъ какъ былъ мужемъ Агриппины, дочери Германика, остальные же сколько было угодно Тиберію. Однихъ онъ избиралъ (ἥρεῖτο) на болѣе, другихъ на менѣе продолжительное время; однихъ отпускалъ (ἀπήλασσε) раньше установленнаго срока, другимъ же позволялъ сохранять должность и дольше. Иногда, назначивъ кого-либо на цѣлый годъ, онъ лишалъ его власти и назначалъ вмѣсто него другого и еще другого... И относительно консуловъ это происходило такъ въ теченіе всего его принципата. Изъ тѣхъ же, которые добивались другихъ магистратуръ, онъ выбиралъ (ἐξελέγετο), сколько хотѣлъ, и посылалъ ихъ въ сенатъ, поддерживая (συνιστὰς) однихъ, такъ чтобы они были избраны всѣми, и предоставляя избраніе другихъ обсужденію и голосованію или жребію“. Относительно всѣхъ магистратуръ, кромѣ консулата, Діонъ такимъ образомъ явно различаетъ номинацію (ἐξελέγετο) и комендацію (συνιστὰς) и въ этомъ отношеніи его свидѣтельство, очевидно, вполнѣ согласно съ вышеприведенными словами Тацита о претурѣ. Консулатъ онъ такъ же, какъ Тацитъ, выдѣляетъ изъ общей массы, но тогда какъ слова послѣдняго, повидимому, доказываютъ, что Тиберій не имѣлъ законнаго вліянія на избраніе высшаго магистрата, Діонъ, наоборотъ, совершенно опредѣленно говоритъ, что назначеніе (или точнѣе десигнація) консуловъ была всецѣло въ рукахъ Тиберія: по отношенію къ нимъ сенатъ, очевидно, имѣлъ не больше правъ чѣмъ народъ; его избирательная дѣятельность была такой же формальностью, какъ ренунціація

[1]) Dio, 58, 20, 3.

всѣхъ избранныхъ предъ народнымъ собраніемъ [1]). Противорѣчіе между нашими источниками очевидно. Рѣшить вопросъ, отдавъ предпочтеніе Тациту, какъ ближайшему къ описываемому времени писателю, невозможно: и Тацитъ и Діонъ одинаково зависятъ отъ болѣе раннихъ писателей, Плинія Старшаго, Клувія Руфа и др., и въ общемъ, повидимому, одинаково мало пользуются оффиціальными данными. Въ пользу Тацита правда именно въ данномъ случаѣ говоритъ его ссылка на рѣчи Тиберія [2]), съ другой стороны, однако, свидѣтельство Діона подкрѣпляется надписью неизвѣстнаго лица, получившаго консулатъ „въ силу комендаціи Тиберія Цезаря Августа“ [3]). Большинство ученыхъ, правда, считаетъ возможнымъ, отвергнуть, на основаніи словъ Тацита, свидѣтельство Діона и согласно съ этимъ полагаютъ, что комендація консула, о которой говорится въ указанной надписи, вытекаетъ не изъ спеціальнаго права Тиберія какъ принцепса, а изъ его, общаго всѣмъ гражданамъ, права суффрагаціи [4]). На нашъ взглядъ, разрѣшить этотъ вопросъ вполнѣ удовлетворительно вообще невозможно, а потому болѣе правильно довольствоваться и здѣсь признаніемъ: non liquet [5]).

---

[1]) Моммзенъ, R. St. 2, 923 пр. 1 отвергаетъ свидѣтельство Діона: in Dios Bericht über die Consulwahlen unter Tiberius 58, 20 wird hauptsächlich der stete Wechsel der höchsten Beamten hervorgehoben. Dass auch sie erscheinen als vom Kaiser ernannt, erklärt sich auf die gleiche Weise, т.-е. тѣмъ, что Діонъ отмѣчаетъ фактическое вліяніе Тиберія на выборы. Ср. R. St. 2, 925, пр. 3. Также объясняется Sen. de dem. 1, 9, 12. Dio, 55, 6, 22, Pomponius, Dig. 1, 2, 2, 47.

[2]) Ann. 1, 81: adeo diversa non modo apud auctores sed in ipsius orationibus reperiuntur.

[3]) C. J. L. 9, 2342: per commendation(em) Ti. Caesaris Augusti ab senatu co(n)s(ul) dest(inatus). Моммзенъ, R. St. 2, 923, пр. 1, находитъ, что die Fassung legt es nahe in dieser kaiserlichen Empfehlung vielmehr die formell unverbindliche Suffragation zu erkennen.

[4]) Mommsen, R. St. 2, 924. Также Herzog и др.

[5]) Что принцепсы и до Веспасіана имѣли право комендировать кандидатовъ на консулатъ, видно изъ Tac. Hist. 1, 77 и 2, 71. Моммзенъ, R. St.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Тиберій обладалъ не только, какъ Августъ, огромнымъ фактическимъ вліяніемъ на личный составъ магистратуры, но пріобрѣлъ и весьма серьезное законное вліяніе на выборы, чѣмъ, разумѣется, лишній разъ оттѣнялось его превосходство надъ остальными магистратами. Унаслѣдовавъ отъ Августа рѣшающее вліяніе на составъ вигинтивирата и квестуры, онъ, въ отличіе отъ своего предшественника, не только въ силу этого вліяетъ на составъ высшей магистратуры, но пріобрѣтаетъ также непосредственное вліяніе на него.

Несмотря, однако, на крупное принципіальное значеніе признанія права комендаціи за принцепсомъ, въ конституціонномъ отношеніи еще важнѣе перенесеніе самыхъ выборовъ изъ народнаго собранія въ сенатъ.

Выше нами ужъ было указано, что вопросъ о пополненіи сената имѣетъ коренное значеніе для теоріи діархіи. Пока составъ сената, хотя бы и косвенно, зависитъ отъ народа, сенатъ учрежденіе не самостоятельное, а въ извѣстномъ смыслѣ является лишь представителемъ народной воли; наоборотъ, когда принцепсъ пріобрѣтаетъ право во всякое время (не только при исключительныхъ условіяхъ) назначать сенаторовъ, въ формѣ ли неограниченной и обязательной комендаціи или въ формѣ аллекціи, сенатъ снова теряетъ свою формальную самостоятельность и становится выразителемъ воли принцепса — лишь пока сенатъ самъ себя пополняетъ, онъ формально независимъ какъ отъ народа, такъ и отъ принцепса, и достигаетъ такимъ образомъ положенія, котораго не занималъ и въ эпоху республики. Только теперь его отношеніе къ республиканской магистратурѣ окончательно выясняется: магистраты перестаютъ быть представителями народа, они становятся представителями сената и тѣмъ самымъ утрачиваютъ свою са-

2, 924 относитъ пріобрѣтеніе этого права къ эпохѣ Нерона. Также Herzog.

мостоятельность по отношенію къ нему. Только теперь можно говорить о сенатскихъ провинціяхъ, о сенатскомъ судѣ, о сенатскомъ управленіи Италіей и Римомъ. Повторяемъ еще разъ, говорить о діархіи можно только начиная отъ Тиберія и кончая Веспасіаномъ или, вѣрнѣе, Домиціаномъ [1]).

Но и теперь понятіе о діархіи не можетъ быть принято какъ выраженіе полной (хотя бы и формальной) равноправности сената и принцепса.

Съ одной стороны сенатъ, участвуя въ дарованіи принципата, попрежнему въ конституціонномъ смыслѣ стоитъ выше принцепса [2]).

Съ другой стороны, разъ онъ избранъ, принцепсъ обладаетъ чрезвычайно широкими средствами воздѣйствія на сенатъ и на республиканскую магистратуру, которымъ сенатъ не можетъ противопоставить ничего аналогичнаго. Не говоря уже о его правѣ интерцессіи, распоряженій и верховнаго надзора, въ силу которыхъ онъ не только можетъ пріостановить дѣятельность сената, но и независимо отъ него и вопреки его желаніямъ дать всему теченію государственной жизни угодное ему самому направленіе, онъ обладаетъ весьма серьезнымъ законнымъ вліяніемъ на составъ сената и магистратуры.

Во-первыхъ, принцепсъ сохраняетъ свое право въ случаѣ надобности при исключительныхъ обстоятельствахъ назначить всѣхъ или сколько онъ сочтетъ нужнымъ магистратовъ.

Во вторыхъ, онъ при обычныхъ условіяхъ имѣетъ законное и рѣшающее вліяніе на избраніе извѣстнаго числа преторовъ, трибуновъ и эдиловъ, и опредѣляетъ составъ вигинтивирата и квестуры. Поддерживать же кандидатовъ своимъ

---

[1]) См. R. St. 2, 938: auch nach dieser Seite hin also wie nach der monarchischen hat Tiberius das Princip der Dyarchie zuerst voll und scharf zum Ausdruck gebracht. См. 2, 933: Für die vollendete Monarchie, das heisst seit Tiberius, gilt и т. д.

[2]) См. вышеприведенные слова Тиберія стр. 258.

личнымъ и формально необязательнымъ вліяніемъ, онъ несомнѣнно можетъ въ неограниченномъ количествѣ.

Въ третьихъ, установленіе сенаторскаго ценза всегда даетъ принцепсу возможность, вмѣшиваться въ самыя интимныя дѣла сенаторовъ, поддерживать своей денежной помощію угодныхъ ему, но обѣднѣвшихъ членовъ, устранять неугодныхъ членовъ сената.

Наконецъ, собственно говоря, нельзя говорить о діархіи и потому, что народъ еще вовсе не окончательно потерялъ всѣ свои права. Участіе народа въ избраніи магистратовъ не устраняется цѣликомъ и теперь. Еще въ III вѣкѣ церемонія ренунціаціи избранныхъ предъ народнымъ собраніемъ считалась необходимой, и до нея избранный въ сенатѣ былъ не consul, praetor и т. д., а consul designatus [1]). Формально, такимъ образомъ, при Тиберіи сенатское избраніе не вполнѣ замѣнило собою избирательную дѣятельность комицій и нуждалось въ утвержденіи суверенным народомъ. Народъ въ теоріи продолжалъ назначать магистратовъ, но онъ ихъ не избиралъ, а выражалъ свое согласіе посредствомъ аккламаціи избранныхъ [2]). Согласіе его при этомъ, очевидно, было также обязательно, какъ избраніе сенатомъ лицъ комендированныхъ императоромъ. Сила совершившагося факта и обычая въ конституціонномъ развитіи римскаго государства, однако, такъ велика, что уже въ концѣ I, въ началѣ II вѣка Тацитъ говоритъ о перенесеніи избранія магистратовъ въ сенатъ, вовсе не упоминая при этомъ о ренунціаціи, точно такъ же, какъ юристы III вѣка говорятъ о назначеніи магистратовъ импе-

---

[1]) Dio 58, 20, 4: καὶ μετὰ τοῦτο ἔς τε τὸν δῆμον καὶ ἐς τὸ πλῆθος οἱ προσήκοντες ἑκατέρῳ, τῆς ἀρχαίας ὁσίας ἕνεκα, καθάπερ καί νῦν, ὥστε ἐν εἰκόνι δοκεῖν γίγνεσθαι, ἐσιόντες ἀπεδείκνυντο. Ср. v. Taciti, 7.

[2]) Быть можетъ, этимъ слѣдуетъ объяснить, что ни Свѣтоній, ни Діонъ не упоминаютъ о такомъ важномъ фактѣ, какъ полное устраненіе народа отъ избранія магистратовъ. Діонъ, 58, 20 къ 32 году просто отмѣчаетъ, что выборы происходили въ сенатѣ.

раторомъ, вовсе не упоминая о чисто формальномъ участіи сената [1]).

Фактически избирательныя права народа исчезли, а параллельно съ этимъ все болѣе сводились на нѣтъ и его законодательныя функціи. Говорить о полномъ ихъ устраненіи при Тиберіи, какъ мы видѣли, нѣтъ никакой возможности, такъ какъ намъ извѣстно, небольшое, правда, число законовъ, либо несомнѣнно относящихся къ его времени, либо пріурочиваемыхъ къ нему съ большой вѣроятностью. Съ другой стороны, не менѣе вѣрно, что число законовъ, принятыхъ народнымъ собраніемъ, становится чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе незначительнымъ, и, наоборотъ, увеличивается число сенатусконсультовъ чисто законодательнаго характера: законодательныя права комицій незамѣтно переходятъ къ сенату. Едва ли однако сомнительно, что и тутъ въ концѣ концевъ оказался въ выигрышѣ не только сенатъ, но и императоръ: вліяніе его на сенатъ было болѣе прямое, чѣмъ на комиціи, хотя бы потому, что примѣненіе права интерцессіи къ сенату не встрѣчало тѣхъ нравственныхъ препятствій, которыя могли помѣшать ему по отношенію къ народу.

Какъ бы то ни было, конституціонное значеніе сената несомнѣнно чрезвычайно возросло при Тиберіи: какъ отдѣльные акты правительства (перенесеніе избраній въ сенатъ), такъ и общая аристократическая тенденція двухъ первыхъ принци-

[1]) Ulp. Dig. 42, 1, 57: si minor praetor, si consul ius dixerit ...valebit, princeps enim, qui ei magistratum dedit, omnia gerere decrevit. Modestinus Dig., 48, 14, 1 pr.: haec lex (Julia ambitus) in urbe hodie cessat, *quia ad curam principis magistratuum creatio pertinet, non ad populi favorem;* v. Severi 2: praetor designatus a Marco est non in candida, sed in competitorum grege. Dio 52, 20 (изъ рѣчи Мецената): αὐτὸς μέντοι σὺ πάντας αὐτοὺς αἱροῦ καὶ μήτε ἐπὶ τῷ πλήθει ἢ καὶ τῷ δήμῳ ἔτι τινα αὐτῶν ποιήσῃς, στασιάσουσι γὰρ. μήτε ἐπὶ τῷ συνεδρίῳ, διασπουδάσονται γάρ. По поводу консуловъ еще раньше говорится, что они назначаются императоромъ. Ср. C. J. L. XIV, 3608: hunc... Caesar Aug. Vespasianus iterum cos. fecit. Plin. paneg. 77: praestare consulibus ipsum qui consules facit. App. b. c. 1, 103: οἱ Ῥωμαίων βασιλεῖς, ὑπάτους ἀποφαίνοντες τῇ πατρίδι, ἔστιν ὅτε καὶ ἑαυτοὺς ἀποδεικνύουσιν.

патовъ постепенно устанавливали совершенно новыя отношенія. При этомъ развитіе шло такъ быстро, что, несмотря на существенно однородный характеръ двухъ первыхъ принципатовъ, принципатъ Тиберія съ конституціонной стороны существенно отличается отъ принципата его предшественника. О полномъ перенесеніи верховной власти на принцепса и сенатъ, правда, нельзя говорить—народъ въ теоріи всегда сохраняетъ свои верховныя права,—но управленіе теперь дѣйствительно находится въ рукахъ двухъ, хотя и неравноправныхъ, но одинаково необходимыхъ властей. Избирая магистратовъ и управляя чрезъ ихъ посредство бо̀льшей частью государства, сенатъ изъ совѣщательнаго учрежденія превратился въ правительствующее, и разсуждая теоретически, нельзя не признать, что это въ значительной степени должно было упрочить его положеніе по отношенію къ принцепсу.

На практикѣ оказалось, что даже аристократическая политика двухъ первыхъ принцепсовъ не могла повредить развитію чистой монархіи. Тотъ же Тиберій, который отдалъ магистратуру въ руки сената, позаботился упрочить свое собственное положеніе новой организаціей преторіанцевъ и созданіемъ постоянной городской префектуры.

О соединеніи всѣхъ преторіанцевъ въ одномъ лагерѣ [1]) здѣсь не мѣсто говорить, такъ какъ непосредственно конституціоннаго значенія эта мѣра не имѣла [2]). Другое дѣло—созданіе городской префектуры [3]).

[1]) Tac. Ann. 4, 2: Vim praefecturae modicam antea intendit, dispersas per urbem cohortes una in castra conducendo. Suet. Ti. 37, Dio, 57, 19. Это произошло въ 23 г.

[2]) Herzog, 2, 248, полагаетъ, что уступки Тиберія сенату объясняются именно усиленіемъ гвардіи вслѣдствіе ея соединенія: Auf diese Macht gestützt konnte Tiberius in der laufenden Politik des Tages den Senat in ausgedehntestem Masse an der Regierung theilnehmen lassen; er war sicher, dass man nicht gegen seinen Willen handeln würde. Daher и т. д. Едва-ли, однако, это объясненіе исчерпываетъ вопросъ.

[3]) См. R. St. 1, 662—674. Vigneaux, Essai sur l'histoire de la praefectura urbis à Rome. Paris, 1896. Здѣсь же и указанія на литературу.

По преданію, еще въ древнѣйшую эпоху Рима цари, когда войны или другія дѣла заставляли ихъ покинуть столицу, назначали „градоначальниковъ", которымъ поручали замѣщать ихъ во всѣхъ дѣлахъ. Со времени устраненія царской власти вмѣстѣ съ другими царскими правами и право (или обязанность) назначать на время своего отсутствія замѣстителя перешло къ консуламъ: консулъ, покидавшій Римъ послѣднимъ, долженъ былъ назначить префекта. Съ теченіемъ времени и съ возрастающимъ накопленіемъ дѣлъ, однако, оказалось необходимымъ, поставить на ряду съ консулами постояннаго магистрата для городскихъ дѣлъ, и въ частности для суда: въ 367 г. законы Лициніи и Секстія привели къ основанію городской претуры [1]) и съ этого времени назначеніе префекта могло оказаться необходимымъ развѣ только въ томъ случаѣ, если бы положеніе военныхъ дѣлъ заставило и претора покинуть городъ [2]). Только во время латинскаго праздника, когда всѣ римскіе магистраты отправлялись на mons Albanus, и послѣ учрежденія претуры постоянно назначался особый praefectus urbi feriarum latinarum causa или, короче, praefectus feriarum latinarum [3]), роль котораго фактически была такъ же незначительна, какъ кратковременна.

Въ республиканское время городская префектура такимъ

---

[1]) R. St. 1, 666.

[2]) Liv. 7, 25, 10: consul alter Ap. Claudius in ipso belli apparatu moritur... (12) consul (Camillus) duabus legionibus urbis praepositis octo cum L. Pinario praetore divisis memor paternae virtutis Gallicum sibi bellum extra sortem sumit, praetorem maritimam oram tutari Graecosque arcere litoribus iussit. Такъ какъ въ это время (a. u. 406=348) существовала только городская претура (praetura inter peregrinos появляется лишь около 512=242 г. Liv. ep. 19), а преторъ Л. Пинарій былъ вынужденъ защищать побережіе отъ пиратовъ, то городъ остался безъ обыкновеннаго высшаго магистрата, и нѣтъ основанія сомнѣваться, какъ это дѣлаетъ Vigneaux, стр. 20, пр. 1, что имъ былъ назначенъ префектъ.

[3]) Въ отличіе отъ настоящихъ πολίαρχοι, греки называютъ его πολίαρχος ἐς τὰς ἀνοχάς; императорскій префектъ у Діона и др. называется ἔπαρχος τῆς πόλεως.

образомъ учрежденіе непостоянное, появляющееся только въ случаѣ отсутствія всѣхъ высшихъ магистратовъ. Императорская префектура, наоборотъ, существуетъ несмотря на присутствіе высшихъ магистратовъ (консуловъ и преторовъ) и по крайней мѣрѣ со времени Тиберія становится постоянной.

Уже въ эпоху диктатора Цезаря мы встрѣчаемъ зачатки новой должности. Въ 47 г. Маркъ Антоній въ качествѣ magister equitum назначилъ префектомъ Л. Цезаря, на что, собственно говоря, имѣлъ право только самъ диктаторъ [1]). Въ 46 г. самъ диктаторъ, отправляясь въ Испанію для борьбы съ Помпеянцами, поручилъ надзоръ надъ городомъ новому начальнику всадниковъ, М. Эмилію Лепиду, и подчинилъ ему нѣсколько (6 или 8) префектовъ [2]), на правахъ преторовъ [3]): въ виду долгаго отсутствія Цезаря они сохранили свое положеніе и въ слѣдующемъ году, при чемъ двое изъ нихъ завѣдывали вмѣсто квесторовъ эраріемъ [4]).

Условія, заставившія Цезаря, вернуться къ назначенію префектовъ города Рима, очевидно, оставались тѣми же и при

[1]) Dio 42, 30, 1: κἀν τούτῳ Ἀντώνιος πυθόμενος τὰ στρατόπεδα, ἃ μετὰ τὴν μάχην ὁ Καῖσαρ ἐς τὴν Ἰταλίαν ὡς καὶ ἐφεψόμενός σφισι προέπεμψε, μηδὲν ὑγιὲς δρᾶν, καὶ φοβηθεὶς μή τι νεωτερίσωσι, τὸ μὲν ἄστυ τῷ Καίσαρι τῷ Λουκίῳ ἐπέτρεψε πολίαρχον αὐτὸν ἀποδείξας, ὃ μηπώποτε πρὸς ἱππάρχου ἐγεγόνει, αὐτὸς δὲ πρὸς τοὺς στρατιώτας ἐξώρμησεν.

[2]) Dio 43, 28, 1: τὴν πόλιν τῷ τε Λεπίδῳ καὶ πολιανόμοις τισὶν ὀκτώ, ὥς τισι δοκεῖ, ἢ ἓξ, ὡς μᾶλλον πεπίστευται, ἐπιτρέψας. App. b. c. 2, 41 говоритъ только о Лепидѣ: Λέπιδον δὲ Αἰμίλιον ἐφίστη τῇ πόλει, καὶ τὸν δήμαρχον Μᾶρκο Ἀντώνιον τῇ Ἰταλίᾳ καὶ τῷ περὶ αὐτὴν στρατῷ. Революціонный характеръ этихъ мѣръ очевиденъ: трибуну поручается начальство надъ войскомъ!

[3]) Suet. Caes. 76: praefectosque pro praetoribus constituerit, qui absente se res urbanas administraverint. R. St. 1, 383, пр. 6. См. монету съ надписью: C. Caesar dic(tator) ter. и L. Plancus praef. urb. Mommsen, Röm. Münzwesen, 651.

[4]) Dio 43, 48, 1 (a. u. 749 = 45 г.): ἐν δ' οὖν τῷ ἔτει ἐκείνῳ.. ἐπὶ τῆς διοικήσεως δύο τῶν πολιανομούντων, ἐπειδὴ ταμίας οὐδεὶς προεκεχειροτόνητο, ἐγένοντο. ὥσπερ γάρ ποτε πρότερον, καὶ τότε ἐν τῇ ἀποδημίᾳ τῇ τοῦ Καίσαρος οἱ πολιανόμοι πάντα τὰ ἐν τῷ ἄστει πράγματα μετὰ τοῦ Λεπίδου ἱππαρχοῦντος ἔσχον. Ср. ib. 3: τούς τε οὖν θησαυροὺς τοὺς δημοσίους δύο τῶν πολιανομούντων διῴκησαν, καὶ τὰ Ἀπολώνεια ὁ ἕτερος αὐτῶν τῇ τοῦ Καίσαρος παρασκευῇ ἐπετέλεσε.

Августѣ: возстановивъ фактически царскую власть, они оба естественно должны были принять мѣры противъ возможности всякаго рода происковъ въ столицѣ: присутствіе консуловъ не могло служить гарантіей противъ поползновеній сената или демагоговъ, особенно пока Августу приходилось вести борьбу съ другими претендентами на единовластіе. Уже въ 36 г. отправляясь на югъ Италіи для борьбы съ С. Помпеемъ, онъ поэтому оставилъ въ Римѣ въ качествѣ своего замѣстителя извѣстнаго Г. Цильнія Мецената [1]): назначеніе всадника на такое отвѣтственное мѣсто, — назначеніе его, несмотря на то, что въ Римѣ присутствовали консулы и преторы,—наконецъ, расширеніе его компетенціи (ему была подчинена вся Италія), все это совершенно новыя, чисто революціонныя явленія. Въ отличіе отъ позднѣйшей префектуры это была безспорно такая же чрезвычайная власть, какъ самый тріумвиратъ: по всему вѣроятію, власть Мецената не была опредѣлена никакимъ законодательнымъ актомъ; будучи замѣстителемъ тріумвира, онъ имѣлъ аналогичную съ тріумвирской, т.-е. неограниченную власть, которой, вѣроятно, даже не былъ присвоенъ никакой титулъ. Префектомъ города Меценатъ во всякомъ случаѣ не назывался [2]). Тѣмъ не менѣе его положеніе до извѣстной степени слѣдуетъ признать прототипомъ императорской префектуры.

---

[1]) Dio 49, 16, 2: τά τε ἄλλα τὰ ἐν τῇ πόλει τῇ τε λοιπῇ Ἰταλίᾳ Γαίος τις Μαικήνας, ἀνὴρ ἱππεύς, καὶ τότε καὶ ἔπειτα ἐπὶ πολὺ διῴκησεν. Tac. Ann. 6, 11: Ceterum Augustus bellis civilibus Cilnium Maecenatem, equestris ordinis, cunctis apud Romam atque Italiam praeposuit. Seneca ep. l. 19 ep. 5, (=114), 6:.. cum absentis Caesaris partibus fungeretur, signum a discincto petebatur...

[2]) Иначе Діонъ, l. c., и Тацитъ Ann. 6, 11, дающій историческій очеркъ развитія городской префектуры, не могли бы умолчать объ этомъ. Мнѣніе Borghesi. Соч., т. V, стр. 318, пр. 4, что онъ былъ префектомъ преторія, также едвали правильно и во всякомъ случаѣ не опирается на какое-нибудь опредѣленное свидѣтельство. См. также Vigneaux, 50, пр. 4: plutôt alter ego du triumvir absent sa position exceptionelle n'échappait elle pas à toute définition légale?

Сколько времени Меценатъ занималъ свое положеніе, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ ему и тогда и позже была вручена огромная власть. Во время войны съ Антоніемъ мы его снова встрѣчаемъ въ томъ же положеніи, которое онъ впрочемъ послѣ битвы при Акціумѣ долженъ былъ раздѣлить съ Агриппой [1]). Уже изъ того, что имъ при этомъ было дано право просматривать посланія Августа къ сенату, измѣнять ихъ, если это окажется необходимымъ, и прикладывать къ всякаго рода документамъ его печать съ изображеніемъ сфинкса,—видно какъ широки были ихъ полномочія. Такія права, очевидно, могли быть предоставлены только лицамъ, пользовавшимся самымъ неограниченнымъ довѣріемъ властителя, но скоро оказалось, что усиленіе надзора надъ столицей не было излишнимъ: пока Августъ былъ занятъ упорядоченіемъ дѣлъ римскаго Востока, Меценату удалось раскрыть и уничтожить въ зародышѣ заговоръ молодого Лепида, сына тріумвира [2]).

Но и послѣ побѣжденія всѣхъ враговъ и возстановленія порядка важность усиленнаго надзора надъ Римомъ была слишкомъ очевидна, чтобы Августъ могъ предоставить его республиканской магистратурѣ. Уже около 26 г. мы снова встрѣчаемъ въ столицѣ замѣстителя принцепса въ лицѣ покровителя Тибулла и извѣстнаго оратора, бывшаго консула, М. Валерія Мессалы Корвина: „пріобрѣвъ власть“, говоритъ Тацитъ, „Августъ въ виду многолюдности населенія и медленности су-

---

[1]) Vell. 2, 88, 2: erat tunc (во время заговора М. Лепида Младшаго въ 30 г.) urbis custodiis praepositus C. Maecenas, equestri, sed splendio genere natus... non minus Agrippa Caesari carus. Dio, 51, 3, 5: καὶ τότε ὁ Καῖσαρ ὑποπτήσας τε αὐτοὺς καὶ φοβηθεὶς μὴ τοῦ Μαικήνου, ᾧ καὶ τότε ἥ τε Ῥώμη καὶ ἡ λοιπὴ Ἰταλία προσετέτακτο, καταφρονήσωσιν, ὅτι ἱππεὺς ἦν, τὸν Ἀγρίππαν ὡς κατ' ἄλλο τι ἐς τὴν Ἰταλίαν ἐπεμψε. καὶ τοσαύτην γ' ἐπὶ πάντα καὶ ἐκείνῳ καὶ τῷ Μαικήνᾳ ἐξουσίαν ἔδωκεν, ὥστε σφᾶς καὶ τὰς ἐπιστολὰς, ἃς τῇ τε βουλῇ καὶ τοῖς ἄλλοις ἔγραφε, προαναγιγνώσκειν, κἀκ τούτου καὶ μεταγράφειν, ὅσα ἐβούλοντο. καὶ διὰ τοῦτο καὶ δακτύλιον ἔλαβον παρ' αὐτοῦ, ἵνα ἐπισφραγίζεσθαι αὐτὰς ἔχωσιν.

[2]) См. выше стр. 85.

дебной защиты (порядка) выбралъ изъ бывшихъ консуловъ одного, который сдерживалъ бы рабовъ и ту часть гражданъ, которые въ силу своей дерзости склонны къ безпорядкамъ, если не страшатся силы: первый получилъ эту власть Мессала Корвинъ и чрезъ нѣсколько дней долженъ былъ сложить ее, не умѣя пользоваться ею“ [1]).

Корвинъ былъ такимъ образомъ первымъ императорскимъ городскимъ префектомъ въ собственномъ смыслѣ. Примѣненіе стараго названія къ новому явленію—фактъ, постоянно повторяющійся въ дѣятельности Августа—никого не обмануло: городская префектура была признана новой должностью [2]), и повидимому даже самъ Мессала мало ей сочувствовалъ. Дѣло въ томъ, что у Іеронима подъ 26 г. сохранилось извѣстіе, что „Мессала Корвинъ, первый назначенный городскимъ префектомъ, на шестой день отказался отъ этой должности, такъ какъ утверждалъ, что эта власть неконституціонна“ [3]). Несомнѣнная непродолжительность его префектуры вмѣстѣ съ тѣмъ фактомъ, что ему не былъ сейчасъ же данъ преемникъ, дѣйствительно позволяетъ предположить, что учрежденіе префектуры вызвало большое неудовольствіе и сильную оппозицію, такъ что Августъ счелъ нужнымъ, отказаться на время отъ своей мысли и снова довольствоваться чрезвычайнымъ замѣстительствомъ.

Такъ въ 21 г. безпорядки въ Римѣ заставили Августа послать Агриппу съ чрезвычайными полномочіями въ Римъ [4])

---

[1]) Tac. Ann. 6, 11: mox rerum potitus ob magnitudinem populi et tarda legum auxilia sumpsit e consularibus, qui coerceret servitia et quod civium audacia turbidum, nisi vim metuat: primusque Messala Corvinus eam potestatem et paucos intra dies *finem accepit* quasi nescius exercendi.

[2]) Suet. Aug. 37: nova officia excogitavit... praefecturam urbis.

[3]) Hier. Chron., ab Abrah. 1991=728=26: Messala Corvinus primus praefectus urbis factus sexto die magistratu se abdicavit incivilem potestatem esse contestans. Изъ Свѣтонія? R. St. 2, 1059, пр. 3.

[4]) См. объ этомъ выше стр. 98.

и предоставить ему управленіе столицей на нѣсколько лѣтъ, а именно до 19 г., когда онъ былъ посланъ въ Галлію [1]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, отправляясь въ Галлію, Августъ снова долженъ былъ подумать о столицѣ: Агриппа былъ въ Сиріи, Меценатъ въ немилости, и на этотъ разъ онъ поневолѣ выбралъ Т. Статилія Тавра, опять бывшаго консула (37 и 26 гг.), которому поручилъ не только Римъ, но и всю Италію, съ званіемъ городского префекта [2]). Представитель высшей аристократіи, пользовавшійся большой популярностью за постройку амфитеатра [3]), Тавръ, судя по отзыву Тацита, повидимому, лучше Мессалы сумѣлъ удовлетворить и Августа, и общественное мнѣніе. Сколько времени онъ былъ префектомъ,—неизвѣстно, но вѣроятнѣе всего онъ умеръ вскорѣ послѣ своего назначенія [4]), и въ теченіе всего періода управленія Августа мы не встрѣчаемъ болѣе упоминанія префектуры. Очевидно, явное несочувствіе общества не позволило ему, создать въ Римѣ постоянную сильную полицейскую власть, несмотря на то, что огромный городъ съ своимъ крайне пестрымъ и мало надежнымъ населеніемъ, несомнѣнно, нуждался въ ней. Несовмѣстимость новой должности съ республиканской магистратурой слишкомъ явно бросалась въ глаза, чтобы общество могло скоро къ ней привыкнуть: что же оставалось консуламъ, преторамъ и другимъ магистратамъ, если на ряду съ ними возникнетъ новая должность, съ которой они уже

[1]) Dio 54, 11, 1: Ἀγρίππας δὲ ὡς τότε ἐς τὴν Ῥώμην ἐκ τῆς Σικελίας πεμφθεὶς διῴκησε τὰ κατεπείγοντα, ταῖς Γαλατίαις προσετάχθη.

[2]) Dio 54, 19, 6: καὶ οὕτω τὸ μὲν ἄστυ τῷ Ταύρῳ μετὰ τῆς ἄλλης Ἰταλίας διοικεῖν ἐπιρέψας, τόν τε γὰρ Ἀγρίππαν ἐς τὴν Συρίαν αὖθις ἐστάλκει καὶ τῷ Μαικήνᾳ διὰ τὴν γυναῖκα οὐκέθ' ὁμοίως ἔχαιρε.. ἐξώρμησεν. Tac. Ann. 6, 11: tum Statilius Taurus quamquam provecta aetate egregie toleravit.

[3]) Въ 30 г. народъ даровалъ ему за это право назначать ежегодно одного претора. Dio, 51, 23. См. выше стр. 183 пр. 4.

[4]) Послѣ 16 г., какъ замѣчаетъ Моммзенъ, R. St. 2, 1060, пр. 2, онъ болѣе не упоминается. Тацитъ отмѣчаетъ его почтенный возрастъ при назначеніи его префектомъ. l. c. Въ 16 г. ему было около 60 лѣтъ, см. Vigneaux, 55—56.

потому не могутъ тягаться, что за нею стоитъ самъ принцепсъ?

Но если Августъ въ данномъ случаѣ не рѣшился или не пожелалъ, дѣйствовать наперекоръ общественному мнѣнію, Тиберій сразу отнесся къ дѣлу иначе, и при немъ-то, собственно говоря, и возникла городская префектура императорскаго періода. Упомянувъ о Таврѣ, Тацитъ разсказываетъ, что затѣмъ исправлялъ эту должность Пизонъ и въ теченіе двадцати лѣтъ точно также заслужилъ общее одобреніе, такъ что по рѣшенію сената былъ почтенъ общественными похоронами [1]).

Нѣсколько выше онъ замѣчаетъ, что „онъ пріобрѣлъ славу особенно потому, что, будучи городскимъ префектомъ, удивительно сдерживалъ недавно сдѣлавшуюся постоянной и тяжкую по непривычкѣ повиноваться ей власть“ [2]). Замѣчаніе

---

[1]) Tac. Ann. 6, 11.

[2]) Tac. Ann. 6, 10, recens continuam potestatem. Пизонъ умеръ въ 32 г., слѣдовательно, если строго придерживаться словъ Тацита, онъ былъ назначенъ въ 13 г., еще до смерти Августа. Этому противорѣчатъ Плиній, h. n. 14, 22, 145: credidere L. Pisonem urbis curae ab eo (Tiberio) delectum, quod biduo duabusque noctibus perpotationem continuasset apud ipsum iam principem. Suet. Tib. 42: princeps in ipsa publicorum morum correctione cum Pomponio Flacco et L. Pisone noctem continuumque biduum epulando potandoque consumpsit, quorum alteri Syriam provinciam alteri praefecturam urbis confestim detulit. Seneca, ep. l. 12, 1: (=83), 14: L. Piso, urbis custos... officium tamen suum, quo tutela urbis continebatur, diligentissime administravit; huic... dedit secreta mandata Tiberius proficiscens in Campaniam, cum multa in urbe et suspecta relinqueret et invisa. Однако, слова Сенеки касаются скорѣе спеціальныхъ мандатовъ, данныхъ въ 26 г. при удаленіи Тиберія на Капри, чѣмъ назначенія его префектомъ. Анекдотъ, разсказываемый Свегоніемъ, въ этой формѣ явно ложенъ: Помпоній былъ назначенъ leg. Aug. pro praet. prov. Syriae ок. 32—33 г., когда Пизонъ уже умеръ (Prosopographia 3, 76 s. v. Pomponius) и, слѣдовательно, слова Свегонія не могутъ служить хронологическимъ указаніемъ. Остается свидѣтельство Плинія, который, положительно утверждаетъ, что Пизонъ былъ назначенъ, когда Тиберій уже былъ принцепсомъ. Такъ какъ съ этимъ согласно и то, что pr. urbi нигдѣ не упоминается у Тацита при воцареніи Тиберія, намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что Тацитъ округлилъ число лѣтъ управленія Пизона, что встрѣчается у него и въ другихъ случаяхъ. Иначе, R. St. 2, 1060, пр. 3. Vigneaux, 56—57: противъ этого Prosopogr. 1, 286, № 249.

Тацита о „власти, недавно ставшей постоянной“, обыкновенно толкуется въ томъ смыслѣ, что первоначально Пизонъ долженъ былъ вступать въ отправленіе своихъ обязанностей только во время отсутствія Тиберія и слагать ее съ себя каждый разъ, когда онъ возвращался въ Римъ; въ такомъ случаѣ, власть Пизона стала фактически постоянной только послѣ 26 г., когда Тиберій удалился на Капри, чтобъ уже болѣе ни разу не появляться въ столицѣ. Едва ли, однако, можно согласиться съ этимъ: во-первыхъ Тиберій до 26 г. почти вовсе не покидалъ Рима, и еслибы Пизонъ былъ префектомъ только во время его отсутствія, слова Тацита о двадцатилѣтней префектурѣ его, которую онъ явно противополагаетъ недолговременной дѣятельности Мессалы и Тавра, были бы непонятны [1]), а во-вторыхъ, характеристика городской префектуры, какъ недавно сдѣлавшейся постоянной, вовсе не требуетъ того объясненія, которое придумали для нея Моммзенъ и др.: будучи первымъ постояннымъ префектомъ Рима, Пизонъ уже въ силу этого обладалъ „недавно возникшей“ властью, хотя бы и пользовался ею около 20 лѣтъ. Наконецъ, нельзя сослаться и на чрезвычайный и временный характеръ власти Мецената, Агриппы и Тавра: изъ всего, что мы знаемъ о ихъ положеніи, мы видимъ, что оно объяснялось долговременнымъ отсутствіемъ Августа и необходимостью слѣдить за Римомъ, пока принципатъ еще не установился прочно въ немъ. Основной смыслъ ихъ полномочій заключается въ обезпеченіи существованія принципата, основной смыслъ настоящей префектуры — въ обезпеченіи порядка въ столицѣ и предупрежденіи обыкновенныхъ тяжкихъ преступленій, которыя были особенно возможны и особенно легко могли остаться безнаказанными среди

[1]) Suet. Tib. 38: Biennio continuo post adeptum imperium pedem porta non extulit; sequenti tempore praeterquam in propinqua oppida et, cum longissime, Antio tenus nusquam afuit, idque perraro et paucos dies... (39) Sed orbatus utroque filio secessum Campaniae petit.

многолюдной и разноплеменной столичной черни. Меценатъ игралъ роль политическую, Пизонъ по преимуществу полицейскую, что видно уже изъ положенія Сеяна: по существу скорѣе именно послѣдній можетъ быть сопоставленъ съ Меценатомъ, чѣмъ Пизонъ.

Несмотря, однако, на нѣкоторое ограниченіе значенія городской префектуры, проистекающее какъ изъ присутствія самого принцепса, такъ и изъ возникновенія преторіанской префектуры, созданіе постоянной городской префектуры было фактомъ первостепенной важности не только въ чисто фактическомъ, но и въ конституціонномъ отношеніи.

Тенденція принципата къ расширенію круга его непосредственной компетенціи ни въ чемъ такъ ярко не проявилась, какъ въ подчиненіи столицы независящему отъ сената и комицій должностному лицу, которое и назначается и смѣняется самимъ принцепсомъ. Префектъ, правда, назначается изъ сенаторовъ высшаго разряда, т.-е. изъ бывшихъ консуловъ, и причисляется къ магистратамъ [1]), но онъ является всецѣло уполномоченнымъ принцепса и въ силу этого отвѣтственъ только предъ нимъ. О первоначальной компетенціи его, правда, трудно судить и едва ли она была особенно точно опредѣлена: какъ довѣренное лицо, онъ часто могъ получать особыя порученія, выходившія за предѣлы его обыкновенной дѣятельности [2]). Несомнѣнно также, что его компетенція съ теченіемъ времени значительно возрасла [3]). Тѣмъ не менѣе самая цѣль созданія префектуры заставляетъ предполагать, что „префектъ уже въ самомъ началѣ на ряду съ уголовной юрисдикціей долженъ

---

[1]) R. St. 2, 1061, пр. 5. Данныя, подтверждающія взглядъ Моммзена, впрочемъ, довольно поздніе: это Ульпіанъ и бл. Іеронимъ. См. l. c.

[2]) Sen. ep. 12, 1 (=83), 14—15 о Пизонѣ: huic... dedit secreta mandata... Tiberius; здѣсь же о его преемникѣ Коссѣ: huic... multa Tiberius manu sua scripsit, quae committenda ne ministris quidem suis iudicabat.

[3]) См. историческій очеркъ до IV в. включительно у Vigneaux, Essai гл. V, стр. 60—79.

былъ обладать полицейскими полномочіями, необходимыми для поддержанія порядка въ городѣ; что онъ, въ частности, долженъ былъ простирать свой надзоръ на улицы и площади, на рынки, цирки и театры, обыкновенные центры сборищъ и народныхъ мятежей; однимъ словомъ, что онъ долженъ былъ имѣть возможность предупреждать событія столько же и даже еще больше, чѣмъ наказывать за нихъ“ [1]). Дѣйствительно, разъ обыкновенная судебная защита порядка признавалась недостаточной [2]) и префектъ долженъ былъ заботиться о сохраненіи порядка въ столицѣ, онъ нуждался какъ въ нѣкоторыхъ дискреціонныхъ полицейскихъ, такъ и въ исключительныхъ судебныхъ правахъ, дававшихъ ему возможность, устрашать опасные элементы населенія, и особенно очень многочисленныхъ рабовъ, быстротой наказанія [3]). Установить подробнѣй границы его компетенціи — напр., рѣшить вопросъ, были ли ему всегда подсудны и сенаторы [4]), или, напр., всегда ли онъ могъ принимать жалобы рабовъ на своихъ господъ [5]) и т. д.— при плохомъ состояніи нашихъ источниковъ возможно только начиная съ III вѣка, и еще большой вопросъ, можно ли рас-

---

[1]) Vigneaux, Essai, стр. 61.

[2]) Tac. Ann. 6, 11: ob tarda legum auxilia.

[3]) Statius silvae, 1, 4, 10; 1, 4, 43.

[4]) Jos. Ant. 18, 6, § 5—10 сообщаетъ, что еще при Тиберіи, либертъ Ирода Агриппы, обвиненный своимъ господиномъ въ кражѣ бѣжалъ къ префекту Пизону (pr. urbi 36—38) и, въ свою очередь, возвелъ на Ирода и Калигулу обвиненіе въ заговорѣ противъ Тиберія. Но здѣсь фактъ доноса именно префекту, повидимому, объясняется случайностью, и во всякомъ случаѣ разсмотрѣніе дѣла, если бы Тиберій не умеръ, произошло бы не передъ трибуналомъ префекта, а въ сенатѣ или предъ самимъ Тиберіемъ. Tac. hist. 2, 63 разсказываетъ, что въ 68 г. сенаторъ Долабелла былъ обвиненъ въ измѣнѣ предъ префектомъ: Dolabella audita morte Othonis urbem introierat: id ei Plancius Varus praetura functus... apud Flavium Sabinum praefectum urbis obiecit, tamquam rupta custodia ducem se victis partibus ostentasset. Сабинъ донесъ объ этомъ Вителлію, который приказалъ убить Долабеллу. Это первый извѣстный случай этого рода.

[5]) R. St. 2. 1064.

пространять эти сравнительно позднія данныя на эпоху возникновенія префектуры [1]).

Но какъ бы то ни было, наряду съ чисто-республиканской магистратурой и съ тѣми должностными лицами, назначаемыми императоромъ, которыя стали появляться въ Римѣ начиная съ Августа по отдѣльнымъ отраслямъ управленія (praef. vigilum, annonae и т. д.), во главѣ Рима теперь появился новый представитель принцепса съ чрезвычайно широкой, чуть не всеобъемлющей компетенціей. Понятно, что самое существованіе его содѣйствовало дальнѣйшему упадку республиканскихъ властей: не только сокращался кругъ подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ, но и уваженіе общества къ нимъ должно было потерпѣть непоправимый уронъ. Перенесеніе провинціальныхъ порядковъ управленія въ столицу ведетъ свое начало отъ созданія городской префектуры. Республиканскія власти все болѣе превращаются въ „пустую тѣнь безъ власти“, и имѣютъ значеніе только какъ обязательныя ступени государственной дѣятельности, чрезъ которыя нужно пройти, чтобы имѣть право на дѣйствительно вліятельныя должности намѣстниковъ провинцій и города Рима.

Съ созданіемъ городской префектуры консолидація принципата сдѣлала огромный шагъ впередъ, но въ тоже время первоначальный смыслъ исключительной власти принцепса въ значительной мѣрѣ исказился. Въ теоріи народъ поручилъ эту власть тому изъ гражданъ, *личной* доблести и опытности котораго онъ особенно довѣрялъ; предполагалось, что избранникъ народа и будетъ пользоваться своею властью лично, иначе говоря, подъ личной отвѣтственностью, и въ общемъ эта фикція строго соблюдалась при Августѣ. Формально, правда, назначеніе замѣстителя для управленія одной изъ важнѣйшихъ сторонъ столичной жизни, пожалуй, и не нарушало этого принципа,

[1]) Какъ это дѣлаетъ напр. Моммзенъ. R. St. 2, 1063—1065; иначе Vigneaux, passim.

но фактически было очевидно, что принцепсъ даже для такой важной функціи начинаетъ, создавать свое чиновничество, независимое отъ магистратуры и даже враждебное ей. Созданіе городской префектуры одинъ изъ первыхъ шаговъ въ этомъ направленіи; постепенное возникновеніе стройной іерархіи всадническихъ прокуратуръ, а также созданіе центральныхъ учрежденій и переходъ ихъ въ руки всадниковъ окончательно окружитъ принцепса новымъ, всецѣло зависящимъ отъ него, чиновничествомъ и приговоритъ систему республиканскихъ магистратуръ къ постепенному вымиранію и, наконецъ, къ смерти. Принцепсъ, лично пользующійся властью, ему лично дарованной народомъ, начинаетъ превращаться въ монарха, управляющаго страной чрезъ посредство министровъ и другихъ чиновниковъ.

§ 2.

Таковы конституціонныя реформы Тиберія. Въ нихъ проявляются двѣ на первый взглядъ взаимно исключающія другъ друга тенденціи ранняго принципата; аристократизмъ съ одной, монархизмъ съ другой стороны.

Первая привела Тиберія къ перенесенію выборовъ (а до извѣстной степени и законодательства) изъ комицій въ сенатъ и заставляла его относиться къ сенату и его органамъ съ чрезвычайной предупредительностью, вторая вызвала чрезвычайное усиленіе значенія преторіанцевъ и созданіе постоянной городской префектуры. Къ конституціоннымъ нововведеніямъ Тиберія въ духѣ монархизма, кромѣ того, правда, обыкновенно причисляютъ еще и расширеніе понятія объ оскорбленіи величества, но это на нашъ взглядъ едва ли правильно. Изъ того, какъ примѣнялъ это понятіе еще Августъ, видно, что оно уже при немъ было растянуто до послѣдней степени и даже злѣйшій деспотъ могъ найти въ немъ вполнѣ пригодное оружіе, вовсе не нуждаясь въ новомъ расширеніи его.

Но если въ самомъ понятіи оскорбленія величества, какъ оно рисуется намъ въ эпоху Тиберія, собственно, нѣтъ ничего новаго по сравненію съ временемъ Августа, примѣненіе его какъ при Тиберіи, такъ и при его преемникахъ, несомнѣнно, имѣло серьезное и въ высшей степени печальное вліяніе на римское общество.

Каждый, кто читалъ томы, посвященные Теномъ, страшнымъ звѣрствамъ эпохи террора, знакомъ съ тѣмъ тоскливымъ чувствомъ ужаса, отвращенія и гадливости, которое въ Тацитѣ возбуждалось зрѣлищемъ безконечнаго ряда юридическихъ убійствъ и которое онъ съумѣлъ передать и своимъ читателямъ. „Даже еслибъ я вспоминалъ о внѣшнихъ войнахъ и смерти за отечество“, восклицаетъ онъ подъ тяжестью этого впечатлѣнія [1]), „и тогда при такомъ однообразіи событій меня самого одолѣло бы пресыщеніе и я бы долженъ былъ ожидать, что наведу тоску на другихъ, которымъ бы надоѣли эти хотя бы и почетныя, но печальныя и непрерывныя кончины гражданъ: а тутъ рабское терпѣніе и столько крови, пролитой во время мира, утомляютъ душу и наполняютъ ее скорбью“.

Списокъ процессовъ или въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вѣрнѣе, юридическихъ убійствъ, основанныхъ на законѣ объ оскорбленіи величества, несмотря на то, что онъ дошелъ до насъ далеко не въ полномъ видѣ, поистинѣ безконеченъ и трудно сказать, что̀ возбуждаетъ большее отвращеніе, жестокость ли властителей или поражающее, до невѣроятія гнусное, пресмыкательство общества. „Кто знакомится съ событіями тѣхъ временъ“, замѣчаетъ тотъ же Тацитъ [2]), „по нашему ли или другому труду, пускай такъ и знаетъ, что

[1]) Tac. Ann. 16, 16: etiam si bella externa et obitas pro re publica mortes tanta casuum similitudine memorarem, meque ipsum satias cepisset aliorumque taedium exspectarem, quamvis honestos civium exitus, tristes tamen et continuos aspernantium: at nunc patientia servilis tantumque sanguinis domi perditum fatigant animum et maestitia restringunt.

[2]) Tac. Ann. 14, 64. Оба мѣста относятся ко времени Нерона.

каждый разъ, когда принцепсъ давалъ приказаніе о казняхъ или изгнаніяхъ, всегда благодарили боговъ, и то, что прежде служило отличіемъ счастливыхъ событій, то теперь отличало дни общественнаго бѣдствія".

Впечатлѣніе, производимое на большинство изслѣдователей огромнымъ количествомъ политическихъ процессовъ времени первыхъ императоровъ, такъ сильно, что вопросъ, какъ власть дошла до этого страшнаго злоупотребленія закономъ объ оскорбленіи величества, въ какихъ формахъ и по какимъ поводамъ онъ примѣнялся, какъ бы отступаетъ на задній планъ въ виду подавляющаго ужаса самыхъ событій. Между тѣмъ, эти процессы, какъ уже замѣчено, имѣли такое огромное вліяніе на нравственный складъ потрясеннаго имп общества, что стоитъ остановиться на этомъ вопросѣ нѣсколько внимательнѣе: это дастъ намъ въ то же время и матеріалъ для опредѣленія разнаго отношенія первыхъ принцепсовъ къ этому наиболѣе деспотическому изъ всѣхъ фундаментовъ ихъ власти.

Выше мы уже видѣли, что законъ объ оскорбленіи величества примѣнялся еще при Августѣ съ новымъ расширеннымъ толкованіемъ. Какъ и въ республиканское время, притомъ, въ виду отсутствія оффиціальной обвинительной власти [1]), преслѣдованіе преступника составляло право и обязанность каждаго гражданина, такъ или иначе узнавшаго о его преступномъ дѣяніи [2]). Лица, по тѣмъ или инымъ побужденіямъ взявшія

[1]) Zumpt, der Criminalprocess der römischen Republik. Leipzig, 1871, стр. 35: ein vom Staat bestellter Ankläger, der die Verpflichtung hat, Verbrecher anzuklagen, ist bei den Römern unbekannt. Mommsen, Röm. Strafrecht, стр. 339—351 различаетъ das ursprüngliche Cognitionalverfahren (стр. 340 сл.) и постепенно развивающійся Accusationsprozess (стр. 343 сл.), но считаетъ, что въ эпоху принципата роль магистрата снова начинаетъ усиливаться, хотя поводомъ къ процессу и теперь должно служить частное обвиненіе (стр. 346, ср. ib. пр. 2).

[2]) Не обладали этимъ правомъ въ эпоху классическихъ юристовъ (а, вѣроятно, и въ эпоху республики, Zumpt. ib. 36) 1) женщины и несовершеннолѣтніе (до 17 лѣтъ, Ulp. Dig. 1, 3 de postul (3, 1) и 2) infames. Впрочемъ, и это ограниченіе не имѣло значенія, если предметъ процесса касался ихъ

на себя эту роль, назывались accusatores, если не было предварительнаго слѣдствія и они выступали съ обвиненіемъ помимо его, indices, если они своими показаніями вызвали слѣдствіе или содѣйствовали ему. Несмотря на то, что обвиненіе преступника первоначально, несомнѣнно, разсматривалось скорѣе какъ естественная обязанность каждаго гражданина, необходимость, поощрять гражданъ къ обвиненію, очень рано вызвала установленіе вознагражденія за обвиненіе [1]); чѣмъ дальше, тѣмъ больше времени и знанія требовалось для уличенія преступника, и сначала произвольный размѣръ вознагражденія позднѣе былъ точно опредѣленъ закономъ [2]). Вознагражденіе могло быть денежное, но могло заключаться и въ дарованіи привилегій и почестей, напр., права римскаго гражданства, въ освобожденіи отъ военной службы, въ дарованіи высшаго мѣста въ сенатѣ [3]) и т. д. Понятно, что обвиненіе преступниковъ при такихъ условіяхъ скоро сдѣлалось очень выгоднымъ занятіемъ и еще въ эпоху республики превратилось въ ремесло, которымъ занимались какъ отдѣльныя лица, такъ и, возникшія спеціально съ этой цѣлью, компаніи [4]).

Съ другой стороны, не менѣе понятно и то, что роль обвинителя стала считаться мало почтенной и порядочные люди могли брать ее на себя лишь при извѣстныхъ условіяхъ. „Хотя,—говоритъ Цицеронъ (de off. 2, 14, 49—51)—есть много разрядовъ дѣлъ, для которыхъ необходимо краснорѣчіе, и многіе юноши пріобрѣли въ нашемъ государствѣ и у судей, и у сената похвалу, наибольшее впечатлѣніе производятъ су-

лично. Помимо этого, однако, запрещалось и обвиненіе патроновъ либертами, родителей дѣтьми. См. обо всемъ этомъ Zumpt, 35—52; Mommsen, R. Strafr. 368 сл.

[1]) Подробно Zumpt, ib. 52—64; Mommsen, R. Strafr. 504—510.

[2]) Напр. lex Acilia, стр. 78, сл.; о lex Servilia см. Cic. pr. Balbo 24, 54, о lex Julia mai. Tac. Ann. 4, 20 cf 30: въ эпоху имперіи обвинителю или обвинителямъ предоставлялась четвертая часть имущества осужденнаго.

[3]) Cic. p. Balb. 25, 57. Dio, Cass. 46, 49 о lex Pedia.

[4]) Ascon. p. 53—54, см. Zumpt, p. 64.

дебныя рѣчи, цѣль которыхъ можетъ быть двоякая. Ибо онѣ содержатъ либо обвиненіе, либо защиту: и хотя защита и болѣе достойна похвалы, но и обвиненіе очень часто одобряется. Нѣсколько раньше я говорилъ о Крассѣ [1]). Такъ же поступилъ юный М. Антоній [2]). Обвиненіе прославило и краснорѣчіе П. Сульпиція, когда онъ привлекъ къ суду мятежнаго и безполезнаго (inutilis) гражданина Г. Норбана [3]). Тѣмъ не менѣе приниматься за это дѣло часто, не слѣдуетъ, и во всякомъ случаѣ подобно вышеназваннымъ лицамъ лишь въ интересахъ государства, или ради мести, какъ два Лукулла, или для защиты (третьихъ лицъ), какъ мы поступили въ интересахъ Сикуловъ [4]), какъ Юлій за Сардовъ противъ Альбуція. Умѣніе А. Фуфія также сдѣлалось извѣстнымъ благодаря обвиненію М. Аквиллія [5]). Если кому-нибудь придется чаще обвинять, пускай тотъ сдѣлаетъ это для государства, мстить врагамъ котораго и чаще не позорно. Пусть, однако, соблюдается мѣра. Подвергать многихъ опасности лишиться жизни, достойно жестокаго человѣка или даже вовсе недостойно человѣка. Не только опасно, но и позорно для добраго имени дойти до того, чтобы называться „обвинителемъ“: это случилось съ М. Брутомъ [6]), человѣкомъ самаго высокаго проис-

---

[1]) Л. Лициній Крассъ въ юношескомъ возрастѣ обвинялъ Карбона repetundarum. Cic. Brut. 43, 159.

[2]) Извѣстный ораторъ, консулъ 99 года.

[3]) Трибунъ 88 года, въ 95 г. обвинилъ Норбана.

[4]) Рѣчи in Verrem.

[5]) М. Аквиллій, консулъ 101 г. былъ обвиненъ repetundarum.

[6]) Brut. 34, 130: iisdem temporibus M. Brutus, in quo magnum fuit, Brute, dedecus generi vestro, qui cum tanto nomine esset patremque optimum virum habuisset et iuris peritissimum, accusationem factitaverit... Is magistratus non petivit, sed fuit accusator vehemens et molestus, ut facile cerneres naturale quoddam stirpis bonum degeneravisse vitio depravatae voluntatis. Здѣсь же 34, 131 упоминается eodem tempore accusator de plebe L. Caesulenus... quem ego audivi iam senem; далѣе 36, 136: C. et L. Memmii, accusatores acres atque acerbi; 45, 168 Gn. Rubrius Varro, qui a senatu

хожденія,—сыномъ того, кто былъ въ ряду первыхъ знатоковъ права. Нужно также строго соблюдать правило, никогда не подвергать уголовному преслѣдованію невиннаго, ибо это никоимъ образомъ не можетъ быть сдѣлано, не совершая въ то же время преступленія. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть такъ безчеловѣчно, какъ обращать краснорѣчіе, данное природой для спасенія и сохраненія людей, на гибель и уничтоженіе добрыхъ гражданъ? Но если это слѣдуетъ избѣгать безусловно, то не въ той же мѣрѣ предосудительно защищать иногда вреднаго человѣка, если только онъ не извергъ (nefarius) и нечестивецъ (impius). Этого требуетъ масса, это допускаетъ обычай, это переноситъ гуманность. Дѣло судьи, преслѣдовать всегда въ дѣлахъ истину; дѣло защитника защищать иногда вѣроятное, хотя бы оно и не было согласно съ истиной: писать такъ я бы не рѣшился, особенно такъ какъ пишу о философіи, еслибы съ этимъ не былъ согласенъ и строжайшій изъ стоиковъ, Панетій. Больше всего славы и благоволенія, однако, пріобрѣтается защитой, особенно тогда, когда случается поддержать того, кто повидимому попадаетъ въ сѣти и тѣснится какимъ-нибудь могущественнымъ лицомъ; такъ мы поступали неоднократно и въ другихъ случаяхъ и когда еще въ юности заступились за С. Росція Американскаго противъ могущества властвовавшаго тогда Л. Суллы“ [1]).

Несмотря, однако, на многія непривлекательныя стороны этого порядка, самъ Цицеронъ не видѣлъ возможности обойтись безъ добровольцевъ-обвинителей. „Полезно“, говоритъ онъ въ

---

hostis cum C. Mario iudicatus est, acer et vehemens accusator; ib. M. Gratidius, обвинитель Г. Фимбріи; 48, 180 T. Junius и т. д.

[1]) Обвинителями, кромѣ указанныхъ Цицерономъ лицъ и его самого, выступали, напр., Цезарь (въ 77 г. по дѣлу б. консула Гн. Долабеллы, въ 76 г. по дѣлу Г. Антонія) Ап. Клавдій Пульхеръ (по дѣлу Теренція Варрона), Т. Лабіенъ (въ 63 г. по дѣлу Г. Рабирія, убійцы Сатурнина), Г. Мемміи (въ 66 г. по дѣлу М. Лукулла).

рѣчи въ пользу С. Росція [1]), „чтобы въ городѣ было много обвинителей, чтобы дерзость сдерживалась страхомъ“... „Всѣ мы охотно допускаемъ, чтобы было возможно больше обвинителей: ибо невинный, если будетъ обвиненъ, можетъ быть оправданъ; виновный, если онъ не будетъ обвиненъ, не можетъ быть и осужденъ. А скорѣе можно допустить, чтобы невинный подчасъ оправдывался, чѣмъ допустить, чтобы виновный не былъ привлеченъ къ отвѣтственности“.

Если не приступить къ серьезнымъ реформамъ въ области судопроизводства, римское общество находилось такимъ образомъ въ данномъ случаѣ въ совершенно безвыходномъ положеніи. Нуждаясь въ обвинителяхъ-добровольцахъ вслѣдствіе отсутствія оффиціальной обвинительной власти, оно по необходимости должно было поощрять гражданъ, заняться этимъ непосредственно мало благодарнымъ дѣломъ. А какъ только роль обвинителя сдѣлалась выгодной, она стала привлекать къ себѣ сама по себѣ независимо отъ исполненія гражданскаго долга, все равно усматривали ли въ ней средство, пріобрѣсти громкое имя и облегчить себѣ карьеру, или увлекались ли просто возможностью легкой наживы.

Деморализирующее вліяніе награды за обвиненіе сказалось такимъ отразомъ еще въ эпоху республики и прозвище accusator сдѣлалось оскорбительнымъ, но только въ эпоху имперіи поощреніе добровольнаго обвиненія принесло всѣ свои плоды. Въ эпоху республики обвинители по политическимъ дѣламъ бо̀льшей частью являлись орудіями той или иной политической партіи, нерѣдко партіи побѣжденной, и дѣла разбирались предъ народнымъ собраніемъ, или предъ присяжными; большинство извѣстныхъ намъ обвиненій направлено противъ лицъ, пріобрѣвшихъ широкую извѣстность своими преступле-

[1]) Cic. pro Rosc. Amer. 20, 55—56: Accusatores multos esse in civitate utile est, ut metu contineatur audacia.

ніями, и суды очень часто, если не въ большинствѣ случаевъ, были расположены къ снисходительности. Въ эпоху имперіи обвиненія въ огромномъ большинствѣ случаевъ касались не столько дѣйствительныхъ преступленій противъ народа и государства, сколько непочтительныхъ отзывовъ или поступковъ, касавшихся личности государя, или обращенія къ магамъ для опредѣленія дня его кончины, и лишь гораздо рѣже дѣйствительныхъ заговоровъ противъ его жизни. Кто выступалъ съ обвиненіемъ, въ общемъ, заранѣе могъ разсчитывать не только на благосклонное вниманіе государя, въ интересахъ котораго онъ, повидимому, дѣйствовалъ, но и на гораздо болѣе вѣрное ускореніе своей карьеры, чѣмъ тотъ, кто обвинялъ въ интересахъ коллективной единицы, народа. Далѣе, и суды не были такъ свободны, какъ прежде, и несмотря на все свое желаніе лишь очень рѣдко рѣшались выносить оправдательные вердикты. Трагизмъ въ судьбѣ всякаго узурпатора въ значительной мѣрѣ заключается въ отсутствіи къ нему довѣрія, въ преобладаніи страха предъ его незаконной властью, а принципатъ вѣдь возросъ на звѣрствахъ проскрипцій и междоусобныхъ войнъ. Несмотря ни на какія фикціи, въ принцепсѣ римское общество продолжало видѣть тиранна, за либеральной маской угадывать страхъ властителя за свою власть и за свою жизнь. Отсюда разсчетъ обвинителей на его вниманіе, отсюда боязнь судей, скомпрометировать себя оправданіемъ обвиненнаго, боязнь еще усугубляемая тѣмъ, что сами судьи принадлежали почти всегда къ одному сословію съ обвиненнымъ, къ сословію, за которымъ государь ухаживалъ и которому онъ въ то же время не довѣрялъ.

При такихъ условіяхъ обвинитель (accusator) превратился въ доносчика (delator), политическіе процессы—въ юридическія убійства. Въ этомъ смыслѣ, и только въ этомъ смыслѣ, слѣдуетъ понимать и слова Тацита о деляторахъ, какъ о новомъ явленіи: „Гранія Марцелла, претора Виѳиніи“, разска-

зываетъ онъ [1]), „обвинилъ въ оскорбленіи величества его собственный квесторъ, Цепіонъ Криспинъ, къ которому присоединился Романъ Гиспонъ [2]); онъ первый изобрѣлъ ремесло, которое впослѣдствіи несчастныя условія времени и наглость людей сдѣлали слишкомъ извѣстнымъ. Нуждающійся, неизвѣстный, безпокойный, онъ сначала тайными доносами поддѣлывался къ жестокости принцепса, затѣмъ сталъ подвергать опасности знатныхъ и, пріобрѣвши тѣмъ силу у одного и ненависть у всѣхъ, подалъ примѣръ, слѣдуя которому другіе изъ бѣдныхъ становились богатыми, изъ презираемыхъ—страшными, губили другихъ и наконецъ самихъ себя".

Система, плодившая доносы, существовала уже раньше, и не Романъ Гиспонъ явился ея изобрѣтателемъ, но всѣ ужасныя послѣдствія ея стали выясняться только съ этого времени. Обвинять Тиберія и другихъ императоровъ въ томъ, что они пользовались деляторами, однако, едва ли правильно [3]): устранить ихъ можно было только реформой всего судопроизводства,—реформой, которая намъ можетъ показаться очень естественной, но о возможности которой древніе никогда не помышляли, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Да вдобавокъ очень трудно сказать, устранила ли бы такая реформа стремленіе выслужиться предъ властью посредствомъ политическихъ процессовъ. Зло заключалось не въ томъ, что доносчиками являлись частные люди, а въ томъ, что въ стремленіи сдѣлать быструю карьеру не останавливались и предъ доносомъ. Деляторами выступали бывшіе и настоящіе консулы [4]),

---

[1]) Tac. Ann. 1, 74.

[2]) О немъ Sen. Controv., 17 и 26. Tac. Ann. 14, 65 (онъ-ли?).

[3]) Отрицать возможность заговоровъ было бы странно: Suet. Dom. 21: condicionem principum miserrimam aiebat, quibus de coniuratione comperta non crederetur nisi occisis.

[4]) Tac. Ann. 3, 66: обвиненіе противъ Т. Силана было поднято, между прочимъ, и бывшимъ консуломъ, Мам. Скавромъ, изъ древняго и знатнаго рода Эмиліевъ; въ 31 г. консулъ Фульциній Тріонъ былъ обвиненъ своимъ кол-

преторы [1]), эдилы [2]) и квесторы [3]), сенаторы [4]) и всадники [5]), лица самаго знатнаго и совершенно неизвѣстнаго происхожденія. Желаніе выдвинуться побуждало однихъ, желаніе нажиться другихъ, многими, повидимому, руководилъ одинъ страхъ за свою жизнь и надежда ясно доказать свою благонамѣренность. „Я не собираюсь передавать всѣ высказанныя въ сенатѣ мнѣнія“, говоритъ Тацитъ въ одномъ мѣстѣ [6]), „а лишь тѣ, которыя замѣчательны по своей честности или особенно выдающемуся безобразію,—въ этомъ я вижу главную цѣль лѣтописи, чтобы доблести не замалчивались и чтобы дурные слова и поступки боялись потомства и позора. Впрочемъ тѣ времена до такой степени были заражены (гнусностью) и грязны своей лестью, что *не только первыя лица города, но и всѣ бывшіе консулы, значительная часть бывшихъ преторовъ и даже многіе простые сенаторы* (pedarii) наперерывъ вставали и подавали позорныя и чудовищныя мнѣнія. Передаютъ, что всякій разъ, когда Тиберій выходилъ изъ куріи, онъ имѣлъ обыкновеніе произносить по-гречески слова: „о, люди, созданные для рабства“. Значитъ, даже человѣку, не желавшему народной свободы, такая омерзительная покорность раболѣпствующихъ была противна“. Согласно съ этимъ, когда разыгралось дѣло Сеяна и опасность погибнуть возрасла до послѣдней степени, рѣшительно всѣ принялись за доносы. „Самымъ гибельнымъ зломъ, которое принесли эти времена, было то, что первыя лица въ сенатѣ составляли самые низменные доносы, одни открыто, многіе тайкомъ; не было возможности отличить чужихъ отъ

легой П. Мемміемъ Регуломъ. Tac. Ann. 5, 11. Въ 24 г. консулъ Варронъ обвиняетъ Г. Силія, легата Германика, ib. 4, 19.

[1]) Напр., Junius Otho praetor Ann. 3, 66; Domitius Afer, 4, 52. Latinus Latiaris, Porcius Cato, Petilius Rufus, M. Opsius 4, 68. Sextius Paconianus 6, 3.

[2]) Напр., Бруттидій Нигеръ. Ann. 3, 66.

[3]) Caepio Crispinus Ann. 1, 74. Gellius Publicola, 3, 67. Abudius Ruso. 6, 30.

[4]) Firmius Catus. Tac. Ann. 2, 27. Caecilianus 6, 7. Cestius, 6, 8.

[5]) Ann. 3, 37.

[6]) Ann. 3, 65.

своихъ, друзей отъ незнакомыхъ, недавнихъ фактовъ отъ забытаго за давностью: все равно, сказалъ ли кто что-либо на форумѣ или на пиру, его обвиняли; каждый спѣшилъ предупредить другихъ и намѣтить подсудимаго, часть, чтобы спасти свою собственную жизнь, большинство какъ бы пораженные болѣзнью и заразой“ [1]). Сказались плоды гражданскихъ войнъ и проскрипцій: потомство тѣхъ, которые потеряли всѣ свои гражданскіе идеалы и радовались тому, что сохранили жизнь и могутъ ею пользоваться безъ оглядки подъ охраной сильной власти [2]), не могло отличаться стойкостью и сознаніемъ личнаго достоинства. Отцы, чтобы сохранить жизнь, отказались отъ свободы, дѣти, чтобы сохранить ее, отказались отъ личной чести и спасались доносами и празднованіемъ казней своихъ родныхъ и пріятелей [3]).

Усматривать въ политическихъ процессахъ причину деморализаціи римскаго общества даннаго времени, въ виду этого едва ли возможно; гнусный характеръ деляторства и всѣхъ этихъ процессовъ скорѣе симптомъ деморализаціи, чѣмъ причина ея. Причина ея лежала значительно глубже; ее слѣдуетъ искать въ условіяхъ, среди которыхъ выросли послѣднія поколѣнія, въ ложномъ положеніи сената, въ развращающемъ вліяніи царившаго права сильнаго, въ отсутствіи идеальныхъ побужденій и цѣлей какъ у власти, такъ и у общества. Но что деляторство и юридическія убійства эпохи римскаго террора не могли содѣйствовать нравственному возвы-

[1]) Tac. Ann. 6, 7.

[2]) Что̀ можетъ быть характернѣе въ этомъ смыслѣ, чѣмъ разница въ поводахъ, побудившихъ Горація написать свое: nunc est bibendum (Od. 1, 37) и Алкея свое νῦν χρὴ μεθύσθην: тогда, какъ Алкея, приводитъ въ восторгъ паденіе тиранна Мирсила, Горацій радуется окончательному торжеству Августа, послѣ битвы при Акціумѣ и взятія Александріи.

[3]) Въ этомъ смыслѣ предчувствіе не обмануло Горація. Od. 3, 6, 45—48.

Damnosa quid non imminuit dies?
Aetas parentum, peior avis, tulit
Nos nequiores, mox daturos
Progeniem vitiosiorem.

шенію общества, что они, наоборотъ, должны были усилить всѣ отрицательныя черты его облика, что въ частности они должны были отучить общество отъ послѣднихъ проявленій независимости сужденій и дѣйствій, это не менѣе ясно. Терроризмъ первыхъ Цезарей вытравилъ изъ римскаго общества и тѣ немногіе дѣйствительно республиканскіе взгляды и обычаи, которые въ немъ остались послѣ проскрипцій.

Вопреки обычному представленію, политическіе процессы однако далеко не сразу приняли тѣ страшные размѣры, которые сдѣлали ихъ знаменитыми. Вскорѣ послѣ смерти Августа Тиберій, спрошенный преторомъ Помпеемъ Макромъ, слѣдуетъ ли ему принимать обвиненія въ оскорбленіи величества, правда, отвѣтилъ, что законы должны исполняться [1]), но первыя дѣла, очевидно, не надѣлали много шума [2]), и Тиберій даже старался удержать деляторовъ отъ слишкомъ мелочныхъ и тѣмъ болѣе отъ ложныхъ обвиненій. Первыя судившіяся при немъ лица, римскіе всадники Фаланій и Рубрій, были обвинены въ непочтительномъ отношеніи къ священной памяти бога Августа: Тиберій воспользовался случаемъ, чтобы заявить „что отецъ его не для того былъ вознесенъ на небо, чтобы эта честь обращалась на гибель гражданъ“ и признать, „что оскорбленіе божествъ дѣло тѣхъ же божествъ“, т.-е. не подлежитъ судебному преслѣдованію [3]).

[1]) Tac. Ann. 1, 72 (a. a. 15): mox Tiberius, consultante Pompeio Macro praetore, an iudicia maiestatis redderentur, exercendas leges esse respondit. hunc quoque (какъ и Августа) asperavere carmina incertis auctoribus vulgata in saevitiam superbiamque eius et discordem cum matre animum. Suet. Tib. 58.

[2]) Это видно изъ тона Тацита. Ann. 1, 73: *Haud pigebit referre* in Falanio et Rubrio, modicis equitibus Romanis, praetemptata crimina, ut quibus initiis, quanta Tiberii arte gravissimum exitium inrepserit, dein repressum sit, postremo arserit cunctaque corripuerit, noscatur. Мысль Тацита, что Тиберій такимъ образомъ намѣренно подготовлялъ почву для дальнѣйшихъ процессовъ, едвали заслуживаетъ вниманіе.

[3]) Ann. 1, 73: non ideo decretum patri suo caelum, ut in perniciem civium is honor verteretur... deorum iniurias dis curae.

Согласно съ этимъ, аналогичныя [1]) обвиненія Гранія Марцелла, претора Виѳиніи, не привели къ его осужденію, хотя въ числѣ ихъ было и обвиненіе въ грязныхъ нападкахъ на личную жизнь Тиберія [2]).

Серьезнѣе предыдущихъ было дѣло молодого знатнаго сенатора Либона Друза, родственника самого Тиберія, обвиненнаго уже въ заговорѣ (въ 16 г.) [3]). Пункты обвиненія, приводимые Тацитомъ [4]), правда, не позволяютъ видѣть въ Либонѣ особенно опасное лицо: молодой человѣкъ, вовлеченный сенаторомъ Фирміемъ Катомъ намѣренно въ неоплатные долги и попавшій въ дурное общество, обвинялся скорѣе въ безпокойномъ настроеніи мыслей, чѣмъ въ опасныхъ дѣяніяхъ, если не считать сношеній съ магами, которые въ большинствѣ заговоровъ вплоть до IV и V вѣка играютъ весьма большую роль [5]), но самая близость его къ императору могла внушить послѣднему опасенія. Либонъ былъ привлеченъ къ сенатскому суду, но не обождалъ рѣшенія и покончилъ съ собою. Состояніе его было раздѣлено между обвинителями и тѣмъ изъ нихъ, которые были сенаторами, вдобавокъ внѣ очереди, даны претуры [6]). Въ то же время и очевидно въ связи съ этимъ дѣломъ „математики“ и маги сенатскимъ постановленіемъ были изгнаны изъ Италіи, а двое изъ нихъ казнены [7]).

[1]) Ann. 1, 74: statuam Marcelli altius quam Caesarum sitam et alia in statua amputato capite Augusti effigiem Tiberii inditam.

[2]) Ib.: sinistros de Tiberio sermones habuisse...

[3]) Tac. Ann. 2, 27—32: defertur res novas moliri. Dio, 57, 15, 4.

[4]) Нужно замѣтить, что Тацитъ очень рѣдко указываетъ, къ чему сводилось обвиненіе даннаго лица и насколько его виновность или невинность была установлена на судѣ.

[5]) Ср. напр. Amm. Marcell, 14. 1, 2; 14, 7, 7; 15, 3, 7; 16, 8, 2; 19, 12; 19, 12, 14 и т. д.

[6]) Ann. 2, 32. Одинъ изъ нихъ, Фульциній Тріонъ, былъ даже консуломъ въ 31 г.

[7]) Ann. 2, 32: Facta et de mathematicis magisque Italia pellendis senatus consulta; quorum e numero L. Pituanius saxo deiectus est, in P. Marcium consules extra portem Esquilinam, cum classicum canere iussissent, more prisco advertere.

Но и послѣ этого дѣла отношеніе Тиберія къ обвиненнымъ не можетъ быть названо прямо враждебнымъ [1]). Такъ онъ спасъ обвиненную въ 17 г. Аппулеію Вариллу, опять родственницу дома Цезарей, отъ примѣненія закона объ оскорбленіи величества [2]): онъ просилъ сенатъ не обращать вниманія на ея замѣчанія о немъ и о Ливіи; за прелюбодѣяніе она была наказана на общемъ основаніи, хотя въ силу прецедентовъ временъ Августа можно было ожидать, что прелюбодѣяніе родственницы принцепса будетъ наказано на основаніи lex maiestatis [3]). Въ виду этого она была выслана изъ Рима за 200-ый милліарій, ея любовнику Манлію запрещено пребываніе въ Италіи и Африкѣ [4]).

Не менѣе несомнѣнна была виновность слѣдующаго подсудимаго, пропретора Сиріи Гн. Кальпурнія Пизона, врага и, какъ многіе думали, убійцы Германика, привлеченнаго къ суду въ 20 г. [5]). Помимо вопроса объ отравленіи Германика,—въ этомъ смыслѣ очевидно не было представлено никакихъ доказательствъ его вины [6]),— и разнаго рода сношеній съ магами [7]), уже одни отношенія Пизона къ войскамъ и попытка снова завладѣть послѣ смерти Германика насильственнымъ образомъ Сиріей безспорно оправдывали бы самое

---

[1]) Къ 16 г. относится возстаніе раба убитаго въ 14 г. Агриппы Постума, Климента-Псевдоагриппы: какъ рабъ дома Цезарей, онъ не былъ отданъ подъ судъ, а приговоренъ къ смерти самимъ Тиберіемъ. Ann. 2, 39—40. Dio, 57, 16, 3.

[2]) Ann. 2, 50: quia probrosis sermonibus divum Augustum ac Tiberium et matrem eius inlusisset Caesarique conexa adulterio teneretur... liberavitque Appulleiam lege maiestatis.

[3]) См. выше дѣло Юліи.

[4]) Несмотря на такое сравнительно очень снисходительное отношеніе къ обвиненной, Тацитъ вводитъ свой разсказъ объ этомъ фактѣ словами: adolescebat interea lex maiestatis.

[5]) Ann. 3, 10—18; Dio, 57, 19, 10.

[6]) Ann. 3, 14: solum veneni crimen visus diluisse, quod ne accusatores quidem satis firmabant etc.

[7]) Ann. 2, 69; 3, 13.

суровое осужденіе [1]). Предвидя его, Пизонъ покончилъ съ собою раньше рѣшенія дѣла [2]).

Другое дѣло, происходившее въ 20-мъ году, дѣло Лепиды, обвиненной въ прелюбодѣяніяхъ, отравленіяхъ, вымогательствѣ и сношеніяхъ съ магами противъ дома Тиберія [3]), очевидно, также не можетъ быть признано актомъ деспотическимъ; виновность Лепиды не подлежала сомнѣнію и она была осуждена къ „лишенію воды и огня“, но безъ конфискаціи имущества. Только послѣ этого рѣшенія Тиберій заявилъ, что онъ узналъ отъ рабовъ (замѣшаннаго въ процессъ) П. Квиринія, что Лепида собиралась его отравить [4]). Если Тацитъ по этому случаю жалѣетъ родъ Эмиліевъ и родъ Кальпурніевъ, то въ этомъ только проявляется его ультра-аристократическая тенденція. Роль Тиберія въ обоихъ процессахъ не можетъ вызвать никакихъ нареканій: его безпристрастіе проявляется и въ разрѣшеніи Дециму Юнію Силану, нѣкогда замѣшанному въ скандальныя дѣла внучки Августа и принужденному удалиться изъ Рима, вернуться въ столицу [5]).

Несмотря на это, одна возможность, быть вовлеченнымъ въ политическій процессъ, очевидно, производила самое тяжелое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что недовольные своими патронами и господами рабы и вольноотпущенники стали прибѣгать къ угрозамъ противъ нихъ, спасаясь отъ преслѣдованія тѣмъ правомъ убѣжища, которое съ храмовъ было распро-

---

[1]) Ann. 3, 14: sed iudices per diversa inplacabiles erant, Caesar ob bellum provinciae inlatum .. См. 3, 12; 3, 13.

[2]) Ann. 3, 15.

[3]) Ann. 3, 22—23: simulavisse partum ex P. Quirinio divite atque orbo. Adiciebantur adulteria, venena quaesitumque per Chaldaeos in domum Caesaris. Замѣчательно противорѣчіе Тацита въ характеристикѣ Квиринія l. c. и 3, 48.

[4]) Ann. 3, 23: Tum demum aperuit Tiberius compertum sibi etiam ex P. Quirinii servis veneno eum a Lepida petitum.

[5]) Ann. 3, 24: отношеніе Тиберія къ этому вопросу особенно характерно для его педантичной точности въ соблюденіи законовъ.

странено и на статуи императора. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что въ 21 г. сенаторъ Г. Цестій обратилъ вниманіе властей на ненормальность этого положенія, и были приняты мѣры къ устраненію этого зла [1]).

Въ то же время былъ данъ урокъ и деляторамъ: римскіе всадники Консидій Эквъ и Целій Курсоръ подверглись суду и наказанію за ложный доносъ на претора Магія Цециліана [2]).

Тѣмъ не менѣе въ томъ же 21 г. проконсулъ Крита, Цезій Кордъ, былъ обвиненъ въ вымогательствахъ „съ прибавленіемъ обвиненія въ оскорбленіи величества, которое тогда служило дополненіемъ всѣхъ обвиненій“ [3]). Въ слѣдующемъ году его виновность была доказана показаніями Киренцевъ и онъ осужденъ, но повидимому только за вымогательства [4]).

Осужденъ былъ далѣе за измѣнническія сношенія съ ѳракійскимъ царемъ Рекупоридомъ Антистій Ветеръ, изъ знатнѣйшихъ людей Македоніи [5]).

Но особенно характерно было слѣдующее изъ извѣстныхъ намъ дѣлъ, возбудившее очевидно массу толковъ: [6]) все въ томъ же 21 году былъ привлеченъ къ суду всадникъ Клуторій Прискъ за то, что во время болѣзни Друза составилъ стихотвореніе на его смерть, въ надеждѣ получить за него еще бо̀льшую награду, чѣмъ за аналогичное произведеніе по

---

[1]) Ann. 3, 36: Аннія Руфилла, оскорбившая самого Цестія, была арестована и посажена въ тюрьму Друзомъ, замѣнявшимъ тогда выѣхавшаго изъ Рима Тиберія. Цестій въ 35 г. былъ консуломъ, 6, 36.

[2]) Ann. 3, 37: quod fictis maiestatis criminibus Magium Caecilianum praetorem petivissent... auctore principe ac decreto senatus puniti.

[3]) Ann. 3, 38: repetundis, addito maiestatis crimine, quod tum omnium accusationum supplementum erat.

[4]) Ann. 3, 70: auditi Cyrenenses... repetundarum damnatur. Несмотря на это и тутъ Тацитъ обвиняетъ Тиберія. Ann. 3, 38.

[5]) Ann. 3, 38: e primoribus Macedoniae... aquae et igni interdictum.

[6]) О немъ упоминаетъ еще въ III в. Діонъ, 57, 20, 3—4. Діонъ, впрочемъ, называетъ обвиненнаго Γαίος Λουτώριος. Также Plin. hist. nat. 7, 39, 129.

поводу смерти Германика. Клуторій былъ настолько неосторожень, что читалъ его даже въ обществѣ и тѣмъ выдалъ себя деляторамъ [1]). Тиберія при разборѣ этого дѣла не было въ Римѣ и сенатъ по предложенію десигнированнаго консула Гатерія Агриппы [2]) и несмотря на резонныя возраженія Манія Лепида поторопился приговорить виновнаго къ казни: рѣшеніе, къ крайнему неудовольствію Тиберія [3]), немедленно было исполнено. Въ виду этого было постановлено, „чтобы рѣшенія сената не вносились въ государственный архивъ раньше десятаго дня и чтобы жизнь осужденныхъ продолжалась на этотъ срокъ“ [4]), иначе говоря, былъ установленъ постоянный контроль принцепса надъ слишкомъ раболѣпными судебными рѣшеніями сената. Принцепсъ своимъ правомъ интерцессіи долженъ былъ обезпечить гуманность и справедливость суда.

Не менѣе замѣчательно дѣло проконсула Азіи Г. Силана, обвиненнаго въ 22 г. провинціалами въ жестокости, въ вымогательствахъ и въ презрѣніи къ величеству Тиберія [5]). Основательность обвиненій въ жестокости и вымогательствахъ была несомнѣнна [6]) и Силанъ былъ приговоренъ къ конфискаціи имуществъ и ссылкѣ на островъ Кіонъ, при чемъ Тиберій опять-таки облегчилъ его судьбу [7]).

[1]) Ann. 3, 49 (—51).

[2]) И впослѣдствіи Гатерій игралъ крайне незавидную роль во время процесса сторонниковъ Сеяна. Ann. 6, 3. См. впрочемъ о немъ Ann. 1, 13.

[3]) Ann. 3, 51: tam praecipitis *verborum* poenas.

[4]) Ann. 3, 51.

[5]) Ann. 3, 66—69, обвиненія: repetundarum a sociis postulatum... obiectantque violatum Augusti numen, spretam Tiberii maiestatem.

[6]) Ann. 3, 67: nec dubium habebatur saevitiae captarumque pecuniarum teneri reum. О характерѣ его жестокостей даетъ понятіе сообщеніе, что Тиберій велѣлъ прочитать по этому поводу резолюціи Августа насчетъ Волеза Мессалы. Ann. 3, 68. См. Sen. de ira 2, 5.

[7]) Ann. 3, 68: Cn. Lentulus separanda Silani materna bona, quippe Atia parente geniti, reddendaque filio dixit, adnuente Tiberio. Ann. 3, 69: addidit (T.) insulam Gyarum inmitem et sine cultu hominum esse: darent.., ut Cythnum potius concederet.

Умѣренность Тиберія и раболѣпіе сената проявились и въ дѣлѣ всадника Л. Эннія (въ 22 г.), когда Тиберій интерцедировалъ противъ обвиненія, а извѣстный юристъ, сенаторъ и бывшій консулъ Атей Капитонъ, требовалъ суда. Veto Тиберія, разумѣется, взяло верхъ [1]). Оправданы были также, обвиненные въ сношеніяхъ съ Такфаринатомъ, Харсидій Сацердосъ и Гай Гракхъ [2]).

Наоборотъ, въ 23 г. Тиберій съ особенной энергіей провелъ обвиненіе прокуратора Азіи Луцилія Капитона въ превышеніи власти, данной ему принцепсомъ. Капитонъ не былъ магистратомъ, а личнымъ уполномоченнымъ Тиберія, и ничто не мѣшало послѣднему взять рѣшеніе дѣла на себя. Если онъ тѣмъ не менѣе перенесъ его въ сенатъ, онъ, по всему вѣроятію, хотѣлъ подчеркнуть свое безпристрастіе даже въ такомъ щекотливомъ для принципата вопросѣ. Капитонъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ и благодарные провинціалы рѣшили воздвигнуть Тиберію, его матери и сенату храмъ [3]).

За этимъ слѣдуетъ дѣло сторонника и легата Германика, Г. Силія [4]), бывшаго начальникомъ четырехъ верхнегерманскихъ легіоновъ и отличившагося во время походовъ Германика и при подавленіи галльскаго возстанія 21 г. И онъ, и жена его Созія обвинялись консуломъ 24 г. Визелліемъ Варрономъ въ вымогательствахъ и оскорбленіи величества: вымогательства были

---

[1]) Ann. 3, 70: maiestatis postulatus, quod effigiem principis promiscum ad usum argenti vertisset... recipi Caesar inter reos vetuit, palam aspernante Ateio Capitone quasi per libertatem... perstititque (T.) intercedere.

[2]) Ann. 4, 13.

[3]) Tac. Ann. 4, 15. Dio 57, 23, 4: ἐφυγάδευσεν. Во время Діона прокураторы уже имѣли право пользоваться вооруженной силой: οὐ γὰρ ἐξῆν τότε τοῖς τὰ αὐτοκρατορικὰ χρήματα διοικοῦσι πλέον οὐδὲν ποιεῖν ἢ τὰς νενομισμένας προσόδους ἐκλέγειν καὶ περὶ τῶν διαφορῶν ἔν τε τῇ ἀγορᾷ καὶ κατὰ τοὺς νόμους ἐξ ἴσου τοῖς ἰδιώταις δικάζεσθαι.

[4]) Dio, 57, 22, 5 еще раньше (подъ 23 г.), сообщаетъ о дѣлѣ Элія Сатурнина, который за оскорбленіе Тиберія будто-бы былъ низвергнутъ съ Капитолійской скалы. Между тѣмъ Тацитъ совершенно не говоритъ объ этомъ дѣлѣ.

доказаны [1]), оскорбительныя нападки Силія на Тиберія не оспариваетъ и Тацитъ [2]). Силій покончилъ съ собою до рѣшенія дѣла, его супруга была сослана, всѣ подарки, сдѣланные ему Августомъ, были конфискованы [3]). Нѣсколько десятилѣтій спустя въ этомъ дѣлѣ видѣли явное доказательство интригъ Сеяна и недоброжелательства Тиберія къ семьѣ Германика: [4]) факты, приводимые Тацитомъ, во всякомъ случаѣ доказываютъ, что дѣло заключалось не только въ этомъ и что виновность Силія не подлежала сомнѣнію.

Къ тому же году, кромѣ неважныхъ процессовъ „знатнаго и гордаго“ Кальпурнія Пизона [5]) и, изгнаннаго еще при Августѣ Кассія Севера, наказаніе котораго было усилено [6]), относится и громкое дѣло Вибія Серена-отца, обвиненнаго собственнымъ сыномъ въ заговорѣ противъ Тиберія и возбужденіи галльскихъ племенъ къ возстанію [7]). Бывшій преторъ Цецилій Корнутъ былъ обвиненъ въ сообщничествѣ съ Сереномъ и, желая избавиться отъ непріятностей, лишилъ себя жизни [8]). Вибій же Серенъ-отецъ, бывшій проконсуломъ Испаніи ulterioris и приговоренный въ 23 г. за насилія и же-

---

[1]) Ann. 4, 19: nec dubie repetundarum criminibus haerebant, sed cuncta quaestione maiestatis exercita.

[2]) Ann. 4, 18: credebant plerique auctam offensionem ipsius intemperantia, immodice iactantis и т. д.

[3]) Ann. 4, 20: liberalitas Augusti avulsa, computatis singillatim quae fisco petebantur.

[4]) Ann. 4, 17.

[5]) Ann. 4, 21: Pisonem G. Granius secreti sermonis incusavit adversum maiestatem habiti, adiecitque in domo eius venenum esse eumque gladio accinctum introire curiam... neque peractus ob mortem opportunam.

[6]) Ann. 4, 21: per immodicas inimicitias ut iudicio iurati senatus Cretam amoveretur effecerat: atque illic eadem actitando recentia veteraque odia advertit, bonisque exutus, interdicto igni atque aqua, saxo Seripho consenuit. Ср. стр. 227 пр. 3.

[7]) Ann. 4, 28—30: structas principi insidias, missos in Galliam concitores belli.

[8]) Ann. 4, 28: taedio curarum.

стокость нравовъ къ ссылкѣ на островъ Аморгъ [1]), несмотря на энергичную защиту, во время которой сынъ его назвалъ его сообщниками еще Гн. Лентула и Сея Туберона, близкихъ друзей Тиберія, — обвиненіе показалось настолько неправдоподобнымъ, что ихъ не потревожили [2]) — Вибій Серенъ былъ приговоренъ къ казни „по обычаю предковъ", и только благодаря вмѣшательству Тиберія казнь была замѣнена возвращеніемъ на Аморгъ [3]).

Самоубійство Цецилія Корнута побудило сенатъ предложить отмѣну наградъ деляторамъ, если обвиненный ими покончитъ съ собою до судебнаго рѣшенія, но Тиберій рѣшительно воспротивился этому, заявивъ, что въ такомъ случаѣ государство будетъ въ опасности и что лучше упразднить законъ, чѣмъ его стражей [4]). Тацитъ рѣзко осуждаетъ это вмѣшательство Тиберія, но, принимая въ разсчетъ характеръ римскаго судопроизводства, можно только признать, что его разсужденіе на дѣлѣ было совершенно правильно: устранивъ награды за доносы, тѣмъ самымъ фактически упразднили бы самый законъ объ оскорбленіи величества, который — правильно или неправильно, другой вопросъ—и Августъ, и Тиберій считали необходимымъ для сохраненія порядка [5]).

Освобожденіе всадника Г. Коминія отъ суда [6]) и исключеніе делятора Ката Фирмія, прославившагося благодаря дѣлу Либона, изъ сената за ложный доносъ на собственную сестру [7]),

---

[1]) Ann. 4, 13: de vi publica damnatus. ob atrocitatem morum in insulam Amorgum deportatur.

[2]) Ann. 4, 29.

[3]) Ann. 4, 30: dictis deinde sententiis ut Serenus more maiorum puniretur, quo molliret invidiam, intercessit... Amorgum reportatur.

[4]) Ann. 4, 30 inritas leges, rem publicam in praecipiti... subverterent potius iura quam custodes eorum amoverent.

[5]) Schiller, Gesch. d. röm. Kaiserzeit, 1, 219.

[6]) Ann. 4, 31: онъ былъ уличенъ въ составленіи памфлета на Тиберія и прощенъ имъ по просьбѣ его брата, сенатора.

[7]) Ann. 4, 31: tamquam falsis maiestatis criminibus sororem petivisset.

(и то и другое въ 24 г.), доказали, что изъ признанія дѣляторовъ необходимымъ зломъ не слѣдовало ни огульное осужденіе всякаго обвиненнаго, ни безнаказанность ложныхъ доносовъ.

Въ 24 г., наконецъ, былъ привлеченъ къ суду и историкъ Кремуцій Кордъ, хвалившій въ своихъ анналахъ Брута и назвавшій Г. Кассія послѣднимъ Римляниномъ [1]). По примѣру памфлетовъ Кассія Севера, и его трудъ былъ приговоренъ къ сожженію, а самъ Кордъ рѣшилъ умереть голодной смертью, и дѣйствительно исполнилъ свое рѣшеніе. Само собою разумѣется, что анналы Кремуція продолжали существовать, и, впослѣдствіи, при наступленіи лучшихъ временъ были переизданы. Уже въ силу этого строгость Тиберія оказалась безполезной, а заключавшееся въ ней гоненіе на свободу мысли чрезвычайно повредило ему у потомковъ, можетъ быть, повредило даже больше, чѣмъ справедливо [2]).

Двадцать пятый годъ видѣлъ рядъ менѣе важныхъ процессовъ: процессъ Кизикенцевъ, обвиненныхъ въ непочтительномъ отношеніи къ памяти Августа [3]), процессъ проконсула Азіи, Фонтея Капитона, оправданнаго судомъ отъ доносовъ Вибія Серена [4]), процессъ Вотіена Монтана, познакомившій Тиберія съ грязными сплетнями о его личной жизни [5]), наконецъ, исключе-

---

[1]) Ann. 4, 34—35; Suet. Tib. 61; Dio, 57, 24, 2—4. О его отношеніяхъ къ Сеяну, см. Sen. Consol. ad Marciam, 22, 13. См. также ниже гл. III.

[2]) Одинъ изъ самыхъ фанатическихъ защитниковъ Тиберія, A. Stahr, и въ данномъ случаѣ безусловно оправдываетъ своего героя. См. Tiber, стр. 296—297. Tacitus Geschichte der Regierung des Kaisers Tiberius, прилож. стр. I—V. См. также, Merivale, 3, 219—220. Sievers, Tacitus und Tiberius, 1, 42—43. Drumann, 3, 694—695. Ср. выше стр. 229 пр. 1.

[3]) Ann. 4, 36: incuria caerimoniarum divi Augusti... amisere libertatem. Dio, 57, 24, 6—7.

[4]) Ann. 4, 36: absolvitur, conperto ficta in eum crimina per Vibium Serenum. Серенъ, сколько намъ извѣстно, не былъ наказанъ.

[5]) Ann. 4, 42: ob contumelias in Caesarem dictas.. maiestatis poenis adfectus.

ніе Апидія Мерулы изъ списка сенаторовъ за то, что онъ не пожелалъ присягнуть на постановленія Августа [1]).

Важнѣе по положенію обвиненной и по замѣчательному таланту ея обвинителя, Домиція Афра, былъ процессъ Клавдіи Пульхры въ 26 году. Двоюродная сестра вдовы Германика, Агриппины, и такимъ образомъ родственница самого императора, Клавдія была обвинена въ нарушеніи цѣломудрія (ея любовникъ Фурній также былъ привлеченъ къ суду), въ приготовленіи яда для Тиберія и въ магическихъ заклинаніяхъ противъ него [2]). Вмѣшательство Агриппины только усложнило дѣло: и безъ того враждебныя отношенія ея къ Тиберію еще ухудшились, хотя онъ на этотъ разъ довольствовался замѣчаніемъ, что для нея еще нѣтъ оскорбленія въ томъ, что она не царствуетъ [3]). Клавдія и Фурній были осуждены [4]) и въ то же время Сеяну расчищена дорога къ доносамъ на Агриппину, неразумное поведеніе которой придавало словамъ Сеяна характеръ вѣроятности [5]) и объясняетъ строгій, хотя и тайный надзоръ, установленный за нею и ея старшимъ сыномъ Нероном [6]).

Обвинитель Клавдіи, Домицій, въ соединеніи съ П. Долабеллой, въ слѣдующемъ, 27 г., явился обвинителемъ и ея сына, Квинтилія Вара. Не видя другого исхода, сенатъ постановилъ, прибѣгнуть къ послѣднему средству противъ доносовъ, т.-е. рѣшилъ обождать возвращеніе Тиберія въ Римъ, откуда онъ въ 26 г. навсегда удалился [7]).

---

[1]) Ann. 4, 42: quod in acta divi Augusti non iuraverat.

[2]) Ann. 4, 52: crimen inpudicitiae, adulterum Furnium, veneficia in principem et devotiones obiectabat.

[3]) Ann. ib: Agrippina, semper atrox (cf. 6, 25: dominandi avida)... correptamque Graeco versu admonuit, non ideo laedi, quia non regnaret. См. Suet. Tib. 53. Dio, 59, 19.

[4]) Ann. 4, 52. Къ чему они были приговорены, не сказано.

[5]) Ann. 4, 53. 4, 54.

[6]) Ann. 4, 67.

[7]) Ann. 4, 66. Предметъ обвиненія не указанъ: restitit tamen senatus

Между тѣмъ, гроза, надвигавшаяся на молодой дворъ — вдову и дѣтей Германика—все приближалась. Въ 28 г. четыре бывшихъ претора обвинили друга Германика, всадника Т. Сабина, въ тайныхъ замыслахъ противъ Тиберія. Средства, къ которымъ они прибѣгли, чтобы вывѣдать его образъ мыслей и намѣренія, особенно позорны: одинъ изъ нихъ, Латинъ Латіарисъ, втерся въ общество Сабина, и когда пріобрѣлъ его довѣріе, далъ своимъ тремъ сообщникамъ возможность подслушать Сабина, сидя между потолкомъ и крышей спальни Латина. Сабинъ былъ привлеченъ къ суду, осужденъ и казненъ въ первый день новаго года. Впечатлѣніе этого дѣла было ужасно [1]).

Дѣло Сабина почти непосредственно повлекло за собой арестъ и осужденіе Агриппины и ея сыновей, Нерона [2]) (въ 29 г.) и Друза: Агриппина была сослана на островъ Пандатарію [3]), Неронъ—на Понтскіе острова (Pontiae), Друзъ содержался въ темницахъ Палатина [4]). Въ чемъ заключались возведенныя на нихъ обвиненія, мы точнѣе не знаемъ [5]), и очень трудно сказать, въ какой мѣрѣ они были виновны съ точки зрѣнія уголовнаго права имперіи. Суровое наказаніе ихъ въ соединеніи съ легендами о Германикѣ возбудили жалость

---

et opperiendum imperatorem censuit, quod unum urguentium malorum suffugium in tempus erat.

[1]) Ann. 4, 68—70. Dio, 58, 1, 1—3. Ann. 4, 70: non alias magis anxia et pavens civitas, reticens adversum proximos; congressus, conloquia, notae ignotaeque aures vitari; etiam muta atque inanima, tectum et parietes circumspectabantur.

[2]) Ann. 5, 3—5. Вся остальная часть пятой книги потеряна, такъ что мы ничего не узнаемъ о ходѣ дѣла.

[3]) Suet. Tib. 53. Она умерла въ 33 г. Ann. 6, 25.

[4]) Suet. Tib. 54. Неронъ умеръ ок. 31 г. Suet. Tib. 61. Dio, 58, 8. Друзъ умеръ въ 33 г. Ann. 6, 23, 24. Suet. Tib. 54.

[5]) Ann. 5, 3: verba inerant quaesita asperitate: sed non arma, non rerum novarum studium, amores iuvenum et inpudicitiam nepoti obiectabat. in nurum ne id quidem fingere ausus, adrogantiam oris et contumacem animum incusavit.

всѣхъ древнихъ историковъ и заставили огромное большинство современныхъ ученыхъ, встать безусловно на ихъ сторону противъ Тиберія. Для справедливой оцѣнки его отношенія къ семьѣ Германика нужно, однако, принять въ разсчетъ и характеръ мѣръ Августа противъ двухъ Юлій и строгость римскихъ законовъ и несомнѣнный глубокій разладъ въ семьѣ Цезарей, внесенный въ нее еще династической политикой Августа, и, наконецъ, не лишенныя остраго характера претензіи Агриппины и ея сыновей на политическое значеніе [1]). Если принять во вниманіе всѣ эти стороны дѣла, мы несомнѣнно не рѣшимся положительно утверждать, что судьба молодого двора представляетъ изъ себя только плодъ интригъ Сеяна и предполагаемой гнусной мстительности Тиберія, о которой Тацитъ говоритъ такъ много, не приводя никакихъ вѣскихъ фактовъ въ пользу своего мнѣнія. Расправа Тиберія съ семьей Германика была жестока до послѣдней степени, была ли она вполнѣ безосновательна и несправедлива, едва ли когда-либо удастся рѣшить: слова самого Тацита о характерѣ и поведеніи Агриппины, ея дѣтей и ихъ приверженцевъ скорѣе заставляютъ предполагать обратное [2]).

О процессахъ послѣдующихъ двухъ лѣтъ до паденія Сеяна мы почти ничего не знаемъ: сюда относятся, повидимому, дѣла Гн. Корнелія Лентула Августа [3]) и С. Паконія [4]), о которыхъ упоминаетъ Светоній, сюда же и дѣло Курція Руфа [5]), дѣло Г. Руфа Геминія [6]) и Азинія Галла [7]) и, наконецъ, осо-

---

[1]) Ann. 6, 25 объ Агриппинѣ: aequi impatiens, dominandi avida.

[2]) См. выше стр. 306 пр. 3. Ann. 1, 33. 2, 72. 4, 12. 4, 52—53. 4, 54. 4, 59—60. 4, 67.

[3]) Suet. Tib. 49.

[4]) Suet. Tib., 61. См. Tac. Ann. 16, 29.

[5]) О немъ упоминаетъ Tac. Ann. 6, 10.

[6]) Dio, 58, 4, 5—6. Весьма возможно, что это консулъ 29 г. Фуфій Геминъ. См. стр. 314.

[7]) Dio, 58, 3, 1—4. Онъ умеръ до разсмотрѣнія его дѣла въ 33 г. Ann. 6, 23. Dio, 58, 23, 6.

бенно важное и любопытное дѣло Сеяна и части его сторонниковъ.

Дѣло Сеяна вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ настоящій переходъ къ массовымъ процессамъ, къ собственно террористической эпохѣ управленія Тиберія и, если принять въ разсчетъ отношенія Тиберія къ Сеяну и гнусныя подробности его заговора, мы, конечно, поймемъ страшную жестокость 73-лѣтняго Тиберія, потоками крови платившаго за широко распространенную измѣну.

Л. Элій Сеянъ происходилъ изъ этрурскаго города Вольсиній, принадлежалъ къ сословію всадниковъ и былъ сыномъ префекта преторіанцевъ Сея Страбона [1]). Сначала приверженецъ молодого Г. Цезаря [2]), онъ послѣ его смерти сумѣлъ приблизиться къ Тиберію, былъ назначенъ коллегой своего отца и вмѣстѣ съ сыномъ Тиберія, Друзомъ, посланъ въ Паннонію для усмиренія возставшихъ въ 14 г. трехъ паннонскихъ легіоновъ [3]). По его совѣту [4]) всѣ преторіанцы въ 20 году были соединены въ Римѣ въ одномъ кварталѣ [5]). Явная милость Тиберія къ нему [6]) помогла ему окружить себя приверженцами, какъ среди войскъ, такъ и среди сената; его изображенію поклонялись въ театрахъ, лагеряхъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ [7]). Всѣ эти успѣхи еще увеличили его претензіи и несомнѣнно, что онъ сталъ стремиться къ власти. Съ этой цѣлью ему было необходимо, избавиться отъ ближайшихъ претендентовъ на наслѣдство Тиберія: Друза младшаго и сыновей Германика. Уже послѣ его паденія выяснилось, что смерть

---

[1]) Dio, 57, 19; Tac. Ann. 6, 8; 4, 1. Vell. 2, 127.

[2]) Tac. Ann. 4, 1.

[3]) Tac. Ann. 1, 24.

[4]) При Августѣ въ самомъ Римѣ стояли только 3 когорты; остальныя 6 находились въ его окрестностяхъ. Suet. Aug. 49.

[5]) Tac. Ann. 4, 2. Dio, 57, 19.

[6]) Ann. 4, 2. 4, 4; 3, 72; 4, 7.

[7]) Ann. 4, 2. Исключеніе представляли сирійскіе легіоны. Suet. Tib. 48.

Друза (въ 27 г.) была дѣломъ его рукъ: соблазнивъ его жену, Ливиллу, сестру Германика, которой онъ, повидимому, обѣщалъ бракъ, онъ отравилъ при ея содѣйствіи единственнаго сына Тиберія [1]). Характеръ и поведеніе Агриппины и ея дѣтей помогли ему устранить и ихъ въ 29 г. [2]), несмотря на то, что Тиберій, какъ видно изъ его отказа согласиться на бракъ Сеяна съ Ливиллой [3]), пока еще не думалъ о передачѣ ему власти. Только послѣ смерти Ливіи и устраненія Агриппины вліяніе Сеяна сдѣлалось господствующимъ: Тиберій довѣрялъ ему безусловно [4]), а Сеянъ тѣмъ временемъ готовился, устранить его и захватить власть въ свои руки: въ заговоръ были замѣшаны многіе, не только изъ сенаторовъ, но даже изъ приближенныхъ къ Тиберію лицъ [5]). Въ силу чего Тиберій, наконецъ, усумнился въ вѣрности Сеяна—плохо извѣстно: Іосифъ Флавій разсказываетъ, что только письмо его невѣстки Антоніи, вдовы старшаго Друза, открыло ему глаза и дало ему возможность, понять въ какой опасности онъ находится [6]). Характерны мѣры, къ которымъ онъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть для устраненія угрожавшей ему опасности. Извѣстно, какъ онъ сначала удаляетъ Сеяна изъ своей резиденціи на островѣ Капри, назначивъ его консуломъ на 31 г. [7]), какъ онъ выдвигаетъ послѣдняго сына Германика, Гая Калигулу, дабы привлечь сочувствіе народа [8]), какъ онъ пользуется

---

[1]) Ann. 4, 8: ut octo post annos cognitum est. Это было доказано письмомъ его супруги Аникаты и сознаніемъ его сообщниковъ Эвдема и Лигда. Ann., 4, 11. Dio, 58, 11.

[2]) Можно ли, на основаніи Ann. 4, 17 и другихъ мѣстъ утверждать, что послѣ смерти Друза въ сенатѣ образовалась партія дома Германика, трудно рѣшить, но невѣроятнаго въ этомъ ничего нѣтъ.

[3]) Ann. 4, 39—40.

[4]) Этому содѣйствовалъ еще случай, разсказанный Тацитомъ. Ann. 4, 59. Suet. Tib. 39.

[5]) Dio, 58, 4.

[6]) Antiqu., 18 p., 632, См. Dio, 66, 14.

[7]) Suet. Tib. 65.

[8]) Dio, 58, 8.

Невіемъ Серторіемъ Макрономъ, втайнѣ назначеннымъ префектомъ преторіанцевъ [1]), какъ онъ затѣмъ обманываетъ Сеяна надеждой на трибунскую власть, чтобы наконецъ отдать его подъ судъ [2]): всѣ эти факты несомнѣнно оправдываютъ слова Светонія, что онъ „погубилъ Сеяна съ трудомъ и скорѣе хитростью и обманомъ, чѣмъ авторитетомъ принцепса“ [3]), но въ то же время доказываютъ всю опасность его положенія и объясняютъ степень его озлобленія противъ самого Сеяна, его друзей и сторонниковъ.

Тацитъ [4]) и Светоній [5]), правда, объясняютъ жестокости, послѣдовавшія за паденіемъ Сеяна, тѣмъ, что наконецъ-то

---

[1]) ib.

[2]) Suet. Tib. 65. Dio, ib. Онъ уже имѣлъ проконсульскую власть. Dio, 58, 7.

[3]) Suet. Tib. 65: Seianum res novas molientem... vix tandem et astu magis ac dolo quam principali auctoritate subvertit.

[4]) Tac. Ann. 6, 51: morum quoque tempora illi diversa: egregium vita famaque, quoad privatus vel in imperiis sub Augusto fuit; occultum ac subdolum fingendis virtutibus, donec Germanicus ac Drusus superfuere; idem inter bona malaque mixtus incolumi matre; intestabilis saevitia, sed obtectis libidinibus, dum Seianum dilexit timuitve: postremo in scelera simul ac dedecora prorupit, postquam remoto pudore et metu suo tantum ingenio utebatur. Риторичность и психологическая нелѣпость этой характеристики бросается въ глаза. Вѣдь Тиберію было 56 лѣтъ, когда умеръ Августъ, 65, когда умеръ Друзъ: мыслимо-ли, чтобы человѣкъ, „жизнь и репутація котораго превосходны“, въ такомъ возрастѣ могъ превратиться въ кровожаднаго негодяя и отвратительнаго сластолюбца? Характеристика Тиберія не дѣлаетъ чести ни безпристрастію, ни проницательности Тацита, котораго такъ часто превозносятъ за его „глубокое пониманіе людей“. „Анналы“ продуктъ необыкновенно талантливаго ритора, но не психолога—и пожалуй даже не историка, первымъ качествомъ котораго должно быть безпристрастіе. Ср. Oros. Hist. adv. pag. l. 7, 10: quanta fuerint... proelia, quantaeque Romanorum clades longo textu evolverem, nisi Cornelius Tacitus, qui hanc historiam diligentissime contexuit, de reticendo interfectorum numero et Sallustium Crispum et alios auctores quam plurimos sanxisse et se ipsum idem potissimum elegisse dixisset. Предположеніе Egger'a, Examen critique des historiens anciens de la vie et du règne d'Auguste, стр. 215, что Орозій въ данномъ случаѣ не понялъ Тацита, болѣе чѣмъ странно.

[5]) Suet. Tib. 61: post cuius (Seiani) interitum vel saevissimus extitit. Quo maxime apparuit, non tam ipsum ab Seiano concitari solitum, quam Seianum quaerenti occasiones sumministrasse. Suet. Tib. 55, Tib. 62.

Тиберій, сдерживавшій себя, до сихъ поръ, въ виду Германика, Ливіи и Сеяна, проявилъ свою настоящую природу. Но стоитъ вспомнить, что Тиберію въ 31 г. шелъ 74 годъ, чтобы понять всю психологическую несообразность ихъ мнѣнія. Несомнѣнно лишь то, что только послѣ раскрытія страшно опаснаго заговора наиболѣе близкаго къ нему лица Тиберій сталъ примѣнять законъ объ оскорбленіи величества въ тѣхъ ужасающихъ размѣрахъ, которые навсегда набросили мрачную тѣнь на его личность. При Тиберіи политическіе процессы не являются ни результатомъ извращенной жестокости, ни корыстолюбія, ни гнусной личной мстительности: лишь событія 30 и 31 г. заставили его прибѣгнуть къ этой ultima ratio всякаго по существу деспотическаго режима: смыслъ ихъ при немъ слѣдуетъ усмотрѣть не въ удовлетвореніи скверныхъ личныхъ инстинктовъ, какъ у Калигулы и Нерона, а въ инстинктѣ самосохраненія власти, основанной лишь на грубой силѣ.

Этотъ грубый инстинктъ самосохраненія, еще усиленный подозрительностью Тиберія и безконечными доносами изъ среды самого общества, и прорывается съ устрашающей ясностью въ послѣдніе годы его управленія.

Послѣ казни Сеяна, его семьи и ближайшихъ друзей— отчасти они были перебиты возмутившимся народомъ и войскомъ [1]) — процессы, вызванные его заговоромъ, можно сказать, не прерываются. И теперь всѣ они были внесены въ сенатъ [2]), при чемъ Тиберій сообщалъ ему какъ доносы, такъ

---

[1]) Dio 58, 12, 1—3: ὅτε γὰρ δῆμος εἴ πού τινα τῶν μέγα παρὰ τῷ Σηιανῷ δυνηθέντων καὶ δι' αὐτὸν ὑβρισάντων τι εἶδεν, ἐφόνευε· καὶ οἱ στρατιῶται ἀγανακτοῦντες, ὅτι αὐτοί τε ἐς τὴν Σηιανοῦ εὔνοιαν ὑπωπτεύθησαν καὶ οἱ νυκτοφύλακές σφων ἐς τὴν τοῦ αὐτοκράτορος πίστιν προετίμησαν, ἐμπρήσεις τε καὶ ἁρπαγὰς ἐποιοῦντο. Сенатъ въ свою очередь рѣшилъ воздвигнуть статуи свободы (58, 12, 5), запретилъ μήτε τοὺς ὅρκους ἐπ' ἄλλου τινὸς πλὴν τοῦ αὐτοκράτορος ποιεῖσθαι (58, 12, 6), и поднесъ Тиберію званіе отца отечества, отъ котораго онъ однако отказался (58, 12, 8).

[2]) Dio 58, 16, 3: τὰς ἐσαγγελίας πάσας ἐς τὴν γερουσίαν ἐσῆγεν, ὅπως αὐτός τε ἔξω αἰτίας, ὥς γε καὶ ἐδόκει, ᾖ, καὶ ἡ βουλὴ ἑαυτῆς ὡς καὶ ἀδικούσης τι καταψηφίζηται.

и результаты слѣдствія и допроса, которыми завѣдовалъ Макронъ [1]).

Въ связи съ паденіемъ Сеяна Тиберій узналъ о причинѣ смерти своего сына Друза: его вдова Ливилла собственной матерью, Антоніей, была осуждена на голодную смерть [2]), сообщники Сеяна, Эвдемъ и Лигдъ, казнены.

Въ томъ же 31 году пали или были обвинены дядя Сеяна, Блезъ [3]), префектъ эрарія Помпоній Секундъ [4]), П. Вителлій [5]) и оставшіеся въ живыхъ дѣти Сеяна [6]), и былъ обвиненъ коллегой Мемміемъ Регуломъ консулъ этого года, Фульциній Тріонъ [7]).

Въ 32 г. за ними послѣдовали Юній Галліонъ за неосторожное предложеніе въ пользу преторіанцевъ, въ которомъ Тиберій усмотрѣлъ попытку, привлечь гвардію на сторону сената [8]), бывшій преторъ Секстій Паконіанъ, успѣвшій продлить свое существованіе обѣщаніемъ доносовъ [9]), и Латиній Латіарисъ, нѣкогда донесшій на Сабина, теперь подвергшійся доносу со стороны Паконіана [10]); Котта Мессалинъ, обвиненный въ оскорбительныхъ нападеніяхъ на Калигулу и неосторож-

---

[1]) Dio 58, 21, 3: ἐσέπεμπε δὲ ἐς αὐτὴν οὐ μόνον τὰ βιβλία τὰ διδόμενα οἱ παρὰ τῶν μηνυόντων, ἀλλὰ καὶ βασάνους, ἃς ὁ Μάκρων ἐποιεῖτο, ὥστε μηδὲν ἐπ' αὐτοῖς πλὴν τῆς καταψηφίσεως γίγνεσθαι.

[2]) Dio, 58, 11, 7.

[3]) Ann. 5, 7.

[4]) Ann. 5, 8, arguebant... claustra aerarii... et militarem pecuniam rebus novis obtulisse. Переданный своему брату на поруки, онъ пережилъ Тиберія.

[5]) Ann. 5, 8: въ чемъ онъ обвинялся неизвѣстно, но, отданный точно также на поруки, онъ вскорѣ покончилъ съ собою.

[6]) Ann. 5, 9.

[7]) Ann. 5, 11. Онъ покончилъ съ собой въ 35 г. Ann. 6, 38. Dio, 58, 25, 2.

[8]) Ann. 6, 3; онъ предложилъ, ut praetoriani actis stipendiis ius aspicerentur in XIV ordinibus sedendi... statim curia, deinde Italia exactus. Вскорѣ онъ былъ возвращенъ въ Римъ, custoditurque domibus magistratuum. Dio, 58, 18, 4.

[9]) Ann. 6, 3. Онъ былъ задушенъ въ темницѣ ob carmina illic in principem factitata въ 35 г. Ann. 6, 39.

[10]) Ann. 6, 4.

ныхъ рѣчахъ о Тиберіи, былъ прощенъ въ виду его прежнихъ заслугъ, его обвинители наказаны [1]). Обвиненные знатнымъ сенаторомъ Г. Цестіемъ, бывшій преторъ Кв. Сервей и всадникъ Минуцій Ѳермъ вовлекли въ свою судьбу двухъ другихъ, Юлія Африкана и Сея Квадрата [2]). Наоборотъ, всадникъ М. Теренцій, обвиненный въ дружбѣ съ Сеяномъ, былъ оправданъ, такъ какъ сослался на то, что вѣдь и Тиберій былъ друженъ съ Сеяномъ [3]): его обвинители поплатились изгнаніемъ или смертью [4]). Секстъ Вистилій, обвиненный въ составленіи памфлетовъ на Калигулу, покончилъ съ собою [5]). Въ чемъ обвинялись Анній Полліонъ, Аппій Силанъ, Мамеркъ Скаверъ, Кальвизій Сабинъ и сынъ Полліона Виниціанъ—неизвѣстно. Анній и Кальвизій были оправданы, дѣла другихъ отложены, дабы они были разсмотрѣны Тиберіемъ совмѣстно съ сенатомъ [6]) Въ виду относительной умѣренности этихъ приговоровъ тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе производятъ слова Тацита, будто бы мать казненнаго консула 29 г. Фуфія Гемина, Витія, была казнена только за то, что оплакивала гибель своего сына [7]): нельзя не

---

[1]) Ann. 6, 5—6. По поводу этого дѣла у Тиберія вырвался знаменитый крикъ отчаянія одинокаго и обманутаго старика 6, 6: „quid scribam vobis, patres conscripti, et quo modo scribam, aut quid omnino non scribam hoc tempore, di me deaeque peius perdant, quam perire me cotidie sentio, si scio“.

[2]) Ann. 6, 7: Ихъ судьба неизвѣстна.

[3]) Ann. 6, 8: non est nostrum aestimare, quem supra ceteros et quibus de causis extollas: tibi summum rerum iudicium di dedere, nobis obsequii gloria relicta est.

[4]) Ann. 6, 9: accusatores eius, additis quae ante deliquerant, exilio aut morte multarentur. Dio, 58, 19.

[5]) Ann. 6, 9.

[6]) Ann. 6, 9: acervatim... maiestatis postulantur... ut ipse cum senatu nosceret. Скаверъ въ 34 г. снова попалъ подъ судъ (по Діону, 58, 24, 3 за трагедію „Атрей“), обвиненный въ прелюбодѣяніи съ Ливиллой, и покончилъ съ собою. Ann. 6, 29.

[7]) Ann. 6, 10: necata... quod filii necem flevisset. См. Suet. Tib. 61: interdictum, ne capite damnatos propinqui lugerent.

согласиться съ Сиверсомъ, что слова Тацита такъ рѣзко противорѣчатъ всему предшествующему, хотя бы дѣлу Теренція, что приходится въ нихъ усумниться [1]). Въ то же время помимо сената были приговорены къ казни самимъ Тиберіемъ Вескуларій Флаккъ и Юлій Маринъ, принадлежавшіе къ старѣйшимъ его слугамъ и сопровождавшіе его даже въ Родосъ: въ чемъ ихъ обвиняли—намъ неизвѣстно [2]). Казнены были—но уже по постановленію сената—и римскіе всадники Геминій, Цельсъ и Помпей по обвиненію въ заговорѣ [3]).

Общее число извѣстныхъ намъ процессовъ 32 г. доходитъ такимъ образомъ до 21, тогда какъ общее число всѣхъ процессовъ отъ 14 до 29 г. (до дѣла Агриппины и Нерона включительно), если исключить процессы деляторовъ, доходитъ лишь до 29, а число процессовъ отъ 32 до 37 г. до 13. Очевидно, отношеніе ненормальное, и объяснить его можно только, видя въ этомъ результатъ раскрытія заговора Сеяна и причины смерти Друза. „Онъ увеличилъ и обострилъ свою жестокость“, разсказываетъ Светоній въ біографіи Тиберія [4]), „ожесточенный доносомъ о смерти сына своего Друза. Онъ полагалъ, что онъ умеръ отъ болѣзни и невоздержности, и когда наконецъ узналъ, что онъ былъ погубленъ ядомъ вслѣдствіе злого умысла его жены Ливиллы и Сеяна, онъ не пощадилъ никого ни въ пыткахъ ни въ казняхъ, цѣлые дни настолько исключительно занятый и преданный этому слѣдствію, что когда ему доложили, что прибылъ одинъ его родосскій знакомый, котораго онъ дружественнымъ письмомъ вызвалъ въ Римъ, онъ немедленно велѣлъ его пытать, точно онъ имѣлъ отношеніе къ этому дѣлу, а когда ошибка откры-

[1]) Sievers, Studien, стр. 84.

[2]) Ann. 6, 10: ad mortem aguntur, e vetustissimis familiarium, Rhodum secuti et apud Capreas individui. О Вескуларіи, см. Ann. 2, 28: cui propior cum Tiberio usus erat.

[3]) Ann. 6, 14: cecidere coniurationis crimine.

[4]) Suet. Tib. 62.

лась, приказалъ его убить, чтобы онъ не могъ разсказать объ этой несправедливости". Насколько передаваемый Светоніемъ анекдотъ фактически вѣренъ, трудно сказать,—несомнѣнно, что у Светонія собрана цѣлая масса крайне сомнительныхъ сплетенъ, — во всякомъ случаѣ онъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ письмомъ Тиберія къ сенату [1]) рисуетъ намъ душевное состояніе старика, которое привело къ массовымъ арестамъ и процессамъ 31 и 32 г. Съ другой стороны, Тацитъ сообщаетъ любопытный фактъ, иллюстрирующій панику въ римскомъ обществѣ: въ 32 г., по его словамъ, между прочимъ былъ арестованъ Рубрій Фабатъ, котораго обвинили въ намѣреніи „бѣжать въ виду отчаяннаго положенія римскихъ дѣлъ къ милосердію Парѳянъ" [2]). До чего должно было дойти общество, чтобы нашлись люди, желавшіе спастись у презираемыхъ варваровъ!

Между тѣмъ процессы продолжались. Въ 33 г. былъ казненъ Консидій Прокулъ, а сестра его Санція сослана [3]). Къ ссылкѣ была приговорена и Помпея Макрина, что повлекло за собой самоубійство ея отца и ея брата, бывшаго претора [4]). Послѣ этого Тиберій, по словамъ Тацита [5]), „возбужденный казнями, велѣлъ убить всѣхъ, кто содержался въ темницѣ по обвиненію въ сообщничествѣ съ Сеяномъ. Лежало огромное множество убитыхъ всякаго пола, всякаго возраста, знатныхъ и незнатныхъ въ разбросъ или въ кучахъ. Родственникамъ

[1]) См. выше стр. 314 пр. 1.

[2]) Ann. 6, 14: at Rubrio Fabato, tamquam desperatis rebus Romanis Parthorum ad misericordiam fugeret, custodes additi. Sane is repertus apud fretum Siciliae retractusque per centurionem nullas probabiles causas longinquae peregrinationis adferebat: mansit tamen incolumis...

[3]) Ann. 6, 18: maiestatis.

[4]) Ann. 6, 18: datum erat crimini, quod Theophanen Mytilenaeum, proavum eorum, Cn. Magnus inter intimos habuisset, quodque defuncto Theophani caelestes honores Graeca adulatio tribuerat. Причемъ тутъ его потомки, и почему къ отвѣтственности привлекли Помпею, а не ея отца или брата, если въ этомъ и заключалось все обвиненіе?!

[5]) Ann. 6, 19.

или друзьямъ не позволялось стоять подлѣ, оплакивать ихъ, или даже подольше на нихъ поглядѣть: стоявшіе кругомъ сторожа, слѣдившіе за печалью каждаго, провожали разложившіеся трупы, пока ихъ волокли въ Тибръ, гдѣ они плыли или прибивались къ берегамъ, гдѣ никто не рѣшался ни ихъ сжечь, ни даже коснуться ихъ. Чувство общности человѣческой участи исчезло подъ вліяніемъ страха, и насколько звѣрство возрастало, настолько подавлялось состраданіе". Разсказъ невольно напоминаетъ сентябрьскіе дни 1792 г., но есть основаніе думать, что онъ по меньшей мѣрѣ страшно преувеличенъ. Дѣло въ томъ, что Светоній приводитъ какъ высшую цифру казненныхъ въ одинъ день 20 человѣкъ [1]), тогда какъ Діонъ, имѣя, повидимому, въ виду тотъ же фактъ, прибавляетъ, что эти казненные въ одинъ день были деляторы [2]). Вдобавокъ намъ по крайней мѣрѣ о двухъ изъ обвиненныхъ въ сообщничествѣ съ Сеяномъ, о С. Паконіанѣ и Мамеркѣ Скаврѣ, изъ словъ самого же Тацита извѣстно, что они были въ живыхъ еще въ 35 г., т.-е. два года спустя послѣ одновременнаго избіенія всѣхъ (cuncti), замѣшанныхъ въ это дѣло [3]). Въ виду этого довольно трудно рѣшить, какой фактъ скрывается за слишкомъ общими фразами Тацита и совершенно неизвѣстны какъ мотивы, такъ и юридическое оправданіе тѣхъ массовыхъ казней, о которыхъ тутъ повидимому говорится [4]).

Процессы и казни этимъ однако не завершились. Въ 33 г. покончила съ собою Планцина, вдова Гн. Кальпурнія Пизона [5]).

---

[1]) Suet. Tib. 61: nemo punitorum non in Gemonias abiectus uncoque tractus, viginti uno die abiecti tractique, inter eos feminae et pueri.

[2]) Dio 58, 21, 5: τούς τε ἐπιβουλεύοντας τῶν τὰς κατηγορίας ποιουμένων ἀποθανεῖν ἐν μιᾷ ἡμέρᾳ ἐκέλευσε.

[3]) См. выше стр. 313 пр. 9 и стр. 314 пр. 6.

[4]) Schiller, 1, 301: die Verhandlungen nahmen kein Ende, bis Tiberius endlich im Jahre 33 ein summarisches Verfahren befahl.

[5]) Ann. 6, 26.

Слѣдующій годъ начался съ изгнанія трехъ деляторовъ, Сервилія, Корнелія и Абудія Рузо [1]), но затѣмъ былъ обвиненъ въ вымогательствахъ и оскорбленіи величества намѣстникъ Мезіи, Помпоній Лабеонъ: онъ покончилъ съ собою до рѣшенія дѣла [2]). Такъ же поступилъ сенаторъ Граній Марціанъ въ 35 г. [3]), тогда какъ бывшій преторъ Тарій Граціанъ былъ осужденъ и казненъ [4]), а Требелленъ Руфъ послѣдовалъ примѣру Марціана [5]). Въ 36 г. снова были казнены деляторы Л. Арузей и Санквиній за доносъ на Л. Аррунція [6]). Вибуленъ Агриппа отравилъ себя въ засѣданіи сената во время разсмотрѣнія его дѣла [7]). Тогда же въ числѣ другихъ подвергся казни и бывшій царь Арменіи, Тигранъ [8]). Г. Гальба и два Блеза не дождались рѣшенія суда и совершили самоубійство [9]). Ихъ примѣру послѣдовала вдова Друза младшаго, Эмилія Лепида, обвиненная въ прелюбодѣяніи съ рабомъ [10]). Еще въ 37 г., наканунѣ смерти Тиберія, кромѣ казни Акуціи, вдовы П. Вителлія [11]), возникло большое дѣло „знаменитой любовью многихъ“ Албуциллы,—дѣло, въ которое были замѣшаны знатнѣйшіе люди Рима, мужъ младшей Агриппины, Гн. Домицій, (консулъ 31 г.), Л. Аррунцій, Вибій Марсъ и нѣсколько другихъ: часть ихъ была наказана ссылкой (бывшій преторъ Карсидій Сацердосъ) или исключеніемъ изъ сената (Понцій Фрегелланъ и деляторъ Лелій Бальбъ). Домицій и Вибій Марсъ были избавлены отъ суда смертью Тиберія, Л. Аррунцій по-

[1]) Ann. 6, 30.

[2]) Ann. 6, 29. Dio, 58, 24, 3.

[3]) Ann. 6, 38: maiestatis.

[4]) Ann. 6, 38: lege eadem (maiestatis) extremum ad supplicium damnatus.

[5]) Ann. 6, 39.

[6]) Ann. 6, 40. Ann. 6, 7.

[7]) Ann. 6, 40. Dio, 58, 21, 4: Οὐιβούλιος Ἀγρίππας.

[8]) Ann. 6, 40: ne Tigranes quidem, Armenia quondam potitus ac tunc reus, nomine regis supplicia civium effugit.

[9]) Ann. 6, 40.

[10]) Ann. 6, 40: corripitur ob servum adulterum.

[11]) Ann. 6, 47: maiestatis.

кончилъ съ собой, предвидя, что жить подъ властью Калигулы будетъ еще много хуже, чѣмъ при Тиберіи [1]).

Вотъ все, что̀ намъ извѣстно о политическихъ процессахъ временъ Тиберія. Впечатлѣніе, произведенное ими,—особенно массовыми процессами послѣднихъ лѣтъ [2]),—несомнѣнно было ужасно и создало легенду о природной кровожадности Тиберія, выразителями которой явились писатели временъ Антониновъ [3]). Подробное разсмотрѣніе всѣхъ процессовъ, состоявшихся при Тиберіи, приводитъ къ иному выводу. Сознаніе непрочности своей власти и особенно необезпеченности своей личности среди враждебной аристократіи, вмѣстѣ съ строгостью закона объ оскорбленіи величества, съ развращенностью общества и особенностями римскаго процессуальнаго порядка вполнѣ объясняютъ какъ то, что Тиберій пользовался политическими процессами, какъ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ орудій противъ властолюбивыхъ тенденцій знати, такъ и то, что процессы часто кончались чрезмѣрно строгими наказаніями и всегда сопровождались гнусными доносами. Но вплоть до дѣла Сеяна, Тиберій скорѣе старается остановить развитіе доносительной горячки [4]) и довольно часто

[1]) Ann. 6, 47 defertur inpietatis in principem. Карсидій и Понцій (м. б. и Бальбъ) были stuprorum eius ministri. Рѣчь и самоубійство Аррунція: Ann. 6, 48. Dio, 58, 27, 4. См. ниже гл. IV.

[2]) Съ 32 по 37 г. Сиверсъ, Studien, 93 насчитываетъ ихъ 48.

[3]) Объ оцѣнкѣ Тиберія у писателей I вѣка, см. Sievers, ib., 96—102. См. памфлеты, помѣщенные у Светонія. Tib. 59, напримѣръ:

Aspice Felicem (sibi, non tibi) Romule Sullam
Et Marium, si vis, aspice, sed reducem
Nec non Antoni civilia bella moventis
Non semel infestas aspice caede manus
Et dic: Roma perit, regnavit sanguine multo
Ad regnum quisquis venit ab exilio.

[4]) Вообще при немъ подвергался наказанію цѣлый рядъ деляторовъ: Консидій Эквъ и Целій Курсоръ Ann. 3, 37, Катъ Фирмій Ann. 4, 31, Цецилианъ, 6, 7, Арузей и Санквиній 6, 7. 6, 40; нѣсколько намъ неизвѣстныхъ, 6, 8. Сервилій, Корнелій, Абудій 6, 30; Лелій Бальбъ 6, 48; наконецъ тѣ, о которыхъ говоритъ Діонъ, 58, 21, 5. Ср. съ этимъ спискомъ Suet. Tib. 61: nemini delatorum fides abrogata.

смягчаетъ судьбу обвиненныхъ [1]). Дѣло Сеяна доказало ему, на краю какой пропасти онъ находился и до какой степени заговоры возможны и опасны: тогда онъ принимается за устраненіе всякой возможности конспирацій и съ беззастѣнчивостью истаго римлянина, въ концѣ концевъ, не привыкшаго уважать ничего, кромѣ грубой силы, устанавливаетъ тотъ террористическій режимъ, который окончательно развратилъ общество и пріучилъ его къ той рабской покорности, которая поражаетъ современнаго читателя въ эпоху Калигулы, Клавдія и Нерона. Время, когда римскіе магнаты могли находить, что они уступаютъ развѣ только самому принцепсу, но стоятъ безусловно выше его сыновей [2]), безвозвратно прошло: настало время, когда лучшіе люди Рима стали находить утѣшеніе въ возможности самоубійства и въ принципіальномъ отреченіи отъ общественной дѣятельности.

ГЛАВА III.

Римское общество временъ Августа и Тиберія.

§ 1.

Римское общество поразительно быстро примирилось съ новой властью. За все время управленія Августа и Тиберія мы кромѣ нѣсколькихъ мало значительныхъ заговоровъ, да пожалуй фрондирующаго поведенія небольшого числа привер-

---

[1]) См. выше. Ann. 1, 73, 74. 2, 50. 3, 22—23. 3, 24, повидимому 3, 70. Ср. мѣры его по поводу 3, 49—51; 66—69. 70; 4, 30. 31. Оправданіе обвиненныхъ встрѣчается и позже.

[2]) Ann. 2, 43: Cn. Pisonem, ingenio violentum et obsequio ignarum, insita ferocia a patre Pisone, qui civili bello resurgentes in Africa partes acerrimo ministerio adversus Caesarem iuvit, mox Brutum et Cassium secutus, concesso reditu petitione honorum abstinuit, donec ultro ambiretur delatum ab Augusto consulatum accipere... vix Tiberio concedere, liberos eius ut multum infra despectare. Любопытно сравнить съ этимъ, напр., поведеніе Вителлія. Tac. Ann. 6, 32 и passim.

женцевъ старины, не встрѣчаемъ никакой серьезной оппозиціи противъ новаго строя. Что провинціалы не протестовали противъ принципата, правда, не представляется удивительнымъ. Если, въ частности, восточныя области имперіи не могли усматривать въ возникновеніи римской монархіи чего-нибудь опаснаго для народныхъ вольностей уже потому, что они сами ужъ давно успѣли привыкнуть къ деспотизму эллинистическихъ монархій, то всѣ провинціи вообще не могли не сочувствовать замѣнѣ анархическаго произвола послѣднихъ временъ республики строгимъ, хотя бы и монархическимъ порядкомъ, обезпечивавшимъ имъ относительно спокойное развитіе. „Провинціи“, говоритъ Тацитъ „ничего не имѣли противъ новаго строя, ибо управленіе сената и народа лишилось довѣрія вслѣдствіе соперничества магнатовъ и жадности магистратовъ, противъ которой не защищали и законы, нарушавшіеся насиліемъ, интригами и, наконецъ, подкупомъ“ [1]).

Болѣе удивительнымъ, чѣмъ быстрое примиреніе провинцій, на первый взглядъ представляется не менѣе быстрое примиреніе италіанскаго и въ частности римскаго общества съ новой властью.

Тацитъ, а съ нимъ большинство другихъ писателей, находятъ объясненіе успѣха Августа исключительно въ коварствѣ его политики и въ нравственной низости народа и общества. „Когда всѣ военныя силы государства очутились въ рукахъ Августа“, говоритъ Тацитъ [2]), „онъ сложилъ съ себя званіе тріумвира и сталъ выступать въ качествѣ консула и дѣлать видъ, что онъ довольствуется трибунскими правами для защиты народа, а когда привлекъ на свою сторону солдатъ подарками, народъ раздачей хлѣба, всѣхъ вообще прелестями мира, онъ постепенно сталъ усиливать свою власть и присваивать себѣ права сената, магистратовъ и законовъ, не встрѣчая никакого про-

[1]) Tac Ann. 1, 2.
[2]) Tac. ib

тиводѣйствія: вѣдь наиболѣе страстные погибли въ битвахъ или вслѣдствіе проскрипцій, тогда какъ остальные изъ знати, по мѣрѣ готовности къ рабству, награждались богатствомъ и почестями и, возвеличившись благодаря новому порядку вещей, предпочитали вѣрное настоящее полному опасностей прошлому“ [1]).

Взглядъ Тацита едва ли вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ. Такія лица какъ М. Валерій Мессала Корвинъ (консулъ 31 года), какъ его братъ, какъ Виргилій, Ливій, Горацій, какъ рядъ другихъ представителей римскаго общества этого времени примирились съ Августомъ не изъ „готовности къ рабству“, а потому, что видѣли въ монархіи мéньшее изъ золъ, въ Августѣ хранителя мира и спокойствія, возстановителя нѣкоторыхъ изъ лучшихъ традицій прошлаго, покровителя поэзіи и умственной жизни. Какъ много столѣтій спустя лучшіе люди предыдущаго времени окружали Наполеона, такъ и Августъ „набралъ всѣхъ своихъ ближайшихъ друзей, Саллюстія, Кокцеевъ и Деилліевъ изъ лагерей враговъ. Своему милосердію онъ былъ обязанъ существованіемъ Домиціевъ, Мессалъ, Азиніевъ, Цицероновъ и всего лучшаго въ государствѣ“ [2]).

Память великаго Цезаря, счастливое прекращеніе гражданскихъ войнъ, славные походы противъ варваровъ и дипломатическіе успѣхи относительно Парѳянъ, примирительное отношеніе къ сенату и знати, забота о возстановленіи рели-

---

[1]) Ср. Dio 56, 44, 3—4: οὐκ ἐλάχιστον δ' οὖν αὐτῷ πρὸς εὐδοξίαν καὶ τὸ πολυχρόνιον τῆς ἡγεμονίας συνήρατο. τῶν μὲν γὰρ ἐκ τῆς δημοκρατίας ἀνδρῶν καὶ οἱ πλείους καὶ οἱ δυνατώτεροι ἀπολώλεσαν, οἱ δ' ὕστεροι ἐκείνης μὲν οὐδὲν εἰδότες, τοῖς δὲ παροῦσι μόνοις ἢ καὶ μάλιστα ἐντραφέντες οὐ μόνον οὐκ ἤχθοντο αὐτοῖς ἅτε καὶ συνήθεσιν οὖσιν, ἀλλὰ καὶ ἔχαιρον, καὶ βελτίω καὶ ἀδεέστερα αὐτὰ ὧν ἤκουον ὁρῶντες ὄντα. Сходство разсужденій Тацита и Діона бросается въ глаза и, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что оба пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ для даннаго времени.

[2]) Sen. de clem. 1, 10, 1: Sallustium et Cocceios et Deillios et totam cohortem primae admissionis ex adversariorum castris conscripsit и т. д.

гіозности и добрыхъ нравовъ, обезпеченіе экономическаго процвѣтанія провинцій, вниманіе къ поэзіи, философіи и риторикѣ—все это вмѣстѣ, вплоть до любезныхъ и все же величественныхъ манеръ, окружало имя Августа совершенно исключительнымъ ореоломъ, которымъ по крайней мѣрѣ отчасти объясняется отношеніе поэтовъ къ нему.

Но какъ бы не были или казались велики заслуги Августа предъ государствомъ, республика существовала слишкомъ долго, ея слава была слишкомъ велика, чтобы паденіе ея не вызвало никакихъ протестовъ, никакой оппозиціи противъ новаго строя. Эпоха тріумвировъ и проскрипцій, разумѣется, должна была задержать этотъ протестъ въ самыхъ скромныхъ рамкахъ. Голова Цицерона, выставленная на форумѣ съ проколотымъ булавками Фульвіи языкомъ, слишкомъ понятно свидѣтельствовала о томъ, что ожидаетъ сколько-нибудь страстную и сильную оппозицію. Но прошло время тріумвирата, прошли первые годы послѣ смерти Антонія и стремленіе Августа соблюдать, насколько возможно, республиканскія традиціи стало выясняться все болѣе: оппозиція, не выходившая, разумѣется, за предѣлы благоразумнаго, сдѣлалась возможной и стала дѣйствительно проявляться.

Не смотря на то (и именно потому), что мы въ настоящее время уже привыкли къ мысли о необходимости и благодѣтельности замѣны анархическаго строя I вѣка до нашей эры имперіей, необходимо признать, что полное отсутствіе всякихъ оппозиціонныхъ движеній республиканскаго характера было бы крайне страннымъ явленіемъ и свидѣтельствовало бы о еще болѣе полномъ нравственномъ растлѣніи и умственномъ упадкѣ римскаго общества, чѣмъ это приходится наблюдать и безъ того. Необходимость, объяснить необыкновенно быстрый упадокъ республиканской идеи въ теченіе эпохи римскихъ революцій, невольно заставляетъ ученыхъ, описывать строй республики въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и мало останавливаться на тѣхъ момен-

тахъ, которые объясняютъ, почему еще писатели III и IV вѣка вздыхали о добромъ старомъ республиканскомъ времени. Если у болѣе позднихъ писателей идеализація далекаго прошлаго въ значительной мѣрѣ объясняется именно его отдаленностью, т.-е. ихъ незнакомствомъ съ его дѣйствительной цѣнностью, то ближайшіе современники монархическаго переворота Августа, вродѣ, напримѣръ, Азинія Полліона или Лабеона, конечно, прекрасно знали всѣ отрицательныя стороны республиканскаго режима, но, воспитавшись на вольностяхъ республики, на свободѣ слова, на политическомъ равенствѣ всѣхъ гражданъ, на уваженіи къ сенату, на враждѣ къ тираніи, не могли примириться съ мыслію, что всему этому пришелъ конецъ. Больше всего при новой организаціи государства потеряла, разумѣется, знать, и вполнѣ понятно поэтому, что наибольшее количество недовольныхъ мы должны предполагать среди нея.

Но все же гражданскія войны прошли не даромъ. Тацитъ, конечно, правъ, когда говоритъ, что въ многочисленныхъ битвахъ этого времени, какъ и въ проскрипціяхъ 43 г. погибли именно наиболѣе страстные, наиболѣе энергичные враги новаго порядка. Оставшіеся въ живыхъ принадлежали къ разочарованнымъ, къ уставшимъ—и если продолжали роптать, то не вели серьезной борьбы. Характернымъ признакомъ римской оппозиціи I вѣка имперіи является фрондерство, мелкое, подчасъ раздражающее критиканство безсильныхъ какъ по условіямъ времени, такъ и по собственной слабости, laudatores temporis acti, а не сознательная, цѣлесообразная и широкая оппозиція крупной политической партіи. Мы не видимъ ни прямыхъ нападеній на новые порядки и на ихъ представителей — правда, это было бы далеко не безопасно—ни тѣмъ болѣе, ясной программы: недовольство разражается въ безчисленныхъ скверныхъ сплетняхъ [1]), въ восхваленіи республи-

[1]) Онѣ собраны Тацитомъ и особенно Светоніемъ или ихъ источниками.

канскихъ дѣятелей, особенно, Катона младшаго [1]), въ мелкихъ и безполезныхъ уколахъ по поводу частныхъ случаевъ.

Оппозиціонная литература I вѣка имперіи намъ, къ сожалѣнію, почти неизвѣстна: наряду съ несочувствіемъ, а подчасъ и гоненіями, власти, ея явное противорѣчіе съ фактическимъ положеніемъ вещей, повидимому, рано привело къ ея гибели. Если мы желаемъ составить себѣ о ней представленіе, мы принуждены обращаться къ случайнымъ и отрывочнымъ сообщеніямъ болѣе позднихъ писателей и къ разсмотрѣнію самаго характера произведеній послѣднихъ, поскольку они занимались оппозиціей post factum. О направленіи вышедшихъ изъ этой среды историческихъ произведеній, мы на этомъ основаніи можемъ сдѣлать заключеніе, что для нихъ битва при Филиппахъ была моментомъ окончательнаго паденія римскаго народа, Брутъ и Кассій „послѣдними римлянами“ [2]), тогда какъ все послѣдующее время представлялось имъ преимущественно эпохой придворныхъ интригъ и грязныхъ похожденій Цезарей. О литературѣ памфлетовъ даютъ понятіе „апоѳеозъ Клавдія“ Сенеки и болѣе или менѣе остроумные стихи, приводимые главнымъ образомъ Светоніемъ. Ни одного дѣйствительно крупнаго произведенія, однако, до насъ не дошло даже отъ такихъ выдающихся дѣятелей, какъ Г. Азиній Полліонъ, какъ знаменитый юристъ Антистій Лабеонъ и выдающіеся ораторы Лабіенъ и Кассій Северъ, такъ что мы о двухъ первыхъ не можемъ даже судить, насколько серьезной была ихъ вражда къ новому строю. То обстоятельство, что Горацій счелъ возможнымъ открыто гордиться своей дружбой съ Полліономъ [3]), что Августъ, обошедши сначала Лабеона,

[1]) Мунацій Руфъ писалъ о Катонѣ: Val. Max. 4, 3, 2. Plut. Cato 37, Волумній и Бибулъ о Брутѣ. Plut. Brut. 13, 48, 51, Тиронъ о Цицеронѣ.

[2]) Такъ ихъ назвалъ современникъ Тиберія, Кремуцій Кордъ. Tac. Ann. 4, 34, но уже Азиній Полліонъ отзывался о нихъ съ величайшей похвалой.

[3]) См. напр. Hor. Carm. 2, 1.

когда онъ домогался претуры, впослѣдствіи самъ предложилъ ему консульство [1]), не свидѣтельствуетъ объ особенномъ расположеніи Августа къ нимъ. А что Августъ вовсе не былъ склоненъ допустить рѣзкія нападенія на новое положеніе вещей, доказываетъ его поведеніе по отношенію къ Лабіену и Северу. Сочиненія ихъ были сожжены, Северъ сосланъ [2]). Что̀ именно вызвало такую суровую кару, мы не знаемъ, но судя по отзыву Тацита объ осужденіи сочиненій Кремуція Корда, какъ о неслыханномъ дѣлѣ, можно думать, что Лабіенъ и особенно Северъ не щадили не только монархіи, но и сената, который, повидимому, былъ даже радъ отъ нихъ избавиться.

Какъ бы то ни было и хотя оппозиціонная литература по всѣмъ признакамъ не отличалась ни особеннымъ вліяніемъ, ни особенной глубиной, судьба Лабіена и Севера доказываетъ, что съ установленіемъ принципата условія литературнаго и умственнаго развитія измѣнились къ худшему. Писатель былъ принужденъ считаться съ существующимъ строемъ и не имѣлъ прежней свободы: какъ всегда въ такихъ случаяхъ, умѣніе читать между строками, по крайней мѣрѣ отчасти, искупало недостатокъ свободы, и всякаго рода намеки ловились на лету [3]).

Особенно опасными сдѣлались занятія исторіей, особенно исторіей послѣдняго времени [4]), и ораторскимъ искусствомъ [5]). Заниматься современной исторіей при жизни даннаго принцепса, по словамъ Тацита, могъ только льстецъ; зато послѣ смерти властителя наставало время для осужденія тѣмъ болѣе безпощаднаго, чѣмъ неограниченнѣе были похвалы, расточавшіяся ему при жизни [6]). Ясно, до какой степени такое по-

---

[1]) Tac. Ann. 3, 75. Dig. 1, 2, 2, 47.

[2]) См. выше стр. 227—228.

[3]) См. объ этомъ какъ и вообще о римской оппозиціи перваго вѣка Boissier, L'opposition sous les Césars.

[4]) Hor. C. 2, 1, 6: periculosae plenum opus aleae.

[5]) Tac. dial. 38.

[6]) Tac. Ann. 1, 1.

ложеніе должно было извратить характеръ историческихъ произведеній.

Не менѣе гибельно отозвалось паденіе республики и на краснорѣчіи.

Мѣсто политическихъ рѣчей предъ народнымъ собраніемъ заняли декламаціи на невѣроятно искусственныя, фантастическія и безжизненныя темы, о несуразности которыхъ мы можемъ судить по тѣмъ образцамъ, которые сохранились въ суасоріяхъ и контроверсіяхъ Сенеки отца [1]): то ораторъ старается убѣдить Александра Великаго прекратить безконечные походы и вернуться въ Персію [2]), то Лакедемоняне обсуждаютъ вопросъ, бѣжать ли и имъ предъ Персами [3]); Агамемнонъ сомнѣвается, принести ли ему Ифигенію въ жертву [4]), Цицеронъ, — попросить ли ему прощенія у Антонія [5]) или согласиться ли на сожженіе своихъ произведеній, взамѣнъ чего Антоній обѣщаетъ его пощадить [6]); произносятся обвинительныя и защитительныя рѣчи по дѣлу вымышленнаго лица, совершившаго какой-нибудь рѣдкостный проступокъ [7]), или волею судебъ попавшаго въ какое-нибудь болѣе или менѣе странное положеніе [8]). Цѣль оратора, разбирающаго подобные вопросы, очевидно, только и можетъ заключаться въ томъ, чтобы блеснуть формою рѣчи и ловкостью аргументаціи: предметъ обсужденія не имѣетъ для него никакого значенія. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ настоящее ораторское искусство быстро и неудержимо падаетъ. Самъ Сенека неоднократно отмѣчаетъ этотъ печальный результатъ: „все то, что̀ римское

[1]) Annaei Senecae oratorum et rhetorum sententiae divisiones colores. Ed. C. Bursian. Lipsiae, 1857.

[2]) Suas. 1.

[3]) Suas. 2.

[4]) Suas. 3.

[5]) Suas. 6.

[6]) Suas. 7.

[7]) Contr. 1. 6 и т. д.

[8]) Contr. 2, 3, 4 и т. д.

краснорѣчіе можетъ выставить противъ надменной Греціи или предпочесть ей", замѣчаетъ онъ уже въ предисловіи къ первой книгѣ своихъ контроверсій, „расцвѣло вокругъ Цицерона; всѣ таланты, внесшіе свѣтъ въ наши занятія, родились тогда. Съ тѣхъ поръ дѣло съ каждымъ днемъ становится хуже, вслѣдствіе ли распущенности нашего времени — ибо нѣтъ ничего болѣе смертоноснаго для таланта, чѣмъ распущенность — или потому, что исчезла награда за великолѣпнѣйшую вещь и всѣ усилія обращены на позорныя, но дающія много почестей и матеріальныхъ благъ, дѣянія, или, наконецъ, по волѣ судьбы, по вѣчному и недоброму закону которой то, что достигло высшаго развитія, обращается снова въ ничтожество, скорѣе даже, чѣмъ оно нѣкогда возвышалось" [1]). Намекнувъ на политическія условія, вызвавшія упадокъ краснорѣчія, онъ чаще останавливается на другой причинѣ, на самомъ характерѣ ораторскаго дѣла. Въ его время ораторы становятся неспособны вести дѣйствительныя, серьезныя дѣла на форумѣ. „Кто готовитъ декламацію, пишетъ не съ тѣмъ чтобы убѣдить, а съ тѣмъ, чтобы понравиться"... Онъ не заботится объ аргументаціи, а объ общихъ мѣстахъ (sententiae). „Ибо онъ хочетъ, чтобы одобрили его, а не его дѣло. Даже на форумѣ преслѣдуетъ декламаторовъ этотъ порокъ, оставлять безъ вниманія нужное, тогда какъ они стремятся къ красивому". Къ этому присоединяется еще и то, что они „изображаютъ своихъ противниковъ какъ дурачковъ: они отвѣчаютъ имъ, что хотятъ и когда хотятъ"... На форумѣ ихъ пугаетъ даже чуждая обстановка [2]). Нѣтъ ничего болѣе неприличнаго, чѣмъ когда школьный риторъ (scholasticus) подражаетъ порядкамъ форума, котораго онъ не знаетъ [3]). Съ другой стороны, быть дѣйстви-

[1]) Sen. Contr. l. 1. praef. 6—7.

[2]) Contr. l. 9. praef. 2. Все предисловіе, въ которомъ Сенека приводитъ взглядъ Монтана Воціена на указанный вопросъ, очень характерно и любопытно.

[3]) Contr. l. 10, praef. 12.

тельно выдающимся ораторомъ, еще далеко не значитъ, быть хорошимъ декламаторомъ [1]): примѣромъ этого служилъ Кассій Северъ, который не затруднился объяснить Сенекѣ причину. „Я, говорилъ онъ, привыкъ видѣть предъ собой не слушателя, а судью; привыкъ отвѣчать не самому себѣ, а противнику; я не менѣе избѣгаю говорить лишнее, чѣмъ противоположное моимъ интересамъ. Но что въ схоластикѣ не лишнее, разъ она сама лишняя? Я тебѣ объясню мое чувство: когда я говорю на форумѣ, я занимаюсь дѣломъ; когда я декламирую... мнѣ кажется, что я во снѣ работаю. Наконецъ, суть дѣла иная: совсѣмъ другое дѣло, дѣйствительно ли сражаться, или мѣсить воздухъ“ [2]). Въ результатѣ самъ Сенека, написавшій цѣлый рядъ книгъ, наполненныхъ риторическими хитросплетеніями, и, очевидно, не являвшійся слишкомъ строгимъ судьей декламаторовъ, утомился: „Признаюсь вамъ“, пишетъ онъ своимъ сыновьямъ, для которыхъ онъ и составилъ свой сборникъ, „мнѣ это занятіе ужъ надоѣло. Сначала я охотно набросился на него, какъ бы для того, чтобы напомнить себѣ о лучшей части моей жизни: но теперь мнѣ стыдно, точно я долгое время занимался пустяками. Таково свойство схоластическихъ занятій: если легко къ нимъ прикоснуться, они наслаждаютъ, но если приняться за нихъ серьезно и ближе разсмотрѣть ихъ, они вызываютъ отвращеніе“ [3]).

---

[1]) Exc. Contr. l. 3. pr. 1: Quosdam disertissimos agnovi viros non respondentes famae suae cum declamarent, in foro maxima omnium admiratione dicentes, simul ad has domesticas exercitationes secesserant desertos ab ingenio suo. cf. 7. о Северѣ: tamen non tantum infra se cum declamaret, sed infra multos erat. Itaque raro declamabat et non nisi ab amicis coactus.

[2]) Exc. Contr. l. 3. pr. 12—13. См. дальше, 15—17, забавный анекдотъ о риторѣ Цестіи: memini me (Cassium Severum) intrare scolam eius cum recitaturus esset in Milonem Cestius; ex consuetudine sua miratus dicebat: si Threx essem, Fusius essem: si pantomimus essem, Bathyllus essem, si equus Melissio. Non continui bilem et exclamavi: si cloaca esses, maxima esses. Risus omnium ingens и т. д.

[3]) Sen. Contr. l. 10, praef. 1.

При такомъ характерѣ ораторскаго искусства едвали приходится сожалѣть о томъ, что до насъ не дошла ни одна изъ рѣчей этого времени и что только у Сенеки сохранились скудные обрывки нѣкоторыхъ декламацій, касавшихся послѣднихъ событій. Вѣдь и знаменитые своей судьбой Т. Лабіенъ и Кассій Северъ, повидимому, сдѣлались предметомъ преслѣдованій не за рѣчи, а за произведенія иного характера: Т. Лабіенъ за исполненную рѣзкостей исторію его времени, Кассій Северъ за памфлеты, касавшіеся не только правительства, но и сената [1]).

Изъ всѣхъ отрывковъ, собранныхъ у Сенеки, наибольшій интересъ представляютъ рѣчи, касающіяся послѣднихъ дней жизни Цицерона. Восхваленіе знаменитаго оратора, вообще говоря, не считалось признакомъ оппозиціоннаго образа мыслей: его заслуги были слишкомъ велики, его память слишкомъ дорога римской интеллигенціи, чтобы Августъ рѣшился съ нею бороться. Приводить въ виду этого всѣ тѣ мѣста, гдѣ ораторы относятся къ Цицерону съ восторженнымъ почтеніемъ, мы не будемъ, и остановимся лишь на томъ, что̀ можетъ быть сочтено за неодобреніе существующаго строя, за болѣе или менѣе рѣзкое выраженіе оппозиціонныхъ чувствъ, если не стремленій.

При такой постановкѣ вопроса, прежде всего любопытно, что изъ всѣхъ ораторовъ временъ Августа и Тиберія, только Альбуцій посмѣлъ заявить, что не одинъ Антоній былъ врагомъ Цицерона и, что „если даже онъ не ненавистенъ кому-нибудь изъ трибуновъ, онъ каждому изъ нихъ неудобенъ“... „Проси же, Цицеронъ, умоляй одного, чтобы служить тремъ“ [2]).

---

[1]) О томъ и другомъ см. выше стр. 227—228.

[2]) Suas. 6, 9: solus e declamatoribus temptavit dicere non unum illi esse Antonium infestum... Si cui ex triumviris non es invisus, gravis es... roga Cicero, exora unum, ut tribus servias. Объ Альбуціи см. Teuffel, 1, 640. Cucheval, Histoire de l'éloquence romaine, 1, 284—7.

Въ общемъ же личность Августа, повидимому, тщательно выдѣлялась изъ числа остальныхъ тріумвировъ. „Живи“, иронически обращается Аргентарій къ Цицерону, „чтобы Цицеронъ слушался Лепида, чтобы Цицеронъ слушался Антонія, чтобы никто не слушалъ Цицерона“ [1]): объ Августѣ не упоминается. По всему вѣроятію онъ по молчаливому согласію исключался и тогда, когда упоминалось о „царствѣ тріумвировъ“ [2]). Гатерій и съ нимъ большинство другихъ ораторовъ нападаютъ въ частности на Антонія, а если Гатерій говоритъ: „пусть потомство узнаетъ, что Антонію могло повиноваться государство, но не Цицеронъ“ [3]), то въ другомъ мѣстѣ сохранился коррективъ къ этимъ словамъ: „Я бы приглашалъ тебя, о Цицеронъ“, говоритъ Гатерій здѣсь, „высоко цѣнить твою жизнь, еслибы свобода имѣла принадлежащее ей мѣсто въ государствѣ... Но вотъ виситъ списокъ проскрибированныхъ: погибло столько бывшихъ преторовъ, столько бывшихъ консуловъ, столько лицъ изъ сословія всадниковъ; никто не остается въ живыхъ, кромѣ тѣхъ, что способны повиноваться... Съ полнымъ правомъ ты остался жить въ то время, когда Цезарь самъ тебя объ этомъ просилъ, не предъявляя никакихъ условій, въ то время, когда республика, правда, не существовала больше, но, по крайней мѣрѣ, пала въ руки добраго принцепса“ [4]). Теперь не то: нельзя сравнивать Антонія съ Цезаремъ—и съ другимъ „добрымъ принцепсомъ“, съ Августомъ.

Мы не будемъ останавливаться на остальныхъ декламаторахъ. И безъ того очевидно, что, насколько можно судить по Сенекѣ, ораторы временъ Августа (и Тиберія) отличались такой осторожностью и благонамѣренностью, что бо́льшаго

---

[1]) Suas. 7, 8. О немъ Teuffel, 1, 642.

[2]) Argentarius въ Suas. 6, 7.

[3]) Suas. 6, 1: Онъ же прославляетъ Катона за самоубійство, ib. 6, 2. О немъ Teuffel, 1, 635.

[4]) Suas. 7, 1: quo tempore non quidem stabat respublica, sed in boni principis sinu ceciderat.

нельзя было и желать [1]). Если слова Альбуція заслуживали быть отмѣченными, то рѣчи остальныхъ, очевидно, ужъ не могли возбудить никакого неудовольствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, могли бы дать лишь чрезвычайно мало матеріала для оцѣнки общественнаго настроенія этого времени. Если изъ нихъ и можно сдѣлать заключеніе, такъ только то, что частыя въ школахъ декламаціи о тираннахъ, о тиранноубійствѣ и т. д., такъ же точно служили только матеріаломъ для пустыхъ словоизверженій, какъ и болѣе близкія событія временъ гражданскихъ войнъ: еслибы Августъ или Тиберій усмотрѣли въ нихъ какую-либо опасность, они, разумѣется, также мало остановились бы предъ ихъ преслѣдованіемъ, какъ предъ преслѣдованіемъ Лабіена и Севера.

Не оставалось новое положеніе безъ вліянія и на философію: особенно со временъ Тиберія стоическая философія была заподозрѣна въ неблагонадежности, и не даромъ Сенека-сынъ считалъ нужнымъ оправдывать стоиковъ отъ возводимаго на нихъ обвиненія [2]).

Наиболѣе безопаснымъ занятіемъ въ виду этого, кромѣ спеціальныхъ наукъ, являлась поэзія [3]). И въ самомъ дѣлѣ, едва ли существовало когда-либо другое общество, въ которомъ страсть къ риѳмоплетству играла такую роль, какъ въ римскомъ обществѣ первыхъ временъ имперіи: scribimus in-

[1]) Въ этомъ смыслѣ особенно любопытны разсужденія Варія Гемина (Suas. 6, 12: quod ad servitutem pertinet, non recusabit (Cicero); iam collum tritum habet; et Pompeius illum et Caesar subiecerunt: veteranum mancipium videtis... (6, 14):, quocunque pervenisset serviendum illi esse: ferendam esse aut Cassii violentiam, aut Bruti superbiam, aut Pompei stultitiam) и Романа Гиспона C. 17, 13: (pro Antonio dicturum): occidi Ciceronem oportuit. et dixit locum, aliter non potuisse pacari rem publicam, quam si ille turbator oti e republica sublatus esset. Solus ex declamatoribus in Ciceronem invectus est. Гиспонъ болѣе извѣстенъ въ качествѣ дѣлятора: на эту его роль намекаетъ и Сенека. Contr. 2, 16: accusatoria usus pugnacitate и C. 13, 20: maligne et accusatorie.

[2]) См. ниже гл. V.

[3]) Tac. Dial. 10. Suet. Aug. 89: ingenia saeculi sui omnibus modis fovit.

docti doctique poemata passim, иронически замѣчаетъ по этому поводу Горацій. Этой страсти въ одинаковой мѣрѣ подчинялись и частныя лица и крупнѣйшіе сановники, и вольноотпущенники и императоры. Наряду съ комической стороной, поголовное увлеченіе поэзіей имѣетъ и болѣе серьезную: этимъ объясняется сравнительно высокое общественное положеніе и огромное вліяніе истинныхъ поэтовъ этого времени. Произведенія Виргилія чуть-ли не сразу сдѣлались школьной книгой, сочиненіями Овидія, Проперція, Тибулла, Горація зачитывались. Къ нимъ обращался глава государства за поддержкой своихъ реформъ, отъ нихъ ожидалъ распространеніе своей популярности, съ нихъ наконецъ взыскивалъ за вредное по его мнѣнію вліяніе на общество, ихъ взглядъ на современное положеніе Рима и роль Августа въ виду этого для насъ особенно важенъ, тѣмъ болѣе, что почти только ихъ произведенія и сохранились въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ [1]).

Единственнымъ изъ нихъ, нѣкогда выступавшимъ на политическомъ поприщѣ, притомъ въ качествѣ республиканца, былъ Горацій, представляющій въ виду этого для насъ особенный интересъ [2]).

Несмотря на свое происхожденіе отъ вольноотпущенника, закрывавшее ему доступъ къ болѣе значительной карьерѣ, Горацій получилъ чрезвычайно тщательное воспитаніе и во время второй гражданской войны находился въ Аѳинахъ для завершенія своего образованія. Когда Брутъ и Кассій стали

---

[1]) Впрочемъ, и тутъ мы ничего кромѣ отрывочныхъ отзывовъ не знаемъ о сочиненіяхъ Л. Варія Руфа, воспѣвшаго дѣянія Августа, Рабирія (см. Velleius 2, 36, 3), написавшаго поэму на тему изъ исторіи гражданскихъ войнъ (Sen. benef. 6, 3, 1), Секстилія Эны, Альбинована Педона и др. См. Ribbek, Gesch. d. röm. Dichtung, т. II, стр. 105 сл., 341—370.

[2]) Само собою разумѣется, что мы въ виду нашей спеціальной цѣли считаемъ излишнимъ, останавливаться на чисто литературныхъ и спеціально біографическихъ вопросахъ.

стягивать свои войска на Балканскомъ полуостровѣ, молодой 23 лѣтній Горацій въ числѣ другихъ молодыхъ Римлянъ поспѣшилъ вступить въ ряды защитниковъ республики и въ званіи tribunus militum безъ особенной славы для себя участвовалъ въ битвѣ при Филиппахъ. За крушеніемъ политическихъ идеаловъ вскорѣ послѣдовала гибель его состоянія: его родной городъ, Венузія, гдѣ отецъ ему оставилъ помѣстье, въ числѣ другихъ 18 италійскихъ городовъ, былъ отданъ ветеранамъ побѣдителей. Необходимость добывать себѣ средства пропитанія заставила его, уже получившаго прощеніе отъ Цезаря, вступить въ корпорацію квесторскихъ писцовъ, а знакомство съ Виргиліемъ скоро доставило ему знакомство Мецената, быстро превратившееся въ дружбу и приблизившее его къ самому Августу [1]). Вещественнымъ доказательствомъ дружественно-покровительственнаго отношенія Мецената къ нему, какъ извѣстно, послужилъ подарокъ въ видѣ помѣстья въ сабинскихъ горахъ, которое Горацій воспѣваетъ въ многочисленныхъ пѣсняхъ.

Въ республикѣ Горацій, повидимому, уже успѣлъ разочароваться до знакомства съ Меценатомъ (38/7), а гражданскія войны внушаютъ ему ужасъ и отвращеніе. „Второе ужъ поколѣніе“, жалуется онъ еще въ 41 г. „занято гражданскими войнами, и Римъ гибнетъ отъ своихъ собственныхъ силъ“. „Ни сосѣди Марсы, ни грозный Порсена, ни Капуя, ни Спартакъ, ни вѣроломные Аллоброги (=Галлы), ни Германцы, ни, наконецъ, Ганнибалъ не могли погубить Рима; теперь Римляне сами добиваются этого, и земля снова будетъ занята дикими звѣрями. Варваръ разбросаетъ кости Квирина“. Отъ удручающей картины настоящаго поэтъ спасается фантазіей, какъ бы по примѣру Фокейцевъ, покинуть родную страну и обратиться къ болѣе счастливымъ берегамъ [2]).

[1]) См. Suet. vita Horatii объ отношеніи Мецената и Августа къ нему.
[2]) Hor. Ep. 16.

„Куда, куда, преступные, стремитесь?“ обращается онъ къ Римлянамъ, когда послѣ Мизенскаго договора 39 г. снова разгорѣлась война между Цезаремъ и С. Помпеемъ. Развѣ мало пролито латинской крови на поляхъ и на морѣ, не съ тѣмъ, чтобы сжечь ненавистный Карѳагенъ или побѣдить Британновъ, а на желанную Парѳянамъ погибель самого Рима? Даже волки и львы не враждуютъ такъ между собой. То печальный результатъ братоубійства, сопровождавшаго уже самое основаніе Рима [1]).

„Какое поле не стало тучнѣе отъ латинской крови“, спрашивалъ онъ позже въ посланіи къ Азинію Полліону, „и не свидѣтельствуетъ о нечестивыхъ сраженіяхъ? Какія пучины или рѣки не знаютъ о печальной войнѣ? Какое море не окрашено италійской кровью? Какой берегъ не обрызганъ ею?“ [2]).

Но осуждать гражданскія войны значитъ осуждать и войну за возстановленіе республики. Горацій не остановился предъ этимъ выводомъ. Когда Меценатъ отправляется съ Цезаремъ въ походъ противъ Антонія, поэтъ жалѣетъ, что не можетъ его сопровождать [3]). Недостойное поведеніе Антонія, его связь съ Клеопатрой и боязнь, что, въ случаѣ его побѣды, Римъ долженъ подпасть деспотическому режиму востока—мы ее встрѣтимъ и у другихъ писателей этого времени—облегчаетъ ему послѣдній шагъ. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ 31 г., онъ заранѣе вкушаетъ всѣ восторги предстоящаго тріумфа. Вѣдь это тріумфъ надъ Египтомъ и тѣми изъ римлянъ, которые сами себя опозорили, повинуясь женщинѣ и ея евнухамъ [4]). Но еще полнѣе и искреннѣе его восторгъ при извѣстіи о смерти Клеопатры: вотъ когда слѣдуетъ пить; до сихъ поръ было бы нечестиво приняться за вино, пока царица готовилась обратить Капитолій въ развалины. Но

[1]) Hor. Ep. 7.
[2]) Hor. Carm. 2, 1, 29—36.
[3]) Hor. Ep. 1.
[4]) Ep. 9.

Цезарь побѣдилъ ея безуміе, бросившись за ней, какъ ястребъ, за слабыми голубями, чтобы заковать въ цѣпи роковое чудище [1]).

Миръ заключенъ: бывшій республиканецъ и приверженецъ цезареибійцы Брута превратился въ пѣвца Цезаря-сына [2]). Но это не значитъ, чтобы онъ обязался или счелъ нужнымъ нападать теперь на то, за что прежде сражался. Правда, убійство Цезаря теперь для него „преступленіе“ [3]), но „благородная смерть“ Катона попрежнему вызываетъ въ немъ поклоненіе: все въ мірѣ было покорено, „кромѣ суровой души Катона“ [4]). О Брутѣ и Кассіи онъ нигдѣ не упоминаетъ: большей уступки онъ, очевидно, не могъ сдѣлать ихъ побѣдителю [5]).

Зато личность самого Августа, если вѣрить его словамъ, представляется ему въ нечеловѣческомъ блескѣ. Это не заурядный гражданинъ республики, это божество, спустившееся на землю для спасенія Рима, съ тѣмъ, чтобы со временемъ снова вернуться въ небеса [6]).

Современному читателю, разумѣется, трудно повѣрить искренности насмѣшливаго эпикурейца [7]), когда онъ торже-

[1]) Carm. 1, 37.

[2]) Ribbeck, l. c. 137 нѣсколько преувеличенно называетъ Горація: Sänger der Monarchie.

[3]) Къ убійству Цезаря очевидно относятся стихи Carm. 1, 2, 29: cui dabit partes scelus expiandi—Juppiter? См. ниже 44 объ Августѣ: Caesaris ultor.

[4]) Carm. 1, 12, 35—6: Catonis nobile letum.
Carm. 2, 1, 23—24: Et cuncta terrarum subacta
Praeter atrocem animum Catonis.

[5]) Единственное мѣсто, гдѣ поэтъ отзывается о Брутѣ съ легкой ироніей, это Satir. l. 1, 7, 33—34.
... per magnos, Brute, deos te
Oro, *qui reges consueris tollere*, cur и т. д.

[6]) Hor. Carm. 1, 2, 45: serus in caelum redeas.
Carm. 3, 3, 9—12. Carm. 3, 5, 2: praesens divus.
Carm. 4, 2, 37—38: Quo nihil maius meliusve terris
Fata donavere bonique divi—Nec dabunt...

[7]) Sat. 1, 5, 100 sequ.: Credat Judaeus Apella,
Non ego: namque deos didici securum agere aevum,

ственно воспѣваетъ божественное происхожденіе и могущество Августа [1]), когда онъ обращается съ мольбой къ богамъ, чтобы они съ самимъ Юпитеромъ во главѣ заботились о жизни „великаго Цезаря [2]), или разсказываетъ ему самому, „потомку добрыхъ божествъ", „лучшему защитнику племени Ромула", что народъ молится ему какъ богу [3]). Тѣмъ не менѣе едвали возможно объяснить всѣ эти высокопарныя фразы одной только лестью и грубымъ заискиваніемъ. Біографы Горація, даже наоборотъ, сообщаютъ, что онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и избѣгалъ сближенія съ Августомъ, къ которому послѣдній самъ стремился: его поведеніе по отношенію къ Меценату вполнѣ подтверждаетъ эти сообщенія. Когда притязанія покровителя на благодарность становятся невыносимы, Горацій въ чрезвычайно интересномъ посланіи къ патрону открыто заявляетъ, что скорѣе готовъ отказаться даже отъ подареннаго ему сабинскаго помѣстья, чѣмъ лишиться своей свободы [4]).

Nec, siquid miri faciat natura, deos id
Tristes ex alto caeli demittere tecto.

Sat. 1, 8, 1—4: Olim truncus eram ficulnus, inutile lignum,:
Cum faber, incertus scamnum faceretne Priapum,
Maluit esse deum. Deus inde ego, furum aviumque
Maxima formido и т. д.

[1]) См. выше, стр. 336, прим. 6 и Carm. 4, 5, 1: divis orte bonis... C. 4, 15, 31—32: almae—progeniem Veneris canemus. Carm. Saec. 50: Clarus Anchisae Venerisque sanguis.

[2]) Carm. 1, 12, 49—53: Gentis humanae pater atque custos,
Orte Saturno, tibi cura magni
Caesaris fatis data: tu secundo
Caesare regnes.

Carm. 1, 35, 29.

[3]) Carm. 4, 5, 32: Te mensis adhibet deum;
Te multa prece, te prosequitur mero
Defuso pateris, et Laribus tuum
Miscet numen...

[4]) Epist. 1, 7, cf. 37—39: Saepe verecundum laudasti, rexque paterque
Audisti coram, nec verbo parcius absens:
Inspice, si possum donata reponere laetus...

Ib. 95.,. vitae me redde priori!

Однимъ желаніемъ выслужиться, такимъ образомъ, очевидно, нельзя объяснить характеръ отзывовъ Горація о новомъ властителѣ; чтобы понять ихъ, необходимо принять въ расчетъ какъ его политическое міросозерцаніе, такъ и его взглядъ на заслуги Августа.

Участіе Горація въ битвѣ при Филиппахъ едвали было результатомъ сознательныхъ и глубокихъ республиканскихъ убѣжденій: это скорѣе результатъ временного юношескаго увлеченія, и самъ Горацій позднѣе относился къ своимъ подвигамъ только иронически. Остроумный bonvivant по природнымъ наклонностямъ, онъ не отличался сильными политическими инстинктами: шумная жизнь форума привлекаетъ его такъ же мало, какъ война или какъ море; счастливъ, по его мнѣнію, тотъ, кто, по обычаю предковъ, далеко отъ всякихъ дѣлъ обрабатываетъ отцовскія поля своими волами, кто не вызывается на битву ужаснымъ звукомъ трубъ, не принужденъ трепетать предъ гнѣвнымъ моремъ, кто избѣгаетъ форумъ и надменные дома слишкомъ знатныхъ гражданъ [1]). Къ народу онъ всегда относится свысока: это для него „толпа легкомысленныхъ квиритовъ“ [2]), „вѣроломная“ [3]), „недоброжелательная“ [4]), „непросвѣщенная“ чернь, которую онъ ненавидитъ и отстраняетъ отъ себя [5]). Доблесть не зависитъ отъ ея суда [6]).

Разумный человѣкъ не долженъ гнаться безъ конца за

[1]) Начало знаменитой второй эподы. Cf. Sat. 2, 6.

[2]) Carm. 1, 1, 7: mobilium turba Quiritium; cf. Carm. 3, 3, 2: civium ardor prava iubentium...

[3]) Carm. 1, 35, 25: volgus infidum.

[4]) Carm. 2, 16, 39: malignum volgus.

[5]) Carm. 3, 1, 1: Odi profanum volgus et arceo...

[6]) Carm. 3, 2, 17—20: Virtus, repulsae nescia sordidae
Intaminatis fulget honoribus,
Nec sumit aut ponit secures
Arbitrio popularis aurae.

Это не мѣшаетъ ему отмѣтить, какъ „народъ“—populus—привѣтствовалъ его патрона въ театрѣ. Carm. 2, 17, 25—26.

почестями или богатствомъ: всѣхъ одинаково ожидаетъ смерть [1]), а потому пользуйся днемъ, довѣряя какъ можно меньше будущему [2]). Безконечное стремленіе впередъ кажется ему чѣмъ-то роковымъ, достойнымъ кары боговъ [3]). Самъ онъ прекрасно знаетъ себѣ мѣсто и гордится этимъ: сынъ вольноотпущенника, онъ и не думаетъ добиваться власти; необходимо другое происхожденіе, чтобы повелѣвать римскимъ гражданамъ. Гдѣ ему тягаться съ Павлами и Мессалами? [4]) Выше всего онъ цѣнитъ миръ, спокойную жизнь въ своемъ кружкѣ или въ деревнѣ среди сабинскихъ горъ. Вотъ первая причина его преклоненія предъ Августомъ: „я не буду бояться ни мятежа, ни насильственной смерти, пока Цезарь держитъ въ своихъ рукахъ землю“, восклицаетъ онъ получивъ извѣстіе, что Августъ благополучно возвращается изъ испанскаго похода (въ 24 г.) [5]). „Твое время, о Цезарь“, говоритъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ, „вернуло полямъ богатые плоды и Юпитеру знамена, сорванныя съ дверей надменныхъ парѳянъ, закрыло свободныя отъ войны врата Квирина и обуздало мятежный духъ, нарушавшій должный порядокъ, устранило вину (римскаго народа, заключавшуюся въ убійствѣ Цезаря) и призвало обратно старыя искусства, въ силу чего выросла звучность латинскаго имени и силы и слава Италіи, и было распространено величіе государства отъ заката до востока. Подъ сѣнію Цезаря ни гражданское бѣ-

[1]) Carm. 1, 1. 3, 1.

[2]) Carm. 1, 11, 8: carpe diem, quam minimum credula postero. Carm. 1, 9, 13—15: Quid sit futurum cras, fuge quaerere et
Quem fors dierum cumque dabit, lucro
Adpone и т. д.

[3]) Carm. 1, 3, 25—26: Audax omnia perpeti
Gens humana ruit per vetitum nefas и т. д.

[4]) Sat. 1, 6, 34—44.

[5]) Carm. 3, 14, 14—16: ego nec tumultum
Nec mori per vim metuam tenente
Caesare terras.
Недаромъ дальше упоминается о Спартакѣ, ib. 19.

шенство, ни насиліе, ни ненависть, точащая мечи и враждующая съ несчастными городами, не лишатъ насъ отдыха. Не нарушатъ Юльскихъ приказовъ ни тѣ, что пьютъ воды глубокаго Дуная, ни Геты, ни Китайцы, ни вѣроломные Персы, ни тѣ, что родились около береговъ Танаиса. Мы же... будемъ воспѣвать.., доблестныхъ по примѣру предковъ, вождей,... Трою и Анхиза и потомка благой Венеры“ [1]). Вотъ и другая причина восхваленія Августа: онъ не только окончилъ гражданскія войны и возстановилъ нарушенный порядокъ, но отразилъ также враговъ и подчинилъ ихъ Риму [2]), онъ послѣ многихъ столѣтій впервые закрылъ врата Януса и далъ, такимъ образомъ, просторъ мирнымъ занятіямъ.

Все это результатъ дѣятельности самого Августа „лучшаго защитника народа Ромула“ [3]), „величайшаго принцепса“ [4]), „олицетворенной охраны Италіи и властителя—Рима“. Какъ Юпитеръ побѣдилъ грубую, лишенную разума, силу гигантовъ, такъ и Августъ [5]); только онъ одинъ въ состояніи совладать съ такимъ количествомъ сложныхъ дѣлъ, защищать Италію оружіемъ, украшать ее добрыми нравами, исправлять законами [6]) — и въ виду этого вполнѣ понятно, что еще при жизни народъ ему расточаетъ заслуженныя почести и

[1]) Carm. 4, 15. Написано въ 13 г. при возвращеніи Августа изъ Галліи и Испаніи.

[2]) Къ войнѣ съ Парѳянами Горацій призываетъ Августа уже Carm. 1, 2, 51—52: neu sinas Medos equitare inultos—te duce, Caesar. См. Carm. 1, 35, 29—40. Carm. 2, 9, 19—24; 2, 12, 9—13. 4, 5. Carm. saec. 49—55. Ep. 1, 12, 25 sequ. и epist. 2, 1, 253—257.

[3]) Carm. 4, 5: optime Romulae-custos gentis.

[4]) Carm. 4, 14, 6: maxime principum.
Ib. 43—44: ...o tutela praesens
Italiae dominaeque Romae.

[5]) Carm. 3, 4, 36, сл. особ. 65: Vis consili expers mole ruit sua:
Vim temperatam di quoque provehunt
In maius.

[6]) Epist. 2, 1, 1—3: Cum tot sustineas et tanta negotia solus.
Res Italas armis tueris, moribus ornes,
Legibus emendes...

воздвигаетъ алтари, надъ которыми призывается его божество: онъ этимъ лишь признаетъ, что ни въ будущемъ, ни въ прошломъ никто не сравняется съ Августомъ [1]).

Таковы въ высшей степени характерные взгляды Горація на Августа. Своимъ положеніемъ въ государствѣ Августъ обязанъ только себѣ, своимъ личнымъ качествамъ и заслугамъ: только въ одномъ „его народъ“ мудръ и справедливъ, а именно въ томъ, что ставитъ его выше и собственныхъ и греческихъ знаменитостей [2]). Власть [3]) и положеніе Августа всецѣло заслужены имъ, но дарованы ему народомъ. Это не царь, ужасный для своего собственнаго народа [4]), не тиранъ [5]), это отецъ и принцепсъ [6]). Но признавъ заслуги Августа, народъ только исполнилъ свой долгъ; этимъ не ограничиваются его обязанности по отношенію къ Августу: онъ долженъ подражать ему и исправлять свои распущенные нравы [7]) по его указанію, однимъ словомъ, радуясь счастью имѣть такого принцепса, долженъ ему повиноваться: умъ обыкновеннаго гражданина не можетъ обнять всѣ интересы отечества [8]). Къ счастію Рима Августъ уже заботится обезпечить его судьбы и послѣ своей смерти: сначала Марцеллъ, потомъ Друзъ и Тиберій готовятся стать достойными преемниками Цезаря [9]).

---

[1]) Ib. 15—17: Praesenti tibi maturos largimur honores,
Iurandasque tuum per numen ponimus aras
Nil oriturum alias, nil ortum tale fatentes.

[2]) Ib. 18—19: Sed tuus hic populus, sapiens et iustus in uno,
Te nostris ducibus, te Grais anteferendo...

[3]) Sat. 1, 3, 4: Caesar, qui cogere posset...

[4]) Carm. 3, 1, 5: regum timendorum in proprios greges.

[5]) Carm. 3, 3, 3: voltus instantis tyranni...

[6]) Carm. 1, 2, 50: hic ames dici pater atque princeps... Princeps, также 1, 21, 14. 4, 14, 6. Epist. 2, 1, 256.

[7]) Carm. 3, 6, 17—32 и passim. Carm. Saec. 17—20.

[8]) Carm. 2, 11 ad Hirpinum Quintium 11—12:
Quid aeternis minorem
Consiliis animum fatigas?

[9]) Марцеллъ. Carm. 1, 12. Друзъ и Тиберій, Carm. 4, 4, 16—40, 73—76; Carm. 4, 14, см. Epist. 1, 9.

Современники вполнѣ присоединяются къ мнѣнію Горація — насколько искренно, это трудно рѣшить. Основные мотивы его политическихъ взглядовъ — ужасъ междоусобныхъ войнъ, божественное величіе Августа, прекратившаго эти войны и окружившаго римское оружіе новой славой и давшаго отдыхъ утомленному человѣчеству, заслуженность его исключительнаго положенія, нравственная обязанность преклоненія предъ нимъ, надежда на его преемниковъ—все это встрѣчается въ разныхъ варіаціяхъ и у Виргилія, и у Проперція, и у Овидія: объ узурпаціи власти, о паденіи республики не можетъ быть и рѣчи,—народъ добровольно подноситъ своему спасителю самыя разнообразныя почести.

Подобно Горацію, и Виргилій испыталъ на себѣ всю тяжесть гражданскихъ войнъ. Лишенный своего помѣстья около Мантуи, онъ послѣ краткаго возстановленія въ правахъ снова былъ прогнанъ съ него „нечистивыми воинами“ [1]) и принужденъ обратиться въ Римъ. Здѣсь онъ еще до Горація, познакомился съ Меценатомъ и скоро занялъ первое мѣсто среди римскихъ поэтовъ того времени.

Политически индифферентный еще болѣе Горація незлобливый мечтатель Виргилій еще раньше Горація сталъ восхвалять Августа. Первымъ поводомъ къ этому послужила протекція, оказанная ему молодымъ тріумвиромъ, когда онъ впервые лишился своего помѣстья. Богъ, говоритъ онъ, обезпечилъ ему спокойствіе; его покровитель всегда будетъ богомъ для него, всегда кровь нѣжнаго ягненка будетъ орошать его алтарь [2]). Вторичное изгнаніе не разочаровало его. Поселившись въ Римѣ и сблизившись съ Меценатомъ, онъ еще въ 36 г., послѣ пораженія С. Помпея при Навлохѣ и, слѣдовательно, еще за-

[1]) Ecl. 1, 70: impius... miles.

[2]) Ecl. 1, 6—10: deus nobis haec otia fecit.
Namque erit ille mihi semper deus...
cf. ib. 42—45.

долго до битвы при Акціумѣ, возлагалъ всѣ свои надежды на прекращеніе гражданскихъ войнъ и возрожденіе земледѣлія на Цезаря. Въ числѣ другихъ божествъ, къ которымъ онъ обращается въ самомъ началѣ первой Георгики, Цезарь занимаетъ особенно большое мѣсто. Поэтъ еще не знаетъ, какую часть божественныхъ заботъ Цезарь возьметъ на себя: будетъ ли то забота о городахъ и странахъ, или онъ сдѣлается богомъ безконечнаго моря, и пловцы будутъ поклоняться его божеству, или, наконецъ, онъ присоединится къ звѣздамъ, которыя уже уступаютъ ему мѣста; только въ тартарѣ ему не мѣсто—„тартаръ не смѣетъ надѣется, что ты будешь царить въ немъ, и да не почувствуешь ты такого сильнаго желанія царствовать, хоть Греція и восторгается Елисейскими полями“ [1]). Но чѣмъ бы Цезарь не занялся, поэтъ проситъ у него поддержки — „привыкай уже теперь, внимать мольбамъ“ [2]). Гражданскія войны служатъ справедливымъ наказаніемъ за убійство Цезаря-отца, которымъ возмутилась вся природа. Пусть боги сжалятся надъ Римомъ, пусть они не торопятся взять къ себѣ сына убитаго, пусть помогутъ ему окончить ужасныя войны и залѣчить нанесенныя ими народу раны. Вѣдь законное смѣшалось съ незаконнымъ, столько войнъ происходитъ во вселенной, кругомъ расплодилось столько разнообразныхъ формъ преступленій, нѣтъ чести плугу, пустуютъ поля, лишенныя земледѣльцевъ, и кривые серпы перековываются въ жестокіе мечи; съ одной стороны, грозитъ войной Эвфратъ, съ другой—Германія; сосѣдніе другъ другу города, нарушивъ договоры, воюютъ другъ съ другомъ; нечестивый Марсъ звѣрствуетъ на всемъ земномъ шарѣ: міръ, точно четверка коней, вырвавшихся на просторъ и мчащихся въ пространство; возница,

---

[1]) Georg, 1, 36—37... nec te sperant Tartara regem
Nec tibi regnandi veniat tam dira cupido,
Quamvis Elysios miretur Graecia campos...

[2]) Georg, 1, 42.

напрасно натягивающій возжи, несется съ ними, и кони не слушаются узды [1]).

Надежды поэта исполнились, и онъ — уже послѣ побѣды надъ Антоніемъ—восторженно восхваляетъ Италію и ея величайшаго сына, Цезаря [2]): поэтъ собирается построить въ своемъ родномъ городѣ храмъ, посрединѣ котораго будетъ стоять статуя Цезаря, а на дверяхъ будутъ изображены римскія побѣды надъ Египтомъ, надъ Азіей, бѣгство Нифата и Парѳянъ. Скоро поэтъ примется воспѣвать битвы Цезаря и прославлять его имя [3]).

Окончаніе гражданскихъ войнъ и внѣшніе успѣхи [4]) какъ видно, представляютъ главное основаніе для преклоненія Виргилія предъ Цезаремъ: мотивы его пѣсенъ, такимъ образомъ, очень похожи на мотивы Горація. Только краски Виргилія болѣе ярки, чѣмъ у его друга. Для него съ Цезаря уже начался золотой вѣкъ. Родится нѣкогда отъ великаго троянскаго рода Цезарь,—предсказываетъ Юпитеръ своей супругѣ; границей его власти будетъ востокъ, границей славы звѣзды. Онъ взойдетъ на небеса и будетъ призываться въ молитвахъ. Окончатся войны, и жестокій вѣкъ смягчится; сѣдая Вѣрность и Веста, и Квиринъ съ братомъ Ремомъ будутъ давать законы; жестокіе врата Войны будутъ закрыты желѣзомъ и крѣпкими засовами; нечестивая, ужасная Ярость, сидя внутри на оружіи, съ связанными на спинѣ сотнею желѣзныхъ узловъ руками, будетъ оглашать воздухъ кровавымъ крикомъ [5]). Юпитеру вторитъ и Анхизъ, когда показываетъ сыну

---

[1]) Georg, 1, 466—514.

[2]) Georg, 2, 136—176: maxime Caesar.

[3]) Georg, 3, 10—48; (13): et viridi in campo templum de marmore ponam—(16) in medio mihi Caesar erit templumque tenebit.

[4]) Другія мѣста Georg, 4, 559—562. Aen. 8, 675—728 (описаніе щита).

[5]) Aen. 1, 286—296. Здѣсь же 278/9 знаменитое изрѣченіе:

his ego nec metas rerum nec tempora pono;
Imperium sine fine dedi.

будущее Рима: вотъ тотъ мужъ, говоритъ онъ, „котораго тебѣ обѣщаетъ судьба,—Августъ Цезарь, сынъ божественнаго (divi); онъ вернетъ золотой вѣкъ“, а подъ его властью будетъ больше народовъ, чѣмъ сколько обошелъ во время своихъ странствій самъ Геркулесъ [1]).

Безмѣрное преклоненіе предъ Августомъ и у Виргилія, однако, не соединено съ осужденіемъ враговъ его отца—Помпея [2]) и Катона [3]). Зато Виргилій, по примѣру Горація, прославляетъ Марцелла, тогда, впрочемъ, ужъ умершаго, и быть можетъ, слова, посвященныя памяти этого юноши [4]), больше всего поражаютъ современнаго читателя своимъ несоотвѣтствіемъ съ истиной: судя по нимъ, можно было бы подумать, что умеръ человѣкъ съ огромными заслугами, а не молодой 22-хъ лѣтній мальчикъ, единственная заслуга котораго заключалась въ томъ, что онъ былъ племянникомъ Августа и его вѣроятнымъ преемникомъ.

Изъ сопоставленія Горація съ Виргиліемъ видно, что послѣдній въ общемъ гораздо раньше и рѣшительнѣй примкнулъ къ новому порядку, чѣмъ его другъ. Указаній на истинное положеніе Августа мы встрѣчаемъ у него еще меньше; но Виргилій, уже какъ авторъ Энеиды, является гораздо болѣе опредѣленнымъ сторонникомъ новой династіи, чѣмъ Горацій. Въ связи съ этимъ любопытно его восхваленіе пчелиной монархіи въ Георгикахъ [5]): „ни Египетъ, ни огромная Мидія, ни народы Парѳянъ, ни мидянинъ Гидаспъ такъ не повинуются своему царю (какъ пчелы). Пока царь живъ, всѣ согласны; но, когда онъ погибнетъ, они нарушаютъ вѣрность и сами грабятъ собранный медъ и разрушаютъ соты. Онъ слѣдитъ за ихъ трудомъ (ille custos operum), ему они

[1]) Aen. 6, 789—805.
[2]) Aen. 6, 826—835.
[3]) Aen. 8, 670.
[4]) Aen. 6, 860—886.
[5]) Georg, 4, 149—221, особ. 210—221

поклоняются и всѣ густымъ роемъ окружаютъ и заслоняютъ его, и часто подымаютъ на плечахъ, подвергая свое тѣло битвѣ, и ищутъ прекрасную смерть отъ ранъ. Въ виду этого нѣкоторые утверждали, что въ душѣ пчелъ есть частица божественнаго разума и эѳирныхъ струй (haustus aetherios)".

Если старшее поколѣніе поэтовъ этого времени, выросшее еще въ эпоху республики, такъ скоро примирилось съ новымъ порядкомъ вещей, то, очевидно, нечего удивляться, что ихъ младшіе собратья не отстали отъ нихъ. Тибуллу, хотя и не упоминающему о политическихъ дѣлахъ, но вращавшемуся въ домѣ Мессалы Корвина, было лѣтъ 13, Проперпію лѣтъ 7, Овидію всего годъ, когда битва при Филиппахъ отдала государство въ руки тріумвировъ. Несмотря на значительное различіе въ талантахъ и въ общественномъ положеніи, всѣ эти младшіе поэты времени Августа отличаются одной общей чертой, повидимому, особенно характерной для ихъ эпохи: главнымъ стимуломъ ихъ жизни является почти болѣзненная жажда наслажденій, преимущественно любовныхъ. Если Горацій находилъ время, поддерживать реформы Августа въ области общественной нравственности, если интересы Виргилія раздѣлялись между прелестями деревенской жизни и патетической красотой отдаленнаго миѳическаго прошлаго Рима, то молодые поэты почти исключительно заняты любовными дѣлами, ссорами и примиреніями съ возлюбленной, ея коварствомъ или невѣрностью, своими собственными измѣнами и постигающими ихъ за это наказаніями. Очевидно, предъ нами результаты гражданскихъ войнъ и проскрипцій: прошлое такъ мрачно, настоящее подъ сѣнію Августа такъ весело улыбается, что не можетъ быть сомнѣнія, что̀ слѣдуетъ выбрать. Тибуллъ, Проперцій и Овидій — вотъ настоящіе поэты того общества, противъ котораго направлены строгіе законы Августа, которое Горацій призываетъ къ бо̀льшей простотѣ, къ серьезности, къ сознанію своего общественнаго долга. Это общество

двора Юлій и ихъ веселыхъ любовниковъ, общество, задававшее тонъ среди римской молодежи.

Всѣ они на одинъ ладъ восхваляютъ миръ, ибо война оторвала бы ихъ отъ наслажденій [1]); цѣль ихъ жизни любовь [2]), и какъ бы Меценатъ не старался возбудить ихъ честолюбіе, онъ ихъ не убѣдитъ: вѣдь онъ и самъ превыше всего цѣнитъ спокойную, исполненную всякихъ наслажденій жизнь [3]). Единственное, что ихъ возмущаетъ, и то потому, что они бѣдны, это могущество денегъ: всѣ они жалуются на него, а Проперцій даже предсказываетъ Риму гибель отъ его собственныхъ богатствъ [4]).

Поколѣніе съ такимъ взглядомъ на жизнь [5]), разумѣется, не могло потребовать у Августа отчета за присвоеніе имъ верховной власти. Заботливость Августа даже, наоборотъ, избавляла ихъ самихъ отъ непріятныхъ имъ дѣлъ [6]): подъ охраной его власти они спокойно могли предаваться наслажденіямъ, и вполнѣ естественно, что они даже благодарны ему за его опеку надъ Римомъ.

Тонъ обращеній къ властителю становится все болѣе униженнымъ [7]). Даже судьба его родного города, Перузіи, на-

[1]) Напр. Tib. 1, 2, 65—66. 1, 10. Въ связи съ этимъ стоитъ и восхваленіе золотого вѣка 1, 3, 35—52. 2, 3, 35 сл.

[2]) Prop. 1, 6, 29—30. Если бы всѣ ей поклонялись не было бы и войнъ. Prop. 3, 7, 43—48. Id. 4, 4 cf. 4, 11.

[3]) Prop. 4, 8, 2: At tua, Maecenas, vitae praecepta recepi...

[4]) Prop. 4, 12, 59—60:

Proloquar, atque utinam patriae sim vanus aruspex!
Frangitur ipsa suis Roma superba bonis.
Certa loquor, sed nulla fides: neque enim Ilia quondam
Verax Pergameis Maenas habenda malis...

[5]) Впрочемъ, принимая во вниманіе слова Проперція 3, 1, 7: Aetas prima canat Veneres, extrema tumultus, замѣтимъ, что, Тибуллъ и Проперцій умерли молодыми: обоимъ было лѣтъ тридцать пять. Овидій въ зрѣломъ возрастѣ создалъ Фасты.

[6]) Овидія, впрочемъ, повидимому, самъ Августъ не допустилъ до квестуры, т.-е. до поступленія въ сенатъ.

[7]) Въ элегіяхъ Тибулла мѣсто Августа, который никогда не упоминается, занимаетъ Мессала и его семья.

стоящимъ палачемъ которой явился Августъ въ первые годы своей дѣятельности, не заставляетъ Проперція задуматься [1]). Отъ восхваленія Цезаря въ спеціальномъ произведеніи, къ которому его поощрялъ Меценатъ, онъ, правда, отказался, ссылаясь на характеръ своего поэтическаго дарованія [2]), да и потомъ, пообѣщавъ приняться за прославленіе походовъ Августа, предъ которымъ трепещутъ Парѳяне и Арабы и власти котораго не избѣжитъ ни одинъ народъ, не исполнилъ своего намѣренія [3]).

Но мотивы его преклоненія предъ Августомъ почти тѣ же, что у его старшихъ современниковъ: о гражданскихъ войнахъ онъ, правда, не распространяется,— потому ли, что съ судьбой Перузіи у него связаны личныя воспоминанія, или потому, что онъ былъ еще слишкомъ молодъ во время ихъ разгара, чтобы хранить о нихъ такое воспоминаніе, какъ Горацій и Виргилій,— зато побѣда надъ Клеопатрой [4]) и внѣшніе успѣхи [5]) и у него играютъ большую роль: „при жизни Цезаря Римъ едва ли побоится и Юпитера“ [6]). Когда воспѣвается Цезарь, поэтъ проситъ, чтобъ самъ Юпитеръ прислушивался [7]). Аполлонъ называетъ Августа „спасителемъ міра“ [8]), а Цезарь-отецъ удивляется сыну: „я богъ; мой сынъ служитъ тому доказательствомъ“ [9]). Съ восторгомъ поэтъ самъ привѣтствуетъ

---

[1]) На страшную судьбу Перузіи онъ намекаетъ 1, 22:
Si Perusina tibi patriae sunt nota sepulcra,
Italiae duris funera temporibus,
Cum Romana suos egit discordia cives и т. д.
cf. 2, 1,29: eversosque focos antiquae gentis Etruscae...

[2]) 2, 1. Въ числѣ дѣяній Цезаря онъ перечисляетъ здѣсь и гибель Перузіи. См. предыд. примѣчаніе.

[3]) 3, 1.

[4]) 3, 8, 35—42; 4, 10, 29—72; 5, 6, 11 сл.

[5]) 3, 1. 4, 3.

[6]) 4, 10, 66: Vix timeat salvo Caesare Roma Iovem.

[7]) 5, 6, 13—14.

[8]) 5, 6, 37: mundi servator.

[9]) 5, 6, 60: Sum deus; en nostri sanguinis ista fides.

предстоящій походъ „бога Цезаря“ противъ Парѳянъ и умоляетъ Венеру, охранять своего потомка [1]). По примѣру Виргилія, и Проперцій, наконецъ, посвящаетъ умершему Марцеллу элегію [2]).

Нужно, однако, замѣтить, что какъ Горацій и Виргилій не отказывались отъ права хвалить Катона и Помпея, такъ Проперцій, по крайней мѣрѣ въ одномъ стихотвореніи, позволилъ себѣ не согласиться съ Августомъ, и въ частности именно съ его знаменитымъ закономъ о бракахъ: „навѣрное, о Кинѳіа“, обращается онъ къ своей возлюбленной, „ты радовалась по поводу упраздненія закона, послѣ изданія котораго мы оба долго плакали, боясь, какъ бы онъ насъ не разлучилъ. Правда, самъ Юпитеръ не можетъ разъединить противъ ихъ воли двухъ возлюбленныхъ. А великій Цезарь? Но Цезарь великъ въ доспѣхахъ: побѣды надъ народами не имѣютъ значенія для любви“. Онъ скорѣе согласенъ пойти на казнь, чѣмъ разстаться съ своей возлюбленной. Какое ему дѣло до того, что у него нѣтъ и не будетъ дѣтей? Кинѳія одна ему нравится; пускай и онъ будетъ ей нравиться одинъ, тогда ему ничего больше не нужно [3]).

Но оппозиція Проперція въ данномъ случаѣ не была единичнымъ актомъ: извѣстно, какіе горячіе протесты вызвали намѣренія Августа и какъ онъ долженъ былъ смягчить свой первоначальный проектъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія; какъ извѣстно, это единственный случай, когда общество оказалось сильнѣе его или, вѣрнѣе, когда онъ счелъ болѣе благоразумнымъ уступить, чтобы не подвергнуть свою популярность опасности.

---

[1]) 4, 3, 1 deus Caesar; cf. 19: ipsa tuam serva prolem Venus. На происхожденіе его отъ Венеры указывается и 5, 1, 46.

[2]) 4, 17.

[3]) 2. 7 см. ст. 5—6: At magnus Caesar. sed magnus Caesar in armis: Devictae gentes nil in amore valent.

Замѣчательно, что именно поэтъ, проявлявшій меньше всего самостоятельности и стойкости, неумѣреннѣе всѣхъ восхвалявшій новую власть, что именно Овидій долженъ былъ жестоко потерпѣть отъ нея. Родившись за годъ до битвы при Филиппахъ, вступивши въ сознательную пору жизни, когда Августъ уже не имѣлъ никакихъ соперниковъ, Овидій болѣе всѣхъ другихъ поэтовъ золотого вѣка римской поэзіи представляетъ изъ себя продуктъ новаго строя. Чрезвычайно талантливый, одаренный богатой фантазіей юноша, по своему происхожденію принадлежавшій къ знати [1]), лучшему обществу Рима, весь отдался легкимъ удовольствіямъ столицы и окончательно ввелъ въ систему общее среди молодежи стремленіе къ веселому прожиганію жизни. Онъ самъ какъ-то называетъ себя поэтомъ негодныхъ шалостей (nequitia) [2]), онъ убѣжденъ, что цѣломудріе — миѳъ [3]), и систематически излагаетъ науку любовныхъ похожденій: вѣдь нужно быть крайне неблаговоспитаннымъ человѣкомъ, чтобы оскорбляться невѣрностію жены въ томъ городѣ, самые основатели котораго происходятъ отъ любовной связи весталки съ Марсомъ [4]). Для него Венера величайшая изъ богинь: она управляетъ всѣмъ міромъ, она не уступаетъ ни одному

---

[1]) Онъ гордится древностью своего рода. Amores 3, 15, 5—6:

Siquid id est, usque a proavis vetus ordinis heres,
Non modo militiae turbine factus eques.

Но тягаться съ высшей знатью онъ, конечно, не можетъ. Amores, 1, 3, 7—11. Tristia, 1, 9, 17—18.

[2]) Amores 2, 1, 2: ille ego nequitiae Naso poeta meae.

[3]) Ars am. 1, 269—270: Prima tuae menti veniat fiducia, cunctas
Posse capi: capies, tu modo tende plagas

cf. Amores 3, 4, 41—42: Quo tibi formosam, si non nisi casta placebat?
Non possunt ullis ista coire modis!

[4]) Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, онъ, правда, оговаривается, что не имѣетъ въ виду замужнихъ женщинъ. Ars Am. 1, 31—34; 2, 599 sequ.; 2, 613—614. Но см. Amores. 3, 4, 37:

Rusticus est nimium, quem laedit adultera coniunx
Et notos mores non satis urbis habet,
In qua Martigenae non sunt sine crimine nati
Romulus Iliades Iliadesque Remus.

богу, она даетъ законы небу, землѣ и морямъ, она создала всѣхъ боговъ, она соединила грубыя души людей, она первая освободила человѣка отъ жестокихъ привычекъ, она мать всѣхъ искусствъ, а въ Римѣ ея власть еще полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо [1]).

Вѣрный слуга любви, поэтъ мало интересовался общественными дѣлами и безусловно былъ доволенъ существующимъ. Войну онъ ненавидитъ за то, что она не даетъ наслаждаться любовью [2]): не Ѳивы, не Троя, не дѣянія Цезаря, одна только Коринна занимаетъ его умъ [3]). Къ счастью, Римъ не занятъ войной [4]); этимъ онъ обязанъ Августу, закрывшему врата Януса: да сдѣлаетъ Янусъ вѣчнымъ миръ и его служителей [5]). Долго войны занимали людей, говоритъ онъ Германику: мечъ былъ болѣе необходимъ, чѣмъ плугъ, волъ-земледѣлецъ уступилъ мѣсто коню, лопаты превращались въ дротики, изъ земледѣльческихъ орудій дѣлались шлемы. Слава богамъ и твоему дому: войны, связанныя цѣпями, лежатъ у вашихъ ногъ. Пускай волъ снова пойдетъ подъ ярмо, а сѣмя въ вспаханныя поля [6]). Миръ приноситъ вождямъ народовъ больше славы, нежели война: пусть всѣ молятся, чтобы домъ, возстановившій миръ, былъ бы вѣченъ, какъ миръ [7]).

Несомнѣнно, восхваленіе мира не было спеціальностью Овидія: и въ этомъ случаѣ онъ являлся только вѣрнымъ выразителемъ общаго настроенія Изъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ

---

[1]) Fast. 4, 91—118.

[2]) Amores 3, 2, 49—50: Plaude tuo Marti, miles!, nos odimus arma:
Pax iuvat et media pace repertus amor.

[3]) Am. 3, 12, 15—16: Cum Thebe, cum Troia foret, cum Caesaris acta,
Ingenium movit sola Corinna meum.

[4]) Am. 1, 8, 41—42: Nunc Mars externis animos exercet in armis
At Venus Aeneae regnat in urbe sui.

[5]) Fasti 1, 281—288: Caesareoque diu nomine clusus ero... (287): Iane, fac aeternos pacem pacisque ministros.

[6]) Fasti 1, 697—703,

[7]) Fasti 1, 709—722. 714: Tu ducibus bello gloria maior eris.

имперіи только одинъ, повидимому, признавался „наслѣдственнымъ“, а именно Парѳяне Война съ ними была популярна: еще Горацій приглашалъ Августа къ походу противъ нихъ, и Овидій, въ свою очередь, нѣсколько разъ грозитъ Парѳянамъ гибелью, особенно, когда молодой Г. Цезарь отправился съ широкими полномочіями на востокъ и всѣ ожидали серьезное столкновеніе. Теперь, говоритъ поэтъ, и ты, самый отдаленный востокъ, будешь нашъ. Ты будешь наказанъ, парѳянинъ: радуйтесь, погибшіе съ Крассомъ. Появился мститель за васъ: въ дѣтскіе годы онъ покажетъ себя вождемъ и будетъ вести не-дѣтскую войну [1]).

Въ общемъ поэтъ, однако, предоставляетъ другимъ воспѣвать военную славу Августа, самъ же предпочитаетъ заняться его мирными дѣлами, его заслугами предъ религіей [2]).

Величіе Августа можетъ быть сравнено только съ величіемъ самого Юпитера: Юпитеръ управляетъ небеснымъ градомъ и тремя царствами міра; земля находится подъ властью Августа. И тотъ и другой „отецъ и правитель“ [3]). Царственный домъ Юпитера похожъ на палатинскій дворецъ Августа: какъ Августъ совѣщается съ сенатомъ, такъ Юпитеръ съ другими богами [4]).

---

[1]) Ars am. 1, 177—218. См. Rem. am. 155—156. Fasti, 5, 579—598. 6, 465—468.

[2]) Fasti 1, 13—14: Caesaris arma canant alii: nos Caesaris aras
Et quoscumque sacris addidit ille dies.

[3]) Metam, 15, 858—860: Juppiter arces
Temperat aetherias et mundi regna triformis;
Terra sub Augusto. pater est et rector uterque.
Tr. 1, 4, 26: infestumque mihi sit satis esse Jovem. Tr. 1, 5, 78: me Jovis ira premit.

[4]) Metam, 1, 167—176.
Conciliumque vocat. tenuit mora nulla vocatos.
Est via sublimis, caelo manifesta sereno;
Lactea nomen habet, candore notabilis ipso
Hac iter est superis ad magni tecta Tonantis
Regalemque domum. Dextra laevaque deorum
Atria nobilium valvis celebrantur apertis.

И не даромъ. Потомокъ боговъ [1]), онъ и самъ будетъ или уже есть богъ [2]) и сдѣлалъ богомъ своего отца [3]), а изъ заслугъ Цезаря-отца самая большая та, что Августъ его сынъ [4])— или въ самомъ дѣлѣ важнѣе побѣдить морскихъ Бриттовъ, провести побѣдные корабли по семиустному Нилу, подчинить нумидскихъ мятежниковъ и чванящійся именемъ Миѳридата Понтъ Риму, заслужить много тріумфовъ, иные отпраздновать, чѣмъ быть отцомъ такого мужа? Убійство диктатора такое же возмутительное злодѣяніе, какъ попытка аркадскаго царя Ликаона поднять руку на Юпитера. Когда нечестивая рука неистово задумала уничтожить римское имя въ крови Цезаря, родъ человѣческій и вся вселенная исполнились страхомъ, пораженные ужасомъ внезапной гибели [5]). Сама Венера пришла въ ужасъ, когда увидѣла, какъ преступные мечи готовятъ смерть верховному жрецу въ самомъ храмѣ; всѣ боги предзнаменованіями старались предупредить несчастіе, но судьба рѣшила иначе. Видя отчаяніе дочери, Юпитеръ тогда открылъ ей будущее, месть Августа за злодѣяніе и всѣ его дальнѣйшіе успѣхи. Онъ отомститъ за отца, покоритъ вселенную и, давъ ей спокойствіе, обратитъ свой умъ на мирныя дѣла, дастъ законы, своимъ примѣромъ будетъ управлять нравами; провидя будущее, велитъ дѣтямъ, рожденнымъ отъ святой матери, нести и его

Plebs habitat diversa locis; hac fronte potentes
Caelicolae clarique suos posuere penates.
Hic locus est, quem, si verbis audacia detur,
Haud timeam magni dixisse Palatia caeli.

[1]) Amores 1, 2, 51—52; 1, 8, 41—42; 2, 14, 17—18. Met. 15, 745—870.

[2]) Ars Am. 1, 203—204: deus eris. Послѣ ссылки Овидія Августъ окончательно превращается въ бога: Tr. 1, 1, 20; 1, 1, 32; 1, 1, 74; 1, 2, 1—4; 1, 3, 37; 1, 3, 40; 1, 5, 38; 1, 5, 75; 1, 5, 84; 1, 10, 42 и т. д.

[3]) Met. 15, 745—750. 760—1: Ne foret hic igitur mortali semine cretus
Ille deus faciendus erat.

[4]) Met. 15, 750—761: Neque enim de Caesaris actis
Ullum maius opus, quam quod pater extitit huius.

[5]) Met. 1, 200—203.

имя и его заботы, и только послѣ этого удалится на небо. Такъ и случилось, а Цезарь, видя съ небесъ дѣла своего сына, признаетъ и радуется, что побѣжденъ имъ. Правда, Августъ запрещаетъ цѣнить его дѣянія выше отцовскихъ, но вѣдь и Атрей уступаетъ Агамемному, Эгей — Ѳезею, Пелей — Ахиллесу и самъ Сатурнъ — Юпитеру [1]). А тѣ, что рѣшились на нечестивое дѣло и, несмотря на запрещеніе боговъ, осквернили верховнаго жреца, погибли заслуженной смертью. Будьте свидѣтелями, о Филиппы и земля, бѣлѣющая отъ ихъ разбросанныхъ костей [2]).

Но Августъ не только выше Цезаря, съ нимъ и Ромулъ не можетъ выдержать сравненія. Подъ его защитой стѣны Рима стали велики, тогда какъ Ремъ нѣкогда перепрыгнулъ чрезъ нихъ. Силу Ромула почувствовалъ Титъ Тацій и слабые сосѣди, при Августѣ римское государство простирается отъ края и до края. Ромулъ подчинилъ себѣ ничтожную область, Цезарю принадлежитъ все, что́ находится подъ высокимъ небомъ. Ромулъ силой уводилъ женъ, Цезарь велитъ имъ быть цѣломудренными. „Тебѣ (Ромулу) нравилось насиліе: подъ властью Цезаря процвѣтаютъ законы. Ты носилъ имя господина, онъ имя принцепса“. Ромула обвиняетъ убитый братъ: Цезарь простилъ враговъ. Ромулъ сдѣлался богомъ благодаря отцу, Цезарь сдѣлалъ богомъ своего отца [3]).

Особенно любопытно здѣсь, разумѣется, противоположеніе царской власти Ромула и принципата Августа. Власть Августа не только не нарушаетъ законовъ, подъ ея охраной они даже, наоборотъ, процвѣтаютъ. Со времени „несправедливаго“

---

[1]) Met. 15, 761—860.

[2]) Fasti 3, 697—710. См. 5, 551—578.

[3]) Fasti 2, 133—144. См. 141—2:

Vis tibi grata fuit: florent sub Caesare leges.
Tu domini nomen, principis ille tenet.

Послѣ своей ссылки Овидій называетъ Августа и terrarum dominus: Ex Ponto 2, 8, 26.

Тарквинія царская власть уже не возстанавливалась [1]). Нечего и говорить, что Августъ не есть и тиранъ въ античномъ смыслѣ. Онъ принцепсъ [2]), „отецъ отечества“ [3]), „родитель отечества“ [4]), „глава государства“ [5]), „правитель и отецъ отечества“ [6]), заслужившій послѣднее званіе еще раньше, чѣмъ оно было преподнесено ему народомъ, сенатомъ и всадниками [7]). Недаромъ онъ пріобрѣлъ и званіе Августа, высшее изъ всѣхъ, которыя когда-либо были даны римлянину: вѣдь онъ вернулъ въ одинъ прекрасный день народу всѣ его права [8]); недаромъ ему дано и званіе верховнаго жреца [9]).

Нигдѣ нѣтъ рѣчи о конфискаціи народныхъ правъ Августомъ. Августъ всегда является общепризнаннымъ „вождемъ“ [10]) римскаго народа, и поэтъ неоднократно—еще до ссылки—выражаетъ надежду, что и потомство его будетъ пользоваться его властью [11]).

Несмотря на полное преклоненіе Овидія предъ существующимъ положеніемъ дѣлъ, онъ никогда не пользовался сочувствіемъ Августа и въ концѣ концевъ, какъ извѣстно, испыталъ на себѣ гнѣвъ и могущество властелина. Разбирать

[1]) Fasti, 2, 685—852 разсказывается объ изгнаніи царей. 2, 688: vir iniustus; 851/2:

Tarquinius cum prole fugit. Capit annua consul
Jura: dies regnis illa suprema fuit.

[2]) Passim; Trist. 1, 1, 33. Ars am. 1, 197. Ex Ponto 2, 2, 50: principis aeterni.

[3]) Fasti 2, 119—133.

[4]) Genitor patriae: Ars am. 1, 197.

[5]) Praeses rerum: Met. 15, 758. Arbiter imperii Tr. 5, 2, 47.

[6]) Patriae rectorque paterque Tr. 2, 39.

[7]) Fasti 2, 129—130.

[8]) Fasti 1, 589—616: Redditaque est omnis populo prouincia nostro,
Et tuus Augusto nomine dictus avus.

[9]) Fasti 3, 419—428.

[10]) Passim, напр., Fast. 1,646: dux venerande.

[11]) Fasti 4, 857—860... et sis magno sub Caesare semper
Saepe etiam plures nominis huius habe.

Fasti 1, 615—616. Яснѣе всего Tr. 4, 2, 10: perpetuo terras ut domus illa regat.

здѣсь подробнѣе причину его ссылки и его жалобы на его судьбу, разумѣется, не мѣсто. Самъ Овидій неоднократно упоминаетъ, что причиной его ссылки были его юношескія произведенія, безнравственнымъ вліяніемъ которыхъ Августъ, повидимому, желалъ объяснить распущенность свѣтскихъ нравовъ [1]), и еще какой-то неизвѣстный фактъ, хотя и не бывшій преступленіемъ, но глубоко оскорбившій властителя [2]). Личнымъ приказомъ принцепса Овидій былъ высланъ изъ Рима въ городокъ Томы около нынѣшняго Кюстендже въ Добруджѣ, но не былъ собственно сосланъ, и имущество его не было конфисковано [3]). Отмѣнить приказъ, естественно, не могъ никто, кромѣ самого Августа [4]), и вся дѣятельность Овидія съ тѣхъ поръ была направлена на то, чтобы добиться прощенія.

Положеніе поэта несомнѣнно было ужасно, но тѣмъ не менѣе безконечныя жалобы и возмутительная униженная лесть, переполняющая его „Скорбныя элегіи“ и „Письма съ Понта“ дѣйствуютъ крайне утомительно и въ концѣ концовъ отталкиваютъ читателя. Овидій признаетъ, что Августъ могъ его казнить [5]), могъ конфисковать его имущество—и восхваляетъ его безграничное милосердіе [6]). На примѣрѣ Овидія мы видимъ, какое впечатлѣніе производили проявленія деспотизма на массу общества: его униженіе поясняетъ намъ поведеніе сената во время терроризма Тиберія, Гая, Мессалины, Агриппины и Нерона. Сознавая свое безсиліе, это общество только и дѣлаетъ, что молитъ о пощадѣ и послушно принимаетъ всѣ

[1]) Tr. 1, 1, 67—74. 1, 9, 55—65 и мн. др. Овидій чрезвычайно удачно защищается противъ этого обвиненія во второй книгѣ Tristium.

[2]) По словамъ Овидія, то была culpa, error, но не facinus. Tr. 1, 2, 93—106; 3, 35—49; 1, 5, 41—42 и мн. др.

[3]) Tr. 1, 3, 5—6. и особ. 2, 131—134.

[4]) Tr. 1, 1, 99—100.

[5]) Tr. 1, 2, 61—62.

[6]) Tr. 1, 2, 61: mitissima Caesaris ira. Ср. ex Ponto 3, 6, 23: principe nec nostro deus est moderatior ullus и т. д.

удары, которые сыплются на его голову. Потребовалось не мало лѣтъ, чтобы на почвѣ стоической философіи выросла хотя бы пассивная оппозиція самоубійства: распущенное общество временъ Августа не было даже способно, молча терпѣть.

Таковы политическіе взгляды наиболѣе крупныхъ и вліятельныхъ писателей времени Августа. Если оставить въ сторонѣ высокопарный тонъ ихъ восхваленій основателя принципата—тонъ, стоящій, несомнѣнно, въ связи съ подражаніемъ александрійскимъ придворнымъ поэтамъ Птолемеевъ [1])—то основнымъ взглядомъ ихъ можно признать, что Августъ спаситель отечества, вполнѣ заслуженно пользующійся своимъ исключительнымъ положеніемъ и отнюдь не злоупотребляющій имъ въ тиранническомъ или деспотическомъ духѣ. Отомстивъ за смерть своего отца, окончивъ злосчастныя гражданскія войны, обезпечивъ римскія границы отъ враговъ, заставивъ и парѳянъ признать силу римскаго оружія, онъ своимъ примѣромъ поощряетъ всѣхъ римлянъ, заботится о возстановленіи древней религіозности и добрыхъ нравовъ, покровительствуетъ наукамъ и искуствамъ, охраняетъ миръ и даетъ огромному населенію имперіи возможность, заняться разработкой ея естественныхъ богатствъ и собственнымъ обогащеніемъ. Это настоящій „отецъ отечества“, божественная мудрость котораго обезпечиваетъ государство отъ всякихъ опасностей, не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ: вѣдь онъ окруженъ дѣтьми, которыхъ воспитываетъ по своему примѣру и которые со временемъ, нужно надѣяться, будутъ въ состояніи продолжать его дѣло.

Выше ужъ было замѣчено, что литература этого времени дошла до насъ въ далеко не полномъ видѣ—въ виду нашей цѣли особенно печальна потеря бо̀льшей части огромнаго сочиненія

[1]) См. объ этомъ, напр., Ribbeck, Gesch. d. röm. Dicht. 2, 133 (о Горапіи): nach dem Muster hellenistischer Hofpoeten... die officielle Sprache.

Тита Ливія [1])—но тѣ сочиненія, которыя до насъ дошли, почти всѣ принадлежатъ къ крупнѣйшимъ произведеніямъ данной эпохи, и мы имѣемъ полное основаніе думать, что они въ общемъ совершенно вѣрно отражали взгляды огромнаго большинства римскаго и провинціальнаго населенія имперіи [2]). За исключеніемъ ничтожнаго по количеству и по вліянію кружка преимущественно аристократичечкихъ фрондеровъ, Римъ и не думалъ протестовать противъ новой власти. И несомнѣнно такой блестящій результатъ былъ достигнутъ не только бла-

[1]) Сочиненіе его было доведено до смерти Друза (9 a. Chr.) и еслибы дошло до насъ, то несомнѣнно выяснило бы намъ нетолько много вопросовъ о формальномъ характерѣ принципата, но и политическое міросозерцаніе его автора, едва-ли, впрочемъ, особенно рѣзко очерченное. Скорѣе риторъ и моралистъ, чѣмъ историкъ, Ливій, правда, рѣшительно предпочитаетъ доброе, старое время современной распущенности, но едва-ли его похвалы прошлому имѣютъ политическій оттѣнокъ. Иначе трудно предположить, чтобы Августъ остался съ нимъ въ такихъ добрыхъ отношеніяхъ. (Tac. ann. 4, 34: Cn. Pompeium tantis laudibus tulit, ut Pompeianum eum Augustus appellaret; neque id amicitiae eorum offecit. Scipionem, Afranium, hunc ipsum Cassium, hunc Brutum nusquam latrones et parricidas, quae nunc vocabula inponuntur, saepe ut insignis viros nominat. Suet. Claud. 41.) Если Ливій хвалилъ Помпея, то то же дѣлалъ и Виргилій Aen. 6, 826—835 и даже Овидій Fast. 1, 603. Также какъ онъ, отзывался о Брутѣ и Кассіи не только Азиній Полліонъ, но и Мессала. Tac. ib. Катона (cf. Hieron. prol. l. II in Hoseam въ изд. Weissenborn, 6, XIII: optarem mihi contingere, quod T. Livius scribit de Catone: cuius gloriae neque profuit quisquam laudando, nec vituperando quisquam nocuit...) хвалитъ и Горацій. А если Ливій не знаетъ, больше ли пользы или вреда принесъ отечеству диктаторъ Цезарь (Sen. Nat. Quaest. 5, 18, 4. ср. осужденіе Цезаря у Виргилія Aen. 6, 826—835) то онъ, съ другой стороны, находитъ, что убійство Цицерона извиняется правомъ побѣдителя, которое онъ бы самъ примѣнилъ, если бы побѣда осталась на его сторонѣ: Sen. Suas. 6, 22: omnium adversorum nihil, ut viro dignum erat, tulit praeter mortem: quae vere aestimanti minus indigna videri potuit, quod a victore inimico nil crudelius passus erat, quam quod eiusdem fortunae compos ipse fecisset. Отзывы Ливія доказываютъ только его безпристрастіе и относительную свободу мнѣній, которой въ эпоху Августа (Sen. Contr. 2, 4, 13; Suet. Aug. 54—56) пользовались люди, въ общемъ благонамѣренные.

[2]) Suet. Aug. 98: forte Puteolanum sinum praetervehenti vectores nautaeque de navi Alexandrina, quae tantum quod appulerat, candidati coronatique et tura libantes fausta omina et eximias laudes congesserant, per illum se vivere, per illum navigare, libertate atque fortunis per illum frui.

годаря необходимости отдыха отъ безконечныхъ потрясеній послѣдняго времени республики, но и благодаря осторожной политикѣ примиренія, которой Августъ въ общемъ упорно держался въ теченіе всего своего 44-лѣтняго единовластія. Республиканскія формы новаго строя облегчали бывшимъ дѣятелямъ или сторонникамъ республики примиреніе съ нимъ.

Поэты эпохи Августа, наряду съ храмами, воздвигнутыми въ его честь, съ образованіемъ класса Августаловъ и съ надписями частныхъ лицъ, свидѣтельствуютъ о довольствѣ населенія и естественно содержатъ мало указаній на конституціонныя формы его власти. Но въ общей сложности ихъ свидѣтельство вполнѣ сходится съ той оффиціальной версіей о сущности новой власти, которую мы встрѣчаемъ въ автобіографіи Августа. О дѣйствительныхъ основахъ его власти они не упоминаютъ (даже тогда, когда, какъ Овидій въ Фастахъ, имѣютъ удобный поводъ къ этому): нигдѣ онъ не называется ни императоромъ, ни проконсуломъ, нигдѣ не упоминается о его трибунской власти. Если они называютъ его титулы, то только тѣ, которые являются наименѣе опредѣленными— напримѣръ, принцепсъ—или окружены религіознымъ ореоломъ— pater patriae, pontifex maximus. Все удареніе, какъ и въ автобіографіи Августа, кладется на его колоссальныя заслуги предъ отечествомъ и на вытекающее изъ нихъ право руководить Римомъ. Вспомнимъ слова Августа: „послѣ этого времени (27 до Р. Хр.) я превосходилъ всѣхъ почетностью своего положенія, власти же имѣлъ не больше, чѣмъ мои коллеги по магистратурѣ!“ Таково, очевидно, было оффиціальное изображеніе его положенія еще задолго до составленія его rerum gestarum; иначе немыслимо, чтобы всѣ эти писатели такъ строго держались того же взгляда. Лишь въ двухъ случаяхъ, сколько мнѣ извѣстно, мы встрѣчаемъ указаніе на его всемогущество: разъ, когда Горацій вскользь замѣчаетъ, что Цезарь „можетъ и заставить“, повиноваться его желанію, и затѣмъ въ жало-

бахъ Овидія на свою судьбу. Но это такія единичныя исключенія, что общій тонъ отраженія политическаго строя новаго Рима въ произведеніяхъ его поэтовъ не мѣняется. Очевидно, можно было хвалить Катона и даже Кассія съ Брутомъ, но сказать открыто, что Августъ фактически устранилъ республику и создалъ монархію, было невозможно, и весьма вѣроятно, что, еслибы до насъ дошли послѣднія книги Тита Ливія, мы бы и здѣсь встрѣтились съ той же оффиціальной версіей, только въ нѣсколько иной, болѣе спокойной формѣ. И Августъ и римское общество пришли къ молчаливому соглашенію, признавать и впредь существованіе республики, а въ принцепсѣ видѣть лишь перваго по происхожденію, заслугамъ, достоинству и вліянію гражданина.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что какъ въ политикѣ Августа, такъ и въ поэзіи его времени есть одинъ кричащій диссонансъ, нарушающій цѣльность картины. Это его династическіе интересы. Но и тутъ форма ихъ осуществленія и отношеніе общества къ нимъ представляются въ высшей степени характерными. Слова Горація: fortes nascuntur fortibus et bonis служатъ лозунгомъ всѣхъ его собратьевъ: Римъ имѣетъ полное основаніе возлагать величайшія надежды на дѣтей Августа, ибо они, конечно, унаслѣдовали его качества, и отъ нихъ можно ожидать такія же крупныя дѣла, какъ отъ него. Въ концѣ-концевъ, такимъ образомъ, и здѣсь оффиціально лежитъ въ основѣ не монархическій принципъ права наслѣдства, а республиканскій принципъ ожидаемыхъ или уже осуществившихся заслугъ передъ отечествомъ [1]).

§ 2.

Выше ужъ было замѣчено, что, несмотря на всѣ серьезныя нововведенія времени Тиберія, его управленіе (по крайней мѣрѣ

[1]) Suet. Aug. 56: nunquam filios suos populo commendavit ut non adiceret: si meruerint.

до эпохи террора тридцатыхъ годовъ) по существу является прямымъ продолженіемъ эпохи Августа. Это отражается и на литературѣ даннаго періода: между политическими взглядами писателей временъ Тиберія и политическими взглядами ихъ предшественниковъ нѣтъ никакой разницы. Переломъ наступаетъ только послѣ терроризма послѣднихъ лѣтъ Тиберія и Гая. Веллей Патеркулъ также характеренъ для предшествующаго времени, какъ философъ Сенека для послѣдующаго.

Г. Веллей Патеркулъ [1]) является безусловнымъ поклонникомъ Августа и особенно Тиберія, подъ знаменами котораго онъ долго служилъ. Потомокъ древняго кампанскаго рода, онъ гордится той вѣрностью, которую прадѣдъ его проявилъ къ римскимъ интересамъ во время войны съ союзниками и за которую самъ былъ вознагражденъ правомъ римскаго гражданства, а его два сына претурой [2]). Дѣдъ его, Г. Веллей, повидимому, было сторонникомъ Помпея и завѣдывалъ военными снарядами и метательными орудіями (praefectus fabrum) въ его войскѣ, а затѣмъ и въ войскѣ М. Брута и его сторонника Т. Клавдія Нерона (отца императора), а когда послѣдній былъ принужденъ бѣжать отъ тріумвировъ, покончилъ съ собой, не будучи по дряхлости въ состояніи послѣдовать за нимъ [3]). Самъ Веллей, вѣроятно, родился уже въ

---

[1]) Взгляды современныхъ историковъ на него рѣзко расходятся. Такъ Шиллеръ, Gesch. d. röm. Kaiserzeit 1, 5, находитъ, что онъ пишетъ „mit politischem und militärischem Verständniss“, Norden, d. antike Kunstprosa 1, 302, утверждаетъ, что онъ „jedes historischen Sinnes bar“, а Teuffel-Schwabe, Gesch. d. röm. Lit. 2, 665 говоритъ о немъ: für den inneren Zusammenhang der Dinge hat er kein Verständniss, seine Teilnahme gilt den Personen“, и т. д.

[2]) Vell. 2, 16, 2... multum Minatii Magni, atavi mei, Aesculanensis tribuendum est memoriae, qui nepos Decii Magii, Campanorum principis, celeberrimi et fidelissimi viri, tantam hoc bello Romanis fidem praestitit... Cuius illi pietati plenam populus Romanus gratiam rettulit ipsum viritim civitati donando, duos filios eius creando praetores, cum seni adhuc crearentur.

[3]) Vell. 2, 76, 1: C. Velleius, honoratissimo inter illo trecentos sexaginta

эпоху Августа, поступилъ на военную службу, служилъ военнымъ трибуномъ въ войскахъ Виниція и П. Силія, въ томъ же званіи присутствовалъ при свиданіи Гая Цезаря съ царемъ парѳянскимъ (1 p. Chr.) [1]), а затѣмъ, попалъ подъ начальство Тиберія. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ въ званіи praefectus castrorum, praefectus equitum и легата принималъ участіе въ германскихъ войнахъ Тиберія [2]), затѣмъ добился квестуры и сначала въ качествѣ десигнированнаго, затѣмъ въ качествѣ избраннаго квестора участвовалъ и при подавленіи паннонскаго возстанія [3]), во время котораго отличился и его братъ Магій Целеръ Веллеіанъ [4]). Вмѣстѣ съ братомъ онъ участвовалъ затѣмъ въ тріумфѣ Тиберія [5]), а послѣ смерти Августа былъ награжденъ претурой [6]).

Что побудило стараго солдата составить краткій очеркъ римской исторіи, неизвѣстно, какъ неизвѣстно и почему онъ его посвятилъ консулу 30-го года М. Виницію. Во всякомъ случаѣ, Веллей окончилъ свой трудъ въ эпоху между консульствомъ Виниція [7]) и паденіемъ Сеяна, т.-е. въ 30—31 году [8]).

Несмотря на его краткость, сочиненіе Веллея чрезвычайно интересно, какъ по общему взгляду на предшествующую исторію Рима, такъ и по его отношенію къ послѣднимъ событіямъ. Въ изображеніи Веллея, римская исторія получаетъ

iudices loco a Cn. Pompeio lectus, eiusdem Marcique Bruti ac Ti. Neronis praefectus fabrum, vir nulli secundus и т. д.

[1]) Vell. 2, 101, 2—3: sub initium stipendiorum meorum tribuno militum mihi visere contigit...

[2]) Vell. 2, 104, 3.

[3]) Vell. 2, 111, 3—4.

[4]) Vell. 2, 115, 1.

[5]) Vell. 2, 121, 3: quem (triumphum) mihi fratrique meo inter praecipuos praecipuisque donis adornatos viros comitari contigit.

[6]) Vell. 2, 124, 4: quo tempore mihi fratrique meo, candidatis Caesaris, proxime a nobilissimis ac sacerdotalibus viris destinari praetoribus constigit, consecutis ut neque post nos quemquam divus Augustus neque ante nos Caesar commendaret Tiberius. По поводу послѣдняго cf. 2, 124, 3.

[7]) Vell. passim, напр., 1, 12, 6.

[8]) Vell. 2, 127, 3—128.

совершенно личный, героическій характеръ: если вѣрить Веллею, можно было бы подумать, что во главѣ Рима всегда стоялъ тотъ или иной призванный вождь, налагавшій печать своей личности на данное время и игравшій въ немъ, такъ сказать, роль принцепса. Время Тиберія Гракха (2, 2—3) смѣняется временемъ П. Сципіона Эмиліана (2, 4), Гая Гракха (2, 6—7), Гая Марія (2, 11—12 cf. 2, 18—19; 2, 22), М. Ливія Друза (2, 13—14), Л. Корнелія Суллы (2, 17—19 cf. 2, 25; 2, 28), Цинны (2, 20—24), Гая Марія сына и его друзей (2, 26—27), Гн. Помпея (2, 29—34, 2 cf. 2, 37; 2, 40), Цицерона (2, 34, 3—2, 35), наконецъ, Цезаря (2, 41—57), Августа (2, 58 resp. 60—103 до усыновленія Тиберія) и Тиберія (2, 104—131): почти всѣ они прямо называются принцепсами, и никакой разницы между ихъ принципатомъ и принципатомъ Августа, казалось бы, не было. Исторія Рима за послѣднія 150 лѣтъ вращается вокругъ тѣхъ или иныхъ выдающихся лицъ: ни сенатъ, ни особенно народъ не играютъ сколько-нибудь значительной роли, все зависитъ отъ наиболѣе выдающагося гражданина даннаго времени.

Все равно, принадлежитъ ли этотъ взглядъ лично Веллею, представляетъ ли онъ продуктъ риторическихъ упражненій, въ которыхъ индивидуальный элементъ несомнѣнно игралъ первенствующую роль, во всякомъ случаѣ, онъ въ высшей степени интересенъ и характеренъ. Республиканская эпоха получаетъ совершенно новое освѣщеніе: выдвигая на первый планъ отдѣльныхъ гражданъ, забываютъ о томъ „собраніи царей“, которое Киней видѣлъ въ сенатѣ, о тѣхъ народныхъ собраніяхъ, которыя далеко не всегда представляли шумную толпу оборванной и продажной черни. Переходъ къ единовластію представляется менѣе крутымъ, самое положеніе Августа и Тиберія не столь исключительнымъ, тѣмъ болѣе что ихъ, по дѣйствительному мнѣнію автора или только по его словамъ, нельзя обвинить въ властолюбивыхъ стремленіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ такой безусловный поклонникъ Тиберія, какъ Веллей, рѣшился бы хвалить Сципіона за осужденіе предполагаемаго стремленія Тиберія Гракха „захватить государство“ [1]), развѣ онъ посмѣлъ бы, осудить Гая Гракха за желаніе „обезпечить свою царскую власть“ [2]), развѣ онъ могъ отмѣтить, что законы П. Сульпиція Руфа были „невыносимы для свободнаго государства“ [3]) или осуждать Помпея за то, что, живя въ свободномъ государствѣ и равный по закону всѣмъ остальнымъ гражданамъ, онъ негодовалъ, когда кто-нибудь пользовался такимъ же почетомъ какъ и онъ самъ [4]), и вообще былъ ненасытенъ въ достиженіи почестей [5])— если бы и Августъ и Тиберій были виновны въ томъ же? Очевидно, по искреннему мнѣнію Веллея или, что вѣроятнѣе, по обязательному для каждаго благонамѣреннаго оффиціальному взгляду, власть Тиберія нисколько не противорѣчила исконной свободѣ римскаго народа [6]).

Вопіющая неправильность этой теоріи особенно бросается въ глаза тамъ, гдѣ Веллей говоритъ о положеніи Рима послѣ гражданскихъ войнъ: „Люди ничего не могутъ просить у боговъ“, говоритъ нашъ авторъ, „боги ничего не могутъ даровать людямъ, чего бы Августъ послѣ своего возвращенія въ

---

[1]) Vell. 2, 4, 4. См. 2, 7, 1: qui si civilem dignitatis concupissent modum, quidquid tumultuando adipisci gestierunt, quietis obtulisset res publica.

[2]) Vell. 2, 6, 1: qui cum summa quiete animi princeps esse posset, vel vindicandae fraternae mortis gratia vel praemuniendae regalis potentiae...

[3]) Vell. 2, 18, 5: aliasque leges perniciosas et exitiabiles neque tolerandas liberae civitati tulit.

[4]) Vell. 2, 29, 2: civis in toga nisi ubi vereretur, ne quem haberet parem, modestissimus.. paene omnium vitiorum expers, nisi numeraretur inter maxima in civitate libera dominaque gentium, indignari, cum omnes cives iure haberet pares, quemquam aequalem dignitate conspicere. Cf. 2, 31, 1: per omnia maior civi habebatur.

[5]) Vell. 2, 33, 3: in adpetendis honoribus inmodicus.

[6]) См. также Vell. 2, 56, 4 о Цезарѣ: cui magnam invidiam conciliarat M. Antonius, omnibus audendis paratissimus, consulatus collega, inponendo capiti eius Lupercalibus sedentis pro rostris insigne regium, *quod ab eo ita repulsum erat, ut non offensus videretur.*

городъ не предоставилъ государству и римскому народу и вселенной. Междоусобныя войны были окончены на двадцатомъ году, внѣшнія прекращены, возстановленъ миръ, всюду усмирено бѣшенство оружія, *законамъ возвращена сила, судамъ авторитетъ, сенату величіе, власть магистратовъ введена въ прежнія границы, только къ восьми преторамъ прибавлено два. По возстановленіи почтеннаго и древняго строя государства* возстановилась и обработка полей, уваженіе къ храмамъ, безопасность населенія, обезпеченное владѣніе собственностью“ [1]). Такъ было при Августѣ. При Тиберіи положеніе еще улучшилось. За первые шестнадцать лѣтъ его управленія „на форумъ вернулось довѣріе, устранены мятежи, устранены происки при выборахъ (магистратовъ) и несогласіе въ сенатѣ, *авторитетъ магистратовъ, величіе сената, важность судовъ увеличились*“ [2]).

Но какъ бы не были странны эти заявленія Веллея, усматривать въ нихъ одну только гнусную лесть было бы неправильно [3]): ясно, что если Веллей льстилъ такъ, а не иначе, то это соотвѣтствовало современнымъ требованіямъ правительства. Тиберій, не менѣе Августа, заботится о сохраненіи республиканской формы, которую нѣсколько лѣтъ спустя Гай будетъ топтать ногами, но которая въ теченіе его принципата еще

---

[1]) Vell. 2, 89, 2—4: restituta vis legibus, iudiciis auctoritas, senatus maiestas, imperium magistratuum ad pristinum redactum modum; tantum modo octo praetoribus adlecti duo. Prisca illa et antiqua rei publicae forma revocata...

[2]) Vell. 2, 126, 2: revocata in forum fides, summota e foro seditio, ambitio campo, discordia curia, sepultaeque... iustitia, aequitas, industria civitati redditae; accessit magistratibus auctoritas, senatui maiestas, iudiciis gravitas...

[3]) Во мнѣніи потомства Веллею несомнѣнно больше всего повредило его восхваленіе Сеяна. См. Vell. 2, 127, 3—4: Seianum Aelium... laboris ac fidei capacissimum, sufficiente etiam vigori animi compage corporis, singularem principalium onerum adiutorem in omnia habuit atque habet, virum severitatis laetissimae, hilaritatis priscae, actu otiosis simillimum; nihil sibi vindicantem eoque adsequentem omnia... Годъ спустя Сеянъ былъ казненъ и на него немедленно полились такіе же потоки брани, какъ раньше похвалы. См. Val. Max. 9, 11, 4. См. ниже стр. 376—377.

признается правительствомъ, и обязательна для всѣхъ, кто не вступаетъ прямо въ ряды оппозиціи.

Но и помимо этого, чѣмъ же разсужденія Веллея по существу разнятся отъ того, что́ говорятъ и Горацій, и Виргилій и Овидій? Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что ни одинъ изъ нихъ не вѣрилъ буквально въ игру въ республиканскія формы,—очевидная ихъ призрачность слишкомъ ясно бросалась въ глаза,—но это не мѣшало имъ употреблять республиканскіе термины и понятія. Объяснять ихъ отношеніе къ Августу и Тиберію одной лестью, было бы также странно, какъ видѣть одну только лесть въ отношеніи писателей золотого вѣка французской литературы къ Людовику XIV, нашихъ писателей второй половины XVIII вѣка къ Екатеринѣ II. Дѣйствительныя заслуги Августа и Тиберія были такъ велики, что примиреніе литературы съ ними и даже ихъ восхваленіе было вполнѣ понятно; а если литература не только прославляетъ ихъ заслуги, но и покрываетъ конституціонную лживость ихъ положенія, то весьма возможно, что это указываетъ не только на желаніе, угодить властителямъ, но и на слишкомъ высокую,—какъ скоро оказалось,—оцѣнку значенія тѣхъ конституціонныхъ рамокъ, въ которыя сами принцепсы поставили свою власть. Фактически вѣдь Августу или Тиберію ничего не стоило, установить чисто деспотическій режимъ, и этого, конечно, ихъ современники не могли не сознавать; но встрѣтила ли бы въ такомъ случаѣ власть такое сочувствіе и такую поддержку среди наиболѣе видныхъ писателей этого времени, это еще очень большой вопросъ. Если Августъ и Тиберій засыпались похвалами, то въ значительной степени именно благодаря тому, что они сохраняли республиканскія формы и, обладая неограниченной властью, обыкновенно не выставляли ея на показъ, а пользовались ею лишь косвенно чрезъ посредство сената и магистратуры. Въ этомъ смыслѣ въ болѣе или менѣе рѣзкомъ

осужденіи царской власти у Горація, Овидія и Веллея заключается не только льстивая поддержка, но и сознательное одобреніе политики правительства: весьма возможно, что признавая неизбѣжность монархіи, они въ то же время считали возможнымъ и желательнымъ ограниченіе сферы ея дѣятельности [1]).

Можно ли примѣнить этотъ взглядъ лично къ Веллею, другой вопросъ. Если онъ подчеркиваетъ сохраненіе республиканскаго строя, если онъ съ удовольствіемъ констатируетъ уваженіе, оказываемое сенату и магистратурѣ, то изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ по убѣжденію высоко цѣнилъ добровольныя уступки Августа и Тиберія. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ не единственный высказываетъ такіе взгляды, и если не предположить, что вся дошедшая до насъ литература временъ Августа и Тиберія пропитана оффиціозной ложью,—а это едва ли можно признать вѣроятнымъ,—то нужно допустить, что какъ въ произведеніяхъ поэтовъ, его предшественниковъ, такъ и у него находитъ себѣ выраженіе не только правительственная политика, но и общественное мнѣніе. Отказываясь отъ царской власти или диктатуры, Августъ пошелъ навстрѣчу симпатіямъ общества, и общество вознаградило его за это, примирившись съ его властью. Таково, по нашему мнѣнію, значеніе многихъ, безсмысленныхъ на первый взглядъ, разсужденій современныхъ основанію принципата писателей.

Уступчивость правительства выражается еще и въ иной формѣ. Мы ужъ видѣли, что Горацій, Виргилій и даже Овидій неоднократно отзываются о Катонѣ младшемъ съ высшей похвалой, что отношеніе ихъ къ Помпею далеко не враждебно, что гражданскія войны осуждаются ими самымъ рѣз-

---

[1]) См. Val. Max. 4, 1 ext. 8: ea enim demum tuta est potentia, quae viribus suis modum inponit.

кимъ образомъ. При Тиберіи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ.

Если Веллей рѣзко осуждаетъ Гракховъ, то за то, что ихъ время „для города Рима было началомъ гражданской крови и безнаказанности мечей". „Съ тѣхъ поръ законъ былъ подавленъ насиліемъ, и кто былъ сильнѣе, сталъ считаться первымъ, а раздоры гражданъ, которые раньше успокаивались договорами, стали разрѣшаться желѣзомъ, и войны вызывались не серьезными причинами, а надеждой на выгоду" [1]). „Ничего бы не было ужаснѣе этой побѣды", говоритъ онъ о побѣдѣ Марія въ 87 г., „еслибъ скоро за нею не послѣдовала побѣда Суллы... Все въ государствѣ было на краю гибели, но все же до того времени не находилось никого, кто бы рѣшился, либо подарить (другому) имущество римскаго гражданина, либо его добиваться" [2]). „Казалось", переходитъ онъ къ звѣрствамъ Суллы, „что ужасы гражданскихъ войнъ окончились, когда они были увеличены жестокостью Суллы... Онъ первый,—и увы! не послѣдній—прибѣгнулъ къ проскрипціямъ" [3]). Не менѣе рѣзко осуждаются и проскрипціи тріумвировъ, причемъ онѣ впрочемъ приписываются преимущественно Антонію [4]). Видѣть въ этой уловкѣ результатъ личной низости Веллея, нельзя: совершенно такъ же писалъ о проскрипціяхъ въ это время Валерій Максимъ [5]), а изъ писаній Сенеки-отца мы знаемъ, что и декламаторы избѣгали упоминать объ участіи Августа въ нихъ [6]).

---

[1]) Vell. 2, 3, 3.

[2]) Vell. 2, 22, 5, см. отзывъ о Маріи 2, 11, 1: natus agresti loco, hirtus atque horridus, vitaque sanctus, quantum bello optimus, tantum pace passimus, immodicus gloriae, insatiabilis, impotens semperque inquietus.

[3]) Vell. 2, 28, 2. См. отзывъ о Суллѣ 2, 17, 1: vir qui usque ad finem victoriae satis laudari neque post victoriam abunde vituperari potest.

[4]) Vell. 2, 66, 1. 2, 86, 2, см. выше.

[5]) См. 2, 8, 7; 3, 3, 2; 7, 6, 4; 9, 2, 1.

[6]) См. выше стр. 330—331 и passim.

При всемъ своемъ преклоненіи предъ Цезаремъ [1]) Веллей, далѣе, осуждаетъ какъ его соглашеніе съ Помпеемъ и Крассомъ [2]), такъ и его участіе въ изгнаніи Цицерона [3]), и войну съ Помпеемъ, дѣло котораго было лучше [4]), и его отношеніе къ попыткѣ Антонія предложить ему царскую власть [5]).

Если въ борьбѣ Цезаря съ Помпеемъ симпатіи Веллея на сторонѣ послѣдняго, если онъ восхваляетъ Цицерона [6]) и особенно Катона, котораго также приравниваетъ къ богамъ, какъ и самого Цезаря [7]), то, съ другой стороны, онъ не оправдываетъ и убійцъ диктатора, обвиняя Брута въ неблагодарности [8]), а Кассія въ томъ, что онъ дѣйствовалъ изъ желанія отомстить Цезарю за личную обиду [9]). Тѣмъ не менѣе онъ отзывается о нихъ далеко не такъ рѣзко, какъ до него Овидій и одновременно съ нимъ Валерій Максимъ: онъ не только не усматриваетъ въ убійствѣ диктатора parricidium'а,

---

[1]) Vell. 2, 41, 1: hic nobilissima Iuliorum genitus familia et, quod inter omnes antiquitatis studiosos constabat, ab Anchise ac Venere deducens genus, forma omnium civium excellentissimus, vigore animi acerrimus, munificentia efusissimus, *animo super humanam et naturam et fidem exectus,* magnitudine cogitationum, celeritate bellandi, patientia periculorum Magno illo Alexandro, sed sobrio neque iracundo simillimus. 2, 39, 1. 2, 46, 1. 2, 47, 1. Его clementia 2, 52, 2. 2, 56, 1.

[2]) Vell. 2, 44, 1: inita potentiae societas, quae urbi orbique terrarum nec minus diverso cuique tempore ipsis exitiabilis fuit.

[3]) Vell. 2, 45, 2.

[4]) 2, 48, 1. 2, 48, 4. 2, 49, 1—2. 2, 49, 3. 2, 50, 3.

[5]) 2, 56, 4.

[6]) Vell. 2, 34, 3. 2, 45, 2. 2, 66, 2—5.

[7]) Vell. 2, 35, 2: homo Virtuti simillimus et per omnia ingenio diis quam hominibus propior, qui numquam recte fecit, ut facere videretur, sed quia aliter facere non potuerat, cuique id solum visum est rationem habere, quod haberet iustitiam, omnibus humanis vitiis immunis semper fortunam in sua potestate habuit.

[8]) Vell. 2, 57, 1: incautus ab ingratis occupatus est. См. 2, 52, 5: pro dii imortales, quod huius voluntatis erga Brutum suae postea vir tam mitis pretium tulit! Рѣчь идетъ о помилованіи Брута послѣ Фарсальской битвы. 2, 56, 3 о Д. Брутѣ; см. 2, 64, 1—2.

[9]) Vell. 2, 56, 3: differendo Cassium при назначеніи консуловъ offenderat. Сравненіе Брута и Кассія 2, 72, 1—2.

но не называетъ его и scelus и, кромѣ неблагодарности и преслѣдованія личныхъ интересовъ, обвиняетъ убійцъ Цезаря только въ temeritas, т.-е. въ необдуманности ихъ поступка [1]).

Еще любопытнѣе, что Веллей относится критически къ самому Августу [2]). Правда, Августъ для него „основатель и хранитель римскаго имени“ [3]), съ которымъ не можетъ сравниться никто [4]); онъ больше заботится о защитѣ республики отъ господства Антонія, чѣмъ даже сенатъ [5]), и выступаетъ противъ него по собственному почину, хотя и согласно желанію сената [6]), за что неблагодарный сенатъ предаетъ его интересы, а Цицеронъ намекаетъ на необходимость его устраненія [7]). Только угроза Антонія, присоединиться къ республиканцамъ, заставляетъ его вступить съ нимъ въ союзъ [8]). Въ проскрипціяхъ онъ неповиненъ, ибо одинъ ничего не могъ сдѣлать противъ Антонія и Лепида [9]); лично онъ только провелъ законъ Педія о наказаніи всѣхъ убійцъ своего отца [10]). Вернувшись послѣ битвы при Филиппахъ въ Италію, онъ видитъ себя вынужденнымъ подавить безпорядки, вызванные Л. Антоніемъ и Фульвіей, причемъ отъ ожесточенныхъ сол-

[1]) Наиболѣе рѣзкіе отзывы 2, 46, 4 о Кассіи: atrocissimi mox auctor facinoris, 2, 72, 1 о Брутѣ: incorrupto animo eius in diem, quae illi omnes virtutes unius temeritate facti abstulit.

[2]) См. выше стр. 365 и ниже стр. 374.

[3]) Vell. 2, 60, 1: conditorem conservatoremque Romani nominis.

[4]) Vell. 2, 36, 1: divus Augustus... omnibus omnium gentium viris magnitudine sua inducturus caliginem.

[5]) Vell. 2, 61, 1: Torpebat oppressa dominatione Antonii civitas; indignatio et dolor omnibus, vis ad resistendum nulli aderat, cum Caesar... privato consilio maiorem senatu pro republica animum habuit...

[6]) Vell. 2, 61, 2: cognita... senatus voluntate...

[7]) Vell. 2, 62, 5: Caesaris adeo nulla habita mentio ut legati, qui ad exercitum eius missi erant, iuberentur summoto eo milites adloqui. Non fuit tam ingratus exercitus, quam fuerat senatus... О Цицеронѣ ib. 2, 62, 6.

[8]) 2, 65, 1—2: tum igitur inita potentiae societas.

[9]) Vell. 2, 66, 1: furente deinde Antonio simulque Lepido... repugnante Caesare, sed frustra adversus duos. О проскрипціяхъ вообще см. 2, 66—67. Ср. 2, 86, 2.

[10]) Vell. 2, 69, 5.

датъ погибла Перузія [1]), и возстановить спокойствіе въ Кампаніи, гдѣ Т. Клавдій Неронъ собралъ вокругъ себя тѣхъ, кто былъ лишенъ земель въ пользу ветерановъ [2]). Война съ С. Помпеемъ, единственная заслуга котораго заключалась въ спасеніи многихъ проскрибированныхъ (2, 77, 2 — 3), была вызвана исключительно его покровительствомъ рабамъ и пиратамъ (2, 73, 3). Война съ Антоніемъ также всецѣло лежитъ на отвѣтственности послѣдняго [3]); въ битвѣ при Акціумѣ Цезарь сражался за спасеніе, Антоній за гибель вселенной [4]). Вернувшись въ Италію, Цезарь затѣмъ возстанавливаетъ республику [5]) и, не будучи въ состояніи отказаться отъ цѣлаго ряда консульствъ, энергично отклоняетъ диктатуру, которую народъ упорно ему предлагаетъ [6]). Вмѣстѣ съ Агриппой онъ покоряетъ Испанію, съ которой не могли справиться въ теченіе 200 лѣтъ [7]), и получаетъ обратно римскія знамена, взятыя парѳянами [8]),—и не смотря на все это, находились люди, недовольные „счастливѣйшимъ состояніемъ“ Рима! [9]).

Скоро помощникомъ его сталъ Т. Клавдій Неронъ [10]), на которомъ въ послѣдніе годы Августа и покоилось по преиму-

[1]) Vell. 2, 74, 4: in Perusinos magis ira militum quam voluntate saevitum ducis.

[2]) Vell. 2, 75, 1... exarserat in Campania bellum, quod professus eorum, qui perdiderant agros, patrocinium ciebat Ti. Claudius Nero praetorius et pontifex, Ti. Caesaris pater, magni vir animi doctissimique ingenii.

[3]) Vell. 2, 82, 4: (Antonius) bellum patriae inferre constituit.

[4]) Vell. 2, 85, 1: advenit deinde maximi discriminis dies, quo Caesar Antoniusque productis classibus pro salute alter, in ruinam alter terrarum orbis dimicavere. 2, 86, 1.

[5]) Vell. 2, 89. См. выше стр. 364—365. О званіи „Августъ“ Vell. 2, 91, 1.

[6]) Vell. 2, 89, 5.

[7]) Vell. 2, 90.

[8]) Vell. 2, 91, 1.

[9]) Vell. 2, 91, 2—4 qui hunc felicissimum statum odissent. См. 2, 88.

[10]) Vell. 2, 75, 3: vindicem Romani imperii. 2, 94, 2: innutritus caelestium praeceptorum disciplinis, iuvenis genere, forma, celsitudine corporis, optimis studiis maximoque ingenio instructissimus, qui protinus quantus est, sperari potuerat visuque praetulerat principem, quaestor undevicesimum annum agens capessere coepit rem publicam..

ществу благосостояніе государства. Единственнымъ лицомъ, по отношенію къ которому Веллей не находитъ ни одного упрека, является именно Тиберій. Послѣ того какъ онъ еще юношей отличился въ качествѣ квестора [1]), онъ одерживаетъ крупные успѣхи противъ парѳянъ [2]) и при помощи брата Друза покоряетъ Рецію и Винделицію [3]). Приблизившись послѣ смерти Агриппы еще болѣе къ Августу [4]), онъ затѣмъ покоряетъ Паннонію [5]) и пріобрѣтаетъ трибунскую власть, „которая его сравнила съ Августомъ“: послѣ этого онъ былъ „самымъ выдающимся изъ всѣхъ гражданъ, кромѣ одного, да и то по собственной волѣ“ и „въ полномъ смыслѣ второй свѣтъ и глава государства“ [6]). Удаленіе его въ Родосъ было актомъ неслыханнаго самоотреченія: онъ не хотѣлъ затмить своей славой Гая и Луція Цезаря и въ ихъ интересахъ покинулъ Римъ [7]). Это удаленіе Тиберія гибельно отразилось на вселенной: парѳяне и германцы поторопились воспользоваться имъ [8]). Смерть молодыхъ Цезарей, однако, „возвратила государству его защитника“, и возвращеніе Тиберія „исполнило отечество невѣроятной радостью“, особенно, когда Августъ „не откладывая своего рѣшенія, ибо нечего было искать кого бы выбрать, а предстояло выбрать того, кто выдавался среди другихъ“, даровалъ ему — несмотря на всѣ его протесты въ се-

---

[1]) Vell. 2, 94, 3.

[2]) Vell. 2, 94, 5.

[3]) Vell. 2, 95, 1—2.

[4]) Vell. 2, 96, 1. См. 2, 93, 1: M. Marcellus... quem homines ita, si quid accidisset Caesari, sucessorem potentiae eius arbitrabantur futurum, ut tamen id per M. Agrippam securo ei posse contingere non existimarent...

[5]) Vell. 2, 96, 2—3.

[6]) Vell. 2, 99, 1: tribuniciae potestatis consortione aequatus Augusto, civium post unum, et hoc quia volebat, eminentissimus, ducum maximus, fama fortunaque celeberrimus et vere alterum rei publicae lumen et caput...

[7]) Vell. 2, 99, 2: mira quadam et incredibili atque inenarrabili pietate... ne fulgur eius orientium iuvenum obstaret initiis. Всеобщая печаль, 2, 99, 3.

[8]) Vell. 2, 100, 1: Sensit terrarum orbis digressum a custodia Neronem urbis: nam et Parthus... et Germania aversis domitores sui oculis rebellavit.

натѣ—трибунскую власть, и усыновилъ его [1]). „Тогда снова блеснула надежда родителямъ сохранить своихъ дѣтей, мужьямъ женъ, господамъ собственность, всѣмъ людямъ спасеніе, спокойствіе, миръ, тишину, такъ что больше ничего нельзя было желать, ни лучше исполнить всѣ надежды“ [2]). Снова Тиберій принимается за войны: девять лѣтъ Веллей былъ наблюдателемъ его „небеснѣйшихъ дѣлъ“ въ Германіи, гдѣ солдаты его встрѣтили съ восторгомъ [3]). Возстаніе Паннонiи снова заставило Августа, обратиться къ „послѣднему убѣжищу“ Рима и послать Тиберія противъ возставшихъ [4]): восторгъ Веллея по поводу его заботливости о солдатахъ, его осторожности и энергіи не знаетъ предѣла и едва ли здѣсь можно сомнѣваться въ его искренности [5]). Даже враги вѣдь признавали огромныя военныя заслуги Тиберія. Только кончилось паннонское возстаніе, какъ неразуміе и алчность Квинтилія Вара вызвали возстаніе Германіи: „постоянный покровитель римскаго государства снова беретъ на себя привычное дѣло“ [6]). Удивительно ли, что послѣ этого сенатъ, по предложенію Августа, даровалъ ему такія же права надъ всѣми провинціями и войсками, какими обладалъ Августъ самъ: „было бы безсмысленно, еслибы то, что имъ защищалось, не находилось подъ его властью, и еслибъ того, кто первый былъ готовъ оказать помощь, не признали бы равноправнымъ въ достиженіи почестей“ [7]).

---

[1]) Vell. 2, 103, 1—3: Sed fortuna... iam tum rei publicae sua praesidia reddiderat. Августъ уже послѣ смерти Луція и при жизни Гая хотѣлъ вернуть Тиберія atque vehementer repugnante Nerone erat inhibitus.

[2]) Vell. 2, 103, 5.

[3]) Vell. 2, 104, 2—109. Восторгъ войскъ 2, 104, 3—4.

[4]) Vell. 2, 111, 2: itaque ut praesidium ultimum res publica ab Augusto ducem in bellum poposcit Tiberium.

[5]) Vell. 2, 112—116.

[6]) Vell. 2, 120, 1: perpetuus patronus Romani imperii adsuetam sibi causam suscipit.

[7]) Vell. 2, 121, 1: etenim absurdum erat non esse sub illo, quae ab illo

Но вотъ Августъ „возвратилъ свою небесную душу небу“ [1]) и настало время, полное страха: не стало признаннаго всѣми властелина и боялись смутъ, а вдобавокъ Тиберій отказывался отъ власти. „Какъ тогда люди боялись, какой ужасъ господствовалъ въ сенатѣ, какое смятеніе въ народѣ, какой страхъ въ городѣ, какъ узка была граница, отдѣлявшая наше спасеніе отъ гибели“, этого не описать. А между тѣмъ „вселенная, гибели которой мы боялись, даже не дрогнула (ne commotum quidem), и величіе одного мужа было такъ велико, что не оказалось нужды ни въ обѣтахъ, ни въ оружіи противъ дурныхъ намѣреній. Только одна борьба и происходила въ государствѣ, борьба между Цезаремъ и сенатомъ и народомъ римскимъ, который требовалъ, чтобы Цезарь принялъ званіе своего отца, тогда какъ онъ желалъ, лучше быть равнымъ всѣмъ гражданиномъ, чѣмъ выдающимся среди остальныхъ принцепсомъ. Наконецъ, онъ былъ убѣжденъ не столько почестью, сколько разумомъ, ибо видѣлъ, что то, что онъ не возьметъ подъ свою защиту, погибнетъ: одному ему привелось едвали не дольше отказываться отъ принципата, чѣмъ другіе его добивались оружіемъ“ [2]).

Шестнадцать лѣтъ, протекшія со дня смерти Августа, вполнѣ оправдали всѣ ожиданія. Нетолько возстаніе германскихъ и паннонскихъ легіоновъ было подавлено, но и недостатки послѣднихъ лѣтъ управленія одряхлѣвшаго Августа устранены. Съ перенесеніемъ выборовъ въ сенатъ устранены народные мятежи и происки, устранены и несогласія въ сенатѣ; справедливость и заботливость возвращены; авторитетъ магистратовъ, величіе сената, важность судовъ увеличились. Съ другой стороны, провинціи защищены отъ не-

---

vindicabantur, et qui ad opem ferendam primus erat, ad vindicandum honorem non iudicari parem.

[1]) Vell. 2, 123, 2.

[2]) Vell. 2, 124.

справедливости намѣстниковъ, всѣмъ достойнымъ почести въ высшей степени доступны; наказаніе хоть и поздно, но застигаетъ преступныхъ. Всюду господствуетъ миръ, хлѣбъ никогда не былъ обильнѣй [1]).

Рядъ восторженныхъ восклицаній и сѣтованій на враговъ заканчиваетъ характеристику императора. Тутъ восхваляется и его политика по отношенію къ Рескупорису и Марободу, и быстрое подавленіе заговора Друза Либона, и отношеніе къ Германику, и подавленіе галльскаго движенія [2]), и постройки, и щедрость, и спокойное пополненіе войскъ безъ набора, „этого постояннаго и главнаго ужаса людей“ [3]). Чѣмъ такой принцепсъ могъ заслужить „преступные замыслы“ Друза, вражду Силія и Пизона, смерть сыновей и внука, наконецъ, постыдныя событія послѣднихъ трехъ лѣтъ, въ которыхъ виновны его невѣстка и его внукъ?! [4]). Пусть же Юпитеръ, Марсъ и Веста охраняютъ римское государство и его принцепса отъ всякихъ золъ и дадутъ ему достойныхъ наслѣдниковъ, способныхъ продолжать его дѣло! [5]).

Современные ученые большею частью очень строги къ Веллею: ему привелось быть не только защитникомъ, но и хвалителемъ одного изъ тѣхъ императоровъ, дурная слава которыхъ установилась очень давно. Онъ, несомнѣнно, пристрастенъ къ нему, подчасъ искажаетъ мотивы его дѣйствій, умалчиваетъ о такихъ крупныхъ и сильно волновавшихъ общество фактахъ, какъ сожженіе исторіи Кремуція Корда, и, не находя въ немъ никакихъ недостатковъ, естественно вызываетъ протестъ читателя. Наконецъ, и это его главное несчастіе, его характеристика второго императора не можетъ насъ заставить забыть о мрачной, хотя въ своемъ родѣ не

[1]) Vell. 2, 126.
[2]) Vell. 2, 129.
[3]) Vell. 2, 130, 1—2.
[4]) Vell. 2, 130.
[5]) Vell. 2, 131.

менѣе односторонней картинѣ, набросанной рукою такого первокласснаго таланта, какъ Тацитъ.

Но должны ли мы, дѣйствительно, отнестись съ такимъ презрѣніемъ къ Веллею? Что касается прежде всего его неизмѣнно хвалебнаго тона, то этотъ тонъ не его спеціальность: то, что̀ Горацій, Виргилій, Проперцій и Овидій говорили объ Августѣ въ стихахъ, то Веллей говоритъ въ прозѣ о Тиберіи. Онъ даже менѣе высокопаренъ, чѣмъ поэты временъ Августа: нигдѣ у него Тиберій не называется богомъ, что́, какъ мы видѣли, сплошь и рядомъ встрѣчается у названныхъ поэтовъ. Но если отрѣшиться отъ общаго этому времени напыщеннаго слога Веллея и обратить вниманіе на то, что его отзывы о Цицеронѣ или Катонѣ младшемъ, ничѣмъ не уступаютъ отзывамъ о Цезарѣ, Августѣ и даже Тиберіи, если далѣе вспомнить невѣроятно льстивый панегирикъ Плинія младшаго на Траяна, то наше отношеніе къ Веллею получитъ нѣсколько иной характеръ. Мы просто увидимъ въ немъ безусловнаго сторонника Тиберія, въ случаѣ надобности допускающаго возможность болѣе или менѣе легкой передержки для оправданія всѣхъ его дѣйствій. Преклоненіе предъ Тиберіемъ, котораго онъ многіе годы наблюдалъ вблизи во время той его дѣятельности, которой и враги отдавали справедливость, вовсе не должно непремѣнно быть результатомъ недобросовѣстной лести. Сравненія отзывовъ Веллея объ убійцахъ Цезаря съ соотвѣтственными отзывами Овидія и Валерія Максима, а также его отношеніе къ Цезарю, наоборотъ, говорятъ въ пользу независимости его сужденія. Что касается, наконецъ разсужденій Веллея о возстановленіи республики и объ увеличеніи величія сената при Тиберіи, то они, разумѣется, мало соотвѣтствуютъ фактическому установленію неограниченной власти Цезарей, но признать ихъ безусловно нелѣпыми, какъ мы видѣли, также нельзя. Остается его отзывъ о Сеянѣ — но вспомнимъ, какъ подобострастно Горацій, Виргилій и Проперцій отзывались о

Марцеллѣ, несмотря на то, что онъ рѣшительно ничѣмъ не успѣлъ проявить себя: хвалебные отзывы о немъ вызваны исключительно его близостью къ Августу, а къ тому времени, когда писалъ Веллей, въ Римѣ не было человѣка болѣе близкаго къ Тиберію, чѣмъ Сеянъ. Тацитъ разсказываетъ, что во время процесса сторонниковъ Сеяна, римскій всадникъ М. Теренцій, защищаясь предъ сенатомъ, заявилъ: „Мы чтимъ не Сеяна изъ Вольсиній, но члена дома Клавдіевъ и Юліевъ, въ который онъ вошелъ по родству, твоего зятя, о Цезарь, твоего товарища по консульству, взявшаго на себя твои заботы о государствѣ. Не наше дѣло обсуждать, кого ты возвышаешь надъ остальными и по какимъ причинамъ: тебѣ боги поручили верховную власть, намъ осталась лишь слава повиновенія“ [1]). Назвать эту точку зрѣнія очень возвышенной, достойной свободнаго человѣка, нельзя, но такъ, очевидно, смотрѣли на дѣло всѣ; сенатъ оправдалъ Теренція, и даже Тацитъ сочувствуетъ ему [2]): если мы хотимъ отнестись справедливо къ Веллею, мы должны принять все это въ расчетъ и тогда даже въ его восхваленіи Сеяна не найдемъ основанія для его безусловнаго осужденія.

Въ результатѣ, пользоваться Веллеемъ для исторіи даже современныхъ ему событій, несомнѣнно нужно очень осторожно: его произведеніе гораздо важнѣе какъ документальное свидѣтельство о господствовавшихъ въ его время среди массы сторонниковъ Тиберія взглядовъ, чѣмъ какъ источникъ для фактической исторіи его времени [3]). Эта крайне пристрастная, но въ своемъ родѣ въ высшей степени интересная апологія

[1]) Tac. Ann. 6, 8: non est nostrum aestimare, quem supra ceteros et quibus de causis extollas: tibi summum rerum iudicium di dedere, nobis obsequii gloria relicta est.

[2]) Tac. Ann. 6, 9: Constantia orationis, et quia repertus erat, qui efferret, quae omnes animo agitabant, eo usque potuere, ut accusatores eius, additis quae ante deliquerant, exilio aut morte multarentur.

[3]) См. впрочемъ F. Abraham, Velleius und die Parteien in Rom unter Tiberius B. 1885 и Tiberius und Sejan B. 1888.

императора, написанная безусловнымъ сторонникомъ, вѣроятно, гораздо болѣе соотвѣтствовала тому, что думало о немъ, если и далеко не все населеніе Рима, то огромное большинство провинціаловъ, чѣмъ тотъ чрезмѣрно мрачный обвинительный актъ, который Тацитъ, лѣтъ 70 спустя, составилъ на основаніи аристократическихъ мемуаровъ [1]).

Совершенно инымъ характеромъ отличается произведеніе ритора Валерія Максима. Цѣль его при составленіи сборника замѣчательныхъ дѣяній и изреченій не имѣетъ ничего общаго съ политикой. Въ виду того, что при школьныхъ декламаціяхъ на разныя болѣе или менѣе несуразныя темы было принято приводить историческія параллели и примѣры, Валерій Максимъ задался цѣлью облегчить декламаторамъ розыски подходящихъ сравненій и, собравъ изъ Ливія и другихъ источниковъ значительное количество анекдотическаго матеріала, расположилъ его по подходящимъ рубрикамъ „о религіи“, „о неуваженіи къ религіи“, „о предзнаменованіяхъ“, „о жестокости“, „о неблагодарности“ и т. д. Составившаяся такимъ образомъ книга пользовалась широкимъ распространеніемъ и, наряду съ многими не имѣющими для насъ никакого значенія данными, содержитъ и нѣсколько любопытныхъ указаній на то, какъ въ извѣстной части общества дѣйствительно относились или считали нужнымъ дѣлать видъ, что относятся, къ крупнѣйшимъ событіямъ послѣдняго времени. При той огромной роли, какую риторика и въ частности декламація въ эпоху имперіи играли въ образованіи Римлянъ, этотъ матеріалъ пріобрѣтаетъ значеніе и въ томъ смыслѣ, что указываетъ на то, что преподносилось подростающему поколѣнію подъ названіемъ историческихъ параллелей.

Современникъ Тиберія, Валерій Максимъ не находитъ достаточно льстивыхъ словъ, чтобы выразить все свое благо-

[1]) Ср. отзывы современниковъ Тиберія, напр.: Philo in Flaccum p. 980. leg. ad Gaium p. 993, 997, 1012, 1034. Strabo 13, 8 cap. 627.

говѣніе предъ властителемъ. Согласное рѣшеніе боговъ и людей передало ему, вѣрнѣйшему спасенію отечества, управленіе сушей и водой; его небеснымъ провидѣніемъ всемилостивѣйше поощряются всѣ добродѣтели, самымъ строгимъ образомъ наказываются всѣ пороки, о которыхъ авторъ собирается говорить: вотъ почему онъ въ предисловіи обращается къ нему, а не къ Юпитеру или другому божеству [1]). Подъ его властью Римъ ведетъ счастливую жизнь [2]). Пусть боги продлятъ жизнь принцепса до послѣднихъ, доступныхъ человѣчеству предѣловъ, и тѣмъ утвердятъ спокойствіе нашего вѣка, блаженнѣе котораго никогда не было [3]). Еслибъ нѣкогда Клавдій Неронъ и Ливій Салинаторъ, враждующіе цензоры, знали, что ихъ потомокъ будетъ нашимъ принцепсомъ, они бы бросили свою вражду и вступили бы въ самую тѣсную дружбу [4]). Сами боги и его собственный божественный разумъ защитили принцепса и отца нашего, создателя и хранителя нашей безопасности отъ отцеубійственнаго заговора Сеяна, который своимъ ужаснымъ злодѣяніемъ хотѣлъ затмить всѣ самые печальные моменты въ нашей исторіи, взятіе Рима галлами и гибель Фабіевъ около Кремеры, битву при Алліи и гибель Сципіоновъ въ Испаніи, Тразименское сраженіе, битву при Каннахъ и кровавое бѣшенство гражданскихъ войнъ. Но кто бы могъ найти достаточно сильныя слова, чтобы заклеймить позоромъ этотъ неслыханный планъ [5]).

Въ такихъ же выраженіяхъ говорится о „священнѣйшей памяти Августа“ [6]). Сама справедливость не могла рѣшать дѣла правильнѣе и внимательнѣе, чѣмъ онъ [7]). Еще болѣе

[1]) Val. Max 1 pr.: penes quem hominum deorumque consensus maris ac terrae regimen esse voluit, certissima salus patriae, Caesar...

[2]) Val. Max 2 pr.

[3]) Val. Max. 8, 13 pr.

[4]) Val. Max. 2, 9, 6.

[5]) Val. Max. 9, 11, 4.

[6]) Val. Max. 1, 7, 1—2; 7, 6, 6.

[7]) Val. Max. 7, 7, 4.

восхваляется Цезарь [1]). Его родъ, Цезари, вообще представляютъ „знаменитѣйшую часть неба“ [2]). М. Агриппа называется „величайшимъ другомъ боговъ“ [3]).

Убійцы Цезаря всегда аттестуются „отцеубійцами“ [4]), хотя въ тоже время отмѣчаются и ихъ достоинства [5]), какъ и достоинства другихъ враговъ диктатора, особенно Катона и Помпея [6]). Гражданскія войны и проскрипціи осуждаются не менѣе рѣзко, чѣмъ любымъ изъ современныхъ писателей [7]); но изъ разсужденій Веллея мы уже знаемъ, что при этомъ подразумѣвается, что Августъ былъ неповиненъ ни въ тѣхъ, ни въ другихъ.

Но любопытнѣе всѣхъ этихъ, уже знакомыхъ намъ, чертъ — отношеніе Валерія къ Периклу. „Периклъ, говоритъ онъ, наложилъ на свободныя шеи Аѳинянъ ярмо рабства, ибо онъ управлялъ этимъ городомъ и верховодилъ имъ по собственному усмотрѣнію... И въ самомъ дѣлѣ, какая была разница между Пизистратомъ и Перикломъ, если не та, что первый обладалъ тиранніей въ силу оружія, второй безъ оружія“ [8])?

[1]) Val. Max. 1, 6, 13. 1, 8, 8. 3, 2, 19. 3, 2, 23. Его verecundia 4, 5, 6; mansuetudo 5, 1, 10; clementia 5, 7, 2. aequitas 9, 15, 5. Далѣе 5, 3, 3. 6, 2, 11—12; 6, 9, 15. 7, 6, 5. 8, 9, 3. 8, 11, 2; 9, 8, 2; 9, 11, 4. 9, 15, 1.

[2]) Val. Max. 2, 1, 10: caeli clarissima pars.

[3]) Val. Max. 4, 7, 7: deorum maximus amicus.

[4]) Val. Max. 1, 5, 7; 1, 6, 13; 1, 7, 2; 4, 5, 6; 4, 7, 6; 6, 4, 5; 6, 8, 4; битва при Филиппахъ fortis piaque victoria 5, 1, 11.

[5]) Кассій 1, 8, 8; 3, 1, 3. Брутъ, 6, 4, 5.

[6]) Бибулъ 4, 1, 15; Антоній 5, 1, 10; Цицеронъ 5, 3, 4; Метеллъ 3, 2, 13; Порція 3, 2, 13; 4, 6, 5; Катонъ 2, 10, 7; 2, 10, 8; 3, 1, 2; 3, 2, 14; 3, 4, 6; 4, 1, 14; 4, 3, 2; 4, 3, 12 и особенно 6, 2, 5: quid ergo? libertas sine Catone? non magis quam Cato sine libertate (формально относится не къ свободѣ вообще, а къ libere dicta aut facta) и 7, 5, 6: quoniam quem honorem Catoni negaverant Vatinio dare *coacti sunt*. Помпей 1, 6, 12; 1, 8, 10; 4, 5, 5; 5, 1, 9; онъ romani imperii columen: 5, 1, 10. 5, 2, 3. 6, 2, 4, cf. 6, 2, 6—9.

[7]) Гражданскія войны 2, 8, 7; 3, 3, 2; 7, 6, 4; 9, 2, 1; 9, 11, 4. Война Цезаря съ Помпеемъ 4, 6, 4. Проскрипціи тиранна Суллы 3, 1, 2; 3, 1, 3; (cf. 9, 15, 5 o violentia Sullana; его crudelitas 9, 2, 1) Проскрипціи тріумвировъ 4, 3, 14; 5, 6, 4; 5, 7, 3; 5, 8, 7; 6, 7, 2—3; 6, 8, 5; 9, 5, 4; 9, 11, 5—7.

[8]) Val. Max. 8, 9 ext. 2: quid enim inter Pisistratum et Periclen interfuit, nisi quod illus armatus, hic sine armis tyranniden gessit?

Если такъ выражается не врагъ, а поклонникъ Цезарей, то это, очевидно, не можетъ означать ничто иное какъ то, что даже власть Перикла была болѣе тяжела, болѣе несовмѣстима съ свободой, чѣмъ власть Тиберія. До такихъ геркулесовыхъ столбовъ лести не договорился и Веллей.

Если Валерій Максимъ и Веллей не могутъ говорить безъ восторга объ императорѣ [1]), то другой его современникъ Сенека, наоборотъ, всего нѣсколько разъ и мелькомъ называетъ Тиберія [2]). Объясняется это, помимо болѣе спокойнаго и, быть можетъ, даже несочувственнаго отношенія къ нему, еще и тѣмъ, что Сенека, очевидно, издалъ свой трудъ уже послѣ его смерти. Иначе трудно допустить, чтобы онъ рѣшился такъ рѣзко осудить отношеніе Августа къ Лабіену и Кассію Северу, Тиберія къ Мамерку Скавру [3]). „По отношенію къ Лабіену“, говоритъ онъ, „впервые было изобрѣтено новое наказаніе: ибо враги его добились того, чтобы всѣ его книги были сожжены: то было новое и непривычное дѣло, наказывать умственныя занятія. Къ счастью государства, эта хитроумная (ingeniosa) жестокость была изобрѣтена послѣ Цицерона: что бы случилось, еслибъ тріумвирамъ вздумалось проскрибировать и талантъ Цицерона? Что за звѣрство губить умственныя занятія и творить судъ надъ памятниками умственнаго труда!

---

[1]) О сенатѣ Валерій въ общемъ отзывается съ большимъ почтеніемъ, см., напр., 1, 8, 1; 9, 5, 1—2; 2, 2, 1. Amplissimus ordo: 5, 7, 3. Въ связи съ этимъ стоитъ осужденіе сецессіи плебса 8, 9, 1 и враждебное отношеніе къ трибунской власти (2, 2, 7; furialis fax tribunicia 3, 8, 3) а равно и уваженіе къ цензурѣ 2, 9 pr. cf. 2, 9, 3. Съ другой стороны, онъ осуждаетъ современныхъ ему сенаторовъ за неохотное участіе въ дѣлахъ 2, 2, 6: nec expectabat ut edicto contraheretur, sed inde citatus protinus in curiam veniebat, ambiguae laudis civem existimans, qui debitis rei publicae officiis non sua sponte, sed iussus fungeretur, quia quicquid imperio cogitur exigenti magis quam praestanti acceptum refertur. Ср. выше стр. 179 пр. 3.

[2]) Suas. 3, 6–7. Contr. 20, 7; 27, 19—20.

[3]) Contr. l. 10 pr. 3: orationes septem edidit (Scaurus), quae deinde senatus consulto combustae sunt.

Слава богамъ, что эти казни талантовъ (ingenia) начались въ тотъ вѣкъ, когда таланты изсякли“ [1]).

Такое страстное осужденіе императорской цензуры представляется тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что это чуть ли не единственное мѣсто, гдѣ Сенека оставляетъ свой обыкновенный, спокойно повѣтствовательный тонъ и едва ли оно могло быть высказано при жизни того, кто велѣлъ сжечь трудъ Кремуція Корда: оно, по всему вѣроятію доказываетъ, что Сенека если не началъ, то, по крайней мѣрѣ, кончилъ записываніе своихъ воспоминаній въ первыя времена Гая, когда запрещенныя сочиненія съ разрѣшенія правительства вновь были изданы и пользовались тѣмъ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ труднѣе и опаснѣе до этого времени было ихъ пріобрѣсти.

Изъ страстнаго неодобренія отношенія императоровъ къ литературѣ, однако, не слѣдуетъ, чтобы Сенека стоялъ въ рядахъ республиканской оппозиціи. Помимо того, что онъ неоднократно отзывается съ большимъ почтеніемъ о „божественномъ Августѣ“ и даже хвалитъ его за его чрезвычайное милосердіе [2]), онъ не только увѣряетъ, что при Августѣ господствовала большая свобода рѣчи [3]), но и принципіально высказывается противъ раздражающихъ властителей острыхъ словечекъ: „я не могу жалѣть тѣхъ“, говоритъ онъ, „кто охотнѣе лишается головы, чѣмъ краснаго словца“.

Ясно, что и этотъ наиболѣе сдержанный изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ писателей разсматриваемаго нами времени [4]),

---

[1]) Contr. l. 10 pr. 5—8. См. bonmot Кассія Севера, врага Лабіена, по этому поводу ib. 8: nunc me, inquit, vivum uri oportet qui illos (libros Labieni) edidici.

[2]) См. Contr. l. 4 pr. 5: ut erat mos illi clementissimo viro.

[3]) Contr, 12, 13: Tanta autem sub divo Augusto libertas fuit, ut praepotenti tunc M. Agrippae non defuerint, qui nobilitatem exprobrarent.

[4]) Замѣтимъ, что, не обобщая своего взгляда, онъ нѣсколько разъ несочувственно отзывается о деляторахъ. Такъ о Романѣ Гиспонѣ см. выше стр. 332 пр. 1; о Тускѣ Suas. 2, 22: Tuscus ille qui Scaurum Mamercum maiestatis reum fecerat, homo quam inprobi animi tam infelicis ingenii...

отнюдь не врагъ имперіи: не безъ нѣкотораго удивленія онъ отмѣчаетъ, что Лабіенъ „даже въ такое мирное время“ не отказался отъ помпеянскихъ тенденцій [1]), и сравнительно довольно трезво относится даже къ такому крупному дѣятелю республики, какъ Цицеронъ [2]). Возстановить точнѣе его политическое міросозерцаніе, къ сожалѣнію, невозможно: его историческій трудъ отъ начала гражданскихъ войнъ до его смерти, о которомъ упоминаетъ его сынъ [3]), къ большому ущербу для современной науки потерянъ, а его риторическій сборникъ, разумѣется, даетъ лишь очень немного матеріала для сужденія о томъ, какъ представлялъ себѣ положеніе отечества не рьяный поклонникъ власти, вродѣ Веллея, и не отчаянный льстецъ, вродѣ Валерія Максима, а безпристрастный и спокойный зритель, какимъ рисуется предъ нами Сенека въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ касается политическихъ вопросовъ.

Несомнѣнно лишь то, что Сенека принадлежалъ къ тѣмъ разочарованнымъ, которые перестали цѣнить не только республику, но и участіе въ государственныхъ дѣлахъ вообще. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ привѣтствуетъ рѣшеніе своего третьяго сына, Мелы, отказаться отъ государственныхъ дѣлъ и карьеры [4]), къ которымъ стремились два старшихъ, Новатъ и Сенека Младшій, и заняться краснорѣчіемъ, „ибо отъ краснорѣчія легокъ переходъ ко всѣмъ другимъ искус-

[1]) C. l. 10 pr. 5: qui Pompeianos spiritus nondum in tanta pace posuisset.

[2]) C. 18, 9: nec Pompeio certus amicus nec Caesari, sed utriusque adulator.

[3]) Sen. frg. de vita patris: quisquis legisset eius historias ab initio bellorum civilium, unde primum veritas retro abiit, paene usque ad mortis suae diem, magni aestimaret scire, quibus natus esset parentibus ille, qui res Roma(nas).. конецъ потерянъ.

[4]) Впрочемъ см. Tac. Ann. 16, 17: Mela... petitione honorum abstinuerat per ambitionem praeposteram, ut eques Romanus consularibus potentia aequaretur; simul adquirendae pecuniae brevius iter credebat per procurationes administrandis principis negotiis. О его карьерѣ, впрочемъ, ничего неизвѣстно. Казненъ въ 66 г.

ствамъ: оно воспитываетъ и тѣхъ, которыхъ готовитъ не для себя", тогда какъ на форумѣ и въ почестяхъ „слѣдуетъ бояться даже того, на что надѣешься" [1]). Настроеніе, которое сказывается въ этихъ словахъ, несомнѣнно, имѣло свои серьезныя основанія и было широко распространено: мы еще увидимъ, что сынъ Сенеки, сдѣлавшій наиболѣе блестящую карьеру, въ концѣ концевъ пришелъ къ тому же выводу. Вліяніе терроризма начинаетъ сказываться: лучшіе люди ищутъ спасенія отъ политическаго рабства во внутреннемъ освобожденіи своей личности.

ГЛАВА IV.

Эпоха терроризма.

Когда друзья старались удержать отъ самоубійства обвиненнаго въ послѣдніе дни Тиберія въ оскорбленіи величества Л. Аррунція, Аррунцій, разсказываетъ Тацитъ, указалъ на то, что даже Тиберій, „обладавшій такой опытностью", былъ сбитъ съ пути и измѣнился подъ вліяніемъ власти, и спросилъ ихъ, считаютъ ли они въ самомъ дѣлѣ возможнымъ, чтобы „Гай Цезарь, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста, совершенно неопытный и вскормленный самыми дурными примѣрами, сталъ стремиться къ лучшему подъ руководствомъ Макрона, который именно потому самъ былъ избранъ для низверженія Сеяна, что онъ хуже его, и нанесъ государству удары еще бо́льшими злодѣяніями?" „Онъ предвидитъ еще болѣе тяжкое рабство, и поэтому бѣжитъ сразу и отъ прошлаго и отъ будущаго" [2]).

Предчувствіе не обмануло Аррунція: римскому обществу пришлось допить чашу униженія до дна и послѣ мрачнаго

---

[1]) C. l. 2. pr. 3—4.
[2]) Ann. 6, 48.

времени Тиберія покориться безумнымъ выходкамъ полусумашедшаго азіатскаго деспота.

Смерть Тиберія была встрѣчена съ восторгомъ [1]), и можно было бы подумать, что поднимется движеніе противъ принципата вообще, если не въ провинціяхъ, гдѣ ощущались главнымъ образомъ выгодныя стороны новаго порядка, то въ самомъ Римѣ. Недовольство, повидимому, охватило здѣсь не одну только аристократію, на членовъ которой обрушилось большинство политическихъ процессовъ, но и народъ: еще живя въ Римѣ, Тиберій не только не считалъ нужнымъ тратить болѣе значительныя суммы на народныя увеселенія, но и лично явно высказывалъ свое равнодушіе къ нимъ. Признавая себя обязаннымъ обезпечить продовольствіе столицы, онъ почти совершенно не допускалъ какихъ-нибудь крупныхъ расходовъ на игры и другія зрѣлища, на подарки и т. д. [2]).

А при характерѣ римской черни одного этого было достаточно, чтобы сдѣлать Тиберія непопулярнымъ. Несмотря, однако, на общее недовольство какъ аристократіи, такъ и народа, мы рѣшительно ничего не узнаемъ о какихъ бы то ни было движеніяхъ ни противъ принципата, какъ такового, ни противъ почти наслѣдственнаго присвоенія его домомъ Цезаря. Вопросъ сводился лишь къ тому, кто изъ двухъ ближайшихъ представителей этого дома будетъ принцепсомъ— младшій ли сынъ Германика, Гай Юлій Цезарь, по прозванію Калигула, или внукъ Тиберія, сынъ Друза младшаго, Тибе-

[1]) Suet. Tib. 75.

[2]) Suet. Tib. 46: pecuniae parcus ac tenax... 47 princeps neque opera ulla magnifica fecit... neque spectacula omnino edidit; et iis, quae ab aliquo ederentur, rarissime interfuit... 34: ludorum ac munerum impensas corripuit, mercedibus scenicorum recisis paribusque gladiatorum ad certum numerum redactis. Также онъ относился и къ войскамъ 48: militi post duplicata ex Augusti testamento legata nihil umquam largitus est, praeterquam singula milia denariorum praetorianis, quod Seiano se non accommodassent, et quaedam munera Syriacis legionibus, quod solae nullam Seiani imaginem inter signa coluissent.

рій Гемеллъ. Сколько намъ извѣстно, Тиберій оставилъ завѣщаніе, которымъ назначилъ ихъ обоихъ своими наслѣдниками на равныхъ правахъ: какъ было формулировано завѣщаніе и въ какой мѣрѣ опредѣленно оно затрагивало вопросъ о наслѣдованіи не только частныхъ средствъ Тиберія, но и принципата, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Діонъ, правда, очень опредѣленно говоритъ, что Тиберій распорядился не только насчетъ своего состоянія, но и насчетъ своей власти [1]), но съ этимъ плохо согласуется все, что намъ извѣстно о педантичномъ соблюденіи имъ конституціонныхъ порядковъ, установленныхъ Августомъ, а также и то, что намъ извѣстно о формахъ „приближенія къ надеждѣ на наслѣдство“ [2]), которыя соблюдались послѣ 37 г., хотя бы при Клавдіи. Въ словахъ Діона скорѣе можно усматривать взглядъ писателя III вѣка, чѣмъ доказательство, что Тиберій смотрѣлъ на свою власть, какъ на чисто-наслѣдственную. Во всякомъ случаѣ, его завѣщаніе было уничтожено въ пользу Калигулы, который вознаградилъ Тиберія Гемелла усыновленіемъ и званіемъ принцепса юношества [3]).

---

[1]) Діонъ 59, 1—2: ὅ δὲ δὴ Γαῖος τὰς διαθήκας αὐτοῦ ἐς τὸ συνέδριον διὰ τοῦ Μάκρωνος ἐσπέμψας ἀκύρους ὑπό τε τῶν ὑπάτων καὶ ὑπὸ τῶν ἄλλων τῶν προπαρεσκευασμένων οἱ, ὡς καὶ παραφρονήσαντος, ἐποίησεν, ὅτι παιδίῳ ᾧ μηδὲ ἐσελθεῖν ἐς τὸ βουλευτήριον ἐξῆν, ἄρχειν σφας ἐπέτρεψε. См. 59, 1, 1: ἐκεῖνος μὲν γὰρ καὶ τῷ Τιβερίῳ τῷ ἐγγόνῳ τὴν αὐταρχίαν κατέλιπεν. Suet. Cal. 14: statim consensu senatus et irrumpentis in curiam turbae invita Tiberii voluntate, qui testamento alterum nepotem suum praetextatum adhuc coheredem ei dederat, ius arbitriumque omnium rerum ei permissum est...

[2]) Tac.: ad spem successionis admovere.

[3]) Suet. Cal. 15: fratrem Tiberium die virilis togae adoptavit appellavitque principem iuventutis. О формѣ общенародной присяги новому принцепсу даетъ весьма точное представленіе такъ называемое ius iurandum (Aritiensium) in C. Caesarem Augustum (C. J. L. 2, 172): ex mei animi sententia, ut ego iis inimicus ero, quos C. Caesari Germanico inimicos esse cognovero, et si quis periculum ei saluti[que] eius in[f]er[t] in[f]er[e]tque armis bello internicivo terra mari[que] persequi non desinam, quoad poenas ei persolverit: ne[que] me [neque] liberos meos eius salutis cariores habebo eos[que] qui in eum hostili animo fuerint mihi hostes esse ducam: si s[c]i[e]ns

Эпоха Калигулы, преисполненная разныхъ безсмысленныхъ выходокъ и самаго нелѣпаго произвола, любопытна съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, она даетъ возможность опредѣлить настоящую цѣну тѣхъ конституціонныхъ уступокъ въ республиканскомъ духѣ, которыя Августъ въ свое время счелъ нужнымъ сдѣлать и которыя Тиберій въ общемъ строго соблюдалъ, а во-вторыхъ, даетъ обильный матеріалъ для выясненія нравственной физіономіи римскаго общества этого времени.

Трехлѣтнее управленіе Калигулы, какъ нельзя лучше, доказало, что лицемѣрный характеръ государственнаго строя, созданнаго Августомъ, не только лишалъ всѣ сдѣланныя имъ уступки значенія, но даже содѣйствовалъ развитію чисто-деспотическихъ наклонностей нѣкоторыхъ принцепсовъ. Обладая фактически совершенно неограниченной властью, такія личности какъ Калигула, какъ Неронъ, какъ Мессалина и Агриппина младшая, постоянно раздражаются необходимостью соблюдать извѣстныя установившіяся формы вѣжливости по отношенію къ фактически безсильному сенату, къ магистратамъ и народу. Эти чисто-внѣшнія, но обязательныя формы вызываютъ въ нихъ желаніе *показать*, что это лишь формы и что на дѣлѣ они всесильны. Калигулу, напримѣръ, раздражала даже мысль, что именно сенатъ даруетъ и подноситъ ему всякіе титулы и почести, „точно они (сенаторы) стоятъ выше него“ и что они оказываютъ ему пріятное, „точно онъ стоитъ ниже ихъ“ [1]). Это чрезвычайно характерно. Противоположность его дѣйствительнаго и его конституціоннаго положенія заставляетъ его подчеркивать, что „ему позволено все и по отно-

---

fa[ll]o fefellerove, tum me liberos[que] meos Juppiter optimus maximus ac divus Augustus ceteriq[ue] di immortales expertem patria incolumitate fortunisque omnibus faxint. Ср. ψήφισμα Ἀσσίων γνώμῃ τοῦ δήμου въ Ephem. epigr. 5, стр. 155.

[1]) Dio 59, 23, 3: οὐδὲ γὰρ οὐδὲ ἐβούλετο δοκεῖν τι τῶν τιμήν τινα αὐτῷ φερόντων ἐπ' αὐτοῖς ὡς καὶ κρείττοσιν αὐτοῦ οὖσι καὶ χαρίσασθαι οἱ ὡς καὶ ἥττονί σφων ὄντι δυναμένοις εἶναι.

шенію ко всѣмъ“ [1]). Девизомъ его управленія могъ бы быть принципъ: власть для власти; вотъ почему его эпоха носитъ характеръ полнѣйшей непослѣдовательности въ дѣйствіяхъ, т.-е. полнѣйшаго произвола. Расхваливъ Тиберія, онъ потомъ его бранитъ, чтобы затѣмъ снова его возвеличивать [2]); осыпавъ свою бабку Антонію и своихъ сестеръ почестями, онъ затѣмъ умерщвляетъ первую, а двухъ изъ сестеръ ссылаетъ [3]). Объявивъ, что всегда будетъ управлять согласно съ совѣтами сената [4]), онъ затѣмъ грозитъ истребить всѣхъ сенаторовъ [5]). Возстановивъ народное избраніе магистратовъ, онъ его впослѣдствіи устраняетъ и неоднократно самымъ звѣрскимъ образомъ издѣвается надъ толпой [6]). Устранивъ политическіе процессы, онъ потомъ пользуется ими гораздо деспотичнѣе Тиберія [7]). Искать во всемъ этомъ смыслъ, было бы напраснымъ трудомъ: „многихъ“, говоритъ Діонъ [8]), „совершившихъ тяжкія преступленія, онъ не наказалъ, а многихъ ни въ чемъ неповинныхъ убилъ... такъ что никто не зналъ, ни что говорить, ни что дѣлать, чтобы ему угодить, а тѣ, которые имѣли успѣхъ въ чемъ-нибудь, скорѣе были

---

[1]) Suet. Cal. 29: Nihil magis in natura sua laudare se ac probare dicebat quam, ut ipsius verbo utar, ἀδιατρεψίαν (hoc est inverecundiam). Monenti Antoniae aviae tamquam parum esset non oboedire: memento ait mihi omnia et in omnes licere!

[2]) Dio, 59, 3, 7—8; 59, 4, 1—2; 59, 6, 7; 59, 16, 1—8 см. Suet. 30. Suet. 15.

[3]) Suet. 15. Dio, 59, 3, 4—6.—Dio, 59, 6. (о Друзиллѣ см. 59, 11, 1—6) и т. д. Suet. 23—25.

[4]) Dio 59, 6, 1: πρῶτον μὲν τοὺς βουλευτὰς, παρόντων ἐν τῷ συνεδρίῳ καὶ ἱππέων τοῦ τε δήμου τινῶν, πολλὰ ἐκολάκευσε, τήν τε ἀρχὴν κοινώσειν σφισι καὶ πάνθ' ὅσα ἂν καὶ ἐκείνοις ἀρέσῃ ποιήσειν ὑπέσχετο, καὶ υἱὸς καὶ τρόφιμος αὐτῶν λέγων εἶναι.

[5]) Dio, 59, 25. 5.

[6]) Dio, 59, 9, 4. Suet. 16. Dio, 59, 9, 6. 59, 20, 3—4 и др.

[7]) Dio, 59, 4, 3 и 5—6. 59, 16, 8. 59, 21, 4 и др.

[8]) Dio 54, 4, 5—6: καὶ πολλοὺς μὲν μεγάλα ἀδικήσαντας οὐκ ἐκόλασε, πολλοὺς δὲ μηδὲ ἀδικήσαντας ἀπέσφαξε... ὥστε μηδένα μηθ' ὅ τι εἰπεῖν μηθ' ὅ τι ποιῆσαι χρῆ πρὸς αὐτὸν εἰδέναι, ἀλλ' ὅσοι τε κατώρθωσαν, ἐκ συντυχίας μᾶλλον ἢ ἐκ γνώμης τυχεῖν αὐτοῦ.

обязаны счастливому случаю, чѣмъ сознательному отношенію его". „Такому-то самодержцу", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [1]), „тогда были отданы Римляне, такъ что время Тиберія, хотя оно и казалось до послѣдней степени тяжкимъ, такъ же выиграло отъ сравненія съ временемъ Гая, какъ время Августа отъ сравненія съ временемъ Тиберія. Ибо Тиберій, по крайней мѣрѣ самъ правилъ и пользовался своими слугами согласно съ своей собственной волей, а Гай находился въ рукахъ и возницъ и гладіаторовъ, и льстилъ какъ танцорамъ, такъ и другимъ имѣвшимъ отношеніе къ сценѣ".

Развращенные личные инстинкты [2]), соединенные съ желаніемъ убѣдить міръ въ своемъ всевластіи, придаютъ всему управленію Гая характеръ сплошного произвола и надругательства надъ достоинствомъ государственныхъ учрежденій и отдѣльныхъ личностей [3]). Уже въ древности нѣкоторые, повидимому, были склонны объяснять его поведеніе безуміемъ, и дѣйствительно сообщаютъ, что онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ страдалъ падучей [4]).

Для историка конституціонной и культурной жизни Рима даннаго времени это, однако, вопросъ мало интересный и неважный: былъ ли Калигула боленъ или здоровъ, одна возможность его поступковъ доказываетъ, что предѣлы власти принцепса были совершенно искусственны, и что римское общество не съумѣло и не пожелало воспользоваться тѣми пра-

[1]) Dio, 59, 5, 1.

[2]) Suet. passim 36 и сл. 23 сл.

[3]) Suet. 26 (напр.: ac nonnumquam horreis praeclusis populo famem indixit); 27: a calvo ad calvum; 29: Gallograeciam se subegisse. Dio passim, 59, 14, 7.

[4]) Suet. 50: valitudo ei neque corporis neque animi constitit. Puer comitiali morto vexatus... Mentis valitudinem et ipse senserat ac subinde de secessu deque purgando cerebro cogitavit... Incitabatur insomnia maxime... 51: non immerito mentis valitudini attribuerim diversissima in eodem vitia, summam confidentiam et contra nimium metum. См. Wiedemeister, der Caesarenwahnsinn in der julisch-claudischen Familie. Hann. 1875. См. Höck, 1, 3, 243. Schiller, 1, 306. Herzog, 2, 261, пр. 1.

вами, которыя ему были предоставлены. Не сенатъ и не магистратура объявили Гая низложеннымъ,—его убилъ, да притомъ, кажется, изъ личной мести, преторіанскій трибунъ.

Въ самомъ дѣлѣ, едва ли сомнительно, что поведеніе общества въ высшей степени содѣйствовало развитію звѣрскаго самодурства Калигулы. Тацитъ какъ-то замѣчаетъ, что для самого Нерона было неожиданно, что „всѣ его злодѣйства принимаются какъ крупныя заслуги“ [1]). Когда до него дошло извѣстіе, что его мать, согласно его приказанію, убита, онъ только „по совершеніи злодѣйства понялъ весь его ужасъ“ [2]). Всю ночь онъ провелъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи и ожидалъ, что приближающійся день принесетъ ему гибель. Только лесть центуріоновъ и трибуновъ, подосланныхъ Бурромъ и поздравлявшихъ его съ совершившимся фактомъ, только торжественныя службы въ храмахъ, гдѣ приносилась благодарность богамъ за то, что онъ будто бы избавился отъ преслѣдованій Агриппины, придали ему снова бодрость. Но несмотря на раболѣпные сенатусконсульты—одинъ Ѳразея Петъ не принялъ въ нихъ участіе [3])—онъ долго не рѣшался вернуться въ Римъ и, очевидно, самъ былъ пораженъ, когда увидѣлъ „вышедшія на встрѣчу трибы, сенатъ въ праздничномъ одѣяніи, толпы женъ и дѣтей, расположенныя по полу и возрасту, выстроенныя на пути его ступенями мѣста для зрителей, устроенныя точно такъ же, какъ при тріумфахъ“. Удивительно ли, что „гордый этимъ и торжествуя побѣду надъ общественнымъ раболѣпіемъ“, Неронъ не долженъ былъ уже знать никакихъ предѣловъ своему произволу? [4])

---

[1]) Ann. 14, 60... postquam cuncta scelerum suorum pro egregiis accipi videt. 14, 64.

[2]) Ann. 14, 10: Sed a Caesare perfecto demum scelere magnitudo eius intellecta est.

[3]) См. ниже гл. V.

[4]) Ann. 14, 10—13; 13: hinc superbus ac publici servitii victor Capitolium adiit, grates exsolvit, seque in omnes libidines effudit...

Въ произволѣ власти всегда виновато и общество. Но причины общественнаго раболѣпія разныя, смотря по тому, имѣемъ ли мы дѣло съ молодымъ обществомъ, среди котораго сознаніе своего достоинства еще не успѣло окрѣпнуть, или же съ обществомъ, уже прошедшимъ школу широкаго самоуправленія, всесторонняго участія въ общественныхъ дѣлахъ страны. Раболѣпіе римскаго общества временъ имперіи, какъ всегда шедшее рука объ руку съ скандальными сплетнями о личной жизни двора, съ внѣшней стороны именно тѣмъ и поразительно, что его республиканское прошлое не могло создать никакихъ навыковъ въ этомъ смыслѣ: заносчивость римскихъ аристократовъ II и I вѣка до нашей эры какъ-то слишкомъ ужъ внезапно замѣняется гнусной покорностью и пресмыкательствомъ. Единственное объясненіе этому крайне любопытному съ культурно-исторической точки зрѣнія явленію можно найти въ полной необезпеченности личности, въ безпрестанномъ „трепетаніи“ за свою жизнь въ эпоху междоусобныхъ войнъ и проскрипцій, съ одной стороны, въ традиціонномъ характерѣ римской морали съ другой стороны. Какъ переходъ отъ Фабриціевъ и Дентатовъ III вѣка къ грабителямъ II и I вѣка, такъ и переходъ отъ Сципіоновъ Назикъ и Опиміевъ конца II вѣка къ Атеямъ Капитонамъ и Валеріямъ Максимамъ первыхъ временъ имперіи, несмотря ни на какія внѣшнія условія, нельзя объяснить, если не принять въ разсчетъ неустойчивость полубезсознательной и во всякомъ случаѣ не продуманной шаблонной морали добраго стараго времени, которая одна руководила поступками и сужденіями подавляющаго большинства Римлянъ и одна только могла служить задерживающимъ моментомъ въ ихъ жизни. Малая степень сознательности этическихъ взглядовъ и навыковъ не давала обществу возможности, разобраться въ новыхъ вопросахъ и положеніяхъ, вызываемыхъ измѣненіемъ внѣшнихъ условій. Аристократы I вѣка не были раболѣпными льстецами не потому, что это не было

согласно съ ихъ нравственными убѣжденіями, а потому, что еще не было человѣка, который бы всѣхъ ихъ держалъ въ страхѣ [1]).

Вопросъ объ отношеніи общества къ власти представляется въ высокой степени важнымъ для пониманія всего процесса развитія римской имперіи. Дальше намъ придется указать на политическую безыдейность римскаго общества, лишавшую его возможности, повліять на власть въ смыслѣ достиженія тѣхъ или иныхъ систематическихъ реформъ въ государственномъ и соціальномъ строѣ Рима, здѣсь намъ необходимо еще нѣсколько остановиться на томъ отсутствіи всякаго противодѣйствія, на той, вызывающей къ вящшему произволу, заискивающей покорности его, которая еще усиливала естественную тенденцію власти къ установленію полной автократіи.

Какъ уже замѣчено выше, власть принцепса первоначально не имѣла ни характера божественности, ни также характера господства надъ подданными. Тѣмъ замѣчательнѣе, что уже при второмъ преемникѣ Августа и тотъ и другой взглядъ на императорскую власть высказывается совершенно опредѣленно и не только не встрѣчаетъ никакой оппозиціи въ обществѣ, но, пожалуй, даже высказывается впервые именно его представителями, чтобы послѣ этого встрѣтить полную поддержку и у принцепса—въ теоріи лишь верховнаго уполномоченнаго сената и народа.

„Л. Вителлій“, разсказываетъ Светоній [2]), „обладавшій удивительной способностью къ лести, первый показалъ примѣръ поклоненія Г. Цезарю какъ богу: вернувшись изъ

---

[1]) Чѣмъ, въ свою очередь, объясняется такой характеръ нравственной физіономіи римскаго общества, насъ въ данномъ случаѣ не касается.

[2]) Suet. Vit. 2. Онъ игралъ большую роль и при дворѣ Клавдія, достигъ трехъ консулатовъ (явленіе крайне рѣдкое среди частныхъ людей) и былъ цензоромъ вмѣстѣ съ Клавдіемъ ib. Послѣ его смерти сенатъ почтилъ его погребеніемъ на общественный счетъ и статуей съ надписью: pietatis immo-

Сиріи (пропреторомъ которой онъ былъ), онъ не рѣшался подходить къ нему иначе, какъ покрывъ голову (тогой) и падая ницъ предъ нимъ, послѣ того какъ повернулся вокругъ себя". Весьма возможно, что именно это и навело Калигулу на мысль, объявить себя богомъ: помимо того, что онъ сталъ себя называть Юпитеромъ Латіарисомъ [1]) и Посидономъ, и Геракломъ, и Діонисіемъ, и Аполлономъ, и даже Герой, Артемидой и Афродитой, причемъ одѣвался согласно съ тѣмъ, какое именно божество онъ въ данное время представлялъ [2]), помимо всего этого, онъ построилъ храмъ самому себѣ и назначилъ себѣ жрецовъ и избраннѣйшія жертвы, а богатѣйшіе люди имперіи, и интригами и торгами, добивались званія жрецовъ новаго бога [3]). Если не принять въ разсчетъ шутку того галла, о которомъ разсказываетъ Діонъ [4]), всѣ эти безсмысленныя выходки не вызвали никакого протеста. Наоборотъ, мы узнаемъ, что въ началѣ 40 г. сенатъ въ полномъ составѣ отправился на Капитолій, принесъ жертвы и бросился на колѣни предъ престоломъ Гая, который находился

---

bilis erga principem. Сынъ его былъ однимъ изъ трехъ эфемерныхъ императоровъ смутнаго времени отъ 68—70 г. О немъ самомъ см. также Tac. Ann. 6, 32: exemplar adulatorii dedecoris. Діонъ 59, 27. 28, 1: Οὐιτέλλιος μὲν οὖν ἐκεῖθεν ἀρξάμενος πάντας καὶ μετὰ τοῦτο τοὺς ἄλλους κολακείᾳ ὑπερεβάλλετο...

[1]) Suet. Cal. 22. Dio, 59, 28, 8.

[2]) Dio, 59, 26, 5—8. Извѣстно, какъ онъ говорилъ, что живетъ съ Селеной и спросилъ Вителлія, видитъ ли тотъ, какъ это совершается. Вителлій опустилъ глаза, точно пораженный слѣпотой, и отвѣтилъ, что „вамъ богамъ, о государь, однимъ возможно видѣть другъ друга", Dio, 59, 27, 6.

[3]) Suet. Cal. 22: Templum etiam numini suo proprium et sacerdotes et excogitassimas hostias instituit. In templo simulacrum stabat aureum iconicum, amicieBaturque cotidie veste, quali ipse uteretur. Magisteria sacerdotii ditissimus quisque et ambitione et licitatione maxima vicibus comparabant. Изъ Dio 59, 28, 2. видно, что одинъ храмъ былъ построенъ въ силу сенатусконсульта.

[4]) Dio 59, 24, 8—9: καὶ ποτέ τις ἀνὴρ Γαλάτης ἰδὼν αὐτὸν ἐπὶ βήματος ὑφηλοῦ ἐν Διὸς εἴδει χρηματίζοντα ἐγέλασεν· ὁ δὲ Γάιος ἐκάλεσέ τε αὐτὸν καὶ ἀνήρετο, „τί σοι δοκῶ εἶναι"; καὶ ὃς ἀπεκρίνατο, ἐρῶ γὰρ αὐτὸ τὸ λεχθὲν, ὅτι μέγα παραλήρημα. καὶ οὐδὲν μέντοι δεινὸν ἔπαθε· σκυτοτόμος γὰρ ἦν.

тутъ же въ храмѣ [1]). Тогда-то происходили тѣ удивительныя сцены въ сенатѣ, когда сенаторы въ теченіе нѣсколькихъ дней не рѣшались приниматься за дѣла, а собирались лишь для того, чтобы славословить Гая и приносить обѣты за него [2]).

Наряду съ провозглашеніемъ своей божественности, Гай помышлялъ и о принятіи царскаго титула.

„Принявъ разнаго рода прозвища“, говоритъ Светоній [3]), „(ибо онъ назывался и благочестивымъ, и сыномъ лагерей, и отцомъ войскъ, и лучшимъ и величайшимъ Цезаремъ) онъ воскликнулъ однажды, когда услышалъ, какъ цари, прибывшіе по дѣламъ въ столицу, спорили во время обѣда о благородствѣ своего происхожденія: „да будетъ одинъ господинъ, одинъ царь!“ и немного не доставало, чтобы онъ сейчасъ же надѣлъ діадему и превратилъ принципатъ въ царскую власть“. Только въ виду того, что ему объяснили, что онъ превзошелъ и принцепсовъ и царей, онъ отказался отъ своей мысли. Весьма вѣроятно, что, помимо природныхъ наклонностей, здѣсь сказалось вліяніе тѣхъ восточныхъ царей — особенно Ирода Агриппы Іудейскаго и Антіоха Коммагенскаго—которыхъ римляне считали „наставниками Гая въ тираніи“ [4]). Сознаніе конституціонности власти принцепса, очевидно, утратилось у него: въ этомъ смыслѣ особенно характерна та хвалебная рѣчь его о Тиберіи, которую приводитъ Діонъ и о которой упоминаетъ и Светоній. Явившись въ 39 г. въ сенатъ, онъ очень восхвалялъ Тиберія и рѣзко обвинялъ сенатъ и народъ за то, что они его напрасно поносили. „Мнѣ“,

---

[1]) Dio 59, 24, 4: ἐς τὸ Καπιτώλιον ἀθρόοι οἱ βουλευταὶ ἀναβάντες τάς τε θυσίας ἔθυσαν καὶ τὸν τοῦ Γαΐου δίφρον τὸν ἐν τῷ ναῷ κείμενον προσεκύνησαν.

[2]) Dio 59, 24, 5: ὅλην τὴν ἡμέραν ἔν τε τοῖς ἐπαίνοις αὐτοῦ καὶ ἐν ταῖς ὑπὲρ αὐτοῦ εὐχαῖς κατέτριψαν...

[3]) Suet. Cal. 22: εἷς κοίρανος ἔστω, εἷς βασιλεύς. См. Hom. II. 2, 204.

[4]) Dio 59, 24: ἐπυνθάνοντο τόν τε Ἀγρίππαν αὐτῷ καὶ τὸν Ἀντίοχον τοὺς βασιλέας ὥσπερ τινὰς τυραννοδιδασκάλους συνεῖναι.

говорилъ онъ, „какъ императору, позволительно дѣлать и это, вы же не только поступаете несправедливо, но и безбожно по отношенію къ вашему государю, дѣйствуя такъ“. Перечисляя послѣ этого всѣхъ казненныхъ при Тиберіи, онъ доказывалъ, что сенаторы виноваты въ гибели большинства изъ нихъ, отчасти какъ обвинители, отчасти какъ свидѣтели, всѣ какъ судьи. Да если даже Тиберій въ чемъ-нибудь и поступилъ несправедливо, они не должны были оказывать ему почести, пока онъ былъ живъ. Распространившись объ этомъ, онъ заставилъ говорить Тиберія, что онъ, Гай, все это сказалъ и красиво и правильно, и пусть онъ въ виду этого не станетъ ни любить, ни щадить кого бы то ни было. „Ибо всѣ тебя ненавидятъ и всѣ желаютъ, чтобы ты умеръ; и они бы убили тебя, еслибъ могли... Поэтому признавай наиболѣе справедливымъ только то, что пріятно и безопасно для тебя. Ибо такъ ты никогда не испытаешь ничего дурного и воспользуешься всѣми наслажденіями, да вдобавокъ будешь почитаться ими, все равно пожелаютъ ли они это или нѣтъ. Если же ты поступишь иначе, ты на дѣлѣ отъ этого не будешь имѣть никакой пользы, а на словахъ пріобрѣтешь пустую славу и больше ничего, и умрешь безславно вслѣдствіе заговора. Ибо никто изъ людей не подчиняется власти по доброй волѣ, а каждый подчиняется болѣе сильному, поскольку его боится, а когда пріобрѣтаетъ увѣренность въ своей собственной силѣ, мститъ болѣе слабому“ [1]). Эта своеобразная profession de foi чистаго деспотизма также мало вызвала противодѣйствіе, какъ созданіе спеціальнаго культа бога Гая, и сенатъ на другой день послѣ рѣчи Калигулы восхвалялъ его за его правдивость и благочестіе (выразившееся въ защитѣ

[1]) Dio 59, 16, 1—8. Suet. Cal. 30: Saepe in cunctos pariter senatores, ut Seiani clientes, ut matris ac fratris suorum delatores, invectus est, prolatis libellis, quos crematos simulaverat, defensaque Tiberii saevitia quasi necessaria, cum tot criminantibus credendum esset.

памяти Тиберія) и благодарилъ его, что онъ не погубилъ его всего. За это, помимо другихъ почестей, было рѣшено установить ежегодное жертвоприношеніе его человѣколюбію въ годовщину того дня, когда онъ произнесъ свою рѣчь [1]).

Несмотря на всю покорность сената, убіеніе Гая доказало, что для чистаго деспотизма принцепса-бога по крайней мѣрѣ въ той крайней формѣ, въ которой онъ проявлялся при Калигулѣ, время еще не настало. Даже больше, его безумства вызвали мысль, которая въ 37 г., повидимому, осталась совершенно чужда римскому обществу, а именно, мысль объ упраздненіи принципата. „Настроеніе того времени“, говоритъ Светоній [2]), „каждый легко можетъ усмотрѣть изъ слѣдующаго. Съ одной стороны, не сразу повѣрили распространившейся вѣсти объ его убіеніи, и существовало подозрѣніе, что Гай самъ выдумалъ и распространилъ извѣстіе о своемъ убійствѣ, чтобы раскрыть настроеніе людей по отношенію къ нему. Съ другой стороны, заговорщики не выставили чьей-нибудь кандидатуры на власть; и сенатъ былъ настолько единодушенъ въ рѣшеніи возстановить свободу, что консулы созвали его не въ курію, такъ какъ она называлась юльской, а на капитолій, а нѣкоторые предложили осудить память цезарей и низвергнуть ихъ храмы“. Сенатъ, повидимому, разсчитывалъ на городскія когорты, которыя заняли форумъ и капитолій, и сначала консулы даже рѣшились пригласить, провозглашеннаго войсками императоромъ, Клавдія, какъ сенатора и бывшаго консула, явиться въ засѣданіе и подать свой голосъ. Клавдій уклонился отъ этого подъ тѣмъ предлогомъ, что преторіанцы держатъ его какъ бы въ плѣну, а тѣмъ временемъ сенатъ утомился разногласіемъ мнѣній въ своей собственной средѣ и уступилъ, напуганный криками окружавшей его толпы, требовавшей одного правителя и кричавшей имя Клавдія. Рес-

[1]) Dio, 59, 16, 9—11.
[2]) Suet. Cal. 60.

публика не продержалась и трехъ дней *и послѣ этого мы уже ни разу не видимъ, чтобы сенатъ рѣшился или былъ въ состояніи поднять вопросъ объ упраздненіи принципата*: даже въ 68 г. этотъ вопросъ былъ поднятъ не имъ, а нѣкоторыми намѣстниками.

Реакція противъ безумствъ Гая все же унесла съ собою многое изъ его нововведеній: только лѣтъ 50 спустя, Домиціанъ снова рѣшился присвоить себѣ божественность и характеръ государя—господина (dominus). Въ этомъ отношеніи эпоха Клавдія представляетъ возвратъ къ болѣе раннимъ временамъ.

Иное дѣло одно весьма существенное нововведеніе въ области политическихъ процессовъ, въ широкихъ размѣрахъ практиковавшееся впервые при Гаѣ—замѣна сенатскаго суда личнымъ судомъ императора. Несмотря на то, что ею устранялись послѣднія границы судебнаго произвола властителя, она сохранилась и послѣ смерти Гая. Расхитивъ въ самомъ непродолжительномъ времени собранную Тиберіемъ огромную казну, Калигула не только первый въ широкихъ размѣрахъ сталъ пользоваться политическими процессами съ цѣлью конфискацій [1]), но пересталъ также вносить ихъ въ сенатъ, что до него строго соблюдалось, по крайней мѣрѣ относительно лицъ, не находившихся въ непосредственномъ услуженіи у императора [2]).

---

[1]) Тацитъ въ общемъ признаетъ безкорыстіе Тиберія и также какъ Светоній упоминаетъ только о крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда будто бы конфискація была конечной цѣлью Тиберія при обвиненіи въ оскорбленіи величества. При Калигулѣ это наоборотъ становится правиломъ. Dio 59, 18, 1—3: ἐξαναλωθεὶς γὰρ ἐς αὐτὴν πολλῷ πλείοσι διὰ τὰς οὐσίας ἐπεβούλευσεν. ib. 59, 21, 4: καὶ ἦν δημόσιον ἐγκλημα πᾶσί σφισι τὸ πλουτεῖν. Suet. Cal. 38: exhaustus igitur atque egens ad rapinas convertit animum, vario et exquisitissimo calumniarum et auctionum et vectigalium genere. Вообще гл. 38—42. 47 i. f. 29 i. f.; о казняхъ см. 27—30.

[2]) Да и то прокураторъ Азіи, Луцилій Капитонъ, по волѣ Тиберія былъ привлеченъ къ сенатскому суду см. выше стр. 302. Смерть Агриппы Постума оффиціально была объявлена простымъ убійствомъ не въ мѣру услужливаго центуріона. Tac. Ann. 1, 6. Suet. Tib. 22. Исключеніе соста-

„Онъ судилъ", говоритъ Діонъ, „какъ единолично, такъ и при участіи всего сената. Нѣкоторыхъ, впрочемъ, сенатъ осудилъ и самъ по себѣ; но онъ не былъ господиномъ своихъ рѣшеній, а по массѣ дѣлъ, рѣшенныхъ имъ, была подана аппеляція. Рѣшенія сената становились извѣстными иначе, имена же тѣхъ, которые были осуждены Гаемъ, выставлялись, точно онъ боялся, что они скроются".

Судить о количествѣ подвергнутыхъ казни въ силу какого бы то ни было судебнаго рѣшенія—извѣстно, что Гай подчасъ обходился и безъ всякаго суда [1])—невозможно, такъ какъ книги Тацита, посвященныя времени Гая, погибли, Светоній даетъ лишь слишкомъ общія указанія, а Діонъ упоминаетъ лишь о такихъ дѣлахъ, которыя почему-либо обратили на себя его вниманіе, и не указываетъ, разрѣшались ли они судебнымъ порядкомъ или простымъ приказаніемъ Гая безъ всякой процедуры [2]).

вляетъ только дѣло Вескуларія Флакка и Юлія Марина, казненныхъ по приказанію Тиберія безъ участія сената.

[1]) Нужно впрочемъ, замѣтить, что императорскій судъ принадлежалъ къ разряду cognitiones extraordinariae и въ силу этого императоръ по закону не былъ связанъ рѣшительно никакими процессуальными порядками: при такихъ условіяхъ трудно провести границу между казнью и простымъ убійствомъ.

[2]) Вотъ дѣла, упоминаемыя Діономъ: дѣло Т. Гемелла 59, 8, 1, о которомъ сенату даже не было сообщено (59, 9, 2: καὶ οὐδ' ἐπέστειλέ τι περὶ αὐτοῦ τῇ βουλῇ ὅπερ που καὶ ἐπ' ἄλλων μετὰ τοῦτο πολλῶν ἐποίησεν), дѣло П. Афранія Потита (принужденъ къ самоуб.) 59, 8, 3, М. Силана (казненъ) 59, 8. 4, Г. Кальпурнія Пизона (сосланъ) 59, 8, 7—8, рядъ дѣлъ неизвѣстныхъ, въ томъ числѣ 26 всадниковъ 59, 10, 1—2, дѣло Макрона и Эннія (принуждены къ самоубійству) 59, 10, 6, ἕτεροι πολλοί будто бы за участіе въ преслѣдованіи семьи Германика, τὸ δ' ἀληθὲς διὰ τὰς οὐσίας. 59, 10, 7, ἑτέρους за отношеніе къ его болѣзни 59, 10, 8 и къ смерти Друзиллы: 59, 11, 5—6, πολλοί 59, 13, 2 и сл. (59, 15, 6: καὶ ἀζήμιος τῶν γέ τι ἐχόντων οὐδεὶς, οὐκ ἀνὴρ οὐ γυνὴ ἦν.); πολλῷ πλείοσι.. ἐπεβούλευσεν 59, 18, 1; дѣло Кальвизія Сабина, бывшаго намѣстника Панноніи, и его жены (самоубійство) 59, 18, 4, Титія Руфа (тоже) 59, 18, 5, Юнія Приска (казненъ) 59, 18, 5, дѣло оратора Домиція Афра 59, 19, 1—7, дѣло философа Сенеки 59, 19, 7 и ритора Карината Секунда 59, 20, 6, казни въ Галліи: ἄλλους ὡς νεωτερίζοντας, ἄλλους ὡς ἐπιβουλεύοντας οἱ 59, 21, 4. cf. 59, 22, 3 (Suet. 29 i. f.), дѣло Лентула Гетулійскаго

Во всякомъ случаѣ, число казненныхъ, повидимому, было очень значительно: такъ Светоній разсказываетъ, что однажды онъ осудилъ болѣе 40 лицъ, обвиненныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, однимъ приговоромъ [1]). Наряду съ этимъ и Светоній и Діонъ приводятъ цѣлый рядъ другихъ случаевъ массовыхъ казней, въ которыхъ не знаешь, чему больше удивляться, покорности ли общества или звѣрскому легкомыслію Гая [2]). Всякое представленіе о правахъ гражданина предъ властью, о защитѣ личнаго достоинства, достоинства женъ, дочерей и сыновей гражданъ, должно было исчезнуть при такихъ условіяхъ [3]). Общество перестало удивляться даже самымъ дикимъ, самымъ нелѣпымъ выходкамъ властелина, систематически издѣвавшагося надъ нимъ, и если непривлекательныя стороны всего новаго режима, если, въ частности, подозрительная жестокость Тиберія отражалась почти исключительно на высшемъ обществѣ столицы, то безумства Гая совершались не только на глазахъ самого Рима, но и въ Италіи и въ Галліи и касались, наконецъ, всѣхъ провинцій вообще. Опереточные походы на германцевъ и бриттовъ [4]), а также казни и конфискаціи коснулись, повидимому, главнымъ образомъ Италіи и Галліи, безчисленное количество новыхъ налоговъ падало на всѣхъ. Налоги на съѣстные припасы, судебныя пошлины (2,5% со стоимости объекта судоговоренія), налогъ на носильщиковъ (вось-

(казненъ) 59, 22, 5; дѣло Лепида, мужа Друзиллы (казненъ) 59, 22, 6—7 и его собственныхъ сестеръ Агриппины и Ливиллы (сосланы) 59, 22, 8; дѣло ихъ любовниковъ 59, 23, 8 въ томъ числѣ Софонія Тигеллина (сосланъ) 59, 23, 9, дѣло Птоломея, с. Юбы (казненъ) 59, 25, 1, дѣло Кассія Ветиллина и его отца (казнены) 59, 25, 6, убійство Скрибонія Прокла сенаторами 59, 26 1—2, дѣло Помпонія (освобожденъ) 59, 26, 3.

[1]) Suet. Cal. 38: Ac ne paululum quidem morae patiens, super quadraginta quondam reos ex diversis criminibus una sententia condemnavit, gloriatusque est expergefacta e somno Caesonia, «quantum egisset, dum ea meridiaret".

[2]) См. выше стр. 389 пр. 3.

[3]) Suet. Cal. напр. 24—25.

[4]) Напр. Suet. Cal. 43—46.

мая часть ихъ ежедневнаго заработка), налогъ на проституток, будто бы распространенный и на замужнихъ женщинъ, и т. д. [1])—все это, повидимому, устанавливалось безъ всякаго участія сената, такъ что и въ финансовомъ отношеніи власть принцепса была доведена до nec plus ultra [2]). Если Тиберій напоминалъ не въ мѣру ревностнымъ прокураторамъ, что „добрый пастырь стрижетъ своихъ овецъ, но не сдираетъ съ нихъ шкуру“ [3]), то Гай, наоборотъ, формально поощрялъ ихъ къ грабежу [4]).

Республиканскія формы принципата по всѣмъ пунктамъ оказались, такимъ образомъ, совершенно безсильными: разъ принцепсу была предоставлена совершенно неограниченная дискреціонная власть, употребленіе ея въ томъ или иномъ направленіи всецѣло зависѣло отъ нравственной высоты его личности, отъ его взглядовъ и вкусовъ. Не существовало никакого законнаго средства принудить принцепса, обсуждать предполагающіяся мѣропріятія съ сенатомъ или вообще съ кѣмъ бы то ни было. Имѣя право прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ, когда онъ признаетъ это нужнымъ, принцепсъ всегда имѣлъ возможность дѣйствовать самостоятельно, помимо всѣхъ другихъ законныхъ факторовъ народной жизни.

При такихъ условіяхъ разъ между принцепсомъ и обществомъ произойдетъ коренной разладъ, единственное средство видоизмѣнить ненормальное теченіе государственной жизни, только и можетъ заключаться въ примѣненіи насилія противъ насилія, въ народной или гвардейски-дворцовой революціи. Римское общество безъ всякой серьезной оппозиціи перенесло всѣ тяжелыя стороны режима Августа и Тиберія и потребо-

[1]) Suet. Cal. 40.
[2]) Suet. Cal. 41.
[3]) Suet. Tib. 32.
[4]) Suet. Cal. 47: scripsit et procuratoribus triumphum appararent quam minima summa, sed quantus numquam alius fuisset, quando in omnium hominum bona ius haberent.

валось развращенное безумiе Калигулы, чтобы вывести его изъ терпѣнiя. Трибуны преторiанцевъ Кассiй Херей и Корнелiй Сабинъ [1]) не могли бы привести своего намѣренiя въ исполненiе, еслибъ имъ не сочувствовали даже ближайшiе къ Гаю придворные круги, въ томъ числѣ вліятельный либертъ Каллистъ и преторiанскiй префектъ [2]). Въ высшей степени замѣчательно, что первый принцепсъ, убитый за свои звѣрства, палъ не вслѣдствiе народнаго возстанiя, не вслѣдствiе сенатскаго заговора, а погибъ отъ рукъ именно тѣхъ лицъ, которыхъ выдвинулъ принципатъ и на которыхъ онъ разсчитывалъ: отъ заговора гвардейскихъ офицеровъ и придворной челяди, начинавшей уже пріобрѣтать политическое значенiе [3]). Уже въ силу этого, всякая мысль о возвращенiи къ республикѣ или даже о коренной реформѣ принципата была безполезна. Гибель Гая не была дѣломъ сената, иначе говоря, въ сенатѣ, несмотря на невѣроятныя гнусности, продѣланныя Гаемъ, не нашлось ни одного достаточно честнаго, энергичнаго и ловкаго человѣка, который бы рѣшился и съумѣлъ явиться представителемъ и защитникомъ сенатскихъ (и въ извѣстной мѣрѣ общенародныхъ) интересовъ противъ произвола власти. Не принявъ участiя въ заговорѣ, сенатъ въ то же время лишилъ себя возможности регулировать его послѣдствiя, и только отсутствiе общепризнаннаго кандидата на принципатъ сдѣлало возможнымъ трагикомическiй эпизодъ возстановленiя республики.

[1]) По словамъ Свѣтонiя и Дiона Кассiй игралъ первую роль въ этомъ дѣлѣ: имъ руководила, повидимому, личная месть. Suet. Cal. 56. Dio, 59, 29, 2.

[2]) Dio 59, 29, 1: συνώμοσαν μέν γὰρ πλείονες καὶ συνήδεσαν τὸ πραττόμενον, ἐν οἷς ἦν ὅ τε Κάλλιστος καὶ ὁ ἔπαρχος. Suet. Cal. 56: non sine conscientia potentissimorum libertorum praefectorumque praetori; quod ipsi quoque etsi falso in quadam coniuratione quasi participes nominati, suspectos tamen se et invisos sentiebant.

[3]) При Гаѣ впервые начинаютъ играть роль либерты, о Каллистѣ см. Dio 59, 19, 6, о Протогенѣ 59, 26, 1 (либертъ ли?) Объ отношенiи преторiанцевъ (и войска вообще) къ дому Цезарей Tac. Ann. 2, 76: penitus infixus in Caesares amor. Вотъ почему Дiонъ съ удивленiемъ констатируетъ о Хереѣ и Сабинѣ, καίτοι χιλιαρχίας ἐν τῷ δορυφορικῷ ἔχοντες 59, 29, 1.

Болѣе достойное поведеніе сената могло бы его возвысить въ глазахъ общества: теперь его пресмыкательство прибавило къ застарѣлой враждѣ еще презрѣніе [1]).

Вопросъ о замѣщеніи принципата былъ рѣшенъ тѣми же, которые устранили Гая, т.-е. преторіанцами. Часть заговорщиковъ, правда, была убита германскими тѣлохранителями Гая [2]). Послѣ его убійства, въ Римѣ, повидимому, воцарилась анархія: сенатъ совѣщался подъ предсѣдательствомъ консуловъ и не могъ придти ни къ какому рѣшенію [3]), а солдаты тѣмъ временемъ занимались грабежемъ во дворцѣ убитаго [4]). Во время этихъ безпорядковъ толпа солдатъ случайно наткнулась на 50-лѣтняго дядю Гая, Клавдія [5]), и, провозгласивъ его императоромъ, понесли его въ преторіанскій лагерь, гдѣ онъ тотчасъ былъ признанъ: „такъ какъ онъ принадлежалъ къ царскому роду и считался снисходительнымъ“, говоритъ Діонъ, „они ему дали всю власть“ [6]). Послѣ неудачной попытки побудить Клавдія къ отреченію отъ власти, сенату при такихъ условіяхъ ничего не оставалось, какъ признать совершившійся фактъ и даровать Клавдію всѣ права принцепса [7]).

Деспотическій характеръ принципата въ существенныхъ чертахъ нисколько не измѣнился и послѣ Гая.

---

[1]) Впрочемъ см. Dio 59, 30, 2 о томъ, какъ бывшій консулъ Валерій Азіатскій успокоилъ волновавшихся по случаю убійства преторіанцевъ словами: εἴθε ἐγὼ αὐτὸν ἀπεκτόνειν.

[2]) Suet. Cal. 58: ad primum tumultum lecticari cum asseribus in auxilium accucurrerunt, mox Germani corporis custodes, ac nonnullos ex percussoribus, quosdam etiam senatores innoxios interemerunt.

[3]) Dio, 60, 1, 1.

[4]) Dio 59, 30, 2. Dio 60, 1, 2: κἀν τούτῳ στρατιῶταί τινες ἐς τὸ παλάτιον, ὅπως τι συλήσωσιν, ἐσελθόντες...

[5]) Его жизнь до 41 г. см. у Suet. Claud. 1—10.

[6]) Suet. Cl. 10. Dio 60, 1, 3: οἷα τοῦ τε βασιλικοῦ γένους ὄντι καὶ ἐπιεικεῖ νομιζομένῳ, πᾶν τὸ κράτος αὐτῷ ἔδωκαν.

[7]) Dio 60, 1, 4: καὶ τὰ λοιπὰ ὅσα ἐς τὴν αὐταρχίαν ἥκοντα ἦν αὐτῷ ἐψηφίσαντο.

Клавдій — или точнѣе Тиберій Клавдій Германикъ [1]), — правда, не только не одобрялъ поведенія своего племянника, отъ котораго ему и самому пришлось не мало претерпѣть [2]), но даже вполнѣ искренно стремился возстановить и соблюдать конституціонныя формы. Юность его прошла при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: слабый и болѣзненный, онъ не могъ выдержать сравненія съ другими членами богато одаренныхъ семействъ Цезарей и Клавдіевъ, и съ раннихъ лѣтъ сдѣлался предметомъ презрѣнія или прямо глумленія. На него смотрѣли какъ на несчастнаго урода, позорящаго правящій домъ, и систематически устраняли его отъ всякихъ должностей и почестей [3]). Предоставленный придворной челяди и придворнымъ ученымъ [4]), онъ поневолѣ рано сталъ заниматься разнаго рода учеными трудами и вмѣстѣ съ учеными симпатіями сохранилъ и ученый педантизмъ, уже будучи императоромъ [5]). Особенно извѣстны его занятія въ области исторіи, при которыхъ онъ пользовался совѣтами самого Ливія; но и здѣсь его постигла неудача: излагая исторію гражданскихъ войнъ, онъ скоро убѣдился, что правдивое изложеніе ихъ невозможно, и въ силу этого отказался отъ задуманнаго труда [6]). Зато изложеніе этрурской и карѳаген-

[1]) Schiller, Gesch. d. röm. Kais. 1, 316, пр. 3.

[2]) Suet. Cl. 7. Nero 6: tum Claudius inter ludibria aulae erat.

[3]) Suet. Cl. 3: mater Antonia portentum eum hominis dictitabat, nec absolutum a natura, sed tantum inchoatum; ac si quem socordiae argueret, stultiorem aiebat filio suo Claudio. См. ib. 4, письмо Августа къ Ливіи о немъ. Suet. Cl. 2: animo simul et corpore hebetato, ne progressa quidem aetate ulli publico privatoque muneri habilis existimaretur.

[4]) Suet. Cl. 2: diu atque etiam post tutelam receptam alieni arbitrii et sub paedagogo fuit, quem barbarum et olim superiumentarium ex industria sibi appositum, ut se quibuscumque de causis quam saevissime coerceret, ipse quodam libello conqueritur: ср. ib. 5, Dio 60, 2, 1.

[5]) Наклонность къ устарѣвшимъ выраженіямъ, напримѣръ, рѣзко выражается въ его рѣчи о дарованіи Галламъ iuris honorum и въ эдиктѣ объ Анавнахъ. Mommsen, Hermes, 4, 116 сл.

[6]) Suet. Cl. 41: historiam in adulescentia, hortante T. Livio, Sulpicio vero Flavo etiam adiuvante, scribere adgressus est... Initium autem sumpsit

ской исторіи и составленіе автобіографіи также мало могли вызвать нареканія, какъ работы о римскомъ алѳавитѣ, который онъ, уже будучи императоромъ, рѣшилъ обогатить тремя новыми буквами [1]).

Несмотря на презрительное отношеніе властителей къ нему [2]), римское общество, однако, сочло необходимымъ оказать вниманіе и ему. Сословіе всадниковъ два раза избрало его своимъ патрономъ, сенатъ внѣ очереди избралъ его членомъ sodalium Augustalium, постановилъ, возстановить его сгорѣвшій домъ на государственныя средства, и далъ бы ему право голоса среди бывшихъ консуловъ, если бы Тиберій не воспротивился этому [3]).

Но только при Гаѣ онъ пріобрѣлъ званіе консула, что̀, впрочемъ, не помѣшало и племяннику глумиться надъ нимъ и даже грозить ему смертью [4]).

Тяжелыя условія, въ которыя судьба его поставила съ самыхъ раннихъ лѣтъ и до преклоннаго возраста—ему шелъ пятидесятый годъ, когда преторіанцы провозгласили его императоромъ [5])—не могли не остаться безъ вліянія на его характеръ. Боязливый по природѣ, онъ сдѣлался окончательно трусомъ, когда звѣрства Гая, съ одной стороны, разные заговоры, съ другой, доказали ему, какъ опасно занимаемое имъ положеніе [6]). Съ другой стороны, общество, въ которомъ онъ такъ долго вращался, воспитало въ немъ вкусъ къ вину и

historiae post caedem Caesaris dictatoris, sed et transiit ad inferiora tempora coepitque a pace civili, cum sentiret neque libere neque vere sibi de superioribus tradendi potestatem relictam *correptus saepe et a matre et ab avia.*

[1]) Буквы Suet Cl. 41. Другое ib. 42.

[2]) Тиберій, впрочемъ, далъ ему consularia ornamenta, но отказалъ въ настоящемъ консульствѣ. Suet. Cl. 5.

[3]) Suet. Cl. 6.

[4]) Suet. Cl. 9.

[5]) Suet. Cl. 45.

[6]) Suet. Cl. 35: Sed nihil aeque quam timidus ac diffidens fuit. Здѣсь же (35—37) примѣры. ib. 29, 33. Dio, 60, 2, 6. 60, 14, 3—4.

игрѣ [1]), а природная чувственность дѣлала его рабомъ всякой женщины, желавшей имъ управлять [2]). Если къ этому прибавить болѣзненную разсѣянность и забывчивость [3]) и вспыльчивость, доводившую этого, по существу доброжелательнаго, человѣка до жестокости [4]), то становится понятнымъ, какъ его супруги, Мессалина и Агриппина, и его либерты могли забрать его въ руки и во всѣхъ вопросахъ, такъ или иначе затрагивавшихъ ихъ интересы, добиться своихъ цѣлей [5]).

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ основной чертой его принципата должна быть признана полная непослѣдовательность, тяжело отражавшаяся на всемъ римскомъ обществѣ и на практикѣ мало чѣмъ отличавшаяся отъ дикаго произвола его предшественника.

Съ одной стороны, Клавдій лично рѣшительно не сочувствовалъ чистому деспотизму и отказался не только отъ званія бога и господина, но—слѣдуя примѣру Тиберія—и отъ званія императора [6]). Сенатъ снова занялъ подобающее ему мѣсто въ государственномъ управленіи [7]): изгнанные возвращались только съ его согласія; онъ-же разрѣшилъ Клавдію, входить въ сенатъ въ сопровожденіи преторіанскаго префекта и военныхъ

---

[1]) Suet. Cl. 5: abiecta spe dignitatis, ad otium concessit, modo in hortis et suburbano modo in Campaniae secessu delitescens, atque ex contubernio sordidissimorum hominum super veterem segnitiae notam ebrietatis quoque et aleae infamiam subiit. cf. ib. 33.

[2]) Tac. pass. Suet. Cl. 26—27 о его бракахъ и Cl. 33: libidinis in feminas profusissimae, marum omnino expers.

[3]) Suet. Cl. 39—40: inter cetera in eo mirati sunt homines et oblivionem et inconsiderantiam...

[4]) Suet. Cl. 38: irae atque iracundiae conscius sibi... Свѣтоній, впрочемъ, приписываетъ ему и природную жестокость и даже кровожадность. ib. 34.

[5]) Suet. Cl. 28—29. Sen. apocol.

[6]) Suet. Cl. 12: at in semet augendo parcus atque civilis, praenomine imperatoris abstinuit, nimios honores recusavit...

[7]) Къ этому относятъ надпись на сенатскихъ монетахъ: Libertas Augusta S. C. Eckhel 6, 239. Cohen, Claude 79. Schiller, Gesch. 1, 330 пр. 3. Suet. Cl. 23: de maiore negotio acturus in curia, medius inter consules tribunicio subellio sedebat.

трибуновъ; онъ предоставилъ императорскимъ прокураторамъ судебную власть [1]). Діонъ Кассій даже утверждаетъ, что Клавдій упразднилъ процессы объ оскорбленіи величества [2]); но это едва ли согласуется съ тѣмъ, что̀ намъ извѣстно о многочисленныхъ процессахъ его времени, характеръ которыхъ заставляетъ предполагать, что если Клавдій, быть можетъ, въ самомъ началѣ своего управленія и отказался отъ политическихъ процессовъ, то впослѣдствіи онъ, во всякомъ случаѣ, снова сталъ прибѣгать къ нимъ [3]). Магистраты были снова окружены почетомъ [4]), и Клавдій, страстно любившій судебныя дѣла [5]), не вмѣшиваясь въ ихъ судъ, участвовалъ въ немъ въ качествѣ простого совѣтника [6]). Была возстановлена цензура, въ которой коллегой его былъ Л. Вителлій [7]); въ связи съ этимъ Клавдію было дано право расширять померіумъ [8]) и назначить новыхъ патриціевъ [9]). На ряду съ этими мѣрами, находившими сочувствіе среди аристократіи, Клавдій призвалъ къ участію въ законодательствѣ и народъ [10]). Казалось, что принципатъ снова принимаетъ форму, данную ему Августомъ и Тиберіемъ.

---

[1]) Suet. Cl. 12... precario exegit.

[2]) Dio 60, 3, 6: τὸ τε ἔγκλημα τῆς ἀσεβείας ὁμοίως οὐκ ἐν τοῖς γράμμασι μόνοις ἀλλὰ καὶ ἐν ταῖς πράξεσιν ἔπαυσε, καὶ οὐδένα διὰ τοιοῦτο τι οὔτ' ἐπὶ τοῖς προτέροις οὔτ ἐπὶ τοῖς ἔπειτα ἐκόλασε. Также Schiller, Gesch. l. c. die Majestätsprocesse abgeschafft. Онъ ссылается и на Suet. Cl. 12: тамъ объ этомъ вовсе не говорится.

[3]) См., напр., дѣло Валерія Азіатскаго. Tac. Ann. 11, 1—3. Слова Тацита Ann. 14, 48: tum primum (въ 62 г.) revocata ea lex (т.-е. lex Julia maiestatis), скорѣе заставляютъ предполагать, что законъ былъ снова отмѣненъ въ либеральную эру Сенеки и Бурра.

[4]) Suet. Cl. 12: о народныхъ трибунахъ.

[5]) Suet. Cl. 14.

[6]) Suet. Cl. 12.

[7]) Suet. Cl. 16. Tac. Ann. 11, 13. Dio, 60, 29, 1.

[8]) lex de imp. Vesp.

[9]) Tac. Ann. 11, 25: laetaque haec in rempublicam munia multo gaudio censoris inibantur.

[10]) См. выше, стр. 202.

Съ другой стороны, однако, Клавдій не только прибѣгалъ къ не совсѣмъ красивымъ средствамъ для обезпеченія своей личности [1]), не только внимательно соблюдалъ престижъ власти—съ этой цѣлью онъ подвергъ казни убійцъ Гая [2]), и не утвердилъ ни постановленія объ уничтоженіи его статуй [3]), ни общаго упраздненія его эдиктовъ [4]),—но, особенно въ области судопроизводства, широко пользовался своей дискреціонной властью. Уже Гай, какъ мы видѣли, не стѣснялся рѣшать вопросъ о жизни и смерти знатнѣйшихъ гражданъ самолично безъ соблюденія какихъ-бы то ни было процессуальныхъ формъ. При Клавдіи мы снова встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ: такъ, напримѣръ, процессъ Валерія Азіатскаго, два раза бывшаго консуломъ, былъ рѣшенъ у него въ спальнѣ безъ участія сената [5]). Ясно до какой степени это содѣйствовало развитію полнаго произвола и вліянію приближенныхъ къ принцепсу лицъ. Два-три болѣе или менѣе серьезныхъ заговора [6]) довели подозрительность Клавдія до болѣзненнаго

[1]) Всѣ мужчины и женщины, являвшіеся къ нему, обыскивались, нѣтъ ли у нихъ оружіе, а во время пировъ всегда присутствовали преторіанцы. Первое было отмѣнено Веспасіаномъ. Suet. 35. Dio, 60, 3, 3.

[2]) Dio 60, 3, 4: ὅτι ἐτόλμησεν αὐτοκράτορα ἀποσφάξαι. Suet. Cl. 11. Кассій Херей и нѣкоторые другіе были казнены, Сабинъ покончилъ съ собою.

[3]) Dio 68, 4, 5: τῆς τε γερουσίας ἀτιμῶσαι τὸν Γαίον ἐθελησάσης ψηφισθῆναι μὲν αὐτοὺς ἐκώλυσεν, ἰδίᾳ δὲ τὰς εἰκόνας αὐτοῦ νυκτὸς ἁπάσας ἠφάτισε.

[4]) Dio 60, 5, 1: τὰ μὲν δὴ ὑπὸ τε τοῦ Γαίου καὶ ὑφ' ἑτέρων δι' ἐκεῖνον οὐκ ὀρθῶς γενόμενα ἀνέτρεψε. Suet. Cl. 11: Gaii quoque acta omnia rescidit. Характеръ этой мѣры виденъ изъ Dio 60, 4, 1: κατέλυσε μὲν οὐκ ἀθρόα δὲ, ἀλλ' ὡς ἑκάστῳ πη προσέτυχε. Въ силу этой фактической rescissio actorum имя Гая (а также и Тиберія) не было внесено въ формулу присяги на акты покойныхъ принцепсовъ. Dio 60, 4, 6.

[5]) Tac. Ann. 11, 2: neque data senatus copia: intra cubiculum auditur, Messalina coram... См. Tac. Ann. 13, 4: non enim se negotiorum omnium iudicem fore, ut clausis unam intra domum accusatoribus et reis paucorum potentia grassaretur...

[6]) Suet. Cl. 13. Наиболѣе серьезными изъ нихъ были заговоры Азинія Галла и Статилія Корвина и особенно возстаніе легата Далмаціи Фурія Камилла Скрибоніана и Аннія Виниціана въ 42 г. Dio, 60, 1, 2—3. Возстаніе Камилла продолжалось ровно пять дней, но сильно испугало Клавдія. Suet. Cl. 35 i. f.

состоянія, и, благодаря его женамъ и либертамъ, число казненныхъ за мнимое или дѣйствительное посягательство на жизнь и власть Клавдія возрасло до ужасающихъ размѣровъ. Подозрительная жестокость послѣднихъ лѣтъ Тиберія и распущенное звѣрство Гая, такимъ образомъ, были только замѣнены трусливой жестокостью Клавдія и беззастѣнчивостью его приближенныхъ, создавшихъ себѣ огромныя состоянія конфискаціями; положеніе римскаго общества отъ этого, очевидно, нисколько не улучшилось. Светоній кратко говоритъ, что въ общей сложности при Клавдіи были казнены 35 сенаторовъ и болѣе 300 всадниковъ; въ памфлетѣ Сенеки на апоѳеозъ Клавдія указываются нѣсколько иныя цифры: 30 сенаторовъ, 200 римскихъ всадниковъ и 241 изъ другихъ лицъ [1]), и въ самомъ дѣлѣ, число лицъ, объ убійствѣ, казни, изгнаніи или вынужденной смерти которыхъ упоминается у Сенеки, Тацита, Светонія и Діона, дѣлаетъ эти огромныя цифры вполнѣ

---

[1]) Suet. Cl. 29. Sen. ludus de morte Cl. 14. Въ частности намъ извѣстны слѣдующія дѣла: дѣло Кассія Херея и его сообщниковъ Dio, 60, 3, 4. Suet. Cl. 11; Протогена Dio, 60, 4, 4; Юліи Dio, 60, 8, 5—60, 18, 4; Suet. Cl. 29; Г. Аппія Силана Dio, 60, 14, 3—4; Suet. 29. 37. Аннія Виниціана, Камилла, Цезины Пета и др. Dio 60, 15, 1—8. Suet. 13; преторіанскаго префекта Катонія Юста, Dio, 60, 18, 3. Sen. lud. 13, 5, τινὸς τῶν ἱππέων Dio, 60, 18, 4; Умбонія Силіона Dio, 60, 24, 5; неизвѣстнаго ib. 60, 25, 4; Валерія Азіатскаго Dio, 60, 27, 3; 60, 29, 4 сл. Tac. Ann. 11, 1—3; отравленіе Виниція Мессалиной Dio, 60, 27, 4; дѣло Азинія Галла Dio, 60, 27, 5. Suet. 13; убіеніе либерта Полибія Мессалиной Dio, 60, 31, 2. Sen. lud. 13, 5; дѣло Мессалины и Силія. Dio, 60, 31, 3—5; Tac. Ann. 11, 35—38; Suet. 26; Силана (и Помпея) Dio, 60, 31, 7; Suet. 27, 29; Лолліи Dio, 60, 32, 3. Tac. Ann. 12, 22; Созибія Dio, 60, 32, 5; Юнія Гальскаго. Dio, 60, 33, 8. Помимо этихъ дѣлъ, упоминаемыхъ въ хронологическомъ порядкѣ Діономъ, у Тацита: дѣло двухъ всадниковъ Petra Ann. 11, 4; Вителлія 12, 42; Фурія Крибоніана 12, 52; Домиціи Лепиды 12, 64—65 и Корнелія Суллы 12, 47. Наконецъ, у Сенеки lud.: дѣла Скрибоніи 11, 5, бывшаго претора Юнія, всадниковъ С. Травла, М. Гельвія Трога, Котты, Веттія Валента, Фабія, пантомима Мнестера 13, 4, либертовъ Мирона, Гарпократа, Амфея, Феронакта, префекта pr. Руфа, amicorum consiliarium Сатурнія Лузія, Педона Помпея, Луна, Азинія Целера ib. 13, 5. Итого 43 извѣстныхъ намъ именъ. Къ числу изгнанныхъ принадлежалъ и философъ Сенека см. ниже.

вѣроятными: очевидно, несмотря на гораздо болѣе тщательное, въ общемъ, соблюденіе конституціонныхъ формъ при Клавдіи, эпоха римскаго террора не прекратилась и послѣ смерти Гая.

Не менѣе существенна другая черта этого принципата, указывающая на нарождающуюся потребность въ развитіи центральныхъ учрежденій, которыя могли бы избавить принцепса не только отъ чисто канцелярскихъ дѣлъ, но и отъ непосредственнаго участія въ рѣшеніи текущихъ дѣлъ управленія. По первоначальной идеѣ принципатъ не допускалъ существованія посредствующихъ между принцепсомъ и всей массой населенія инстанцій: исключительныя полномочія по надзору надъ всей страной были дарованы лично данному принцепсу въ виду тѣхъ исключительныхъ заслугъ и дарованій, которыми онъ отличался. Первымъ необходимымъ отклоненіемъ отъ этого принципа были должности его легатовъ и прокураторовъ; но по крайней мѣрѣ легаты (а съ ними и городской префектъ) всѣ безъ исключенія принадлежали къ высшей служебной іерархіи, большинство прокураторовъ (а съ ними и префектъ Египта) къ сословію всадниковъ, иначе говоря, и тѣ и другіе обладали хоть нѣкоторой долей самостоятельности. Центромъ, въ которомъ соединялись всѣ нити управленія былъ самъ принцепсъ, при которомъ, разумѣется, существовала канцелярія изъ либертовъ и рабовъ, но безъ всякаго вліянія, такъ какъ фактически первые два принцепса сами и знали и рѣшали всѣ дѣла, и если пользовались при этомъ чужими услугами, то услугами лицъ, никакого оффиціальнаго положенія не занимавшихъ, вродѣ, напримѣръ, Саллюстія Криспа. Ни при Августѣ, ни при Тиберіи мы ничего не слышимъ о вліяніи либертовъ [1]). Дѣло мѣняется какъ только власть пере-

[1]) Объ Августѣ Suet Aug. 69. Исключеніе составляетъ Лициній, нѣкогда рабъ Цезаря изъ Галловъ, при Августѣ прокураторъ Галліи Dio, 54, 21; схоліи къ Ювеналу 1, 109 см. Hirschfeld, Verwaltungsgesch., 1, 282 пр. 1 и Friedländer, Sittengeschichte, 1, 88—9. О Тиберіи см. Tac. Ann. 4, 7.

ходитъ въ руки такого безумнаго прожигателя жизни, какъ Гай, который и не успѣвалъ и вовсе не желалъ заниматься всѣми дѣлами лично; уже при немъ либерты Каллистъ и Протогенъ начинаютъ играть роль и мало чѣмъ уступаютъ во вліяніи даже преторіанскому префекту [1]). При Клавдіи этотъ режимъ устанавливается окончательно. Особенную роль при немъ играли Полибій, Нарциссъ и Палласъ: первый завѣдывалъ не только дѣлами a studiis, но и a libellis, т.-е. главнымъ образомъ прошеніями, поступавшими на имя принцепса; второй — канцеляріей принцепса (ab epistulis), третій, наконецъ, — финансовыми дѣлами (a rationibus) [2]). Вліяніе ихъ было настолько велико, что не только сенаторы и даже консулы заискивали у нихъ [3]), но и жены императора должны были съ ними считаться [4]). Объяснить такое явленіе исключительно слабохарактерностью и неспособностью Клавдія, едва ли возможно: въ возрастающемъ вліяніи либертовъ, несомнѣнно, сказывается и фактическая необходимость центральныхъ учрежденій и естественное нарожденіе спеціально императорской бюрократіи. Вліяніе либертовъ въ Римѣ имѣетъ свои аналогіи въ средневѣковой исторіи романо-германскихъ народовъ. Поднявшаяся надъ родовой аристократіей власть и тамъ и здѣсь, отчасти вслѣдствіе сословныхъ предразсудковъ, отчасти по весьма понятной политикѣ, окружаетъ себя лицами болѣе или

Исключенія есть и здѣсь: либертъ Сеѣрт, управлявшій Египтомъ послѣ 31 г. Dio, 58, 19. Другіе (Ѳаллъ, Эфодъ) упоминаются Іосифомъ Флавіемъ A. J. 18, 6, 1; 18; 6, 4; 18, 6, 8 и (Номій) Плиніемъ старшимъ N. H. 13, 94. См. Friedländer, 1, 89—90.

[1]) См. выше, стр. 401.

[2]) Suet. Cl. 28. Sen. Cons. ad Pol. 6, 5. Statius silv. 5, 1, 81 сл. Hirschfeld 192 сл., 201 сл.

[3]) Suet. Cl. 28 о Полибіи qui saepe inter duos consules ambulabat. Sen. de consol. ad. Pol. Нарциссъ и Палласъ по рѣшенію сената были награждены знаками отличія квесторовъ и преторовъ. Suet. ib. Tac. pass.

[4]) Ими была рѣшена судьба Мессалины и бракъ съ Агриппиной. Ср. борьбу Агриппины съ Нарциссомъ. Какъ относилось къ нимъ (провинціальное) войско, видно изъ Діона 60, 19.

менѣе непосредственно зависящими отъ нея. Первоначально мало вліятельные, эти помощники власти постепенно превращаются въ служебную аристократію, сначала фактически устраняющую родовую знать отъ дѣлъ, чтобы затѣмъ допустить и эту послѣднюю въ свой составъ, но уже на новыхъ основаніяхъ. Въ римской имперіи этотъ процессъ завершился въ III—IV вѣкахъ, но начало его мы наблюдаемъ еще въ первыя времена принципата [1]). При всей его естественности и необходимости, однако, онъ глубоко поразилъ римское общество, и степень вліянія либертовъ еще Тацитомъ разсматривается какъ признакъ бо́льшей или меньшей деспотичности того или иного принципата. Республика не допускала организованной бюрократіи и уже въ силу этого вліяніе помощниковъ верховнаго магистрата было явленіемъ слишкомъ новымъ, чтобы уважающій себя свободный человѣкъ, а тѣмъ болѣе сенаторъ, согласился занять одну изъ новыхъ должностей, и, въ результатѣ, либерты, по кругу подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ вовсе не занимавшіе чисто придворныхъ должностей, въ глазахъ общества оставались слугами, лакеями принцепса даже тогда, когда отъ ихъ доклада зависѣла судьба цѣлыхъ провинцій. Только ко времени Гадріана [2]) общество настолько свыклось съ новымъ положеніемъ, что сдѣлалось возможнымъ, передать важнѣйшія должности по центральному управленію всадникамъ: для сенаторовъ этого рода карьера оставалась зазорной вплоть до III вѣка.

Понятно до какой степени при такихъ условіяхъ вліяніе либертовъ Клавдія должно было казаться позорнымъ и неконституціоннымъ. Но если позднѣйшіе принцепсы (до реформы Гадріана) въ общемъ и не предоставляли своимъ либертамъ

---

[1]) Имѣя въ виду исторію развитія императорской власти, а не императорскаго управленія, мы естественно не можемъ остановиться подробнѣе на этомъ явленіи.

[2]) Мимолетное исключеніе представляетъ изъ себя время Вителлія.

такого исключительнаго вліянія, какъ Клавдій, значеніе новыхъ учрежденій по центральному управленію разъ на всегда было установлено [1]). Ненормальность положенія дѣлъ при Клавдіи, на современный взглядъ, заключается не столько во вліяніи Нарцисса и Палласа, каждаго въ своей сферѣ, сколько въ томъ, что самъ принцепсъ какъ бы стушевался предъ своими „министрами“ [2]). Только это и было устранено его преемниками [3]). Самое существованіе новыхъ министерствъ было обезпечено ихъ признанной фактической необходимостью. Помощники, въ которыхъ нуждался принципатъ для разложенія республиканской системы управленія, были найдены.

Эпоха Клавдія представляется помимо этого критическимъ моментомъ еще и въ другомъ отношеніи: начиная съ его времени законодательная роль комицій окончательно отступаетъ на задній планъ [4]). За исключеніемъ аграрнаго закона Нервы, о которомъ упоминается въ дигестахъ, начиная съ Клавдія комиціи замѣняются сенатомъ, законъ замѣняется сенатусконсультомъ [5]). Никакого принципіальнаго рѣшенія этого вопроса мы, разумѣется, не должны ожидать и не встрѣчаемъ: сенатусконсультъ былъ приравненъ къ настоящимъ

---

[1]) Hirschfeld, V. G. 202: die kaiserlichen Hofaemter datieren ihre Bedeutung erst seit der Regierung des Claudius.

[2]) Hirschfeld, V. G. 203: die Person des Kaisers selber trat vollständig zurück; der wichtigste Factor in dem Augustischen System ward beseitigt; die drei grossen Hofaemter wurden gewissermassen an Stelle des Principates die Spitze des ganzen Verwaltungsorganismus.

[3]) Еще болѣе вліятельное положеніе чѣмъ Нарцисъ и Палласъ занималъ впрочемъ либертъ Нерона, Гелій, которому Неронъ во время своего путешествія въ Грецію прямо поручилъ заботу о государствѣ. Dio 63, 12, 1—2 πάντα γὰρ ἁπλῶς αὐτῷ ἐπετέτραπτο, ὥστε καὶ δημεύειν καὶ φυγαδεύειν καὶ ἀποκτινύνναι, καὶ πρὶν δηλῶσαι τῷ Νέρωνι, καὶ ἰδιώτας ὁμοίως καὶ ἱππέας παὶ βουλευτὰς. Οὕτω μὲν δὴ τότε ἡ τῶν Ῥωμαίων ἀρχὴ δύο αὐτοκράτορσιν ἅμα ἐδούλευσε, Νέρωνι καὶ Ἡλίῳ. Suet. Nero 23. Tac. Hist. 1, 37. Но это исключеніе. О либертахъ Нерона и его преемниковъ см. вообще Friedländer l. c. 1, 91 sequ.

[4]) Schiller, Geschichte d. röm. Kaiserzeit, 1, 334.

[5]) Ко времени Клавдія относятся SC. Claudianum 52 г., SC. Largianum 42 г., SC. Velleianum 46 г.

законамъ не въ силу спеціальнаго законодательнаго акта, а чисто фактически въ силу установившейся практики управленія, какъ лѣтъ 80 — 100 спустя и сенатусконсультъ чисто фактически былъ замѣненъ императорскимъ указомъ. Тѣмъ не менѣе, съ конституціонной точки зрѣнія моментъ, когда комиціи на дѣлѣ лишились своего послѣдняго права (кромѣ права избранія принцепса), несомнѣнно, имѣетъ извѣстное значеніе. А что это совершилось именно при томъ государѣ, который по своимъ взглядамъ и ученымъ вкусамъ скорѣе сочувствовалъ обращенію къ народу, конечно, въ высшей степени характерно, какъ для неизбѣжности процесса оттѣсненія комицій, такъ и для политики императоровъ относительно республиканскихъ учрежденій. Очевидно, республиканскія учрежденія до такой степени устарѣли, что для ихъ окончательнаго устраненія вовсе не требовалась какая-нибудь принципіальная и рѣзкая ломка. Народное собраніе было замѣнено сенатомъ, а сенатъ и его управленіе, въ свою очередь, не были замѣнены чисто императорскими учрежденіями не столько потому, что сенатъ еще обладалъ особеннымъ вліяніемъ и вѣсомъ, сколько потому, что учрежденія, которымъ было суждено замѣнить его, еще только нарождались и опять-таки нарождались вполнѣ естественно, помимо всякой широкой реформаторской дѣятельности власти.

Въ результатѣ, новое сокращеніе правъ народнаго собранія мало содѣйствовало усиленію сената. Пріобрѣвъ право избранія магистратовъ при Тиберіи, законодательную власть около времени Клавдія, сенатъ формально занялъ блестящее положеніе, съ которымъ далеко не могло сравниться конституціонное положеніе республиканскаго сената. Это отражается и на литературѣ этого времени: къ форуму, къ народу она въ общемъ питаетъ такое же презрѣніе, какое уваженіе она, по крайней мѣрѣ на словахъ, удѣляетъ сенату. Лучшимъ признаніемъ того значенія, которое въ обществѣ приписывали

сенату, служитъ попытка Агриппины опереться на Сенеку и связанная съ его именемъ либеральная эра первыхъ лѣтъ Нерона. Но судьба либеральныхъ вѣяній конца 50-хъ годовъ перваго вѣка и безобразія послѣднихъ лѣтъ Нерона, въ свою очередь, какъ нельзя лучше доказываютъ, что пора сенатскаго величія прошла и что направленіе государственной политики вполнѣ зависитъ отъ характера и капризовъ властелина. Потребовалось еще сорокъ лѣтъ, пока сенатъ окончательно примирился съ предоставленной ему исключительно декоративной ролью и пока, съ другой стороны, новое общественное движеніе не выдвинуло принцепсовъ, признававшихъ необходимость относиться съ почтеніемъ къ послѣднему обломку старины.

Таковы наиболѣе характерныя черты принципата Клавдія. Соблюденіе и даже увеличеніе значенія сената и магистратуры, съ одной стороны, казни и вліяніе либертовъ, съ другой стороны, налагаютъ и на эпоху Клавдія все ту же печать непослѣдовательности, роковымъ образомъ соединенную съ неяснымъ положеніемъ принцепса. Если оставить въ сторонѣ многочисленныя юридическія и простыя убійства его времени, вносившія смуту и постоянный трепетъ въ римское общество, то во всемъ остальномъ его принципатъ мало чѣмъ отличается отъ принципатовъ Августа и первыхъ временъ Тиберія. Двойственное положеніе принцепса, какъ гражданина и фактическаго господина, отличаетъ одинаково все это время. И какъ въ первые дни принципата эта двойственность рѣзче всего проявлялась въ династической политикѣ Августа и Тиберія, такъ династическая же политика Клавдія лучше всего доказала, какую цѣну слѣдуетъ придавать его почтительному обращенію съ сенатомъ.

При жизни Мессалины ближайшимъ претендентомъ на принципатъ могъ считаться ея сынъ отъ Клавдія, Т. Клавдій Цезарь Британникъ [1]). Но когда (въ 49 г.) Мессалина по-

[1]) Имя Prosopogr. 1, 361 № 666. Родился 12/13 февраля 41 г., см. здѣсь же.

гибла и мѣсто ея заняла Агриппина младшая, на ряду съ Британникомъ сталъ ея, нѣсколько старшій, сынъ отъ Гн. Домиція Аэнобарба, Л. Домицій Аэнобарбъ, впослѣдствіи послѣ усыновленія его Клавдіемъ получившій имя Нерона-Клавдія-Друза-Германика-Цезаря [1]).

Потомокъ того Гн. Домиція, про котораго ораторъ Лициній Крассъ говорилъ, что у него „мѣдный лобъ, свинцовое сердце“ [2]), праправнукъ свирѣпаго врага Цезаря, консула 49 г. [3]), правнукъ соучастника въ заговорѣ противъ диктатора, внукъ отличавшагося своей жестокостью современника Августа [4]), сынъ такого же жестокаго, надменнаго и вѣроломнаго консула 31 г. [5]), Неронъ съ раннихъ лѣтъ испыталъ не мало волненій. Когда ему было два года, мать его была сослана Калигулой на одинъ изъ Понтскихъ острововъ [6]); около того же времени скончался его отецъ, а Калигула отобралъ его состояніе себѣ, такъ что тетка Нерона, Домиція Лепида, взяла его къ себѣ изъ милости; танцоръ и парикмахеръ были его воспитателями [7]).

Гибель Калигулы дала Агриппинѣ возможность вернуться въ Римъ, гдѣ Клавдій возвратилъ ея сыну конфискованное состояніе [8]). Гибель Мессалины дала ей возможность восполь-

---

[1]) Имя Prosopographia imp. rom. т. I, p. 369, № 690. Родился 15 декабря 37 г. Suet. Nero 6. acta fr. Arvalium a. 55. 57. 60.

[2]) Такъ мы позволяемъ себѣ перевести (non esse mirandum, quod aeneam barbam haberet) cui os ferreum, cor plumbeum esset. Suet. Nero. 2.

[3]) Suet. Nero 2: vir neque satis constans et ingenio truci.... consultante autem Cn. Pompeio de mediis ac neutram partem sequentibus, solus censuit hostium numero habendos.

[4]) Suet. ib. 4: arrogans, profusus, immitis... tanta saevitia, ut necesse fuerit Augusto clam frustra monitum edicto coercere.

[5]) Suet. ib. 5: omni parte vitae detestabilem.

[6]) Dio 59, 22. Suet. ib. 6.

[7]) Suet. ib. 6: paene inops atque egens apud amitam Lepidam nutritus est sub duobus paedagogis saltatore atque tonsore. Домиція была матерью Мессалины и погибла благодаря кознямъ Агриппины въ 54 г. Tac. Ann. 12, 64; 65. Suet. Nero 7.

[8]) Suet. ib. 6. Dio 60, 4. Tac. Ann. 12, 1—3, 5—7.

зоваться своей родственной близостью съ Клавдіемъ и заставить его на ней жениться [1]). Уже тогда она, очевидно, занялась мыслью обезпечить своему сыну принципатъ, для чего прежде всего постаралась привлечь общество на свою сторону: изгнанный Клавдіемъ въ 41 г., философъ Сенека былъ возвращенъ изъ Корсики, получилъ претуру и былъ назначенъ воспитателемъ Нерона [2]), а вскорѣ послѣ этого рѣшено выдать за послѣдняго дочь Клавдія, Октавію [3]). Молодость Британника и боязнь придворныхъ, участвовавшихъ въ гибели его матери, что онъ со временемъ будетъ имъ мстить [4]), вскорѣ помогли ей убѣдить Клавдія, усыновить Нерона [5]). Британникъ, защитникомъ котораго долженъ былъ сдѣлаться Неронъ, теперь окончательно былъ оттѣсненъ [6]). Уже годъ спустя Неронъ, еще до достиженія имъ 14-лѣтняго возраста, получилъ мужскую тогу и, съ согласія Клавдія, постановленіемъ сената было рѣшено, „чтобы Неронъ на двадцатомъ году получилъ консулатъ, а пока въ качествѣ десигнированнаго консула имѣлъ бы проконсульскую власть внѣ города и назывался принцепсомъ молодежи“ [7]). Если вопросъ о будущемъ

---

[1]) Suet. Cl. 26. Въ 49 году.

[2]) Tac. Ann. 12, 8: at Agrippina, ne malis tantum facinoribus notesceret, veniam exilii pro Annaeo Seneca, simul praeturam impetrat, *laetum in publicum rata* ob claritudinem studiorum eius, utque Domitii pueritia tali magistro adolesceret et consiliis eiusdem ad opem dominationis uterentur... Suet. Nero 7. Zon. 11, 10.

[3]) Tac. Ann. 12, 9. Судьба ея жениха Аппія Силана ib. 12, 3—4. 8. Suet. l. c. Cl. 27. Dio 60, 33.

[4]) Tac. Ann. 12, 9: arte eorum, quis ob accusatam Messalinam ultio ex filio timebatur.

[5]) Въ 50 году Tac. Ann. 12, 25—26. Suet. Cl. 27. Nero 7. Dio 60, 33. По acta Arv. усыновленіе состоялось 25 февраля.

[6]) Tac. Ann. 12, 26.

[7]) Tac. Ann. 12, 41: ut vicensimo aetatis anno consulatum Nero iniret atque interim designatus proconsulare imperium extra urbem haberet ac princeps iuventutis appellaretur. Тогда же онъ былъ избранъ сенатомъ во всѣ жреческія коллегіи extra ordinem. См. монеты и надписи объ этомъ Prosopogr. imp. Rom. 1, 370. Значеніе этихъ мѣръ: Tac. Ann. 13, 21: cum.. adop-

преемникѣ Клавдія и не былъ рѣшенъ этимъ, то во всякомъ случаѣ пока преимущество Нерона предъ Британникомъ было ясно. Тогда же начальникомъ преторіанцевъ былъ назначенъ Афраній Бурръ [1]). Въ 52 г. бракъ Нерона съ Октавіей состоялся [2]), а когда Клавдій сталъ показывать, что онъ раскаивается въ удаленіи Британника, его отравили [3]). Раньше чѣмъ извѣстіе о его смерти успѣло распространиться, Неронъ, при помощи Бурра, обезпечилъ себѣ сочувствіе преторіанскихъ когортъ обѣщаніемъ донатива, его провозгласили императоромъ, а сенатъ поспѣшилъ согласиться съ рѣшеніемъ гвардіи [4]). Шестнадцатилѣтній Неронъ сталъ принцепсомъ: первый изъ римскихъ императоровъ онъ нуждался въ чужомъ руководительствѣ [5]), и тотчасъ началась борьба между Агриппиной и Палласомъ, съ одной, Сенекой и Бурромъ, съ другой стороны [6]).

Представленіе о личности Нерона слишкомъ точно установилось, чтобы нужно было останавливаться на характеристикѣ этого распутнаго и жестокаго деспота [7]). Условія, среди которыхъ онъ росъ и въ числѣ которыхъ играло особенную роль вліяніе придворной челяди и ея кровавыхъ интригъ, а также зрѣлище распущеннаго и раболѣпнаго общество,—при живомъ умѣ [8]) молодого принцепса въ значительной

tio et proconsulare ius et designatio consulatus et cetera apiscendo imperio praepararentur.

[1]) Tac. Ann. 12, 42.

[2]) Tac. Ann. 12, 58. Suet. Cl. 27. Nero 7. Dio 60, 33.

[3]) Tac. Ann. 12, 66—67.

[4]) Tac. Ann. 12, 68—69. 69: imperator consalutatur. Sententiam militum secuta patrum consulta, nec dubitatum est apud provincias. Suet. Nero 8: ex immensis, quibus cumulabatur, honoribus tantum patris patriae nomine recusato propter aetatem. Dio 61, 1.

[5]) Гаю было 26 лѣтъ, когда умеръ Тиберій. Онъ родился 31 августа 12 г. послѣ Р. Хр. Suet. Cal. 8.

[6]) Объ Агриппинѣ Tac. Ann. 12, 37: ipsa semet parti a maioribus suis imperii sociam ferebat. Tac. Ann. 13, 2—3.

[7]) „Спасенію“ его посвящена книга Шиллера, Geschichte des römischen Kaiserreichs unter Nero B. 1872.

[8]) Tac. Ann. vividum animum.

мѣрѣ объясняютъ то сознательное глумленіе надъ обществомъ, которымъ отличается его принципатъ. Не встрѣчая рѣшительно никакой серьезной оппозиціи, видя одно только одобреніе всѣхъ своихъ поступковъ, онъ естественно приходитъ къ результату, что „ни одинъ изъ принцепсовъ не зналъ, что̀ ему позволено“ [1]). Окруженный большей частью лицами самой сомнительной нравственности, онъ приходитъ къ выводу, „что нѣтъ цѣломудреннаго или чистаго въ какой-либо части тѣла человѣка, но что большинство скрываетъ порокъ и ловко лицемѣритъ“ [2]). Какъ нѣкогда Гай, какъ въ XVIII вѣкѣ высшая французская аристократія, онъ считаетъ грязными скупцами тѣхъ, у кого расходъ не превышаетъ дохода [3]). Онъ сознательно стремится поразить общество необычайностью своихъ поступковъ и всего своего образа жизни [4])—и въ самомъ дѣлѣ достигаетъ того, что съ именемъ его до настоящаго времени связано представленіе о совершенно исключительной распущенности.

Всѣ эти черты, однако, развиваются въ немъ лишь постепенно и только послѣднія 6—7 лѣтъ его принципата являются повтореніемъ безумствъ Гая, съ нѣкоторыми специфическими чертами вродѣ особеннаго пристрастія къ цирку и театру. Въ теченіе первыхъ лѣтъ его принципата руководящее вліяніе принадлежало Бурру и Сенекѣ, и хотя къ этому времени относится уже рядъ такихъ злодѣяній, какъ убійство Британника и Агриппины, только со смертью Бурра и замѣной его Софоніемъ Тигеллиномъ, только со времени окончательнаго возвышенія Поппеи Сабины возвращаются и процессы объ оскорбленіи величества и вполнѣ обрисовывается личность Нерона. Какъ и раньше, отъ личности государя, его возраста

[1]) Suet. Nero 37: negavit quemquam principum scisse quid sibi liceret.
[2]) Ib. Nero 29.
[3]) Ib. 30.
[4]) Cм. Sen. ep. ad Luc. 122, 18: Causa tamen praecipua mihi videtur huius morbi vitae communis fastidium.. nolunt solita peccare. ib. 9: non oportet id facere quod populus. res sordida est trita ac volgari via vivere...

и его приближенныхъ зависитъ судьба государства—формальныя ограниченія власти принцепса снова оказываются безсильными.

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть и на тѣ годы возрожденія сенатскаго вліянія при Сенекѣ и Буррѣ, которые наступили послѣ смерти Клавдія и которые, помимо этого, интересны только какъ свидѣтельство о взглядахъ и надеждахъ лучшихъ людей Рима, къ которымъ, несомнѣнно, принадлежали какъ Сенека, такъ и Бурръ. Было бы неправильно, усматривать въ нихъ результатъ болѣе или менѣе вынужденнаго компромисса между императорской властью и обществомъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы подробнѣе остановимся на политическихъ взглядахъ наиболѣе вліятельнаго писателя этого времени, Сенеки, здѣсь отмѣтимъ только его политическую дѣятельность и судьбу. Вліяніе этого блестящаго и остроумнаго свѣтскаго человѣка, пользовавшагося огромной славой ученаго и философа, на молодого Нерона не подлежитъ сомнѣнію. Обладай Сенека болѣе твердымъ характеромъ и большей стойкостью убѣжденій, не будь онъ до такой степени пропитанъ чувствомъ всемогущества принцепсовъ, его вліяніе могло бы, пожалуй, оказаться и болѣе значительнымъ и болѣе прочнымъ. Но Сенека былъ настоящимъ сыномъ того общества, которое громилъ, и чрезвычайно нуждался въ поддержкѣ болѣе дѣятельнаго и энергичнаго, но менѣе блестящаго начальника преторіанцевъ, смерть котораго сломила и его вліяніе.

Едва ли сомнительно, что именно ему принадлежитъ та программа новаго принципата, съ которой Неронъ выступилъ непосредственно послѣ смерти Клавдія въ сенатѣ и которая должна была встрѣтить полное сочувствіе аристократіи. „Сказавъ нѣсколько словъ объ утвержденіи своего выбора сенатомъ и о единодушіи солдатъ“, разсказываетъ Тацитъ [1]), „онъ

[1]) Tac. Ann. 13, 4: tum formam futuri principatus praescripsit.

указалъ на то, что у него есть руководители и примѣры для наилучшаго управленія государствомъ, что его юность не прошла въ школѣ гражданскихъ войнъ и домашнихъ раздоровъ, что онъ не приноситъ съ собой ни ненависти, ни воспоминаній объ обидахъ, ни жажды мести. Затѣмъ онъ начерталъ программу будущаго принципата, устраняя особенно то, что̀ составляло ненавистную сторону послѣднихъ временъ. Онъ не будетъ судьей во всѣхъ дѣлахъ, чтобы заперши у себя во дворцѣ и обвинителей и обвиненныхъ давать просторъ могуществу немногихъ; въ его домѣ не будетъ ничего продажнаго или доступнаго происканъ; его домъ и государство не будутъ смѣшиваться. Пусть сенатъ сохранитъ свои древнія обязанности, пусть Италія и остальныя провинціи обращаются къ трибуналамъ консуловъ; пусть они предоставятъ ему доступъ въ сенатъ, онъ же будетъ вѣдать предоставленныя ему войска“ [1]). Однимъ словомъ, онъ обѣщалъ управлять „по примѣру Августа“ [2]).

Насколько всѣ эти обѣщанія молодого принцепса были искренни, разумѣется, рѣшить трудно [3]). Что положеніе сената по дѣламъ управленія и законодательства фактически немедленно улучшилось, подтверждаетъ самъ Тацитъ [4]). Да и

---

[1]) Exercitus здѣсь въ смыслѣ императорскихъ провинцій съ ихъ войсками: Mommsen, R. St. 2, 106 пр.

[2]) Ср. Suet. Nero 10: Atque ut certiorem adhuc indolem ostenderet, ex Augusti praescripto imperaturum se professus.

[3]) Ср. Suet. Nero 10: graviora vectigalia aut abolevit aut minuit. Tac. Ann. 13, 50—51 (къ 58 году): eodem anno crebris populi flagitationibus, immodestiam publicanorum arguentis, dubitavit Nero an cuncta vectigalia omitti iuberet *idque pulcherrimum donum generi mortalium daret.* Ср. Suet. Nero 10: et cum de supplicio cuiusdam capite damnati ut ex more subscriberet admoneretur: quam vellem, inquit, nescire litteras. Sen. de clem. 2, 1. Такого рода эпизоды указываютъ на нѣкоторую склонность Нерона къ сантиментальному и *красивому* либерализму, которымъ онъ временно могъ искренно увлекаться.

[4]) Tac. Ann. 13, 5: nec defuit fides multaque arbitrio senatus constituta sunt.

нѣсколько лѣтъ спустя (въ 58 г.) обвинитель Ѳразеи Пета въ числѣ вопросовъ, обсуждавшихся въ сенатѣ, упоминаетъ о войнѣ и мирѣ, о налогахъ, о законахъ и т. д. [1]). Несомнѣнно также, что именно при Неронѣ въ 60 г. было постановлено, чтобы лица, аппеллирующія (по гражданскимъ дѣламъ) на рѣшеніе судей къ сенату, подвергались въ случаѣ безосновательности ихъ жалобы такому же штрафу, какъ аппеллирующія къ императору: самъ Тацитъ видитъ въ этомъ заботу о достоинствѣ сената [2]). Светоній, въ свою очередь, сообщаетъ, что было рѣшено, чтобы всѣ аппелляціи вообще обращались къ сенату, причемъ впрочемъ также, вѣроятно, имѣются въ виду спеціально аппелляціи по гражданскимъ дѣламъ [3]). Сенату было предоставлено рѣшить процессы нѣсколькихъ уполномоченныхъ принцепса [4]). Трибунское право интерцессій было ограничено сенатомъ въ интересахъ преторовъ и консуловъ; значительнымъ ограниченіямъ подверглось также право трибуновъ и эдиловъ налагать штрафы. И все это было рѣшено сенатомъ: „еще продолжало существовать нѣкоторое подобіе республики“, замѣчаетъ по этому поводу Тацитъ [5]).

Въ то же время, однако, управленіе государственною казною было отнято у квесторовъ и передано двумъ „префектамъ эрарія“ [6]). Назначалъ ихъ самъ императоръ (на три

---

[1]) Tac. Ann. 13, 49: cur enim, si rem publicam egere libertate senatoria crederet, tam levia consectaretur? quin de bello aut pace, de vectigalibus et legibus, quibusque aliis res Romana contineretur, suaderet dissuaderetve? licere patribus, quotiens ius dicendae sententiae accepissent, quae vellent expromere relationemque in ea postulare...

[2]) Tac. Ann. 14, 28:.. auxit patrum honorem. Cf. Mommsen R. St. 2, 106 пр.

[3]) Suet. Nero 17: cautum.. ut omnes appellationes a judicibus ad senatum fierent. Mommsen l. c.

[4]) Tac. Ann. 13, 30.

[5]) Tac. Ann. 13, 28: manebat nihilo minus quaedam imago rei publicae. Эти постановленія относятся къ 56 г.

[6]) Tac. Ann. l. c.: dein princeps curam tabularum publicarum a quaestoribus ad praefectos transtulit. См. 13, 29 исторію управленія эраріемъ.

года) изъ бывшихъ преторовъ, въ силу чего управленіе эраріемъ фактически перешло всецѣло въ его руки. Хотя мнѣніе сената и спрашивалось попрежнему по подобнымъ дѣламъ, но префекты, по всему вѣроятію, непосредственно зависѣли отъ назначившаго ихъ принцепса и давали отчетъ ему, а не сенату, тогда какъ прежде квесторы и преторы подчинялись непосредственно сенату и отчитывались предъ своими преемниками по должности [1]).

Несмотря, однако, на эту мѣру, въ общемъ отношенія между принцепсомъ и сенатомъ были скорѣе благопріятны для послѣдняго, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ программа 54 г. соблюдалась, что, конечно, объясняется тѣмъ, что принцепсъ былъ преимущественно занятъ разнаго рода любовными и иными похожденіями и предоставлялъ руководство дѣлами своимъ вліятельнымъ совѣтникамъ, принципіальнымъ сторонникамъ законности и соблюденія правъ сената. Прослѣдить въ подробностяхъ долю фактическаго вліянія сената за это время, мы, къ сожалѣнію, не можемъ, но судя по изреченію, приписываемому Траяну, что „всѣ остальные принципаты далеко уступаютъ первому пятилѣтію Нерона“ [2]), сенатъ и руководимое имъ общественное мнѣніе были вполнѣ удовлетворены своимъ положеніемъ и вовсе не думали обезпечить его на болѣе продолжительное время какими бы то ни было гарантіями [3]).

Поворотъ не заставилъ себя ждать. Не было недостатка въ лицахъ, упрекавшихъ Нерона въ томъ, что онъ находится въ унизительномъ подчиненіи у Сенеки и Бурра [4]); Бурръ со-

---

[1]) Mommsen R. St, 2, 1012—1013.

[2]) Aurel. Vict. ep. 5: quinquennio tolerabilis visus; unde quidam prodidere, Traianum solitum dicere, procul distare cunctos principes Neronis quinquennio.

[3]) Herzog, Gesch. u Syst. 2, 274: ohne eine prinzipielle Festigung seiner Stellung auch nur anzustreben.

[4]) Dio ep. 61, 4, 5.

противлялся его разводу съ Октавіей и раздражалъ его рѣзкостью [1]),—и переломъ насталъ, когда Неронъ остался лицомъ къ лицу съ слабохарактернымъ Сенекой [2]). Снова возрождаются политическіе процессы [3]), конфискаціи, ухудшеніе монеты; у сената отнимается право чеканки мѣди [4]); либертъ Гелій получаетъ неограниченныя полномочія для обезпеченія спокойствія въ столицѣ, пока Неронъ разъѣзжаетъ по Греціи [5]) — настаетъ новый шестилѣтній терроръ, повергающій едва успѣвшее отдохнуть римское общество въ трепетъ, и снова невыносимое положеніе разрѣшается насильственнымъ образомъ, на этотъ разъ уже не возстаніемъ преторіанцевъ, а возстаніемъ провинціаловъ [6]). Неожиданно оказывается, что „принцепсъ можетъ быть провозглашенъ и внѣ Рима“ [7]): одно за другимъ провозглашаютъ принцепсовъ галльское, испанское, сирійское войска и преторіанцы. Наступаетъ двухлѣтняя анар-

---

[1]) Dio ep. 62, 13, 2.

[2]) Tac. Ann. 14, 51: mors Burri infregit Senecae potentiam, quia nec bonis artibus idem virium erat altero velut duce amoto, et Nero ad deteriores inclinabat.

[3]) Убійства, казни и изгнанія времени Нерона у Тацита: убійство Юнія Силана и Нарцисса по распоряженію Агриппины Ann. 13, 1 (въ 54 г.); убійство Британника Ann. 13, 14—16, обвиненіе Агриппины 13, 19—21 и Бурра съ Палласомъ 13, 23 (въ 55 г.), самоубійство сенатора Юлія Монтана, побившаго Нерона 13, 25 (въ 56 г.); изгнаніе Корнелія Суллы 13, 47 (въ 58 г.), убійство Агриппины 14, 1—8 (въ 59 г.), ссылка претора Антистія за probrosa adversus principem carmina 14, 48—9 и Фабриція Веіенто за probra in patres et sacerdotes 14, 50; смерть (отравленіе?) Бурра 14, 51. Убійство Суллы и Рубеллія Плавта 14, 57. 58—59, удаленіе Октавіи 14, 60, ея процессъ 14, 62, ссылка на Пандатарію 14, 63 и убійство 14, 64. (все въ 62 г.), самоубійство Торквата Силана 15, 35 (въ 64 г.), дѣло Пизона, дес. конс. Плавтія Латерана, поэта Лукана, сенаторовъ Флавія Сцевины и Афранія Квинціана, преторіанскаго преф. Фенія Руфа, многочисленныхъ всадниковъ, военныхъ трибуновъ и центуріоновъ 15, 48—67, самоубійство Сенеки 15, 60—65, дѣло Вестина 15, 68—69, ссылка Г. Кассія 16, 7 и Силана 16, 8 и т. д. и т. д.

[4]) Mommsen R. St. 2, 1026 пр. 3.

[5]) Dio 68, 12, 1—2.

[6]) Herzog, Gesch. 2, 280.

хія, пока одному изъ провозглашенныхъ не удается устранить всѣхъ соперниковъ и приняться за возстановленіе порядка. Эпоха почти наслѣдственной передачи принципата въ домѣ Августа и Тиберія кончилась.

ГЛАВА V.

Римское общество временъ Л. Аннея Сенеки.

§ 1.

Скрытый при Августѣ и отчасти при Тиберіи, деспотическій характеръ принципата рѣзко проявился при ихъ преемникахъ. Произволъ Гая и Нерона, трусливая слабохарактерность Клавдія одинаково тяжело отражались на жизни римскаго общества и на его представителѣ, на сенатѣ. Императорскій терроръ продолжался слишкомъ долго — почти 40 лѣтъ [1]),—чтобы не оставить глубокихъ слѣдовъ, тѣмъ болѣе, что и раньше его полнаго развитія, такіе факты, какъ осужденіе сочиненія Кремуція Корда [2]), не могли не произвести тягостнаго впечатлѣнія на полную литературныхъ интересовъ аристократію Рима.

Практическій результатъ этихъ событій для государственной жизни намъ уже извѣстенъ: онъ выражаегси въ безусловной покорности сената и особенно магистратуры. Никто не желалъ себя компрометировать въ глазахъ власти, слишкомъ хорошо зная,

[1]) Если оставить въ сторонѣ первые годы Тиберія и считать только время отъ процесса Агриппины старшей и ея сына Нерона (въ 29 г.) до смерти Нерона императора. Даже первые лучшіе годы послѣдняго (отъ 54—62 г.) не могли внести успокоенія: убійство Британника въ 55 г., Агриппины младшей въ 59 году, разумѣется, не остались безъ вліянія на настроеніе общества.

[2]) Осужденіе Лабіена и Кассія Севера имѣетъ нѣсколько иной характеръ: они нападали и на аристократію. Замѣчательно, что мы не находимъ указаній на впечатлѣніе, произведенное ссылкой Овидія: отмѣтимъ кстати, что его сочиненія (Ars amandi, Amores etc.) не были осуждены на сожженіе.

что рано или поздно, скорѣе раньше, чѣмъ позже, она съумѣетъ наказать строптиваго или даже просто неудобнаго ей человѣка. А наказаніе при данныхъ условіяхъ сводилось къ казни, вынужденному самоубійству, ссылкѣ и конфискаціи. Особенно опасно было, разумѣется, положеніе лицъ, чѣмъ-нибудь выдвинувшихся изъ массы, было ли то особенное уваженіе общества, или талантъ, или, наконецъ, богатство: масса, даже масса сенаторовъ, была въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи. Но высказать мнѣніе, даже издалека походившее на проявленіе самостоятельности, уже значило выдвинуться и обратить на себя вниманіе. Понятно, что обыкновенно никто не рѣшался на такое геройство, но, если случайно находился смѣльчакъ, который рѣшался подъ страхомъ личной и тяжкой отвѣтственности выразить молчаливый взглядъ большинства, масса сенаторовъ охотно присоединялась къ его мнѣнію „въ надеждѣ на свою многочисленность“ [1]). Въ высшей степени, однако, характерно, что именно въ извѣстныхъ намъ случаяхъ этого рода консулы не рѣшались признать рѣшеніе сената состоявшимся раньше, чѣмъ принцепсъ не узнаетъ о немъ и не выскажетъ своего мнѣнія [2]). На ряду съ иниціаторомъ подобнаго сенатусконсульта вѣдь именно предсѣдательствующій консулъ не могъ скрыться въ массѣ и тѣмъ устранить грозившую ему опасность.

Говорить при такихъ условіяхъ о сколько-нибудь серьезной легальной оппозиціи, очевидно, невозможно. Власть дѣлала невозможнымъ открытое и законное выраженіе общественнаго мнѣнія и тѣмъ самымъ вызывала заговоры и возстанія. Законнаго выхода изъ ужаснаго положенія, созданнаго Гаемъ,

---

[1]) Tac. Ann. 14, 49: plures numero tuti.

[2]) Tac. Ann. 14, 49: at consules perficere decretum senatus non ausi, de consensu scripsere Caesari. Tac. Ann. 15, 22: magno adsensu celebrata sententia, non tamen senatus consultum perfici potuit abnuentibus consulibus ea de re relatum. mox auctore principe sanxere.

не было — и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ заговоровъ [1]), онъ былъ убитъ. Заговоры и возстанія мы встрѣчаемъ и при Клавдіи [2]). Нерону угрожалъ огромный заговоръ Пизона, и онъ палъ вслѣдствіе возстанія галльскаго и испанскаго войска, къ которому затѣмъ присоединились преторіанцы и наконецъ только сенатъ [3]). Организаторами большинства этихъ движеній были представители аристократіи, но успѣхъ имѣли только тѣ, въ которыхъ преторіанцы или войско по тѣмъ или инымъ причинамъ принимали участіе. Поскольку въ заговорахъ можно видѣть проявленіе оппозиціи, оппозиціонная аристократія находилась въ крайне неблагопріятномъ положеніи офицеровъ безъ арміи. Народная масса какъ Рима [4]), такъ и провинцій, повидимому, въ общемъ была довольна своимъ положеніемъ: при олигархіи и въ эпоху революцій ей жилось еще значительно хуже. Не политическіе, а экономическіе интересы стояли для нея на первомъ планѣ, а относительно бо̀льшій порядокъ въ управленіи, заботы о хлѣбномъ продовольствіи Рима и строгій контроль надъ намѣстниками, которыми населеніе было обязано имперіи, благодѣтельно отразились на его положеніи. Всѣ сколько-нибудь значительныя движенія въ провинціяхъ вызваны задолженностью населенія или жадностью магистратовъ [5]), такъ же какъ народныя дви-

[1]) Suet. Cal. 56: una alteraque conspiratione detecta, aliis per inopiam occasionis cunctantibus...

[2]) Suet. Cl. 13.

[3]) Suet. Nero 40—49, Dio.

[4]) Ср. волненія народа при извѣстіи о смерти Клавдія: Suet. Cl. 12: populus et militem quasi proditorem, et senatum quasi parricidam diris execrationibus incessere non ante destiterit... Отношеніе къ Нерону Suet Nero 57: tantumque gaudium publice praebuit (mors Neronis), ut plebs pilleata tota urbe discurreret. Et tamen non defuerunt, qui per longum tempus vernis aestivisque floribus tumulum eius ornarent, ac modo imagines praetextatas in rostris proferrent, modo edicta quasi viventis et brevi magno inimicorum malo reversuri. Otho 7: ac super ceteras gratulantium adulantiumque blanditias ab infima plebe appellatus Nero...

[5]) Причины возстанія Галліи въ 21 г. ob magnitudinem aeris alieni: Ann. 3, 40; убіеніе претора Hispaniae cit. Л. Пизона Терместинцемъ, quippe

женія въ Римѣ — дѣйствительнымъ недостаткомъ хлѣба или слухами о возможномъ истощеніи запасовъ [1]).

Вдобавокъ и войско въ общемъ твердо стояло на сторонѣ власти, „глубоко проникнутое любовью къ Цезарямъ“ [2]). Замѣчательно, что за все время отъ основанія принципата до возстанія 68 г., вызваннаго самими полководцами, мы встрѣчаемъ только одно крупное движеніе среди военныхъ массъ въ 14 г., когда непосредственно послѣ смерти Августа заволновались 8 германскихъ и 3 паннонскихъ легіона. Да и то причиной этого движенія служили чисто профессіональныя тяжести, главнымъ образомъ продолжительность службы и незначительность вознагражденія, а не какія-либо политическія идеи [3]). Убійство Гая вызвало волненіе среди массы преторіанцевъ [4]). Возстаніе Камилла Скрибоніана въ 41 г. по-

---

pecunias e publico interceptas acrius quam ut tolerarent barbari cogebat: Ann. 4, 45; возстаніе во Θракіи въ 28 г. quod pati dilectus... aspernabantur: Ann. 4, 46; возстаніе Фризовъ въ 28 г. nostra magis avaritia, quam obsequii impatientes: Ann. 4, 72; возстаніе Британніи въ 59 г... acerrimo in veteranos odio за грабежи... odiis provinciae, quam avaritia eius in bellum egerat, trepidus... Ann. 14, 31, 32.

[1]) Ann. 6, 13: gravitate annonae iuxta seditionem ventum, multaque et plures per dies in theatro licentius efflagitata, quam solitum adversum imperatorem. Это было въ 32 г. Ann. 12, 43: frugum quoque egestas et orta ex eo fames... nec occulti tantum questus sed iura reddentem Claudium circumvasere clamoribus turbidis, pulsumque in extremam fori partem vi urgebant, donec militum globo infensos perrupit. См. Suet. Cl. 18: detentus quondam medio foro a turba conviciisque et simul fragminibus panis ita infestatus, ut aegro nec nisi postico evadere in Palatium valuerit. См. также Ann. 3, 54, 15, 18. 15, 36. Hist. 1, 88. 4, 38.

[2]) Tac. Ann. 2, 76: penitus infixus in Caesares amor. Ann. 14, 7: ille (Burrus) praetorianos toti Caesarum domui obstrictos memoresque Germanici nihil adversus progeniem eius atrox ausuros respondit.

[3]) Возстаніе паннонскихъ легіоновъ Ann. 1, 16 sequ, возстаніе германскихъ Ann. 1, 31 сл. Тацитъ указываетъ здѣсь еще на одинъ любопытный фактъ, содѣйствовавшій германскому мятежу 1, 31: Audito fine Augusti *vernacula* multitudo, *nuper* actu *in urbe* dilectu, lasciviae sueta, laborum intolerans, implere ceterorum rudes animos.

[4]) Dio 59, 30, 2: ἐπεὶ δὲ τὸ δορυφορικὸν ἐταράττετο καὶ διαθέοντες ἐπυνθάνοντό τις Γαΐον ἔσφαξεν, Οὐαλέριος Ἀσιατικὸς ἀνὴρ ὑπατευκὼς θαυμαστὸν δή τινα τρόπον

терпѣло быструю неудачу благодаря раскаянію его солдатъ [1]). Только въ 68 г. положеніе въ этомъ отношеніи мѣняется, но, разумѣется, не въ томъ смыслѣ, чтобы войско съ этого времени сдѣлалось носителемъ извѣстныхъ политическихъ взглядовъ, а лишь постольку, поскольку прежняя традиціонная привязанность къ дому Цезарей замѣняется постепенно усиливающимся мятежнымъ настроеніемъ, въ концѣ концевъ приведшимъ, вмѣстѣ съ другими условіями, въ III вѣкѣ къ эпохѣ военной анархіи [2]).

Подвергаясь постоянно опасности со стороны власти, не находя сочувствія въ массѣ и лишь изрѣдка въ войскѣ, аристократія, естественно, совершенно безсильна. Тѣмъ не менѣе республиканскія воспоминанія не исчезаютъ, и сама власть, драпируясь въ республиканскія формы, еще поддерживаетъ иллюзіи. Римская аристократія—родовая и умственная – живетъ прошлымъ: постоянное школьное и внѣшкольное восхваленіе республиканскихъ героевъ временъ диктатора Цезаря не можетъ остаться безъ всякаго вліянія, какъ не можетъ остаться безъ всякаго вліянія и тотъ почетъ, которымъ періодически окружается сенатъ. Золотой вѣкъ въ прошломъ, и чѣмъ безотраднѣе настоящее, чѣмъ тяжелѣе гнетъ правительства, чѣмъ обиднѣе сознаніе своего полнаго безсилія, тѣмъ

αὐτοὺς ἡσύχασεν, ἀνελθὼν ἐς περιφανές τι χωρίον καὶ ἐκβοήσας „εἶθε ἐγὼ αὐτὸν ἀπεκτόνειν“. καταπλαγέντες γὰρ ἐπαύσαντο τοῦ θορύβου.

[1]) Suet. Cl. 13: legionibus, quae sacramentum mutaverant, in poenitentiam religione conversis...

[2]) Нужно впрочемъ замѣтить, что кромѣ гвардейскихъ войскъ римскаго происхожденія императоры окружили себя еще конвоемъ изъ варваровъ, сначала испанцевъ (до 31 г. a. Chr. Suet. Aug. 49), затѣмъ германцевъ (Suet. Aug. 49. Ср. Tac. Ann. 1, 24: robora Germanorum, qui tum (въ 14 г. по Р. Хр.) custodes imperatoris erant). Взглядъ Римлянъ на нихъ Ann. 6, 36: externorum corpori custodes... suis quisque sedibus extorres, quis neque boni intellectus neque mali cura, sed mercede aluntur *ministri sceleribus*, и особ. Ann. 15, 58: *Germani quibus fidebat princeps quasi externis.* Suet. Cal. 58.

болѣе подготовлена почва для всяческихъ заговоровъ и убійствъ, этого излюбленнаго орудія безсильнаго.

Но заговоръ всегда дѣло немногихъ, особенно энергичныхъ, особенно близкихъ къ опасности или оскорбленныхъ, наконецъ, особенно нуждающихся лично въ выгодномъ для нихъ переворотѣ людей. Въ кровавыхъ безобразіяхъ власти, въ нерасположеніи общества къ деспотизму они всегда найдутъ поддержку для своихъ начинаній,—когда цѣль будетъ достигнута Болѣе продолжительный успѣхъ будетъ зависѣть отъ самого характера ихъ цѣли: и въ этомъ отношеніи возстановленіе республики въ 37 г., продержавшейся всего три дня, кой-чему научило и позднѣйшихъ заговорщиковъ, не исключая и такихъ убѣжденныхъ на словахъ республиканцевъ, какъ Луканъ и Плавтій Латеранъ [1]). Цѣлью заговора 65 г., помимо убіенія Нерона, было уже не возрожденіе республиканской свободы, а достиженіе того соединенія принципата и свободы, которое Тацитъ радостно возвѣщаетъ въ біографіи Агриколы [2]): вопросъ заключался лишь въ томъ, кто будетъ императоромъ, Пизонъ или Сенека, а не въ томъ, чтобы вовсе не было императора [3]). Несомнѣнно, это въ высшей степени знаменательное явленіе: оно совершенно ясно доказываетъ, что даже наиболѣе крайняя оппозиція, и та признала необходимость принципата. По какимъ бы соображеніямъ не пришли къ этому результату, это все равно: выставляя заранѣе кандидата на престолъ, заговорщики 65 г. признали, что принципатъ пересталъ быть чрезвычайной магистратурой и сдѣлался необходимымъ элементомъ государственной жизни Рима. Событія 68 года только подтвердили этотъ результатъ. Съ этого времени вопросъ о возвращеніи къ консульской республикѣ уже болѣе не возникалъ. Можно сказать, что соб-

[1]) О Луканѣ см. ниже. О Плавтіи Латеранѣ. Tac. Ann. 15, 49.
[2]) Tac. Agr. 3.
[3]) Ann. 15, 50. 65.

ственно республиканская оппозиція сама покончила съ собою въ 65 г.

Но, какъ ужъ замѣчено, въ каждое данное время число лицъ, согласныхъ принять участіе въ заговорѣ противъ власти, будетъ сравнительно незначительно. Спрашивается, что же представляла изъ себя въ это время масса римскаго общества? Какъ складывалась ея жизнь и каковы были ея надежды подъ властью Калигулы, Клавдія и Нерона?

Основной чертой этого мрачнаго времени, какъ мы сейчасъ еще увидимъ, можно признать жгучее чувство необезпеченности личности отъ произвола власти, постоянный, можно сказать, ежеминутный трепетъ за свою жизнь, свою семью, свое состояніе, а у болѣе стойкихъ людей и за свою честь. Юридическія и простыя убійства, безпощадно губившія правыхъ и виновныхъ, надругательства надъ честью женщинъ и дѣтей, конфискаціи и ссылки создавали совершенно болѣзненную атмосферу. Самый развратъ получилъ какой то психопатическій характеръ: „можно было подумать, что одинъ и тотъ же городъ безумствуетъ и распутствуетъ“ [1]). Комбинація предстоящей или возможной казни съ наслажденіями момента доставляла какое-то особенное удовольствіе [2]).

Преобладающей мыслью была забота о собственной жизни. Одни старались обезпечить ее самой изысканной лестью, иногда выказывая поистинѣ изумительную изобрѣтательность, какъ Вителлій, другіе — и, вѣроятно, очень многіе — топили страхъ въ распутствѣ, третьи, наконецъ, чѣмъ дальше, тѣмъ

[1]) Tac. Hist. 3, 83: saeva ac deformis urbe tota facies: alibi proelia et vulnera, alibi balineae popinaeque; simul cruor et strues corporum, iuxta scorta et scortis similes; quantum in luxurioso otio libidinum, quidquid in acerbissima captivitate scelerum, *prorsus ut eandem civitatem et furere crederes et lascivire.* То, что Тацитъ говоритъ о 69 г., вполнѣ примѣнимо къ предшествующей эпохѣ и представляетъ ея крайній результатъ. См. слова Сальвіана, сказанныя при аналогичныхъ условіяхъ: sardonicis quodammodo herbis populum Romanum putes saturatum: moritur et videt.

[2]) Tac. Ann, 16, 18—19 о смерти Петронія.

больше начинали проникаться принципами стоицизма съ его строгой, почти аскетической моралью, съ его проповѣдью самоограниченія и самоубійства, съ его обѣщаніями, сдѣлать адепта нечувствительнымъ къ ударамъ судьбы и освободить его отъ страха смерти.

Наиболѣе вліятельнымъ изъ послѣднихъ, безспорно, былъ воспитатель и руководитель Нерона, замѣчательнѣйшій писатель этого времени, Л. Анней Сенека. Его жизнь и его сочиненія, значительная часть которыхъ дошла до насъ, безспорно представляютъ самый важный матеріалъ для изученія общества этого времени. Современное ему римское общество нигдѣ не находитъ себѣ болѣе богатаго и разнообразнаго отраженія, какъ въ многочисленныхъ произведеніяхъ этого талантливаго и разносторонняго, хотя и не особенно глубокаго писателя.

Въ свое время онъ пользовался, несомнѣнно, огромной славой, былъ первымъ представителемъ умственной жизни Рима и оказывалъ огромное вліяніе на общество. Далеко не геніальный человѣкъ, онъ, однако, прекрасно съумѣлъ уловить лучшія стремленія своихъ современниковъ и (по понятіямъ этого времени) красиво ихъ формулировать: ни по характеру, ни по глубинѣ мысли онъ не стоялъ чрезмѣрно высоко надъ среднимъ уровнемъ. Его нравственная проповѣдь, какъ и его жизнь, не являлись недоступными по своей цѣльности: слабый и сознававшій свою слабость человѣкъ, онъ былъ понятенъ всѣмъ и, какъ въ своихъ произведеніяхъ, такъ и въ своей личной жизни, можетъ быть признанъ наиболѣе вѣрнымъ представителемъ этого времени. Какъ лѣтъ 50 спустя не Тацитъ, а Плиній Младшій лучше всего характеризуетъ общество Нервы и Траяна, такъ не Ѳразея Петъ, а Сенека возрождаетъ предъ нами картину лучшихъ людей временъ римскаго террора со всѣми ихъ недостойными слабостями, со всѣми ихъ надеждами, стремленіями и идеалами.

Біографіи отдѣльныхъ дѣятелей, вообще говоря, не входятъ въ планъ настоящаго изслѣдованія; роль Сенеки въ государственной жизни Рима и тѣсная связь между его личной судьбой и опытомъ и его взглядами, дающая въ то же время представленіе и о ходѣ развитія аналогичныхъ взглядовъ у его современниковъ, заставляетъ насъ, однако, внимательнѣе разсмотрѣть и внѣшній ходъ его жизни. Зато роль его въ исторіи римской философіи, литературы и стилистики разумѣется, не будетъ нами затронута.

Л. Анней Сенека, какъ огромное большинство римскихъ писателей временъ имперіи, родился внѣ Рима и даже внѣ Италіи въ испанскомъ городѣ Кордубѣ (Кордовѣ) около начала нашей эры [1]). Отецъ его принадлежалъ къ сословію всадниковъ [2]). Еще въ младенческомъ возрастѣ его перевезли въ Римъ [3]), гдѣ онъ и воспитывался. Его учителя, Атталъ [4]), Сотіонъ [5]) и Папирій Фабіанъ [6]), отчасти принадлежали къ стоикамъ, отчасти близко соприкасались съ стоицизмомъ и положили, такимъ образомъ, основаніе дальнѣйшему философскому направленію своего ученика. Любопытенъ особенно одинъ эпизодъ изъ его юности. Сотіонъ, разсказываетъ Сенека Луцилію, слѣдуя въ этомъ отношеніи ученію Пиѳагора и Секстія [7]), убѣдилъ его отказаться отъ мясной пищи; „убѣжденный его словами, я пересталъ употреблять мясную пищу и по окончаніи года эта привычка была мнѣ не только легка, но и пріятна... Ты спрашиваешь, какъ я ее оставилъ? Моя юность совпала съ принципатомъ Тиберія Цезаря. Тогда за-

[1]) Schanz, Römische Litteraturgeschichte 2, 400: einige Jahre vor unserer Aera.

[2]) Tac. Ann. 14, 55.

[3]) Sen. ad. Helv. 19, 2.

[4]) Sen. ep. 108, 3.

[5]) ib. 108, 17—22.

[6]) Sen. ep. 100, 12. См. объ немъ Schanz 2, 211—213, 338—339. Zeller, Phil. d. Griech. 3, 1, p. 681.

[7]) Sen. ep. 109, 17—18.

прещались чужестранные культы, а въ числѣ доказательствъ суевѣрности полагался и отказъ отъ употребленія въ пищу нѣкоторыхъ животныхъ. А потому, когда отецъ меня попросилъ, не потому, чтобы онъ боялся клеветы, но потому, что онъ ненавидѣлъ философію, я вернулся къ прежней привычкѣ“ [1]). Таково было первое столкновеніе будущаго государственнаго дѣятеля съ дѣйствительностью: едва ли боязнь доноса играла такую незначительную роль въ его рѣшеніи, какъ это ему казалось, или какъ онъ желалъ это представить въ болѣе позднее время. Эпоха Тиберія, которую онъ уже прожилъ въ качествѣ сознательнаго наблюдателя (въ послѣдніе годы этого принципата онъ добился уже квестуры [2]), оставила въ немъ довольно тяжелое воспоминаніе. Онъ помнилъ еще время Августа, о которомъ упоминаетъ довольно часто. Несмотря на массу крови, пролитой имъ во время гражданскихъ войнъ, подъ Акціумомъ, въ Сициліи, въ Перузіи, наконецъ, во время проскрипцій [3]), Августъ, если считать „со времени его принципата“, былъ милостивый принцепсъ [4]), понимая, что этимъ онъ скорѣе всего примиритъ даже враговъ съ собою [5]), и сознавая, что если онъ не пощадитъ побѣжденныхъ, ему и править-то будетъ некѣмъ [6]). „Это сдѣлало его любезнымъ и пріятнымъ римскому народу, несмотря на то, что онъ наложилъ свою руку на никогда еще не покоренныхъ Римлянъ. Это до сихъ поръ создаетъ ему такую

[1]) Sen. ep. 108, 22.

[2]) Sen. ad Helv. 19, 2. До этого и послѣ возвращенія изъ Египта, гдѣ онъ посѣтилъ свою тетку, бывшую замужемъ за префектомъ Египта Витразіемъ Полліономъ, онъ выступалъ въ судахъ въ качествѣ повѣреннаго. Ep. 49, 2: causas agere coepi.

[3]) de clem. 1, 11, 1.

[4]) de clem. 1, 9, 1: divus Augustus fuit mitis princeps, si quis illum *a principatu suo* aestimare incipiat и т. д.

[5]) de cl. 1, 9, 2—12 инцидентъ съ Л. Корнеліемъ Цинной. См. Діонъ 55, 14 сл. См. de ben. 2, 25, 1.

[6]) de cl. 1, 10, 1: ignovit abavus tuus victis. nam si non ignovisset, quibus imperasset?

славу, какая едва достается и живымъ принцепсамъ“ [1]). Подчеркивая въ данномъ случаѣ практическое значеніе политики Августа въ назиданіе Нерону, Сенека и независимо отъ этого въ другихъ мѣстахъ восхваляетъ Августа за милостивое обращеніе съ врагами [2]). Несмотря на все свое могущество [3]), онъ притомъ „не переставалъ испрашивать себѣ отдыхъ и освобожденіе отъ государственныхъ дѣлъ. Всѣ его разговоры всегда обращались къ тому, что онъ надѣется отдохнуть“; онъ писалъ объ этомъ и сенату [4]). Съ другой стороны отмѣчается и то, что „при божественномъ Августѣ слова ихъ еще не были опасны людямъ, но уже были неудобны“ [5]). Въ общемъ, однако, и о немъ и о Ливіи Сенека всегда говоритъ съ почтеніемъ [6]).

Гораздо менѣе благопріятно отношеніе Сенеки къ преемнику Августа. Только первыя времена его принципата заслуживаютъ полную похвалу [7]). Лично о Тиберіи Сенека впрочемъ и вообще отзывается, если не съ симпатіей, то съ уваженіемъ. Замѣчательно было его самообладаніе при смерти Германика и Друза [8]), его почтеніе къ Ливіи [9]). Если и порицается

---

[1]) de cl. 1, 10, 2.

[2]) de ira 3, 23, 4—8: его отношеніе къ Тимагену и пріютившему его Полліону; de ira 3, 40, 2—4: его отношеніе къ saevitia Ведія Полліона.

[3]) de ira 3, 24, 1: numquid in domo mea plus possum quam toto orbe terrarum divus Augustus potuit? de brev. v. 4, 4: qui omnia videbat ex se uno pendentia.

[4]) de brev. v. 4, 2: divus Augustus... non desiit quietem sibi precari et vacationem a republica petere. omnis eius sermo ad hoc semper revolutus est ut speraret otium. 4, 3 отрывокъ изъ его посланія сенату.

[5]) de ben. 3, 27, 1: sub divo Augusto nondum hominibus verba sua periculosa erant, iam molesta.

[6]) Замѣчательно, что онъ порицаетъ Августа за то, что тотъ не скрылъ позора своей дочери и внучки: de ben. 6, 32. О Ливіи ad Marc. 3, 1—2. 4; 4, 1—4; объ Агриппѣ: ср. 94, 46.

[7]) de cl. 1, 1, 6: sed ingens tibi (Neroni) onus inposuisti: nemo iam divum Augustum nec Tiberii Caesaris prima tempora loquitur.

[8]) ad Marciam 15, 3.

[9]) ad Marciam 4, 2.

его отношеніе къ друзьямъ [1]), и жесткость его характера [2]), то въ общемъ даже въ посланіи къ Марціи, дочери Кремуція Корда, составленномъ, вѣроятно, въ первыя, либеральныя времена Гая, когда осужденныя при Августѣ и Тиберіи сочиненія снова были разрѣшены, нѣтъ ни одного рѣзкаго осужденія Тиберія, и вся вина въ печальныхъ сторонахъ „его времени, когда считалось большимъ благочестіемъ не дѣлать ничего нечестиваго“ [3]), сваливается всецѣло на Сеяна [4]). Память и сочиненія Кремуція живутъ и будутъ жить, „тогда какъ скоро забудутся даже преступленія тѣхъ палачей, которыя одни даютъ имъ право на память“ [5]). Гибель Кремуція — дѣло Сеяна, оскорбленнаго нѣсколько вольными замѣчаніями отца Марціи, который не могъ молчать, когда Сеянъ собирался попирать насъ ногами [6]). Но и помимо Сеяна „при Тиберіи Цезарѣ господствовало частое и почти поголовное бѣшенство обвиненій, которое хуже всякой гражданской войны истощило гражданское общество: отмѣчались слова пьяныхъ, простодушіе шутившихъ. Не было ничего безопаснаго. Каждый поводъ къ жестокости былъ хорошъ“ [7]). Въ это время былъ счастливъ тотъ, кто доживалъ до старости, какъ бывшій преторъ Сервилій Ватія, богатѣйшій человѣкъ, удалившійся въ свою виллу около Неаполя: „каждый разъ,

---

[1]) de benef. 5, 25, 1—3: non memini quid fuerim.

[2]) de ben. 2, 7—8: beneficium ab homine duro aspere datum...

[3]) ad Marc. 1, 2: et hoc illo seculo, quo magna pietas erat nihil inpie facere...

[4]) О его могуществѣ de tranqu. an. 11, 11: in quem quicquid congeri poterant, di hominesque contulerant...

[5]) ad Marc. 1, 4: Carnifices здѣсь Seianiani satellites cp. ib. 1, 2.

[6]) ad Marc. 22, 4(—8): irascebatur illi ob unum aut alterum liberius dictum, quod tacitus ferre non potuerat Seianum in cervices nostras ne inponi quidem, sed escendere. Восхваленіе его самоубійства.

[7]) de ben. 3, 26: sub Tiberio Caesare fuit accusandi frequens et paene publica rabies, quae omni civili bello gravius togatam civitatem confecit. excipiebatur ebriorum sermo, simplicitas iocantium. Nihil erat tutum. omnis saeviendi placebat occasio и т. д. См. ep. 70, 10 дѣло Друза Либона.

когда кого-нибудь погубила дружба Азинія Галла или ненависть, а потомъ любовь Сеяна, (ибо было одинаково опасно оскорбить или любить его), люди восклицали: о Ватія, ты одинъ умѣешь жить!“ [1]).

Ясно, что какъ бы не понимать отсутствіе всякихъ прямыхъ осужденій Тиберія—видѣть ли въ этомъ результатъ цензурныхъ, если такъ можно выразиться, соображеній или указаніе на дѣйствительную увѣренность Сенеки въ непричастности Тиберія къ жестокостямъ его времени [2]),—ужасъ его времени не остался безъ вліянія на Сенеку. Уже при Тиберіи онъ въ достаточной мѣрѣ успѣлъ познакомиться съ трепетомъ за свою жизнь, а участь Сенеки раздѣляло, какъ видно, все общество.

Но вотъ принципатъ перешелъ къ Гаю, при которомъ Сенека, очевидно, уже успѣлъ занять крупное мѣсто среди римскихъ ораторовъ и писателей [3]). Между тѣмъ и Гай обладалъ ораторскими способностями и особенно охотно занимался

[1]) Ep. 55, 3: in hac(villa) ille praetorius dives, nulla alia re quam otio notus, consenuit et ob hoc unum felix habebatur. Prosop. III, 229, № 430.

[2]) Противъ этого говоритъ указаніе на опасность дружбы съ Азиніемъ Галломъ ep. 55, 3. Какъ намеки на жестокость Тиберія, пожалуй, могутъ быть поняты также ad Marc. 15, 3 i. f. (единственное мѣсто, гдѣ Сенека намекаетъ на судьбу Агриппины старшей и ея дѣтей) и ad Marc. 1, 4, гдѣ выраженіе carnifices illi по грамматическому смыслу и по ad Marc. 22, 4—8 относится къ Сеяну и его сообщникамъ, но, быть можетъ, для современниковъ содержало и другой смыслъ.

[3]) Ко времени до его ссылки (41 г.) относятся кромѣ de consolatione ad Marciam, вѣроятно, еще разнаго рода рѣчи и сочиненія о Египтѣ и Индіи. Teuffel, 1, 696, пр. 2. Schanz, 2, 422 относитъ сюда еще de ira. О времени составленія отдѣльныхъ трудовъ Сенеки см. Gercke, Senecastudien въ Fleckeisens Jahrbücher für classische Philologie за 1896 г. стр. 1 — 333 (особ. 273 — 333): до 41 г. написаны ad Marciam de consol. и 2 книги de ira, до 54 г. ad Helviam matrem, ad Polybium, de ira III, de brevitate vitae; при Неронѣ: Apocolocynthosis, de constantia sapientis, de clementia (вскорѣ послѣ 15 декабря 55 г.: ср. de clem. 1, 9, 1), de vita beata, de beneficiis I—VI, de tranquillitate animi, natur. quaest., de otio, de beneficiis VI, de providentia, наконецъ epistulae ad Lucilium. Ср. Lehmann, Claudius und seine Zeit стр. 8 сл., Jonas de ordine librum Senecae philosophi 1870. Остальную литературу см. у Gercke.

краснорѣчіемъ [1]). Конкуренція съ принцепсомъ была опасна: Гн. Домицій Аферъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ ораторовъ этого времени [2]), чуть не сдѣлался жертвой вражды Гая и только ловкой лестью успѣлъ спасти себѣ жизнь и получилъ даже консулатъ за то, что призналъ безусловное превосходство императора [3]). „Луцій же Анней Сенека, превосходившій всѣхъ современныхъ ему римлянъ и многихъ другихъ мудростью, чуть не погибъ, не совершивъ ничего незаконнаго и не подвергшись никакому подозрѣнію, за одно то, что красиво защищалъ въ сенатѣ въ присутствіи его (Гая) одно дѣло". Только заступничество одной изъ его любовницъ, утверждавшей, что Сенека и безъ того скоро умретъ отъ чахотки, спасло его [4]).

Понятно, что время и личность Гая, и безъ того достаточно мрачныя, встрѣчаютъ въ сочиненіяхъ Сенеки самую суровую оцѣнку. Изъ всего числа Цезарей слѣдуетъ исключить его, котораго природа создала на гибель и позоръ рода человѣческаго, который погубилъ и раззорилъ государство [5]). Преобладающими чертами его были безумный гнѣвъ, доводившій его до вызова Юпитеру [6]), не знавшая предѣловъ жесто-

---

[1]) Suet. Cal. 53.

[2]) Отзывы Tac. Ann. 4, 52. Tac. dial. 13. Quintil, 12, 11, 3.

[3]) Dio 59, 19—20 и въ частности 59, 19, 3: ἄλλως τε γὰρ προέχειν ἁπάντων τῶν ῥητόρων ἠξίου καὶ ἐκεῖνον δεινότατον εἰπεῖν εἰδὼς ὄντα ὑπερβαλεῖν ἐσπούδασε. Здѣсь же, 19, 1—2, другіе поводы къ привлеченію Домиція къ суду.

[4]) Dio, 59, 19, 7—8. Калигула, впрочемъ, довольно мѣтко охарактеризовалъ стилистическую манеру Сенеки. Suet. Cal. 53: lenius comtiusque scribendi genus adeo contemnens, ut Senecam tum maxime placentem commissiones meras componere et harenam esse sine calce diceret.

[5]) ad Polyb. 17, 3: ex omni Caesarum numero excerpendum, quem rerum natura in exitium opprobriumque humani generis edidit, a quo imperium eversum atque adustum funditus; ad Helv. m. 10, 4: C. Caesar Augustus, quem mihi videtur rerum natura edidisse ut ostenderet, quid summa vitia in summa fortuna possent...

[6]) de ira 1, 20, 8—9: non puto parum momenti hanc eius vocem ad incitandas coniuratorum mentes addidisse. ultimae enim patientiae visum est eum ferre, qui Iovem non ferret. Другія черты de ira 3, 21, 5.

кость и постоянное глумленіе надъ человѣческимъ достоинствомъ. Безъ всякой причины онъ подвергаетъ сенаторовъ и всадниковъ римскихъ тѣлесному наказанію и пыткамъ: „благодаря ему возможно сказать, что таковъ обычай“ [1]). Онъ помышлялъ объ избіеніи всего сената [2]); этотъ звѣрь ввелъ ночныя казни и приказывалъ затыкать ротъ своихъ жертвъ губками или одеждой [3]). Простивъ Помпея Пенна, онъ далъ ему поцѣловать лѣвую ногу,—„человѣкъ, рожденный для того, чтобы замѣнить нравы свободнаго государства персидскимъ раболѣпіемъ“ [4]). Казнивъ сыновей, онъ посылалъ убить и ихъ отцовъ, „чтобы избавить ихъ отъ печали“ [5]); или, наоборотъ, въ тотъ же день приглашалъ ихъ, какъ знатнаго всадника Пастора, къ себѣ къ обѣду. „Пасторъ пришелъ безъ всякаго упрека на лицѣ. Цезарь выпилъ за его здоровье кубокъ и приставилъ къ нему шпіона. Несчастный выдержалъ (испытаніе), не иначе какъ будто онъ пилъ кровь сына. Онъ послалъ ему масло и вѣнки и велѣлъ слѣдить, приметъ ли онъ ихъ: онъ принялъ. Въ тотъ самый день, когда онъ вынесъ тѣло сына — нѣтъ, когда онъ его не вынесъ,—больной подагрой старикъ лежалъ за обѣдомъ, какъ сытый гость, и пилъ напитки, едва приличные въ день рожденія дѣтей, не проливая ни одной слезы, ни однимъ знакомъ не давъ печали проявиться. Онъ обѣдалъ, точно вымолилъ сыну прощеніе. Ты спрашиваешь, почему?—у него былъ еще другой... Можно бы было презирать римлянина отца, еслибъ онъ боялся за себя: тутъ любовь къ сыну устраняетъ гнѣвъ... И другой сынъ погибъ бы, еслибы гость не понравился палачу“ [6]).

[1]) de ira 3, 19, 1: cecideraт flagellis senatores: ipse effecit, ut dici possit: solet fieri. См. ib. 18, 3—4.

[2]) de ira 3, 19, 2: de toto senatu trucidando cogitabat.

[3]) de ira 3, 19, 2—4: isti beluae cotidianum est.

[4]) de ben. 2, 12.

[5]) de ira 19, 5.

[6]) de ira 2, 33, 3—6. См. ib. 3, 14, 3—6. Ср. de Tranqu. an. 14, 5: agebant enim gratias et quorum liberi occisi et quorum bona ablata erant.

Такія впечатлѣнія не проходятъ даромъ. Правда, въ убійствѣ Гая Сенека видитъ именно возмездіе за подлое глумленіе надъ человѣческимъ достоинствомъ [1]) и ободряетъ Серена вѣрить въ наказаніе того, кто безсовѣстно пользуется своей властью [2]); но покуда еще не нашелся мститель за поруганную честь общества, общество, очевидно, всецѣло отдается страху за свою жизнь: лишь немногіе способны отстоять предъ этимъ чисто животнымъ страхомъ свое достоинство [3]).

„Мы очутились подъ властью судьбы, властью тяжелой и непобѣдимой“, пишетъ самъ Сенека Марціи, дочери Кремуція Корда, „чтобы претерпѣвать по ея рѣшенію достойное и недостойное. Она будетъ злоупотреблять нашимъ тѣломъ безъ удержа, съ глумленіемъ, жестоко: однихъ она сожжетъ либо въ наказаніе, либо для облегченія; другихъ заключитъ въ оковы: это можетъ сдѣлать и врагъ, и согражданинъ [4])... Стоитъ ли оплакивать отдѣльные случаи? вся жизнь достойна слезъ [5])... Что такое человѣкъ? слабый сосудъ, ломающійся отъ каждаго сотрясенія [6]). Никто не родился безнаказанно“ [7]). Едва ли нужно доказывать, что эти мрачныя мысли не представляютъ изъ себя только риторическія упражненія для успокоенія безутѣшнаго горя Марціи по случаю смерти ея сына [8]).

---

[1]) de const. sap. 18, 1: immensum est, si velim singula referre, per quae in parentes avosque suos contumeliosus fuit, per quae in universos ordines: ea referam, quae illum exitio dederunt. Далѣе 18, 2 о Валеріи Азіатскомъ. 18, 3 о Кассіи Хереѣ.

[2]) de const. sap. 17, 4: deinde non deerit illi aliquando par. invenietur qui te quoque vindicet.

[3]) Таковы въ эпоху Гая стоикъ Kanus Julius: de Tranqu. an. 14, 4—10 и сенаторъ Юлій Грецинъ: de ben. 21, 5—6. Tac. Agr. 4. См. о нихъ Prosop. II, 185 № 165 и II, 195 № 231.

[4]) ad Marc. 10, 6.

[5]) ib. 11, 1: quid opus est partes deflere? tota flebilis vita est. Ср. ad Pol. 9, 6: omnis vita supplicium est.

[6]) ib. 11, 3: quid est homo? quodlibet quassum vas et quolibet fragile iactatu.

[7]) ib. 15, 4: nulli contigit inpune nasci.

[8]) Ib. 19, 3.

Слишкомъ ясно отражается въ нихъ настроеніе самого автора, да и всего мыслящаго общества этого времени. Уже въ томъ же діалогѣ мы встрѣчаемся со страхомъ смерти, который постоянно остается однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ бесѣдъ Сенеки. Только поборовъ его, вѣдь можно было спокойнѣе смотрѣть въ глаза опасностямъ.

„Ты рождена для того", обращается онъ къ Марціи, „чтобы губить и гибнуть, надѣяться и бояться, безпокоить другихъ и себя, бояться смерти и желать ее и, что самое ужасное, никогда не знать въ какомъ ты положеніи" [1]). Смерть не страшна. „Знай, что умершій не подлежитъ никакимъ печалямъ, а то, что дѣлаетъ для насъ ужаснымъ будущее, лишь басня; что умершимъ не угрожаетъ никакая тьма, ни темница, ни горящія огнемъ рѣки, ни рѣка забвенія, ни судъ и обвиненіе, *ни новые тираны* среди той вольной свободы. Это изобрѣли поэты и пугали насъ пустыми ужасами. Смерть есть разрѣшеніе и конецъ всякой боли" [2]). Это „великій и вѣчный миръ... Тамъ не видны никакія общественныя, никакія частныя бѣдствія" [3]). „Какъ мало сознаютъ всѣ свои бѣдствія тѣ, которыми смерть не восхваляется и не ожидается, какъ лучшее изобрѣтеніе природы... Она освобождаетъ отъ рабства противъ воли господина. Она снимаетъ съ плѣнныхъ цѣпи. Она выводитъ изъ темницы тѣхъ, кому запретила выйти надменная власть. Она доказываетъ изгнаннымъ, постоянно обращающимъ свой умъ и свои взоры къ отечеству, что безразлично, гдѣ бы не лежать... Послѣ нея никто не дѣйствовалъ по чужому приказанію... Она доступна всѣмъ... Благодаря ей, говорю я, родиться не есть пытка, благодаря ей я не погибну подъ угрозами случая, я могу сохранить свой духъ здравымъ и владѣющимъ собою: у меня есть къ кому

[1]) ad Marc. 17, 1.
[2]) ib. 19, 4—5: nec.. in illa libertate tam laxa ullos iterum tyrannos.
[3]) ib. 19, 6: nulla publica clades prospicitur, nulla privata.

аппеллировать". Я вижу всякаго рода пытки и ужасы „но я вижу и смерть. Есть здѣсь и кровожадные враги, надменные граждане: но я вижу здѣсь и смерть. Не тяжело повиноваться, гдѣ, если господинъ тебѣ опротивѣлъ, однимъ шагомъ можно перейти къ свободѣ. Ты мнѣ дорога жизнь, какъ даръ смерти" [1]). „Если наивысшее счастье, не родиться, то ближайшее за нимъ, мнѣ кажется, заключается въ томъ, чтобы проживъ не долго быстро вернуться къ прежнему состоянію" [2]). Пускай Марція вспомнитъ то страшное время, когда ея отецъ рѣшился на самоубійство, чтобы не дать Сеяну формально приговорить его къ смерти и конфисковать его состояніе, состояніе его дочери. „Ты плачешь, что одному изъ твоихъ близкихъ пришлось умереть? Онъ едва не былъ лишенъ права на это" [3]).

Восхваленіе самоубійства и призывъ къ нему, какъ къ послѣднему средству обезпечить свое достоинство, ясно доказываютъ, какъ тяжело жилось подъ властью принцепсовъ, какъ безнадежно было настроеніе римскаго общества, сознававшаго все свое безсиліе предъ властью, опиравшейся на войска и провинціи. Но и прибѣгнуть къ такому рѣшительному средству, какъ самоубійство, далеко не всѣмъ было по силамъ. И первый испыталъ это на себѣ самъ Сенека.

Съ паденіемъ Гая и переходомъ принципата къ Клавдію положеніе самого Сенеки не улучшилось. Желая отомстить одной изъ сестеръ убитаго, Юліи Ливиллѣ, Мессалина обвинила ее въ прелюбодѣяніи, а въ числѣ ея любовниковъ находился и Сенека: Юлія была изгнана и вскорѣ убита, Сенека сосланъ на Корсику [4]). Если уже самая связь приблизительно

[1]) ad Marc. 20: non est molestum servire, ubi si domini pertaesum est, licet uno gradu ad libertatem transire. Caram te, vita, habeo beneficio mortis.

[2]) ib. 22, 3: itaque si felicissimum est non nasci, proximum puto brevi aetate defunctos cito in integrum restitui.

[3]) ib. 22, 8: flesne, quod alicui tuorum mori necesse fuit? paene non licuit.

[4]) Dio 60, 8, 5: αὕτη μὲν (ἡ Μεσσαλίνη) γὰρ τὴν Ἰουλίαν τὴν ἀδελφιδῆν αὐτοῦ, ὀργισθεῖσά τε ἅμα ὅτι μήτε ἐτιμᾶτο ὑπ' αὐτῆς μήτε ἐκολακεύετο, καὶ ζηλοτυπήσασα

45-лѣтняго Сенеки съ Ливиллой плохо гармонируетъ съ строгостью его проповѣдей [1]), то его поведеніе во время ссылки производитъ еще болѣе странное впечатлѣніе. Какъ до него Овидій, онъ никакъ не можетъ примириться со своимъ положеніемъ: „варварская Корсика“, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ изъ изгнанія, „заключена въ отвѣсныя скалы, ужасная, повсюду обширная пустотой своихъ мѣстностей. Осень не приноситъ плодовъ, лѣто не раститъ посѣвовъ и сѣдая зима лишена даровъ Паллады. Весной не радуетъ плодъ облоковъ, и на песчаной почвѣ не растетъ никакая трава. Нѣтъ ни хлѣба, ни глотка воды, ни конца жарѣ. Здѣсь есть только двѣ вещи, изгнанный и изгнаніе“ [2]). Въ отчаяніи онъ приглашаетъ свой родной городъ, Кордубу, облечься въ трауръ: ея нѣкогда великій гражданинъ, ея слава, прикрѣпленъ къ скалѣ [3]). Какъ Овидій, онъ молитъ своего друга, Криспа, оказать ему помощь [4]).

Но этимъ его самоуниженіе не ограничилось. Діонъ передаетъ, что въ надеждѣ на прощеніе онъ написалъ сочиненіе, въ которомъ прославлялъ Мессалину и либертовъ Клав-

---

ὅτι περικαλλής τε ἦν καὶ μόνῃ τῷ Κλαυδίῳ πολλάκις συνεγίγνετο, ἐξώρισεν, ἐγκλήματα αὐτῇ ἄλλα τε καὶ μοιχείας παρεσκευάσασα, ἐφ' ᾗ καὶ ὁ Σενέκας ὁ Ἄννιος ἔφυγε, καὶ ὕστερόν γε οὐ πολλῷ καὶ ἀπέκτεινεν αὐτήν. Юліи въ 41 г. было около 23 лѣтъ (род. въ 18 г. см. Tac. Ann. 2, 54); до этого она была замужемъ за патрономъ Веллея, М. Виниціемъ (Tac. Ann. 6, 15), а во время принципата Гая сначала его любовницей, затѣмъ сослана на о-въ Понцію за прелюбодѣяніе съ М. Лепидомъ. Suet. Cal. 15. 24. Dio 59, 3. 59, 22. Клавдій-же ея и вернулъ изъ ссылки Dio 60, 4.

[1]) Plin. ep. 5, 3, 2—5: facio nonnumquam versiculos severos parum, facio; etiam comoedias audio et specto mimos etc... utque omnia innoxiae remissionis genera breviter amplectar, homo sum. Удивиться этому могутъ только тѣ, qui nesciunt, talia doctissimos gravissimos sanctissimos homines scriptitasse. Таковы, между прочимъ, Цицеронъ, Азиній Полліонъ, М. Брутъ и Анней Сенека, а также Цезарь, Августъ, Тиберій и Нерва.

[2]) Epigr. 2. См. ep. I, v. 7: parce relegatis, hoc est, iam parce sepultis.

[3]) Epigr. 9 ad Cordubam.

[4]) Epigr. 6 ad amicum.

дія,—но напрасно. Впослѣдствіи онъ самъ устыдился этого произведенія и сжегъ его [1]).

Враждебное отношеніе Діона—или вѣрнѣе его источника—къ Сенекѣ [2]) заставило бы насъ, пожалуй, усумниться въ достовѣрности разсказываемаго имъ факта, но дошедшее до насъ посланіе Сенеки къ могущественному либерту Полибію, написанное, чтобы утѣшить его по случаю смерти брата, устраняетъ всякія сомнѣнія въ слабохарактерности философа.

Тонъ посланія самый подобострастный, какъ по отношенію къ Полибію, такъ и по отношенію къ Клавдію. Цѣль посланія заключалась, разумѣется, въ пріобрѣтеніи заступника предъ принцепсомъ, чтобы добиться возвращенія изъ ссылки, надежды на которое Сенека нѣсколько разъ робко высказываетъ [3]).

Какъ нѣкогда Овидій восхвалялъ „милостивѣйшаго“ Августа, сославшаго его, такъ Сенека восхваляетъ „милостивѣйшаго“ Клавдія [4]), „божество“ Полибія [5]), это „общее утѣшеніе всѣхъ людей“ [6]). Подъ его милостивой властью изгнанники ведутъ болѣе спокойную жизнь, чѣмъ недавно при Гаѣ высшая знать: они не трепещутъ и не ожидаютъ съ каждымъ часомъ казни и не пугаются при видѣ приближающагося корабля [7]). Гай чуть не погубилъ государства, милость Клавдія его возстанавливаетъ [8]). Да и самъ Сенека обязанъ ему жизнью:

[1]) Dio ep. 61, 10, 2: αὐτὸς οὕτω τὴν Μεσσαλίνην καὶ τοὺς τοῦ Κλαυδίου ἐξελευθέρους ἐθώπευεν ὥστε καὶ βιβλίον σφισιν ἐκ τῆς νήσου πέμψαι ἐπαίνους αὐτῶν ἔχον, ὃ μετὰ ταῦτα ὑπ' αἰσχύνης ἀπήλειψε.

[2]) Dio 61, 10. Ср. съ этимъ почерпнутый, вѣроятно, изъ другого источника отзывъ о мудрости Сенеки. См. выше стр. 437.

[3]) Ad Pol. 13, 2—4: nec enim sic me deeicit, ut nollet erigere.. 18, 9. Ср. 2, 1: exhaustos iam fletibus domesticis oculos.

[4]) Ad Pol. 6, 5: mitissimus Caesar. Ср. 17, 3.

[5]) Ib. 8, 1: numen tuum. Ср. 12, 3.

[6]) Ib. 14, 1: princeps, qui publicum omnium hominum solatium est. Ср. 16, 4: parentem publicum.

[7]) Ib. 13, 4.

[8]) Ib. 17, 3.

онъ поддержалъ пораженнаго судьбой, падающаго и повергающагося въ пропасть, и своими божественными руками спасъ его. „Онъ испросилъ за меня прощеніе у сената и не только далъ мнѣ жизнь, но выпросилъ ее“ [1]). Его слова имѣютъ вѣсъ оракула, его божественный авторитетъ устранитъ всю силу печали Полибія [2]). Пусть Полибій вспомнитъ несчастія дома Цезарей. „Никто вѣдь не будетъ до такой степени лишенъ смысла и здраваго сужденія, чтобы жаловаться, что судьба принесла печаль ему, судьба, которая пожелала увидѣть даже слезы Цезарей“ [3]). „Ты долженъ обратить вниманіе на всѣхъ тѣхъ, о которыхъ я только-что говорилъ (Августъ, Тиберій, М. Антоній) либо вошедшихъ въ небо, либо ближайшихъ къ нему, и спокойно переносить судьбу, простирающую и на тебя руки, которыя не пощадили даже тѣхъ, кѣмъ мы клянемся“ [4]). Да и одинъ видъ „знаменитѣйшаго и величайшаго божества“ (numen), Клавдія, долженъ утѣшить его [5]). Пусть же и боги и богини надолго сохранятъ Клавдія землѣ. Пусть онъ сравнится съ Августомъ дѣлами, пусть побѣдитъ его годами. Пусть онъ, пока будетъ среди смертныхъ, не увидитъ смерти въ своемъ домѣ. Пусть онъ оставитъ сына правителемъ римскаго государства и раньше увидитъ въ немъ своего соправителя, чѣмъ наслѣдника. Пусть тотъ день, когда народъ присоединитъ его къ богамъ, будетъ далекъ и извѣстенъ только нашимъ внукамъ [6]).

Не менѣе беззастѣнчиво Сенека льститъ и самому Полибію. Удивительна его преданность Цезарю [7]), его безкоры-

[1]) Ib. 13, 2.
[2]) Ib. 14, 2.
[3]) Ib. 15, 2.
[4]) Ib. 17, 1.
[5]) Ib. 12, 3.
[6]) Ad Pol. 12, 5. Ср. 13, 4. 16, 6: Клавдію въ это время было около 60 лѣтъ.
[7]) Ad Pol. 2, 2: ecce eum dolorem illi, quem salvo Caesare accipere maximum poterat impressit (fortuna). Ср. 5, 2; 7 etc.

стіе [1]), любезность и простота, выдѣляющая его изъ другихъ либертовъ [2]), его необыкновенная образованность [3]), наконецъ, его литературная слава, которая не погибнетъ, покуда будетъ существовать сила латинскаго языка или изящество греческаго [4]). Положеніе его такъ высоко, участіе его такъ необходимо многочисленнымъ просителямъ, что онъ не имѣетъ права предаваться личному горю. Ему не приличествуетъ ничто плебейское или низменное [5]). Ему многое не приличествуетъ, что прилично массѣ. „Великое положеніе есть великое рабство. Тебѣ не приличествуетъ дѣлать все, какъ тебѣ захочется: ты долженъ выслушать столько тысячъ людей, разсмотрѣть столько прошеній!.. Тебѣ не приличествуетъ, говорю я, плакать, дабы ты могъ выслушать многихъ плачущихъ. Дабы слезы находящихся въ опасности и желающихъ обратиться къ состраданію милостивѣйшаго Цезаря могли быть осушены, ты предварительно долженъ осушить свои собственныя“ [6]). Пусть онъ лучше позаботится создать брату памятникъ своими произведеніями: твое краснорѣчіе можетъ создать ему вѣчную память [7]). А если то, что Сенека ему написалъ для утѣшенія, ему не понравится или не устранитъ его печали, пусть онъ вспомнитъ, что тотъ, кого окружаетъ собственное несчастье, не можетъ отдаться чужому, и что латинская рѣчь

---

[1]) Ib. 2, 3: pecuniam eriperes? numquam illi obnoxius fuit. nunc quoque quantum potest, illam a se abiecit et in tanta facilitate adquirendi nullum maiorem ex ea fructum quam contemptum eius petit.

[2]) Ib. 2, 4: unum enim hunc ex his, quos in principali domo potentes vidi, cognovisse videor, quem omnibus amicum habere cum expediat, magis tamen etiam libet. Ср. о его братѣ 3, 2.

[3]) Ib. 2, 5: animum eius liberalibus disciplinis, quibus non innutritus tantum, sed innatus est...

[4]) Ib. 2, 6: quamdiu fuerit ullus literis honor, quamdiu steterit aut Latinae linguae potentia aut Graecae gratia, vigebit cum maximis viris.. Ср. 11, 5—6. 18, 4.

[5]) Ib. 6, 2: nihil te plebeium decet, nihil humile.

[6]) Ib. 6, 4—5.

[7]) Ib. 18, 2. 18, 4.

не легко дается тому, вокругъ кого раздается грубый варварскій языкъ [1]).

Стоитъ только сравнить всѣ эти разсужденія Сенеки съ ядовитыми посмертными насмѣшками надъ Клавдіемъ въ его Apocolocynthosis [2]), съ его суровыми отзывами о либертахъ [3]), чтобы убѣдиться до какой степени не искренни слова Сенеки, одинъ необычайно повышенный тонъ которыхъ достаточно говоритъ за себя [4]).

Недаромъ, такимъ образомъ, личность Сенеки представлялась предметомъ споровъ еще въ древности. Уже современникамъ его не могла не броситься въ глаза та двойственность, которая поражаетъ и современнаго изслѣдователя. Проповѣдь самоубійства, какъ послѣдняго средства для обезпеченія своего достоинства предъ тираномъ, рѣзкое осужденіе придворной лести—и воскуреніе ѳиміама императору, который, затѣмъ жестоко высмѣивается; проповѣдь стоическаго равнодушія къ

---

[1]) Ib. 18, 6.

[2]) См. ниже стр. 455 пр. 2.

[3]) De ben. 2, 5, 1: quales regiae potentiae ministri sunt, quos delectat potentiae suae longum spectaculum minusque se iudicant posse, nisi diu multumque singulis quid possint ostenderint. nihil confestim, nihil semel faciunt. iniuriae illorum praecipites, lenta beneficia sunt.

[4]) Приблизительно одновременно съ посланіемъ къ Полибію составлено другое ad Helviam matrem de consolatione, предназначенное утѣшить ея горе по случаю ссылки сына. Сравненіе ихъ очень любопытно для характеристики Сенеки. По посланію къ матери можно было бы подумать, что онъ переносилъ свое несчастіе съ истиннымъ стоицизмомъ: одно за другимъ всѣ бѣдствія ссылки оказываются ничтожными (таковы carere patria 6, 2 сл., commutatio locorum 8, 1 сл., печальный характеръ Корсики 9, 1 сл., paupertas 10, 1 сл., наконецъ, совокупность всего этого 13, 1 сл., ignominia 13, 4 сл.), а самъ онъ превосходитъ всѣхъ, кто когда-либо старался утѣшить другихъ: non inveniebam exemplum eius, qui consolatus suos esset, cum ipse ab illis conploraretur 1, 2. Единственнымъ вѣрнымъ основаніемъ ея горя является отдаленіе сына 15, 1, а для успокоенія онъ совѣтуетъ ей заняться liberalibus studiis, отъ которыхъ отецъ напрасно ее удалялъ 17, 3—4, и обратиться къ дѣтямъ, внукамъ и сестрѣ. Онъ же вполнѣ доволенъ своей судьбой: 20, 1: qualem me cogites accipe: laetum et alacrem, velut optimis rebus.

благамъ жизни, осужденіе всякаго рода пороковъ—и прелюбодѣяніе; декламаціи о безумномъ стремленіи къ роскоши и наживѣ—и огромное состояніе, выдача въ ссуду подъ проценты капиталовъ, чудесные сады и виллы и т. д. и т. д. Понятно, что при такихъ условіяхъ самъ собой возникаетъ вопросъ, какъ примирить эти противорѣчія, представляетъ ли Сенека типъ ловкаго лицемѣра, драпирующагося въ тогу строгаго моралиста, чтобы тѣмъ только обмануть другихъ и лучше устроить свои собственныя дѣла, или же это искренній, но недостаточно стойкій и слабохарактерный человѣкъ, дѣйствительно вѣрящій въ свой идеалъ, но неспособный его осуществить? Понятно, что отъ разрѣшенія этого вопроса въ значительной мѣрѣ зависитъ и нашъ взглядъ на его произведенія, на ихъ значеніе для даннаго времени.

Діонъ—или вѣрнѣе тотъ авторъ, котораго онъ въ данномъ мѣстѣ выписываетъ,—какъ ужъ замѣчено, безусловно склоняется къ первому взгляду. Сенека, говоритъ онъ, не сталъ лучше послѣ ссылки, но (бывъ любовникомъ ея сестры Юліи) сдѣлался любовникомъ такой женщины, какъ Агриппина, имѣвшей такого сына (какъ Неронъ). Но не только въ этомъ, а и въ другомъ онъ поступалъ совершенно несогласно съ тѣмъ, что проповѣдовалъ. Осуждая тиранію, онъ сталъ учителемъ тирана, нападая на придворныхъ, онъ не уходилъ изъ дворца, подвергая нападеніямъ льстецовъ, онъ самъ льстилъ Мессалинѣ и либертамъ Клавдія. Отвергая богатство, онъ собралъ состояніе въ 750.000.000, обвиняя другихъ въ роскоши, имѣлъ 500 вполнѣ одинаковыхъ столовъ изъ лимоннаго дерева съ ножками изъ слоновой кости и обѣдалъ на нихъ. Въ то же время онъ предавался и греческой любви и научилъ этому Нерона [1]).

Если бы все это было вѣрно, то, естественно, можно было бы ожидать, что такой строгій судья, какъ Тацитъ, не остановился

[1]) Dio ep. 61, 10, 1—4.

бы предъ суровымъ приговоромъ надъ писателемъ, литературнымъ противникомъ котораго онъ былъ. Между тѣмъ именно свидѣтельство Тацита говоритъ скорѣе въ пользу Сенеки. Тацитъ знаетъ объ обвиненіяхъ, возводимыхъ на Сенеку [1]), и все же нигдѣ не говоритъ о немъ безъ уваженія [2]), а о смерти его разсказываетъ съ очевиднымъ почтеніемъ. А мнѣніе Тацита въ данномъ случаѣ для насъ тѣмъ болѣе важно, что онъ долженъ былъ знать о Сенекѣ по разсказамъ лицъ, хорошо его помнившихъ.

Очень любопытно то мѣсто, гдѣ Сенека у него сравнивается съ Бурромъ: „каждый изъ нихъ“, говоритъ онъ, „отличался разными достоинствами, Бурръ—военными заботами и строгостью нравовъ, Сенека—преподаваніемъ краснорѣчія и честной свѣтскостью“ [3]). Это опредѣленіе, по нашему мнѣнію, вполнѣ подтверждается всѣмъ, что́ мы знаемъ о жизни и произведеніяхъ Сенеки. Слабохарактерный, уступчивый и любезный, но въ то же время, честный и благожелательный человѣкъ, Сенека вполнѣ понималъ всѣ достоинства тѣхъ нравственныхъ принциповъ, которые онъ искренно проповѣдовалъ,—но безусловно сообразовываться съ ними не былъ въ состояніи. Увлекаясь строгостью жизни стоическаго мудреца, онъ самъ сознавалъ свою слабость въ борьбѣ съ плотью.

„Пускай“, говоритъ онъ въ сочиненіи, написанномъ около

---

[1]) Ann. 13, 42 (въ 58 г.): haud tamen sine invidia Senecae damnatur (P. Suillius).. Senecam increpans infensum amicis Claudii, sub quo iustissimum exilium pertulisset. Simul studiis inertibus et iuvenum inperitiae suetum livere iis, qui vividam et incorruptam eloquentiam tuendis civibus exercerent. Se quaestorem Germanici, illum domus eius adulterum fuisse... Qua sapientia, quibus philosophorum praeceptis intra quadriennium regiae amicitiae ter miliens sestertium paravisset? Romae testamenta et orbos velut indagine eius capi, Italiam et provincias immenso faenore hauriri. См 14, 53. 54.

[2]) Косвенное обвиненіе 13, 42. 14, 11.

[3]) Такъ мы переводимъ comitas. Tac. Ann. 13, 2: diversa arte ex aequo pollebant, Burrus militaribus curis et severitate morum, Seneca praeceptis eloquentiae et comitate honesta.

этого времени, „каждый обдумаетъ сколько онъ совершаетъ противъ добрыхъ нравовъ, какъ много изъ того, что онъ дѣлалъ, нуждается въ прощеніи, и онъ ужъ будетъ гнѣваться на самого себя. Ибо справедливый судья не произнесетъ одного приговора по своему дѣлу, другого по чужому. Никто, говорю я, не найдется, кто бы могъ оправдать самого себя. И каждый называетъ себя невиннымъ, имѣя въ виду свидѣтеля, не совѣсть“ [1]). „Если мы хотимъ быть справедливыми судьями всѣхъ вещей, мы прежде всего должны убѣдить себя, что никто изъ насъ не безъ вины“ [2]). „Величайшее наказаніе за совершонный проступокъ заключается въ немъ самомъ, и никто не наказывается тяжелѣе, чѣмъ кто передается на казнь раскаянію“ [3]). Въ концѣ своей дѣятельности и жизни онъ повторяетъ то же самое: „Люди“, пишетъ онъ Лицилію, „одновременно и любятъ свои пороки и ненавидятъ ихъ“ [4]). И если „владѣть собой (т.-е. управлять своими инстинктами) есть высшая власть“ [5]) и истинный признакъ мудреца, то онъ вовсе не считаетъ, чтобы самъ достигъ этого совершенства. „Если кто-нибудь изъ тѣхъ, которые лаютъ на философію, скажетъ по ихъ обыкновенію: зачѣмъ рѣчи твои строже, чѣмъ твоя жизнь? зачѣмъ ты опускаешь голосъ предъ начальствомъ и считаешь деньги необходимой вещью и трогаешься потерями и проливаешь слезы, услышавъ о смерти жены или друга, и обращаешь вниманіе на слухи и оскорбляешься злословіемъ?.. то я отвѣчу ему слѣдующее: я не мудрецъ и, чтобъ удовлетворить твое недоброжелательство, и не буду имъ. Не требуй

[1]) De ira 1, 14, 2—3. Ср. de ira 2, 7—9; 2, 10, 2—4; 2, 28. О времени составленія см. Gercke. Lehmann, (также Teuffel) Claudius und Nero стр. 11 относитъ это сочиненіе къ 49 г., Jonas, de ordine librorum стр. 29 ко времени между смертью Калигулы и ссылкой. Также Schanz 2, 405.

[2]) De ira 2, 28.

[3]) De ira 3, 26, 2—4: omnes mali sumus: quicquid itaque in alio deprehenditur, id unus quisque in suo sinu inveniet.

[4]) Ep. 112, 4: homines vitia sua et amant simul et oderunt.

[5]) Ep. 113, 30: imperare sibi maximum imperium est.

поэтому, чтобы я былъ равенъ лучшимъ, а чтобъ я былъ лучше дурныхъ: съ меня достаточно, ежедневно убавлять что нибудь изъ моихъ пороковъ и бранить мои ошибки“... „Ты, значитъ, говоришь одно, а живешь иначе. Въ этомъ упрекали Платона, упрекали Эпикура, упрекали Зенона. Ибо всѣ они указывали не на то, какъ они живутъ сами, а на то, какъ имъ самимъ слѣдуетъ жить“ [1]).

Стремленіе оправдать себя въ этихъ (и многихъ другихъ аналогичныхъ) разсужденіяхъ такъ очевидно, Сенека такъ настойчиво указываетъ на общую всѣмъ вѣкамъ и людямъ грѣховность [2]), что нельзя сомнѣваться, что онъ вполнѣ ясно сознавалъ двойственность своей натуры. Но онъ недаромъ подчеркиваетъ, что если философъ и будетъ обладать большими средствами, то не такими, „которыя бы были отняты у другого или окровавлены чужой кровью, а пріобрѣтенными безъ обиды для кого бы то ни было и безъ грязныхъ аферъ“ [3]). Вспоминается „*честная* свѣтскость“ Тацита. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ натурой далеко не героической, но именно поэтому тѣмъ болѣе типичной: настоящій представитель нравственно истощеннаго поколѣнія, Сенека знаетъ, къ чему слѣдуетъ стремиться, но не въ силахъ слѣдовать своей собственной программѣ. Люди этого времени, какъ французская аристократія XVIII вѣка, съ которой у нихъ много сходства, лучше, достойнѣе умираютъ, чѣмъ живутъ.

Самый слабый, самый больной пунктъ въ ихъ жизни это трепетъ предъ тираніей власти: они знаютъ, что „*Цезарю*

[1]) De vita beata 17—18. ib. 21—22, 23, 1—2. Ep. 63, 14.

[2]) De ben. 10, 1—4: ceterum idem semper de nobis pronuntiare debebimus, malos esse nos, malos fuisse, invitus adiciam et futuros esse. Ep. 97, 1—9: numquam apertius quam coram Catone peccatum est. Имѣется въ виду Катонъ младшій.

[3]) De v. b. 23, 1—2. А между тѣмъ вѣдь avaritia.. vehementissima generis humani pestis (ad Helv. 13, 2). См. Ep. 115, 10—15 и приводимыя здѣсь изреченія: non quare et unde, quid habeas, tantum rogant... quid habere nobis turpe sit quaeris? nihil и т. д.

все позволено“ [1]), что противъ его произвола нѣтъ никакой защиты и всѣ въ большей или меньшей степени находятся подъ гнетомъ этой мысли. Представленіе о фактическомъ всемогуществѣ принцепса лежитъ въ основаніи не только всей жизни Сенеки, но, какъ мы еще увидимъ, ярко отражается и на политической дѣятельности Ѳразеи Пета, этой „воплощенной доблести“, по опредѣленію Тацита [2]). Въ основѣ поведенія какъ того, такъ и другого лежитъ компромиссъ; разница между ними лишь въ томъ, что условія, талантъ и бо́льшая покладистость характера даютъ Сенекѣ возможность играть активную и положительную роль, тогда какъ Ѳразея всю свою жизнь остается при пассивной и отрицательной, но оба въ сознаніи своего безсилія дѣлаютъ рядъ уступокъ, которыя у Сенеки, естественно, больше бросаются въ глаза, но исходятъ изъ одного и того же факта, на который онъ самъ неоднократно весьма опредѣленно указываетъ.

Что̀, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ изъ себя власть Цезарей? „Цезарю все позволено“ [3]), „Цезарь все можетъ“ [4]), „Цезарю принадлежитъ земной шаръ“ [5]). „Онъ изъ всѣхъ смертныхъ понравился (богамъ) и былъ избранъ (ими), чтобы замѣнять на землѣ боговъ; онъ вершитель судебъ всѣхъ народовъ. Въ его рукѣ находится рѣшеніе, у кого какая будетъ судьба и положеніе. То, что̀ судьба хочетъ дать каждому изъ смертныхъ, она совершаетъ чрезъ него. Изъ его отвѣта народы и города почерпаютъ радость. Никакая область не процвѣтаетъ безъ его воли и милостиваго вниманія. Столько тысячъ мечей, которые его миролюбіемъ удерживаются въ ножнахъ, вынимаются изъ нихъ по его знаку. Отъ его рѣшенія зависитъ, какіе народы слѣдуетъ истребить до основанія, какіе пересе-

[1]) Ad Pol. 7, 2: Caesari.. cui omnia licent.
[2]) См. ниже.
[3]) См. выше.
[4]) De clem. 1, 8, 5: qui omnia potest...
[5]) Ad Pol. 7, 3: Caesare orbem terrarum possidente.

лить, какимъ дать свободу, у какихъ ее отнять, какихъ царей сдѣлать рабами, чью главу украсить царской діадемой, какіе города должны погибнуть, какіе основаться“ [1]). „Противъ его гнѣва нѣтъ спасенія; съ его строгимъ рѣшеніемъ соглашаются и тѣ, кто гибнетъ отъ него; къ нему никто не обратится съ запросомъ (объ основаніяхъ рѣшенія), даже больше, никто не обратится съ мольбой, если гнѣвъ его силенъ“ [2]). „Онъ душа республики, она его тѣло“ [3]). Онъ одинъ можетъ дѣйствовать прямо вопреки закону [4]). Власть его равна власти боговъ [5]). „Онъ не можетъ говорить, безъ того, чтобы всѣ народы не услышали его голоса, не можетъ гнѣваться, чтобы все не трепетало“ [6]). „Цезарю принадлежитъ все, фиску его только его частное и собственное имущество. Все находится подъ его властью, въ его собственности лишь частное. Безъ умаленія власти разсматривается вопросъ, что̀ его собственность, что̀ нѣтъ. *Ибо и то, что̀ судомъ признается не его собственностью, въ другомъ смыслѣ все-таки принадлежитъ ему*“ [7]).

Таковъ практическій выводъ изъ терроризма Цезарей. Различіе между писателями временъ Августа и Тиберія и писателями временъ императорскаго терроризма ярко бросается въ глаза. Если современники Августа и Тиберія останавливаются на заслугахъ императоровъ, Сенека подчеркиваетъ ихъ права. Нельзя не признать, что это очень любопытное

---

[1]) См. De clem. 1, 1, 2.

[2]) De clem. 1, 5, 4.

[3]) De clem. 1, 5, 1.

[4]) De clem. 1, 5, 4: occidere contra legem nemo non potest, servare nemo praeter me.

[5]) De clem. 1, 5, 7.

[6]) De clem. 1, 8, 5.

[7]) De ben. 7, 6, 3: Caesar omnia habet, fiscus eius privata tantum ac sua. Et universa in imperio eius sunt; in patrimonio propia. Quid eius sit, quid non sit, sine deminutione imperii quaeritur. Nam id quoque, quod tamquam alienum abiudicatur, aliter illius est.

измѣненіе, вполнѣ соотвѣтствующее измѣнившимся условіямъ. Въ сознаніи своей силы, которой они въ значительной мѣрѣ самимъ себѣ и обязаны, Августъ и Тиберій въ общемъ не только не подчеркиваютъ своихъ правъ, а, наоборотъ, стараются ихъ скрыть: не то при Гаѣ, при Клавдіи, наконецъ, при Неронѣ. Возведеніе личнаго произвола, личнаго каприза въ основной принципъ государственной жизни, вотъ основная черта этихъ принципатовъ, которую Сенека такъ опредѣленно формулируетъ.

Признавъ вмѣстѣ со всѣмъ римскимъ обществомъ несомнѣнный, имъ самимъ испытанный фактъ, Сенека, однако, на этомъ не успокаивается: если власть Цезаря не ограничена никакими внѣшними предѣлами, то она должна находить себѣ ограниченіе въ личныхъ взглядахъ, въ личной дѣятельности самого принцепса. Деспотизмъ долженъ быть просвѣщеннымъ. Какъ представлялъ себѣ Сенека нормальный ходъ римской государственной жизни съ этой точки зрѣнія, мы сейчасъ еще увидимъ. Здѣсь отмѣтимъ только то, что мысль объ ограниченіи власти въ современномъ смыслѣ этого слова никогда не возникала среди древнихъ: ни въ аѳинской демократіи, ни въ Спартѣ, ни въ Римѣ личность гражданина никогда не была обезпечена отъ деспотизма верховной власти, все равно находилась ли послѣдняя въ рукахъ народнаго собранія, олигархіи или монарха [1]). Передъ „интересами государства“ должны были умолкнуть интересы и права личности. Извѣстной гарантіей для послѣдней служило только совмѣстное участіе нѣсколькихъ факторовъ въ отправленіи верховной власти, каковыми въ Римѣ, напримѣръ, были народное собраніе, сенатъ и магистратура. Съ фактическимъ сосредоточеніемъ всей верховной власти въ принцепсѣ и эта гарантія пала, и отдѣльный гражданинъ очутился лицомъ къ лицу съ такой

[1]) Mommsen passim.

властью, которая „въ интересахъ государства“ могла совершить съ нимъ, что̀ угодно. Совершенно произвольная, не поставленная ни въ какія законныя рамки власть суверенаго народа цѣликомъ перешла къ его уполномоченному, и общество не находило въ прошломъ никакихъ указаній, какъ обезпечить себя, свою свободу и свое достоинство отъ властелина, тѣмъ болѣе, что самый переходъ къ монархіи, какъ мы уже видѣли и еще неоднократно успѣемъ убѣдиться, былъ признанъ необходимымъ. При такихъ условіяхъ мысль Сенеки представляетъ единственно возможный выходъ изъ положенія.

Таковы политическіе результаты, извлеченные римскимъ обществомъ изъ опыта послѣднихъ лѣтъ. Съ ними Сенека приступилъ къ выпавшей на его долю роли воспитателя и руководителя Нерона. Что онъ при этомъ являлся только представителемъ и выразителемъ взглядовъ огромнаго большинства римскаго общества, видно уже изъ одного того, что, возвращая его изъ ссылки и приближая его къ себѣ, Агриппина имѣла въ виду именно его популярность [1]). Въ чемъ выражалось педагогическое воздѣйствіе, возведеннаго въ званіе претора, Сенеки на его 12 лѣтняго ученика, неизвѣстно: несомнѣнно лишь одно, что онъ съумѣлъ пріобрѣсти большое вліяніе на Нерона [2]), причемъ, повидимому, не пренебрегалъ и довольно сомнительными средствами [3]). Какую роль Сенека игралъ въ обезпеченіи престолонаслѣдія за Нероном̀ъ, также неизвѣстно, хотя весьма вѣроятно, что Агриппина и въ этомъ отношеніи не ошиблась въ своихъ разсчетахъ на его благодарность и естественную вражду къ Клавдію, продержавшему

---

[1]) Tac. Ann. 12, 8: laeta in rempublicam rata ob claritudinem studiorum eius utque Domitii pueritia tali magistro adolesceret.

[2]) Это доказывается какъ побѣдой его (и Бурра) надъ Агриппиной, такъ и обращеніемъ Нерона къ нему по поводу Акты и т. д.

[3]) Ann. 13, 2: (Burrus и Seneca) iuvantes in vicem, quo facilius lubricam principis aetatem, si virtutem aspernaretur concessis voluptatibus retinerent.

его цѣлыхъ 8 лѣтъ въ изгнаніи [1]). Уже одна популярность философа въ Римѣ должна была оказать свое воздѣйствіе на общество и на сенатъ, изъ среды котораго формально исходила инаціатива въ пользу дарованія Нерону разныхъ почестей и полномочій.

Смерть Клавдія и воцареніе Нерона побудили Сенеку къ составленію одного изъ самыхъ злыхъ памфлетовъ всѣхъ временъ, въ которомъ Клавдій также ядовито высмѣивается [2]), какъ, наоборотъ, восхваляется „начало счастливѣйшаго вѣка“ Нерона. Когда на небесахъ рѣшено предать Клавдія смерти, съ тѣмъ „чтобы лучшій управлялъ пустымъ дворцомъ“ и Клоѳо обрѣзала жизненную нить Клавдія, другая парка, Лахезисъ, поправивъ волосы и надѣвъ на нихъ вѣнокъ, взяла новую снѣжной бѣлизны нить и стала спускать ее такъ долго, что Неронъ превзойдетъ годами и Тиѳона и Нестора, и золотой вѣкъ возродится. Самъ Аполлонъ присутствуетъ при этомъ и, радуясь, глядя на будущее, нарочно поетъ и играетъ на лирѣ, чтобы парки сами не замѣтили, какъ длинна становится жизненная нить Нерона. „Пускай, говоритъ онъ, онъ превзойдетъ предѣлъ человѣческой жизни,—похожій на меня и лицомъ

---

[1]) Ann. 12, 8: ut.. consiliis eiusdem ad spem dominationis uterentur. quia Seneca fidus in Aggripinam memoria beneficii et infensus Claudio dolore iniuriae videbatur.

[2]) Помимо смѣшной наружности (5, 2—3: diligentius intuenti-Herculi-visus est quasi homo), педантизма (5, 4), жестокости (6, 2; рѣчь Августа 10—11, списокъ казненныхъ при немъ 13—14) и безумной страсти къ судебнымъ дѣламъ (12, 2 см. здѣсь же стихи 36—45 deflete virum, quo non alius-potuit citius-discere causas-una tantum-parte audita-saepe et neutra. quis nunc iudex-toto lites-audiet anno?) и отношенія къ нему либертовъ (ib. 6, 2), Сенека отмѣчаетъ еще какъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ его управленія распространеніе права гражданства на многихъ провинціаловъ (3, 3 слова парки: ego mehercules, inquit, pusillum temporis adicere illi volebam, dum hos pauculos, qui supersunt civitate donaret. Constituerat enim omnes Graecos, Gallos, Hispanos, Brittanos... togatos videre. Sed quoniam placet aliquos peregrinos in semen relinqui et tu ita iubes fieri, fiat). Въ этомъ отношеніи истый римлянинъ.

и красой, не уступающій мнѣ ни въ пѣніи, ни голосомъ [1]). Онъ даруетъ утомленнымъ счастливыя времена *и нарушитъ молчаніе законовъ*“ [2]). Напоминать Римлянамъ о днѣ его воцаренія не нужно, ибо „никто не забываетъ своего счастья“ [3]).

Само по себѣ, разумѣется, вполнѣ возможно, что переходъ власти къ Нерону, воспитанному Сенекой и Бурромъ и начавшему свой принципатъ объявленіемъ чрезвычайно либеральной программы управленія, былъ встрѣченъ очень сочувственно. Личность и политика Клавдія успѣли вполнѣ выясниться, и привлекательнаго въ нихъ было чрезвычайно мало. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что на молодого 17-лѣтняго принцепса, еще не успѣвшаго проявить всѣхъ своихъ дурныхъ наклонностей, возлагались очень большія надежды [4]). Весьма возможно и то, что, выставляя недостатки предыдущаго принципата, высказывая ясно надежду на возстановленіе законности, Сенека преслѣдовалъ такую же цѣль, какъ въ de clementia, а именно желалъ оказать воздѣйствіе на все направленіе новаго принципата. И тѣмъ не менѣе, такое восхваленіе новаго принцепса, какъ у Сенеки [5])—нечего и говорить, какъ долженъ былъ усердствовать по этому случаю сенатъ—лучше всего доказываетъ, какъ далеко римское общество ушло отъ республики, какіе глубокіе корни уже успѣлъ пустить взглядъ на монарха, какъ на единственную дѣйствительную силу, какъ на единственную надежду даже всѣхъ порядочныхъ людей. То, что̀ Сенека здѣсь говоритъ въ стихотворной формѣ и съ свойственной ей въ это время напыщенностью, онъ нѣ-

[1]) Nat. Quaest. 1, 5, 6: ut ait Nero Caesar disertissime,—colla Cytheriaciae splendent agitata columbae.

[2]) Apocol. 4.

[3]) Apocol. 5, 1.

[4]) de clem. 1, 1, 5: nemo unus homo uni homini tam carus umquam fuit quam tu populo Romano, magnum longumque eius bonum.

[5]) Nat. Quaest. 6, 8, 3—4: ut aliarum virtutum ita veritatis inprimis amantissimus. Дѣло идетъ объ экспедиціи, снаряженной Нерономъ для открытія источниковъ Нила.

сколько проще высказываетъ и въ другихъ мѣстахъ. Неронъ вѣдь превосходитъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, даже Августа, своей „невинностью“ и отсутствіемъ всякихъ личныхъ счетовъ [1]), его милосердіе доходитъ до слабости [2]): не даромъ же „никто больше не говоритъ о божественномъ Августѣ, о первыхъ временахъ Тиберія Цезаря“ [3]); всѣ самыя радужныя надежды возлагаются на юнаго императора и Сенека старается убѣдить его, что нужно ихъ оправдать [4]).

Что же ожидало общественное мнѣніе отъ Нерона? Въ чемъ заключался политическій идеалъ Сенеки?

Прежде всего онъ сторонникъ сильной власти, признающей, однако, значеніе законовъ: населеніе имперіи, эта огромная масса людей, несогласная, мятежная, не умѣющая владѣть собой, устремится одинаково и на собственную гибель и на гибель другихъ, лишь только сброситъ съ себя ярмо [5]). Власть и есть та связь, которая сохраняетъ единство государства, она жизненный духъ этихъ тысячей, которые сами по себѣ безъ ея руководства были бы лишь добычей враговъ. „Пока здравъ царь, всѣ согласны; когда онъ погибъ, они нарушаютъ миръ“ [6]). Подобное несчастіе было бы гибелью римскаго мира, оно уничтожило бы благополучіе народа. Покуда народъ съумѣетъ носить узду, онъ будетъ спасенъ отъ этой опасности; но если онъ ее когда-либо сброситъ или если она въ силу какого-нибудь несчастія исчезнетъ и онъ не согласится снова ее надѣть, все это единство и эта цѣльность огромнѣйшаго государства распа-

---

[1]) de clem. 1, 1, 5—6. 1, 1, 7. 1, 11, 1—3.

[2]) de clem. 2, 1, 2.—2, 2, 3.

[3]) de clem. 1, 1, 6.

[4]) de clem. 1, 1, 6: ingens tibi onus inposuisti...

[5]) de clem. 1, 1, 1: in hanc immensam multitudinem discordem, seditiosam inpotentem, in perniciem alienam suamque exsultaturam, si hoc iugum fregerit... См. ib. 3, 5: sic haec immensa multitudo unius animae circumdata illius spiritu regitur, illius ratione flectitur pressura se ac fractura viribus suis, nisi consilio sustineretur.

[6]) Verg. Georg. См. выше стр. 345.

дется на много частей, и конецъ владычества этого города совпадетъ съ концомъ его повиновенія [1]). Власть Цезарей уже давно такъ тѣсно слилась съ государствомъ, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга нельзя безъ гибели обоихъ. Ибо какъ Цезарь нуждается въ силахъ государства, такъ государство во главѣ [2]).

Напрасно поэтому Брутъ, который, вообще говоря, былъ великій человѣкъ, убилъ Цезаря. Убійство это несогласно и съ принципами стоицизма. „Или онъ испугался царскаго титула, тогда какъ положеніе государства лучше всего подъ властью справедливаго царя, или онъ надѣялся, что тамъ будетъ существовать свобода, гдѣ было такъ выгодно и властвовать и раболѣпствовать, или онъ считалъ, что прежняя форма государства можетъ быть возстановлена, несмотря на то, что исчезли прежніе нравы, и что тамъ возможно равенство гражданскихъ правъ и самостоятельное значеніе законовъ, гдѣ онъ видѣлъ столько людей, сражающихся не для рѣшенія вопроса, будутъ ли они вообще рабами, а лишь чьими. До какой степени онъ забылъ о порядкѣ вещей или о состояніи своего города, разъ онъ думалъ, что по убіеніи одного, не найдется другого, который бы пожелалъ добиться того же самаго: вѣдь нашелся же послѣ столькихъ царей, убитыхъ мечемъ или молніями, Тарквиній“ [3]). Увлекаться однимъ названіемъ республики не слѣдуетъ: когда Катонъ подвергался оскорбленіямъ, ему уже пришлось бороться съ многообразнымъ зломъ происковъ съ ненасытнымъ честолюбіемъ, котораго не могъ удовлетворить весь міръ, раздѣленный между тремя, съ пороками *вы-*

---

[1]) de clem. 3, 5—4, 2: idemque huic urbi dominandi erit finis, qui parendi fuerit.

[2]) de clem. 4, 3: olim enim ita se induit reipublicae Caesar, ut seduci alterum non possit sine utriusque pernicie. nam ut illi viribus opus est, ita et huic capite.

[3]) de ben. 20, 2. См. о Катонѣ младшемъ ep. 14, 12—13.

рождающагося государства [1]). Мудрецъ долженъ презирать мнѣніе толпы и одинаково равнодушно смотрѣть какъ на почести, ею раздаваемыя, такъ и на оскорбленія [2]). Что въ самомъ дѣлѣ представляетъ эта толпа? Какъ позорны процессы этихъ тысячей, устремляющихся съ разсвѣтомъ на форумъ, насколько еще гнуснѣе адвокаты, которыми они располагаютъ! Одинъ обвиняетъ отца, другой мать; иной является съ доносомъ на преступленіе, въ которомъ онъ самъ, очевидно, виноватъ. Избирается судья, чтобы осудить то, что онъ самъ дѣлаетъ. Но стоитъ ли останавливаться на подробностяхъ? Знай, что когда ты увидишь форумъ, или другое мѣсто, переполненное толпой, что тутъ столько же пороковъ, сколько людей. Среди этихъ носителей тоги нѣтъ мира: за легкое вознагражденіе одинъ устремляется на погибель другого. Доходъ одного основанъ на потерѣ другого. Счастливаго они ненавидятъ, несчастнаго презираютъ. Сильнаго они утруждаютъ, слабаго притѣсняютъ. Они возбуждаются разными страстями. Это—сборище звѣрей, да и то звѣри между собою спокойны и не бросаются на своихъ, эти же насыщаются взаимными терзаніями [3]).

А между тѣмъ, „двѣ вещи намъ далъ богъ, чтобы сдѣлать слабое созданіе сильнѣйшимъ: разумъ и общительность“ [4]). „Чѣмъ мы сильны, какъ не тѣмъ, что помогаемъ другъ другу взаимными услугами? Только благодаря одному этому жизнь болѣе благоустроена и обезпечена отъ внезапныхъ ударовъ... Разъедини насъ: что мы изъ себя представляемъ? добычу и жертву животныхъ“ [5]). Человѣкъ—соціальное животное [6]); безъ связи

---

[1]) de const. sap. 2, 2.
[2]) de const. sap. 19, 1.
[3]) de ira 2, 7, 3—8. Ср. de vita beata 2, 1 и др.
[4]) de ben. 4, 18, 2.
[5]) de ben. 4, 18, 1.
[6]) de clem. 1, 3, 2: hominem, sociale animal.

съ другими себѣ подобными онъ гибнетъ. Законъ и власть призваны ихъ сдерживать.

Было, правда, время, — пока алчность еще не нарушила общественныхъ связей,—когда глава народа былъ живымъ закономъ. Тогда еще жили согласно съ природой, а природѣ свойственно подчинять худшее лучшему, и поэтому главою народа всегда былъ лучшій его представитель. Полагаютъ, что въ этотъ золотой вѣкъ власть принадлежала мудрецамъ. Они сдерживали людей и защищали слабаго отъ сильнаго. Тогда власть была обязанностью, не наслѣдственной привилегіей. Но съ тѣхъ поръ какъ подъ вліяніемъ пороковъ царская власть превратилась въ тиранію, появилась нужда въ законахъ [1]).

Власть Нерона колоссальна и равна власти боговъ, но пусть онъ самъ себѣ скажетъ: „я такъ слѣжу за собой, точно я обязанъ отдать отчетъ предъ законами, которые я вызвалъ къ свѣту изъ забвенія и тьмы“ [2]). Тогда государству для полной свободы не будетъ доставать только права погубить себя [3]). Вѣдь „никто не можетъ управлять другими, кто не умѣетъ управлять собой“ [4]). Умѣренное пользованіе властью достойно похвалы, даже по отношенію къ рабамъ: тѣмъ болѣе справедливо природа повелѣваетъ не злоупотреблять, точно рабами, свободными, свободнорожденными, честными людьми, которыхъ ты немногимъ превосходишь и надъ которыми тебѣ дана опека, не власть рабовладѣльца [5]).

Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ царь отличается отъ тирана? [6]).

---

[1]) Ep. 90, 3–6.

[2]) de clem. 1, 1, 4. Написано между Дек. 55 и Дек. 56 г. См. 1, 9, 1.

[3]) de clem. 1, 1, 8: laetissima forma reipublicae, cui ad summam libertatem nihil deest nisi pereundi licentia.

[4]) de ira 2, 15, 4: nemo regere potest nisi qui et regi.

[5]) de clem. 18, 1.

[6]) Замѣтимъ, что и въ другихъ произведеніяхъ Сенеки и особенно въ de clementia подъ rex обыкновенно подразумѣвается princeps: ср. de clem.

Характеръ положенія и неограниченность правъ у нихъ одинаковые, но тираны прибѣгаютъ къ казни изъ любви къ звѣрству, цари только по необходимости и по серьезной причинѣ [1]). Достойны уваженія тѣ цари, основнымъ принципомъ которыхъ были справедливость и самоотреченіе, которые не государство посвящали себѣ, а себя государству [2]).

Въ чемъ же заключается обязанность принцепса? Въ томъ же, въ чемъ и обязанность добрыхъ родителей. То, что надлежитъ дѣлать отцу, то и принцепсу, котораго мы не изъ пустой лести прозвали отцомъ отечества. Остальныя прозвища даны ради ихъ почетности: мы назвали ихъ великими и счастливыми и божественно возвышенными (augustos) и собрали столько титуловъ, сколько могли, для ихъ возвышенія; отцомъ же отечества мы его назвали, чтобы онъ зналъ, что ему дана отцовская влать, умѣреннѣйшая изъ всѣхъ, заботящаяся о дѣтяхъ и подчиняющая ихъ интересамъ свои собственные [3]). Власть принцепса, такимъ образомъ, вовсе не освобождаетъ отъ обязанностей. „Онъ связанъ своимъ положеніемъ: онъ не только не можетъ блуждать по городу безъ свиты, безъ конвоя, онъ вообще не можетъ совершить чего бы то ни было, что бы не сдѣлалось сразу извѣстнымъ и важнымъ для другихъ; онъ также мало можетъ скрыться какъ само солнце. Всѣ глаза обращены на него [4]). Тѣмъ болѣе, разумѣется, онъ долженъ слѣдить за самимъ собой и держать себя въ рукахъ.

Лишь тогда могущество устойчиво и прочно, когда всѣ

1, 3, 3; 1, 7, 4; 1, 8, 1; 1, 8, 6; 1, 8, 7; 1, 11, 4; 1, 12, 1; 1, 18, 3; 2, 13; de ben. 5, 4, 2 и т. д.

[1]) de clem. 1, 11, 4: quid interest inter tyrannum et regem? species enim ipsa fortunae ac licentia par est... 1, 12, 1: tyrannus autem a rege distat factis, non nomine.

[2]) de ben. 4, 32, 2: sint hi reges, quia maiores eiorum fuerunt, quia pro summo imperio habuerunt iustitiam, abstinentiam, quia non rempublicam sibi, sed se reipublicae dicaverunt.

[3]) de clem. 14, 1—2.

[4]) de clem. 1, 8, 1—5: fastigio tuo adfixus es.

знаютъ, что власть существуетъ не только надъ всѣми, но и для всѣхъ, когда всѣ убѣждаются, что ея заботливость касается всѣхъ и каждаго, когда при появленіи властителя не разбѣгаются, точно какое-нибудь злое или вредное животное выбѣжало изъ своего логовища, а толпой обращаются къ нему, какъ къ ясному и благодѣтельному созвѣздію, готовые броситься для него навстрѣчу мечамъ заговорщиковъ [1]). Никто не долженъ быть такъ ничтоженъ для царя, чтобы онъ не почувствовалъ его гибели; вѣдь каждый есть часть государства [2]). Властелинъ всегда долженъ помнить, „что не республика принадлежитъ ему, а онъ республикѣ“ [3]). Таковъ долженъ быть въ общемъ характеръ власти. Согласно съ тѣмъ, что всякая мысль о законныхъ гарантіяхъ правъ личности и народныхъ интересовъ чужда древнему міру, идеалъ Сенеки имѣетъ крайне неопредѣленный характеръ. Разъ вся надежда возлагается на высокія личныя качества государя, все будетъ зависѣть отъ того, каковымъ государь окажется на дѣлѣ. Практически крайне наивная, теорія Сенеки любопытна главнымъ образомъ какъ доказательство окончательно совершившагося примиренія массы общества съ принципатомъ, съ одной стороны, какъ яркое свидѣтельство безсилія римской политической мысли, съ другой. Колеблясь между добрымъ старымъ республиканскимъ временемъ, возрожденіе котораго признано невозможнымъ, и современнымъ беззастѣнчиво-жестокимъ произволомъ, она, да и то по греческому образцу, создаетъ лишь химеру мудраго управленія царей-философовъ, стоящихъ внѣ партій и надъ ними. Несомнѣнно, однако, въ этомъ результатѣ сказывается также все то же сознаніе полнаго безсилія предъ произволомъ.

Оно проявляется еще и въ другомъ крайне любопытномъ

---

[1]) de clem. 1, 3, 3.
[2]) de clem. 1, 16, 1.
[3]) de clem. 1, 19, 8.

и характерномъ явленіи. Дѣло въ томъ, что сочиненіе, въ которомъ Сенека наиболѣе опредѣленно высказываетъ свою политическую profession de foi и которое онъ составилъ для Нерона скоро послѣ его воцаренія, посвящено прославленію *милосердія*. Почти всѣ собранныя нами выше указанія на политическіе взгляды Сенеки разбросаны довольно безсвязно по разнымъ мѣстамъ этого сочиненія, тогда какъ главная цѣль его заключается въ томъ, чтобы убѣдить Нерона, что и нехорошо и невыгодно быть такимъ жестокимъ деспотомъ, какими были Калигула и (благодаря его женамъ и либертамъ) Клавдій. Представленіе объ императорскомъ терроризмѣ, о возможности его продолженія при Неронѣ и о полной невозможности препятствовать его осуществленію иначе, какъ посредствомъ личнаго воздѣйствія на молодого, но всемогущаго принцепса, это представленіе преслѣдуетъ Сенеку, какъ кошмаръ, и онъ прибѣгаетъ ко всякимъ средствамъ, чтобы повліять на своего ученика.

Съ одной стороны, онъ старается дѣйствовать на его тщеславіе, высказываетъ убѣжденіе въ необыкновенной природной добротѣ его [1]) и, восхваляя его невинность [2]), тѣмъ самымъ приглашаетъ его, сохранить ее.

Съ другой стороны, онъ указываетъ на то, что для государя гораздо выгоднѣе щадить своихъ подданныхъ. „Ибо если ты душа твоего государства, а оно твое тѣло, ты, я думаю, видишь, какъ необходимо тебѣ милосердіе: ты щадишь себя, когда тебѣ кажется, что ты щадишь другого. Поэтому слѣдуетъ точно такъ же щадить и тѣхъ гражданъ, которые заслуживаютъ

---

[1]) de clem. 1, 1, 6: difficile hoc fuisset, si non naturalis tibi ista bonitas esset, sed ad tempus sumpta. Nemo enim potest personam diu ferre. ficta cito in naturam suam recidunt. Quibus veritas subest, quaeque, ut ita dicam, ex solido enascuntur, tempore ipso in maius meliusque procedunt.

[2]) ib. 1, 1, 5: rarissimam laudem et nulli adhuc principum concessam concupisti, innocentiam.

упрекъ, какъ слѣдуетъ щадить слабые члены, и если порой необходимо пустить кровь, нужно сдерживать руку, чтобы она не порѣзала глубже, чѣмъ нужно“ [1]). „Да и мыслимо ли наказывать всѣхъ и за все? Пускай Неронъ подумаетъ, какъ опустѣетъ этотъ огромный, переполненный населеніемъ городъ, если останутся только тѣ, которыхъ строгій судья оправдаетъ [2]). Не лучше ли относиться къ гражданамъ такъ, какъ онъ желаетъ, чтобы боги отнеслись къ нему [3])? Наконецъ, строгость небезопасна: частыя наказанія подавляютъ ненависть немногихъ, но возбуждаютъ ненависть всѣхъ... Подобно тому какъ подрѣзанныя деревья снова пускаютъ массу вѣтвей и многіе роды посѣвовъ подрѣзаются, чтобы они росли гуще, такъ царская жестокость, устраняя враговъ, увеличиваетъ ихъ число. Родители и дѣти тѣхъ, которые убиты, ихъ родные и друзья занимаютъ мѣсто каждаго“ [4]). „Недаромъ Августъ простилъ столькихъ враговъ: онъ пріобрѣлъ этимъ и сторонниковъ и славу какъ у современниковъ, такъ и у потомства [5]). А между тѣмъ его милосердіе вѣдь было только усталой жестокостью: въ прошломъ Нерона нѣтъ гражданскихъ войнъ, нѣтъ проскрипцій, нѣтъ перузинской бойни [6]). Умѣренный страхъ сдерживаетъ умы, постоянный и острый и напоминающій о гибели побуждаетъ униженныхъ къ смѣлости и совѣтуетъ попытать все“ [7]). „Если и спокойные люди должны бояться того же (что и мятежники), то становится выгоднымъ, броситься въ опасность и рискнуть своей судьбой, какъ чужой“ [8]). „Нѣтъ существа болѣе склоннаго къ недовольству, существа, которымъ труд-

---

[1]) ib. 1, 5, 1.
[2]) ib. 1, 6, 1 сл.
[3]) ib. 1, 7, 1.
[4]) ib. 1, 8, 6—7.
[5]) ib. 1, 9—10. См. выше стр. 433 пр. 5.
[6]) ib. 1, 11: lassam crudelitatem.
[7]) ib. 1, 12, 4.
[8]) ib. 1, 12, 5.

нѣе управлять, чѣмъ человѣкъ“ [1]). „За жестокость частныхъ лицъ мстили и рабы подъ страхомъ вѣрной смерти на крестѣ: устранить жестокость тирановъ принимались племена и народы какъ тѣ, которые испытывали ее, такъ и тѣ, которымъ она угрожала. Иногда ихъ собственная стража подымалась противъ нихъ и на нихъ проявляла вѣроломство и нечестивость и звѣрство, которымъ у нихъ научилась. Ибо что ты можешь ожидать отъ того, кого самъ научилъ быть дурнымъ? Подлость не долго повинуется и не грѣшитъ ровно столько, сколько велятъ. Но предположи даже, что жестокость безопасна: что представляетъ ея царство? Видъ завоеванныхъ городовъ и страшныя черты народнаго страха. Все печально, трепетно, напугано. Самыя удовольствія внушаютъ страхъ. Не приступаютъ спокойно даже къ пирамъ, во время которыхъ даже пьяные заботливо должны слѣдить за своимъ языкомъ, ни къ зрѣлищамъ, во время которыхъ подыскивается матеріалъ для обвиненія и опасности. Пускай они устраиваются съ большими расходами на царскія средства и съ строгимъ выборомъ артистовъ: кого могутъ радовать игры въ тюрьмѣ“ [2])?

Не нужно обладать большой фантазіей, чтобы представить себѣ при чтеніи этихъ строкъ черты напуганнаго до смерти римскаго общества. Общія, на первый взглядъ, разсужденія Сенеки о милосердіи въ дѣйствительности относятся спеціально къ политическимъ процессамъ. „Месть обыкновенно имѣетъ два результата: либо она приноситъ утѣшеніе тому, кто перенесъ оскорбленіе, либо обезпечиваетъ безопасность на будущее время. Положеніе принцепса слишкомъ высоко, чтобы онъ нуждался въ утѣшеніи, сила его слишкомъ очевидна,

[1]) ib. 1, 17, 1.

[2]) ib. 1, 26, 1—2. См. de ira 3, 16, 2: perierunt omnia, ubi quantum ira suadet, fortuna permittit, nec diu potest quae multorum malo exercetur potentia stare. periclitatur enim, ubi eos, qui separatim gemunt, communis metus iunxit. plerosque itaque modo singuli mactaverunt, modo universi, cum illos conferre in unum iras publicus dolor coegisset.

чтобы онъ долженъ былъ добиваться признанія ея посредствомъ чужого несчастія. Это такъ, даже если онъ подвергся нападенію и насилію со стороны низшихъ. Ибо если онъ видитъ подчиненными себѣ тѣхъ, *которые нѣкогда были равны ему*, онъ достаточно отомщенъ“ [1])—иначе говоря, уже одинъ фактъ возвышенія принцепса надъ остальными сенаторами на столько долженъ удовлетворять его, чтобы не унижать ихъ еще больше.

Таковы политическія идеи Сенеки, которыя онъ по случайному стеченію обстоятельствъ былъ призванъ приложить на дѣлѣ. И нужно ему отдать справедливость, главнымъ образомъ, благодаря ему и Бурру римское общество хоть въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ могло вздохнуть немного свободнѣй, а сенату даже могло показаться, что часть верховной власти ему возвращена.

Тѣмъ не менѣе и въ періодъ наибо́льшаго вліянія Бурра и Сенеки сознаніе полной зависимости не только ихъ личнаго положенія, но и хода государственной жизни отъ воли Нерона ихъ никогда не покидаетъ и заставляетъ ихъ идти на мало достойные компромиссы.

Прежде всего имъ пришлось устранить доминирующее вліяніе Агриппины, явно стремившейся, захватить всю власть въ свои руки и распоряжаться жизнью гражданъ по своему усмотрѣнію [2]). Рѣдкое единодушіе преторіанскаго префекта и воспитателя Нерона дало имъ возможность остановить Агриппину, причемъ „они помогали другъ другу, чтобы въ случаѣ, если принцепсъ не возлюбитъ строгую добродѣтель, сдержи-

---

[1]) De cl. 1, 21, 1—2. См. другое любопытное мѣсто, касающееся политическихъ процессовъ, устраиваемыхъ съ корыстной цѣлью ib. 15, 6: gratuitam esse severitatem suam, quod principi semper curandum est. Казни временъ Гая и Клавдія сплошь и рядомъ имѣли конечной цѣлью конфискацію имуществъ убитаго.

[2]) Tac. Ann. 13, 1.

вать его дозволенными удовольствіями“ [1]). Вліяніе ихъ выразилось сразу въ томъ, что именно Сенека составилъ первую рѣчь Нерона къ сенату и такимъ образомъ опредѣлилъ характеръ политической программы новаго принципата [2]). Само собою, однако, разумѣется, что Агриппина вовсе не предполагала, сразу уступить свое мѣсто: соединившись съ вліятельнымъ либертомъ Палласомъ [3]), она старалась возстановить свой авторитетъ суровымъ обращеніемъ съ сыномъ. Ея нападенія на его любовь въ вольноотпущенницѣ Актѣ, однако, дали ея врагамъ сильнѣйшее оружіе противъ нее. Признавшись въ своей любви Сенекѣ, Неронъ нашелъ у него полную поддержку: одинъ изъ лучшихъ друзей философа, родственникъ его Анней Серенъ [4]), даже согласился взять на себя мало привлекательную роль оффиціальнаго любовника возлюбленной Нерона и такимъ образомъ, прикрывать истину [5]).

---

[1]) Ann. 13, 2.

[2]) См. выше стр. 419 сл. Любопытенъ эпизодъ: Ann. 13, 3: postquam ad providentiam sapientiamque (Claudii) flexit (Nero), nemo risui temperare, quamquam oratio a Seneca composita multum cultus praeferret, ut fuit illo viro ingenium amoenum et temporis eius auribus accomodatum.

[3]) Ann. 13, 3. Палласъ въ высокой степени любопытная личность. Рабъ Антоніи, дочери тріумвира и жены старшаго Друза, онъ по порученію своей госпожи передаетъ Тиберію извѣстіе о заговорѣ Сеяна. Jos. ant. 18, 6, 6. Отпущенный на волю ею (Prosop. III, 7 № 49) или ея сыномъ Клавдіемъ, онъ занимаетъ при послѣднемъ мѣсто министра финансовъ (a rationibus: Suet. Cl. 28. Plin. ep. 8, 6, 7) и содѣйствуетъ его браку съ Агриппиной (Tac. Ann. 12, 1—2), любовникомъ которой его считали (Tac. Ann. 12, 25, 65; 14, 2 Dio ep. 61, 3, 2). Сенатъ по предложенію Сорана далъ ему знаки отличія претора и огромную дотацію (Tac. 12, 53; см. слова Корнелія Сципіона о его происхожденіи!). Лишенный своего поста въ 55 г., онъ согласно контракту съ Клавдіемъ не отдаетъ отчета въ веденіи дѣлъ (Ann. 13, 14) и сохраняетъ свое колоссальное состояніе. Убитъ Нерономъ въ 62 г. (Ann. 14, 65. Dio, 62, 14, 3).

[4]) Sen. ep. 63, 14. Martialis 7, 45, 2. Ему посвящены de constantia sapientis и de tranquillitate animi. Онъ былъ praefectus vigilum при Неронѣ, Plin. Nat. Hist. 22, 96, и умеръ до Сенеки. Ep. 63, 14.

[5]) Ann. 13, 12 — 13: Serenus simulatione amoris adversus eandem libertam primas adulescentis cupidines velaverat...

Помимо надежды на поддержку въ борьбѣ съ Агриппиной Сенека и Бурръ рѣшились на этотъ шагъ „дабы принцепсъ, если помѣшать этой страсти, не принялся за прелюбодѣянія со знатными женщинами“ [1]). Послѣ этого отношенія съ Агриппиной окончательно обострились и она стала приближать къ себѣ Британника. Угрозы ея встревожили Нерона [2]), и онъ впервые проявилъ свой жестокій характеръ: Британникъ, только что достигнувшій 14 лѣтняго возраста, былъ отравленъ во время пира [3]). Тогда разыгралась поразительная сцена: „сидѣвшіе кругомъ отравленнаго трепещутъ, неблагоразумные разбѣгаются; тѣ же, у которыхъ умъ былъ тоньше, остаются неподвижны и смотрятъ на Нерона“, который объяснилъ дѣло припадкомъ падучей; ни Агриппина, ни даже молодая сестра убитаго, Октавія, не рѣшаются высказать малѣйшее сомнѣніе и „послѣ короткаго молчанія веселіе пира возстановилось“ [4]). Если такъ отнеслись къ убійству ближайшіе родственники, то неудивительно что „большинство людей прощало Нерону преступленіе, принимая во вниманіе старую вражду братьевъ и невозможность совмѣстнаго царствованія“ [5]). Во всякомъ случаѣ Бурръ и Сенека въ числѣ другихъ вліятельнѣйшихъ людей взяли на себя долю нравственной отвѣтственности за братоубійство, не отказавшись принять дворцы и виллы убитаго въ подарокъ отъ убійцы [6]). Для Агриппины это было началомъ конца: еще въ томъ же году она была лишена стражи [7]), а затѣмъ вмѣстѣ съ Палласомъ (и даже съ Бурромъ) была обвинена въ намѣреніи низложить Нерона и замѣнить его Рубелліемъ

---

[1]) Ann, 13, 12: ne senioribus quidem principis amicis adversantibus... ne in stupra feminarum inlustrium prorumperet, si illa libidine prohiberetur.

[2]) Ann. 13, 14.

[3]) Ann. 13, 15—16 въ 55 г.

[4]) Ann. 13, 16.

[5]) Ann. 13, 17.

[6]) Ann. 13, 18.

[7]) Ann. 13, 18.

Плавтомъ [1]): Бурру и Сенекѣ было поручено потребовать у нея объясненія, которыя на этотъ разъ привели къ ея оправданію и наказанію доносчиковъ [2]), но мысль объ убійствѣ матери безъ слѣдствія и суда была устранена только ручательствомъ Бурра, что она будетъ казнена, если обвиненія оправдаются [3]). Положеніе двухъ руководителей принцепса теперь было настолько могущественно, что даже обвиненія въ измѣнѣ не могли поколебать ихъ положеніе [4]), и что борьба съ ними сдѣлалась опасной [5]). Даже послѣ послѣдней кровосмѣсительной попытки подчинить сына своему вліянію, попытки неудавшейся благодаря Сенекѣ и Актѣ [6]), Агриппина, однако, внушала Нерону страхъ, отъ котораго онъ въ концѣ концовъ въ 59 г. избавился убійствомъ матери. Первая попытка, какъ извѣстно, не удалась и извѣстіе объ этомъ повергло Нерона въ ужасъ: „какое у него остается средство спасенія? Развѣ Бурръ и Сенека придумаютъ что-нибудь. Онъ ихъ тотчасъ позвалъ, съ тѣмъ ли чтобы испытать ихъ (относительно впечатлѣнія произведеннаго на нихъ новымъ неожиданнымъ преступленіемъ) или чтобы (посовѣтоваться съ

[1]) Доносъ Париса по наущенію Домиціи Лепиды. Ann. 13, 19. Рубеллій былъ родственникомъ Нерона:

Тиберій Цезарь ⌒ Випсанія
|
Друзъ Цезарь ⌒ Ливилла дочь Друза старш.
|
Неронъ Цезарь ⌒ Юлія ⌒ Г. Рубеллій Бландъ
с. Германика |
Рубеллій Плавтъ.

[2]) Ann. 13, 21: Burrus iis mandatis coram Seneca fungebatur.

[3]) Ann. 13, 20: Nero trepidus et interficiendae matris avidus non prius differri potuit, quam Burrus necem eius promitteret, si facinoris coargueretur.

[4]) Ann. 13, 23: Burrus quamvis reus inter iudices sententiam dixit.

[5]) Ann. 13, 42—3 дѣло П. Суиллія, нападавшаго на Сенеку: nec deerant qui haec isdem verbis aut versa in deterius Senecae deferrent repertique accusatores...

[6]) Ann. 14, 2: iamque lasciva oscula et praenuntias flagitii blanditias adnotantibus proximis, Senecam contra muliebres inlecebras subsidium a femina petitum, immissamque Acten libertam.

ними), знавшими обо всемъ дѣлѣ [1]). Оба долго молчали, либо не желая напрасно отговаривать его, либо считая, что дѣло зашло такъ далеко, что, если не предупредить Агриппины, Нерону придется погибнуть. Помолчавъ, Сенека показалъ настолько рѣшимости, что взглянулъ на Бурра и спросилъ, можно ли поручить убійство солдатамъ. Бурръ же заявилъ, что преторіанцы преданы всему дому Цезарей и помня Германика не рѣшатся ни на какую жестокость противъ его дочери: пусть Аницетъ исполнитъ обѣщанное" [2]). Послѣ этого убійство совершилось, причемъ Сенека не только не счелъ нужнымъ оставить дворъ, но даже согласился составить то посланіе Нерона къ сенату, въ которомъ сообщалось объ убійствѣ Агриппины, причемъ необходимость его оправдывалась мнимымъ покушеніемъ ея на жизнь сына [3]). Бурръ въ свою очередь успокоилъ Нерона относительно преторіанцевъ: по его иниціативѣ ихъ трибуны и центуріоны поспѣшили убѣдить Нерона, что даже убійство матери останется безъ возмездія [4]). Разъ преступленіе было оформлено и обезпечена поддержка войска, въ поведеніи сената и народа не могло быть сомнѣнія: при своемъ возвращеніи въ Римъ Неронъ былъ встрѣченъ точно тріумфаторъ [5]).

---

[1]) Мѣсто сильно испорчено, см. ed. Halm. 14, 7: quos statim acciverat, incertum experiens an et ante gnaros.

[2]) Ann. 14, 7.

[3]) Ann. 14, 11: ergo non iam Nero, cuius inmanitas omnium questus anteibat, sed Seneca adverso rumore erat, quod oratione tali confessionem subscripsisset.

[4]) Ann. 14, 10: atque eum auctore Burro prima centurionum tribunorumque adulatio ad spem firmavit... amici dehinc adire templa.

[5]) Ann. 14, 12—13, Bury, history of the roman empire стр. 279: the true story was probably known only to a few initiated persons; and there was nothing improbable in a woman who had killed her husband planning to kill her son. *Otherwise the great sympathy which was expressed for Nero is unintelligible.* Объясненіе Бюри, можетъ быть, заслуживаетъ вниманія, поскольку касается народной массы, но несомнѣнно не приложимо къ аристократіи и „обществу" вообще. Самыя условія смерти Агриппины не могли не быть извѣстными большому количеству лицъ.

Если Сенека и Бурръ разсчитывали, что смерть Агриппины окончательно обезпечитъ ихъ вліяніе на принцепса, то они жестоко ошиблись. Помимо того, что мѣсто опальной матери заняла Поппея Сабина, красавица, „которая обладала всѣмъ, кромѣ честной души“ [1]), гибель Агриппины освободила Нерона отъ постоянной угрозы и въ значительной мѣрѣ развязала ему руки: покуда была жива дочь Германика, Неронъ имѣлъ весьма серьезныя основанія, сохранять добрыя отношенія съ сенатомъ и не оскорблять его традиціонныхъ взглядовъ. Съ ея устраненіемъ исчезъ его опаснѣйшій соперникъ, и значеніе сената, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе Бурра съ Сенекой, значительно уменьшилось: необходимость идти на компромиссы, такимъ образомъ, не исчезла для нихъ, и ближайшимъ поводомъ къ новымъ уступкамъ послужила страсть Нерона къ пѣнію и всякаго рода играмъ. Императоръ пожелалъ пожинать лавры на сценѣ и несмотря на негодованіе римскаго общества заставилъ своихъ руководителей пойти на уступки [2]). Возмущеніе римскихъ писателей по этому поводу необычайно: „гнусность“ этой затѣи Нерона чуть не заслоняетъ позоръ матереубійства. Современному читателю не совсѣмъ легко понять то чувство, съ которымъ римскіе аристократы смотрѣли на высшаго сановника страны, вступающаго въ ряды актеровъ, которыхъ римское общество издавна привыкло презирать. Вдобавокъ это дѣлалось всенародно и, слѣдовательно, не могло такъ легко ускользнуть отъ вниманія и римской массы и провинціаловъ, какъ убійство какого-нибудь, хотя бы и очень высокопоставленнаго лица, и еще труднѣе поддавалось благопріятному истолкованію. Весьма вѣроятно, что ничто не содѣйствовало болѣе потрясенію его авторитета, особенно, въ западныхъ провинціяхъ, не привыкшихъ къ играмъ на гре-

[1]) Ann. 13, 45: huic mulieri cuncta alia fuere praeter honestum animum.

[2]) Ann. 14, 15: nec iam sisti poterat, cum Senecae ac Burro visum, ne utraque pervinceret, alterum concedere. 14, 15: maerens Burrus ac laudans.

ческій ладъ [1]). Римское общество, нѣкогда осуждавшее Сципіона за то, что онъ замѣнилъ тогу одеждой грековъ, не измѣнило своихъ взглядовъ на обязательность соблюденія внѣшняго величія магистратами. Въ страсти Нерона къ сценѣ оно усматривало покушеніе на достоинство и честь отечества: только этимъ и можно объяснить безграничное негодованіе писателей. Съ этой точки зрѣнія и уступка Сенеки и Бурра является далеко немаловажной.

Больше стойкости они, и особенно Бурръ, выказали по вопросу о разводѣ Нерона съ Октавіей, котораго энергично добивалась Поппея. Когда Неронъ сообщилъ Бурру о своемъ желаніи, послѣдній, разсказываетъ Діонъ, спросилъ, „намѣревается ли онъ возвратить ей и приданое“ т.-е. имперію? А когда Неронъ, впослѣдствіи, возобновилъ переговоры, Бурръ будто бы заявилъ ему, что нечего его еще разъ спрашивать, разъ онъ ужъ высказалъ свое мнѣніе [2]). Неудивительно въ виду этого, что многіе приписывали смерть Бурра яду [3]).

Смерть Бурра сломила вліяніе Сенеки. Одинъ, безъ поддержки болѣе энергичнаго и опиравшагося притомъ на преторіанцевъ Бурра, онъ не могъ удержаться противъ соединенныхъ силъ Поппеи и Софонія Тигеллина, вмѣстѣ съ мало вліятельнымъ Феніемъ Руфомъ командовавшаго теперь преторіанцами. Предвидя опасность и зная о стараніи противниковъ погубить его указаніемъ на его колоссальное состояніе,

[1]) Dio ep. 63, 22, 3—6 (рѣчь Виндекса къ Галламъ): σφαγαὶ μὲν γὰρ καὶ ἁρπαγαὶ καὶ ὕβρεις καὶ ὑπ' ἄλλων πολλαὶ πολλάκις ἐγένοντο. τὰ δὲ δὴ λοιπὰ πῶς ἄν τις κατ' ἀξίαν εἰπεῖν δυνηθείη; εἶδον, ὦ ἄνδρες φίλοι καὶ σύμμαχοι, πιστεύσατέ μοι, εἶδον τὸν ἄνσρα ἐκεῖνον.. ἐν τῷ τοῦ θεάτρου κύκλῳ καὶ ἐν τῇ ὀρχήστρᾳ ποτὲ μὲν κιθάραν ἔχοντα καὶ ὀρθοστάδιον καὶ κοθόρνους, ποτὲ δὲ ἐμβάτας καὶ προσωπεῖον. ἤκουσα αὐτοῦ πολλάκις ᾄδοντος, ἤκουσα τραγῳδοῦντος. εἶδον αὐτὸν δεδεμένον, εἶδον συρόμενον, κύοντα δή, τίκτοντα δή.. εἶτα τις τὸν τοιοῦτον Καίσαρα καὶ αὐτοκράτορα καὶ Αὔγουστον ὀνομάσει; μηδαμῶς μηδεὶς ὑβρίζετο τὰ ἱερὰ ἐκεῖνα ὀνόματα.

[2]) Dio ep. 62, 13, 2. См. о Сенекѣ ep. 61, 18, 3 (къ 59 году): καὶ συχνοὺς εὐθὺς κατεχρήσατο, εἰ μὴ ὁ Σενέκας ἔφη αὐτῷ ὅτι ὅσους ἂν ἀποσφάξῃς, οὐ δύνασαι τὸν διάδοχόν σου ἀποκτεῖναι

[3]) Tac. Ann. 14, 51. Dio, ep. 62, 13, 3.

на его литературную славу, на надоѣдливую опеку надъ возмужавшимъ принцепсомъ, онъ предупредилъ враговъ и, сославшись на старость, попросилъ не только разрѣшить ему удалиться на покой, но и избавить его отъ управленія его состояніемъ, которое составилось изъ подарковъ императора и должно вернуться къ нему [1]). Неронъ не замедлилъ дать свое согласіе на его удаленіе отъ дѣлъ, но отказался отнять у него его состояніе. „Сенека—таковъ вѣдь всегда конецъ разговоровъ съ властелиномъ—благодаритъ, но измѣняетъ порядокъ жизни, котораго держался во время своего могущества, не принимаетъ толпы привѣтствующихъ его, избѣгаетъ сопровождающихъ и рѣдко появляется въ городѣ, точно его удерживаютъ дома плохое состояніе здоровья и занятія философіей“ [2]).

Политическая роль Сенеки кончилась: фактически снова опальный, онъ снова рѣзко испытываетъ то чувство необезпеченности, которое наложило свою тяжелую печать на всю его жизнь. Возобновленіе политическихъ процессовъ, убійства Рубеллія Плавта и Корнелія Суллы [3]), доказываютъ, что надежды на новый принципатъ окончательно рухнули, и мысль о близкой развязкѣ, весьма естественная въ виду доноса на него самого [4]), снова заставляетъ его заняться вопросомъ о смерти и приготовленіи къ ней, объ отношеніи мудреца къ государственнымъ дѣламъ, о цѣлебномъ значеніи философскихъ занятій. Вопросы этики окончательно поглощаютъ весь его интересъ.

---

[1]) Упадокъ вліянія Сенеки послѣ смерти Бурра Ann. 14, 52. Здѣсь же возводившіяся на него обвиненія. Рѣчь Сенеки Нерону и отвѣтъ послѣдняго 14, 53—56.

[2]) ib. 14, 56.

[3]) ib. 14, 57: perculso Seneca.

[4]) Еще въ 62 г. Ann. 14, 65: Romanus secretis criminationibus incusaverat Senecam ut C. Pisonis socium, sed validius a Seneca eodem crimine perculsus est. Unde Pisoni timor et orta insidiarum in Neronem magna moles et inprospera.

Потеря политическаго вліянія, гибель всей его политики, связанной съ такимъ большимъ количествомъ нравственныхъ жертвъ и компромиссовъ, возрожденіе терроризма, все это не заставляетъ Сенеку пересмотрѣть свои политическіе идеалы и вступить въ ряды той оппозиціи пассивнаго протеста, представителемъ которой около 59 г. сдѣлался Ѳразея Петъ. Онъ лишь снова убѣждается въ полномъ безсиліи общества, въ безусловномъ могуществѣ принцепса. Въ его произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ, правда, неоднократно замѣтна нотка недовольства, встрѣчаются намеки на печальныя стороны государственной жизни, но въ нихъ нѣтъ и слѣда призыва къ протесту: попрежнему и даже еще настойчивѣе, чѣмъ прежде, въ нихъ рекомендуется терпѣливое смиреніе и въ крайнемъ случаѣ самоубійство.

Непрочность придворнаго положенія и раньше была ему извѣстна: опасно давать царямъ добрые совѣты [1]), опасно давать имъ откровенные отвѣты, которые цари называютъ оскорбительными [2]). А между тѣмъ, ни въ чемъ сильные міра сего такъ не нуждаются, какъ въ личности, которая бы говорила правду и спасала бы человѣка, сбитаго съ толку окружающей его ложью и доведеннаго до непониманія истины въ силу самой привычки слышать льстивыя слова, вмѣсто правдивыхъ. Развѣ Эбуцій не видитъ, какъ ихъ ведетъ къ гибели уничтоженіе свободы и превращеніе вѣрности въ раболѣпіе, когда никто не даетъ совѣтовъ по убѣжденію, а происходитъ только соревнованіе льстецовъ и всѣ приближенные только однимъ и занимаются, только объ одномъ и спорятъ, какъ бы обмануть наиболѣе льстиво? [3]). Какъ просто отблагодарить ихъ за благодѣяніе: стоитъ только говорить

---

[1]) De ira 3, 14, 6: accessit itaque (Harpagus) ad numerum eorum, qui magnis cladibus ostenderunt, quanti constarent regum amicis bona consilia.

[2]) De ira 3, 20, 2: libera responsa.. quae contumeliosa reges vocant.

[3]) De ben. 6. 30, 3—6.

имъ правду, дать дѣйствительно полезный совѣтъ [1]); вѣдь у нихъ нѣтъ истинныхъ друзей: это не друзья, которые большой толпой топчутъ ихъ пороги, которые дѣлятся на лицъ перваго и второго пріема [2]). А между тѣмъ, властелинъ только и слышитъ, какъ его зовутъ милостивѣйшимъ среди казней, щедрымъ среди грабежей, умѣреннѣйшимъ среди пьянства и разврата [3]).

Какъ Сенека понималъ обязанности добраго совѣтника, мы видѣли выше. Нечего и говорить, что уступки, которыя онъ дѣлалъ извращеннымъ привычкамъ двора Цезарей, были слишкомъ велики съ современной точки зрѣнія; нельзя, однако, не отмѣтить какъ добрыхъ намѣреній его сочиненія о милосердіи, такъ и содѣйствія либеральному режиму первыхъ лѣтъ Нерона и, наконецъ, попытки задержать возрожденіе террора. Римское общество того времени несомнѣнно многимъ было обязано философу и, если одни его укоряли въ сдѣлкахъ съ совѣстью, другіе, повидимому, искренно жалѣли объ его удаленіи отъ двора и обвиняли его въ томъ, что онъ покинулъ свой важный постъ.

На это указываютъ его разсужденія въ посвященномъ Серену сочиненіи de otio, бо̀льшая часть котораго, къ сожалѣнію ѣотеряна. „Ты мнѣ скажешь“, обращается онъ къ Серену, „что ты дѣлаешь Сенека? Вѣдь наши стоики говорятъ: до послѣдняго дня жизни мы будемъ дѣятельны, мы не перестанемъ трудиться для общаго блага, помогать отдѣльнымъ лицамъ, оказывать старческой рукою помощь даже врагамъ“ [4]). Его обвиняютъ въ томъ, что онъ разсуждаетъ какъ эпику-

---

[1]) De ben, 6, 33, 1.

[2]) De ben. 6, 33, 4—6, 34.

[3]) Ep. 59, 11: mitissimum ille se in ipsis suppliciis audit, in rapinis liberalissimum et in ebrietatibus ac libidinibus temperantissimum. Намекъ на Нерона несмотря на то, что онъ не названъ и дѣло идетъ вообще о вредномъ вліяніи лести, очевиденъ.

[4]) De otio 1, 4.

реецъ, не какъ стоикъ, и Сенека считаетъ нужнымъ пояснить свое рѣшеніе. „Эпикуръ говоритъ: мудрецъ не приступитъ къ государственнымъ дѣламъ, если не случится чего-нибудь особеннаго. Зенонъ говоритъ: онъ приступитъ къ нимъ, если не помѣшаетъ ему что-нибудь. Первый стремится къ покою во имя принципа, второй по извѣстной причинѣ. Но эта причина можетъ быть разнообразна: мудрецъ не будетъ напрасно и безполезно напрягаться, если государство настолько испорчено, что ему не помочь, если оно находится въ рукахъ злодѣевъ, если у него слишкомъ мало авторитета или силъ и государство не приметъ его услуги, наконецъ, если ему мѣшаетъ здоровіе“ [1]). Онъ отнюдь не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые говорятъ, что мудрецъ лишь тогда долженъ участвовать въ государственной жизни, когда онъ сочувствуетъ ея теченію и характеру: „тотъ кто утверждаетъ, что мореплаваніе прекрасно, а затѣмъ скажетъ, что нельзя плавать по морю, въ которомъ бываютъ кораблекрушенія и часто подымаются внезапныя бури, которыя увлекаютъ командира въ противоположномъ направленіи, тотъ, мнѣ кажется, запрещаетъ мнѣ спускать корабль съ якоря, хваля въ то же время плаваніе“ [2]). Но бываютъ случаи, когда необходимо удалиться: да и вообще нельзя требовать, чтобы человѣкъ отдавалъ всю свою жизнь государству. Онъ рожденъ не только для дѣятельности, но и для созерцанія [3]), и когда естественныя наклонности и внѣшнія условія заставятъ его отказаться отъ общественной дѣятельности, самымъ важнымъ изъ всѣхъ занятій

[1]) De otio 3, 2—3 и сл.; de tranqu. an. 5, 5.

[2]) De otio 8, 4 ср. 8, 1: si omnibus defutura respublica est *(semper autem deerit fastidiose quaerentibus)*: interrogo, ad quam rempublicam sapiens sit accessurus... Si percensere singulas voluero, nullam inveniam, quae sapientem aut quam sapiens pati possit. Весьма вѣроятно, что и эти замѣчанія относятся къ опредѣленной группѣ упрековъ по его адресу. Ср. de tranquill. 3—6.

[3]) De otio 5, 1: natura nos ad utrumque genuit, et contemplationi rerum et actioni.

для него будетъ философія. Вѣдь всѣ остальныя умственныя занятія, всѣ науки даютъ лишь безплодное для жизни знаніе, одна философія научаетъ жить [1]). Еще Сократъ сдѣлалъ исключительнымъ предметомъ занятій философа этику [2]), а, между тѣмъ, мы учимся спорить, но не жить [3]), учимся для школы, но не для жизни [4]). Къ чему всякія логическія тонкости? „Знай... что мы ими упражняемъ только наше остроуміе. На что мнѣ это? Дѣлаетъ ли это меня болѣе стойкимъ, болѣе справедливымъ, болѣе умѣреннымъ? У меня нѣтъ времени упражняться, я все еще нуждаюсь во врачѣ. Что ты меня зовешь къ безполезному знанію? Ты обѣщалъ мнѣ великое, я вижу лишь ничтожное, ты говорилъ, что я буду безтрепетенъ, даже еслибъ вокругъ меня сверкали мечи, даже еслибъ остріе меча коснулось моей шеи. Ты говорилъ, что я буду въ безопасности, даже еслибъ вокругъ меня пылали пожары, еслибъ внезапный шквалъ унесъ мой корабль на открытомъ морѣ: дай мнѣ презирать наслажденіе и славу“. Потомъ ты меня научишь и этимъ тонкостямъ. „Теперь научи меня тому, что нужно“ [5]).

Ясно, что возрастающій интересъ къ философіи вообще, къ этическимъ вопросамъ въ частности, отличающій лучшихъ людей какъ этого, такъ особенно послѣдующаго періода, интересъ почти исключительный, подавлявшій стремленіе къ наукѣ, не представляется случайнымъ. Онъ является естественнымъ результатомъ тяжелыхъ политическихъ (и соціальныхъ) усло-

---

[1]) См. особенно ep. 88 (§ 28): philosophia nil ab alio petit, totum opus a solo excitat.

[2]) Ep. 71, 7: Socrates.. totam philosophiam revocavit ad mores et hanc summam dixit sententiam, bona malaque distinguere.

[3]) Ep. 95, 13:.. docemurque disputare, non vivere.

[4]) Ep. 106, 12: non vitae, sed scholae discimus. Аналогичныя разсужденія см. также ep. 108, 6—7. 23. 36; 117, 19—22; 89, 18. 90, 27 и т. д. Ср. отношеніе къ исторіи Nat. Quaest. III pr. 5—7, VII, 16, къ характеру писемъ Цицерона ep. 118, 2.

[5]) Ep. 109, 17—18.

вій. Жизнь такъ тяжела, мысль о борьбѣ съ условіями времени такъ чужда обществу, что единственное спасеніе личности только и можетъ заключаться въ той внутренней свободѣ, въ томъ развитіи характера, которое обѣщаетъ дать философія.

Но и занятія философіей уже перестали быть безопасны; особенно стоицизмъ, самая распространенная доктрина этого времени, въ глазахъ многихъ пріобрѣлъ оттѣнокъ неблагонадежности: главнымъ героемъ стоиковъ вѣдь былъ Катонъ [1]), съ именемъ котораго самымъ тѣснымъ образомъ была связана память о республикѣ. Высказывалось обвиненіе, что ученіе стоиковъ „дѣлаетъ людей мятежными и стремящимися къ дѣламъ“, даже если они отдалены отъ нихъ [2]). Понятно въ виду этого, почему Сенека неоднократно возвращается къ этому обвиненію и рекомендуетъ Луцилію осторожность.

„Мнѣ кажется“, пишетъ онъ Луцилію, „что тотъ ошибается, кто считаетъ, что тѣ, которые вѣрно преданы философіи, мятежны и непокорны и презираютъ магистратовъ и царей и тѣхъ, которыми управляется государство. Наоборотъ, никто не благодаренъ властямъ въ такой степени, какъ они. Ибо никому власти не оказываютъ бо̀льшей услуги, чѣмъ тѣмъ, которымъ, благодаря ихъ дѣятельности, разрѣшается предаваться мирному покою. Поэтому естественно, что тѣ, коимъ общественная безопасность много содѣйствуетъ въ стремленіи къ добродѣтельной жизни, должны почитать источникъ этого блага какъ отца, гораздо болѣе, чѣмъ тѣ неспокойные и на-

[1]) О немъ Сенека упоминаетъ неоднократно: de provid. 2, 9—12. 3, 14 (pro bona causa), de const. sap. 1, 3 (supra Pompeios et Caesares surgentem), 2, 2—3 (neque enim Cato post libertatem vixit, nec libertas post Catonem), 7, 1—2. 14, 3; de ira 2, 32, 2. 3, 38. 2. ad Marciam 20, 6. 22, 3 de tranq an 7, 5; 16, 1 (virtutum magna imago, incumbens gladio simul de se ac de republica palam facere) ad Helv. 9, 5. 13, 5. Ep. 24, 6—8. 95, 69—72. См. ep. 14, 12—14 и 104, 29—33.

[2]) Ann. 14, 57: adsumpta etiam Stoicorum adrogantia sectaque, quae turbidos et negotiorum adpetentes faciat.

ходящіеся въ жизненномъ водоворотѣ, которые многимъ обязаны принцепсамъ, но и возлагаютъ много на нихъ, которымъ никакая щедрость не можетъ на столько идти навстрѣчу, чтобы насытить ихъ притязанія, которыя растутъ, пока удовлетворяются... Прибавь къ этому, что никто изъ тѣхъ, которые вращаются среди дѣлъ, не принимаетъ въ расчетъ сколькихъ онъ превосходитъ, а лишь то, сколько лицъ его превосходятъ. Имъ не такъ пріятно видѣть многихъ за собой, чѣмъ тяжело, видѣть кого-нибудь передъ собой. Таковъ порокъ всякаго честолюбія: оно не смотритъ назадъ... А между тѣмъ тотъ искренній и чистый человѣкъ, который покидаетъ и курію, и форумъ, и все управленіе государствомъ, чтобы обратиться къ болѣе возвышенному, любитъ тѣхъ, благодаря коимъ онъ это спокойно можетъ сдѣлать и одинъ отдаетъ имъ безкорыстную справедливость и безъ ихъ вѣдома многимъ имъ обязанъ [1]). Мудрецъ принимаетъ въ разсчетъ, кому онъ обязанъ тѣмъ, что можетъ пользоваться этими благами (миромъ и свободой), кто гарантируетъ ему, что общественная нужда не призоветъ его ни къ оружію, ни къ защитѣ стѣнъ, ни къ разнообразнымъ военнымъ обязанностямъ, и онъ благодаренъ своему правителю... Мудрецъ, значитъ, признаетъ, что онъ многимъ обязанъ тому, благодаря управленію и предусмотрительности коего ему достается полный покой и возможность распоряжаться своимъ временемъ и ненарушенное общественными дѣлами спокойствіе“ [2]). Но этимъ его защита философіи не ограничивается. „И самой философіей“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „нужно заниматься спокойно и скромно“ [3]). Какъ онъ раньше отказался отъ политической солидарности

[1]) Ep. 73, 1—4.

[2]) Ib. 6—8. Эта тирада заключается словами Виргилія объ Августѣ (въ эклогахъ)

O Meliboe, deus nobis haec otia fecit,
namque erit ille mihi semper deus.

[3]) Ep. 14, 11.

съ Брутомъ [1]), такъ теперь и съ Катономъ. „Можно спорить, долженъ ли былъ мудрецъ въ то время заняться государственными дѣлами. Чего ты добиваешься, М. Катонъ? Вопросъ уже не въ свободѣ: она давно погублена. Спрашивается, будетъ ли обладать государствомъ Цезарь или Помпей: какое тебѣ дѣло до этой борьбы? У тебя нѣтъ партіи. Выбираютъ господина: какое тебѣ дѣло, кто побѣдитъ?“ Пусть Луцилій будетъ остороженъ: если иногда корабль тонетъ и въ гавани, то, что же будетъ въ открытомъ морѣ? [2]). Пусть даже его удаленіе на покой будетъ незамѣтно [3]). Самое лучшее не хвастать своимъ удаленіемъ: а родъ похвальбы заключается въ чрезмѣрномъ уединеніи и удаленіи отъ взоровъ людей. Тотъ ушелъ въ Тарентъ, иной заперся въ Неаполѣ, еще другой много лѣтъ не переступалъ порога своего дома. Тотъ, кто окружаетъ свое удаленіе легендой, созываетъ толпу [4]).

„Ты не долженъ гордиться предъ людьми своими занятіми философіей. Умѣй быть мудрымъ безъ торжественности, не возбуждая зависти“ [5]).

Квіетизмъ, доведенный до полнаго отреченія отъ всякихъ правъ личности—такова въ конечномъ выводѣ теорія жизни этого времени, времени полнѣйшаго произвола и отсутствія какихъ бы то ни было законныхъ гарантій личной свободы и личной безопасности. Недаромъ высшимъ благомъ признается безопасность, чувство обезпеченности своего существованія [6]). Но даже человѣкъ, систематически стремившійся обезличить себя, дабы этимъ обезпечить свое спокойствіе, даже человѣкъ принципіально отвергавшій всякую оппозицію [7]) и искавшій сво-

[1]) См. выше стр. 458.

[2]) Ep. 14, 12—15.

[3]) Ep. 68, 3: ut otium tuum ignotum sit.

[4]) Ib. 5.

[5]) Ep. 103. Ср. ep. 5, 1—2.

[6]) Ep. 20, 12: inest enim illis sine qua nihil est iucundum, securitas ep. 92, 3: quid est beata vita? securitas et perpetua tranquillitas.

[7]) См. de tranqu. an. 7, 6: praecipue tamen vitentur tristes et omnia de-

боду исключительно внутри себя [1]), даже такой до послѣдней степени благонадежный человѣкъ не могъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ и не заниматься постоянно приготовленіемъ къ неизбѣжной гибели.

Мы не будемъ останавливаться на многочисленныхъ мѣстахъ въ его письмахъ къ Луцилію, гдѣ снова проявляется уже знакомый намъ трепетъ предъ произволомъ [2]), и отмѣтимъ лишь, что и теперь какъ на послѣднее средство избавиться отъ него, указывается на самоубійство.

Прибѣгать къ самоубійству не всегда хорошо: иногда оно изобличаетъ только трусость или жестокость [3]). Но если иначе нельзя обезпечить свое достоинство, къ нему не только можно, но и слѣдуетъ обращаться. Нѣтъ ничего позорнѣе той неограниченной жажды жизни, въ которой Меценатъ такъ беззастѣнчиво признавался: онъ согласенъ и на старческую слабость и на уродство и на пригвожденіе къ кресту, лишь бы жить [4]). Такіе люди „согласны переносить еще гораздо худшее (чѣмъ смерть): предать друга, чтобы самимъ дольше прожить, и собственной рукой отдать на позоръ дѣтей, чтобы довелось видѣть свѣтъ, знающій о столькихъ преступленіяхъ. Необходимо вырвать съ корнями страсть къ жизни... Важно,

---

plorantes, quibus nulla non causa in querelas placet. Constet illi licet fides et benevolentia: tranquillitati tamen inimicus est comes perturbatus et omnia gemens. См. de ira 2, 14, 4. 2, 30, 1. 2, 31, 3; 2, 33, 1—6; 2, 34, 1. 3, 32, 1. ad Marc. 10, 6,

[1]) De const. cap. 19, 2—4.

[2]) См., напр., 4, 6—8; 11, 9—11; 47, 11. 20; 55, 3—4; 74, 4; 91, 7—8. 15. 21; 103, 1—5; 14, 3—6, 7—16; 24, 3. 14.

[3]) Ep. 58, 35—36; 78, 2.

[4]) Ep. 101, 10—11: inde illud Maecenatis turpissimum votum...

Debilem facito manu,
debilem pede, coxa,
tuber adstrue, gibberum,
lubricos quate dentes:
vita dum superest, bene est.
hanc mihi, vel acuta
si sedeam cruce, sustine.

насколько хорошо ты живешь, а не какъ долго“ [1]). „Я не привожу тебѣ историческихъ примѣровъ и не собираю изъ всѣхъ вѣковъ случаи презрѣнія къ жизни: взгляни на наше время, на слабохарактерность и распущенность котораго мы жалуемся: оно напомнитъ тебѣ о людяхъ всякаго сословія, всякаго общественнаго положенія, всякаго возраста, которые прекратили свои несчастія смертью“ [2]). „Готовься къ смерти. Кто это говоритъ, велитъ думать о свободѣ. Кто научился умереть, разучился быть рабомъ. Онъ выше всякой власти, навѣрно внѣ всякой. Что ему темница и затворы? У него есть свободный выходъ. Одна есть цѣпь, держащая насъ связанными, это любовь къ жизни, которую слѣдуетъ, если не отбросить, то уменьшить, чтобы, когда обстоятельства потребуютъ, ничто насъ бы не задерживало и не мѣшало бы намъ, быть готовыми сдѣлать то сразу, что когда-нибудь да придется сдѣлать“ [3]). „Согласенъ ты, повинуйся; не согласенъ, уходи, куда хочешь... Мы ни въ чьей власти, когда смерть въ нашей власти“ [4]).

Самоубійство, вотъ единственная форма протеста, которую, такимъ образомъ, допускалъ и въ крайнихъ случаяхъ рекомендовалъ популярнѣйшій писатель этого времени. Наряду съ глубокимъ сознаніемъ безпомощности общества и безусловнымъ признаніемъ совершившагося факта безповоротной гибели республики, наряду съ сознаніемъ всемогущества императоровъ и полной зависимости отъ ихъ каприза, отрицаніе возможности всякой оппозиціи и упованія на благія намѣренія власти представляютъ самые характерные моменты въ долгой литературной дѣятельности Сенеки. Въ его писаніяхъ несомнѣнно нашелъ себѣ наиболѣе полное выраженіе

[1]) Ep. 101, 15.
[2]) Ep. 24, 11,
[3]) Ep. 26, 10.
[4]) Ep. 91, 15. 21. См. также 70. 15. 21. 77. 10—15 de prov. passim, напр., 6, 7.

взглядъ огромнаго большинства римскаго общества, поскольку оно вообще интересовалось вопросами общегосударственной жизни. Его произведенія лучше всего знакомятъ насъ съ нравственнымъ состояніемъ этого общества, лучше всего выясняютъ, какое гибельное вліяніе императорскій произволъ оказалъ на всю нравственную и умственную жизнь этого періода. Если оставить въ сторонѣ деспотическія государства Востока, никогда, быть можетъ, ни одно культурное общество не находилось подъ такимъ тяжелымъ и продолжительнымъ гнетомъ, какъ римское общество I вѣка имперіи. Въ настоящее время принято обращать бо́льшее вниманіе на свѣтлыя, чѣмъ на темныя стороны имперіи, и однимъ изъ главныхъ аргументовъ служитъ указаніе на процвѣтаніе провинцій, наряду съ которымъ страданія собственно римскаго населенія не могутъ играть никакой роли, тѣмъ болѣе, что и среди него опять хуже всего жилось людямъ болѣе или менѣе знатнымъ и богатымъ, т.-е. незначительному меньшинству. Несомнѣнно, въ этомъ есть извѣстная доля истины; несомнѣнно особенно то, что положеніе провинцій значительно улучшилось. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что Римъ представлялъ изъ себя центръ не только наиболѣе знатныхъ и богатыхъ, но и наиболѣе талантливыхъ людей, если не всей имперіи, то всей ея латинской части, иначе говоря, что спеціально-римскія условія жизни налагали печать не только на знать, но и на всю сосредоточенную въ Римѣ умственную жизнь романизованныхъ областей. Все, что̀ успѣваетъ или надѣется выдвинуться, стремится въ Римъ и уже отсюда расходятся по всей странѣ произведенія не только уроженцевъ латинскихъ муниципій вродѣ Виргилія, Горація, Проперція, Овидія, Ливія, позднѣе Плиніевъ и Тацита, но и сочиненія испанцевъ—Сенеки, Марціала, Квинтиліана и т. д. Условія столичной жизни, произволъ власти и отсутствіе свободы мысли и слова въ области непосредственнаго вліянія императорскаго терроризма,

пріобрѣтаютъ, такимъ образомъ, огромное значеніе и для провинцій. Нездоровые продукты извращенной атмосферы столичной жизни не могутъ не оказать огромнаго вліянія на развитіе провинціаловъ, безъ критики воспитывавшихся на трудахъ крупнѣйшихъ писателей господствующаго народа. Если поздняго изслѣдователя поражаетъ какой-то безнадежно-пессимистическій тонъ всей римской письменности, и особенно полное отсутствіе всякой живой политической мысли, если на первый взглядъ трудно объяснить подобное явленіе среди еще не истощенныхъ народностей римскаго запада, то въ этомъ въ значительной мѣрѣ виновато вліяніе столичной жизни на корифеевъ римской письменности [1]). Въ этомъ смыслѣ политическіе взгляды такихъ писателей, какъ, напримѣръ, Сенека, помимо своего прямого интереса, получаютъ весьма серьезное значеніе не только для самого Рима, но и для всей имперіи.

Для нашей цѣли, въ частности, его произведенія, какъ мы видѣли, содержатъ богатый матеріалъ. Мы видимъ, какъ современное ему общество, въ отличіе отъ общества временъ Августа и Тиберія, открыто признаетъ существованіе деспотизма и чувствуетъ свою неспособность бороться съ нимъ. При Августѣ и Тиберіи, какъ ужъ замѣчено, на первомъ планѣ стоятъ заслуги принцепса, объясняющія его исключительное положеніе, при ихъ преемникахъ, наоборотъ, его права, основанныя на его происхожденіи отъ основателей принципата. Послѣ Веллея, утверждавшаго, что при Августѣ ничего не измѣнилось въ строѣ республики, только, вмѣсто восьми преторовъ, назначались десять, Сенека прямо признаетъ, что „Цезарю все позволено“, „Цезарь все можетъ“. То, что Августъ и Тиберій несомнѣнно признали бы за безтактное и неудобное настаиваніе на монархическомъ характерѣ новой власти, то лѣтъ пятнадцать послѣ Тиберія не только не

[1]) Есть, разумѣется, и другія причины, но на нихъ здѣсь не мѣсто останавливаться.

встрѣчаетъ никакого неодобренія, но вполнѣ соотвѣтствуетъ взгляду правительства и точно выражаетъ настроеніе общества.

Но признавая безграничность императорской власти, сознавая ея чисто деспотическій характеръ, общество не признаетъ это положеніе нормальнымъ. Программа первыхъ дней Нерона, какъ и основные взгляды, изложенные у Сенеки въ de clementia, одинаково указываютъ на то, что общество признаетъ необходимымъ участіе сената въ дѣлахъ и самымъ опредѣленнымъ образомъ осуждаетъ деспотизмъ съ его казнями и убійствами, ссылками и конфискаціями. Оно примирилось съ монархіей, оно не можетъ примириться съ деспотизмомъ. Но оно не высказываетъ ясно формулированныхъ требованій, а въ самой робкой формѣ указываетъ на рядъ желаній, не думаетъ ограничить власть, а надѣется лишь на ея собственное благоразуміе. И даже самыя несомнѣнныя злоупотребленія не вызываютъ въ немъ не только активной, но даже и пассивной оппозиціи.

§ 2.

Таковы взгляды и образъ дѣйствій массы общества. Она не сочувствуетъ терроризму, но сдѣлать, что́ бы то ни было, для его устраненія не имѣетъ ни физической возможности, ни нравственной силы и рѣшимости. Это общество, изнуренное постояннымъ страхомъ, неспособное на, какое бы то ни было, противодѣйствіе власти.

Съ теченіемъ времени, однако, и среди него начинаютъ выдѣляться личности болѣе стойкія или болѣе страстныя, которыя не довольствуются безусловнымъ смиреніемъ или политикой компромиссовъ, а болѣе или менѣе опредѣленно выражаютъ свой протестъ противъ деспотизма. Выразителями этого теченія являются Ѳразея Петъ, съ одной, нѣкоторые участники пизоновскаго заговора, съ другой стороны.

Личность Ѳразеи Пета для позднѣйшаго поколѣнія играла почти такую же роль, какъ личность Катона для самыхъ первыхъ временъ имперіи. Онъ и Барея Соранъ для Тацита являются представителями воплощеннной добродѣтели или доблести: всѣ его дѣйствія одинаково вызываютъ почтительный интересъ, его мужественная смерть служитъ предметомъ восхищенія.

Позднему изслѣдователю этой эпохи чрезвычайно трудно выяснить причины такого настроенія ближайшаго потомства. Сочиненіе Пета о Катонѣ младшемъ [1]) до насъ не дошло; то личное обаяніе, которымъ онъ, быть можетъ, обладалъ, для насъ неуловимо; сохранились лишь скудныя данныя о внѣшнихъ фактахъ его жизни—и они чрезвычайно мало отвѣчаютъ тому представленію о строгомъ и неуклонномъ протестѣ противъ цезаризма, которое можно бы было вывести на основаніи общихъ отзывовъ Тацита.

Приблизительно однихъ лѣтъ съ Сенекой [2]), П. Клодій Ѳразея Петъ, какъ и онъ, родился не въ самомъ Римѣ, а въ родинѣ Ливія, въ Патавіумѣ [3]), и также, какъ всѣ другіе знатные римляне, прошелъ всѣ стадіи магистратуры до консульства включительно, изъ чего одного уже явствуетъ, что его оппозиція не могла быть особенно рѣзкой, во всякомъ случаѣ, не могла бросаться въ глаза. Да и помимо этого онъ, очевидно, ни знатностью, ни богатствомъ, ни рѣдкими талантами не навлекъ на себя вниманія ни Калигулы, ни женъ и либертовъ Клавдія. Что онъ посвятилъ цѣлую книгу прославленію Катона, также едва ли могло обратить на него вниманіе: мы видѣли, что нѣтъ такого римскаго писателя этого времени, будь то даже Веллей или Валерій Максимъ,

---

[1]) Plut. Cato min. 25. 36. О самомъ Петѣ составилъ книгу Аруленъ Рустикъ. Tac. Agr. 2, Suet. Dom. 10.

[2]) Ѳразея былъ консуломъ въ 56 г. Prosop. I, 423 № 938.

[3]) Tac. Ann. 16, 28.

который бы не отзывался съ величайшимъ уваженіемъ объ этомъ почтеннѣйшемъ человѣкѣ и плохомъ политикѣ. Восхваленіе его добродѣтелей вообще, его самоубійства въ частности сдѣлалось одной изъ любимѣйшихъ школьныхъ темъ этого времени. Какъ членъ сената, Петъ имѣлъ бы полную возможность выразить свое оппозиціонное настроеніе по большому количеству достаточно гнусныхъ дѣлъ, совершенныхъ при Гаѣ и при Клавдіи, отстоять свое достоинство по поводу безконечнаго числа раболѣпныхъ постановленій сената— если бы онъ былъ и въ самомъ дѣлѣ тѣмъ убѣжденнымъ врагомъ цезаризма, тѣмъ яркимъ представителемъ стоицизма, какимъ его обыкновенно изображаютъ. Между тѣмъ Тацитъ самъ сообщаетъ, что до 59 г. Ѳразея „привыкъ обходить льстивыя рѣшенія молчаніемъ *или кратко выраженнымъ согласіемъ*“ [1]). Оппозиція его, поскольку его образъ дѣйствій вообще можетъ быть подведенъ подъ это понятіе, была такимъ образомъ чисто пассивной и не менѣе политики Сенеки допускаетъ компромиссъ съ существующимъ положеніемъ вещей.

Но въ это время даже уклоненіе отъ дѣятельнаго участія въ воскуреніи ѳиміама по адресу власти представляло исключеніе [2]); масса сенаторовъ, какъ ужъ было замѣчено, больше всего боялась чѣмъ нибудь отличиться отъ товарищей: лесть сдѣлалась привычной, а, слѣдовательно, и обязательной и вѣрнымъ признакомъ благонадежности признавалась возможно бо̀льшая изобрѣтательность въ этомъ направленіи. Уклоняться отъ изысканія новыхъ формъ выраженія преданности, довольствоваться „молчаливымъ или кратко выраженнымъ согласіемъ“, значило навлекать на себя подозрѣніе.

[1]) Tac. Ann. 14, 12. Thrasea Paetus silentio vel brevi adsensu priores adulationes transmittere solitus.

[2]) Очень любопытно въ этомъ смыслѣ, что когда въ сенатѣ былъ поднятъ вопросъ о вознагражденіи Палласа, либерта Клавдія, за его заслуги предъ государствомъ, другой герой этого времени, Барея Соранъ, предложилъ даровать ему преторскія инсигніи и 15,000,000 сестерціевъ. О Соранѣ Ann. 16, 21. 23. Hist. 4, 10. 40.

Но ясное дѣло, что такого рода оппозиція ни для какой власти не опасна. А за эти предѣлы Петъ, очевидно, не выходилъ, иначе Тацитъ, сообщающій о его рѣчахъ даже по поводу весьма мелкихъ вопросовъ, не преминулъ бы упомянуть объ этомъ. Очевидно, даже сами друзья Пета не понимали его поведенія, и когда онъ, вопреки своему обыкновенію принялъ участіе въ дебатахъ и высказался въ сенатѣ по одному ничтожному дѣлу противъ мнѣнія большинства, онъ, повидимому, счелъ нужнымъ объяснить имъ свои взгляды. Взгляды эти настолько характерны, что на нихъ стоитъ остановиться.

„Я бы не упомянулъ о зауряднѣйшемъ постановленіи сената“, говоритъ Тацитъ, „которымъ разрѣшалось Сиракузамъ превысить установленное для публичныхъ игръ число гладіаторовъ, если бы Петъ Ѳразея не высказался противъ него и не далъ бы тѣмъ своимъ недругамъ основаніе, обвинять его за это мнѣніе. Почему, въ самомъ дѣлѣ, если онъ считаетъ, что государство нуждается въ свободѣ сенаторовъ, онъ гоняется за такими ничтожными вещами? Отчего бы ему не высказывать согласіе или несогласіе по вопросу о войнѣ и мирѣ, о налогахъ и законахъ и о другихъ явленіяхъ, на которыхъ покоится римское государство? Вѣдь сенаторамъ, какъ только они получатъ право излагать свое мнѣніе, дозволяется высказать, что̀ они хотятъ, и требовать, чтобы по этому поводу былъ сдѣланъ докладъ. Неужели исправленія заслуживаетъ только то, чтобы въ Сиракузахъ не давались слишкомъ богатыя зрѣлища; неужели все остальное во всѣхъ частяхъ имперіи обстоитъ настолько превосходно, точно ими управляетъ не Неронъ, а Ѳразея? Если самыя важныя дѣла оставляются безъ вниманія, то насколько болѣе слѣдуетъ воздерживаться отъ ничтожныхъ? Ѳразея же, когда друзья потребовали у него объясненія, отвѣтилъ, что онъ дѣлаетъ поправки по такого рода постановленіямъ не потому, чтобы не

зналъ настоящаго положенія вещей, но чтобы увеличить уваженіе къ сенату, дабы было ясно, что сенатъ не станетъ отказываться отъ заботы о крупныхъ дѣлахъ, разъ онъ обращаетъ вниманіе даже на мельчайшія“.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько подобная политика могла оказаться успѣшной, нельзя не признать, что въ основѣ разсужденій Ѳразеи лежитъ мысль, что фактически сенатъ имѣетъ возможность высказаться свободно только по поводу маловажныхъ или совсѣмъ неважныхъ дѣлъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо дать понять, что ничтожная роль сената въ дѣлахъ не представляетъ результата его индифферентизма, а вытекаетъ изъ внѣшнихъ, независящихъ отъ него условій. Иначе говоря, оппозиція не должна принимать дѣятельнаго участія не только въ восхваленіи власти, но и въ обсужденіи серьезныхъ дѣлъ, гдѣ она либо вовсе не будетъ въ состояніи высказаться, либо не будетъ имѣть возможности высказать всѣ свои взгляды цѣликомъ. Если взгляды и политическая дѣятельность Сенеки основаны на требованіи дѣятельнаго участія въ дѣлахъ на почвѣ самыхъ широкихъ сдѣлокъ съ совѣстью, то политическая роль Ѳразеи сводится къ провозглашенію принципа полнаго воздержанія отъ всякой общественной дѣятельности, свобода которой не обезпечена. Но дѣлать отсюда заключенія о республиканскомъ характерѣ его идеаловъ, совершенно невозможно: даже такой поклонникъ добраго, стараго времени, какъ Тацитъ, какъ мы еще увидимъ, считаетъ монархію совершенно необходимой.

Дальнѣйшая дѣятельность Ѳразеи сводится все къ той же политикѣ воздержанія и молчаливаго протеста. Первымъ серьезнымъ фактомъ въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ признать его поведеніе послѣ смерти Агриппины: тогда какъ Сенека счелъ возможнымъ составить то посланіе, въ которомъ Неронъ объ-

[1]) Tac. Ann. 13, 49. Приведенный фактъ относится къ 58 году.

являлъ сенату о случившемся и по-своему объяснялъ причины матереубійства, тогда какъ въ сенатѣ только и было рѣчи, что о празднованіи счастливаго избавленія Нерона отъ грозившей ему опасности, Ѳразея „покинулъ сенатъ и себя подвергъ опасности, не побудивъ другихъ къ бо̀льшей свободѣ“ [1]).

Болѣе рѣшителенъ его образъ дѣйствій при первомъ политическомъ процессѣ временъ Нерона. Когда въ 62 году преторъ Антистій былъ обвиненъ въ составленіи памфлетовъ противъ принцепса, и десигнированный консулъ Юній Маруллъ предложилъ казнить виновнаго „по обычаю предковъ“, а остальные соглашались съ нимъ, Ѳразея Петъ, „высказавшись съ большимъ почтеніемъ о Цезарѣ и подвергнувъ Антистія строгимъ упрекамъ, доказывалъ, что *при превосходномъ государѣ*, когда сенатъ несвязанъ никакой необходимостью, не слѣдуетъ постановлять самое строгое наказаніе, какое заслужилъ подсудимый. Палачъ и петля давно уничтожены, и есть наказанія, установленныя закономъ, согласно съ которыми могутъ быть опредѣлены уголовныя взысканія безъ звѣрства со стороны судей и безъ позора для вѣка“. Пусть, кромѣ конфискаціи имуществъ, онъ будетъ сосланъ на островъ: „чѣмъ дольше онъ будетъ влачить виновную жизнь, тѣмъ болѣе несчастенъ будетъ лично, являясь въ то же время величайшимъ примѣромъ милосердія со стороны государства“ [2]). Если современному человѣку довольно трудно усмотрѣть въ этой рѣчи актъ гражданскаго мужества [3]), то результатъ ея достаточно ясно доказываетъ, что въ свое время впечатлѣніе, произведенное ею, было совсѣмъ другое. Нашедши выразителя своего настроенія, большинство, „въ надеждѣ на свою многочислен-

[1]) Ann. 14, 12: exiit tum senatu, ac sibi causam periculi fecit, ceteris libertatis initium non praebuit.

[2]) Ann. 14, 48:... multo cum honore Caesaris et acerrime increpito Antistio.... egregio sub principe...

[3]) Ann. 14, 49: libertas Thraseae.

ность", немедленно согласилось съ нимъ: одни только предсѣдатели, консулы, не рѣшились признать сенатусконсультъ состоявшимся, пока не выскажется самъ принцепсъ. Но видя несочувствіе сената къ болѣе строгимъ мѣрамъ, и Неронъ уступилъ [1]).

То же самое, нѣсколько времени спустя, повторилось съ предложеніемъ Пета отмѣнить право провинціаловъ, выражать дослужившимъ свой срокъ намѣстникамъ благодарность. И здѣсь большинство съ удовольствіемъ присоединилось къ предложенію Ѳразеи, и здѣсь консулы сочли нужнымъ послать принцепсу запросъ по этому дѣлу, и здѣсь въ концѣ концевъ желаніе сената было уважено [2]).

Зато не замедлило проявиться и недовольство Нерона: когда въ 63 г. родилась дочь его отъ Поппеи, Клавдія, и весь сенатъ отправился въ Акціумъ, чтобы принести свои поздравленія, Ѳразея не былъ допущенъ къ Нерону, „и", говоритъ Тацитъ „съ твердымъ духомъ принялъ это оскорбленіе, бывшее предвѣстникомъ предстоящей гибели" [3]). Не смотря на то, что гибель эта послѣдовала не такъ быстро— Ѳразеѣ было предоставлено выбрать способъ смерти только послѣ заговора Пизона въ 65 году—причисленіе его къ числу неблагонадежныхъ уже не могло подлежать никакому сомнѣнію.

Убѣдился ли Ѳразея послѣ этого, что ему не миновать смертнаго приговора, рѣшился ли онъ на болѣе рѣзкое выраженіе своихъ несомнѣнныхъ платоническихъ симпатій къ республи-

---

[1]) Ann. 14, 49: plures numero tuli. См. выше, стр. 425.

[2]) Ann. 15, 20—22.

[3]) Ann. 15, 23. Послѣ этого у Тацита приводится слѣдующее, не совсѣмъ понятное, извѣстіе: secutam dehinc vocem Caesaris ferunt, qua reconciliatum se Thraseae apud Senecam iactaverit, ac Seneca Caesari gratulatum. unde gloria egregiis viris et pericula gliscebant. Во всякомъ случаѣ изъ этого видно, что отношенія между Сенекой и Ѳразеей были если не дружественныя, то во всякомъ случаѣ хорошія.

канскому строю и были ли возводившіяся на него впослѣдствіи обвиненія основаны на дѣйствительныхъ фактахъ или нѣтъ, объ этомъ мы судить не можемъ. Если вѣрить его обвинителямъ Коссутіану Капитону [1]) и Эпрію Марцеллу [2]), Ѳразея не участвовалъ ни при новогодней присягѣ Нерону [3]), ни при торжественныхъ обѣтахъ за его благоденствіе, несмотря на то, что принадлежалъ къ жреческой коллегіи quindecimviri sacris faciundis, никогда не приносилъ жертвъ за его „небесный“ голосъ, наконецъ, въ теченіе трехъ лѣтъ не участвовалъ въ засѣданіяхъ сената [4]). Несмотря на то, что все это вполнѣ соотвѣтствовало бы принципу пассивной оппозиціи, предшествующее поведеніе Ѳразеи, какъ мы видѣли, было еще значительно осторожнѣе, а тотъ фактъ, что о немъ даже не вспомнили по поводу заговора Пизона, ярче всего оттѣняетъ безобидность всего этого „протеста“. Что этотъ протестъ самъ по себѣ не могъ представить рѣшительно никакой опасности, объ этомъ нечего и говорить; что личность Ѳразеи могла возбуждать интересъ въ столицѣ и вызвать подражаніе немногихъ болѣе рѣшительныхъ людей изъ массы недовольнаго общества, несомнѣнно,—но отъ этого еще очень далеко до признанія Ѳразеи политическимъ „главой партіи“ докринеровъ республиканцевъ [5]). Ни одинъ изъ нашихъ источниковъ, ни одинъ изъ фактовъ жизни Ѳразеи не даетъ намъ права

---

[1]) Tac. Ann. 16, 21; Capito Cossutianus, praeter animum ad flagitia praecipitem iniquus Thraseae, quod auctoritate eius concidisset, iuvantis Cilicum legatas, dum Capitonem repetundarum interrogant. См. 13, 33 (въ 57 г.). Ему было возвращено званіе сенатора, благодаря покровительству его тестя Тигеллина, см. ib. 14, 48. Въ 62 г. онъ донесъ на Антистія, ib.

[2]) Онъ былъ данъ Коссутіану въ подмогу самимъ Нерономъ. Ann. 16, 22. См. о немъ Ann. 12, 4. 13, 33. Hist. 2, 53. 95. 4, 6. 42—43. Dial. de or. 5, 8, 13.

[3]) Формула Dio 47, 18.

[4]) Ann. 16. 22. См. также 16, 21.

[5]) Schiller, Gesch. d. röm. Kais. unter der Regierung des Nero, стр. 669 Bury 291: the leader of the party of opposition wich yearned, helplessly, for the restoration of the Republic...

на такое заключеніе. Каковъ былъ теоретическій идеалъ Ѳразеи, намъ неизвѣстно: весьма вѣроятно, что онъ платонически также сочувствовалъ республикѣ, какъ его современникъ Сенека, какъ его потомки Тацитъ или Светоній. Но значитъ ли это, чтобы всѣ эти лица были республиканцами въ собственномъ смыслѣ, т.-е. что они не только теоретически признавали республику болѣе совершенной формой государственнаго устройства, чѣмъ монархія, но въ то же время были убѣждены, что этотъ идеалъ въ ихъ время осуществимъ, и добивались этого осуществленія? Несомнѣнно нѣтъ, и раньше чѣмъ мы признаемъ, что Ѳразея былъ республиканцемъ въ этомъ послѣднемъ, т.-е. въ единственно практически важномъ смыслѣ, необходимо привести болѣе вѣскія данныя для доказательства этого положенія, чѣмъ какія находятся въ нашихъ источникахъ.

На нашъ взглядъ, характерной чертой Ѳразеи и его друзей, какъ ужъ замѣчено, отнюдь нельзя считать убѣжденный республиканизмъ, а, основанную преимущественно на этическихъ принципахъ, молчаливую и пассивную оппозицію. Этимъ они отличаются отъ массы благонамѣреннаго (въ лучшемъ смыслѣ) общества съ его представителемъ, Сенекой, этимъ они отличаются и отъ дѣятельной оппозиціи нѣкоторыхъ членовъ пизоновскаго заговора и, пожалуй, отъ своихъ собственныхъ младшихъ адептовъ, вродѣ Гельвидія Приска [1]). Въ жизни и дѣятельности самого Ѳразеи, точно такъ же какъ и въ жизни Бареи Сорана, нѣтъ никакихъ данныхъ для иного взгляда на эту группу. Если они чѣмъ и отличаются отъ Сенеки, то не надеждой на возстановленіе республики, а тѣмъ, что они не находятся у власти и не подвергаются искушенію,—а, пожалуй, и неспособны пойти на такіе компромиссы, какъ онъ и

[1]) Tac. Ann. 16, 22 (доносъ Коссутіана): et habet sectatores vel potius satellites, qui nondum contumaciam sententiarum, sed habitum vultumque eius sectantur, rigidi et tristes, quo sibi lasciviam exprobrent.

„отличавшійся строгостью нравовъ“ Бурръ. Вызванное обстоятельствами, и въ то же время принципіальное, удаленіе отъ дѣлъ давало имъ, и въ частности Ѳразеѣ, возможность превратиться, такъ сказать, въ живую совѣсть римскаго общества, но видѣть въ нихъ представителей „политической партіи“, „оппозиціи“, едва ли возможно. И ихъ интересъ вращался преимущественно около этическихъ вопросовъ, и ихъ протестъ въ концѣ концевъ нашелъ наиболѣе блестящую форму въ исполненной достоинства смерти: практически ихъ оппозиція была абсолютно безопасна и не имѣла ничего общаго съ дѣятельной борьбой для возрожденія республики или вообще для установленія болѣе совершеннаго государственнаго строя. Можно даже усумниться, кто сдѣлалъ больше не только для римскаго государства, но и для римскаго общества, Сенека съ Бурромъ или Ѳразея.

§ 3.

Несмотря, однако, на рабскій страхъ, дающій всѣмъ сочиненіямъ Сенеки совершенно опредѣленную окраску, несмотря на отсутствіе всякой дѣятельной борьбы, на многочисленные компромиссы, къ которымъ и Ѳразея считалъ возможнымъ и необходимымъ прибѣгать, какъ произведенія Сенеки, такъ и жизнь Ѳразеи представляли болѣе или менѣе ясный протестъ противъ произвола. Медовые мѣсяцы принципата прошли давно, и общество, привѣтствовавшее нѣкогда новую власть, какъ избавительницу отъ анархіи форума и гражданскихъ войнъ, горькимъ опытомъ познало, что нельзя народу безнаказанно отдавать себя подъ опеку.

---

[1]) См. чрезвычайно преувеличенное обвиненіе Коссутіана у Tac. Ann. 16, 22: ut quondam C. Caesarem.. et M. Catonem, ita nunc te, Nero, et Thraseam avida discordiarum civitas loquitur... diurna populi Romani per

Если послѣдняя надежда общества—самоубійство, то этимъ достаточно ясно выражено, что оно признаетъ условія своей жизни ненормальными. Но если проповѣдь самоубійства или воздержанія отъ участія въ жизни исчерпываетъ весь протестъ общества противъ невыносимой тяжести окружающихъ его условій, это доказываетъ, что не только внѣшнія условія невыносимы, но что и само общество не обладаетъ ни силами, ни внутреннимъ здоровіемъ. Общество, до такой степени безнадежное, не способно оказать никакого давленія на власть, на теченіе государственныхъ дѣлъ, на улучшеніе своего собственнаго положенія. Разъ общество не имѣетъ или по какимъ-либо причинамъ потеряло вѣру въ себя, разъ оно возлагаетъ всѣ свои надежды на разнаго рода счастливыя случайности, оно перестаетъ быть существеннымъ факторомъ народной жизни и всецѣло становится жертвою стихійныхъ силъ безсознательнаго развитія народной массы.

А римское общество временъ имперіи именно такого типа: его безыдейность, безнадежность и пассивность разъ на всегда устанавливаются уже въ эпоху Сенеки. Въ эпоху Августа и отчасти Тиберія принципатъ еще могъ представляться не только неизбѣжнымъ, но, пожалуй, даже и желательнымъ исходомъ предшествующаго процесса: первые принцепсы были безспорно выдающіяся личности и въ общемъ не только не злоупотребляли слишкомъ грубо своимъ положеніемъ, но счастливыми внѣшними войнами и строгимъ внутреннимъ порядкомъ хоть отчасти искупали тѣ ограниченія прежней свободы, которыми естественно дорожили несмотря на анархію послѣднихъ лѣтъ республики. Оппозиція этого времени имѣетъ скорѣе доктринерскій характеръ и, повидимому, не выражаетъ настроенія большинства, въ общемъ довольнаго новымъ положеніемъ.

---

provincias, per exercitus curatius leguntur, ut noscatur, quid Thrasea non fecerit.

Совсѣмъ другое дѣло эпоха террора. При полномъ отсутствіи личныхъ заслугъ [1]) императоры этого періода поражаютъ преступнымъ произволомъ и издѣвательствомъ или недостойной слабостью и трусостью; безконечные политическіе процессы и убійства наводятъ страхъ на всѣхъ; періодическое истощеніе казны приводитъ не только къ конфискаціямъ, но и къ значительному увеличенію налоговъ и поборовъ. Вся общественная опасность деспотизма выясняется, и общество уже не можетъ сомнѣваться въ его печальныхъ послѣдствіяхъ. Спрашивается, какъ оно отнесется къ положенію дѣлъ? Мы видѣли, какой отвѣтъ на этотъ вопросъ можно извлечь изъ исторіи и литературы этого времени: не обманываясь относительно нежелательности даннаго строя, оно успокоивается на его неизбѣжности и всѣ свои заботы обращаетъ не на обезпеченіе общегосударственныхъ интересовъ, а на болѣе или менѣе полное, болѣе или менѣе сознательное огражденіе личныхъ интересовъ и личнаго достоинства своихъ отдѣльныхъ членовъ. Насколько ему это удается, уже другой вопросъ. Для насъ существенно важно, отмѣтить именно общее направленіе времени.

Само собою, однако, разумѣется, что это именно лишь преобладающее направленіе: и среди римскаго общества нашлась кучка людей, не довольствовавшихся пассивнымъ протестомъ и перешедшихъ въ наступленіе. Но и на ихъ предпріятіи—пизоновскомъ заговорѣ 65 г.—лежитъ все та же печать безыдейности и безнадежности, и они сами большей частью являются истинными героями нравственнаго и умственнаго безвременія. Республиканскія и стоическія фразы ихъ литературнаго представителя, М. Аннея Лукана, плохо мирятся какъ съ факти-

---

[1]) Нѣкоторые ученые дѣлаютъ исключеніе въ пользу Клавдія, между тѣмъ какъ во всѣхъ существенныхъ дѣлахъ его личность стушевывается предъ его генералами, съ одной, его либертами, съ другой стороны.

ческой цѣлью всего заговора, такъ и съ позорнымъ поведеніемъ большинства его членовъ.

М. Анней Луканъ [1]), сынъ родного брата философа Сенеки, М. Аннея Мелы, какъ и его дядя, родился въ Кордубѣ (въ 38 г.) и также еще въ младенческомъ возрастѣ былъ перевезенъ въ Римъ. Здѣсь онъ получилъ свое образованіе, при чемъ семейныя традиціи, разумѣется, заранѣе опредѣлили его принадлежность къ кругу римскихъ стоиковъ: учителемъ его былъ, между прочимъ, членъ того же рода Аннеевъ, Корнутъ, а однимъ изъ старшихъ и любимыхъ товарищей—симпатичный, но мало талантливый поэтъ стоицизма, Авлъ Персій Флаккъ [2]). Изъ Аѳинъ, куда онъ затѣмъ отправился для завершенія своего образованія, онъ былъ вызванъ въ Римъ самимъ Нерономъ и не только занялъ мѣсто среди его друзей, но и получилъ званіе квестора и авгура [3]); согласно съ этимъ онъ впервые выступилъ на судъ публики съ поэтическимъ восхваленіемъ Нерона во время перваго празднованія Нероній въ 60 г., т.-е. годъ спустя послѣ убіенія Агриппины [4]). Ничего, очевидно, не предвѣщало въ молодомъ при-

---

[1]) Любопытно, что Сенека (если не считать ad Helv. matrem 18, 4—6) нигдѣ не упоминаетъ о своемъ племянникѣ и не посвятилъ ему ни одного изъ своихъ трудовъ.

[2]) Vita Persii (ed. C. F. Hermann pr. p. VIII): cognovit per Cornutum etiam Annaeum Lucanum, aequaevum auditorem Cornuti; sed Lucanus adeo mirabatur scripta Flacci, ut vix retineret sese recitantem a clamore, quin illa esse vera poëmata diceret, sua ipse ludificaret. Персій родился въ 34 г., умеръ въ 62 г. Любопытно, что будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ Ѳразеей (ib. idem etiam decem fere annos summe dilectus a Paeto Thrasea est, ita ut peregrinaretur quoque cum eo aliquando, cognatam eius Arriam habente uxorem) онъ не сошелся съ Сенекой (ib.: sero cognovit et Senecam, sed non ut caperetur eius ingenio).

[3]) Suet. v. Luc.: revocatus Athenis a Nerone cohortique amicorum additus atque etiam quaestura honoratus. (Vaccae) v. Luc.: sacerdotium etiam accepit auguratus.

[4]) Suet. v. Luc.: prima ingenii experimenta in Neronis laudibus dedit quinquennali certamine. Ribbeck III, 92. полагаетъ, что и его Орфей былъ написанъ съ той же цѣлью.

дворномъ поэтѣ будущаго яраго республиканца, одного изъ самыхъ страстныхъ членовъ пизоновскаго заговора.

Судить о причинахъ такого переворота во взглядахъ въ настоящее время, разумѣется, довольно мудрено; судя по разсказамъ Тацита и Светонія единственнымъ мотивомъ были личныя непріятности между нимъ и Нероном, вызванныя ревностью послѣдняго къ огромному успѣху поэтическихъ произведеній ровесника [1]). И въ самомъ дѣлѣ, еслибы позднѣйшее увлеченіе Лукана республиканской свободой и ея героями было серьезнѣй, трудно было бы понять направленіе заговора, „знаменоносцемъ“ котораго онъ сдѣлался [2]) и цѣль котораго заключалась вовсе не въ упраздненіи принципата и возстановленіи республики, а въ замѣнѣ одного принцепса другимъ. Настоящей надежды на возстановленіе республики, какъ мы сейчасъ увидимъ, у Лукана было почти такъ же мало, какъ у Сенеки или Ѳразеи: для этого всѣ они слишкомъ хорошо знали свое общество. И если Луканъ, въ отличіе отъ своихъ старшихъ современниковъ, охотно драпируется въ республиканскую тогу [3]), то потому, что это красиво и что этимъ какъ нельзя болѣе рѣзко подчеркивается его оппозиціонное направленіе.

Но какъ бы то ни было, въ высокой степени характерно, что первоначальная цѣль Лукана при составленіи прославившей его поэмы не имѣла ничего общаго съ осужденіемъ

[1]) Tac. Ann. 15, 49: Lucanum propriae causae accendebant, quod famam carminum eius premebat Nero prohibueratque ostentare, vanus adsimulatione. Suet. vit. Luc.: non tamen permansit in gratia: siquidem aegre ferens, quod Nero se recitante subito ac nulla nisi refrigerandi sui causa indicto senatu recessisset.. (Vaccae) v. Luc.: quo ambitiosa vanitate, non hominum tantum sed et artium sibi principatum vindicante interdictum est ei poetica, interdictum est etiam causarum actionibus.

[2]) Suet. v. Luc.: ad extremum paene signifer Pisonianae coniurationis extitit...

[3]) Замѣтимъ, что послѣднія семь книгъ его поэмы о гражданской войнѣ, въ которыхъ только и выражаются вполнѣ опредѣленно его „республиканскіе“ взгляды, были изданы уже послѣ его смерти. (Vaccae) v. Luc.

принципата или тенденціознымъ восхваленіемъ республики, а, наоборотъ, судя по восхваленію Нерона въ началѣ первой книги, скорѣе всего заключалась въ оправданіи принципата.

Начавъ съ осужденія гражданскихъ войнъ вообще, „когда преступленіе сдѣлалось правомъ“ [1]), когда Италія была разорена хуже, чѣмъ при свирѣпомъ Пиррѣ или при Ганнибалѣ [2]), онъ утверждаетъ, что „если судьба не нашла другого пути для того, чтобы явился Неронъ, и вѣчныя царства готовятся богамъ за дорогую цѣну, если небо не могло служить своему громовержцу иначе, какъ послѣ войны кровожадныхъ гигантовъ, мы уже не жалуемся, о боги: за такую цѣну мы примиряемся съ этими преступленіями, этой нечестивостью. Пусть кровь наполняетъ фарсальскія поля, пусть маны пунійцевъ насыщаются ею; пусть совершается послѣдняя битва подъ роковой Мундой; пусть, о Цезарь (т.-е. Неронъ), къ этому прибавляется перузинскій голодъ и мутинская страда, и морская битва на берегу Левкады и войны съ рабами у подножія огненной Этны: все же Римъ многимъ обязанъ гражданскимъ войнамъ за то, что все это происходило для тебя“. Когда Неронъ, пробывъ долго на землѣ, устремится къ звѣздамъ, небеса радостно примутъ его; все равно пожелаетъ ли онъ взять въ свои руки небесный скипетръ или управлять колесницей Феба, всѣ божества уступятъ ему свое мѣсто. Но ему нельзя чрезмѣрно удалиться, ни на сѣверъ,

[1]) Phars. 1, 2: iusque datum sceleri canimus.

[2]) Ib. 1, 24—32: At nunc semirutis pendent quod moenia tectis
Urbibus Italiae lapsisque ingentia muris
Saxa iacent nulloque domus custode tenetur
Rarus et antiquis habitator in urbibus errat,
Horrida quod dumis multosque inarata per annos
Hesperia est desuntque manus poscentibus arvis,
Non tu, Pyrrhe ferox, nec tantis cladibus auctor
Poenus erit; nulli penitus descendere ferro
Contigit: acta sedent civilis volnera dextrae.

Такой же характеръ имѣютъ 1, 186—7, 666—672. 632. 2, 2—4. 52—3. 4, 110—120. 172. 236. 245. 254—259. 6, 63. 718.

ни на югъ,—самому небу тогда не удержать равновѣсія: пусть онъ займетъ средину и пусть тогда родъ человѣческій сложитъ оружіе и исполнится взаимной любовью. Но для Лукана, онъ и теперь уже богъ, нечего римскому поэту призывать другихъ боговъ: достаточно обратиться къ его покровительству [1]).

Какъ трезвый лѣтописецъ поэтъ излагаетъ причины войнъ и указываетъ не только на властолюбіе [2]) и соревнованіе [3]) Помпея и Цезаря, но и на упадокъ общественныхъ интересовъ, нравовъ и законности [4]). Онъ не знаетъ и считаетъ нечестивымъ, спрашивать, кто изъ нихъ былъ правъ: „каждый изъ нихъ можетъ сослаться на великаго судью: за побѣдителя высказались боги, но за побѣжденнаго Катонъ“ [5]). И въ характеристикѣ противниковъ поэтъ въ общемъ безпристрастенъ, хотя и обвиняетъ Цезаря въ томъ, „что онъ не признавалъ другого стыда, кромѣ пораженія на войнѣ“ и „радъ былъ открыть себѣ путь разореніемъ“ [6]).

---

[1]) Ib. 1, 33—66: Sed mihi iam numen, nec, si te pectore vates
Accipis, Cirrhaea velim secreta moventem
Sollicitare deum Bacchumque avertere Nysa:
Tu satis ad vires Romana in carmina dandas.

[2]) Ib. 1, 85—89. 92—93. 98—100. 109—111. Положеніе Помпея и Цезаря опредѣляется какъ regnum 1, 4. 85—89. 92—93. 109—111. 289—91. 315; 4, 692. 7, 51—57. 9, 88—90. 210.

[3]) Ib. 1, 120: stimulos dedit aemula virtus, см. 125—6: nec quemquam iam ferre potest Caesarve priorem
Pompeius ve parem.
Разсужденіе о Юліи 1, 111—120.

[4]) См. ниже стр. 501 пр. 2.

[5]) Ib. 1, 126—28:
Quis iustius induit arma
Scire nefas; magno se iudice quisque tuetur.
Victrix causa deis placuit, sed victa Catoni.

[6]) О Помпеѣ 1, 129—143. См. 135: stat magni nominis umbra.
О Цезарѣ 1, 143—157. См. 144/5: sed nescia virtus
stare loco, solusque pudor non vincere bello.
Ср. 150: gaudensque viam fecisse ruina.

Но помимо личныхъ причинъ для раздора вождей, тутъ были и общія причины для войны, „которыя всегда губили могущественные народы“ [1]): то плодъ счастливыхъ войнъ, чрезмѣрныя богатства и порча нравовъ съ роскошью и жадностью, отсутствіе спокойнаго наслажденія миромъ и законностью, а отсюда властолюбіе, для котораго „сила была мѣриломъ права“, насиліе на комиціяхъ, нарушеніе закона и консулами и трибунами, наконецъ, подкупы и задолженность, благодаря которой война многимъ была выгодна [2]).

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, что бы позволило предположить, что поэтъ идеализируетъ республиканскій строй. Помимо того, что не поэтически трезвое изложеніе причинъ гражданскихъ войнъ можетъ быть признано развѣ только нѣсколько одностороннимъ, но никакъ не враждебнымъ Цезарю, личность Цезаря и дальше занимаетъ первое мѣсто въ бо́льшей части поэмы и даже тамъ, гдѣ его предпріятіе прямо называется преступленіемъ, онъ больше импонируетъ самому автору, чѣмъ личность Помпея. Онъ поражается его неутомимостью [3]), его рѣшительностью [4]), едва ли не самъ увлекается его рискованной переправой въ Брундизій [5]) и фактически удѣляетъ гораздо больше мѣста его подвигамъ, чѣмъ дѣятельности Помпея [6]). Когда Цезарь окончательно рѣшается прибѣгнуть къ оружію, онъ проситъ разныхъ боговъ, въ томъ числѣ и богиню Roma, отнестись благосклонно къ его дѣлу; онъ не преслѣдуетъ ее оружіями фурій; онъ и теперь надѣется, что можетъ остаться вѣрнымъ своей роли побѣдоноснаго воина Рима; пусть будетъ виновенъ тотъ, кто сдѣлалъ изъ него

[1]) 1, 158—59: suberant sed publica belli
semina, quae populos semper mersere potentes.
[2]) 1, 160—182. См. 4, 816—820.
[3]) 2, 655—62. 703. 5, 405. 9, 47—8.
[4]) 3, 399—452.
[5]) 5. 497—702; особ. 500—503. 577. 653—664. 685—7. 698—9.
[6]) Въ первыхъ семи книгахъ Цезарь играетъ преобладающую роль.

врага отечества [1]). Правда, это онъ первый нарушаетъ миръ [2]), но точно также, какъ и Помпей, онъ можетъ оправдать себя тѣмъ, что хочетъ освободить страну отъ владычества одного лица [3]), и вдобавокъ можетъ сослаться на несправедливое обращеніе съ нимъ, только что завоевавшимъ для Рима новую огромную область [4]). Войско безусловно на его сторонѣ; Луканъ это подчеркиваетъ особенно опредѣленно и часто [5]).

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ Помпей, своимъ бѣгствомъ давшій сигналъ къ всеобщему страху [6]), опирающійся только на прежнюю славу [7]) и не имѣющій въ своемъ распоряженіи безусловно преданнаго войска [8]). Когда онъ обращается къ своимъ солдатамъ наканунѣ бѣгства въ Брундизій и переправы на Балканскій полуостровъ, его слова полны

---

[1]) 1, 200—304: Roma, fave coeptis; non te furialibus armis
Persequor; en adsum victor terraque marique
Caesar, ubique tuus—liceat modo nunc quoque—miles.
Ille erit, ille nocens, qui me sibi fecerit hostem.

[2]) 1, 225—27. 239.

[3]) 1, 333—5: Quem tamen inveniet tam longa potentia finem?
quis scelerum modus est? ex hoc iam te, inprobe, regno
ille tuus saltem doceat descendere Sulla.
350—1: nam neque praeda meis neque regnum quaeritur armis:
detrahimus dominos urbi servire paratae
ср. 1, 316—7.

[4]) См. 1, 339—345.

[5]) 1, 359—386. Особенно любопытны ст. 373—386:
Nec civis meus est, in quem tua classica, Caesar, audiero...
Tu quoscumque voles in planum effundere muros,
His aries actus dispergat saxa lacertis
Illa licet, penitus tolli quam iusseris urbem,—Roma sit.
См. 4, 180—8 Эпизодъ съ Сцевой, 6, 140—262. За это Луканъ ихъ впослѣдствіи называетъ 7, 760—62 (inpia plebes): infandus miles, сочувствуетъ военному мятежу противъ Цезаря въ 48 г. (См. 5, 297—99 и раньше 5, 254. 261—295) и обвиняетъ Сцеву въ томъ, что онъ не зналъ „какое великое преступленіе въ гражданскихъ войнахъ доблесть“. См. 6, 147—8. 262.

[6]) 1, 504: in bellum fugitur. 522: Pompeio fugiente timent 2, 392. Ср. 2, 688. 708. 7, 340.

[7]) 1, 129—135.

[8]) 2, 596—600. 607—609. Ср. событія въ Испаніи. Ср. также 9, 227—251 съ отвѣтомъ 256—283.

высокомѣрія, странность котораго тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, чѣмъ менѣе оно соотвѣтствуетъ его дѣйствительному положенію: Цезарь сравнивается съ Катилиной, Цинной, Маріемъ и другими преступниками; много чести для него, что съ нимъ борется самъ Помпей, хотя побѣда надъ нимъ болѣе подходила бы къ Крассу, побѣдителю Спартака, чѣмъ къ побѣдителю пиратовъ и Миѳритада, трофеи котораго раскиданы по всей землѣ отъ Бетиса до Колхиды [1]). Молчаніе войскъ служитъ рѣзкимъ выраженіемъ и его настроенія и настроенія самого автора по отношенію къ Помпею.

Больше симпатій и въ началѣ поэмы автору внушаютъ послѣдовательные республиканцы, „великодушный“ Брутъ и Катонъ, при чемъ Брутъ разсуждаетъ наиболѣе прямолинейно. Гражданскія войны нечестивы, слѣдовательно, нельзя въ нихъ участвовать, иначе это значитъ оправдать предпріятіе Цезаря; сражаться подъ начальствомъ частнаго лица, Помпея, также невозможно съ республиканской точки зрѣнія: „если и Катонъ будетъ подъ властью Помпея, то во всемъ мірѣ одинъ лишь Цезарь будетъ свободенъ“. Онъ, Брутъ, поэтому не выступитъ теперь ни противъ Цезаря, ни противъ Помпея; когда кончится война, онъ будетъ врагомъ побѣдителя [2]). Возраженія Катона значительно слабѣе, хотя и полны высокопарности: онъ не можетъ допустить, чтобы Римъ погибъ, а онъ самъ остался бы невредимъ, онъ, единственная и послѣдняя защита свободы: онъ послѣдуетъ за Помпеемъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ не подумалъ, что побѣждаетъ для себя [3]).

[1]) 2, 530—595: veneranda voce.

[2]) Рѣчь Брута 2, 242—284. См. особ. 279—81: quibus adde Catonem,
Sub iuga Pompei, toto iam liber in orbe
Solus Caesar erit.
283—4: Nunc neque Pompei Brutum neque Caesaris hostem,
Post bellum victoris habes.

[3]) Рѣчь Катона 2, 285—323. См. 318 - 9: post me regnare volenti
non opus est bello.
322—3: ideo me milite vincat,
Ne sibi vicisse putet.

Несмотря на очевидное сочувствіе автора къ республиканскимъ героямъ и изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ задавался цѣлью протестовать противъ монархіи. Восхваленіе Катона общая черта всего этого времени и встрѣчается не только у Лукана, но и у несомнѣнныхъ сторонниковъ новаго порядка; Брута неоднократно хвалитъ и Сенека. Но помимо этого въ двухъ мѣстахъ Луканъ ясно высказываетъ свое отношеніе къ дѣлу. Съ одной стороны, рѣчь Катона, по его словамъ, возбудила въ юномъ Брутѣ „*чрезмѣрную* любовь къ гражданской войнѣ“ [1]), съ другой стороны, онъ рѣзко осуждаетъ убійство Цезаря „нечестивую войну въ самомъ сенатѣ“ [2]).

Первыя проявленія оппозиціоннаго настроенія встрѣчаются только въ третьей книгѣ поэмы. Здѣсь впервые вопросъ, который Луканъ въ началѣ вскользь отвергаетъ какъ нечестивый, вопросъ, кто былъ правъ, Помпей или Цезарь, разрѣшается въ пользу Помпея [3]). И это понятно: вѣдь сенатъ былъ на сторонѣ Помпея и „доказалъ народамъ, что это не партія Помпея, а что самъ Помпей членъ партіи“ [4]). Здѣсь же мы встрѣчаемъ и первый намекъ на вражду къ Цезарямъ вообще: занявъ Римъ, Цезарь захватилъ государственную казну „и впервые тогда Римъ сталъ бѣднѣе подъ властью Цезаря“ [5]).

Начиная съ третьей книги, Луканъ становится все болѣе и болѣе страстнымъ врагомъ принципата: „Римъ былъ бы счастливъ и имѣлъ бы блаженныхъ гражданъ, еслибы богамъ также нравилась забота о свободѣ, какъ наказаніе“ за ея

---

[1]) 2, 323—5: Sic fatur, et acris
irarum movit stimulos iuvenisque calorem
excitat in *nimios* civilis belli amores.

[2]) 1, 691: inpiaque in medio peraguntur bella senatu.

[3]) 3, 303: et causas non fata sequi. Ср. 349. Далѣе 4, 258—9. 4, 807—9: 815 и т. д.

[4]) 5, 9—10.. docuit populos venerabilis ordo,
Non Magni partes, sed Magnum in partibus esse.

[5]) 3, 168: pauperiorque fuit tunc primum Caesare Roma.

нарушеніе, т.-е. убійство тирана [1]). „Хотя бы", говоритъ онъ по поводу смерти Куріона, могучій Сулла, и жестокій Марій и кровавый Цинна, и рядъ Цезарей мечомъ пріобрѣли себѣ право играть нашей жизнью, кто имѣлъ такую власть (какъ Куріонъ)? Тѣ всѣ купили, онъ продалъ городъ" [2]). Еще рискованнѣе этого замѣчанія его намекъ на убійство Агриппины. „Ни въ какомъ дарѣ боговъ наше время не нуждается больше, какъ въ Дельфійскомъ оракулѣ, который умолкъ съ тѣхъ поръ, какъ цари испугались будущаго и запретили богамъ говорить": такъ по преданію поступилъ самъ Неронъ, когда послѣ смерти Агриппины на какой-то запросъ получилъ изъ Дельфъ извѣстіе, что богъ отказывается отвѣчать матереубійцѣ [3]).

Когда Цезарь возвращается изъ Испаніи въ Римъ и, пріобрѣвъ званіе диктатора, затѣмъ становится консуломъ, Луканъ не упускаетъ случая, указать на лицемѣрность и лживость всѣхъ тѣхъ титуловъ принцепсовъ, которыми римляне стараются обмануть себя насчетъ настоящаго деспотическаго характера ихъ власти [4]). Когда Цезарь скоро отказывается отъ консульства, поэтъ отмѣчаетъ, что съ этихъ поръ погибла нѣкогда высоко чтимая власть консуловъ: одномѣсячный консулатъ Цезаря ясно раздѣляетъ въ фастахъ два вѣка [5]). Римъ

---

[1]) 4, 807—9 Ср. 5, 206—8: Vindicis an gladii facinus poenasque furorum
Regnaque ad ultores iterum redeuntia Brutos
Ut peragat fortuna, taces?

[2]) 4, 821—4: Ius licet in iugulos nostros sibi fecerit ense
Sulla potens Mariusque ferox et Cinna cruentus
Caesare aeque domus series, cui tanta potestas
Concessa est? emere omnes, hic vendidit urbem.

[3]) 5, 111—114. Ribbeck 3, 98.

[4]) 5, 385—386: namque omnis voces, per quas iam tempore tanto
Mentimur dominos, haec primum repperit aetas.

[5]) b. 397—9: inde perit primum quondam veneranda potestas
Juris inops; careat tantum ne nomine tempus,
Monstruus in fastos distinguit saecula consul.

былъ бы счастливъ и свободенъ и самъ бы распоряжался собою, еслибы при Фарсалахъ побѣдилъ не Цезарь, а Сулла: Римъ страдаетъ и вѣчно будетъ страдать отъ успѣховъ Цезаря [1]). Всѣ герои древняго Рима, Децій, Камиллъ и Курій, Сулла, Сципіонъ и Катонъ, печальны наканунѣ рѣшительной битвы, одинъ только Брутъ радуется, предвидя славное дѣяніе своего потомка. Зато внѣ себя отъ восторга грозный Катилина, и Маріи, Цетеги, Друзы и Гракхи [2]). Самъ властитель подземнаго царства готовитъ побѣдителю мѣсто въ тартарѣ и точитъ скалы и твердый алмазъ для цѣпей [3]).

Но апогея своего страстность Лукана достигаетъ при описаніи фарсальской битвы. Это она погубила все населеніе Италіи; благодаря ей имя латинянъ стало басней. Только развалины укажутъ, гдѣ нѣкогда были Габіи и Вейи и Кора, пустое поле замѣнитъ Альбу и Лаврентумъ. Поля Италіи обрабатываются связанными рабами, Римъ наполненъ не своими гражданами, а отбросомъ вселенной, и больше уже нѣтъ возможности вести гражданскія войны. Все это случилось благодаря Фарсаламъ. Римъ властвовалъ надъ народами и шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ, но благодаря этому кровавому дню все измѣнилось. Индія уже не боится латинскихъ инсигній, консулъ болѣе не приводитъ плѣнныхъ даговъ въ городъ, и не покоряетъ сарматовъ, парѳяне все еще не наказаны. Свобода, которой ужъ больше не вернуться, удалилась за Тигръ и Рейнъ и сдѣлалась достояніемъ германцевъ и скиѳовъ. Пусть бы она хоть никогда не была извѣстна нашему народу. Зачѣмъ Бруты имѣли успѣхъ? Къ чему мы жили подъ властью законовъ и

---

[1]) 6, 301—305: felix ac libera legum,
Roma, fores iurisque tui, vicisset in illo
Si tibi Sulla loco. Dolet heu semperque dolebit и т. д.
О Суллѣ см. любопытное замѣчаніе 2, 139—146.

[2]) 6, 784—799.

[3]) ib. 799—802.

называли года по именамъ консуловъ? Счастливы арабы и миды и востокъ, которыхъ судьба всегда подчиняла тиранамъ. „Изъ всѣхъ народовъ, переносящихъ царскую власть, хуже всѣхъ наша судьба, которымъ стыдно быть рабами“. Нѣтъ боговъ или боги не обращаютъ вниманія на судьбу смертныхъ: развѣ Юпитеръ, еслибъ онъ владѣлъ молніями, далъ Кассію убить Цезаря? У насъ одна лишь месть за эту битву, давать землѣ боговъ; гражданскія войны сдѣлаютъ „божественныхъ“ равными богамъ. Римъ разукраситъ ихъ маны молніями и ореоломъ изъ лучей и звѣздами и въ храмахъ боговъ будетъ клясться тѣнями“ [1]). Ударъ, который эта битва нанесла народамъ, касался не только того времени. Тутъ погибло больше, чѣмъ жизнь или спасеніе (сражавшихся): мы всѣ погибли на-вѣки; эти мечи побѣдили и всѣ будущія поколѣнія, принужденныя покоряться. „Въ чемъ заключалась вина ближайшаго поколѣнія или внуковъ? или мы трусливо сражались, или мы покрывали наши шеи (отъ ударовъ)? На насъ лежитъ наказаніе за чужую трусость. Если ты, о судьба, дала родившимся послѣ битвы господина, ты бы должна имъ дать и войну (за свободу)“ [2]). Цезарь зналъ, куда направлять удары: онъ запрещаетъ бить массу и посылаетъ своихъ противъ сената. Онъ знаетъ, гдѣ кровь государства, гдѣ его сердце, чрезъ которое ему надо пройти, чтобы захватить Римъ, онъ знаетъ, гдѣ можно погубить окончательно свободу. Гибнутъ Лепиды и Метеллы, Корвины и Торкваты, начальники надъ царями, высшіе изъ смертныхъ. Тутъ гибнетъ вся слава отечества. Пусть хоть Брутъ, „украшеніе государства, послѣдняя надежда сената“, не стремится къ смерти: напрасно онъ стремится поразить Цезаря, еще не достигшаго высшей власти и

---

[1]) 7, 387—459. См. 444—5:

Ex populis, qui regna ferunt, sors ultima nostra est
Quos servire pudet.

[2]) 7, 638—646.

положенія. „Пусть онъ живетъ и царствуетъ, дабы пасть жертвою Брута“ [1]).

Цезарь и свобода вѣчные враги и, умирая на полѣ битвы, сенатъ доказалъ, что сражался не за Помпея, а за себя, за свою свободу [2]). Рѣчь египетскаго придворнаго выражаетъ мнѣніе автора о неизбѣжномъ характерѣ монархіи: „вся сила скипетровъ гибнетъ, когда она начинаетъ взвѣшивать справедливое; уваженіе къ честному раззоряетъ кремли. Свобода преступленій и устраненіе границъ для мечей, вотъ что защищаетъ ненавистную власть. Нельзя безнаказанно поступать кровожадно во всемъ, если не поступать такъ постоянно. Пусть уходитъ изъ дворца, кто хочетъ быть благочестивымъ. Доблесть и высшая власть не соединимы; тотъ вѣчно будетъ бояться, кто будетъ стыдиться кровожадности“ [3]). Ясно, что эти взгляды прямо заимствованы изъ современной поэту жизни, когда выработалось и искусство отсѣчь мечемъ голову такъ, чтобы она полетѣла, вращаясь какъ колесо [4]).

Неудивительно послѣ этого, что въ послѣднихъ книгахъ Цезарь все болѣе и болѣе превращается въ жестокаго и лицемѣрнаго деспота [5]): его печаль при видѣ головы Помпея

[1]) 7, 579—595: in plebem vetat ire manus monstratque senatum;
Scit, cruor imperii qui sit, quae viscera rerum,
Unde petat Romam, libertas ultima mundi
Quo steterit ferienda loco и т. д.

[2]) 7, 694—7: non iam Pompei nomen populare per orbem.
Nec studium belli: sed par, quod semper habemus,
Libertas et Caesar erit, teque (Pompeio) inde fugato
Ostendit moriens, sibi se pugnasse, senatus.

[3]) 7, 489—495: Virtus et summa potestas
non coeunt; semper metuet, quem saeva pudebunt.

[4]) 8, 672—3: Tunc nervos venasque secat nodosaque frangit
ossa diu: nondum artis erat caput ense rotare.
Сказано по поводу убійства Помпея.

[5]) 8, 765: saevi Caesaris ira. 8, 835: saevo tyranno. 3, 73: gaudet tamen esse timori; 3, 360—372. 5, 310—315: saeve! 5, 539: indocilis privata loqui; 5, 758 victorque cruentus (cf. 7, 802—3 9, 950) 7. 40: victoris iniqui 6, 29: spes inproba 8, 783: socer inpius 7, 240: flagrans cupidine regni 7, 557: Caesar, rabies populi stimulusque furorum и т. д.

плохо скрываетъ удовольствіе, которое онъ въ дѣйствительности испытываетъ [1]); его связь съ Клеопатрой позорна. Наоборотъ „благочестивый“ [2]) Помпей постоянно растетъ въ глазахъ автора: онъ не хотѣлъ осквернить Италію кровью [3]), онъ не пожелалъ умереть при Фарсалахъ, или потому, чтобы солдаты, увидѣвъ смерть „Великаго“, не отказались бѣжать и чтобы надъ тѣломъ вождя не погибъ весь земной шаръ, или потому, что не хотѣлъ доставить Цезарю зрѣлища смерти [4]). Его несчастья неоднократно вызываютъ рядъ риторическихъ восклицаній по поводу измѣнчивости судьбы [5]). Болѣе Цезаря, этого „жестокаго тирана“, онъ заслуживаетъ апоѳеозъ и пора бы Риму вспомнить о немъ [6]): еще послѣ смерти, когда „полубогъ“ удалился на небеса къ Юпитеру, его тѣнь возбуждала въ Брутѣ жажду мести [7]).

Теперь окончательно устанавливается и отношеніе автора къ Катону, настоящему герою послѣднихъ двухъ книгъ. Пока судьба враговъ еще не была рѣшена и оставалось сомнительнымъ, кого гражданская война сдѣлаетъ властителемъ міра, Катонъ ненавидѣлъ и Помпея, но, когда отечество лишилось „покровителя“, онъ взялся за его защиту „и велъ гражданскія войны не желая царить, и не боясь, что ему придется повиноваться“. Послѣ смерти Помпея существовала только

---

[1]) 9, 1035—1108.

[2]) 6, 305: pius.

[3]) 2, 725—736. 6, 319—329.

[4]) Это одно изъ наиболѣе нелѣпыхъ мѣстъ въ до-нельзя напыщенной, лишенной малѣйшаго поэтическаго оттѣнка поэмѣ Лукана 7, 669—673:

Nec derat robur in enses
Ire duci iugulogue pati vel pectore letum;
Sed timuit, strato miles ne corpore Magni
Non fugeret supraque ducem procumberet orbis,
Caesaris aut oculis voluit subducere mortem.

[5]) 7, 29—44. 87—123.

[6]) 8, 835—340. Ср. 860—862.

[7]) 9, 1—18.

партія свободы [1]). Въ качествѣ лучшаго представителя ея онъ произноситъ милостивый судъ надъ Помпеемъ: умеръ гражданинъ, говоритъ онъ, далеко уступавшій предкамъ въ знаніи предѣловъ своихъ правъ, но его могущество не мѣшало бы свободѣ и, если онъ стоялъ во главѣ сената, то во главѣ сената правящаго. Онъ не добивался ничего по праву войны и хотѣлъ, чтобы въ томъ, чего онъ добивался, ему могли отказать. Давно уже, еще съ Маріемъ и Суллой, погибла истинная свобода, съ его смертью погибла и призрачная. Теперь ужъ не будетъ стыдно царствовать, и сенатъ не будетъ имѣть ни формальной власти, ни почета [2]). Когда часть войска отказывается продолжать борьбу и готова признать власть побѣдителя „который одинъ въ мірѣ и захочетъ и сможетъ обезпечить побѣжденнымъ спасеніе“ [3]), возмущенный этимъ Катонъ страстной рѣчью останавливаетъ ихъ: неужели и они сражались не за свободу, а за господина, были помпеянцами, не римлянами? неужели они теперь откажутъ отечеству въ своей жизни и своихъ мечахъ, когда близка свобода? вѣдь судьба изъ трехъ владыкъ сохранила лишь одного [4]).

Катонъ, таковъ выводъ поэта, „вотъ истинный отецъ отечества, больше всѣхъ достойный твоихъ алтарей, о Римъ; клясться именемъ его никогда не будетъ стыдно и, если ты когда-нибудь освободишь свою шею отъ цѣпей, ты его признаешь богомъ“ [5]). Таковы политическіе взгляды Лукана, какъ они выясняются въ послѣднихъ книгахъ его поэмы. Въ частностяхъ въ нихъ немало сбивчиваго и, нельзя сказать, чтобы

[1]) 9, 19—35. См. 24—5: patriam tutore carentem—excepit.

[2]) Рѣчь Катона 9, 160—214. См. особ. 204—207:

Olim vera fides Sulla Marioque receptis
Libertatis obit: Pompeio rebus adempto
Nunc et ficta perit. Non iam regnare pudebit,
Nec color imperii nec frons erit ulla senatus.

[3]) Мѣсто это очень любопытно 9, 227—251.

[4]) 9, 256—283.

[5]) 9, 601--604.

его характеристики дѣятелей этой эпохи отличались цѣльностью или рельефностью [1]). Отчасти это объясняется переломомъ въ политическихъ взглядахъ автора, отчасти тѣмъ, что онъ не успѣлъ хорошенько обработать бо̀льшую часть своего труда. Но главная причина несомнѣнно иная: Луканъ, не обладаетъ сколько-нибудь выдающимся поэтическимъ дарованіемъ; это риторъ, случайно излагающій свой предметъ не въ прозаической, а въ стихотворной формѣ, и риторъ, сплошь и рядомъ употребляющій до смѣшного сгущеныя краски. Явная дѣланность и вымученность многихъ мѣстъ, не только утомляетъ читателя, но невольно заставляетъ его усумниться въ искренности автора: вспомнимъ, напримѣръ, удивительное въ своемъ родѣ объясненіе, почему Помпей не искалъ смерти при Фарсалахъ, или не менѣе безсмысленное заявленіе, что именно фарсальская битва истощила давно истощенные народы Италіи. Едва ли можно допустить, чтобы авторъ былъ способенъ увлечься до такой степени кажущейся грандіозностью своихъ словъ, что искренно высказывалъ даже такія нелѣпости; во всякомъ случаѣ, очевидное стремленіе его къ эффекту, къ высокопарности и риторическимъ прикрасамъ вообще скорѣе всего заставляютъ предположить, что и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ особенно жестоко нападаетъ на Цезаря, особенно горячо восхваляетъ Помпея и Катона, онъ больше имѣетъ въ виду поразить читателя рѣзкостью своихъ замѣчаній, рѣшительностью своей оппозиціи, чѣмъ высказать свое дѣйствительное убѣжденіе въ необходимости и возможности возстановленія республики.

[1]) Любопытно, напр., что консулъ Лентулъ принужденъ объяснить „полубогу“ Помпею, что ему нельзя вступать въ союзъ съ парѳянами. Помпей (8, 218—238; 262—327) прямо предлагаетъ пригласить парѳянъ „побѣдить для Помпея, вѣдь Римъ желаетъ быть побѣжденнымъ“ (237—8). Ропотъ сената даетъ ему понять, что его рѣшенія не одобряютъ (326—7), а Лентулъ (331—453) прямо заявляетъ, что единственный тріумфъ Цезаря, которому онъ бы могъ сочувствовать, былъ бы тріумфъ надъ Парѳянами (429—30).

Во всякомъ случаѣ, поэма Лукана единственное дошедшее до насъ произведеніе римской литературы имперіи, гдѣ протестъ противъ принципата такъ рѣзко формулированъ и гдѣ такъ опредѣленно высказываются надежды на его паденіе [1]). Очевидно, эпоха террора наконецъ начинала вызывать реакцію. Къ несчастью для Рима, однако, и эта реакція не была богата политическими идеями: провозглашая на словахъ возвращеніе къ республиканскимъ идеаламъ, она сама въ нихъ не вѣрила и обращалась къ нимъ только за неимѣніемъ лучшаго, на дѣлѣ добиваясь лишь замѣны принцепса-деспота принцепсомъ, на благоразуміе котораго разсчитывали, вовсе не думая обезпечить это благоразуміе какими бы то ни было серьезными гарантіями.

Мы ужъ видѣли, что Луканъ былъ чуть не „знаменоносцемъ“ пизоновскаго заговора 65. Г. Кальпурній Пизонъ принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ римскихъ родовъ и уже въ силу этого былъ окруженъ цѣлымъ рядомъ друзей и поклонниковъ. Общительный характеръ, щедрость, краснорѣчіе и внушительная наружность еще увеличивали ихъ число и опасность его положенія на ряду съ подозрительной и жадной властью. Доносы, обвинявшіе его въ заговорѣ противъ Нерона, повидимому, заставили его подумать о предотвращеніи неминуемой гибели, т.-е. объ устраненіи Нерона. Самъ по себѣ человѣкъ мало энергичный, онъ едва ли затѣялъ бы такое опасное дѣло, еслибы не сознавалъ, что гибели ему такъ или иначе все же не миновать,

[1]) Отмѣтимъ, что въ Сатириконѣ Петронія имѣется въ гл. 119—124 стихотворный отрывокъ поэмы въ 295 стиховъ о тѣхъ же гражданскихъ войнахъ, и по литературному характеру и по содержанію рѣзко отличающійся отъ поэмы Лукана и едвали не направленный именно противъ него. Точка зрѣнія опредѣленно цезаріанская. См. 41: venalis populus, venalis curia patrum 64. Julius ingratam perfudit sanguine Romam 142: Caesar vindictae actus amore 156—176: молитва Цезаря (177—184 благопріятныя omina) 290: divus. Восхваленіе Катона 45—49, какъ извѣстно, само по себѣ еще не признакъ оппозиціоннаго направленія.

и еслибы мысль о замѣнѣ имъ Нерона не была высказана раньше его другими. Число заговорщиковъ быстро возрасло, и среди нихъ, помимо военныхъ и всадниковъ, появились люди съ крупнымъ общественнымъ положеніемъ: кромѣ Лукана, десигнированный консулъ Плавтій Латеранъ, сенаторы Флавій Сцевинъ и Афраній Квинтіанъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Нерона, Клавдій Сенеціонъ, наконецъ, одинъ изъ преторіанскихъ префектовъ Феній Руфъ, на котораго, повидимому, возлагались особенно большія надежды. Побужденія у этихъ лицъ были самыя разнообразныя: одними руководили личныя обиды и жажда мести, другими надежда на сопряженныя съ переворотомъ выгоды, только объ одномъ Латеранѣ Тацитъ говоритъ, что онъ дѣйствовалъ въ интересахъ страны [1]). Мотивамъ соотвѣтствовали и поведеніе и цѣли зиговорщиковъ: такъ Пизонъ, боясь, какъ бы Л. Силанъ не предупредилъ его и не захватилъ власти послѣ смерти Нерона, упустилъ удобный случай. Опасались также, что консулъ Вестинъ, пожалуй, постарается возстановить республику [2]). Другіе, убивъ Нерона, по слухамъ хотѣли избавиться и отъ Пизона и провозгласить принцепсомъ никого иного какъ философа Сенеку [3]). Число заговорщиковъ притомъ расло и вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ заговоръ былъ раскрытъ. Началось слѣдствіе, быстро открывшее предъ Нероном размѣры грозившей ему опасности. И тутъ-то самымъ позорнымъ образомъ выяснилось, какъ мало огромное большинство заговорщиковъ было способно отстаивать даже свое личное достоинство: тогда какъ вольноотпущенница Эпихарисъ, несмотря на жестокія пытки, ничего не показала [4]), Наталисъ назвалъ Пизона и, надѣясь спасти свою жизнь, Сенеку, а Сцевинъ

[1]) Ann. 15, 48–50.
[2]) Ann. 15, 52.
[3]) Ann. 15, 65.
[4]) Ann. 15, 57.

остальныхъ. „Изъ послѣднихъ Луканъ, Квинтіанъ и Сенеціонъ долго не признавались: затѣмъ подкупленные обѣщаніемъ безнаказанности и чтобы заслужить прощеніе за позднее признаніе, Луканъ назвалъ свою мать Ацилію, Квинтіанъ—Глитія Галла, Сенеціонъ—Аннія Полліона, каждый—своихъ лучшихъ друзей“ [1]). Но и послѣ этой гнусности они не переставали выдавать одного за другимъ [2]). Не лучше велъ себя Феній Руфъ: въ напрасной надеждѣ, что ему удастся скрыть свое участіе въ заговорѣ, онъ велъ допросы съ особенной строгостью [3]). И Пизонъ не оказался на высотѣ положенія: вмѣсто того, чтобы дать сигналъ къ движенію, когда слѣдствіе еще не обнаружило всего заговора, онъ заперся въ своемъ домѣ и ждалъ приказанія умереть. Завѣщаніе его было полно лести по адресу Нерона: онъ желалъ спасти свое состояніе для жены [4]). Изъ лицъ съ крупнымъ положеніемъ одинъ только Латеранъ и Сенека сумѣли умереть съ достоинствомъ [5]).

Крупнѣйшій заговоръ, когда-либо затѣянный римской аристократіей противъ Цезарей, былъ потушенъ въ крови; страстныя рѣчи Лукана о свободѣ и о Катонѣ и Брутѣ оказались риторическими упражненіями увлекшагося личной обидой юноши. Самая рѣшительная оппозиція, которую Цезари встрѣтили—на словахъ—начиная съ первыхъ лѣтъ Августа, оказалась совершенно несостоятельной. Единственное, къ чему римское общество оказалось способнымъ, это была пассивная оппозиція. Съ этой стороны власти при малѣйшей

[1]) Ann. 15, 56, см. Suet. v. Luc.: verum detecta coniuratione nequaquam parem animi constantiam praestitit. Facile enim confessus et ad humillimas devolutus preces matrem quoque innoxiam inter socios nominavit sperans impietatem sibi apud parricidam principem profuturam.

[2]) Ann. 15, 57.

[3]) Ann. 15, 58. 66.

[4]) Ann. 15, 59.

[5]) Ann. 15, 60 о Латеранѣ. О Сенекѣ 15, 60—4. См. впрочемъ о Луканѣ, Сенеціонѣ, Квинтіанѣ и Сцевинѣ ib. 15, 70.

бдительности съ ея стороны не грозила никакая опасность. Неронъ палъ и съ нимъ закончился чисто деспотическій періодъ принципата не вслѣдствіе возстанія наиболѣе пострадавшаго общества города Рима, а вслѣдствіе возстанія провинціала изъ галльскаго царскаго рода, Юлія Виндекса.

Гражданскія войны погубили всѣхъ энергичныхъ защитниковъ стараго порядка. Эпоха Августа и Тиберія при всемъ благоустройствѣ имперіи не могла содѣйствовать появленію сильныхъ и рѣшительныхъ характеровъ: это было время негодныхъ шалостей (nequitia Овидія) [1]), а не сознательнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Эпоха террора окончательно надломила нравственныя силы римскаго общества: теоріи Сенеки и Θразеи, съ одной стороны, пизоновскій заговоръ, съ другой, явились яркимъ выраженіемъ внутренняго упадка имперской интеллигенціи.

Римская аристократія сходитъ со сцены: вершителемъ судебъ государства становится войско, и скоро выяснилось, что принцепсъ можетъ быть провозглашенъ и внѣ Рима.

БИБЛІОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АКАДЕМІИ

[1]) См. выше стр. 355.